

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ
И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

ACTUAL PROBLEMS OF LINGUISTICS
AND LITERARY STUDIES

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation
National Research Tomsk State University
Faculty of Philology

ACTUAL PROBLEMS OF LINGUISTICS AND LITERARY STUDIES

Proceedings of VI (XX) International Conference
of Young Scientists

Tomsk, April 18–19, 2019

Issue 20

Edited by PhD E.O. Tretyakov

Scientific & Technical Translations
 STT
PUBLISHING
Tomsk 2020

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Национальный исследовательский Томский государственный университет
Филологический факультет

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Сборник материалов VI (XX) Международной конференции
молодых ученых

г. Томск, 18–19 апреля 2019 г.

Выпуск 20

Под редакцией канд. филол. наук Е.О. Третьякова

Scientific & Technical Translations

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Томск 2020

УДК 81'1(082)
ББК 81
А 43

Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения : сборник материалов VI (XX) Международной конференции молодых ученых (г. Томск, 18–19 апреля 2019 г.) / под ред. Е.О. Третьякова. – Томск : STT, 2020. – 384 с.

ISBN 978-5-93629-642-0

В сборнике представлены результаты научных исследований студентов, аспирантов, молодых ученых и преподавателей. Работы отражают многообразие актуальных проблем лингвистики и литературоведения, теории перевода и издательского дела.

Для преподавателей вузов, учителей русского языка и литературы, студентов гуманитарных специальностей.

УДК 81'1(082)
ББК 81

ISBN 978-5-93629-642-0

© ФГАОУ ВО "Национальный исследовательский Томский государственный университет", 2020.

СОДЕРЖАНИЕ

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ МЕТАФОРИЗАЦИИ ОБРАЗОВ ТЕПЛОВОЙ ОБРАБОТКИ ПИЩИ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ <i>Авраменко О.В.</i>	14
ВЛИЯНИЕ ИЗМЕНЕНИЙ ФРЕЙМОВОЙ СТРУКТУРЫ ТЕКСТА НА СИЛУ КОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА <i>Былина А.С.</i>	17
КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РУССКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ ПРЕФИКСОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАГОЛОВ С ПРИСТАВКОЙ ПРЕД-) <i>Вострова Ю.А.</i>	19
ЦЕННОСТНЫЕ КОНЦЕПТЫ «ЛИДЕРСТВО» И «ГАРМОНИЯ» В РОССИЙСКОЙ И КИТАЙСКОЙ НЕФТЕГАЗОВОЙ КОРПОРАТИВНОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ САЙТОВ «РОСНЕФТЬ» И «СНРС») <i>Короткина Е.С.</i>	22
СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА СВОБОДА В ПРОТОКОЛЕ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ КАК НЕЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ ПРАВОВОМ ДОКУМЕНТЕ <i>Наземцева М.А.</i>	24
МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ В РЕЧЕВОМ ЖАНРЕ РЕСТОРАННОЙ КРИТИКИ <i>Ромазанова У.В.</i>	27
КОНЦЕПТ «ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ» В ДИСКУРСЕ СМИ (НА МАТЕРИАЛЕ РОССИЙСКИХ СМИ 2013–2015 ГГ.) <i>Рябова Т.С.</i>	29
СКВОЗНЫЕ МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ КНИГ М.Е. ЛИТВАКА «ЧЕТЫРЕ ВИДА ЛЮБВИ», 2015 Г., «ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ АЙКИДО: УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ», 2006 Г.) <i>Тюркина А.А.</i>	32

РУССКАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В АСПЕКТЕ МЕТАФОРИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ <i>Цуканова Е.В.</i>	34
ОБРАЗНЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ И ФРАЗЕО- ЛОГИЧЕСКИЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «ЛУНА» В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА РОМАНА М. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА» <i>Чжу Чжисюе</i>	37
МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ В ПОЛИКОДОВЫХ ТЕКСТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ФОТОГРАФИИ ВОДЫ) <i>Шервуд Е.Е.</i>	40

КОММУНИКАТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

СПОСОБЫ НОМИНАЦИИ ЖИВОГО ЧЕЛОВЕКА В СУДЕБНОЙ МЕДИЦИНЕ <i>Владимирова С.Б.</i>	44
АВТОКОММУНИКАЦИЯ КАК СПОСОБ ОРГАНИЗАЦИИ ДИСКУРСИВНОЙ ПРАКТИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРНЕТ- ДНЕВНИКОВ) <i>Галкина Н.Е.</i>	46
ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЖАНРА «СТАНДАРТ» (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ИНЖЕНЕРНОГО ДИСКУРСА) <i>Куркан Н.В.</i>	48
КОМПОЗИЦИЯ КИНОАНОНСА В ИНТЕРНЕТ- СРЕДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНОНСОВ К ИНДИЙСКИМ ФИЛЬМАМ) <i>Хемка Ананд Кумар</i>	51
ЯЗЫКОВОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ОБРАЗА ПОВСЕДНЕВНОСТИ В ЖАНРЕ ВИДЕО «ВАЙН» <i>Мордвинова П.А.</i>	53
ОТРАЖЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ И НОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ТЕКСТАХ ГИМНОВ СОВРЕМЕННЫХ МОНАРХИЙ <i>Ощепкова Л.А.</i>	55

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СЕМАНТИКИ НЕУВЕРЕННОСТИ В ДИАЛЕКТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ЧАСТИЦ) <i>Пашина Л.Д.</i> 58	МЕТАЯЗЫКОВАЯ РЕФЛЕКСИЯ В РЕЧИ РУССКО- ТЮРКСКИХ БИЛИНГВОВ <i>Рыжова О.В.</i> 90
ЛЕКСЕМА «ХЕЙТИНГ» В ИНТЕРНЕТ- КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ШКОЛЬНОГО СООБЩЕСТВА В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ) <i>Печенегова А.Л.</i> 60	КОМПЬЮТЕРНАЯ ЛИНГВИСТИКА
К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЮМОРА В ИНТЕРНЕТ-ШОУ «АТОР THE FOURTH WALL» <i>Сизёмова М.А.</i> 62	РАЗРАБОТКА ФОРМАЛЬНЫХ ГРАММАТИК ПО ИЗВЛЕЧЕНИЮ ФАКТОВ ИЗ НОВОСТНЫХ ТЕКСТОВ <i>Былина А.С.</i> 94
ПРИНЦИПЫ РЕАЛИЗАЦИЯ КОММЕНТАРИЯ, ЗАДАННЫЕ ХАРАКТЕРОМ ИСХОДНОГО ПОСТА, В КОРПОРАТИВНОМ СУБДИСКУРСЕ СОЦСЕТИ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ <i>Стародубцева А.В.</i> 64	ГЕНЕРАЦИЯ ЗАГОЛОВКОВ С ПОМОЩЬЮ МНОГОУРОВНЕВОЙ SEQ2SEQ МОДЕЛИ <i>Здоровец А.И.</i> 96
НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ИНЖЕНЕРОВ (НА МАТЕРИАЛЕ СООБЩЕНИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРНЕТ-ФОРУМОВ) <i>Фадеева Н.В.</i> 66	ТЕХНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗМЕТКИ БИМОДАЛЬНОГО КОРПУСА <i>Погодаева Е.Н.</i> 98
СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ЭВФЕМИЗМОВ (НА ПРИМЕРЕ YOUTUBE-КАНАЛА Ю.А. ДУДЯ) <i>Фараджаева Р.</i> 68	АВТОМАТИЧЕСКАЯ ГЕНЕРАЦИИ НОВОСТНЫХ ЗАГОЛОВКОВ С ПРИМЕНЕНИЕМ НЕЙРОННОЙ СЕТИ ENCODER-DECODER <i>Шевчук А.А.</i> 100
ТЕКСТ ПРОТОКОЛА В ДИСКУРСИВНОМ АСПЕКТЕ <i>Черныш О.А.</i> 70	НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА В ЯЗЫКЕ И ТЕКСТЕ
РЕЧЕВОЙ ЖАНР ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ ОЦЕНКИ В ДИАЛЕКТЕ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ <i>Шестакова И.И.</i> 73	РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ А. АХМАТОВОЙ ПО МАТЕРИАЛАМ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ НАТАЛИИ ИЛЬИНОЙ <i>Буглова А.В.</i> 104
СТРАТЕГИЯ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ В ИНТЕРВЬЮ ДМИТРИЯ НАГИЕВА КАК ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ <i>Яковлева Д.Д.</i> 75	ПОВЕРХНОСТНАЯ И ГЛУБИННАЯ СЕМАНТИКА ПОСЛОВИЦЫ КАК УРОВНИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КОДОВОГО ЗНАЧЕНИЯ СОМАТИЗМОВ <i>Ван Хуа</i> 106
КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ДИАЛЕКТНОГО СЛОВА <i>Зюзькова Н.А.</i> 77	ЛЕНЬ КАК МАТЬ ВСЕХ ГРЕХОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВАРЕЙ) <i>Галасюк М.А.</i> 109
ПРИКЛАДНАЯ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА	ЯКУТСКИЕ НОМИНАЦИИ МОЛОЧНЫХ ПРОДУКТОВ: ЛИНГВО- КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ <i>Данилов И.А.</i> 111
ВЛИЯНИЕ БИЛИНГВИЗМА НА ОЦЕНКУ ЭМОЦИОНАЛЬНОСТИ СЛОВ (ТЮРКСКО- РУССКИЙ БИЛИНГВИЗМ) <i>Васильева А.В.</i> 80	ОБРАЗ ДЕРЕВА В РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ <i>Лам Нгок Шон</i> 113
ВЛИЯНИЕ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ СЛОВА НА ПАТТЕРНЫ ДВИЖЕНИЯ ГЛАЗ ВО ВРЕМЯ ЧТЕНИЯ ТЕКСТОВ РУССКОГО ЯЗЫКА <i>Гнетов Д.К.</i> 83	ФОЛЬКЛОРНЫЕ СЮЖЕТЫ КАК ИСТОЧНИК МЕТАФОРИЧЕСКИХ НАИМЕНОВАНИЙ РАСТЕНИЙ <i>Разина А.С.</i> 115
ОЦЕНКА РАЗМЕРА ДЕРИВАЦИОННОЙ СЕМЬИ СЛОВА И ЕГО РОЛИ В ЗАДАЧЕ НА ЛЕКСИЧЕСКУЮ КАТЕГОРИЗАЦИЮ <i>Гнетов Д.К.</i> 85	ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ «ВЬЕТНАМСКИЙ» В СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ: ТРАНСЛЯЦИЯ КУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ <i>Уонг Минь Туан</i> 118
АППЛИКАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ОНЛАЙН- ЛЕКСИКОГРАФИИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ <i>Павленко А.Н.</i> 87	ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ «ГОРЕ ОТ УМА» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ МЕДИАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ <i>Ялова К.</i> 120

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ, СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ И КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ	МЕТОДИКА РАБОТЫ С ПОЭТИЧЕСКИМИ ТЕКСТАМИ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ НА ЗАНЯТИЯХ РКИ (ПЕРЦЕПТИВНЫЙ АСПЕКТ) <i>Белоусова А.А.</i> 150
КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ СЕМАНТИКИ ЛИШЕНИЯ ЖИЗНИ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ <i>Алиев Т.В.</i> 124	ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ОБОЗНАЧЕНИЯ ЦВЕТА И СВЕТА АСПЕКТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ В. СЕРОШЕВСКОГО «УАН-МИН-ТСЭ») <i>Ван Цзяян</i> 152
ОСОБЕННОСТИ РУССКИХ И НЕМЕЦКИХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ КАЧЕСТВЕННОЙ ХАРАКТЕРИЗАЦИИ С СЕМАНТИЧЕСКИМ ДУБЛЕТОМ «ЧЕЛОВЕК / MENSCH» В СОСТАВЕ СКАЗУЕМОГО <i>Бакайтис И.И.</i> 126	КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ РАДИОТЕКСТ В ОБУЧЕНИИ АУДИРОВАНИЮ НА УРОКАХ РКИ <i>Гордиенко И.А.</i> 154
НОВЕЙШИЕ НЕОЛОГИЗМЫ В НЕМЕЦКОЙ ПРЕССЕ И СПОСОБЫ ИХ ОБРАЗОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВАРЯ НЕОЛОГИЗМОВ 10-Х ГОДОВ XXI ВЕКА СИСТЕМЫ OWID) <i>Голикова К.С.</i> 129	КАРТИНА В.Е. МАКОВСКОГО «ЛИТЕРАТУРНОЕ ЧТЕНИЕ» КАК МАТЕРИАЛ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ТЕМЫ «РУССКОЕ ДВОРЯНСТВО» В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ <i>Дай Цзинхао</i> 156
ПРИНЦИПЫ ПЕРЕВОДА РУССКОГО ГЛАГОЛА НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА А.П. ЧЕХОВА «ЧЕЛОВЕК В ФУТЛЯРЕ» И ЕГО ПЕРЕВОДА НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК) <i>Дурицкая К.Н.</i> 131	ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ НА УРОКАХ РКИ <i>Ле Ван Хоа</i> 158
ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МОТИВАЦИИ «СВОЕГО» В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ <i>Зырянов М.С.</i> 133	АДАПТАЦИЯ ТЕКСТОВ ХУДОЖЕСТВЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ЖАНРОВ ДЛЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ-ЖУРНАЛИСТОВ В РАМКАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО КУРСА <i>Леушкина А.А.</i> 160
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ ОТРАСЛИ «ОБЕССЕРИВАНИЕ НЕФТЕЙ И НЕФТЕПРОДУКТОВ» В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ <i>Краевская И.О.</i> 136	ПРИРОДА В РАССКАЗЕ К.Г. ПАУСТОВСКОГО «СКРИПУЧИЕ ПОЛОВИЦЫ» <i>Ли Юе</i> 162
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С СЕМАНТИКОЙ НАМЕКА В РУССКОЙ И ВЬЕТНАМСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ <i>Нгуен Бик Нгок</i> 139	ИЗУЧЕНИЕ НАРОДНОГО ТИПА РУССКОГО ЯЗЫКА В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ <i>Лю Си</i> 164
ПРИНЦИПЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА В ЭЛЕКТРОННОМ ПОЛИЯЗЫЧНОМ СЛОВАРЕ МЕТАФОР <i>Панышева Д.А.</i> 141	ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАНЦЕВ СОЗДАНИЮ ТЕКСТА-ПОВЕСТВОВАНИЯ НА ИСКУССТВОВЕДЧЕСКОМ МАТЕРИАЛЕ <i>Лю Цзинцзин</i> 166
МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА) <i>Терентьева В.Е.</i> 143	МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ ПОЛИСЕМИЯ КАК ИСТОЧНИК СЛОВАЦКО-РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ <i>Мадей Е.Д.</i> 168
КИТАЙСКИЙ ТРАВЕЛОГ КАК РЕЧЕВОЙ ЖАНР: ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ <i>Цянь Ту</i> 145	ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЕ МЕДИАТЕКСТЫ НА ЗАНЯТИЯХ ПО АУДИРОВАНИЮ НА СРЕДНЕМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ РКИ <i>Мао Ю., Рокита М.</i> 171
РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ИНОСТРАННЫЙ И МЕТОДИКА ЕГО ПРЕПОДАВАНИЯ	СВЯЗЬ ЗАГАДКИ С ДРУГИМИ ЖАНРАМИ ФОЛЬКЛОРА В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО <i>Му Юйси</i> 173
СВОЙСТВО ОБРАЗНОСТИ СЛОВ В ПРЕПОДАВАНИИ РКИ КАК ЯЗЫКА СПЕЦИАЛЬНОСТИ (ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЙ ПРОФИЛЬ) <i>Бай Чуанцзюнь</i> 148	ТРУДНОСТИ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ КИРГИЗСКИХ СТУДЕНТОВ <i>Рысалиева Б.А.</i> 175
	ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В ОБУЧЕНИИ РКИ <i>Туманова Д.А.</i> 177

ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ЗООНИМОВ В РУССКОЙ И ВЬЕТНАМСКОЙ ПОДСИСТЕМАХ ЯЗЫКА <i>Фан Д.Х.</i> 179	ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЛОВА И ИЗОБРАЖЕНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ С АВТОРСКИМИ ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ У. БЛЕЙКА) <i>Пащенко М.М.</i> 215
КАРТИНА В.И. СУРИКОВА «БОЯРЫНЯ МОРОЗОВА» КАК МАТЕРИАЛ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ ИСТОРИИ XVII В. <i>Хуай Нань</i> 181	ПРИРОДА И ЖИВОПИСЬ ИТАЛИИ В ТРАВЕЛОГАХ С.П. ШЕВЫРЁВА <i>Пушкарева Ю.Е.</i> 217
РОЛЬ МОТИВИРОВАННОСТИ СЛОВ В ОРГАНИЗАЦИИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ РАБОТЫ ПРИ ОБУЧЕНИИ ЯЗЫКУ СПЕЦИАЛЬНОСТИ <i>Чжао Цзиньхун</i> 183	ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ КОМЕДИИ Н.В. ГОГОЛЯ «РЕВИЗОР» <i>Сафтенко Е.К.</i> 220
ЛЕКСИКА ЗРИТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ К.Г. ПАУСТОВСКОГО «МЕЩЕРСКАЯ СТОРОНА») <i>Юй Цинхэ</i> 185	ОБРАЗ МОРЯ КАК РАЗРУШИТЕЛЬНОЙ СТИХИИ В РАННЕЙ ЛИРИКЕ Ф.И. ТЮТЧЕВА <i>Стасенко О.П.</i> 222
КЛАССИЧЕСКАЯ РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА	ЦВЕТОПИСЬ И ЕЕ ФУНКЦИИ В КОМЕДИИ Н.В. ГОГОЛЯ «РЕВИЗОР» <i>Филиппова Д.К.</i> 224
РОМАНТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ В ОЧЕРКАХ-ПУТЕШЕСТВИЯХ Е.П. КОВАЛЕВСКОГО <i>Александрова Е.В.</i> 190	ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОГРАФИКИ В ПРЕПОДАВАНИИ ЛИТЕРАТУРЫ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ <i>Юсупова Л.И.</i> 226
МОТИВ ПИСАТЕЛЬСТВА В КОМЕДИИ Н.В. ГОГОЛЯ «РЕВИЗОР» <i>Барсукова В.О.</i> 192	РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА
СТРАТЕГИИ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА АНГЛИИ В «ЗИМНИХ ЗАМЕТКАХ О ЛЕТНИХ ВПЕЧАТЛЕНИЯХ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО. <i>Вировец С.В.</i> 194	ОСОБЕННОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ РЕЦЕПЦИИ «РАССКАЗА О СЕМИ ПОВЕШЕННЫХ» Л. АНДРЕЕВА <i>Завертяева М.О.</i> 230
НОВЫЕ СТРАНИЦЫ ПЕРЕПИСКИ В.А. ЖУКОВСКОГО И А.П. ЕЛАГИНОЙ <i>Жилякова Э.М., Волков И.О.</i> 197	ХРОНОТОП ДНЕВНИКА В РОМАНЕ Л. АНДРЕЕВА «ДНЕВНИК САТАНЫ» <i>Колмакова О.А.</i> 232
МУЗЫКАЛЬНЫЙ ОБРАЗ МИРА КОМЕДИИ А.С. ГРИБОЕДОВА «ГОРЕ ОТ УМА» В ПОСТАНОВКЕ О.МЕНЬШИКОВА <i>Калашникова Т.Г.</i> 200	ЧЕРТЫ ПОЭТИКИ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ПРОЗЕ И.С. ШМЕЛЁВА <i>Колосовская Л.В.</i> 234
РОЛЬ ЖИВОПИСНОЙ АЛЛЮЗИИ В ПОЭТИКЕ РОМАНА «ОБРЫВ» И А. ГОНЧАРОВА: ПОРТРЕТ ВЕРЫ <i>Киреева К.Г.</i> 202	ТЕМА ВОСКРЕСЕНИЯ В РОМАНАХ ИВАНА ШМЕЛЁВА «СОЛНЦЕ МЕРТВЫХ» И «ЛЕТО ГОСПОДНЕ» <i>Корнеев А.В.</i> 236
ПИСЬМА Н.М. КАРАМЗИНА К В.А. ЖУКОВСКОМУ: ОБЗОРНЫЙ КОММЕНТАРИЙ <i>Кожевникова А.Г.</i> 204	МОТИВ ТИШИНЫ В КНИГЕ СТИХОВ БОРИСА ПОПЛАВСКОГО «СНЕЖНЫЙ ЧАС» <i>Маматов Г.М.</i> 238
БЫТОВАНИЕ ЖАНРОВ НОВОГОДНЕЙ СЛОВЕСНОСТИ В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ XIX В. <i>Козлова Я.О.</i> 207	КРИЗИС САМОСОЗНАНИЯ РУССКОГО ЭМИГРАНТА В РОМАНЕ Г. ГАЗДАНОВА «НОЧНЫЕ ДОРОГИ» <i>Назаренко И.И.</i> 240
СОПОСТАВЛЕНИЕ ОБРАЗА «МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА» В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОВЕСТИ Н.В. ГОГОЛЯ «ЗАПИСКИ СУМАСШЕДШЕГО» И РАССКАЗА ЛУ СИНЯ «ЗАПИСКИ СУМАСШЕДШЕГО») <i>Кун Линжу</i> 210	ОБРАЗ «РОДНОГО ВРАГА» В ЦИКЛЕ М. ЦВЕТАЕВОЙ «МАЯКОВСКОМУ» <i>Печкова М.М.</i> 242
«НЕЗАМЕЧЕННОЕ ПОКОЛЕНИЕ» РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ И «РУССКИЕ МАЛЬЧИКИ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО <i>Павлова Д.А.</i> 212	ОБРАЗ ИУДЫ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПЕРЕВОДАХ ПОВЕСТИ Л. АНДРЕЕВА «ИУДА ИСКАРИОТ» <i>Филипчук С.В.</i> 244
	РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА
	ОСОБЕННОСТИ ХРОНОТОПА МИФОЛОГИИ ЕГОРА ЛЕТОВА <i>Андрушкевич А.Г.</i> 248

ОБРАЗ ВРЕМЕНИ В СТИХОТВОРЕНИИ Т. КИБИРОВА «ЛЮБОВЬ, КОМСОМОЛ И ВЕСНА» <i>Бойцова А.В.</i> 250	СУДЕБНО-УЗНИЧЕСКАЯ ТЕМА В ПЕРЕВОДАХ М.Ш. ИЗ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА СТРАНИЦАХ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ПЕРИОДИКИ СИБИРИ <i>Афанасьева К.О.</i> 280
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ДЕТАЛЬ И ЕЕ ФУНКЦИЯ В РАССКАЗЕ Ю. ТРИФОНОВА «ПУТЕШЕСТВИЕ» <i>Гендрин П.А.</i> 252	РЕЦЕПЦИЯ СКАНДИНАВСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ В СИБИРСКОЙ ПЕРИОДИКЕ <i>Бауэр Е.С.</i> 282
ОБРАЗ ДЕТСКОГО СОЗНАНИЯ В РАССКАЗАХ В.П. АКСЕНОВА «МАЛЕНЬКИЙ КИТ, ЛАКИРОВЩИК ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ» И Ф.Н. ГОРЕНШТЕЙНА «ДОМ С БАШЕНКОЙ» <i>Гутова К.А.</i> 254	ГЕНРИК СЕНКЕВИЧ НА СТРАНИЦАХ ТОМСКОЙ ПЕРИОДИКИ 1890–1910-Х ГОДОВ <i>Беккерман А.И.</i> 284
СПОСОБЫ РЕЧЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ В ПЬЕСЕ Н. САДУР «ЧУДНАЯ БАБА» <i>Красноухова Ю.С.</i> 256	СПЕЦИФИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ФАНТАСТИЧЕСКОГО ДОПУЩЕНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Р.Д. БРЭДБЕРИ И А.Н. И Б.Н. СТРУГАЦКИХ <i>Бурцев Г.В.</i> 286
МОТИВ ВОЗВРАЩЕНИЯ В ПОВЕСТИ В. МАКАНИНА «ГДЕ СХОДИЛОСЬ НЕБО С ХОЛМАМИ» <i>Малькова А.В.</i> 258	ОБРАЗ ЛУКИ В ДРАМЕ М. ГОРЬКОГО «НА ДНЕ» КАК ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА <i>Бутусова Ю.А.</i> 289
К ПРОБЛЕМЕ ЕВРАЗИЙСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПОЭТОВ ПАВЛОДАРСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ <i>Новосёлова Е.А.</i> 261	«И МАЛЬЧИКИ КРОВАВЫЕ В ГЛАЗАХ...»: ТРАГЕДИЯ А.С. ПУШКИНА «БОРИС ГОДУНОВ» И ТРАГЕДИЯ У. ШЕКСПИРА «ТИТ АНДРОНИК» <i>Генералова Е.П.</i> 291
ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЙ ДИСКУРС В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПЕРЕВОДЕ СБОРНИКА РАССКАЗОВ «ЧЕМОДАН» С. ДОВЛАТОВА <i>Филиппова Е.А.</i> 263	ИОАХИМ РИНГЕЛНАЦ И МИХАИЛ БАХТИН: ЭЛЕМЕНТЫ КАРНАВАЛИЗАЦИИ В ИЗБРАННЫХ СТИХОТВОРЕНИЯХ <i>Дулеба М.</i> 293
МОТИВ СУДЬБЫ В ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ РАССКАЗА Л.С. ПЕТРУШЕВСКОЙ «БОГИНЯ ПАРКА» <i>Шемякина М.</i> 265	ИСТОРИЯ ПЕРЕВОДОВ РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ» НА ИТАЛЬЯНСКИЙ ЯЗЫК <i>Косырькова А.В.</i> 295
СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА	ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ПРИ ПЕРЕДАЧЕ СОВЕТСКИХ РЕАЛИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА В. ПЕЛЕВИНА «ДЕНЬ БУЛЬДОЗЕРИСТА») <i>Кузнецова П.Е.</i> 297
ГРАФИЧЕСКОЕ ОФОРМЛЕНИЕ РОМАНА В. ПЕЛЕВИНА «ШЛЕМ УЖАСА, ИЛИ КРЕАТИФ О МИНОТАВРЕ» <i>Баракина Е.А.</i> 268	АНГЛИЙСКИЕ СОЧИНЕНИЯ И АВТОПЕРЕВОДЫ Г.Д. ГРЕБЕНЩИКОВА: ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА ПИСАТЕЛЯ <i>Масяйкина Е.В.</i> 299
НОВЕЛЛА «ПОСМЕРТНЫЕ ЗАПИСКИ ТРИСТРАМ-КЛУБА (THE INEVITABILITY OF THE UNWRITTEN)» В РОМАНЕ А. БИТОВА «ПРЕПОДАВАТЕЛЬ СИММЕТРИИ» <i>Буханова Е.Д.</i> 270	КОНЦЕПТ «ВНУТРЕННЯЯ ЖИЗНЬ» В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» И ЕГО ПЕРЕВОДАХ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК <i>Мельник Д.С.</i> 302
РЕАЛЬНОСТЬ КАК ОБРАЗ В СОЗНАНИИ НАРРАТОРА В ЦИКЛЕ В. ОТРОШЕНКО «ПЕРСОНА ВНЕ ДОСТОВЕРНОСТИ» <i>Медведев И.А.</i> 272	ГОРОДСКИЕ ТОПОСЫ КАК ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА: ОБРАЗЫ ТОМСКА В РАССКАЗЕ В. КОЛУПАЕВА «ГАЗЕТНЫЙ КИОСК» И ЕГО ПЕРЕВОДАХ <i>Морозова И.В.</i> 304
ПРОБЛЕМА ГЕРОЯ В ПОВЕСТИ Б. ХАНОВА «ДИСТИМИЯ» <i>Рябцева В.С.</i> 274	ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ЗАГЛАВИЯ КОМЕДИИ А.С. ГРИБОЕДОВА «ГОРЕ ОТ УМА» ПРИ ПЕРЕВОДЕ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК <i>Подгорный И.А.</i> 306
РУССКО-ЕВРОПЕЙСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД	ПОЭМА А.С. ПУШКИНА «РУСЛАН И ЛЮДМИЛА» НА СТРАНИЦАХ ФРАНЦУЗСКОЙ «АНТОЛОГИИ РУССКОЙ ПОЭЗИИ» <i>Рудикова Ю.Ю.</i> 309
ОБРАЗ ЯПОНИИ В ЛИТЕРАТУРНОЙ ПЕРИОДИКЕ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ СИБИРИ <i>Абдуваили М.</i> 278	

СТЕНДАП В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА <i>Сердюк А.М.</i> 311	КАТАЛОГ ПРИЖИЗНЕННЫХ ИЗДАНИЙ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО ИЗ ФОНДОВ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА: ОСОБЕННОСТИ ПЕЧАТНОГО И ЭЛЕКТРОННОГО ИЗДАНИЯ <i>Кравченко Е.А.</i> 346
НЕМЕЦКАЯ ПОЭЗИЯ В «СИБИРСКОЙ ЖИЗНИ»: ШТЕФАН ГЕОРГЕ В ПЕРЕВОДЕ ИОСИФА ИВАНОВА <i>Серягина Ю.С.</i> 313	СВОЕОБРАЗИЕ ТЕКСТОВОГО И МУЛЬТИ- МЕДИЙНОГО КОНТЕНТА САЙТА НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ (НА ПРИМЕРЕ САЙТА НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ ТГУ) <i>Куркудюк А.А.</i> 348
«ГЛАЗА» С. ПРЮДОМА В ПЕРЕВОДЕ Г.А. ВЯТКИНА <i>Синицина М.С.</i> 316	МОДЕЛЬ ВУЗОВСКОГО НАУЧНОГО ЖУРНАЛА НА ПРИМЕРЕ ИЗДАНИЯ «ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ФИЛОЛОГИЯ» <i>Лелююр А.И.</i> 350
РЕЦЕПЦИЯ МАРКА ТВЕНА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ПЕРИОДИКЕ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ <i>Станиславчик А.О.</i> 318	РЕДАКТОРЫ ДЛЯ СОЗДАНИЯ ИНТЕРАКТИВНОЙ КНИГИ КАК ИНСТРУМЕНТ ДЛЯ САМОПУБЛИКАЦИИ <i>Макаров К.В.</i> 353
«GALLERIE ZU SHAKSPEARE'S VON MORITZ RETZSCH» («ГРАВЮРЫ К ШЕКПИРУ МОРИТЦА РЕТЧА») – ИНТЕРМЕДИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ (ИЗ ЛИЧНОЙ КОЛЛЕКЦИИ ГРАФОВ СТРОГАНОВЫХ В НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ НИ ТГУ) <i>Урядова М.П.</i> 321	СПЕЦИФИКА ТОМСКОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ЦЕНЗУРЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИЗДАНИЙ «СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ» И «СИБИРСКИЕ ОТГОЛОСКИ») <i>Могилатова М.В.</i> 355
В.В. МАЯКОВСКИЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ И НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ 1990–2010-Х ГГ.: ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ <i>Хило Е.С.</i> 323	ОЦИФРОВКА КОНВОЛЮТОВ КАК ОДИН ИЗ АСПЕКТОВ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ АРХИВНЫХ ФОНДОВ НБ ТГУ) <i>Писарева Н.В.</i> 357
ОЛЬФАКТОРНЫЕ ОБРАЗЫ В РАССКАЗАХ А.П. ЧЕХОВА И ИХ ПЕРЕВОДАХ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК <i>Черткова В.В.</i> 326	МЕТОДИКА СОЗДАНИЯ СРЕДНЕСРОЧНОГО ПРОГНОЗА В ОБЛАСТИ ДЕТСКОГО НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОГО КНИГОИЗДАНИЯ: ПРОБЛЕМА ВЫБОРА МЕТОДА <i>Подлевская С.А.</i> 359
СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СКАЗКИ К. КОЛЛОДИ «ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПИНОККИО» И ЕЕ ПЕРЕВОДА Э.Г. КАЗАКЕВИЧЕМ <i>Эфендиева Н.Р.</i> 329	ПРИНЦИПЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОГРАФИКИ В ИЗДАНИЯХ ПО БИОГРАФИИ (НА МАТЕРИАЛЕ «БИОГРАФИЯ В ИНФОГРАФИКЕ. ВАН ГОГ») <i>Пожидаева В.В.</i> 361
ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ДЕЛО И РЕДАКТИРОВАНИЕ	МУЛЬТИМЕДИЙНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА КАК КОНТЕНТ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПЛАТФОРМЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ <i>Полещук М.С.</i> 363
«ВОТ-ВОТ ВОЙДЕТ В SCOPUS»: КОНТЕНТ-АНАЛИЗ НАУЧНЫХ ЭЛЕКТРОННЫХ ЖУРНАЛОВ <i>Березовская А.А.</i> 334	ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В АСПЕКТЕ СОВРЕМЕННЫХ ИЗДАТЕЛЬСКИХ СТРАТЕГИЙ: ФЕНОМЕН СЕРИЙНОСТИ <i>Радионова А.В.</i> 365
ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ИНДУСТРИИ МОДЫ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ИЗДАТЕЛЬСКИХ ПРАКТИКАХ <i>Бут Д.А.</i> 336	«ЭТА КНИГА БУДЕТ ИНТЕРЕСНА ТОМУ ЧИТАТЕЛЮ, КОТОРЫЙ...»: ТИПЫ ЧИТАТЕЛЕЙ В РЕЦЕНЗИЯХ Г.Л. ЮЗЕФОВИЧ <i>Русскина А.Д.</i> 367
«НЕДЕТСКИЕ» ТЕМЫ В РЕПЕРТУАРЕ СОВРЕМЕННЫХ ДЕТСКИХ ИЗДАТЕЛЬСТВ <i>Гребенкина О.А.</i> 338	ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВИММЕЛЬБУХА КАК НОВОГО ТИПА РАЗВИВАЮЩЕГО ИЗДАНИЯ <i>Стаканова Т.К.</i> 369
ХУДОЖЕСТВЕННОЕ И ШРИФТОВОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ ИЗДАНИЙ <i>Довиденко Н.С.</i> 340	ПРОБЛЕМА ПРИМЕНЕНИЯ ГЕЙМИФИКАЦИИ В МЕДИАИЗДАНИЯХ <i>Стасюлевич В.А.</i> 371
ПРИРОДА БУКТРЕЙЛЕРА КАК МУЛЬТИ- МЕДИЙНОГО ПРОДУКТА <i>Козлова Т.Н.</i> 342	
СОВРЕМЕННЫЕ ИЗДАНИЯ ЯНГ-ЭДАЛТ ЛИТЕРАТУРЫ: ОСОБЕННОСТИ ЦЕЛЕВОЙ АУДИТОРИИ <i>Костышина А.Е.</i> 344	

СВОЕОБРАЗИЕ РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ПОДГОТОВКИ ИЛЛЮСТРИРОВАННОГО КНИЖНОГО КАТАЛОГА НАУЧНО- ПОПУЛЯРНОГО ТИПА (НА МАТЕРИАЛЕ БИБЛИОТЕКИ Ф.З. КАНУНОВОЙ) <i>Сулова Д.Ю.</i> 373	ОПРЕДЕЛЕНИЕ КРИТЕРИЕВ ОЦЕНКИ ИННОВАЦИЙ В СОВРЕМЕННОМ ИЗДАТЕЛЬСКОМ ДЕЛЕ <i>Щербинина А.А.</i> 379
ПРАКТИКА ОЦИФРОВКИ ГАЗЕТНОЙ ПЕРИОДИКИ В НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ ТГУ <i>Тарасова М.В.</i> 375	<i>Авторский указатель</i> 381
ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА: ПРОБЛЕМА ТИПОЛОГИИ <i>Терпигорьева Е.С.</i> 377	<i>Summary</i> 283

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ МЕТАФОРИЗАЦИИ ОБРАЗОВ ТЕПЛОЙ ОБРАБОТКИ ПИЩИ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Авраменко О.В.

Томский государственный университет, мл. науч. сотр.

THE UNIVERSAL METAPHORIZATION ASPECTS OF FOOD HEAT TREATMENT IMAGES IN RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES

Avramenko O.V.

Tomsk State University, junior research assistant

Рассматриваются универсальные модели концептуализации окружающей действительности и внутреннего мира человека в терминах тепловой обработки пищи. Анализируется материал, представленный образными словами и выражениями, метафорически мотивированными глаголами варить/cook, жарить/fry, печь/bake; изучаются их речевые употребления в русских и английских художественных и публицистических текстах.

Ключевые слова: гастрономическая метафора, образная лексика, языковая картина мира.

The universal conceptualization models of social reality and human inner world in food heat treatment terms are considered. The material presented by figurative words and expressions metaphorically motivated by the verbs *varit'*/to cook, *zharit'*/to fry, *pech'*/to bake is analyzed; their speech use in Russian and English literary and publicistic texts is studied.

Key words: gastronomic metaphor, figurative lexis, linguistic worldview.

Научный руководитель:
Юрина Елена Андреевна,
докт. филол. наук, профессор.

Целью представленного в публикации исследования является анализ универсальных моделей концептуализации окружающей действительности и внутреннего мира человека посредством аналогии с процессами тепловой обработки продуктов на материале образной лексики и фразеологии русского и английского (Британский и Американский варианты) языков. На ментальном уровне процессы образной аналогии реализуются за счет когнитивной метафоры, под которой, вслед за Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [1], понимается «устойчивая аналогия, основанная на сходстве между нетождественными явлениями различных концептуальных сфер, обеспечивающая осмысление познаваемого феномена из сферы-мишени в “терминах” прототипического феномена из сферы-источника» [2]. Подобный подход представлен в многочисленных работах по метафоре, выполненных в русле когнитивного и семантического подходов (А.Н. Баранов, Р. Гиббс, С. Глаксберг, Н.А. Мишанкина, А.П. Чудинов и др.). В лингвистике последнего десятилетия большое внимание уделяется исследованию гастрономической метафоры (Е.А. Юрина [2], А.В. Балдова, Н.А. Живаго и др.), в том числе в сопоставительном аспекте (Н.Н. Бочегова, Е.В. Кирсанова [3], Н.С. Марушкина и др.).

Семантическая группа «Тепловая обработка пищи» включает образные единицы, мотивированные глаголами *варить*, *жарить* и *печь* в русском языке и *to cook*, *to fry* и *to bake* в английском языке. Необходимо отметить, что семантика английского глагола *to cook* имеет более широкое значение и предполагает все виды обработки продуктов питания или блюд с применением тепла. Источниками словарного и текстового материала послужили ряд фразеологических и толковых словарей, а также контекстные базы Национального корпуса русского языка [4] и Корпуса Глобального английского языка [5].

Методом сплошной выборки из толковых и фразеологических словарей были отобраны все образные единицы, мотивированные глаголами с семантикой теплового приготовления пищи: языковые метафоры *варить* ‘хорошо соображать, ясно мыслить’, *to cook* ‘испортить или сломать’; собственно-образные слова *заваруха* ‘внезапно возникшая сложная, непредсказуемая жизненная или социально-политическая ситуация’, *to sunbake* (букв.: «печься на солнце») ‘загорать, принимать солнечные ванны’; фразеологические единицы *каши не сварить (с кем-л.)* ‘невозможно договориться, нельзя положиться на кого-л.’, *cook (one’s) goose* (букв.: «готовить своего гуся») ‘разрушать свои шансы’. Отобранные образные единицы были систематизированы в мотивационно-образные парадигмы с глагольными вершинами *варить* (42 единицы) / *cook* (12 единиц), *жарить* (33 единицы) / *fry* (3 единицы), *печь* (45 единиц) / *bake* (4 единицы). Стоит отметить, что в английских фразеологических словарях представлено значительно больше метафор и фразеологических единиц, мотивированных глаголами *to cook*, *to fry* и *to bake*, но в корпусе английского языка отсутствуют примеры их дискурсивного функционирования, в связи с этим они не попали в наш анализ. С учетом лексикографически представленного материала количество образных единиц английского языка в составе парадигм выглядело бы следующим образом: *cook* (18 единиц), *fry* (6 единиц), *bake* (4 единицы).

Метафора тепловой обработки пищи составляет один из фреймов метафоризации гастрономической деятельности и, в частности, процессов приготовления пищи. Рассматриваемая сфера-источник во многом имеет универсальный характер для представительной европейской культуры. Варка, жарка и запекание – тепловая обработка пищи – являются традиционными для русской и английской культур и вызывают в сознании носителей языка образные аналогии с фи-

зическими и атмосферными явлениями, мыслительными процессами, профессиональной и социальной деятельностью. Процесс тепловой обработки продукта или блюда проецируется на различные явления из сфер-мишеней «Человек» (интенсивная мыслительная деятельность: *голова варит, варить в себе / cooking in one's mind*; принятие солнечных ванн: *жариться на солнце / to fry in the sun*), «Артефакт» (производство предметов под воздействием тепла: *варить металл / to bake bricks*), «Социум» (подвергаться испытаниям, попадать в беду: *запахло жареным / to be cooked*; фальсифицировать документы: *стряпать документы / cook the books*; находиться в определенных социальных условиях: *вариться в кастрюле/котле*; иметь более важные дела, которые требуют первостепенного решения: *to have bigger fish to fry*), «Натурфакты» (сильная жара, зной: *солнце печет / to sunbake*).

В результате сопоставительного анализа метафорической семантики языковых единиц и примеров их речевого употребления было выявлено 6 универсальных аспектов метафоризации процесса тепловой обработки пищи, свойственных обеим анализируемым лингвокультурам.

1. Процесс тепловой обработки пищи проецируется на обдумывание, интенсивную мыслительную деятельность человека: *варить / to cook* 'тщательно обдумывать что-л., размышлять над решением какого-л. вопроса' — *Он услышал, как батюшка молился «о ниспослании победы православному русскому воинству». Думал об этом, что-то варил в себе* (И. Грекова. Фазан); *So go easy on him and lovingly try to find out what is cooking in his mind [Так что будьте деликатны с ним и попытайтесь с любовью понять, что варится в его голове]* (Parents Magazine — Commitment? No way!).
2. Образ обжаривания продуктов на сковороде метафорически проецируется на воздействие солнечных лучей на тело человека: *жарить* 'обжигать лучами, палить (о солнце)' — *Солнце, находясь привычно высоко над горизонтом, жарило обгорелые плечи («Вокруг света»); to fry* 'загорать под воздействием солнца' — *This product also applies a little greasy which had me concerned that I would fry in the sun. However I did not burn at all! [Этот продукт также образует жировую пленку на коже, и это вызвало у меня опасение, что я зажарюсь на солнце. Однако, я совсем не сгорел!]* (SkinShade (non-nano sunscreen) — Pronounce Skincare).
3. Воздействие высокой температуры на продукты питания в процессе выпекания в печи ассоциативно связывается с тепловым воздействием солнечных лучей на человека и окружающие его предметы в обеих лингвокультурах: *печь* 'сильно греть / нагреть, обдавая жаром, зноем (о солнце)' — *После десяти утра солнце уже пекло вовсю, и я чувствовал, что начинаю изнемогать от жары* («Вокруг света»); *to bake* 'быть или становиться горячим, как под воздействием солнца' — *It's a monster that will grind you to the bone, will turn your quads to jelly, will bake you in the cruel sun or envelope in wintry fog [Это монстр, который сотрет тебя до костей, превратит твои квадрицепсы в желе, запечет тебя под жестоким солнцем или окутает тебя морозным туманом]* (Cycling Routes Near Stanford — nothing too official).
4. В русском языке процесс жарки образно ассоциируется с ситуацией, когда человек находится в трудных, напряженных обстоятельствах: *запахло жареным* 'о крайне напряженной, неблагоприятной для кого-л. ситуации, которая впоследствии может привести к серьезным неприятностям, большим потерям' — *Владимир Гусинский меня не навидел и с удовольствием санкционировал съемку моего ареста в аэропорту. Все ждали грандиозного скандала, запахло жареным...* (А. Тарасов. Миллионер). В английском языке человек, который попал в беду, метафорически оказывается «сваренным»: *be cooked* 'попасть в серьезную беду; быть разрушенным или побежденным' — *I've never been pessimistic about America. Never. I am now. I think this country is done. We are cooked. We just elected an empirically terrible president, solely based on race... America is over [Я никогда не смотрел на Америку с пессимизмом. Никогда. Теперь — да. Я думаю, что с этой страной покончено. Мы сварились. Мы только что выбрали эмпирически ужасного президента, исключительно по расе... с Америкой покончено]* ("Soon America Is Going to Suck for All of Us" | Slog).
5. Изменение качества продукта при его выпекании, в процессе которого образуется твердая корочка, метафорически проецируется на процесс затвердевания каких-либо объектов под воздействием тепла: *запекаться* 'свернуться, загустеть, образуя корочку (о крови)' — *И тут угрюмый, кровь которого еще только запекалась на плечах, недовольно заворчал, что: где, мол, кайф?* (С. Осипов. Страсти по Фоме); *to bake* 'делать или становиться твердым под воздействием тепла' — *No developed countries bake bricks in kilns. Rather they use concrete blocks [Ни одна из развитых стран не запекает кирпичи в печах. Скорее они используют цементные блоки]* (Toxic fumes from brick kilns a threat to health).
6. В английском языке метафора *to cook* выражает устойчивое значение 'поддельвать, фальсифицировать документы' — *IT is generally considered certain death for a shopkeeper to cook the books [ИТ в определенной степени обозначает смерть для владельцев магазинов, которые варят счета]* (A recipe for a long shelf life — Telegraph). В русском языке аналог представляет метафора, основанная на образе формирования кулинарного изделия *стряпать* 'изготавливать поддельные документы' — *Разумеется, доходы сознательно принижались, читатели стряпали фиктивные справки* (М. Елизаров. Библиотекарь). При этом глагол *стряпать* может использоваться в русском языке в прямом расширительном значении 'готовить еду', и в этом смысле сближается по семантике с английским глаголом *to cook*.

Особый интерес представляет исследование национально-специфических и культурно-обусловленных образных средств языка, которые в большей степени представлены фразеологическими единицами, мотивированными глаголами с семантикой тепловой обработки пищи. Например, процесс приготовления блюда в кипящей жидкости образно ассоциируется с активной политической, социальной, финансовой деятельностью человека в английском выражении *What's cooking?* (букв.: Что варится?) 'Что происходит?': *But a proposal by Israel's vice prime minister could bode change on this issue. What's cooking?* [Но предложе-

ние премьер-министра Израиля могло предвещать изменение по этому вопросу. **Что варится?**) (Global Politician – Middle East). В русском языке процесс варки в закрытой посуде метафорически проецируется на жизнь и работу в определенных социальных условиях: *Мы оба варились в такой коммунальной кастрюле* (Л. Зорин. Медный закат).

Наличие универсальных концептуальных оснований метафоризации обуславливается образами, которые лежат в основе указанных метафорических переносов. Так, образ бурлящего, кипящего варева, которое в процессе приготовления превращается в готовое блюдо, выступает метафорическим эталоном для характеристики активных мыслительных процессов, в результате которых информация о фактах, событиях, впечатлениях обдумывается и превращается в готовый продукт мыслительной деятельности. Изменение цвета и текстуры продукта при приготовлении ассоциативно связывается с изменением цвета кожи человека под воздействием солнца и плотности предметов под воздействием тепла. Приготовление блюд ассоциируется с легкой, не требующей особых усилий деятельностью, поэтому ситуация подделки документов описывается как варка в английском языке или стряпня в русском языке. Образы тепловой обработки пищи ассоциативно связываются преимущественно

но с негативным физическим или социальным воздействием на человека или предметы, так как процесс приготовления продуктов и блюд предполагает их частичную или полную трансформацию.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 18-18-00194 «Образная система русского языка в полидискурсивном пространстве современных коммуникаций» (2018–2020 гг.).

Литература

1. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры / под общ. ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журиного. – М. : Прогресс, 1990. – С. 387–415.
2. Юрина Е.А., Живаго Н.А. Метафоризация поглощения пищи в образном строе русского языка // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2015. – № 3(35). – С. 108.
3. Кирсанова Е.М. Прагматика единиц семантического поля «Пища»: системный и функциональный аспекты: на материале русского и английского языков : дис. ... канд. филол. наук. – М., 2009. – 294 с.
4. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL: ruscorpora.ru.
5. Corpus of Global Web-based English [Электронный ресурс]. – URL: corpus.byu.edu/glowbe.

ВЛИЯНИЕ ИЗМЕНЕНИЙ ФРЕЙМОВОЙ СТРУКТУРЫ ТЕКСТА НА СИЛУ КОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА

Былина А.С.

Томский государственный университет, магистрант

INFLUENCE OF THE CHANGES IN THE FRAME STRUCTURE OF THE TEXT ON COMIC EFFECT STRENGTH

Bylina A.S.

Tomsk State University, master student

Настоящая работа посвящена исследованию восприятия случайного юмора на материале фотографий «смешных» ценников. В случае со случайным юмором фреймовая структура текста ценника претерпевает некоторые изменения (замена или добавление слотов внутри одного фрейма), на основании которых могут быть выделены семантические оппозиции, например, пристойный – непристойный, выгодный – невыгодный и др. Мы предполагаем, что изменения в рамках одних семантических оппозиций оказывают более сильное влияние на силу комического эффекта, чем в рамках других. В качестве метода исследования был выбран психолингвистический эксперимент, проведенный при помощи анкетирования в Google Forms.

Ключевые слова: комическое, случайный юмор, фреймовая структура текста, семантические оппозиции, психолингвистический эксперимент.

The present research aims to study the accidental humor perception. Funny price tags photos were used as the material. In the case of accidental humor the frame structure of a price tag's text changes (replacement or addition of a slot within a frame) and this allows to reveal semantic oppositions, for example, decent – indecent, profitable – unprofitable etc. We assume that some semantic oppositions have greater impact on comic effect strength than others. The psycholinguistic experiment conducted by means of questionnaire made in Google Forms was used as a method.

Key words: comic, accidental humor, frame structure of the text, semantic oppositions, psycholinguistic experiment.

Научный руководитель:
Новикова Элеонора Геннадьевна,
канд. филол. наук.

Феномен комического является объектом исследования на протяжении уже нескольких веков. В последние годы с развитием когнитивных наук внимание исследователей направлено на процессы понимания комического (О.В. Щербакова [1]) и когнитивные механизмы, лежащие в его основе (М.Ю. Хахалина [2], А.Д. Кошелев [3]).

В центре нашего исследования находится особая форма комического – случайный юмор. Профессор психологии М. Род выделяет два вида случайного юмора: физический и лингвистический. Физический связан с нелепыми и неловкими ситуациями, в которые попадает человек, а лингвистический – «результат неправильного написания, неправильного произношения, ошибок в логике и таких оплошностей, как оговорки по Фрейду, неправильного употребления слов и случайной перестановки звуков» [4].

Для лингвистического случайного юмора характерны случайно допущенные ошибки, вызывающие как изменения на уровне поверхностной структуры текста (изменения на уровне языка и речи: выпадение части слова, сокращение слова, возникновение нежелательной омонимии и т.п.), так и изменения на уровне глубинной структуры текста, отражающей его фреймовую структуру. Согласно М. Минскому [5], фрейм – когнитивная модель объекта или ситуации – может быть представлен как сеть, состоящая из слотов, в которых хранится информация об этом объекте или ситуации, его качествах и свойствах. Анализ текстов случайного юмора показал, что появление нового, смешного смысла вызвано добавлением или заменой отдельных слотов. На основании этого было выделено 12 семантических оппозиций, в рамках кото-

рых произошли изменения: выгодный – невыгодный; грубый – не грубый; живой – мертвый; логичный – нелогичный; понятный – непонятный; правильный – неправильный; пристойный – непристойный; приятный – неприятный; реальный – нереальный; соответствующий – несоответствующий; съедобный – несъедобный; часть – целое.

В связи с этим мы выдвинули гипотезу: одни семантические оппозиции могут оказывать более сильное влияние на силу комического эффекта, чем другие. Данную гипотезу мы проверили при помощи психолингвистического эксперимента.

В качестве **стимульного материала** выступили фотографии смешных ценников в количестве 244 единиц, основными источниками материала послужили: официальная группа М.Н. Задорнова [6], группа «Что такое я купил? нашел? сломал!» [7] в социальной сети ВКонтакте и сайт AdMe [8].

Дизайн

Эксперимент представлял собой анкетирование, выполненное при помощи Google Forms. Он состоял из 4 анкет, каждая из которых включала 61 ценник. Примеры на 12 типов оппозиций были равномерно распределены между анкетами. В качестве зависимой переменной выступала средняя оценка, в качестве независимой – тип семантической оппозиции.

Участникам необходимо было оценить каждый представленный ценник по номинальной шкале: как смешной или несмешной.

В результате эксперимента было получено 133 заполненных анкеты (из них 36 мужских): 1 анкета – 27 (7 мужчин), 2 анкета – 49 (12 мужчин), 3 анкета – 30

(10 мужчин), 4 анкета – 27 (7 мужчин). Средний возраст участников – 20 лет (N=20,18).

Результаты и дискуссия

Статистический анализ данных (критерий Краскела–Уоллиса), полученных в ходе эксперимента, показал наличие сильной зависимости средней оценки от типа семантической оппозиции, в рамках которой происходит трансформация фреймовой структуры текста смешного ценника.

Наибольшее медианное значение наблюдается у ценников, в которых происходит смена оппозиций пристойный – непристойный (0,5754), грубый – не грубый (0,5355), приятный – неприятный (0,5333) и живой – мертвый (0,5051), что означает, что подобные тексты оцениваются людьми как более смешные.

Результаты статистического анализа также позволяют определить, к каким семантическим оппозициям относятся самые смешные ценники: *Привет/Я родился голубой* (ср. оценка 0,88, оппозиция пристойный – непристойный), *Холодец дедушка, язык в желе дедушка* (ср. оценка 0,8077, оппозиция живой – мертвый), *Соски на шесте* (ср. оценка 0,8, оппозиция пристойный – непристойный), *Комбинезон ТУЗИК МОПС сука теплый* (ср. оценка 0,8, оппозиция пристойный – непристойный).

Наименьшее медианное значение – у ценников, в которых происходит смена оппозиций понятный – непонятный (0,1377), соответствующий – несоответствующий (0,2308), правильный – неправильный (0,2692), логичный – нелогичный (0,2733) и выгодный – невыгодный (0,2864), что означает, что подобные тексты оцениваются людьми как менее смешные.

Таким образом, эксперимент показал, что транс-

формации, произошедшие на глубинном (фреймовом) уровне, оказывают влияние на оценку текста как смешного или не смешного. При этом значимым оказывается качество произошедших трансформаций во фреймовой структуре текста: появление в тексте коннотаций, связанных с телесностью человека (непристойный, грубый, неприятный, мертвый), вызывает более сильную реакцию (которая проявляется в саморефлексии респондентов и отражается в их оценках), чем коннотаций, связанных с ментальными процессами (непонятный, несоответствующий, неправильный, нелогичный, невыгодный).

Литература

1. Щербак О.В. Когнитивные механизмы понимания комического : дис. ... канд. психол. наук. – СПб., 2009. – 234 с.
2. Хахалина М.Ю. Стратегии реконструкции ментального образа ситуации (на примере шутки) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Курск, 2009. – 19 с.
3. Кошелев А.Д. О природе комического и функции смеха // Язык в движении. К 70-летию Л.П. Крысина. – М., 2007. – С. 277–326.
4. Род М. Психология юмора / пер. с англ. под ред. Л.В. Куликова. – СПб. : Питер, 2009. – С. 35.
5. Минский М. Фреймы для представления знаний / пер. с англ. – М. : Энергия, 1979. – 152 с.
6. Михаил Николаевич Задорнов [Электронный ресурс] // ВКонтакте – социальная сеть. – СПб., 2006–2017. – URL: <https://vk.com/mnzadornov>.
7. Что такое я купил? нашел? сломал! [Электронный ресурс] // ВКонтакте – социальная сеть. – СПб., 2006–2017. – URL: https://vk.com/ya_kypul.
8. AdMe [Электронный ресурс]. – 2003–2017. – URL: <http://www.adme.ru>.

КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РУССКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ ПРЕФИКСОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАГОЛОВ С ПРИСТАВКОЙ ПРЕД-)

Вострова Ю.А.

Томский государственный университет, аспирант

THE COGNITIVE AND DISCOURSE PECULIARITIES OF RUSSIAN VERBAL PREFIXES (ON THE BASE OF VERBS WITH PREFIX PRED-)

Vostrova Y.A.

Tomsk State University, post-graduate student

В настоящей статье на основе данных словарей и Национального корпуса русского языка рассматриваются функционально-семантические особенности приставки пред- (на материале глаголов с данным префиксом), исследуется способность префиксов не только модифицировать семантику глагола, но и в определенных случаях определять дискурсивную привязанность глагольных единиц.

Ключевые слова: русский глагол, приставка пред-, дискурс.

In this article the functional and semantic peculiarities of the prefix pred- are considered on the base of dictionaries and Russian National Corpus (the verbs with prefix pred- are used as material), the capacity of the prefix not only modify the semantic structure of the verb, but also determine, in certain case, the discourse functioning of such verbs is analyzed.

Key words: Russian verb, prefix pred-, discourse.

Научный руководитель:
Филь Юлия Вадимовна,
канд. филол. наук, доцент.

Современные исследования в области языкознания имеют антропоцентрический характер: человек, его сознание и язык предстают главным объектом изучения и анализа. В этом отношении представляется значимым обращение к русскому глаголу, который обладает безграничными возможностями в вербализации действия и отражении картины мира носителей языка.

Приставочный способ образования в сфере русского глагола является самым продуктивным, что подтверждается значительным количеством приставочных и многоприставочных глаголов (*переделать, недосмотреть, поприсесть, пораскраситься* и т.п.), а также их постоянным численным ростом, отражающим все новые возможности глагола. При этом префикс выступает основным семантическим распространителем глагольного значения, определяет его когнитивно-дискурсивное своеобразие.

Как известно, первоначально большинство глагольных приставок функционировали как предлоги, которые характеризовались в качестве «автосемантических единиц морфологического уровня языка» [1] и являлись самостоятельными, хотя и служебными единицами. Сформированные из предлогов приставки также унаследовали от них некоторую автономность по сравнению с суффиксами, легче вычленившись в структуре глагола, конкретизируют и модифицируют его значение, имея характер «агглютинирующей» частицы. Это в полной мере относится к рассматриваемой в статье приставке *пред-*.

В процессе исследования была выдвинута гипотеза о том, что данная приставка (как и ряд других префиксов, как правило, с непространственным значением) задает сценарий, по которому развивается действие, и может быть «ответственной» за выбор типа дискурса, в котором далее функционирует префиксальный глагол. Это происходит из-за того, что среди отдельных значений русских префиксов встречаются

такие, которые представляются связанными с тематической составляющей определенного дискурса.

В.Л. Ибрагимова, М.В. Черепанов, описывая префиксальные глаголы, отмечают, что префикс *пред-*, имеющий старославянское происхождение, непродуктивен в русском языке. Однако авторы Русской грамматики (под ред. Н.Ю. Шведовой) [2] характеризуют словообразовательный тип глаголов с *пред-* как продуктивный. Это подтверждают и лексикографические источники [3]. В современном русском языке насчитывается 124 глагола с этой приставкой: *предвидеть, предотвратить, предназначить, предусмотреть, предшествовать* и др.

Отметим, что, по данным Старославянского словаря (под ред. Р.М. Цейтлин и др.) [4], зафиксировано 19 глаголов с *пред-*: *предварити, предвести, предвизодити, предъити, предълагати, предълежати, предъложити* и др. В старославянском языке рассматриваемый префикс, как и аналогичный предлог, выступал в пространственном (*предъзрети, предъити, предъставити*) и в проспективном значении, указывая на действие, ориентированное по отношению к будущему (*предварити, предъпоказати*).

Проспективное значение являлось особенно значимым, поскольку в X–XI веках вся деятельность человека, все восприятие жизни и мироустройства славян соотносилось с Высшей, неподвластной человеку силой — Богом. В образе Бога воплощалась та сила, благодаря которой можно было заглянуть вперед [5], заранее узнать, увидеть, почувствовать.

В современном русском языке глаголы с данной приставкой, согласно словарям и данным Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [6], употребляются преимущественно в проспективном значении: *Знание прошлого указывает, что и как надо делать в настоящем, знание позволяет предвидеть будущее* (М. Горький, предисловие к «Книге для чтения по истории литературы для красноармейцев и краснофлот-

цев»); *Петру Константиновичу предвещали блестящую будущность, но, как выражались в те времена, он «попал в историю»* (Никулин, Московские зори); *А вот те бактерии, которые образуют споры (защитный слой, предохраняющий от неблагоприятных воздействий окружающей среды), называются бациллами* (Д. Макунин. Микробы. Их имена // Наука и жизнь, 2008). Общее количество употреблений глаголов с приставкой *пред-*, фиксируемое корпусом, — 41234 документа, 181897 вхождений (ср.: всего в корпусе представлено 115 645 документов).

С целью описания функционирования префикса *пред-* был проведен анализ контекстов с глаголами с данной приставкой на основе корпусных данных. Отметим, что понятия «дискурс» и понятие «сфера функционирования» («...социально-значимая область общественно-речевой практики, которая объединяет тексты определенного содержания и целевого назначения и связана вследствие этого с определенными разновидностями языка») [7], предоставляемое корпусом, в данном исследовании приравниваются.

Ввиду того что префикс *пред-* «предрасполагает» к употреблению глаголов в религиозном типе дискурса, в первую очередь были рассмотрены тексты церковно-богословской сферы функционирования: *Все хорошее в человеке и в человечестве только в соединении с божественным предохраняется от искажения и извращения* (1885); *Но эта первая борьба, закончившаяся полной победой, — она для нас предreshает грядущую, последнюю победу, когда Господь придет во славе Своей* (1927); *Идите и скажите ученикам, дабы уразумели время сие, предвозвещенное пророком Осией, возвестившим <...>* (26.04.2004); *На самом деле, думаю, что это меня, недостойного, утешает Господь, желая показать мне, дать мне предвкусить сладости иночества* (1908) [6].

Анализ контекстов употребления глаголов с *пред-* в других сферах показал, что большинство глаголов, несмотря на свою востребованность в текстах религиозной направленности, зафиксировано и в других типах дискурса (научном, юридическом, медицинском, политическом и др.): *Этому заседанию предшествовали большая работа и постоянный обмен мнениями всех участников переговорного процесса* (политический дискурс / официально-деловая сфера функционирования (тематика текста «политика и общественная жизнь»)) — 480 документов, 1867 вхождений (общее количество документов в данной сфере — 1019); *Программа ликвидации полиомиелита предусматривает повсеместное прекращение вакцинации ОПВ через определенное время после глобального исчезновения...* (медицинский дискурс / учебно-научная сфера функционирования (тематика текста «медицина; здоровье и медицина»)) — 423 документа, 3256 вхождений (общее количество — 574 документа); *Положительное влияние на финансовую устойчивость региона способно оказать также соглашение, заключенное между региональными властями и Минфином РФ, в рамках которого предусматривается постепенное замещение банковских кредитов бюджетными...* (экономический дискурс / публицистическая сфера функционирования с тематикой текста «бизнес, экономика, финансы, коммерция») — 3462 документа, 7352 вхождений (общее количество — 10166 документа); *Дальнейшее тесно связано со свойствами хиггсовского бозона, существование которого предсказывается так называемой стандартной моделью* (научный дискурс / публицистическая

сфера функционирования с тематикой текста «наука и технологии, физика») — 2194 документа, 5968 вхождений (общее количество документов — 4195); *ГКРФ устанавливает, что условия договора определяются по усмотрению сторон, <...> когда содержание соответствующего условия предписано законом или иными правовыми актами* (юридический дискурс / официально-деловая сфера функционирования) — 140 документов, 1476 вхождений (общее количество документов — 297) [6].

Несмотря на относительную семантическую самостоятельность приставки, она связана с глагольной основой отношениями семантического взаимодействия, поэтому утверждать, что принадлежность рассматриваемых единиц к указанным дискурсивным сферам определяется исключительно префиксом, нельзя. Для того чтобы показать, что основная функция выражения «переднего времени» лежит именно на приставке, чем и определяется дискурсивное своеобразие всего приставочного глагола, были рассмотрены контексты употребления приставочных (с *пред-*) и бесприставочных глаголов.

Так, согласно корпусным данным, глагол *предписывать* употребляется в основном в научном (*Указывается способ, которым «слепая» природа эволюционирует от простого к сложному, действуя как бы против течения, предписываемого общим законом развития материи*), политическом (*Весьма быстро в июне 2001 г. парламент принял имеющие рамочный характер правительственные предложения по Закону о реформе особых и санкционированных юридических лиц, <...> предписывающие правительству в короткие сроки разработать соответствующий план реализации реформы*) и юридическом (*Неправомерность применения 100% ставки налога в данном конкретном случае можно было бы обосновать другими причинами, <...> а также ссылкой на п. 7 ст. 3 НК РФ, предписывающий неясности законодательства толковать в пользу налогоплательщиков (специальное правило толкования)*) дискурсах. Анализ употребления глагола *писать* продемонстрировал отсутствие его приуроченности к определенной дискурсивной сфере: *Флобер обедал на краешке письменного стола, Дюма писал на краешке обеденного; В рижском спектакле сценография Ф. Вогербауэра была лаконична <...> а мелодии латышского мастера Р. Паулса и итальянского А. Аннеккино были вполне созвучны настроению, как писали в старину, «Треплева шопеновских вальсов» и т.п.* [6]. Приведенные контексты показывают, что в данном случае именно префикс выступает в качестве определенного дискурсивного маркера.

В заключение отметим, что лексикографические источники и корпусные данные подтверждают продуктивность рассматриваемого префикса в современном языке. Корпус предоставляет контексты употребления глаголов с префиксом *пред-* не только в текстах церковно-богословской сферы функционирования, что объясняется генетическим прошлым приставки, но и в текстах других сфер, для которых характерно отражение результатов поиска человеком ответов о мироустройстве (медицина, наука, юриспруденция, художественная литература и т.п.) и актуально когнитивное содержание, стоящее за префиксом *пред-*. Если ранее сила, которая была в состоянии «предсказать» будущее, была представлена Богом, то на современном этапе она оказалась связана с наукой, экономикой, законом. Сравнение контекстов употребления

глаголов с приставкой *пред-* и без нее показало, что в сознании носителей русского языка сформировано и продолжает функционировать представление о приставке *пред-* как носителе перспективного смысла.

Литература

1. Мальцева Р.И. Предлоги и приставки в русском языке XI–XVII вв.: Семантическая и функциональная революция : автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Краснодар, 1999. – 36 с.
2. Русская грамматика. – М. : Наука, 1980. – Т. 1 : Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / под ред. Н.Ю. Шведовой. – 784 с.
3. Большой академический словарь русского язык : в 24 т. / гл. ред. А.С. Герд.– М. ; СПб. : Наука, 2011. – Т. 19. – С. 519–618; Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип. – М. : Русский язык, 1985–1988.
4. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. – 2-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 1999. – С. 537–540.
5. Вендина Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. – М., 2002. – С. 336.
6. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
7. Савчук С.О. Мегатекстовая разметка в Национальном корпусе русского языка: базовые принципы и основные функции // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. Результаты и перспективы. – 2005. – С. 62–88.

ЦЕННОСТНЫЕ КОНЦЕПТЫ «ЛИДЕРСТВО» И «ГАРМОНИЯ» В РОССИЙСКОЙ И КИТАЙСКОЙ НЕФТЕГАЗОВОЙ КОРПОРАТИВНОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕСТОВ САЙТОВ «РОСНЕФТЬ» И «СНПС»)

Короткина Е.С.

Томский государственный университет, магистрант

VALUE CONCEPT OF "LEADERSHIP" AND "HARMONY" IN THE RUSSIAN AND CHINESE OIL-GAS CORPORATE LINGUISTIC CULTURE (ON THE MATERIAL OF SITES' TEXTS "ROSNEFT" AND "CNPC")

Korotkina E.S.

Tomsk State University, master student

В статье рассматриваются ценностные концепты «лидерство» и «гармония», реализующиеся в русской и китайской корпоративных лингвокультурах, определяется содержание, заложенное в концептах, способы его вербализации, выявляется этноспецифический характер концептов.

Ключевые слова: российская и китайская лингвокультура, ценностные концепты «лидерство» и «гармония».

The article discusses the value concepts of "leadership" and "harmony" that are realized in Russian and Chinese corporate linguistic cultures, defines the content embedded in the concepts, ways of its verbalization, and identifies the ethno-specific nature of the concepts.

Key words: Russian and Chinese linguistic culture, value concepts of "leadership" and "harmony".

Научный руководитель:
Филь Юлия Вадимовна,
канд. филол. наук, доцент.

Исследование ключевых концептов разных лингвокультур составляет одно из современных научных направлений в лингвистике. В центре исследования находятся важные элементы корпоративной концептосферы нефтегазовых компаний и средства их репрезентации. Материалом исследования выступают тексты на сайтах нефтегазовых компаний «Роснефть» и «СНПС» (Китайская национальная нефтегазовая корпорация), отражающие ценностно-ориентированные концепты компаний. В данном случае это концепты «лидерство» и «гармония», различающиеся в двух лингвокультурах значимостью и заложенным в них содержанием.

«Лидерство» является одним из ключевых концептов компании «Роснефть». Невозможно представить себе компанию подобного рода деятельности, не использующую данное понятие как ценностное для организации. Концепт «лидерство» также представлен и в текстах «СНПС», однако он не заявлен в списке приоритетов компании.

В русском языке рассматриваемый концепт представлен единицами *лидерство, лидер, лидировать*, в китайском – единицей 领先 *lingxian* (лидировать). Анализ словарных статей [1] слов-репрезентантов концепта показал, что основным семантическим компонентом его содержания выступает «положение лидера», «идушего первым». Аналогичный компонент составляет основу содержания концепта в китайском языке.

На следующем этапе исследования были рассмотрены контексты реализации репрезентантов концепта «лидерство» в Национальном корпусе русского языка [2] и Национальном корпусе китайского языка [3], охватывающие следующие сферы употребления: спорт, политика, бизнес, коммерция, техника, наука, культура, при этом общекультурное наполнение кон-

цепта в русской и китайской лингвокультурах в целом совпадает.

Для определения специфики концепта «лидерство» в русской нефтегазовой корпоративной культуре были проанализированы репрезентации концепта на сайте компании. Согласно кодексу компании «Роснефть» [4], «лидерство» является ее основным ценностным концептом (репрезентант *лидер* представлен в 95 статьях сайта), компания ориентирована на лидерство во всех начинаниях: технологическое первенство, первенство в заботе об окружающей среде и обществе, первенство в инновационных идеях. «Роснефть» выступает с позиции активного лидера, используя в своих тестах активные глагольные конструкции: *стремимся, планируем, достигаем*; прилагательные в превосходной степени, подчеркивающие стремление компании быть лучшей во всем: *самые оригинальные, новейшие, важнейшие*. На сайте «СНПС» [5] также представлена единица 领先, однако лидерство характерно не столько для самой корпорации, сколько для всего Китая, которому принадлежит 100% капитала компании.

Ценностный концепт 和谐 *hexie* (гармония) отражает специфику китайской культуры, в том числе концептосферы корпорации «СНПС», в то время как на сайте компании «Роснефть» данный концепт не представлен.

Семантическую многогранность репрезентантов концепта 和谐, которые представлены существительным «гармония», глаголом «гармонировать», прилагательным «гармоничный», подтверждает словарь [6], фиксируя в качестве важнейших семантических компонентов «гармонический или мелодичный», «жить в дружбе и согласии», «сотрудничать». Анализ репрезентантов ценностного концепта 和谐 по материалу корпуса китайского языка показал, что репрезентант

представлен в самых разнообразных контекстах (доступно 343 контекста), связанных с искусством, гармоничным развитием и сосуществованием, гармонией внутреннего и внешнего мира, гармонией окружающего мира.

Обращение к данным сайта «CNPC» показывает, что концепт «гармония» реализуется с целью убедить потребителя в том, что корпорация прилагает все свои усилия к гармоничному развитию производства, ориентирована на кооперацию и понимание внутри компании, внешнюю гармонию с окружающей средой и потребителем, что реализуется в следующих тематических группах: производственная гармония, гармоничная атмосфера, гармония в управлении, развитие гармонии в компании. Новостная лента сайта демонстрирует ценность рассматриваемого концепта, репрезентанты которого встречаются 6970 раз. Значимость концепта 和谐 для компании объясняется воздействием конфуцианства на социальные нормы Китая, мировоззрением, основанным на многовековых традициях китайцев, отвечающих их представлениям о гармонии человека с окружающим миром, требующих от правителей и лидеров отчета перед людьми, которыми они управляют, соответствия правилам сотрудничества и взаимной помощи. Е.Д. Ромченко, характеризуя принципы китайской деловой культуры, указывает, что «цель существования любой китайской организации – формирование гармоничной, интегрированной корпоративной культуры, где каждый участник находится на своем месте» [7].

Таким образом, проведенный анализ позволил определить обусловленность содержания исследуемых концептов особенностями соответствующей корпоративной культуры: значимостью лидерства как важного аспекта деятельности компании «Роснефть», воздействием конфуцианства на социальные нормы в Китае и важностью гармонии в развитии и деятельности компании «CNPC».

Литература

1. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип. – М. : Русский язык, 1985–1988.
2. Национальный корпус русского языка / Институт русского языка им. В. Виноградова РАН [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ruscorgora.ru> (дата обращения: 10.04.2019).
3. 现代汉语语料库检索 [Электронный ресурс]. – URL: <http://corpus.zhonghuauiwen.org> (дата обращения: 10.04.2019).
4. Роснефть [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rosneft.ru> (дата обращения: 10.04.2019).
5. CNPC [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.cnpc.com.cn> (дата обращения: 10.04.2019).
6. 现代汉语词典 (第5版) / 中国社会科学院语言研究所词典编辑室编. – 北京: 商务印书馆, 2005. – С. 1412.
7. Ромченко Е.Д. Базовые принципы китайской деловой культуры // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Социология и политология. – 2010. – № 3. – С. 242–246.

СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА СВОБОДА В ПРОТОКОЛЕ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ КАК НЕЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ ПРАВОВОМ ДОКУМЕНТЕ

Наземцева М.А.

Томский государственный университет, аспирант

INSTRUMENTS OF REALIZATION OF THE CONCEPT *FREEDOM* IN THE PROTOCOL OF JURIDICAL SESSION AS IN A NON-LEGISLATIVE DOCUMENT

Nazemtseva M.A.

Tomsk State University, post-graduate student

В статье представлена специфика реализации правового концепта *свобода* в жанре протокола судебного заседания. Проверяется гипотеза о том, что специфика реализации концепта *свобода* в текстах протоколов судебных заседаний определяется местом данного документа в жанровой иерархии дискурса правового документа, содержанием протоколируемого процесса, условиями письменной фиксации устного текста, а также его манипулятивными установками.

Ключевые слова: правовой дискурс, протокол судебного заседания, концепт, свобода.

The article presents the specifics of realization of the legal concept *freedom* in the genre of protocol of juridical session. The hypothesis that the specificity of the concept *freedom* in the protocols is determined by the place of this document in the discourse-genre hierarchy of a legal document, the contents of the process being recorded, the terms of the written fixation of an oral text, and its manipulative settings is reviewed.

Key words: law discourse, protocol of juridical session, concept, freedom.

Научный руководитель:
Тубалова Инна Витальевна,
докт. филол. наук, доцент.

Свобода, по мнению целого ряда ученых-лингвистов, является одним из ключевых общекультурных концептов русской языковой картины мира (Т.Г. Ардашева, Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев, А. Вежицкая, А.Г. Лисицын, А.С. Солохина и др.). Но, как уже не раз отмечалось исследователями, общекультурные концепты в разных дискурсах реализуются по-разному, выполняя в них особые, иногда отличные от заданных на общекультурном уровне, функции.

Особую конфигурацию приобретает концепт *свобода* в правовом дискурсе.

Правовой дискурс являлся объектом немногих лингвистических исследований (А.А. Атабекова, В.Ю. Гейер, М.В. Торгашева, Л.А. Шарикова, Н.Н. Удина и др.). Юридический анализ правового дискурса проводился в работах Н.Г. Храпцовой.

В фокусе исследований официальной письменной реализации правового дискурса – изучение Конституции (как его ядерного документного жанра). Протокол судебного заседания рассматривался в рамках анализа судебного дискурса (Е.Е. Абрамкина, И.А. Братухина, Л.Г. Кыркунова, О.Н. Матвеева, А.Р. Мухтаруллина и др.), который мы относим к одной из составляющих правового.

Правовой дискурс исследователи определяют как особый тип социокоммуникативного взаимодействия, реализуемый в ситуации институционального общения, подчиненного интенции государственно-правового регулирования [1]. Объектом нашего внимания является письменная форма реализации правового дискурса – правовой документ.

Согласно наблюдениям лингвистов, в нем концепт *свобода* приобретает дискурсообразующий статус, противопоставляя возможности человека как гражданина правовым ограничениям [2].

Цель представляемого исследования – выявить

специфику средств реализации концепта *свобода* в протоколе судебного заседания.

Материалом послужили протоколы судебных заседаний, размещенные на специальном юридическом сайте [3], а также Конституция РФ [4] (К).

Протокол судебного заседания – особый жанр правового дискурса, относящийся к письменным правовым документам, но являющийся результатом фиксации устной коммуникации.

Правовые документы с точки зрения права иерархически организованы. Правовые тексты делятся на законодательные и незаконодательные (допрос, судебные речи и под.). Конституция как основной закон задает все основные правила, конкретизируемые в кодексах, законах и подзаконных актах, на которые, в свою очередь, ссылаются все незаконодательные тексты правового дискурса, в том числе незаконодательные документы как письменные жанры.

Если Конституция входит в ядро дискурса правового документа, т.е. располагается на вершине документной иерархии (во-первых, это основной закон, а во-вторых, он представлен исключительно в письменной форме и открыт для обращения к его тексту), то протокол является жанром правовой периферии. Он обладает меньшей доступностью и значимостью и не является законодательным текстом, а лишь служит для отображения легитимности судебных разбирательств (их фиксации), констатации предписаний, заданных законодательным текстом, и возможности обжалования решений. В результате протокол является менее формализованным жанром дискурса документа, чем его ядерные, законодательные жанры.

В протоколе судебного заседания обсуждаются факты нарушения границ *свободы*, что выражается в специальных формулах и в указании на возможность заведения уголовного дела, поскольку закон этого не

позволяет: **По факту угроз в мой адрес, по факту поджога моего кабинета уголовные дела так и не возбуждены.**

Дискурсообразующий статус свободы в правовом дискурсе основывается на том, что «ключевым принципом законотворческой деятельности является признание высшей ценностью прав и свобод человека и гражданина» [1, с. 100]: *Человек, его права и свободы являются высшей ценностью* (К). Ценность свободы в правовом дискурсе подтверждается и на материале протокола, но при ее представлении возможна не только институционально-правовая, но и личностно-ориентированная интерпретация: *Вы пояснили, что приходил оперативник, который уговаривал Вас дать показания в обмен на свободу* (П).

Логика текста законодательного правового документа, задающая границы свободы, выстраивается посредством перечня: (1) разрешительных (*Каждый может свободно выезжать за пределы Российской Федерации. Гражданин Российской Федерации имеет право беспрепятственно возвращаться в Российскую Федерацию* (К)), (2) долженствующих (*Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства* (К)) и (3) запретительных (*Цензура запрещается* (К)) юридических норм, выражающихся в соответствующих персуазивных конструкциях. В протоколе судебного заседания такие виды представления границ свободы сохраняются, но выражаются иным способом. Если в законодательных (т. е. ядерных) жанрах дискурса правового документа отражена потенциальная свобода (описываемая «до оцениваемого действия»), то в протоколе фиксируется результат правовой оценки конкретного обсуждаемого в рамках судебного заседания события. В связи с этим заданные в законодательных документах границы свободы конкретизируются применительно к этому событию.

Указанная конкретизация осуществляется на основании следующих факторов: (1) тип содержательной адаптации законодательно заданных границ свободы, применяемых: (а) к дискурсу судебного заседания и, далее, к его протоколированию, (б) к событию судебного заседания, (в) к событию обсуждаемого в рамках этого заседания дела; (2) тип автора высказывания, в котором проявляются результаты судебной интерпретации законодательно заданных границ свободы, подвергнутые протоколированию: (а) автор — обезличен, (б) автор — председательствующий (судья), (в) автор — другой агент судебного дискурса (прокурор, адвокат и др.), (г) автор — клиент судебного дискурса (свидетель, обвиняемый, потерпевший и др.).

Обозначенные факторы определяют специфику способов реализации концепта *свобода* в тексте протокола судебного заседания. Представим виды высказываний, по-разному реализующих границы правовой свободы.

1. Наиболее обобщенно и объективированно границы правовой свободы реализуются в высказываниях, адаптированных только к дискурсу судебного заседания и его протоколированию: *Председательствующий <...> разъясняет сторонам обвинения и защиты их право заявить отводы судьбе, прокурору, секретарю, адвокату в соответствии с главой 9 УПК РФ; Председательствующий разъясняет сторонам регламент судебного заседания и меры воздействия, которые могут*

быть применены судом в отношении лиц, нарушающих порядок в судебном заседании, предусмотренных ст. ст. 257 и 258 УПК РФ; Потерпевший предупреждается об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний по ст. ст. 307 и 308 УК РФ, о чем у него отобрана подписка. В отличие от большинства фактов отражения в тексте протокола границ правовой свободы, высказывания такого типа в форме косвенной речи при помощи персуазивных глаголов фиксируют содержание институционально заданных типовых монологов судьи, дающих потенциальную оценку нарушению этих границ, что по содержанию сближает их с законодательными текстами. Ссылки на закон не только обеспечивают компрессию содержания при его протоколировании, но и подчеркивают, во-первых, его объективированную императивность, а во-вторых, его типовой характер. Ту же функцию выполняет обезличенность авторства (протокол — как «взгляд со стороны»). В первых двух примерах в качестве субъекта действия выступает судья, согласно правилам правового дискурса наделенный функцией оценки событий от имени закона. В последнем примере объективированность представления границ свободы усиливается за счет использования бессубъектного пассива (*Потерпевший предупреждается...*).

2. Высказывания, представляющие границы правовой свободы как результат адаптации к событию судебного заседания, реализуются в исследованных текстах наиболее часто. В них автор персонифицируется: он указывается в протоколе, его высказывание оформляется как прямая речь. При этом в высказываниях от имени судьи границы правовой свободы оказываются представленными в форме распоряжения (как указано выше, судья наделен статусом выступать от имени закона), что выражается с помощью безличных пассивных конструкций: *Председательствующий: До начала обсуждения ходатайства государственному обвинителю Ай-ву предоставляется возможность дать объяснение по заявленному отводу.* Высказывания других агентов правового дискурса либо призывают к соблюдению закона — и в этом случае отсутствие указания на субъект, который должен это обеспечить, подчеркивает неоспоримость его соблюдения (*Адвокат N: А-цу должно быть обеспечено справедливое разбирательство, ему должно быть предоставлено эффективное средство защиты, он должен быть защищен от незаконного преследования. Статья 6, 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, статья 6 УПК*), либо заверяют в собственной верности закону, используя формы авторизации, подчеркивающие личностную заинтересованность в соблюдении границ правовой свободы: *Прокурор N: Я как государственный обвинитель обязан соблюдать закон, относится ко всему объективно и беспристрастно. Могу пояснить, что со следователем В-ко у нас служебные отношения, друзьями мы не являемся; Адвокат И-ко: Я как защитник должен поддержать своего подзащитного; Адвокат N: Мы хотели бы внести в протокол наши возражения против действий председательствующего, потому что нам предлагают заменить наше право на ознакомление нашей обязанностью участвовать в проведении следственных действий в ходе судебного следствия.* Ссылки на закон во многих случаях заменяются обозначением институционального статуса говорящих, выполняющего в данных высказываниях аналогичную функцию

(государственный обвинитель; защитник и др.). В высказываниях клиентов дискурса обозначение границ правовой свободы реализуется значительно реже: *Заявляю также, что, используя конституционное право на защиту, буду отстаивать свою невиновность в совершении преступления, буду отстаивать свою непричастность к хищению денежных средств из ЗАО «Н-банк». Обвинение мне, повторю, непонятно, и виновным себя не признаю.* При этом отсылки к закону оформляются очень обобщенно.

3. Высказывания, представляющие границы правовой свободы как результат адаптации к событию обсуждаемого дела, реализуются в текстах протоколов реже всего. Это объясняется тем, что обычно, в соответствии с правилами правового дискурса, эти события обсуждаются обособленно от их правовой оценки: прения, дающие эту оценку, и опрос свидетелей в регламенте судебного заседания разделены. В нашем материале единичные высказывания такого типа зафиксированы в протоколах, отражающих выступление в качестве свидетелей оперативников – агентов хоть и не судебного, но также правового дискурса: *Вы предупреждали П-на об аудиозаписи? – Нет, я не обязан; Я не должен бежать возбуждать уголовное дело.*

Апеллирование к закону в этом случае наиболее латентно и в тексте представлено как личностно-ориентированное заявление с позиции морали, а не права.

Таким образом, концепт *свобода*, заданный в особой правовой конфигурации в дискурсе правового законодательного документа, в текстах протокола судебного заседания как незаконодательного документа реализуется косвенно, адаптируя форму своего представления к дискурсу правовой периферии.

Литература

1. Храмова Н.Г. Дискурс-правовой анализ: от теории к практике применения : монография. – Курган, 2012. – С. 69, 99, 164.
2. Ардашева Т. Г., Мерзлякова А.Х. Вербализация концепта свобода в юридических текстах // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». – 2011. – № 2. – С. 14.
3. Судебная практика [Электронный ресурс] // Право.ру: Справочно-правовая система. – URL: <http://docs.pravo.ru> (дата обращения: 10.03.2019).
4. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.constitution.ru> (дата обращения: 10.03.2019).

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ В РЕЧЕВОМ ЖАНРЕ РЕСТОРАННОЙ КРИТИКИ

Ромазанова У.В.

Томский государственный университет, студент

METAPHORICAL MODELS IN SPEECH GENRE OF RESTAURANT CRITICISM

Romazanova U.V.

Tomsk State University, student

В статье рассматривается функционирование образной лексики и фразеологии в речевом жанре ресторанной критики. На материале блог-записей выявляются метафорические модели, используемые для обозначения семантического поля «Еда».

Ключевые слова: метафорические модели, ресторанная критика.

The article discusses the functioning of figurative vocabulary and phraseology in the speech genre of restaurant criticism. On the material of blog entries, metaphorical models are revealed that are used to denote the semantic field "Food".

Key words: metaphorical models, restaurant criticism.

Научный руководитель:
Юрина Елена Андреевна,
докт. филол. наук, профессор.

Жизнь человека связана с потреблением пищи. В современном мире создание блюда — это искусство. В этой ситуации «количество, качество, ассортимент потребляемых пищевых продуктов, своевременность и регулярность приема пищи решающим образом влияют на жизнедеятельность организма» [1]. Гидом в вопросах соблюдения всех предписаний для извлечения максимальной пользы может послужить ресторанная критика.

Ресторанная критика — речевой жанр гастрономического дискурса, наглядно реализующий его основные цели: формирование пищевых потребностей потребителей и культурных доминант (этические и эстетические нормы поведения).

Базовой парой коммуникантов выступают агент — тот, кто делится своей оценкой посещаемого им заведения общественного питания, и клиент — тот, кто воспринимает оценку, переводя ее в знание относительно внешнего и внутреннего устройства заведения. Клиент на основе опыта агента способен определить «вкусовую» ценность заведения, основные достоинства и недостатки его кухни, что позволяет сформировать здоровые гастрономические привычки, а также повысить культуру потребления.

Агент имеет определенные интенции, реализующиеся через основные коммуникативные стратегии: объясняющая и оценивающая. Объясняющая коммуникативная стратегия представляет собой последовательность задач, ориентированных на информирование человека, сообщение ему знаний о концепте «еда». Оценивающая стратегия, собственно, и есть критика.

Мышление как агента, так и клиента этнически маркировано и ассоциативно. Номинация вызывает в воображении образ, который, в свою очередь, способен вызывать другие образы и даже целые ситуации. Это позволяет систематизировать в определенной последовательности полученные данные.

При вербальной передаче знания агент использует разнообразную лексику, которая «формирует разветвленную терминосистему, объединяющую общелитературную лексику и специальные термины, называющие понятия гастрономии и кулинарной деятельности, тропы (эпитеты, сравнения, метафоры, олицет-

ворение)» [2].

Метафора позволяет воплотить совмещение разнородных предметов в семантике образного слова. В современном понимании ЯМ — вторичная косвенная номинация при обязательном сохранении семантической двуплановости и образного элемента [3].

Когнитивная модель разворачивается в пределах метафорического поля «МИР», имеющего трехуровневую структуру: исходное мотивирующее лексическое поле (необразные лексические элементы), образное лексико-фразеологическое поле (образные слова и выражения, метафорически мотивированные наименованиями исходного поля) и референтное семантическое поле (концептуальные смыслы, соответствующие денотативной семантике образных слов и выражений лексико-фразеологического поля, отражает денотаты образной номинации и сферы образной референции) [4].

В качестве материалов исследования были проанализированы тексты, представленные в блоге ресторанного критика Александра Иванова. Всего изучено 45 блог-записей (постов) и выделено более 300 образных языковых средств.

Наблюдения показали, что частотна модель «вкус — материальный объект», соответственно, качества материального объекта метафоризируются для передачи вкусовых качеств: *мягкий* «неярко выражающий свои вкусовые качества» — *Утром я люблю крепкий, такой, чтобы сразу проснуться. А днем более мягкий, нежный, с едва уловимым послевкусием в сочетании с молоком или сливками; тонкий* «имеющий изысканный вкус, запах (о напитке)» — *Тонкий и бодрящий "Paris black" — аналог классического французского эспрессо; свежий* «сочный, влажный (о вкусе)» — *Начнем с сашими из тунца, 340р, и гребешка, 670р. Откровенно — 670р за 40 с копейками грамм — это дорого, но если спросить, какой вкус у гребешка должен быть, то можно сказать, что именно такой — сладковатый, свежий и без лишних привкусов.*

«Запах — натурфакт», «запах — артефакт»: *море* «запах морского пространства (ветер, вода, живые организмы и т.д. совокупно составляют его)» — *В целом, крайне сбалансированные и мягкие по вкусу роллы отда-*

ют свежестью и морем; шлейф «ярко выраженный запах, который долго держится в воздухе» — *Еще с детства не мог есть некоторые виды из-за обилия специй, прям помню шлейф кардамона и душистого перца, а для детей они как огонь!*

Внешний вид блюда — через термин «текстура», являющийся метафорическим: *текстура* «физические свойства блюда, воспринимаемые органами осязания» — *Суп из цветной капусты, 420р, с прекрасной текстурой; ложка стоит* «очень густой» — *К слову, подоспевший первым горячий шоколад был такой, что ложка стоит, как в сметане, а во вкусе оставлял горьковатый след какао бобов.*

«Блюдо — человек»: *старая подруга* «очень популярное блюдо» — *Переходим к сладкому, и тут не обойтись без старой подруги, подсаживающейся к вам на каждую третью чашку чая — Павлова (по статистике это 3 самый часто заказываемый десерт в городе); абorigine* «вино из Австралии» — *На бокал рислинга из Австралии меня и вовсе не нужно было уговаривать — этот абorigine хоть и должен дать ясно понять о своих кислых намереньях, не подал и виду, был весьма мягок, ароматен и деликатен.*

Не всем объектам реального мира язык может дать однозначное конкретное толкование. Чувственное восприятие поддается вербализации с погрешностями. Метафора как один из инструментов мышления человека реализует процесс осмысления действительности. При посредничестве метафоры уровень погрешностей может быть снижен за счет ее конкретности, если мы, конечно, не говорим о сознательном употреблении метафоры в качестве украшения языка.

Литература

1. Олянич А.В. Гастрономический дискурс // Дискурс-Пи. — 2015. — № 2(19). — С. 157–160.
2. Косицкая Ф.Л., Зайцева И.Е. Французский гастрономический дискурс и его жанровая палитра // Вестник ТГПУ. — 2016. — № 2(167). — С. 25–30.
3. Складаревская Г.Н. Метафора в системе языка / отв. ред. Д.Н. Шмелев. — СПб. : Наука, 1993. — С. 12.
4. Юрина Е.А. Образная лексика русского языка : учебное пособие. — Томск : Издательский дом Томского гос. ун-та, 2015. — С. 63–65.

КОНЦЕПТ «ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ» В ДИСКУРСЕ СМИ (НА МАТЕРИАЛЕ РОССИЙСКИХ СМИ 2013–2015 ГГ.)

Рябова Т.С.

Томский государственный университет, аспирант

CONCEPT "HIGHER EDUCATION" IN MASS MEDIA DISCOURSE (BASED ON THE RUSSIAN MASS MEDIA IN 2013–2015)

Ryabova T.S.

Tomsk State University, post-graduate student

В статье обсуждается идея обусловленности содержания названного концепта социальной ролью высшего образования в России. Рассматривается специфика медийного представления концепта в сопоставлении с содержанием регламентирующих его нормативных документов. Проверяется гипотеза о зависимости стилистико-содержательного представления концепта от содержания и стиля документов.

Ключевые слова: концепт, высшее образование, медийный дискурс.

The article discusses the idea of conditionality of the concept content by the social role of higher education in Russia. The specificity of the media representation of the concept in comparison with the content of regulatory documents is considered. The hypothesis of the dependence of the stylistic and content representation of the concept on the content and style of the relevant documents is tested.

Key words: concept, higher education, media discourse.

Научный руководитель:
Тубалова Инна Витальевна,
докт. филол. наук, доцент.

Цель данного исследования – выявить специфику реализации концепта *высшее образование* в дискурсе современных СМИ, определить основания его формально-содержательного представления.

Высшее образование в данной работе рассматривается как медиаконцепт. Идея наличия у концепта, реализованного в СМИ, определенной специфики опирается на положения об особом представлении концептов в структуре дискурсивных картин мира [1] и о специфике медиаконцепта (работы А.В. Полонского [2], О.В. Орловой [3] и др.).

Медиаконцепт исследователи понимают как «лингвосемантический феномен особого рода, отличающийся медийной дискурсивно-стилистической субстанциональной детерминированностью, вошедший в мирознание носителя языка с появлением информационного общества и ставший средством формирования и трансформации массового сознания» [3]. Он является центральной когнитивной единицей медийного дискурса [2]. Одной из основных характеристик медиаконцепта является его фокусировка на наиболее актуальных и резонансных фактах и событиях «при одновременной открытости парадигмам времени и пространства» [2].

Материал для исследования: публикации в центральных российских СМИ с 2013 по 2015 гг., фрагменты которых размещены в Национальном корпусе русского языка [4]. Временные рамки четко ограничены. Обосновывая специфику реализации концепта, мы привлекаем к анализу социокультурные особенности того времени, а также Федеральные нормативные документы, регламентирующие сферу образования.

Гипотеза исследования: структура концепта *высшее образование*, представленного в дискурсе СМИ, определяется (1) содержанием и формой представления нормативных документов, вышедших в этот период, что послужило для СМИ информационным поводом, (2) особенностями социокультурной ситуации, а так-

же (3) задачами СМИ, их манипулятивно-интерпретирующими интенциями.

В ходе исследования выявились следующие факторы экспликации исследуемого концепта.

(1) События как в сфере образования (реорганизация вузов, выход нормативных документов и т.д.), так и за ее пределами (процессы в экономике). Данный фактор оказывает влияние на характер диктумного содержания текста СМИ (дискурсивный диктум).

(2) Ценностная позиция СМИ, которая складывается из ценностной позиции рядового члена социума и ценностной позиции государства. Она оказывает влияние на модусную интерпретацию обсуждаемой информации.

Рассмотрим их действие.

2013 год отмечен двумя резонансными событиями в сфере образования, послужившими информационными поводами для его активного обсуждения в СМИ: вступил в силу новый закон об образовании [5], содержащий ряд новых принципиальных положений, а также запущен проект повышения конкурентоспособности ведущих российских университетов «5-100». Данные факторы определили **содержание** реализуемого в СМИ концепта *высшее образование* и его **ценностную интерпретацию**. Наиболее активно обсуждается в СМИ информация, востребованная относительно широким кругом пользователей.

1. Это позиции, интерпретация которых связана с особыми процессами в образовании, кардинально влияющими на судьбы широкого круга лиц и поэтому мотивирующими интерес к ним. К таким позициям относится, например, реорганизация или закрытие вузов, обусловленное введенным новым законом обязательным мониторингом.
2. Это информация, распространение которой социально значимо (независимо от интереса читате-

лей). Так, информационный запрос может быть обоснован потребностью в предупреждении социального напряжения — как реакции на социально-экономические тенденции, влияющие, в том числе, и на образование. Например, описанное в предыдущем пункте сокращение вузов можно рассматривать как тенденцию, емкую в плане потенциала социального взрыва. И представление в СМИ этого процесса как мотивированного повышением уровня корреляции с эффективностью высшего образования является таким его обоснованием, которое может снять социальную напряженность.

3. Еще один значимый пример информации, представленной в СМИ 2013–2015 гг., связан с процессами, происходящими вне сферы образования, но с ней связанными. В частности, речь идет о процессах в экономике, ориентированных на запрос к образованию. Например, активно осуждается потребность в высококвалифицированных специалистах и участие работодателей в процессе их подготовки. Следует отметить, что вступивший в силу закон об образовании предусматривает систему профессионально-общественной аккредитации образовательных программ, а образовательные стандарты требуют разрабатывать программы исходя из требований рынка труда.

Рассмотрим, какую содержательную конкретизацию получают заявленные виды информации (как результат дискурсивно обусловленного выбора диктума) и как эта информация модусно ориентируется.

В качестве особых процессов в образовании, кардинально влияющих на судьбы широкого круга лиц, в заявленный период времени наиболее активно обсуждаются процессы, связанные с реорганизацией и сокращением вузов с целью повышения их эффективности, информационным поводом к чему послужило внедрение системы мониторинга. Специфика модусной интерпретации этой информации задается уже текстовой формулировкой из закона: *Мониторинг системы образования... систематическое стандартизированное наблюдение за состоянием образования и динамикой изменений его результатов. <...> Анализ состояния и перспектив развития образования...*

При оценке мониторинга пресса в основном фокусируется на его критериях (...соответствие **показателям мониторинга вузов** оказалось **непосильным** для **отделений образовательных учреждений...**), т.е. оценка прессы не относится непосредственно к проблеме реорганизации вузов. Эта оценка, в основном, выражается косвенно: (1) подается преимущественно внутри экспертных цитат — не от имени издания: ответственность за нее делегируется эксперту, но выбор цитаты отражает и позицию СМИ (*Свое несогласие с методикой подхода к оценке вузов выразили люди, авторитетные в педагогическом и научном сообществе...*); (2) реализуется через характеристику общественной реакции на мониторинг, например, при номинировании его обсуждения «скандалом» (...*во время работы <...> комиссии, <...> произошел скандал — группа экспертов покинула зал заседания...*), а его противников «авторитетными в педагогическом сообществе», что указывает на позицию издания.

Противоположная позиция прессы выражается более прямо и реализуется через перечисление достоинств мониторинга. Так, указывается на такие его ка-

чества, как открытость (*Мониторинг — уникальная по своей открытости процедура*), объективность (*Выводы могут делать сами абитуриенты, их родители*), функциональность (...*чтобы ситуация изменилась к лучшему <...> реорганизуем, оптимизируем <...> все студенты <...> продолжат обучение*). Таким образом, позиция прессы — двойственна, но негативная позиция открыто не выражается.

Одним из последствий проведения мониторинга является реорганизация и закрытие вузов, что неизбежно влечет за собой сокращение бюджетных мест. Кроме того, в 2013 г. вышло Постановление правительства об утверждении правил предоставления государственной поддержки образовательного кредитования, что послужило поводом для выхода ряда статей в СМИ (...*подписал постановление о господдержке образовательного кредитования...*). Однако система платного обучения вызвала интерес в СМИ и ранее. Модусное представление этой информации в СМИ основано на том, что к этому времени в обществе трансформировалось восприятие платных студентов — как не соответствующих требованиям, предъявляемым к студенту вуза (...*готовы даже платить за их образование <...>; ...очень высокий проходной балл, в том числе для «контрактных» студентов...*).

Трансформировалось отношение не только к платным студентам, но и к системе высшего образования в целом. Высшее образование представляется в СМИ как услуга, функционирующая по законам рынка, как продукт, который продается и покупается (*Перенос рыночных правил игры на образование <...> способствует выживанию наиболее обеспеченных, а значит, наиболее крупных вузов — таких «образовательных госкорпораций»...; ...должна быть открытой для семей. Ведь они — потребители и покупатели образования в буквальном смысле слова...*).

Следует отметить, что, в то время как данная тема активно обсуждается в СМИ, на уровне нормативных документов «рыночные» формулировки только начинают появляться. Так, в Законе об образовании 2013 г. появляется термин «участники отношений в сфере образования — участники образовательных отношений и федеральные государственные органы, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, работодатели и их объединения» [5]. Несколько позже данный термин будет заменен на «участников образовательных отношений» с качественно новым составом, в который войдут обучающиеся, их родители или законные представители, педагогические работники, образовательные организации, а образовательные стандарты последнего поколения, первые из которых вышли в 2017 г., требуют наличия в структуре образовательной программы части, формируемой участниками образовательных отношений.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что процессы, протекающие вне сферы образования, но ориентированные на нее, оказывают непосредственное влияние на формирование нормативной базы, регламентирующей процесс высшего образования. Так, потребность экономики в высококвалифицированных специалистах, активно обсуждаемая в СМИ 2013–2015 гг. (*Нам нужны люди! <...> Нужны как воздух; Образование — двигатель экономики...*), обуславливает требования образовательных стандартов к разработке программ исходя из потребностей рынка тру-

да. В то же время на основании закона об образовании в 2013 г. появляется возможность проведения профессионально-общественной аккредитации работодателями и их объединениями, что также является востребованной информацией в СМИ (*Потребность в высококвалифицированных кадрах должна формироваться в связи с требованиями экономики <...> необходимо привлечь объединение работодателей...*). Таким образом, пресса при реализации исследуемого концепта руководствуется как общественными настроениями, так и новыми положениями нормативных документов.

Подведем итоги. Исследованный материал показал результаты влияния на реализацию медийного концепта характера информационного повода и его СМИ-интерпретации.

Используя информационные поводы, заключающиеся в выходе определенных нормативных документов, пресса в соответствии с манипулятивными задачами отбирает содержательные составляющие этих документов и оценивает результаты внедрения этих документов в соответствии с ними. Кроме того, в реа-

лизации медийного концепта не последнюю роль играет социокультурная ситуация, которая в СМИ-представлении также учитывается, реализуя реакцию на читательский интерес.

Литература

1. Резанова З.И. Дискурсивные картины мира // Картины русского мира: современный медиадискурс. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. – С. 15–97.
2. Полонский А.В. Медиа – дискурс – концепт: опыт проблемного осмысления [Электронный ресурс] // Современный дискурс-анализ. – 2012. – URL: <http://discourseanalysis.org/ada6/st43.shtml>.
3. Орлова О.В. Дискурсивно-стилистическая эволюция медиаконцепта: жизненный цикл и миромоделирующий потенциал : дис. ... докт. филол. наук. – Томск, 2014. – 425 с.
4. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <http://ruscorpora.ru>.
5. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. N 273-ФЗ « Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – 2012. – URL: <https://rg.ru/2012/12/30/obrazovanie-dok.html>.

СКВОЗНЫЕ МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ КНИГ М.Е. ЛИТВАКА «ЧЕТЫРЕ ВИДА ЛЮБВИ», 2015 Г.,
«ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ АЙКИДО: УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ», 2006 Г.)

Тюркина А.А.

Томский государственный университет, студент

THROUGH METAPHORICAL IMAGES IN PSYCHOTHERAPEUTIC DISCOURSE
(ON THE MATERIAL OF THE BOOKS BY M.E. LITVAK, "FOUR TYPES OF LOVE", 2015,
"PSYCHOLOGICAL AIKIDO: A MANUAL", 2006)

Tyurkina A.A.

Tomsk State University, student

В статье рассмотрены сквозные метафорические образы в психотерапевтическом дискурсе (на материале книг М.Е. Литвака «Четыре вида любви» и «Психологическое айкидо»). Представлены многократные примеры пищевой, антропоморфной метафор, метафоры, где сфера-источник природа, огонь. Основной тематический пласт образных выражений строится вокруг концепта, представленного в названии книги.

Ключевые слова: психотерапевтический дискурс, метафорические образы, образные аналогии, сфера-источник.

The article discusses the end-to-end metaphorical images in the psychotherapeutic discourse (based on the material by the books of ME Litvak "Four types of love" and "Psychological aikido"). Multiple examples of food, anthropomorphic metaphors, metaphors are presented, where the sphere is the source of nature, fire. The main thematic layer of figurative expressions is built around the concept presented in the title of the book.

Key words: psychotherapeutic discourse, metaphorical images, figurative analogies, source sphere.

Научный руководитель:
Юрина Елена Андреевна,
докт. филол. наук, профессор.

В современной лингвистике большое внимание уделяется метафоре в разных типах дискурса, например, в политическом, рекламном, бизнес-дискурсе и т.д. В том числе изучается роль метафоры в психотерапевтическом дискурсе, где учитываются ментальные процессы терапевта и клиента, их интенции и моделирование картины мира.

В статье рассматриваются тексты двух книг М.Е. Литвака, психотерапевта из Ростова-на-Дону, практика с большой клиентской базой, кандидата медицинских наук, автора 30 книг по практической и популярной психологии; наше исследование проведено по книгам «Четыре вида любви» и «Психологическое айкидо». Книга «Четыре вида любви» — о том, как разобраться в любви во всех ее проявлениях. Книга «Психологическое айкидо» рассказывает о способах бесконфликтного общения. В текстах исследуемых книг используется большое количество образных единиц языка (нами выявлено более 250 единиц) и образных аналогий, выраженных в развернутых текстовых фрагментах (более 10 метафорических текстов).

В текстах присутствуют метафоры, где сферой-источником является еда, например, в контексте из книги «Четыре вида любви»: **Потреблять. ЯМ.** Использовать, расходовать для удовлетворения каких-л. потребностей, нужды в чем-л. **Как пищу. Сравн.** О жизненно необходимом. **Как воду. Сравн.** О жизненно необходимом. — *Если от вас человек ушел, и вам стало очень плохо, значит, вы его не любите, а потребляете, как пищу или как воду* [1, с. 6]. В контексте книги «Психологическое айкидо» общение — это приготовление пищи: **Готовить. ЯМ.** Делать годным, готовым для чего-н. — *Попробуем проследить, как готовится обще-*

ние и какие исходные продукты используются для его приготовления [2, с. 53].

Также в текстах встречаются метафоры, где сфера-источник — это природная среда, например в книге «Четыре вида любви»: **Клещ. В сравн. как клещ. ЯМ.** Приставучий, надоедливый человек. — *Он не даст женщине и шагу ступить без него — приклеится, как клещ* [1, с. 55]. В «Психологическом айкидо»: **Птица счастья. ЯМ.** Вестник изменений жизни в положительную сторону. — *Так вот, когда тебя клюнет птица счастья, то могут исчезнуть все старые друзья* [2, с. 52].

Встречаются примеры антропоморфной метафоры, в книге «Четыре вида любви»: **И на старуху бывает проруха. Посл.** Даже опытный человек иногда может ошибиться, сделать глупость, оплошать, сплеховаться. — *Несомненные плюсы «моих» дам: то, что они пришли на семинары не выходить за меня замуж, и то, что я их всех, как облупленных, знаю. Конечно, и на старуху бывает проруха, я тоже могу ошибиться, но хоть знаешь, на что идешь* [1, с. 155]. В книге «Психологическое айкидо»: **Герой. ЯМ.** Лицо, являющееся для кого-л. предметом поклонения, восхищения, образцом для подражания — *Ведь она абсолютно не готова показаться в этом обществе, где утки, гусыни и индюшки так ее общиплют, что через какое-то время она будет изгнана из этого общества, и ее герой будет первым ее гонителем* [2, с. 205].

В книге «Четыре вида любви» частотны метафоры, где сфера-источник — огонь. Например, **Уголь. АМ.** Источник чувства. **Как дерево горит.** О сильном чувстве, страсти. **Согреть. ЯМ.** Утешить, ободрить и т.п. **Обжечь. ЯМ.** Внезапно и сильно овладеть кем-л. **Пла-**

мя. ЯМ. Пыл, воодушевление. **Уголёчек. ЯМ.** О беззащитном, нежном чувстве. — *Страсть — это как дерево горит. А потом остается пепел или угли. Угли — это и есть любовь. Если угли кончатся, то жизнь закончится. Сильное пламя может обжечь, но не согреть. А любовь может и согреть, и обжечь* [1, с. 7]. В «Психологическом айкидо» тоже используется метафора огня: **Пропади оно все пропадом/пусть горит огнем. ЯМ.** Быть под угрозой срыва, провала и т.п. — «*Пропади оно все пропадом!*», «*Пусть горит огнем!*» [2, с. 79].

Примеры образных аналогий реализуются на уровне текстовых фрагментов иносказательного характера, выражаются синтаксическим параллелизмом и другими фигурами речи. В книге «Четыре вида любви» представлена такая аналогия: — *Я всегда привожу пример настоящего стресса: это когда в 50-ти градусный мороз разбили окно, и в доме стало холодно* [1, с. 137]. В «Психологическом айкидо» — *Вспомните, как вы радовались, когда вселялись в новую квартиру. Сейчас она стала еще лучше. Вы сделали ремонт, поставили новую мебель. Но самой квартире вы не рады. Вот так и жена* [2, с. 202]. Квартира — метафора жены. Здесь говорится о том, что, если в человеке поменять какое-либо качество, он от этого не станет другим. Тебе могут нравиться изменения, но отношение к человеку от этого не будет прежним.

Таким образом, можно сделать вывод: в исследуе-

мых книгах было выявлено большое количество образных слов и выражений, некоторые из них встречались в рамках одной книги неоднократно, а некоторые присутствовали и в одной, и в другой книге, это связано со сквозными метафорическими образами, которые предпочитает автор. Образные средства выстраиваются в особую тематическую парадигму, где ядром является семантика названия книги, центральное слово. В названии книги «Психологическое айкидо» обозначена сфера-источник — борьба, которая характеризует сферу-мишень — межличностное общение. Оно выражается образными средствами, описывающими борьбу: бить, ранить, удар, укол, поле битвы, психологический камень, психологические грогги (нокауты). В книге «Четыре вида любви» используются образные средства, которые характеризует концепт «любовь», это раскрывается через разные сферы-источники: физические процессы, социальный статус, природные явления, пищу. Разнообразие, яркость аналогий помогает читателям книг понять сложные психотерапевтические термины через известные всем образы, ситуации.

Литература

1. Литвак М.Е. Четыре вида любви. — М. : Аст, 2015.
2. Литвак М.Е. Психологическое айкидо : учебное пособие. — Ростов н/Д. : Феникс, 2006.

РУССКАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В АСПЕКТЕ МЕТАФОРИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

Цуканова Е.В.

Томский политехнический университет, аспирант

RUSSIAN LEGAL TERMINOLOGY IN THE ASPECT OF METAPHOR MODELING

Tsukanova E.V.

Tomsk Polytechnic University, post-graduate student

В статье анализируется распределение метафорических терминов по сферам (domains) в рамках теории концептуальной метафоры. Параллельно метафорические термины распределяются по отраслям права. Анализ классификаций по двум основаниям позволит проследить тенденции концептуализации метафорической терминологии и выявить наиболее характерные метафорические модели.

Ключевые слова: сферы, концептуальная метафора, юридическая терминология.

The article describes the analysis of the metaphorical terms distribution to spheres (domains), within the framework of the conceptual metaphor theory. Moreover, metaphorical terms are distributed to branches of law. Analysis of classifications on two bases will allow us to figure out the tendency in conceptualization of metaphorical terminology and to identify the typical metaphor models.

Key words: domains, conceptual metaphor, legal terminology.

Научный руководитель:
Мишанкина Наталья Александровна, докт. филол. наук,
профессор.

Метафора в аспекте когнитивного механизма абстрактного научного познания является актуальным инструментом, позволяющим «переосмыслить сложные объекты, понятия профессиональной коммуникации, исходя из ее возможности ментального объединения предметов из разных сфер опыта» [1].

Теория концептуальной метафоры [2, с. 256] позволяет проследить механизм переноса когнитивных структур (фреймов, образных схем) из области источника (source domain), где структурируется опыт, в область мишень (target domain). Взаимосвязь сфер «ис-

точника» (source domain) и «цели» (target domain) допустимо проследить посредством когнитивного отображения (cognitive mapping), где концептуальная метафора есть проекция смысла сферы-источника на сферу-мишень.

На данном этапе нашего исследования мы ставим целью выявить, какие концептуальные области выступают основой концептуализации при терминообразовании в юридической терминологии. Достижение поставленной цели возможно путем реализации следующих задач: во-первых, определение количества

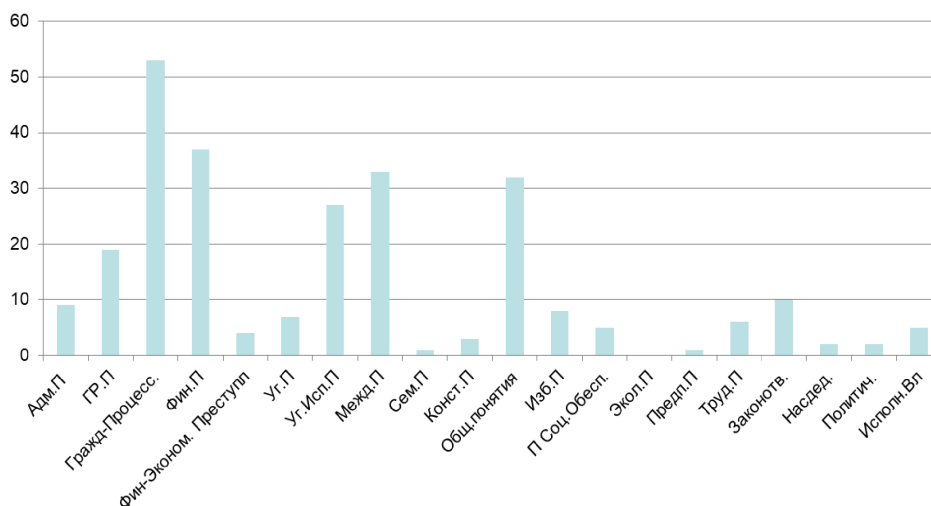

Рис. 1. Метафорические термины по отраслям/областям: Адм.П – административное право; Гр.П – гражданское право; Гражд.Процесс. – гражданско-процессуальное право; Фин.П – финансовое право; Фин-Эконом.Преступл. – финансово-экономические преступления; Уг.П – уголовное право; Уг.Исп.П – уголовно-исполнительное право; Межд.П – международное право; Сем.П – семейное право; Конст.П – конституционное право; Изб.П – избирательное право; П.Соц.Обесп. – право социального обеспечения; Экол.П – экологическое право; Предп.П – предпринимательское право; Труд.П – трудовое право; Наслед. – наследование; Политич. – политическая терминология; Исполн.Вл. – исполнительная власть; Общ.понятия – общие понятия, термины, которые нами были отобраны методом сплошной выборки по критерию наличия метафоры, но не отнесены ни к одной области/отрасли права

Таблица 1. Метафорические модели

Отрасль права	Кол-во	Метафорические модели	Примеры
Административное	1	ПРЕПЯТСТВИЯ К ДЕЙСТВИЮ – ПРЕПЯТСТВИЯ К ДВИЖЕНИЮ	ведомственные барьеры
Гражданское	1	КАЧЕСТВА (ХАРАКТЕРИСТИКИ) – СОДЕРЖАНИЕ	верная копия
Гражданско-процессуальное	22	КОЛИЧЕСТВО – РАЗМЕР ДЕЙСТВИЕ – ПЕРЕДАЧА (ПЕРЕМЕЩЕНИЕ) ОБЪЕКТА ВАЖНОСТЬ (ПРИОРИТЕТНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ) – РАСПОЛОЖЕНИЕ СИЛА ОБЪЕКТА ОПРЕДЕЛЯЕТ СПОСОБНОСТЬ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ПОДВЕРЖЕННУЮ ВЛИЯНИЮ СТОРОНУ	размер взыскания налагать взыскание взыскание в пользу третьего лица степень вины
Финансовое	9	КАЧЕСТВА (СВОЙСТВА) – ФИЗИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ПУТИ – ПРОВОДНИКИ ГИДЫ), ГДЕ НАПРАВЛЯЕМОЕ ДЕЙСТВИЕ, ЭТО УПРАВЛЯЕМОЕ ДВИЖЕНИЕ	покупательная сила твердая валюта ведение банковских операций
Уголовно-исполнительное	3	ОБЯЗАТЕЛЬСТВА – КОНТЕЙНЕРЫ	полная вменяемость
Международное	14	ОБЩЕСТВО – ОРГАНИЗМ ВОЙНА – СОРЕВНОВАНИЕ ПРОБЛЕМА – КЛУБОК/УЗЕЛ	вмешаться во внутренние дела другой страны/ государственное устройство обуздать (сдерживать) гонку вооружений прибегать к войне развязывать войну
Семейное	1	СОСТОЯНИЕ – ЛОКАЦИЯ	вступить в брак
Общие понятия	7	СРАВНЕНИЕ КАЧЕСТВ – СРАВНЕНИЕ ВЛАДЕНИЙ ЛЮДИ – РАСТЕНИЯ ПОВТОРЯЮЩАЯСЯ ПРИЧИННАЯ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ – КРУГ	равные возможности зрелый возраст круглый год
Избирательное	7	СРАВНЕНИЕ ХАРАКТЕРИСТИК – СРАВНЕНИЕ ФИЗИЧЕСКИХ СВОЙСТВ. Спец. ситуация – сравнение значимости – взвешивание	голосование с минимальным перевесом голосов
Социальное обеспечение	1	МЕРНАЯ (ЛИНЕЙНАЯ ШКАЛА)-ПУТЬ	предельный возраст
Трудовое	1	КОЛИЧЕСТВО – ВЕРТИКАЛЬ	поднимать (увеличивать) пенсионный возраст
Исполнительная власть	4	ИЗМЕНЕНИЕ СОСТОЯНИЯ – ИЗМЕНЕНИЕ МЕСТОПОЛОЖЕНИЯ	приходить к власти

метафорических терминов в различных отраслях права, которые были идентифицированы нами ранее с помощью MIPVU (Metaphor Identification Procedure VU) [3]. Во-вторых, определение основных концептуальных областей, которые выступают в качестве базовых при образовании юридических терминов-метафор.

Для описания технологии метафорического моделирования в настоящем исследовании выступает теория концептуальной метафоры и электронный ресурс-каталог Master Metaphor List [4], который представляет собой список метафорических моделей, выявленных разными исследователями. Метафорические модели в нем сгруппированы по концептам, например, Качества, Эмоции, Путь, Пространство и т.д.

Обращение к Master Metaphor List обусловлено необходимостью более четкой методической позиции в определении метафорической модели.

Мы допускаем, что не все метафорические модели, представленные в каталоге, будут универсальны для метафоры в юридической терминологии в русском

языке, что может быть обусловлено «разницей культур» [2, с. 149] и фактом развития «науки в рамках определенного этнокультурного образования» [5].

Для реализации первой поставленной задачи выявленные ранее с помощью MIPVU 300 русских юридических метафорических терминов были распределены по отраслям и областям права. Результаты представлены на рисунке 1.

Для решения второй задачи мы проанализировали внутренние когнитивные структуры концептуальных метафор юридической терминологии, соотнося их с метафорическими моделями, представленными в Master Metaphor List. Мы выявили метафорические модели, наиболее характерные для определенной отрасли/области права. Результаты анализа представлены в таблице 1.

Анализ метафорических моделей русской юридической терминологии и одновременное распределение метафорической терминологии по отраслям права позволяет проследить тенденции концептуализации метафорической терминологии и выявить наибо-

лее характерные метафорические модели по областям права.

Проведенный анализ показывает, что в качестве наиболее активных выступают следующие метафорические модели: КАЧЕСТВА – ФИЗИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА; КОММУНИКАЦИЯ – ПЕРЕНОС; СТАБИЛЬНОСТЬ – РАВНОВЕСИЕ; ИДЕИ – ОБЪЕКТЫ; ГОСУДАРСТВО – ОРГАНИЗМ.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что классификация метафорических моделей в соответствии с моделями, представленными в Master Metaphor List, является надежным инструментом, который позволяет выявить и отразить семантическую специфику метафорического термина при условии учета асимметричности метафорических моделей юридических терминов русского языка и представленных моделей в Master Metaphor List.

Литература

1. Голованова Е.И. Введение в когнитивное терминоведение. – М.: Флинта; Наука, 2011. – С. 69.
2. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – С. 256.
3. Tsukanova E. Metaphor asymmetry in legal terminology in Russian and English languages [Электронный ресурс] // Metaphor Festival : book of abstracts. – 2018. – С. 56. – URL: http://metaphorlab.org/wp-content/uploads/2016/05/MetFest18-Book-of-Abstracts_FINAL.pdf.
4. Lakoff G., Esperson J., Schwartz A. Master Metaphor List [Электронный ресурс]. – Berkley: University of California, 1991. – URL: <http://araw.mede.uic.edu/~alansz/metaphor/METAPHORLIST.pdf>.
5. Мишанкина Н.А., Деева А.И. Нефтегазовая метафорическая терминология: асимметричность и эквивалентность перевода (на материале русского и английского языков) // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2013. – № 6(26).

ОБРАЗНЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «ЛУНА» В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА РОМАНА М. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»

Чжу Чжисюэ

Томский государственный университет, аспирант

FIGURATIVE LEXICAL AND PHRASEOLOGICAL REPRESENTATIONS OF THE CONCEPT OF THE MOON IN THE ART PICTURE OF THE WORLD OF M. BULGAKOV'S NOVEL "MASTER AND MARGARITA"

Zhu Zhixue

Tomsk State University, post-graduate student

В статье рассматриваются образные лексические и фразеологические репрезентации концепта «Луна» в романе «Мастер и Маргарита» с точки зрения лексической и когнитивной семантики, а также когнитивной стилистики текста. Анализируется концепт «Луна» в художественной картине мира, представленной в тексте произведения.

Ключевые слова: концепт «Луна», образность, М. Булгаков, «Мастер и Маргарита», художественная картина мира.

The article deals with the figurative lexical and phraseological representations of the concept "The Moon" in the novel "Master and Margarita" in terms of lexical and cognitive semantics, as well as cognitive style of the text. The concept "Moon" of the author's picture of the world, presented in the text of the artwork, is analysed.

Key words: concept "The Moon", imagery, M. Bulgakov, "Master and Margarita", artistic picture of the world.

Научный руководитель:
Юрина Елена Андреевна,
докт. филол. наук, профессор.

В настоящее время языковая образность является объектом изучения лингвостилистики и лексикологии. По мнению О.И. Блиновой и Е.А. Юриной, теория образности получает статус самостоятельного направления изучения семантики к концу XX – началу XXI вв. Е.А. Юрина дает следующее определение понятия образности: «Образность – это структурно-семантическое свойство слова, характеризующегося семантической двуплановостью и метафоричностью внутренней формы. Образное слово выражает внеязыковое содержание посредством целостного наглядного, общего для данного говорящего коллектива образа, поскольку обозначает предмет в его ассоциативной связи с другим предметом; выражает качественную-количественную характеристику называемого явления» [1]. Образность является ключевым понятием и для языка художественного текста. И.Ф. Волков приходит к следующему определению образа: «Художественный образ – это система конкретно-чувственных средств, воплощающая собой собственно художественное содержание, то есть художественно освоенную характерность реальной действительности» [2].

В статье рассматриваются лексические репрезентации концепта «Луна» в тексте романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» [3] с точки зрения их образной и символической семантики в когнитивно-стилистическом аспекте. В рамках функционального аспекта лексической семантики анализируется значение лексических и фразеологических элементов художественного текста: их актуальных смыслов, задействованных в формировании художественной картины мира. Когнитивный аспект анализа предполагает изучение того, как значение слова отражает мышление и познавательную деятельность, как человек видит мир и выражает представления о нем в языке. В рамках когнитивной стилистики текста анализируются лексичес-

кие и текстовые репрезентации концепта «Луна» в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита», рассматривается роль образа луны в авторской художественной картине мира.

О ключевой роли концепта «Луна» в художественной картине мира романа свидетельствует большое количество его лексических репрезентаций. Слово *луна* встречается 84 раза, *полнолуние* – 9 раз, 31 раз употреблено прилагательное *лунный*, многократно используются слова и выражения, называющие различные проявления луны – ее визуальный облик, цвет, свет, движение по небосклону, ее воздействие на человека и природу. В тексте многократно употребляются образные характеристики этого небесного светила (106 фрагментов текста).

Концепт «Луна» в романе «Мастер и Маргарита» актуализируется в четырех важных аспектах. Первый аспект связан с визуальным обликом. В романе актуализируется **форма** луны через такие слова и выражения, как *полнолуние; полная луна; луна, уже разваливаясь на куски; открылась полная, но не утренняя, а полночная луна; цельная луна; оголенная луна; диск луны; луна начинает разрастаться; созреет луна. Цвет луны: еще не золотая, а белая; багровая луна; золотая луна; увидеть позлащенную луну; луна быстро выцветала; луна в начале вечера белая, а затем золотая. Фаза луны: весеннее праздничное полнолуние; весеннее полнолуние. Зрительное восприятие луны: всматриваясь в луну; глядя на луну; не сводя глаз с луны, он улыбался ей (Мастер); подняла голову к луне; полюбовавшись на луну; гляжу на луну (Маргарита); искать луну; начинает идти к луне; поднимается все выше к луне (Пилат); шуритесь на луну (Иван); полюбовавшись лунной, сидящий непременно переревет глаза на окна; он что-то видит в это весеннее полнолуние на луне и в саду, в высоте (Николай) и т.д.*

Следующий аспект – это **свет луны**, который в лек-

сической структуре романа представлен через слова *свет, луч, дорога, поток* и *столб*. Свет луны выражен следующими номинациями: *лунные цепочки; узорчатые лунные ковры; лунное пятно; лунная лента; лунный столб; лунное одеяние; лунное наводнение; луна мелькнула; блеснула; сияла; светила; лунный луч скупо освещал; лунный свет согревал; лунный поток кипел вокруг него (Мастера); дорога, заливаемая луной; платок ночного света; голубая дорога; луна начинает неистовствовать, она обрушивает потоки света; она разбрызгивает свет прямо на Ивана; свет качается, поднимается выше, затопляет постель* и т.д.

Третий аспект — это **движение и расположение** луны. Для изображения движения луны автор использует глагольные лексемы, характеризующие действия животных (*плыть, лететь*) и людей (*выходить, бегать, властвовать, играть, шалить, танцевать*), например: *луна открылась, начала выходить, мелькнула, ушла, отступила, проплыла, отошла в сторону; луна плывет, приходит, начинает приближаться; луна, выходящая из-за черного бора; плывущая за решеткой; луна, бегущая в прозрачном облачке; летящая над нею слева луна*. Расположение луны на небосклоне описывается автором через следующие выражения: *далекая луна; луна в высоте; все выше подымалась над Ершалаимом* и др.

Все эти аспекты представлены в романе не только через образ луны как элемент природного мира, в пространстве которого разворачиваются события, но и через субъективное восприятие формы, света и движения луны человеком. Субъектом восприятия луны выступают различные персонажи романа. Луна является свидетелем событий, происходящих в Ершалаиме и Москве. С концептом «Луна» тесно связаны в романе такие главные персонажи, как Берлиоз, Воланд, Иван Бездомный, Маргарита и Мастер (в Москве); Понтий Пилат, Иуда (в Ершалаиме).

Луна для разных персонажей демонстрирует свои разные формы. В первой главе романа на Патриарших прудах луна изменяется над Берлиозом с полной на разбитую на куски, с белой до золотой: *в высоте полная луна, но еще не золотая, а белая*. Берлиоз упал и успел увидеть в высоте <...> *позлащенную луну*. В конце жизни Берлиоз видел *разваливающуюся на куски луну*. После смерти Берлиоза *над Патриаршими светила золотая луна*. Луна для Ивана бездомного связана с полнолунием: *Каждый год, лишь только наступает весеннее праздничное полнолуние, под вечер появляется под липами на Патриарших прудах человек лет тридцати или тридцати с лишним*. Он знает, что кое с чем он совладать не может, не может он совладать с этим *весенним полнолунием*. Для Ивана полнолуние — обманчивая, странная и таинственная сила. Например, *и в лунном, всегда обманчивом, свете Ивану Николаевичу показалось, что тот стоит, держа под мышкою не трость, а шпагу; в комнате Ивана луна властвует и играет, танцует и шалит; луна начинает неистовствовать, она обрушивает потоки света прямо на Ивана, она разбрызгивает свет во все стороны, начинается лунное наводнение, свет качается, поднимается выше, затопляет постель*. Полная луна мучает не только Ивана в Москве, но и Понтия Пилата в Ершалаиме. *Оголенная луна висела высоко в чистом небе, и прокуратор не сводил с нее глаз в течение нескольких часов; Прокуратор большими глазами стал искать луну и увидел, что она немного отошла в сторону и посеребрилась*. Он 3 раза повторял *«при луне <...> нет покоя»*. Свет луны отра-

жается через образ *лунной дороги*, которая имеет значение чрезвычайно важное для Понтия Пилата. Она ведет к истине, которую ищет Прокуратор в жизни и после смерти. Пилат *немедленно тронулся по светящейся дороге и пошел по ней вверх прямо к луне; голубая дорога перед ним провалилась; и все время видит во сне лунный луч. Будто бы гуляет по этому лучу; Понтий Пилат видит одно и то же — лунную дорогу, и хочет пойти по ней и разговаривать с арестантом Га-Ноцри; Видно было только, что вслед за своим верным стражем по лунной дороге стремительно побежал и он*.

Луна висит в чистом небе двух миров как свидетель. В Ершалаиме убийство Иуды открыто под лунной. *Пересекши пыльную дорогу, заливаемую луной, Иуда устремился к Кедронскому потоку; Иуда подымался, тяжело дыша, по временам попадая из тьмы в узорчатые лунные ковры; Левая ступня попала в лунное пятно, так что отчетливо был виден каждый ремешок сандалии*. А исполнитель убийства Афраний после встречи с Прокуратором ушел из дворца, когда *лунная ночь потчас отступила в сад, как будто он увел ее с собою*. Афраний *пробирался по пустынным улицам Нижнего Города, изредка поглядывая на нигде не виданные в мире пятисвечия, пылающие над храмом, или на луну, которая висела еще выше пятисвечий*.

Полная луна также как символ цельности и совершенства связывается с любовью. В романе Булгакова Маргарита ради своей любви к Мастеру готова на все, даже на сделку с дьяволом. В отличие от других персонажей, Маргарита не испытывает страха по отношению к луне, напротив, она свободно летит в сиянии лунном и блистает невероятной красотой. Отношение света луны к Маргарите описывается через глаголы *светить, лизать, омывать и согревать*. Например, *лунный свет лизнул ее; волосы Маргариты давно уже стояли копной, а лунный свет со свистом омывал ее тело; легкая тень летящей скользила по земле впереди — теперь луна светила в спину Маргарите; лунный свет ее приятно согревал*. Мастер, главный герой романа, всегда является читателю как «лунный гость», «в лунном одеянии». *На балконе возникла таинственная фигура, прячущаяся от лунного света; от подоконника на пол лег зеленоватый платок ночного света, и в нем появился ночной Иванушкин гость; лунный поток кипел вокруг него; спросил лунный гость; он помолчал некоторое время в сматнении, всматриваясь в луну, плывущую за решеткой* и др.

Автор использует слова и выражения с метафорическим значением, которые образно характеризуют действия луны. Используются глаголы с метафорическим значением: *Луна мелькнула, светила, сияла, блеснула, ярко изменила, заливала, обрушивает, разбрызгивает, разваливаясь, открылась, созреет, выцветала, неслется обратно, ушла, проплыла, показалась, отошла, начала выходить, отступила, приходит, властвует и играет, танцует и шалит*. Лунный свет *качается, лизнул, омывал, не проникал, скупо освещал, приятно согревал, перебивал, скупо освещал*. Лунная дорога: *серебрилась, провалилась, протягивается, вскипает*. Лунная река *начинает хлестать и разливается, поднимается, затопляет*. Образные прилагательные: *Луна плывущая, летящая, позлащенная, освещающая, оголенная, ярчайшая, багровая, сумасшедшая, разваливающаяся на куски, заливаемая луной дорога, бегущее ночное светило*. Лунный свет: *обманчивый, неприятный, беспокойный, льющийся от луны*. Лунная дорога *светящаяся*. Образ-

ные существительные: *диск луны, золотое светило, лунный гость, лунный столб, лампы луны, узорчатые лунные ковры, лунное пятно, лунная лента, лунные цепочки, жертва луны, лунное наводнение* и т.п.

Проведенный анализ показал, что концепт «Луна» играет очень важную роль в идейно-художественном мире романа. Трехдневное отсутствие луны на небе, а затем новое ее появление сделали луну символом перехода от жизни к смерти и от смерти вновь к жизни. В романе актуализируются культурно-символические смыслы, связанные с космологическими мифами разных архаических культур [4]. Так, в некоторых традициях луна указывает дорогу в загробный мир или сама является местом посмертного жительства праведных душ.

Луна в чистом небе высоко видит, наблюдая скрытую и темную сторону жизни людей, как свидетель добра и зла всегда рядом с людьми. В романе Булгакова луна символизирует высшие силы, как светлые, так и темные. Луна показывает отношение высших сил к поступкам персонажей: она спасла души Мастера и

Маргариты, помогла Пилату найти настоящую свободу и покой, а также наказала предателя Иуду и атеиста Берлиоза. Луна светит, но не греет, она отражает свет солнца, подобно тому, как зло является оборотной стороной добра: «Я — часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо».

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 18-18-00194 «Образная система русского языка в полидискурсивном пространстве современных коммуникаций» (2018–2020 гг.).

Литература

1. Юрина Е.А. Образность лексических единиц (К вопросу о месте образности в структуре лексического значения слова) // Русские говоры Сибири. Семантика. — Томск, 1995. — С. 21.
2. Волков И.Ф. Теория литературы. — М. : Просвещение ; Владос, 1995. — С. 75.
3. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. — М. : Издательство «Э», 2012. — 416 с.
4. Тресиддер Д. Словарь символов. — М. : Гранд ; Фаир-Пресс, 1999. — С. 92.

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ В ПОЛИКОДОВЫХ ТЕКСТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ФОТОГРАФИИ ВОДЫ)

Шервуд Е.Е.

Томский государственный университет, студент

METAPHORICAL MODELS IN POLYCODE TEXTS (ON THE MATERIAL OF ART PHOTOGRAPHY OF WATER)

Shervud E.E.

Tomsk State University, student

В статье представлены результаты анализа концептуальной метафоры в поликодовых текстах. Выявляются регулярные модели метафорического переноса, возникающего за счет взаимодействия иконического и вербального компонентов.

Ключевые слова: концептуальная метафора, поликодовый текст, фотография Р. Коллинза.

The article presents the results of the analysis of conceptual metaphor in polycode texts. The study identifies regular patterns of metaphorical transference that arises due to the interaction of the iconic and verbal components.

Key words: conceptual metaphor, polycode text, R. Collins's photography.

Научный руководитель:
Новикова Элеонора Геннадьевна,
канд. филол. наук.

История изучения метафоры берет начало в работах Аристотеля, подход которого стал основой для формирования традиционного понимания метафоры: «употребление слова или выражения в переносном значении, основанное на сходстве, сравнении, аналогии» [1]. Взгляд на метафору как на языковой феномен оставался ключевым до тех пор, пока во второй половине XX в. не начала активно развиваться когнитивная наука, изучающая ментальные процессы, связанные со знанием и познанием. Вместе с тем зародилась когнитивная лингвистика, рассматривающая язык как средство вербализации этих процессов. В рамках этого направления возникает теория концептуальной метафоры.

Ключевыми фигурами в развитии этой теории стали исследователи Дж. Лакофф и М. Джонсон [2]. Они переосмысливают метафору и утверждают, что метафорична в первую очередь понятийная система человека, а языковые метафоры — лишь вербальное отражение этого. Основная функция концептуальных метафор, по их мнению, состоит в «понимании сущности одного вида через сущность другого вида». Для обозначения системных связей между этими сущностями они предлагают термины *сфера-мишень* (target domain) и *сфера-источник* (source domain). При метафоризации осуществляется перенос со сферы-источника на сферу-мишень, при котором сфере-мишени приписываются некоторые признаки, присущие сфере-источнику.

Важно отметить, что человеческое сознание способно породить не только вербальные метафоры. Например, метафора может быть визуализирована в изображении. Впервые подробно описал и классифицировал визуальные метафоры Ч. Форсвилль [3].

В нашем исследовании мы рассматривали поликодовые тексты с целью выявления регулярных моделей метафорического переноса, возникающего за счет взаимодействия иконического и вербального компонентов. Материалом послужили 88 художественных фотографий с изображением воды австралийского фотографа Рэя Коллинза.

Отметим, что поликодовым является тот текст, который представлен элементами разных знаковых систем [4]. В нашем случае это иконическое изображение (сфера-мишень) и его название (сфера-источник). При этом в рассматриваемых нами текстах именно вербальный компонент фасилизирует метафорическое прочтение, реализует метафору и тем самым делает текст целостным.

В ходе анализа было выявлено 12 метафорических моделей. В качестве обозначения сферы-мишени, представленной изображением, во всех случаях мы использовали слово ВОДА, обозначающее родовое понятие, не конкретизируя изображенный на фотографии объект при помощи слов *волна*, *пена* или *брызги*.

По сфере-источнику выявленные модели были поделены на две основные группы: вода — это нечто, доступное / недоступное для восприятия при помощи органов чувств (зрения, слуха, осязания, вкуса, обоняния, а также чувства положения в пространстве).

Рис. 1. Eagle (open)

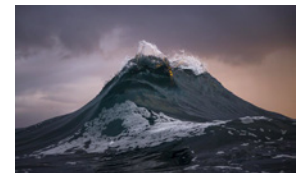

Рис. 2. Snow Mountain (заснеженная гора)

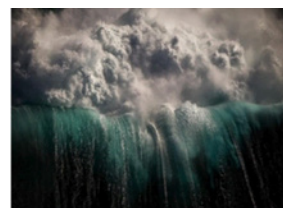

Рис. 3. Rumble (грохот, гроыхать)

Рис. 4. Fury (ярость)

Такое деление обусловлено положением о том, что, как правило, сфера-источник основана на первичном телесном опыте и доступна для чувственного восприятия. В связи с этим немногочисленная вторая группа представляет особый интерес.

Внутри этих групп мы выделяем следующие модели.

1. Вода – это нечто, доступное для восприятия:
 - ВОДА – ЭТО ОРГАНИЗМ (ЧАСТЬ ОРГАНИЗМА), например, *The Claw (коготь, клешня)*, *Eagle (орел)* (рис. 1);
 - ВОДА – ЭТО ЛАНДШАФТ, например, *Valley (долина)*, *Snow Mountain (заснеженная гора)* (рис. 2);
 - ВОДА – ЭТО АРХИТЕКТУРНОЕ СТРОЕНИЕ, например, *Wall (стена)*, *Steps (лестница, ступеньки)*;
 - ВОДА – ЭТО ПРИРОДНОЕ ЯВЛЕНИЕ, например, *Cumulus (кучевые облака)*, *Gravity (сила тяжести, гравитация)*;
 - ВОДА – ЭТО МАТЕРИАЛ, например, *Satin (атлас)*, *Glass (стекло, стеклянный)*;
 - ВОДА – ЭТО ГЕОМЕТРИЧЕСКАЯ ФИГУРА, например, *Triangle (треугольник)*;
 - ВОДА – ЭТО ЖИВОПИСЬ, например, *Impasto (импасто – наложение красок)*;
 - ВОДА – ЭТО ДЕЙСТВИЕ, например, *Inhale (вдыхать)*, *Detonate (взрываться)*;
 - ВОДА – ЭТО ЗВУК, например, *Rumble (грохот, громыхать)* (рис. 3);
 - ВОДА – ЭТО ОБЪЕКТ НЕРЕАЛЬНОГО МИРА, например, *Ghosts (призраки)*.

2. Вода – это нечто, недоступное для восприятия:
 - ВОДА – ЭТО ЧУВСТВА И ЭМОЦИИ, например, *Fury (ярость)* (рис. 4);
 - ВОДА – ЭТО СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА, например, *Aloneness (одиночество)*.

Четыре единицы не удалось однозначно отнести к какой-либо модели по причине полисемии: в зависимости от буквального или переносного значения слова, ставшего наименованием, они попадают под разные группы. Например, *Turbulence (турбулентность)* как природное явление или *волнение*, *смятение* как эмоция).

Большинство из рассматриваемых текстов (70) попадает в группу «вода – это нечто, доступное для восприятия». Самыми многочисленными по числу единиц стали модели ВОДА – ЭТО ЛАНДШАФТ (14) и ВОДА – ЭТО МАТЕРИАЛ (14).

Полученные результаты указывают на уникальную способность нашего сознания генерировать собственные смыслы и соотносить, казалось бы, очевидные и однозначные вещи с тем, с чем они на самом деле никак не связаны. А выявленные регулярные модели позволяют предположить, что эти обнаруженные образы и смыслы на самом деле не случайны.

Литература

1. Словарь современного русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – 4-е изд., стереотип. – М., 1999.
2. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. – Chicago : University of Chicago Press, 2008.
3. Forceville C. *Pictorial metaphor in advertisements // Metaphor and Symbol*. – 1994. – Vol. 9, No. 1. – P. 1–29.
4. Большакова Л.С. О содержании понятия «Поликодовый текст» // Вестник СамГУ. – 2008.

КОММУНИКАТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

СПОСОБЫ НОМИНАЦИИ ЖИВОГО ЧЕЛОВЕКА В СУДЕБНОЙ МЕДИЦИНЕ

Владиминова С.Б.

Томский политехнический университет, аспирант

WAYS OF THE NOMINATION OF A LIVING PERSON IN FORENSIC MEDICINE

Vladimirova S.B.

Tomsk Polytechnic University, post-graduate student

В статье рассмотрены способы номинации живого человека в судебно-медицинской литературе, представлена их классификация. В ходе анализа выявлено влияние тематического контекста на выбор способа номинации, а также грамматические особенности отдельных групп номинаций.

Ключевые слова: способы номинации, номинация человека, судебная медицина.

The article discusses the ways of nomination of a living person in the forensic literature, presents their classification. The analysis revealed the influence of the thematic context on the choice of the method of nomination and the grammatical features of some nominations.

Key words: ways of the nomination, person nomination, forensic medicine.

Научный руководитель:
Мишанкина Наталья Александровна, докт. филол. наук,
профессор.

В настоящее время большое количество лингвистических исследований посвящается институциональным дискурсам, связанным, как правило, с конкретными профессиональными сферами деятельности. В частности, нередко объектом изучения становится медицинский дискурс и сфера коммуникации «врач – пациент», т.е. базовая пара статусно неравных участников коммуникации [1]. Важной составляющей частью исследования медицинского дискурса, как и других институциональных, является выявление и анализ ключевых лексических единиц и особенностей их функционирования в прецедентных текстах. Так, имеются исследования медицинской профессионально-жаргонной лексики и фразеологии [2], в том числе и единиц, выполняющих номинативную функцию понятийной сферы «больной/пациент» [3]. Целью данного исследования является выявление и анализ способов номинации человека в судебной медицине – междисциплинарной медицинской отрасли, в которой отсутствует понятие «пациент», поскольку не предусмотрена деятельность, направленная на лечение человека.

Для выявления номинаций в ходе исследования были проанализированы тексты учебников и учебных пособий по специальности «Судебная медицина», а именно – разделы, посвященные экспертизе живых лиц. Это учебное пособие «Судебная медицина» В.Н. Волкова и А.В. Датия, учебное пособие «Судебно-медицинская экспертиза» П.П. Грицаенко и Г.А. Вишневого, учебник «Судебная медицина» под редакцией В.И. Прозоровского.

Выявленные в указанных текстах лексические и фразеологические единицы, использованные для номинации живых людей, являющихся объектами судебно-медицинской экспертизы, были разделены на несколько групп по основному признаку, стоящему в основе номинаций.

1. Гиперонимическая номинация. Наиболее общая из всех, маркирующая в общем виде объект такого вида судебно-медицинской экспертизы, как экспертиза живых лиц – им может быть только человек и только живой. Примечательно, однако, что

словосочетание «живой человек» в исследованных источниках не встречается. Данная группа номинаций представлена словами «человек» или «лицо» (последнее часто уточняется в контексте причастным оборотом, например, «лицо, в отношении которого проводится экспертиза»), а также словосочетанием «живое лицо».

2. Номинация, непосредственно указывающая на совершение в отношении живого лица экспертизы. Представлена частично субстантивированными страдательными причастиями, подчеркивающими пассивную роль объекта экспертизы: *подэкспертный, обследуемый, свидетельствуемый*.

3. Номинация по статусу в судебном разбирательстве. Поскольку судебно-медицинская экспертиза живых лиц часто назначается для установления характера и степени тяжести причиненного повреждением вреда здоровью и затем используется в качестве доказательства в судебных разбирательствах, важным аспектом номинации является соотношение объекта экспертизы со стороной конфликта. Номинации можно разделить на две подгруппы:

А) лицо, в отношении которого были совершены противоправные действия, номинируется как: *потерпевший, пострадавший* (эти номинации выступают как синонимичные), реже *жертва*;

Б) лицо, которое, возможно, совершило эти противоправные действия, номинируется в зависимости от своего реального статуса согласно Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации: *обвиняемый, подозреваемый, арестованный, задержанный*.

Как видно из примеров, данная группа номинаций также в большинстве случаев представлена субстантивированными причастиями. Причем в подгруппе А это действительные причастия прошедшего времени, а в подгруппе Б – страдательные причастия прошедшего либо настоящего времени.

4. Гендерно-маркированная номинация. Присутствует в материалах, посвященных проведению судебно-

медицинских экспертиз, связанных с определением полового состояния живого лица, совершении преступлений против половой неприкосновенности, с установлением материнства или отцовства. Наиболее общие номинации: *лицо мужского пола* и *лицо женского пола*, для первых также присутствуют номинации *мальчик*, *юноша*, *мужчина*, *муж*; для вторых номинаций несколько больше: *девочка*, *девушка*, *женщина*, *беременная женщина*, *мать*, *девственница*; также встречаются формы *обследуемая*, *свидетельствуемая*, *потерпевшая*, *пострадавшая* – в контексте экспертиз, объектом которых являются женщины. В приведенных в качестве примеров выдержек из реальных судебно-медицинских заключений встречаются формы *гражданин* и *гражданка*, дополненные первой буквой фамилии и возрастом («гражданка М., 66 лет», «гражданин А., 39 лет»). Как видно из примеров, гендерно-маркированная номинация в ряде случаев номинирует еще и возраст объекта экспертизы. Однако есть и отдельная группа номинаций, маркирующих принадлежность человека к конкретной возрастной группе.

5. **Возрастная номинация.** Объект экспертизы имеет специфическую номинацию по возрасту в тех случаях, если возраст подэкспертного является важным критерием для проведения экспертизы. Кроме упомянутых в предыдущей группе, номинации по возрасту имеются для детей и подростков, и такие номинации связаны с их половой зрелостью или неприкосновенностью: «лицо, не достигшее 16 лет», «лицо, не достигшее половой зрелости» и «лицо, не достигшее брачного возраста».
6. **Номинация по физическому или психическому состоянию.** Данная группа номинаций наиболее разнородна. Она маркирует некоторые особенности физического или психического состояния человека, в отношении которого проводится экспертиза. Представлена такими номинациями, как «больной», «симулянт», «членовредитель» (последнее номинирует людей, которые намеренно наносят повреждения самим себе, а не другим).

Обобщая вышесказанное, можно отметить достаточно общий характер выявленных номинаций, которые маркируют лишь те признаки, которые могут иметь значение в контексте проводимой или уже проведенной экспертизы (пол, возраст, физическое состояние). В то же время номинации достаточно конкретны. Заключение судебно-медицинской экспертизы – документ, претендующий на максимальную достоверность и объективность отраженных в нем данных, что также исключает возможность лишенных конкретности, окказиональных номинаций. Часто употребительной является номинация, основанная на юридическом термине «лицо», т.е. человек, являющийся субъектом гражданских или иных прав. Однако, поскольку объектом судебно-медицинской экспертизы может также являться труп человека, данная номинация имеет уточнение: «живое лицо».

Неравный статус участников коммуникации также подчеркивается в номинациях. Для номинации человека, в отношении которого проводится экспертиза, нередко используются страдательные причастия. Таким образом, вместо характерной для медицинского дискурса оппозиции «врач – пациент» появляется оппозиция «эксперт – подэкспертный» или «обследующий – обследуемый», т.е. разница в статусах подчеркивается даже на уровне грамматических форм.

Литература

1. Шуравина Л.С. Медицинский дискурс как тип институционального дискурса // Вестник ЧелГУ. – 2013. – № 37(328). – С. 65–67.
2. Опарникова И.В. Способы языковой экспликации фрагмента картины мира в профессионально-жаргонной составляющей языка медицины // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2011. – №4. – С. 168–172.
3. Опарникова И.В. Специфика процессов номинации в лексико-фразеологической системе профессионально-жаргонной составляющей языка медицины (на материале понятийной сферы «Больной/пациент») // Вестник ТГПУ. – 2012. – №1. – С. 200–205.

АВТОКОММУНИКАЦИЯ КАК СПОСОБ ОРГАНИЗАЦИИ ДИСКУРСИВНОЙ ПРАКТИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРНЕТ-ДНЕВНИКОВ)

Галкина Н.Е.

Томский государственный педагогический университет, магистрант

AUTOCOMMUNICATION AS A WAY OF ORGANIZING DISCURSIVE PRACTICE (ON THE MATERIAL OF INTERNET DIARIES)

Galkina N.E.

Tomsk State Pedagogical University, master student

В работе рассматриваются особенности дискурсивной реализации языковой личности автора в интернет-дневнике, которые заключаются в расхождении и совпадении виртуальной и реальной личности автора и установлении контакта с читателем.

Ключевые слова: автокоммуникация, дискурсивная личность, интернет-дневник.

The paper discusses the features of the discursive realization of the author's linguistic identity in the Internet diary, which consist in the discrepancy and coincidence of the virtual and real personality of the author and establishing contact with the reader.

Key words: autocommunication, discursive personality, online diary.

*Научный руководитель:
Ермоленкина Лариса Ивановна,
канд. филол. наук, доцент.*

Одним из основных изучаемых жанров интернет-коммуникации являются блоги, описываемые с точки зрения композиционных признаков, коммуникативных стратегий и тактик, интерактивности, интертекстуальности и т.д. Данные аспекты проявления дискурсивной личности не описаны в полной мере и требуют более глубокого изучения.

В последние годы возникают новые формы коммуникации в виртуальном пространстве, связанные с появлением открытых блогов-дневников, целью которых является не только коммуникация автора с читателем, но и автокоммуникация.

На материале текстов сайта «Фрагментер» (дневник, «который читают все – и никто») в работе рассматривается специфика языковой и коммуникативной реализации дискурсивной личности автора. Дневниковые записи представляют собой так называемые «фрагменты» с ограниченным объемом и частотой публикации. Всего было изучено более 300 «фрагментов». В работе – с опорой на процедуры анализа лексических, грамматических и синтаксических средств, а также анализа высказываний в аспекте установления и поддержания контакта с адресатом – рассматривается дискурсивная личность автора дневника. Так, единицей анализа является речевой акт.

Существуют две основные точки зрения на определение понятия дискурсивной личности. Первая выражается в работах С.Н. Плотниковой [1], о второй можно получить представление из трудов Л.Н. Синельниковой [2]. Согласно мнению Л.И. Ермоленкиной, дискурсивная личность становится таковой, когда возникает «динамическое проявление языковой личности в диалогическом взаимодействии» [3]. Личность автора интернет-дневника проявляется в динамике перехода от реальной к виртуальной реальности в рамках персонального дискурса.

Можно предположить, что автокоммуникация, возникающая в условиях «публичной интимности» [4],

способствует переосмыслению бытования дискурсивной личности: она проявляется как корреляция виртуальной и актуальной личности автора интернет-дневника. «Интернет-вариант» проявляется в том, что дискурсивная личность становится таковой не в процессе создания дискурсов вообще или коммуникации с другими, а именно тогда, когда виртуальная и реальная личность автора вступают в коммуникацию друг с другом. Виртуальная личность фрагментарна, не целостна, «достраивается» актуальной личностью в момент создания текста-диалога, что порождает дискурсивную личность нового типа, которая реализуется в двух системах: прямой автокоммуникации (субъект-субъектные отношения) и в системе субъект-объектных отношений (коммуникация автора с собой как с другим).

Метакоммуникация является маркером поддержания коммуникации – и с собой, и с другими. Причем метакоммуникация часто переходит в автокоммуникацию как таковую, а само высказывание является моментом перехода, но чертой, с которой начинается разграничение коммуникации с собой и коммуникации с другим [5]:

Опять дождь! Мне кажется, что это никогда не закончится, и каждый мой день будет начинаться дождем. Доброе утро, называется. Очень холодно, мерзкая погода. **Пришла домой, укуталась в халат и пытаюсь согреться.**

Связующим элементом выступает категория интросубъективности. Ее наличие характеризуется набором следующих маркеров: дейктическими местоимениями, синонимами, выражающими оценку той или иной реалии, категорией состояния/глаголами психического состояния коммуникантов / модальными глаголами и т.д. [6].

Ужасно мерзнут руки и ноги. Сохнут губы – вместо них уже по большей части одни шелушения. Сохнут руки – они начинают походить на кору дерева.

В данном примере дейктические местоимения отсутствуют, автор говорит о себе как бы безотносительно себя, следовательно, в данном случае виртуальная личность отчуждается, объективируется. Этим обусловлена роль дейктических местоимений как каналов, через которые читатель может подключиться к культурному коду автора, применить авторское описание к себе. В следующем примере использовано местоимение *ты*, которое также является маркером интерсубъективности, а значит, и объективации виртуальной личности:

Сейчас на мгновение **ощутила страх** перед пустой квартирой. Где нет никого, кроме **тебя**.

Итак, необходимо обратить внимание на то, что диалог происходит одновременно в нескольких коммуникативных планах: актуальная и реальная личность вступают во взаимодействие, причем они могут находиться как в субъект-субъектных, так и в субъект-объектных отношениях. Переход от одного, отчужденного, к другому, синхронному проявлению дискурсивной личности позволяют увидеть маркеры интерсубъективности.

Литература

1. Плотникова С.Н. Языковое, дискурсивное и коммуникативное пространство // Вестник Иркутского гос. лингвистического университета. – 2008. – № 1. – С. 132.
2. Синельникова Л.Н. Концепт «дискурсивная личность»: междисциплинарная параметризация [Электронный ресурс] // Грани познания. Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ. – 2013. – № 1(21). – URL: <http://grani.vspu.ru/files/publics/1368528198.pdf> (дата обращения: 06.04.2019).
3. Ермоленкина Л.И. Дискурсивная личность в коммуникативном пространстве современного радио [Электронный ресурс] // Вестник ТГПУ. – 2017. – № 2(179). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskursivnaya-lichnost-v-kommunikativnom-prostranstve-sovremennogo-radio> (дата обращения: 08.04.2019).
4. Кронгауз М.А. Публичная интимность [Электронный ресурс] // Знамя. – 2009. – № 12. – URL: <http://www.zh-zal.ru/znamia/2009/12/kr10.html> (дата обращения: 08.04.2019).
5. Остапенко Д.И. К трактовке понятия «метакоммуникация» [Электронный ресурс] // Вестник ВГУ. – 2013. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-traktovke-ponyatiya-metakommunikatsiya> (дата обращения: 07.04.2019).
6. Интерсубъективность [Электронный ресурс]. – URL: <http://scodis.ru/студентам/гlossарий/интерсубъективность/> (дата обращения: 05.04.2019).

ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЖАНРА «СТАНДАРТ» (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ИНЖЕНЕРНОГО ДИСКУРСА)

Куркан Н.В.

Томский политехнический университет, аспирант

LEXICAL STRUCTURE CHARACTERISTICS OF TECHNICAL STANDARDS IN RUSSIAN ENGINEERING DISCOURSE

Kurkan N.V.

Tomsk Polytechnic University, post-graduate student

В статье исследуются особенности лексической организации жанра «стандарт» в аспекте степени его соответствия основной цели инженерной коммуникации, что характеризует стандарт как ядерный жанр инженерного дискурса. Эмпирическую базу исследования составили 184 страницы действующих национальных стандартов на устройства и оборудование в различных сферах инженерной деятельности. Особенности данного жанра определены требованиями дискурса и коммуникативной ситуации.

Ключевые слова: инженерный дискурс, институциональный дискурс, профессиональная коммуникация, речевые жанры.

The paper addresses the lexical organisation of the technical standard which refers it to core speech genres of Russian engineering discourse. As the empiric material of the research 184 pages of running standards for the engineering technology and equipment were used. The peculiar characteristics of the genre studied are determined by the demands of discourse and communicative situation as well.

Key words: engineering discourse, institutional discourse, LSP, speech genres.

*Научный руководитель:
Мишанкина Наталья Александровна, докт. филол. наук,
профессор.*

Среди значительного количества исследовательских работ, посвященных изучению дискурса в отдельных социальных институтах, инженерный дискурс на сегодняшний день остается малоизученным, поскольку при преобладающем в отечественной лингвистике подходе к инженерной коммуникации как к разновидности научного (или научно-технического) дискурса проблемы ее выделения в отдельную дискурсивную структуру практически не ставились. Интерес исследователей к инженерному дискурсу обусловлен чрезвычайно динамическим развитием данной сферы профессиональной коммуникации, определяемым стремительным совершенствованием технологий, общества, промышленности и, как следствие, постоянным взаимодействием и обменом информацией между участниками инженерного сообщества. О сложности и неоднозначности дискурса как объекта исследования говорит, среди прочих, факт отсутствия общепринятого определения данного понятия. В представленной работе под дискурсом мы понимаем «текст в неразрывной связи с ситуативным контекстом: в совокупности с социальными, культурно-историческими, идеологическими, и другими факторами, с системой коммуникативно-прагматических и когнитивных установок автора, взаимодействующего с адресатом, обуславливающим особую упорядоченность языковых единиц разного уровня при воплощении в тексте» [1]. Поскольку «всякий дискурс находит свое воплощение в определенных жанрах, а речевой жанр не может существовать вне поля того или иного дискурса» [2], в работе мы делаем предположение, что инженерный дискурс наряду с периферийными жанрами, характерными и для других дискурсов, обладает в первую очередь самостоятельными ядерными жанрами, выражающими собственные ценности, стратегии, информацию.

Целью данной работы стал анализ жанра «стандарт», а именно рассмотрение количественных характеристик лексической организации текста стандарта в аспекте степени его соответствия основной цели инженерной коммуникации – решения производственных задач и оптимизации технологий, что может характеризовать его как ядерный жанр инженерного дискурса.

В качестве методологического подхода в работе используется анализ дискурса, который в качестве предмета анализа рассматривает «корпус текстов... как одну из частей признанного социального института, который определяет для данной социальной, экономической, географической или лингвистической сферы условия действия актов высказывания» [3]. Этим требованиям соответствует выбранный эмпирический материал – корпус текстов действующих национальных и межгосударственных стандартов на устройства и оборудование в различных сферах инженерной деятельности, утвержденных и введенных в действие Федеральным агентством по техническому регулированию и метрологии (Росстандарт).

В ходе исследования было проанализировано 184 страницы стандартов, общее количество словосочетаний в которых составило более 40 тысяч (42042).

В качестве основного метода был применен автоматизированный контент-анализ, позволивший выявить количественный аспект лексической организации документов. Эффективность применения этого метода показана в работах уже упомянутых исследователей французской школы анализа дискурса, более поздних работах зарубежных и российских ученых [4–6]. При помощи приложения количественного анализа Content Pro был обработан весь массив документов и получены значения частотности для каждой леммы. В некоторых случаях были созданы более

крупные категории для общей количественной оценки их соотношения с общим объемом массива. Например, категория «Числа» – объем номеров стандартов и количественных показателей, категория «Устройства и оборудование» позволила оценить частоту упоминания и объем в тексте названий различных технологий, категория «Величины» – объем маркеров физических величин, категория «Свойства» – маркеры характеристик оборудования, на которое вводятся исследуемые стандарты.

В результате автоматизированного контент-анализа были выявлены количественные параметры организации лексического состава исследуемого объединенного текста стандартов, отражающие различные дискурсивные аспекты. Наиболее частотные результаты представлены в таблице 1.

Единицы категорий «Числа», «Устройства и оборудование» и «Величины», а также аббревиатура «ГОСТ» и формы глагола «должен» оказались наиболее частотными, что подтверждает императивный характер стандарта и тот факт, что количественные и технические характеристики являются его постоянной и одной из самых значимых составляющих.

Категория «Числа», которая на 90,9% состоит из количественных показателей расчетов и на 7,35% – из номеров стандартов, оказалась наиболее частотной в текстах стандартов (более 7,75% от всего объема проанализированных слов), что подтверждает тот факт, что количественные характеристики являются постоянной составляющей текстов исследуемого жанра.

Императивный характер стандарта отражается и в частоте использования следующих категорий и единиц: категория «Устройства и оборудование», вторая по частоте встречаемости ее единиц, включает наименования технологий, на определенные требования к которым и были введены рассматриваемые нами стандарты, и представляет вторую по объему входящих в ее состав единиц от общего числа (1,64%). Если вспомнить, что основная цель инженерной коммуникации – решение производственных задач при помощи введения новых или оптимизации существующих технологий, то частота упоминания в общем тексте единиц именно этой категории позволяет нам предположить, что жанр стандарта может соответствовать этой цели, а лексические единицы, наименования технологий, наполняющие данную категорию, являются своего рода дискурсивными формулами.

Анализ категории «Величины», третьей по объему ее составляющих, подтверждает специфику исследуемого жанра инженерного дискурса, а именно – однозначность толкования используемых лексических единиц.

Следующие лексические единицы мы предполагаем отнести к группе дискурсивных маркеров, которые номинируют:

- тип стандарта – *ГОСТ* (1,13%), *стандарт* (0,70%), *ISO* (0,43%);
- коммуникативную ситуацию: *испытания* (0,74%), *измерения* (0,53%), *оценка* (0,32%), *соответствие* (0,27%);
- характерные дискурсивные формулы: *данные* (0,73%), *системы* (0,67%), *помеха* (0,28%).

Можно предположить, что присутствие обозначенных дискурсивных маркеров определяется целью исследуемого жанра, которая, как обозначено ранее,

Таблица 1. Частота употребления лексических единиц в объединенном массиве текстов стандартов

№	Единицы	Абсолютная частота	Относительная частота (%)
1	«числа»	3258	7,75
2	«устройства и оборудование»	723	1,64
3	«величины»	500	1,14
4	ГОСТ	496	1,13
5	должен	396	0,90
6	испытание	324	0,74
7	данные	323	0,73
8	стандарт	309	0,70
9	системы	293	0,67
10	требование	283	0,64
11	измерение	232	0,53
12	«свойства»	227	0,52
13	быть	221	0,50
14	возмущение	197	0,45
15	ИСО/ISO	188	0,43
16	качество	180	0,41
17	оборудование	173	0,39
18	оценка	140	0,32
19	безопасность	139	0,32
20	общий	128	0,29
21	помеха	122	0,28
22	соответствие	119	0,27
23	приложение	115	0,26
24	средство	109	0,25
25	обеспечение	106	0,25
26	технический/-ие	104	0,24
27	перемещение	100	0,23
28	необходимо	96	0,22
29	интервал	94	0,22
30	значение	93	0,22
32	рабочая	91	0,21

состоит в установлении соответствия технологии или вводимых условий определенным требованиям.

Итак, анализ количественных параметров лексической организации позволяет установить, что корпус стандартов на различные технологии и оборудование, принятых и введенных в действие постановлением организацией Росстандарт, в целом отвечает требованиям к инженерному дискурсу:

- наиболее частотны в текстах маркеры императивного характера: числа (расчеты и номера), наименование оборудования, формы глагола «должен»;
- относительно часто встречающиеся единицы (категория «Величины») подтверждают характер однозначности, исключая иное толкование, нежели то, которое было заложено авторами стандарта;
- в текстах присутствует значительные по частоте использования лексические единицы, номинирующие тип жанра, типичную коммуникативную ситуацию, типичные дискурсивные формулы;

– наиболее часто лексические единицы указывают и цель жанра «стандарт» – установление соответствия технологии определенным требованиям – что, в свою очередь, полностью соответствует основной цели инженерной коммуникации, которой является решение производственных задач и оптимизация технологий.

Таким образом, исследуемые тексты не просто относятся к сфере инженерной коммуникации, но занимают ядерное положение среди жанров инженерного дискурса.

Литература

1. Чернявская Е.В. Дискурс власти и власть дискурса. – М. : Наука, 2006. – 134 с.
2. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М. : Гнозис, 2003. – 280 с.
3. Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса / пер. с фр. и португ. ; общ. ред. и вступ. ст. П. Серю. – М. : Прогресс, 1999. – 416 с.
4. Broom L., Reece S. Political and racial interest: A study in content analysis // The Public Opinion Quarterly. – 1995. – Vol. 19, No. 1. – P. 5–19.
5. Можяева Г.В., Мишанкина Н.А. Контент-анализ историографического источника (к вопросу о междисциплинарности лингвистических методов) // Вестник ТГУ. – 2007. – № 294. – С. 52–61.
6. Мишанкина Н.А., Зильберман Н.Н. Восточнославянские языки в рефлексии наивного носителя языка (контент-аналитическое исследование коммуникации Интернет-сообществ) // Русин. – 2017. – № 2(48). – С. 78–98.

КОМПОЗИЦИЯ КИНОАНОНСА В ИНТЕРНЕТ-СРЕДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНОНСОВ К ИНДИЙСКИМ ФИЛЬМАМ)

Кхемка Ананд Кумар

Томский государственный университет, аспирант

COMPOSITION OF CINEMA ANNOUNCEMENTS IN THE INTERNET SPHERE (ON THE MATERIAL OF ANNOUNCEMENTS TO INDIAN FILMS)

Khemka Anand Kumar

Tomsk State University, post-graduate student

В статье рассматривается построение текстов киноанонсов, размещенных на сайте <http://indiankino.net>. Композиция текстов изучается как один из параметров описания речевого жанра киноанонса, функционирующего в интернет-среде. Выделяется структура текстов, включающая 4 части: 1) название фильма; 2) завязка (зачин); 3) краткое содержание фильма; 4) открытый финал.

Ключевые слова: речевой жанр, киноанонс, композиция, индия, жанроведение.

The article deals with the construction of texts of cinema announcements posted on <http://indiankino.net>. The composition of the texts is studied as one of the parameters describing the speech genre of cinema announcements that are functioning in the Internet environment. The structure of the texts is highlighted including 4 parts: 1) the name of the film; 2) exposition; 3) short plot of the film; 4) denouement.

Key words: speech genre, cinema announcement, composition, India, genre studies.

Научный руководитель:
Волошина Светлана Владимировна, канд. филол. наук.

Киноанонс является важным двигателем киноиндустрии, потому что он функционирует не только как источник информации о фильме, но и в качестве его рекламы. Он состоит из вербальных и невербальных элементов. Вербальная составляющая включает в себя текст киноанонса, невербальная же — это постеры, фотографии, трейлеры к фильму.

Поскольку киноанонс представляет собой относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы текстов, мы рассматриваем его как речевой жанр. Такие же параметры жанров речи выделял основатель теории речевых жанров М.М. Бахтин [1].

Цель представленного исследования — описание композиции РЖ киноанонса, функционирующего в интернет-дискурсе.

Материалом для исследования послужили 250 киноанонсов к индийским фильмам, размещенных на сайте indiankino.net.

На данном этапе развития лингвистической науки существуют разные описательные модели речевых жанров, самые известные и универсальные из которых были предложены Т.В. Шмелевой [2], А. Вежбицкой [3], Н.Б. Лебедевой [4]. Эти модели дополняются исследователями другими параметрами, в частности, таким параметром, как композиционное построение текстов исследуемых жанров. Для описания РЖ киноанонса в интернет-коммуникации мы также вводим в методику его анализа данный параметр.

Исследований киноанонсов, функционирующих в интернет-среде, в настоящее время не так много. Изучение киноанонсов представлено в работах С.А. Панченко [5], О.С. Рогалевой [6], В.А. Дмитриевой [7] и т.д. Актуальность работы обусловлена малоизученностью киноанонсов в современном языкознании. Вместе с тем исследований киноанонсов с позиции теории речевых жанров пока в российской лингвистике не представлено. Поэтому актуальность работы опре-

деляется и необходимостью изучения отдельных речевых жанров, и развитием виртуального жанроведения, одной из целей которого является описание речевых жанров интернет-дискурса и сопоставление их с традиционными «бумажными» жанрами [8].

Коммуникативная цель РЖ киноанонса — дать краткое представление о фильме и вызвать интерес у зрителя к его просмотру. На достижение этой цели работает в том числе композиция текстов. Мы выделили в исследуемых текстах четыре основных композиционных элемента:

- 1) название фильма;
- 2) завязка;
- 3) краткий сюжет фильма;
- 4) развязка.

Рассмотрим каждый из них.

Название фильма — это неотъемлемая часть киноанонса. Она присутствует в каждом исследуемом тексте, например, *Вдохновляющая любовь*, *В двух словах*, *Тесная связь*, *Любовь не знает границ* и т.п. Название фильма иногда содержит в себя национально-специфические слова о стране фильма (например, антропонимы), которое привлекает внимание читателя, например, *Моя прекрасная Бинду*, *Мирза*, *Дорогой Зиндаги*, *Ки и Ка*, *Йогиня / Джоган*, *Барфи* и т.д. Они оформляются в виде словосочетаний или предложений, а также иногда вступают в качестве однословных названий.

Название фильма как часть композиции киноанонса играет очень важную роль для адресата. Оно в большинстве случаев дает начальное представление о типе фильма, например, *Вдохновляющая любовь*: из этого названия мы можем предполагать, что это фильм о любви.

Описание фильма в тексте киноанонса начинается с **завязки**, которая может включать в себя разнообразную информацию. Анализ материала показал, что

обычно в завязках даются:

1. Антропонимическая лексика – имена главных персонажей фильма, например: *главные герои фильма, Дженни и Сурадж, относятся к разным социальным группам; главный герой фильма, парень по имени Шив, встретил красавицу Сайру и влюбился в нее с первого взгляда; Паршая и Арчи дружат друг с другом уже очень много лет.*
2. Топонимы, раскрывающие сведения о месте, где происходит действие фильма, например: *действие фильма разворачивается где-то на севере Индии; сюжет фильма перенесет вас в ОАЭ, где развернется история любви одного богатого индийца Ананда и ирландки индийского происхождения Ниши; действие фильма разворачивается в небольшой деревне...; в городе Мумбае живет популярный ведущий местной радиостанции – это симпатичный парень по имени Виван.*
3. Период времени, в который происходит действие фильма, например: *действия фильма разворачиваются в Бомбее, в 70-е годы; Индия, 30-е годы XX века; Калькута, 1962 год; очень добрая мелодрама «Школьная любовь» (Vharpwar) индийского кино середины 70-х; перед вами сюжетное продолжение известного фильма, вышедшего на экраны в 2007-м году.*
4. Сведения о режиссере фильма, например: *эта замечательная мелодрама от режиссера Кунала Кохли повествует о трех невероятно интересных историях любви; в этой замечательной мелодраме от режиссера Никхила Адвани речь пойдет о шести разных парах; конечно же, этот фильм индийского режиссера Сунила Даршана о любви; замечательный фильм индийского режиссера Савана Кумара Так «Любовь выигрывает» снят в жанре мелодрамы.*
5. Информация о содержании фильма, например: *в этом фильме перед вами – развернется невероятная история любви; перед вами современная интерпретация знаменитой индийской любовной истории; сюжет картины расскажет вам необычную историю любви; сюжет этого фильма погрузит вас в простую историю безответной любви.*

Краткий сюжет фильма – это такая же неотъемлемая часть киноанонса, как и название фильма. Здесь дается очень сжатое представление о содержании фильма. Для раскрытия сюжета в основном употребляются глаголы в форме прошедшего времени или настоящего исторического, например: *Она долго планировала свое будущее, однако череда случайностей целиком и полностью разрушила ее мечты. Сунайну изнасиловал богатый бизнесмен Радж. Конечно же, главная героиня горит желанием отомстить своему обидчику. Она открывает свой бизнес, становясь конкурентом*

Раджа. Постепенно ей удается захватить практически весь рынок, и компания ее обидчика начинает банкротиться.

Развязка – в этой части может быть противоречащая завязке информация или открытый финал, например: *смогут ли они построить совместное счастье, несмотря на козни родных? (открытый финал); казалось бы, они никак не могут быть вместе, однако молодые люди влюбляются друг в друга после первой же встречи; Сурадж начал жизнь с чистого листа после продолжительной карьеры на ринге. Дженни много лет назад в результате автокатастрофы потеряла зрение, но она не привыкла сдаваться и всегда старается искать что-то хорошее даже в самых безвыходных ситуациях. Проходит время, и Сурадж узнает, что Дженни может восстановить свое зрение с помощью дорогостоящей операции. Парень собирается сделать все возможное для того, чтобы вернуть своей любимой возможность видеть свет. Он принимает решение вернуться на ринг и заработать денег именно там (противоречие).*

Таким образом, киноанонс является речевым жанром, имеющим свою устойчивую композицию, содержание и стилистические средства. Составные части композиции киноанонсов «работают» на достижение их коммуникативной цели. К перспективам исследования можно отнести детальное описание исследуемого речевого жанра.

Литература

1. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Литературно-критические статьи. – М.: Худ. лит., 1986. – С. 428–473.
2. Шмельёва Т.В. Жанроведение? Генристика? Генология? // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. – М.: Лабиринт, 2007. – С. 62–67.
3. Вежибицкая А. Речевые жанры // Жанры речи. – Саратов: Изд-во гос. УНЦ Колледж, 1997. – С. 91–103.
4. Лебедева Н.Б. К построению жанровой типологии (на материале естественной письменной речи) // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспект. Ч. II: теория и практика современной письменной речи: материалы конференции. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – С. 91–99.
5. Панченко С.А. Структура киноанонса как речевой цепи. Лингвистика. Лингвокультурология: сб. науч. тр. – Днепропетровск: Изд-во Днепропетровского нац. ун-та, 2011. – С. 79–86.
6. Рогалева О.С. Современный киноанонс как тип текста: структурное и языковое оформление // Коммуникативные исследования. – 2015. – № 3(5). – С. 76–86.
7. Дмитриева В.А. Эффективность языково-стилистических приемов в киноанонсах // Вестн. МГУП им. И. Федорова. – 2016. – № 2. – С. 152–156.
8. Горощко Е.И., Жигалина Е.А. Виртуальное жанроведение: устоявшееся и спорное // Вопросы психолингвистики. – 2010. – № 12. – С. 105–124.

ЯЗЫКОВОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ОБРАЗА ПОВСЕДНЕВНОСТИ В ЖАНРЕ ВИДЕО «ВАЙН»

Мордвинова П.А.

Томский государственный университет, студент

LINGUISTIC EMBODIMENT OF THE IMAGE OF EVERYDAY LIFE IN VINE

Mordvinova P.A.

Tomsk State University, student

В статье анализируется языковое воплощение образа повседневности, обусловленное жанровыми особенностями видео «вайн» и особенностями интернет-дискурса. В ходе исследования были выявлены и описаны ключевые стереотипы, а также особенности их вербального представления в видеосообщении.

Ключевые слова: вайн, повседневность, социальная сеть, Инстаграм.

In this article linguistic embodiment of the image of everyday life is analyzed, which is resulting from the genre features of vine and features of Internet discourse. In the study key stereotypes were identified and described, as well as features of their verbal representation in the video message.

Key words: vine, everyday life, social network, Instagram.

Научный руководитель:
Эмер Юлия Антоновна,
докт. филол. наук, профессор.

В фокусе внимания лингвистов в настоящее время находятся разные жанры интернет-дискурса (см. работы Л.М. Гриценко [1], М.О. Кочетковой [2] и др.). Однако сеть Instagram, ее жанровое наполнение только недавно стали объектом пристального внимания исследователей.

Цель нашей работы состоит в выявлении особенностей языкового воплощения образа повседневности в жанре видео «вайн». Вайн — это короткое юмористическое видео. В отличие от блога, челленджа, пранка [3], авторы вайнов через моделирование аномативной картины мира представляют нормативную модель мира.

Материалом для исследования послужили 43 вайна, размещенные в аккаунте Instagram популярного видеоблогера Ники Вайпер @nika_viper (сентябрь-декабрь 2018 г.).

В центре внимания блогера оказываются межличностные взаимоотношения, а также общественные институты. При этом основная задача вайна — через комическое отрицание аномативности предложить человеку алгоритм поведения в той или иной типичной ситуации повседневности. Актуализацией этого намерения часто служит авторский текст, сопровождающий вайн. Так, например, один из вайнов сопровождается подписью: «Ну что, узнали кого-то? А может, и себя?)). Использование риторического вопроса позволяет автору, с одной стороны, создать иллюзию диалога со зрителем, а также подвигнуть к комментированию подписчиков блогера, с другой — акцентировать внимание на обсуждаемой проблеме, заставить зрителя отразиться материал ролика. Лексема «узнать» в сочетании с местоимением «кого-то», а также фраза «может, себя» являются имплицитно оценочными по отношению к тексту вайна. Лексема «узнать» актуализирует смысл «увидеть типичное, знакомое аномативное поведение» и в сочетании с лексемой «кого-то» позволяет автору побудить зрителя к рефлексии, которую можно выразить и письменно, благодаря интерфейсу Инстаграм, предполагающей обратную связь.

Отметим, что принципиальной установкой для

видеоблогера является изображение повседневности через ряд бытовых ситуаций. На наш взгляд, это обусловлено тем, что повседневность противопоставлена институциональности. Так, И.В. Тубалова отмечает, что «повседневность характеризуется принципиальной открытостью границ, и главным объединяющим свойством данной сферы общения является установка его участников на возможность не следовать никаким институциональным правилам и нормам» [4].

Рассмотрим подробнее вайн о «транспорте». В своем видео Ника Вайпер показывает «типы пассажиров» в общественном транспорте и приводит следующие типы: наездник, диджей, парашютист, бизнесмен, птица-говорун, неваляшка, гипнотизер. В видеоролике изображается бытовая ситуация, где институциональные позиции стерты, при этом автобус оказывается проекцией общества. Среди представленных персонажей есть те, которые встречаются только в транспорте, а есть те, для которых данный тип поведения характерен и в повседневной жизни.

Обратим внимание на метафоричные номинации, которые использует автор для героев ролика. Так, например, наездником автор называет пассажира с велосипедом, передвигающегося на автобусе. Комический эффект достигается путем несовпадения номинации и сущности действий персонажа.

Отметим, что поведение пяти персонажей из семи, за исключением диджея и неваляшки, получают вербальное воплощение. Действия этих двух героев не сопровождаются речью, поскольку они демонстрируют нарушение правил поведения непосредственно в транспорте. Остальные же герои представляют разные модели поведения, характерные для социума в целом. Речь и действия героев противопоставлены, за счет чего достигается комический эффект.

Обратимся к персонажу «наездник». В ролике представлен человек, конструирующий образ, который не совпадает с реальностью, при помощи речевых действий. Образ целеустремленного человека создается за счет обращения к теме спорта, поскольку существует стереотип, что спортсмен — волевой человек, преодолевающий препятствия. Разговорные еди-

ницы «велик, отпахала» помогают создать эффект интенсивности «не предпринятых» действий, использование слогана-клише «Спорт каждый день!», как и выражение «еду по набережной» в то время, как герой едет в автобусе рядом с велосипедом, способствуют созданию комического образа героя за счет несоответствия речевых и неречевых действий. Человек создает иллюзию того, что все делает правильно, в этом и заключается аномальность его поведения.

Персонаж «бизнесмен» моделирует образ делового человека за счет использования лексики из бизнес-сферы: *офшоры*, *акции*, впечатление успешности, высокого социального статуса достигается путем отсылки к названию престижной машины — «Бентли», современных технологий — «биткойн». Данный образ разрушается за счет противопоставления вышеуказанной лексики разговорной лексеме «молочко». Как отмечает Ю.Д. Апресян, «...ласкательные слова — это непрямой способ включения адресата в личную сферу говорящего» [5]. Происходит резкое переключение ролей, поэтому герой произносит «молочко» уже шепотом, чтобы не дать своему имиджу бизнесмена разрушиться в глазах окружающих. Таким образом, комический эффект достигается путем смешения стилей делового и бытового.

В заключение необходимо сказать, что вайн — это короткий видеоролик, изображающий бытовые ситуации в шуточной форме, при этом образ повседневности в вайне передается путем изображения анома-

тивности (в противовес нормативности повседневного поведения человека). Комический эффект может достигаться посредством несоответствия слов действиям, столкновением бытовой и специальной лексики, использованием клише, разрушающих или подтверждающих существующие в обществе стереотипы.

Литература

1. Гриценко Л.М. Миромоделирующая функция прецедентных текстов в чат-коммуникации [Электронный ресурс] : автореф. ... канд. филол. наук. — Томск, 2010. — URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000392355> (дата обращения: 15.04.2019).
2. Кочеткова М.О. Жанровая динамика дискурса блогосферы: социолингвистический аспект [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Томск, 2016. — URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000549117> (дата обращения: 15.04.2019).
3. Текутьева И.А. Жанрово-тематическая классификация видеоблогинга [Электронный ресурс] // Медиасреда. — 2016. — № 11. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovo-tematicheskaya-klassifikatsiya-videobloginga> (дата обращения: 15.04.2019).
4. Тубалова И.В. Специфика организации дискурсов повседневности [Электронный ресурс] // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. — 2011. — № 4(16). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-organizatsii-diskursovpovednevnosti> (дата обращения: 15.04.2019).
5. Апресян Ю.Д. Избранные труды: Интегральное описание языка и системная лексикография. — М. : Школа «Языки русской культуры», 1995. — 767 с.

ОТРАЖЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ И НОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ТЕКСТАХ ГИМНОВ СОВРЕМЕННЫХ МОНАРХИЙ

Ощепкова Л.А.

Новосибирский государственный университет, аспирант

THE REFLECTION OF TRADITIONAL AND NEW VALUES IN THE TEXTS OF THE ANTHEMS OF MODERN MONARCHIES

Oshchepkova L.A.

Novosibirsk State University, post-graduate student

В статье рассматриваются гимны монархических стран как субжанр государственного гимна. Проанализированы тексты 5 современных монархий (Великобритания, ОАЭ, Бельгия, Япония, Таиланд) и 3 гимна Российской империи с помощью анкеты речевого жанра Т.В. Шмелевой. Жанровый анализ монархических гимнов доказывает их общность по разным параметрам.

Ключевые слова: государственный гимн, гимны монархических стран, теория речевых жанров.

The article deals with the anthems of monarchist countries as a special subgenre of the national anthem. The texts of 5 modern monarchies (Great Britain, the United Arab Emirates, Belgium, Japan, Thailand) and 3 anthems of the Russian Empire were analyzed using the T. V. Shmeleva speech genre questionnaire. The genre analysis of the corpus of monarchist anthems proves their community on the basis of various parameters.

Key words: national anthem, anthems of monarchical countries, theory of discursive genres.

Научный руководитель:
Исаченко Оксана Михайловна,
канд. филол. наук, доцент.

Государственные гимны зародились в странах-монархиях. Один из первых государственных гимнов «Боже, храни Короля!» (середина XVIII в.) послужил образцом для государственных гимнов других стран. Однако есть в числе современных монархий и такие, гимны которых были созданы относительно недавно. Как правило, это страны, в которых в XX в. был реформирован государственный строй. Например, гимн Таиланда был написан в 1932 г., когда в стране на смену абсолютной монархии пришла конституционная, или гимн ОАЭ был создан в 1971 г. в связи с образованием федерации Объединенных Арабских Эмиратов. Несмотря на разное время создания, в монархических гимнах воспеваются схожие традиционные ценности, и гимны с многовековой историей до сих пор не утратили своей актуальности сегодня.

Мы проанализировали тексты государственных гимнов 5 современных монархий (Великобритания, ОАЭ, Бельгия, Япония, Таиланд — далее по тексту мы указываем только название страны, имея в виду полное название «государственный гимн Великобритании») и 3 гимна, ставшие историей Российской империи (далее Россия): «Гром победы, раздавайся!», «Молитва русских», «Боже, Царя храни!».

Жанровые параметры выделены на основе анкеты РЖ Т.В. Шмелевой: коммуникативная цель, образ автора, образ адресата, диктум, фактор прошлого, фактор будущего, формальная организация текста [1]. Рассмотрим реализацию каждого признака в государственных гимнах монархий.

1. В монархических гимнах 3 основные коммуникативные цели.

Первая — прославление монарха (Великобритания, Япония, Бельгия и Россия), например, *Да продолжится царство твое // Тысячу, восемь ли тысяч // Поколений* (Японии).

Вторая — патриотическое прославление Родины,

что сближает монархические гимны с любыми другими (эксплицирована в гимнах Бельгии, ОАЭ и «Молитве русских»): *Процветай, моя страна, // Союз наших Эмиратов живет* (ОАЭ).

Третья — прославление бога (ОАЭ, Великобритания, «Молитва русских» и «Боже, Царя храни!»): *Боже, храни нашу великодушную Королеву* (Великобритания). В двух гимнах воспеваются общечеловеческие или демократические ценности: *Король, Закон, Свобода!* (Бельгия) и *Готовы пролить свою кровь // За безопасность, свободу и прогресс!* (Таиланд). Гимн Бельгии был написан в период революции, когда страна боролась против владычества Нидерландов, в связи с чем идеалы свободы и права имели особую ценность. А создатели гимна Таиланда в связи переходом страны к конституционному типу монархии демонстративно исключили из текста любые напоминания о монархии и религии, чтобы показать другим государствам: Таиланд — прогрессивная страна. Кроме того, в последних строках вербализуется призыв подняться на борьбу в случае внешней угрозы суверенитету.

2. Образ автора.

В образе автора необходимо различать две сущности: внутреннего (текстового) и внешнего (реального) автора.

2.1. «Автор жанра», в нашем случае исполнитель гимна, — это граждане страны, от имени которых написан текст торжественной песни. Не случайно в гимне всегда используется личное местоимение *мы* (и притяжательное *наши*), транслирующее коллективные патриотические настроения: *Мы вкладываем в тебя наши души, о Родина!* (ОАЭ). Однако в гимне ОАЭ наряду с местоимением *мы* используется и местоимения *я / мой*, демонстрирующие более личные чувства исполнителей гимна к своей стране: *Я укрепил тебя во имя Аллаха, о Родина; Живи, моя страна!*. Исключение составляет гимн

Таиланда, написанный от третьего лица, что для гимнов не характерно.

2.2. В «образ автора» мы включаем и реального поэта – автора стихотворного текста. Большинство государственных гимнов – авторские, о чем свидетельствует особая стилистическая и поэтическая манера. Так, лексико-стилистические особенности гимна Г.Р. Державина «Гром победы, раздавайся!» проявляются в частом использовании церковнославянизмов: *сим (сий), ныне, днесь, зри, десница* и церковнославянских форм (*веселися* (повелительное наклонение) и *блещущи* (краткое причастие)), что говорит не только об эпохе создания гимна, но и предпочтениях автора. Поэт написал своеобразную оду императрице. Кроме того, Г.Р. Державин, вероятно, намеренно включает в гимн церковнославянизмы, желая подчеркнуть, что православная Россия победила мусульманскую Османскую империю.

3. **Образ адресата** также необходимо рассматривать как двухчастную категорию, которая реализуется в жанровом (внешнем) и текстовом (внутреннем) проявлениях.

3.1. Адресат жанра «государственный гимн» определяется экстралингвистическими факторами, т.е. поводом, по которому исполняется гимн (в честь кого-чего-л.).

3.2. «Адресат текста» выражен лексико-морфологическими средствами.

Монархические гимны обращены к **стране** (*О Бельгия, о дорогая мать*, – Бельгия), **богу** (*Боже, храни нашу великодушную Королеву* – Великобритания) или **монарху** (*Да продлится царство твое // Тысячу, восемь ли тысяч // Поколений* – Япония). Нередко монарх – это косвенный адресат, например, гимн Великобритании обращен к королеве, хотя прямое обращение в тексте – только к богу.

В монархических гимнах вариативно ты- и вы-обращение. Если монарх и бог – прямые адресаты, то используется ты-общение. При этом обращение к богу на «ты» традиционно, а такая же форма, адресованная к монарху, может объясняться речевой тактикой обожения власти (в рамках концепции: монарх – заместитель бога на земле): *Зри, премудрая царица! // Зри, великая жена! // Что Твой взгляд, Твоя десница // Наш закон, душа одна* («Гром победы, раздавайся!»).

В тексте гимна Таиланда нет вербализованного адресата, но по контексту можно понять: гимн обращен к тайскому народу и ко всему остальному миру. Таким образом, гимн Таиланда представляет «экспортный вариант» – для функционирования в качестве символа государства на международной арене.

4. **Диктум** составляет событийную, содержательную основу текста. Как правило, это ключевые **исторические события** (в том числе политические и идеологические), а также другие реалии и символы, маркирующие национальную специфику.

В гимне «Гром победы, раздавайся!» описываются актуальные (на момент создания) исторические события, в частности русско-турецкая война 1787–1791 гг.: *Уж не могут орды Крыма // Ныне рушит наш покой; // Гордость низится Селима, // И бледнеет он с луной.*

В гимне Бельгии следы недавно закончившейся войны передаются через образы рабства и смерти: *После веков рабства // Бельгиец, вышедший из могилы.*

Есть несколько лексем с военной семантикой: *отвоевать, зная, война*. Значительная часть гимна, наоборот, посвящена описанию мирного времени и светлого будущего: *Иди от прогресса к прогрессу; Давайте работать, наш труд дарит // Нашим полям плодородие!; И блеск искусств венчает // Короля, Закон, Свободу!*

Кроме того, в монархических гимнах встречаются антропонимы. Например, в первом российском гимне упоминаются имена императрицы Екатерины II и турецкого султана Селима: *Славься сим, Екатерина!; Гордость низится Селима, // И бледнеет он с луной* («Гром победы, раздавайся!»).

География страны может описываться через топонимы: *Воды быстрые Дуная // Уж в руках теперь у нас; // Храбрость Россов почитая, // Тавр под нами и Кавказ* («Гром победы, раздавайся!»).

В монархических гимнах нередко упоминается религия: *Господи, наш Бог, восстань* (Великобритания); *Чья религия – ислам, чье руководство – Коран* (ОАЭ); *Боже, Царя храни!* («Молитва русских», «Боже, Царя храни!») и государственные символы: *Безопасность позволила нашему флагу развеяться* (ОАЭ) и даже девизы: *Будет иметь бессмертным девизом: // Король! Закон! Свобода!* (Бельгия).

Диктум гимнов, стилизованных под молитву (Великобритания, «Молитва русских», «Боже, Царя храни!»), менее интересен, потому что малосодержателен: это просьбы к богу. Обращение к жанру молитвы мотивировано огромным значением религии в качестве объединяющего начала.

5. **Образ прошлого** для государственного гимна – это исключительно экстралингвистический параметр, который в тексте не вербализуется. Он связан с процедурой исполнения гимна (например, гимн поют после поднятия государственного флага). Исполнение гимна – часть ритуала, которая, как правило, прописана в законе.

6. **Образ будущего** также имеет экстралингвистический характер – это церемониальные действия, которые следуют за исполнением государственного гимна. Однако Т.В. Шмелева в образе будущего видит перлокутивный эффект, т.е. воздействие на чувства, мысли и действия адресата [1, с. 29]. В случае с РЖ «гимн» – это эмоционально-психологическое воздействие на аудиторию, на тех, кто исполняет или слушает гимн. Как правило, перлокутивный эффект обеспечивают императивные формы, которые направлены на пробуждение чувства гордости за монарха, персонифицирующего власть в стране и ставшего символом государства: *Славься сим, Екатерина! // Славься, нежная к нам мать!* («Гром победы, раздавайся!»). Однако нередко прославляется и собственно страна: *Живи, моя страна! Да здравствует союз наших Эмиратов!* (ОАЭ).

В гимнах-молитвах есть особый перлокутивный эффект – вызвать желание славить и защищать монарха (Великобритания, «Гром победы, раздавайся!», «Молитва русских», «Боже, Царя храни!»), например, *Боже, храни нашу милостивую Королеву! // Да здравствует наша благородная Королева!* (Великобритания).

7. **Формальная организация текста** – это совокупность жанрово-стилистических признаков: соединение эпического, лирического и драматического начал, высокая степень образности, обилие патетических, высоких метафор, традиционных эпитетов, сравнений, обязательное обращение к восхваляемому объек-

ту, эмоциональность текста, использование восклицательных интонаций, анафор и других видов повтора, размеренная ритмичность стиха.

Исследователи гимнографии акцентируют внимание на высокой степени образности гимнов и наличии национальной идеи. Так, В.А. Золотова считает, что текст государственного гимна обязательно обладает признаком «образности», а также особой идеей (словесным и музыкальным выражением социально-философской истины, актуальной для данной страны) [2], с чем невозможно не согласиться.

Традиционные образы (или идеологемы) монархических гимнов – монарх, бог, народ, страна, враги. Мы проанализировали ключевые образы в 8 гимнах. Образ **монарха** встречается в 6 гимнах, образ **бога, страны, народа** – в 5, образ **врагов** – в 4. Традиционной образной системе не соответствуют образ **флага** (ОАЭ), коммунистическая идея **строительства новой жизни** (Бельгия и ОАЭ) и демократические идеи **права и свободы** (Великобритания, Бельгия и Таиланд). Наличие таких нетипичных для монархий образов и идей мож-

но объяснить либо поздним временем создания гимна и стремлением показать остальному миру, что страна является прогрессивной, либо (так как большинство современных монархий – конституционные) желанием подчеркнуть соблюдение прав и свобод граждан под руководством монарха.

Итак, монархический гимн – это особый субжанр государственного гимна. Исторически он восходит к религиозной лирике. Первые славильные песнопения исполнялись в честь бога, затем – в честь князя (или царя). Таким образом, монархический гимн можно считать «переходным вариантом» между религиозным гимном (молитвой) и государственным.

Литература

1. Шмелева Т.В. Речевой жанр. Возможности описания и использования в преподавании языка // Russistik. Русистика. Научный журнал актуальных проблем преподавания русского языка. – Берлин, 1990. – № 2. – С. 24.
2. Золотова В.А. Объективация и динамика концептов в российских гимнах (XIX–XXI вв.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Вологда, 2011. – С. 8–9.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СЕМАНТИКИ НЕУВЕРЕННОСТИ В ДИАЛЕКТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ЧАСТИЦ)

Пашина Л.Д.

Томский государственный университет, студент

REPRESENTATION OF THE SEMANTICS OF UNCERTAINTY IN A DIALECT (BASED ON THE MATERIAL OF THE DIALECT PARTICLES)

Pashina L.D.

Tomsk State University, student

В статье на материале частиц рассматривается репрезентация семантики неуверенности в диалекте. Проводится анализ семантики и функции частиц. Осуществляется типологизация значения неуверенности с учетом контекстуального употребления частиц. Анализ контекстных словоупотреблений дает возможность провести дифференциацию оттенков значения неуверенности (предположение, сомнение, неопределенность, неточность, приблизительность, кажимость).

Ключевые слова: неуверенность, частицы, функция, контекст, оттенки смыслов.

This article considers representation of the semantics of uncertainty in a dialect, the study is based on the material of particles. The analysis of the semantics and functions of the particles is carried out. The typology of the semantics of uncertainty, considering the contextual use of the particles, is defined. The analysis of the contextual use allows differentiating the meaning of "uncertainty" (supposition, doubt, uncertainty, inaccuracy, approximation, appearance).

Key words: uncertainty, particles, function, context, shades of meanings.

Научный руководитель:
Демешкина Татьяна Алексеевна,
докт. филол. наук, профессор.

Семантика персуазивности (уверенности / неуверенности говорящего в достоверности передаваемой информации) априорно присуща плану содержания любого предложения в речи. Семантика уверенности, как правило, не эксплицируется в плане выражения, поскольку «специальных показателей требует только неуверенность автора в достоверности предлагаемой им информации, уверенность же как нормальное положение дел никакими сигналами не сопровождается» [1].

Основными показателями семантики неуверенности выступают вводно-модальные слова и частицы. Они реализуют в высказывании комплекс разнообразных смыслов: предположение, сомнение, кажимость, колебание и др. Градация оттенков неуверенности выражается от «достаточно высокой степени уверенности в сказанном через значения нейтрального, "чистого" предположения до глубокого сомнения в достоверности фактов действительности, в семантическом плане граничащего с отрицанием» [2].

Целью данной статьи является анализ выражаемой частицами семантики неуверенности в диалекте и дифференциация оттенков семантики неуверенности.

Работа выполнена на материале вершининского говора. Источниками частиц с семантикой неуверенности выступили «Полный словарь сибирского говора» [3] и «Вершининский словарь» [4], главным редактором которых является О.И. Блинова, а также «Полный словарь диалектной языковой личности» [5] под редакцией Е.В. Иванцовой. Источниками контекстов являются вышеназванные словари, а также электронный корпус текстов Лаборатории общей и сибирской лексикографии.

Посредством сплошной выборки из названных словарей было выделено 27 лексем и фразем, помеченных как единицы разной системной принадлежности:

- общерусские лексемы и фраземы: *вряд ли, едва ли, как-то, ли, не ... ли, неужели, разве;*
- просторечные лексемы: *вроде, где-то (де-то), небось, неужто;*
- собственно диалектные слова: *бышно, где ли / ли где, ли как (ли), ли кого (ли), ли кто (ли), ли нет (ли), ли там;*
- диалектные и просторечные варианты общерусских слов: *бы (б) / ба, будто / быдто, де (где), либо, как, там, тоже.*

На основании классификации модально-персуазивных частиц И.А. Нагорного [6] исследуемые лексемы можно обозначить как **собственно-предположительные** (*бы (б) / ба, будто / быдто, бышно, вроде, где-то / де-то, либо, как-то, не ... ли*); **сомнительно-предположительные** (*едва ли, вряд ли, где ли / ли где, ли как (ли), ли кого (ли), ли кто (ли), ли нет (ли), ли там*); **вопросительно-предположительные** (*разве, неужели, неужто*), а также выделить группу **усилительно-сомнительных** частиц (*там, тоже*).

Анализ контекстных словоупотреблений частиц позволил выявить две основные разновидности семантики неуверенности в вершининском говоре – значения предположения и сомнения, которые, в свою очередь, осложняются оттенками неопределенности, приблизительности, кажимости и др., а также указывают на некатегоричность высказывания.

Под предположением понимается «предварительное суждение о чем-л., догадка» [7], «мысленное допущение; соображение о возможности, вероятности чего-либо» [8].

Осложнение значения предположения происходит в случае, когда говорящий не обладает достаточной информацией для точной оценки.

Семантика неопределенности, неточности часто эксплицируется характерным для диалектного выска-

звания сочетанием местоимения или союза с частицей *ли* (часто с повтором частицы): *Она стояла в серванте, ли где; Оно буклёво [платье] – это всякими набитыми узорами ли как; А потом [сено] собирать в копны ли как ли больши; Он на завод поступил... поработал там, музыки ли кого ли делал; Там, гыт, сидела молодая девушка, ли кто ли; Сажен сто прошел ли нет ли, на камень свернулся, попал и упал.*

Нередко значение неточности осложняется семантикой некоторого безразличия, которая эксплицируется с помощью частицы *там*, употребляющейся в сочетании с *ли кто ли, ли как ли, ли где ли* и т.п.: *Слышали – нет, вчера передавали? Прокурор какой-то, ли юрист ли там; А он говорит: «дядя Толя», ли как ли его там назвал, как он зовет его?*

Также основное значение предположения в высказывании может осложняться значением приближенности. Это происходит в случае вспоминания определенных дат и событий, в ситуации упоминания количественных данных, в верности которых говорящий не уверен: *[А с какого Вы года? Когда родились?] Будто бы в двадцать седьмом, но у нас документов не было; Продала где-то в июле, где ли, ну летом когда-то; Сильно стара тут-ка Елизавета Ивановна, где-то под сто лет ей уж; Ей либо двадцать шесть – двадцать семь лет].*

Помимо осложнения дополнительным смыслом, основное содержание высказывания (предположение) может усиливаться благодаря частице *небось*: *Счас обносила, да кто даст. Раз своих нет, небось никто не даст; А они лёгоньки, небось наденешь, дак только пятки говорят.*

Вторым основным видом семантики неуверенности в диалекте является сомнение. Оно заключается в неуверенности говорящего «в истинности, возможности чего-л.», а также содержит «мысль о возможном несоответствии чего-л. действительности». Сомнение маркируется говорящим для того, чтобы актуализировать состояние неуверенности, колебание в истинности или правильности рассуждения: *Ну ее [ягоды черники] много было. Ну счас-то едва ли наберешь. Счас мало стало; И там записываются тридцать девятого году. Неужель тридцать девятого?; Она говорит: «Я пойду на тройку молока возьму три банки». А мы разве сведим их?*

Осложнение семантики сомнения дополнительными оттенками удивления, недоверия к чему-либо происходит в высказываниях-вопросах с частицами *разве, неужели, неужто*: *Эта припёрлась по уютю, неужели уютя не иметь?; Тогда я говорю: неужто и товариш Семёнов из червяка вышол или от облезаны; Разве здесь девять пуговочек?*

Нередко семантика сомнения пересекается со значением кажимости, которое восходит, по мнению Н.Д. Арутюновой, к недостоверному знанию [9]. В высказываниях диалектоносителей с семантикой кажимости прослеживается неуверенность в совпадении реальной ситуации и ее обозначения. В анализируемом материале семантику кажимости репрезентируют частицы (и образуемые с помощью них сочетания слов) *будто, будто бы, как будто, вроде, вроде бы, как вроде, как вроде бы, вроде бы как, как-то вроде, как (бы)*:

Вроде приотдаст – усну, а потом опять заболит [нога]; На [улице] Лениной будто бы его поймали; У нас Аня тоже шибко ба'ловат [детей], Колька вроде как-то лучше.

Также немаловажным является маркирование диалектоносителем высказываний, которые выявляют сложные смысловые связи внутри категории утверждения / отрицания. На «отрезке между смысловыми полюсами утверждения и отрицания, значительно приближаясь к последнему» [10] находятся частицы *вряд ли, едва ли*. Особенность предложений с данными показателями персуазивности заключается в том, что при формальном выражении утверждения на содержательном уровне передается отрицание. Поэтому подобные высказывания можно легко перефразировать: *Всё так, ерунда, всё мелочь, что ни вспомнишь, и то едва ли вспомню (= скорее всего, не вспомню); Нет, просто хотел сказать, тогда, наверно, вряд ли вы участвовали, шестого августа сего года будет в Парабеле... (= скорее всего, не участвовали).*

Таким образом, семантика неуверенности репрезентируется в диалекте двумя основными разновидностями – значением сомнения и предположения, образующими соответствующие смысловые полюсы. Указанные значения могут усиливаться и осложняться дополнительными оттенками неопределенности, неточности, приближенности, кажимости и др., а также эмоциональными коннотациями (безразличие, удивление, недоверие и др.). В рамках высказывания вышеперечисленные аспекты отражают позицию автора высказывания как сомневающегося субъекта и подчеркивают субъективную природу семантики неуверенности.

Литература

1. Шмелева Т.В. Семантический синтаксис. – Красноярск : Изд. КГУ, 1988. – С. 37.
2. Нагорный И.А. Модальные значения предложений с частицами *едва ли, вряд ли* : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1991. – 23 с.
3. Полный словарь сибирского говора / под ред. О.И. Блиновой : в 4 т. – Томск, 1992–1995.
4. Вершининский словарь / под ред. О.И. Блиновой : в 7 т. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998–2002.
5. Полный словарь диалектной языковой личности / под ред. Е.В. Иванцовой : в 4 т. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006–2012.
6. Нагорный И.А. Корректирующая функция модально-персуазивных частиц // Научные ведомости. Серия «Гуманитарные науки». – 2014. – № 26(197), вып. 24. – С. 13–22.
7. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс]. – 2005. – URL: <https://www.efremova.info/word/uverennyj.html#.XP9RGasufIU> (дата обращения: 14.09.2018).
8. Словарь современного русского литературного языка / АН СССР, Ин-т языкознания ; под ред. В.И. Чернышева : в 17 т. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1961. – Т. 11.
9. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. – М. : Языки русской культуры, 1999. – С. 833.
10. Нагорный И.А. Семантика частиц *едва ли, вряд ли* // Русский язык в школе. – 1993. – № 2. – С. 95.

ЛЕКСЕМА «ХЕЙТИНГ» В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ШКОЛЬНОГО СООБЩЕСТВА В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ)

Печенегова А.Л.

Томский государственный университет, аспирант

LEXEME «HATING» IN INTERNET COMMUNICATIONS (ON THE MATERIAL OF THE SCHOOL COMMUNITY IN THE SOCIAL NETWORK)

Pechenegova A.L.

Tomsk State University, post-graduate student

Статья посвящена исследованию функционирования лексемы «хейтинг» и ее однокорневых мотиватов «хейтить», «хейтер» и «хейтовый» в интернет-коммуникации, являющихся номинацией речевой агрессии. Выявлена частотность употребления данных лексем в среде школьников на материале одного из крупнейших сетевых сообществ российского сегмента Интернета, посвященного школьной жизни.

Ключевые слова: интернет-коммуникация, речевая агрессия, хейтинг, школьные сообщества.

The article is devoted to the study of the functioning of the lexemes "hating" and its derivatives in Internet communication. The frequency of using these lexemes among schoolchildren on the material of one of the largest online communities in the Russian segment of the Internet devoted to school life is revealed.

Key words: Internet communication, verbal aggression, hating, school public.

Научный руководитель:
Демешкина Татьяна Алексеевна,
докт. филол. наук, профессор.

В современном обществе проблема проявления и контроля агрессивного поведения все в большей степени привлекает внимание разных специалистов, в том числе лингвистов. На тему речевой агрессии написано много научных трудов, однако эта тема не исчерпывает себя, поскольку появляются новые пространства для языкового выражения агрессии, являющейся инстинктивной формой поведения.

По наблюдению российских исследователей, таких как А.Р. Лурия, Л.С. Выготский, агрессия возникает в процессе мышления, когда различные внешние реакции на негативные раздражители преобразуются во внутренние, что выражается, в частности, в вербализации своих чувств. Понятие речевой агрессии, традиционно рассматриваемое в рамках психолингвистического подхода, означает «выражение негативных чувств как через форму (ссора, крик, визг), так и через содержание словесных обращений к другим лицам (угроза, проклятие, ругань)» [1]. Именно это определение, предложенное зарубежным исследователем Бассом, позволяет выделить два основных аспекта в изучении вербальной агрессии. Первый можно назвать внешним, формальным. Он выражается в изучении словесного оформления агрессивных проявлений, в том числе в специфике лексических средств и речевых конструкций, воплощающих вербальную агрессию. Второй уровень, включающий в себя анализ темы, содержания, цели высказывания, представляет содержательный аспект речетворчества.

В настоящей статье рассматривается речевая агрессия школьников, воплощенная в интернет-коммуникации и получающая выражение через такую лексему, как «хейтинг», и ее однокорневые мотиваты. Она означает открытое проявление неприязни, крайнего отвращения или крайней враждебности к себе или к собеседнику [2]: *Это хейтинг такой в мою сторону?!* Однокорневыми лексемами к «хейтинг» являются глагол *хейтить*, заимствованный из английского языка (hate с английского *ненавидеть*), и существительное

хейтер. Согласно Кэмбриджскому словарю, хейтером называют «человека, который говорит или пишет неприятные вещи о ком-то или критикует их достижения, особенно в интернете» [3]. Таким образом, можно наблюдать следующее языковое явление: калькированная с английского языка лексема *хейтинг* осваивается русской языковой системой. От этого существительного, предположительно, появилось и прилагательное *хейтовый*, которое, судя по изученному материалу, применяется в качестве характеристики человека, ненавидящего кого-либо или что-либо и открыто проявляющего эту ненависть.

В задачи исследования входит выявление сферы функционирования лексемы *хейтить* и однокорневых с ней лексем (*хейтинг*, *хейтер* и *хейтовый*) в интернет-коммуникации современных школьников. В ходе изучения языкового материала планировалось верифицировать гипотезу: лексемы *хейтить*, *хейтинг*, *хейтер* и *хейтовый* вошли в лексикон современного школьника и являются номинацией агрессии.

Материалом для исследования послужили публикации и комментарии к ним из сообщества «Подслушано в школе», базирующегося в социальной сети «ВКонтакте» и являющегося одним из самых крупных пабликов о школьной жизни на просторах российского сегмента интернета. Администраторы группы «Подслушано в школе» принимают от школьников со всей России публикации на различные темы из школьной жизни: это могут быть как текстовые публикации, так и обнаружение фото-, аудио- и видеофайлов. Главное требование к публикациям — их оригинальность, а также провокационность. Последнее выражается в соответствующей речевой тактике и направлено на «дестабилизацию эмоционального состояния собеседника» [4]. Лингвистически это может быть выражено, например, через вопрос «А вам слабо?», который автор поста в сообществе адресует другим его участникам.

Любой акт речевой агрессии, по мнению исследо-

вателей, – это всегда нарушение границы общения. Говорящий выходит за пределы гармоничного речевого пространства. Не случайно выражение «вышел из себя» употребляют в отношении человека, который разгневан, сильно возмущен. Ю.В. Щербина отмечает, что вербальный агрессор покушается на речевую окрестность адресата, вторгается в его коммуникативную территорию [5].

Свобода самовыражения личности в Интернете, по мнению большинства современных исследователей, приводит к тому, что собеседник открывается как с положительной стороны, что раскрывает его лингвокреативный потенциал, его творческие возможности, так и с негативной, поскольку коммуникация в виртуальном пространстве уничтожает «сдерживающие механизмы, вызывая ощущение безнаказанности, делая возможным создание текстов, нарушающих не только языковые, но и морально-нравственные нормы» [6]. Кроме того, российские и зарубежные лингвисты сходятся во мнении, что речевая агрессия в Интернете объясняется желанием адресанта обрести идентичность, противопоставить себя диффузной массе пусть и ценой негативной оценки.

В рамках такого понятия, как хейтинг, это стремление проявляется прежде всего в том, чтобы выразить негативную реакцию на публикацию или комментарий в ситуации, когда все остальные участники коммуникации отстаивают противоположную точку зрения. Анализ публикации сообщества «Подслушано в школе» за март 2019 года в количестве 100 постов в комментариях к большинству обнаружил проявление речевой агрессии с использованием в речи лексем, анализируемых в данной статье. К примеру, в качестве одной из публикаций пользователь выложил фото страницы учебника английского с полностью переведенной каким-то другим учеником статьей. Автор поста выразил благодарность старательному ученику, сопроводив фотографию подписью «ГОСПОДИ, СПАСИБО!». Большинство комментаторов написали положительные отзывы к данной публикации: *Дорога сразу в рай такому человеку; Таким людям памятник нужно ставить; Вот бы нам так в каждом учебнике* и проч. При этом лишь один пользователь Никита К. решил выделиться из толпы коммуникантов и выразить негативную реакцию, написав: *Перевод неправильный и текст легкий*. Его комментарий не остался без внимания других участников сообщества, и в итоге общение переросло в словесную перепалку, сопровождающуюся нецензурной бранью. При этом сразу четверо участников коммуникации назвали инициатора конфликта Никиту К. *хейтером*.

Анализ показал, что хейтинг – это всегда эсплицитное проявление агрессии. Причем негативную реакцию могут вызывать даже те публикации пользователей, которые не несут в себе агрессивности. Например, в публикации от 9 марта пользователь Лиза Т.

спрашивает участников сообщества: *Накидайте новой музыки в плеер*. Эта простая просьба порождает со стороны хейтеров резко негативную реакцию: *Может тебе лучше накидать по шам?, Судя по твоему профилю новая музыка тебе не поможет, иди учишь, ботаничка, Не много ли чести?* и т.п. В итоге пользовательница Лиза Т. просит администраторов группы закрыть комментарии к ее публикации и отвечает своим собеседникам по интернет-коммуникации: *«Ну вы хейтовые ребята тут!»*. В настоящем контексте «хейтовые» употребляется в значении «ненавидящие другого». Данный пример демонстрирует то, что хейтеры обычно открыто нападают на собеседника даже при отсутствии провокации с его стороны.

Лексемой «хейтер» обозначаются не только те пользователи, которые открыто выражают агрессию по отношению к другим участникам виртуального общения, но и те, кто призывает к агрессивным речевым действиям, направленным против учителей и отдельных предметов: *Давайте хейтить всех умников, которые понимают матешу* (здесь математику – прим.); *Лайк всем, кто хейтит любителей ботаники, пестиков и тычинок; У нас училке 24 года, и мы ее хейтим каждый урок*.

Из 100 опубликованных сообщений в группе в марте 2019 года 87 публикаций вызвали негативную реакцию комментаторов. При этом слово *хейтинг* и однокоренные лексемы *хейтер*, *хейтить* и *хейтовый* были употреблены 42 раза: *Ты меня хейтишь сейчас? Это дешевый хейтинг; Не надо меня хейтить; Оу, да ты хейтер!; Ты думаешь, ты тут самый хейтовый?* и проч. Чаше других употреблялись именно глагольные формы в инфинитиве и в формах первого и второго лица: *хейтить* (14 раз), *хейтишь* (8 раз) и *хейчу* (9 раз).

Проанализировав языковой материал, можно утверждать, что лексемы *хейтить*, *хейтовый*, *хейтер* и *хейтинг* активно употребляются в интернет-коммуникации современных школьников. Они функционируют в ситуациях, когда коммуниканты хотят выразить крайне негативное отношение друг к другу, к другим людям или явлениям действительности.

Литература

1. Buss A.H. The psychology of aggression. – New York : Willey, 1961.
2. Онлайн-словарь Dictionary.com. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.dictionary.com/browse/hating>.
3. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/hater>.
4. Иссерс О.С. Стратегия речевой провокации в публичном диалоге // Русский язык в научном освещении. – М., 2009. – № 2(18). – С. 92–104
5. Щербина Ю.В. Русский язык: Речевая агрессия и пути ее преодоления. – М., 2005.
6. Интернет-коммуникация как новая речевая формация: колл. монография / науч. ред. Т.Н. Колокольцева, О.В. Лутовинова. – М. : Флинта ; Наука, 2012. – 328 с.

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЮМОРА В ИНТЕРНЕТ-ШОУ «АТОР THE FOURTH WALL»

Сизёмова М.А.

Нижегородский лингвистический университет, студент

ON THE USAGE OF HUMOUR IN THE INTERNET SHOW "ATOP THE FOURTH WALL"

Sizemova M.A.

Nizhny Novgorod Linguistic University, student

На сегодняшний день применение юмористических высказываний широко распространено в различных сферах человеческой жизни. В настоящей статье на примере любительского канала Atop the Fourth Wall рассматривается применение юмора в интернет-шоу, выявляется, с какой целью и к каким разновидностям юмора чаще всего прибегает рецензент. Исследование построено на цикле видео-рецензий на серию комиксов «The Hobbit».

Ключевые слова: юмор, комическое, видео-рецензия, жанр, функциональная специфика.

Today the usage of humorous statements is well-spread in different human life spheres. The article focuses on the usage of humour by the author of the online show; on the basis of the amateur channel Atop the Fourth Wall it is described, what goals are achieved and with what types of humour. This study is based on the series of video-reviews on the comic series "The Hobbit".

Key words: humour, comical, video-review, genre, functional specific.

Научный руководитель:
Ножевникова Елена Геннадьевна,
канд. филол. наук, доцент.

Во все периоды истории юмор был неотъемлемой составляющей человеческой жизни: при дворах короли держали шутов, а сегодня мы собираемся на концертах или перед экранами телевизоров, чтобы посмотреть очередной выпуск юмористической передачи. Люди прибегают к использованию юмора, потому что он помогает решить многие вопросы повседневности, например, улучшает взаимопонимание, способствует укреплению сплоченности внутри коллектива, уменьшает уровень стресса и многое другое [1].

Целью настоящей статьи является рассмотрение наиболее часто используемых юмористических высказываний в выступлениях отдельно взятого обозревателя для выделения используемых им функций юмора.

В качестве материала для анализа в настоящей статье был выбран фрагмент цикла видео-рецензий обозревателя Линкара (англ. *Linkara*) на серию комиксов «Хоббит» (англ. *"The Hobbit"*). В рецензии комикс сопоставляется и с книгой-первоисточником, и с кино-трилогией режиссера П. Джексона, вышедшей с 2012 по 2014 гг.

В творчестве Линкары часто присутствует юмористический аспект, что не обошло стороной и эту его работу. На материале анализируемого фрагмента рассмотрены юмористические высказывания с точки зрения следующих основополагающих функций юмора: идентификации и противопоставления (дифференциации), контроля, сопротивления, (англ. *Identification, Differentiation, Control, Resistance*) [2].

Функция идентификации — через передачу с помощью комического высказывания восприятия действительности — усиливает внутригрупповую связанность. Функция противопоставления подразумевает исключение группы или людей, не обладающих теми же взглядами или фоновыми знаниями. Функции идентификации и противопоставления базируются на наличии общих пресуппозиций внутри группы [2].

Проявление функции идентификации можно про-

иллюстрировать, обратившись к фрагменту, когда Линкара сравнивает приглашение Голлума задержаться с фразой одного из персонажей компьютерной игры *Diablo II* Декарда Кейна, которой он начинает свой рассказы об очередном зле: "...*Gollum however invites Bilbo to stay and talk with him for a bit. ["Stay awhile and listen"]*" [3]. Линкара намеренно использует видео-аллюзию, которую обычный зритель проглядит, но фанат серии игр увидит и сможет оценить комичность данного сравнения.

Функцию противопоставления можно проиллюстрировать на примере аллюзии на персонажа *Detective Comics* — Зелёного Фонаря (англ. *Green Lantern*): "...*Bilbo Baggins, you are the bravest little hobbit of them all. Welcome to the Green Lantern Corps.*" [3]. Аллюзию в данном случае нельзя проигнорировать (для усиления эффекта Линкара сам появляется в кадре); даже не знакомые с первоисточником зрители понимают, что происходит отсылка к предыдущему контексту, но без понимания, к какому именно, будут чувствовать себя некомфортно из-за того, что упускают комический эффект.

Следующие две функции — контроля и сопротивления — могут рассматриваться как соответствующие функциям идентификации и противопоставления. Использование комического может способствовать установлению внутригрупповых коллективных норм и одновременно указывать на отклонение от принятых в группе норм и высмеивать их [2], являясь, по факту, нормоустанавливающими высказываниями.

"...*Do you really need a pipe that's as long as you are tall or is this actually a bong? / ... You know, it's lazy drug addicts like this that are bringing this entire community down... / ... Ok, Bilbo, I think we need to stage an intervention about your drug problem...*" [3] — через данные фразы Линкара в шуточной манере осуждает пристрастие Бильбо к курению, выставляя это в преувеличенном виде. Через функцию контроля автор видео-рецензии указывает на существующие в обществе нормы поведения и вы-

ступает против их нарушения. Именно относительно данных фраз Линкара добавляет “...*I'm just a guy who is making drug addict jokes about the hairy footed guy's tobacco*” [4], что можно сравнить с классическим американским *I'm kidding*, указывающим на наличие юмора в данных фрагментах.

Обращение к юмору обуславливается тем, что это менее агрессивная форма критики, а кроме того, видео-рецензия как жанр характеризуется субъективизмом, и автор никогда не претендует на абсолютное знание норм и правил, что иногда можно услышать напрямую от обозревателя.

Применение юмористических высказываний также может быть рассмотрено с психологической точки зрения, например, с точки зрения «защиты себя путем указания на собственную слабость, пока кто-то другой не указал на нее» [4]. В видео-рецензии Линкара шутит над собой, пользуясь защитной функцией юмора: “...*Okay, let's be honest: I'm doing this because the damn movies have been released every December, and the final one is coming out soon, so this is my best chance to cash in on it before the public stops caring about it...*” [3].

В данной статье были рассмотрены примеры юмористических высказываний, которые наиболее ярко отражают характерные особенности видео-обозревателя Линкара. Можно прийти к выводу, что в его ви-

део-рецензиях комическое часто используется для создания чувства солидарности между зрителями, для заострения внимания на различных недочетах работы и высмеивания их в глазах зрителя, для указания на неправильное поведение героев и другое. Данная сфера исследования представляется перспективной, поскольку через комическое можно как устанавливать дружественные отношения между людьми определенной сферы, так и влиять на их восприятие действительности, настраивая на позитивное или негативное отношение к происходящему.

Литература

1. The Skill of Humor by Andrew Tarvin, TEDxTamu [Электронный ресурс]. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=MdZAMSyn_As (дата обращения: 18.03.2019).
2. Ножевникова Е.Г., Гусева Е.И. Контроль и противостояние в коммуникации: саркастические высказывания как средство идентификации / дифференциации членов коллектива // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 11-1(89). – С. 146–150.
3. The Hobbit: Comic Book Review by Linkara [Электронный ресурс]. – URL: <http://atopthefourthwall.com/the-hobbit> (дата обращения: 13.01.2019).
4. Hay J. Functions of humor in the conversations of men and women // Journal of Pragmatics. – 2000. – Vol. 32. – P. 709–742.

ПРИНЦИПЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОММЕНТАРИЯ, ЗАДАННЫЕ ХАРАКТЕРОМ ИСХОДНОГО ПОСТА, В КОРПОРАТИВНОМ СУБДИСКУРСЕ СОЦСЕТИ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Стародубцева А.В.

Томский государственный университет, студент

PRINCIPLES OF REALIZATION OF COMMENT DETERMINED BY THE CHARACTER OF THE POST IN CORPORATE SUBDISCOURSE OF SOCIAL NETWORK: EXPERIMENTAL RESEARCH

Starodubtseva A.V.

Tomsk State University, student

В работе исследуется специфика реализации комментария в корпоративном дискурсе соцсети в ее обусловленности (1) параметрами субдискурса, (2) характером темы публикуемого поста, (3) текстовыми средствами организации поста. Для проверки влияния данных факторов на реализацию комментариев проведено два эксперимента, результаты которых обсуждаются нами в данной статье.

Ключевые слова: корпоративный субдискурс, комментарий, эксперимент.

Specifics of realization of comment in corporate subdiscourse of social network in conditionality by (1) parameters of subdiscourse, (2) character of the theme of the post, (3) textual means of organization of a post. Two experiments were conducted in order to reveal the influence of the factors on the realization of comments.

Key words: corporate subdiscourse, comment, experiment.

Научный руководитель:
Тубалова Инна Витальевна,
докт. филол. наук, доцент.

В предыдущем исследовании на основании дискурс-анализа комментариев корпоративных групп соцсети «ТГУ» и «Подслушано в ТГУ» и их сопоставления с комментариями в некорпоративных группах мы выяснили, что на принципы реализации комментирующей интенции влияет (1) официальность/неофициальность дискурса комментирования; (2) информирующий/диалоговый характер его цели; (3) равновесность/неравновесность участников общения; (4) корпоративный/некорпоративный по диктумной ориентации тип дискурса; (5) текстовая организация исходного поста.

Цель данного исследования – в рамках эксперимента проверить влияние на уровень реализации комментирующей интенции (количество комментариев) и содержание комментариев (их соответствие/несоответствие содержанию исходного поста, конфликтную/кооперативную направленность) следующих факторов: (1) содержание исходного поста – его соответствие/несоответствие корпоративному диктуму и актуальность/неактуальность для участников группы, (2) позитивная/негативная направленность исходного поста, (3) наличие текстовых средств неформального общения и средств выражения эмоциональности.

Гипотеза эксперимента: (1) соответствие содержания поста корпоративному диктуму повышает уровень реализации комментирующей интенции и определяет соответствие содержания комментариев теме поста; (2) актуальность темы исходного поста для подписчиков повышает уровень комментирующей интенции и определяет соответствие содержания комментариев теме поста; (3) негативная направленность поста повышает уровень комментирующей интенции, но не влияет на содержание комментариев; (4) текстовые средства неформального общения и средства эмоциональности (в примерах ниже – подчеркнуты) повы-

шают количество комментариев.

Для проверки гипотезы были составлены 6 постов с заданными параметрами: **пост 1** (*На улице очень холодно! Нет мороза, и воздух такой прозрачный... Благодарить!*) – диктумное содержание не корпоративное, тема не актуальна для подписчиков корпоративной группы, текстовые средства эмоциональности – традиционные для данной темы, направленность поста – позитивная; **пост 2** (*Она наболела мной, меня раздражают люди, которые говорят, что университет их ничему не научил (ну, или не учит). При этом они прогуливают 80% занятий, и домашку делать не для царей. Естественно, зачем все это, если можно выучить материал в ночь перед экзаменом и благополучно забыть на следующий же день? А потом говорить, что их, бедных, ничему не научили. Нет! Легче все свалить на преподавателей или на учебный план, в котором много «бесплезных предметов», чем на самих себя (лень, занятость на работе и т.д). По-моему, если в такой ситуации «ничему не учат», то либо нужно брать за голову и получать знания, которые дают, либо вообще бросать учебу, если она такая ничемная*) – диктумное содержание корпоративное, тема актуальна для подписчиков корпоративной группы, текстовые средства эмоциональности и неформальности – традиционные, направленность поста – негативная; **пост 3** (*О бытовых проблемах: кто епта ОТРЫВАЕТ ПЛИТКУ в туалетах общежития?! Зачем это нужно-то? И каким образом ее умудряются отрывать?!*) – диктумное содержание корпоративно, тема актуальна для подписчиков корпоративной группы, текстовые средства эмоциональности – специфические, направленность поста – негативная; **пост 4** (*Какой КАЕФ сдать мегасложную контроль на 5!!!*) – диктумное содержание корпоративно, тема актуальна для подписчиков корпоративной группы, текстовые средства эмоциональности – спе-

цифические, направленность поста – позитивная; **пост 5** (*Мне пришла повестка в военкомат*) – диктумное содержание не корпоративно, тема актуальна для подписчиков корпоративной группы, текстовые средства эмоциональности – отсутствуют, направленность поста – нейтральная; **пост 6** (*За**** со своим МАР-ВЕЛОМ! Постоянно выходят какие-то сиквелы-приквелы с дырами в сценарии. Хайп на спецэффектах, и только!!!*) – диктумное содержание не корпоративно, тема не актуальна для подписчиков корпоративной группы, текстовые средства эмоциональности – специфические, направленность поста – негативная.

Посты 1, 2, 3 были опубликованы в неофициальных, диалоговых, равновесных группах «Подслушано в ТГУ» (корпоративной) и «Подслушано в Томске» (некорпоративной), а посты 4, 5, 6, по решению модераторов, были опубликованы только в корпоративной группе.

Гипотеза подтвердилась.

Пост 1 в корпоративной группе не вызвал ни одного комментария, а в некорпоративной получил 25 комментариев. Кроме того, анализ комментариев к нему подтвердил и положение о том, что непроблемно представленное, позитивно ориентированное содержание поста определило то, что комментарии имеют неконфликтный характер.

Пост 2 в корпоративной группе вызвал высокий (для группы такого типа, где среднее количество комментариев к прокомментированным постам – 8) уровень комментирования (16 комментариев). Это обусловливается содержанием поста, соответствующим диктуму дискурса, и его актуальностью. В некорпоративной группе пост получил 30 комментариев. В силу негативной направленности подачи содержания и его актуальности для жителей Томска, а также отчасти за счет использования особых текстовых средств в комментариях развернулась дискуссия.

Пост 3, несмотря на актуальность темы и конфлик-

тность ее подачи, а также наличие специфических текстовых средств, получил в корпоративном дискурсе не высокое количество комментариев, которые также оказались не конфликтными. По отношению к данному посту гипотеза не подтвердилась, вероятно, потому, что интенция автора была представлена не четко. В корпоративной группе первый комментатор ответил на реальный вопрос (*Зачем это нужно-то?*), и обсуждение потеряло эмоциональность, в связи с чем читатели утратили к нему интерес. При этом в некорпоративной группе пост вызвал 18 комментариев, содержательно лишь некоторые из них являются объективным ответом на заданный в посте вопрос, остальные – ироничные ответы, шутки.

Пост 4 получил не большое количество комментариев (4 комментария), в которых автор был поддержан, в силу его позитивной направленности.

Пост 5, согласно гипотезе, должен был также активно комментироваться в корпоративной группе, а по содержанию комментарии ожидалось ироничные и сочувственные. Результат: количество комментариев – 14, гипотеза подтвердилась.

Пост 6, несмотря на несоответствие его содержания корпоративному диктуму, относительно активно комментировался (9 комментариев) в связи с его актуальностью для молодежной аудитории и негативной направленностью, но комментарии не соответствовали содержанию поста.

Таким образом, эксперимент показал, что в корпоративном дискурсе посты, не соответствующие корпоративному диктуму, либо не комментируются, либо их содержание не соответствует теме поста. Последнее имеет место в том случае, если тема поста актуальна, и это качество влияет на уровень комментирующей интенции наиболее выражено. Негативно направленные посты комментируются значительно активнее. Заявленные текстовые средства поста влияют на комментарии значительно слабее.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ИНЖЕНЕРОВ (НА МАТЕРИАЛЕ СООБЩЕНИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРНЕТ-ФОРУМОВ)

Фадеева Н.В.

Томский политехнический университет, аспирант

SOME FEATURES OF THE SPEECH BEHAVIOR OF ENGINEERS (ON THE MATERIAL OF MESSAGES OF PROFESSIONAL INTERNET FORUMS)

Fadeeva N.V.

Tomsk Polytechnic University, post-graduate student

В статье рассматривается речевое поведение коммуникантов-инженеров, реализуемое в рамках профессионального форума. С помощью Интернет-ресурсов появились новые возможности и способы коммуникации, которые позволяют различным сообществам поддерживать взаимодействие как на профессиональные, так и на непрофессиональные темы. Благодаря анализу подобных Интернет-ресурсов становится возможным выявлять особенности профессиональной коммуникации в неофициальной ситуации общения.

Ключевые слова: профессиональная коммуникация, дискурс-анализ, веб-форум.

The article discusses the speech behavior of communicants-engineers, implemented in the professional forum. With the help of Internet resources, have appeared new opportunities and ways of communication that allow different communities to support interaction on both professional and non-professional topics. By analyzing such Internet resources, it becomes possible to identify the features of professional communication in an informal communication situation.

Key words: professional communication, discourse-analysis, web-forum.

Научный руководитель:
Мишанкина Наталья Александровна, докт. филол. наук,
профессор.

В современном мире все больше места в жизни любого человека занимает Интернет, который как способ и средство коммуникации становится приоритетным. Процесс коммуникации в Интернет-сообществах происходит в отличии от вербальной коммуникации формате, это позволяет Интернет-пространству стать источником материала для социологических, лингвистических и других исследований (Г.Н. Трофимова, Т.И. Попова, И.М. Вознесенская и др.).

К Интернет-ресурсам, с помощью которых осуществляется коммуникация между людьми, можем отнести: почтовые сервисы, чаты и форумы [1]. Интернет привлек внимание профессиональных сообществ как средство передачи, сохранения и актуализации информации. Для профессиональных сообществ в общем и для инженерных сообществ в частности наиболее подходящим форматом коммуникации является форум. Веб-форум, Интернет-форум – платформа для общения между пользователями интернета на одну или несколько тем [2]. Важным является то, что, сохраняя свою профессиональную ориентированность, коммуникация в рамках форума является неофициальной.

Цель исследования: описание неофициального речевого поведения коммуникантов-инженеров на форуме, посвященном инженерной сфере деятельности.

Предмет анализа: профессиональная коммуникация инженеров, их речевое поведение, реализуемое посредством Интернет-форума, посвященного инженерной деятельности в рамках неофициального общения.

Была использована методология социолингвистического и дискурс-анализа речевого поведения соци-

альной группы, в нашем случае определенной профессиональной группы – инженеры.

Для анализа был выбран форум *Ресурс машиностроения* (<http://www.i-mash.ru/>). Форум посвящен технологиям машиностроения, конструированию.

Материал для анализа: посты, сообщения к двум темам. На первом этапе анализа были выявлены семантические категории: профессиональная и непрофессиональная коммуникация.

Репрезентация участников на форуме проявляется в выборе имени, аватар. Имя пользователя представлено настоящим именем и фамилией или переключается с ними. Если участниками форума используются никнеймы, то они показывают профессиональную принадлежность автора, например: *Aksios-34* (Аксиос – название компании), *Mehan_Ik* (механик), *bigovik* (относится к сфере нефтедобычи и бурильных процессов) и т.д. Это говорит о четкой идентификации участников форума как личностной, так и профессиональной. Аватар часто отсутствует, важны передача и получение информации, авторы представляют сами себя, не используя отвлекающие картинки.

В темах, которые мы отнесли к категории «профессиональной коммуникации», авторы задают вопрос, просят совет, что побуждает остальных принимать участие в обсуждении, например: Дмитрий Владимир: «*Подскажите пожалуйста... Как определить, достаточно ли несущая способность настила подмостей...*»; Трифонов Сергей: «*нагрузка превысит допустимую в пять раз, разве не очевидно?*».

Участники высказывают свое мнение, чему способствует формат форума и определенная дистанцированность. Общение между участниками можем охарактеризовать как запрос на специальное знание. Отметим в ответах некоторую снисходительность, учас-

тники подчеркивают свою более высокую образованность, компетентность.

Категория непрофессиональной коммуникации включает темы, посвященные личной жизни, свободному общению. Лексика в темах разнообразна стилистически, эмоционально, в разделе «Свободное общение», тема «Как крепим ёлку?», например: «Инженеру-конструктору просто необходимо уметь работать головой и руками».

В разделе принимает участие большее количество пользователей. Авторы пишут литературным языком, соблюдая пунктуацию, избегая активного использования графических изображений. И при решении такой задачи, как установка елки в доме, участники апеллируют к специальным инженерным знаниям.

Проведенный анализ позволил описать участни-

ков коммуникации, выявить некоторые особенности в речевом поведении инженеров в ситуации неофициальной коммуникации и сделать следующие выводы: участникам свойственна четкая личностная и профессиональная идентификация; использование литературного языка, соблюдение норм независимо от характера коммуникации, использование профессионального жаргона; присутствие «снисходительности» в коммуникации.

Литература

1. Трофимова Г.Н. Языковой вкус интернет-эпохи в России (функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты). – РУДН, 2009. – С. 10.
2. Портал «Википедия» [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.wikipedia.org>.

СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ЭВФЕМИЗМОВ (НА ПРИМЕРЕ YOUTUBE-КАНАЛА Ю.А. ДУДЯ)

Фараджаева Р.

Алтайский государственный университет, студент

EUPHEMISM CREATION TOOLS (ON THE EXAMPLE OF YURI DUDY'S VIDEO BLOG)

Faradzhaeva R.

Altai State University, student

Статья посвящена исследованию эвфемизмов в речи журналиста Юрия Александровича Дудя. Цель исследования – определить, какие средства эвфемизации использует журналист в речи, и выявить, в высказываниях какой тематики используются приемы эвфемизации. В работе построена структурно-семантическая классификация эвфемизмов.

Ключевые слова: эвфемизм, иноязычия, мейозис, прономинализация, проявление оценочности.

The article is devoted to the study of euphemisms in the speech of journalist Yuri Alexandrovich Dud. The problem of the study is to determine which means of euphemization the journalist uses in speech, and also to identify which subject groups are subject to euphemization. In the course of the work, a structural-semantic classification of euphemisms was built.

Key words: euphemism, foreignism, meiosis, pronominalization, evaluativity.

Научный руководитель:
Доронина Светлана Валерьевна
канд. филол. наук, доцент.

Эвфемизм – более мягкое выражение вместо грубого или непристойного [1]. Необходимость употребления эвфемизмов в речи обусловлена конвенциональным запретом на обсуждение некоторых тем (таких как болезни, смерть, незаконные, аморальные поступки, непрестижные профессии и т.д.). Арсенал эвфемизмов постоянно обновляется, так как через короткое время происходит утрата их главного свойства – способности смягчения обозначаемого табуированного понятия [2]. Это обуславливает актуальность изучения эвфемизмов.

В качестве источника материала был выбран видеоблог Ю.А. Дудя, который создал себе образ каверзного интервьюера, способного задавать неудобные и даже неприличные вопросы своим собеседникам. Эпатажное речевое поведение журналиста обуславливает использование средств эвфемизации в его речи. Методом сплошной выборки было отобрано 50 контекстов, на основе которых были выявлены основные способы образования эвфемизмов и построена их структурно-семантическая классификация.

С опорой на классификации эвфемизмов Е.П. Сеничкиной [2] и В.П. Москвина [3] были выявлены следующие способы образования эвфемизмов:

1. Замена собственно русского слова иноязычием. В данной группе находятся иноязычия, находящиеся на втором и третьем этапах освоения языком:
 - Примерно через месяц после выхода клипа [содержащего сатиру на священнослужителей – Р.Ф.] мне написал какой-то иеромонах Феофан, назовем его так.
 - По-другому его звали...
 - Ну, да. Причем, занимающий высокий пост.
 - Топ-менеджмент РПЦ, главный дистрибьютор веры?
 - Да. И сказал, что Вы, типа, оскорбили, Вам надо извиниться, записав видео... [из интервью с Д. Поперечным].
- Дистрибьютор – это фирма или предприниматель,

которые осуществляют покупку и сбыт товаров [4]. В анализируемом высказывании под дистрибьютором подразумевается человек, распространяющий веру среди людей, занимающийся ее сбытом. *Топ-менеджмент* – объединение высокопоставленных лиц фирмы, отвечающих за успешность или неудачи организации [5]. В высказывании Ю.А. Дудя имеются в виду именно такие руководители, люди, которые занимают высокий пост. Эвфемизмы вносят в контекст добавочные значения: если у Русской православной церкви есть свои менеджеры и дистрибьюторы, то она не отличается от других коммерческих предприятий, а ее руководство заинтересованно исключительно в получении коммерческой прибыли. В эту же группу входит высказывание *пройтись по маргиналам* (вм. *использовать в своих целях бедняков*). Само же слово *маргинал* находится на заключительном, пятом этапе освоения языком, но все же является эвфемизмом, т.к. смягчает негативный денотативный компонент обозначаемого понятия (к тому же слово можно найти в словаре эвфемизмов [6]):

- *На все мероприятия любой политической партии приходит много людей, которые не связаны с этой партией... Нам выгодно на себя тянуть дополнительные силы. Кроме денег, нам нужно количество сторонников. Как их набрать?*
- *Пройтись по маргиналам?*
- *По всем. Это люди нашей страны.* [из интервью с В.В. Жириновским].
- 2. Замена нейтрального слова синонимом книжного стиля.
 - *Вас все знают как очень эксцентричного политика. Была ли какая-то выходка с Вашей стороны, за которую было бы стыдно?*
 - *Не было никогда таких выходок. У меня нет никакого эпатажа. Мы с Вами сидим и разговариваем. Какой эпатаж?*
 - *Сейчас все замечательно. А вот 9 сентября 1995 года Вы устроили драку в Госдуме: оттаскали за волосы*

депутата Евгению Тишковскую, затем попытались ее задушить. За это Вам тоже не стыдно? Или любя такая эксцентричность придумана журналистами?

[из интервью с В.В. Жириновским].

В толковом словаре под редакцией Д.Н. Ушакова лексема эксцентричность дана с пометой книжное: эксцентричность — -и, ж. (книжн.). Склонность к необычному и странному поведению. Э. Фигляра [7]. Данное слово используется для обозначения не просто необычного, а откровенно грубого и непристойного поведения. Именно малоупотребительность обуславливает использование данной лексемы в качестве средства маскировки содержания высказывания.

3. Мейозис.

- *Так Вы хотите сказать, что Ельцин не очень нормальный человек?*
- *Но вот он, мне кажется, ненормальный человек. Ты глава такой великой страны, и ты ее разрушаешь. Мы можем сказать, что он дебил. Откуда у него такие дурацкие фразы...*

[из интервью с В.В. Жириновским].

В данном примере наблюдается преуменьшение интенсивности признака: сочетание *не очень нормальный* используется вместо *глупый человек*. По модели *не + наречие степени* строятся и другие эвфемизмы: *не очень приятная выходка* (вм. *плохая*), *люди меня не сильно любят* (вм. *ненавидят*), *не очень молодой человек* (вм. *пожилой*). Наблюдения показывают, что прием мейозиса является самым частотным средством смягчения речи журналиста и служит для выражения качественной или количественной оценки. Так, в диалоге

- *Я так понимаю, на адвоката вы потратили нормальные бабки.*
- *Да.*
- *Дорого стоит?*
- *Нормально.*

[из интервью с Д. Поперечным]

лексема «нормально» употребляется в значении «дорого». Оценочность может быть выражена и при помощи полузнаменательных слов, содержащих в своей семантике количественный или качественный компоненты.

4. Прономинализация.

- *...Она снизу бежит, она яблочница, говорит: «Я вас всех ненавидела», — и она хотела найти повод, чтобы хоть как-то отомстить, врывается в толпу наших мужиков, волосы у нее растрепанные, и начинает снизу ногами бить нас.*

— *В смысле начинает бить по известным местам?*

— *Да. Она избивала всех...*

[из интервью с В.В. Жириновским].

В незнаменательном значении здесь выступает прилагательное *известный* и существительное *место* (вместо «половые органы»), при этом не называя напрямую табуированное явление, а только указывая на него.

Мы рассмотрели основные способы образования эвфемизмов в речи Ю.А. Дудя. Исходя из рассмотренных примеров, можно сделать следующие выводы:

- большинство эвфемизмов образуется при помощи мейозиса (20% от отобранных контекстов) и прономинализации (18% отобранных контекстов);
- наиболее редким способом образования является замена синонимами книжного стиля, что составляет 2% отобранных контекстов;
- в эвфемистической функции журналист редко использует иноязычную лексику (6% отобранных контекстов), но зато часто использует ее в номинативной функции;
- оценочность проявляется в качестве эвфемизации лишь тогда, когда речь идет об обозначении некоторой суммы денег (доходов и расходов).

Эвфемизмы в своей речи журналист Ю.А. Дудь использует часто, несмотря на современную тенденцию демократизации, огрубления языка СМИ. При этом эвфемизмы служат не только для смягчения негативных оценок, но и для создания особой, оригинальной манеры подачи материала в интервью.

Литература

1. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. — Назрань, 2010. — С. 462.
2. Сеничкина Е.П. Эвфемизмы русского языка. — М.: Флинта, 2012. — С. 22.
3. Москвин В.П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. — М., 2010. — С. 55–113.
4. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. — М.: Инфра-М, 1999. — 479 с.
5. Ярыгина И.З., Кондрахина Н.Г. Словарь финансово-экономических терминов. — М.: Финансовый ун-т, 2012. — 168 с.
6. Сеничкина Е.П. Словарь эвфемизмов русского языка. — М.: Флинта, 2016. — С. 190.
7. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. — URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp>.

ТЕКСТ ПРОТОКОЛА В ДИСКУРСИВНОМ АСПЕКТЕ

Черныш О.А.

Томский политехнический университет, аспирант

TEXT OF THE RECORD IN THE DISCURSIVE ASPECT

Chernysh O.A.

Tomsk Polytechnic University, post-graduate student

В данной работе рассматриваются тексты протоколов первой трети XX века. Предпринимается попытка выявить дискурсивную специфику текста протокола с использованием метода дискурс-анализа.

Ключевые слова: протокол, дискурс-анализ, ситуация общения.

This paper presents texts of the records of the first third of the 20th century. An attempt is made to reveal the discursive specifics of text of the record using the method of discourse analysis

Key words: record, discourse analysis, situation of communication.

Научный руководитель:
Мишанкина Наталья Александровна, докт. филол. наук,
профессор.

Изучение понятий «дискурс» и «дискурсивный анализ» в настоящее время находится в числе актуальных вопросов исследования в различных областях науки. В работах современных исследователей протокол исследуется только как часть дипломатического этикета, а не как отдельный жанр. Актуальность нашего исследования заключается в том, что предпринята попытка анализа протокола как отдельного жанра официально-делового стиля.

Цель настоящей работы заключается в том, чтобы выявить дискурсивную специфику протокола первой трети XX в. с использованием метода дискурс-анализа.

Материалом исследования послужили тексты протоколов заседаний 1-й сессии Томского губернского народного собрания за 1917 год [1]. В ходе исследования было проанализировано 25 протоколов.

Для проведения исследования использовался метод дискурсивного анализа.

З.И. Комарова, рассматривая различные варианты метода дискурс-анализа, предлагает следующий алгоритм анализа текста [2]:

- описание ситуации общения;
- определение типа дискурса;
- установление структуры дискурса;
- выявление роли коммуникантов в местах перехода речевого хода (речевого тура);
- семантико-прагматические особенности речевого поведения коммуникантов;
- определение интенций, речевой стратегии и тактики обоих коммуникантов;
- семантико-прагматические особенности всего дискурса;
- лексико-грамматические аспекты дискурса.

Этот алгоритм был использован при анализе нашего материала.

Прежде чем приступить непосредственно к анализу текста, хотелось бы обратить внимание на то, что выбранный протокол фиксирует первое заседание новой структуры власти. В марте 1917 года в России происходят революционные события, которые приводят к свержению монархии, и в стране устанавливает-

ся двоевластие. Губернское народное собрание в данном случае выступает как орган, который будет устанавливать новый социальный порядок.

Модель анализа по представленному алгоритму может быть представлена следующим образом.

Ситуация общения

Ситуация общения в данном случае представлена так: **группа народных представителей** (*собрались действительные, неподдельные, выбранные тайным голосованием народные представители*); **обладают разным социальным статусом и политическими взглядами** (*представители партий: Социал-демократическая рабочая партия, партия Социалистов-Революционеров, представители советов и комитетов: Совет Офицерских Депутатов, Совет Рабочих Депутатов, Совет Солдатских Депутатов, Губернский Продовольственный комитет, представители национальных меньшинств: партия Бунда (еврейский народ), украинские социалисты-федералисты, алтайцы, представители прессы: газета «Голос Свободы», газета «Новая жизнь», люди деревни, представители крестьянства, уездный комиссар, священник*); **незнакомы между собой** (*прежде чем приступить к выборам, нужно ознакомиться друг с другом, нужно друг друга узнать*).

Тип дискурса

Тип дискурса в данном случае – полилог, так как в разговоре принимают участие более двух человек: 94, на это идет отсылка в тексте протокола: *группа в 94 чел. депутатов*.

Структура дискурса

В структуре данного дискурса можно выделить следующие тематические и структурные единицы, реализующие сценарий заседания: 1) открытие; 2) выборы президиума собрания; 3) приветствия; 4) ответы на приветствия; 5) предложение о порядке дня; 6) прения о порядке дня; 7) избрание комиссий; 8) обсуждение средств, на которые будут существовать народные депутаты; 9) закрытие собрания.

Вместе с тем структура данного документа не совсем соответствует типовой структуре протокола. Как можно будет увидеть, большая часть текста посвяще-

на не обсуждению насущных вопросов, а приветственным и ответным речам. Данный исторический этап является переходным от одной формы социальной организации к другой, когда еще не создана четко организованная социальная структура. Рассматриваемый текст отражает ее формирование: происходят выборы президиума, каждый оратор пытается привлечь внимание к решению своего вопроса, даже не отмечая, о чем шла речь ранее. Все вышесказанное подтверждает идею о переходном периоде.

Роли коммуникантов

Коммуниканты обращаются друг к другу на *Вы*, что подчеркивает уважительное отношение к другим участникам собрания, а с другой стороны, создается впечатление, что говорящий не относит себя к той группе людей, о которой он говорит. Что может быть вполне закономерно, потому что в представленном примере наглядно демонстрируется возникновение и описывается начало работы новых организаций, которые будут осуществлять контроль над деятельностью людей, а представители других многочисленных организаций, существовавших до этого, передают им свои полномочия и говорят напутственные слова.

В данном примере, на наш взгляд, можно выделить несколько инициаторов коммуникации. В первую очередь это председатель временного Комитета общественного порядка и безопасности Б.М. Ган, который одновременно является и председателем распорядительного бюро. Он открывает заседание, инициирует выборы президиума собрания, а позднее предлагает принять повестку дня. Другим инициатором разговора является председатель собрания, который объявляет приветствия согласно списку, предлагает закрыть список ораторов, оглашает письменные приветствия, предлагает послать приветственные телеграммы, сообщает о поступивших заявлениях, предлагает решать возникшие вопросы.

Инициаторы заинтересованы в осуществлении коммуникативного взаимодействия, впрочем, как и остальные участники собрания. Правила перехода от роли слушающего к роли говорящего имеют добровольный характер. На заседании присутствует очень много людей, которые хотят высказаться, поблагодарить, дать напутствия, что отражено в первой части текста.

Во второй части текста характер полилога изменяется. Ставятся реальные практические вопросы, которые необходимо решить, вносятся предложения по их решению. Но, тем не менее, это не меняет интенций участников заседания. Они по-прежнему активно принимают участие в коммуникации, высказывая свое мнение относительно обсуждаемых вопросов, уточняя свои высказывания. Таким образом, можно сделать вывод, что большинство участников заинтересованы в продолжении коммуникации.

Семантико-прагматические особенности речевого поведения коммуникантов

Поскольку тип дискурса — полилог, а не диалог, достаточно сложно выявить всех коммуникантов. Представленный текст не дает четкого представления о том, сколько же всего человек принимает участие в данном заседании. Можно только сделать вывод о том, что это большая группа: во-первых, нам представлены 40 ораторов, но, судя по контексту, участников гораздо больше: *за 2–3 дня все равно нельзя ознакомить-*

ся друг с другом, группа в 94 чел. депутатов наметила список из 20 лиц, но не говорится, что эти 94 человека — участники собрания.

Коммуникативной установкой большинства коммуникантов можно считать обсуждение определенного круга вопросов, связанных с установлением нового социального порядка, а *коммуникативным намерением* — решение поставленных задач, связанных с созданием новых управляющих структур, принятие регулирующих социальный порядок решений.

Интенции, речевые стратегии и тактики коммуникантов

Опираясь на сказанное ранее, можно сделать вывод, что процесс коммуникации состоялся. Стороны пришли к общему заключению и удовлетворены результатом коммуникации.

Можно выделить такие интенции, высказанные участниками заседания, как: приветствие, обоснование своего присутствия; выборы; ответы на приветствия.

Среди основных стратегий, находящих свое отражение в тексте, следует обратить внимание на следующие: **мотивировать собрание, поддержать новую структуру власти** (*Перед Вами исключительные задачи; Полагаю, что настоящие народные представители окажутся на высоте призвания; ...трудная задача лежит на Вас, но Вы эту задачу выполните; Приветствую совместную работу с Вами, истинными избранниками народа; Мы верим, что Вы сами будете все делать, — и кроме Вас нет другой власти*); **определить внутреннюю структуру управления** (*Гр. Ган предлагает избрать президиум собрания*); **предложить программу деятельности** (*Мы верим, что Вы найдете правильные пути к раскрепощению России, к проведению грамотности в деревне, к упрочению власти, к разрешению продовольственного вопроса; Вы достаточно сильны, чтобы создать новые законы местного самоуправления; призывает собрание с самым серьезным вниманием отнестись к вопросу об осеменении полей*).

В качестве основных тактик используются контактоустанавливающая, самопрезентация, контроль над темой.

Семантико-прагматические особенности дискурса

З.И. Комарова рассматривает семантико-прагматические особенности дискурса с точки зрения субъектно-объектных отношений. Как уже отмечалось ранее, тип рассматриваемого дискурса — дискуссия, в которой происходит смена тематических единиц. Дискурс имеет форму обсуждения обозначенных вопросов. Тон дискуссии ненапряженный, каждый имеет право на свое мнение, все выслушивают, не перебивают, вносят уточнения и только после этого принимают решения. В данном случае субъектно-объектные роли не закреплены. Субъектом дискурса выступают как председатель президиума и председатель распорядительного бюро, так и все остальные участники заседания. Субъект становится объектом, говорящий и слушающий меняются местами.

Лексические особенности дискурса

В текстах протоколов достаточно часто употребляются названия организаций, существовавших в России в первой трети XX века: **Партии:** *Социал-демократическая рабочая партия, партия Народной свободы, партия Социалистов-Революционеров, партия Бунда;*

Советы и комитеты: Совет Офицерских Депутатов, Совет Рабочих Депутатов, Совет Солдатских Депутатов, Губернский Продовольственный комитет; **Газеты:** «Голос Свободы», «Новая жизнь». Также в текстах протоколов присутствует разговорно-просторечная лексика: ...Из нас как насосом тянули кровь все от Николая до крючка городского... **Николай-сатана**, сидел на престоле и заставлял чертей гнать нас на войну — в этот ад...; ...Мы проснулись и заявляем, громко заявляем: прочь с дороги все темные силы!..; руководимые темными силами.

Проведенное исследование показало, что дискурс-анализ текста протокола позволяет выявить хронологически, исторически и социально обусловленные характеристики этого дискурса: исторические события, исторические организации, решение исторических и

социальных задач. Выявленные характеристики способствуют фиксации изменений, происходящих в социальной жизни человека и общества: изменение социального уклада и готовность членов социума к формированию нового порядка жизни; социальную и политическую гетерогенность нового русского социума, стремящегося к новому типу порядка (критические высказывания о прежнем социальном укладе).

Литература

1. Протоколы Томского губернского народного собрания, 1-я сессия [Электронный ресурс]. — Томск, 1917. — URL: <http://elibr.tomsk.ru/purl/1-7564>.
2. Комарова З.И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике : учебное пособие. — Екатеринбург : Изд-во УрФУ, 2012. — 818 с.

РЕЧЕВОЙ ЖАНР ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ ОЦЕНКИ В ДИАЛЕКТЕ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Шестакова И.И.

Томский государственный университет, студент

SPEECH GENRE OF A NEGATIVE ASSESSMENT IN A DIALECT: GENDER ASPECT

Shestakova I.I.

Tomsk State University, student

В статье рассматривается речевой жанр отрицательной оценки в гендерном аспекте. Гендерная принадлежность является одним из важных факторов проявления оценки в коммуникации, она влияет на выбор тактики и стратегии поведения человека. В работе анализируется выражение оценки в речи диалектоносителей на материале мужских и женских текстов. Исследуются сферы деятельности, подвергающиеся отрицательной оценке, критерии оценки, способы ее выражения.

Ключевые слова: речевой жанр, отрицательная оценка, диалект, коммуникация, гендерный аспект.

In the article the speech genre of negative estimation is examined in a gender aspect. Gender belonging is one of important factors of display of estimation in communication, she influences at choice tactics and strategy of behavior of man. Attitude toward an estimation and her expression are in-process analysed in speech of диалектоносителей on material of masculine and woman texts. The spheres of activity, undergoing negative estimation, criterion of estimation, methods of her expression, are investigated.

Key words: speech genre, negative evaluation, dialect, communication, gender aspect.

Научный руководитель:
Демешкина Татьяна Алексеевна,
докт. филол. наук, профессор.

Оценка окружающей действительности — одно из универсальных свойств человеческого сознания, выражающееся в языке. Речевой жанр отрицательной оценки относится к системе оценочных жанров, в основе которой лежит, как правило, противопоставление положительной и отрицательной оценки [1]. Е. М. Вольф рассматривает оценку (хорошо/плохо) как одну из разновидностей квалификации, где «присутствует субъективный объект, то есть субъект оценки и соотношение с некоторой имеющейся у него системой ценностей» [3]. Диалект как особая форма коммуникации через язык отражает систему ценностей его носителей. Диалектная речь характеризуется повышенной степенью экспрессивности и эмоциональности. В ней содержится большое количество лексем, выражающих отрицательную оценку [4].

Одним из важных аспектов маркированности оценки в языке считается его гендерная обусловленность, проявляющаяся в речи коммуникантов. Гендерный фактор, базирующийся на учете природного пола человека и его социальной репрезентации, является одной из центральных характеристик личности, определяющей стратегии и тактики ее поведения [2]. Актуализация оппозиции «мужское — женское» в диалекте дает богатый материал для лингвистических исследований.

Цель статьи — охарактеризовать функционирование речевого жанра отрицательной оценки в гендерном аспекте на диалектном материале.

Анализ РЖ отрицательной оценки проводится на материале фрагментов монологических и диалогических текстов носителей русских старожильческих говоров Среднего Приобья, извлеченных из Томского диалектного корпуса.

Гендер — один из параметров социальной идентичности личности. Он отражает представления человека и народа в целом о женственности и мужественности, которые проявляются во многих сферах жизни, в том числе в языке. Изучение гендерного аспекта на

материале диалекта будет рассматриваться в статье с позиций отражения пола в языке и речевого коммуникативного поведения.

Образ женщины в диалектной культуре может быть проанализирован с разных позиций, что обусловлено разнообразными сферами деятельности. В высказываниях может быть отражена социальная роль женщины.

Диктумное содержание, отраженное в РЖ, указывает на основную сферу деятельности женщин-диалектоносителей — бытовую. Большое внимание при оценке уделяется ведению хозяйства, быту: *А свекровка то была така 'грязнуля: корову доит, а теленок тут же пьет. В кадку ковшиком полезешь, а там уж кошка дохла лежит, крынки стоят, а сверху уж заплеснели все. «Да нехай», — говорит. Она хохлушка была, воспитанию детей: Шас детей с рук не спускают — зато и дети такие — хуже некуда.*

В данных случаях оценка выражается через описание ситуаций, раскрывающих негативную оценку, выраженную лексемами «грязнуля», «хуже некуда».

Шас ходила в ту сторону, посмотрела, а крыша такая страшная, половина та покрытая, та половина.

На той неделе ей худо было. А в избе у ей нехорошо, неприглядно, дух какой-то...

Уменя вот свекровка, она не разгово'рна была, я как замуж вышла, у нас ни одного человека не было, никто сроду не ночевал.

Данные примеры характеризуются наличием лексем «страшная», «худо», «нехорошо», «неприглядно», которые обладают негативной семантикой.

Также отрицательной оценке подвергаются внешность и черты характера человека: *Толстая, еще штаны наденет, вон у девки тоже в штанах, но они хоть не толстые.*

Кто ж тебя таку карапетку замуж возьмет?

Примеры содержат слова с отрицательной оценкой: «толстая», «карапетку» (в данном контексте слово имеет значение недостатка во внешности).

На людях-то он смирной был, да дома лютой был, ох лютой.

Отец наш шибко строгий был.

В данных примерах отрицательная оценка обозначается словами-усилителями «ох», «шибко».

Дается оценка действия, непонятным представителям диалектной культуры: *Иногда хорошие передачи бывают, а то как начнут девки с парнями кривляться – страх смотреть.*

Эта бабочка пьет да курит. Вот жись! Отрицательная оценка выражается с помощью восклицательного предложения.

Стоит отметить, что в речи женщин преобладает эмоциональный тип оценки, в отличие от мужчин: *Ой, некудышна, не то что балована.*

При анализе текстов был выявлен еще один аспект оценки, выражаемой женщинами: женщина, выражая отрицательную оценку, желает найти поддержку со стороны собеседника. Это проявляется в ситуации коммуникации, когда адресат и объект оценки не совпадают, то есть оценка высказывается «за глаза».

Н.П. Ужасно, ужасно че творится в образовании.

З.А. Ужасно. Это невозможно. Ну и вот. Так и так. «Знаете, щас нет у нас работы», – вот он неделю тому назад.

З.А. Вторую школу, да. А здесь-то вот эта школа. Эта школа ему... он очень хорошо все вспоминает обо всем. Но Веру Михайловну он плохо вспоминает. Плохо вспоминает. Во-первых...

Н.П. Часть судьбы.

З.А. Часть судьбы, да. Почему-то он у меня несчастливый. Вот несчастливый сынок у меня этот.

Оценка мужчин женщинами происходит следующим образом: обращают внимание на внешность, поведение, отношение к труду, умение делать что-то своими руками, хозяйственность, склонность к пьянству, дракам и прочее: *Может сам приедет. Он боится моему мотоциклу покупать зятю. Такой человек... (Человек хороший). Хороший, мастер хороший. А этот не в него, это грягнуля.*

Какой бесстыжий мальчик. Знаете, какой он белоснежный вот там был, а сейчас грягнуля такая.

Женщины чаще ссылаются на личный опыт и приводят примеры конкретных ситуаций из опыта ближайшего окружения: *Вот у меня у самой два сына – у меня три всех – пьющие. Один ишишо ничё, боле-мене. Ему бы хорошую жену, он работать любит, а вот этот,*

вот сейчас здесь живет, шибко уж они обое – и жена тоже пьет, даже ребенок ненормальный. Вот видите, а какая тут жизнь веселая будет человеку. Все время как нагруженный ты чем-то.

Образ мужчины в диалекте складывается из его положения в обществе, профессии, привычек и поступков. Как и женщины, мужчины оценивают качество ведения хозяйства, внешность и характер людей: *Поехал он, сетями карасей до были, он домой уехал. Он – енивый человек, бестолковый.*

Муж здоровый есть, а он ленивый, а хозяйка за все. Он не работает, отлеживается. Отрастил живот. Организма хорошая, питается хорошо, работает мало, вот и растет живот.

Вот, Света Рассолова, она ведь тоже, чувашка – вредна', ёлки!

При анализе речи диалектоносителей было замечено, что в текстах одной тематической группы большее количество оценочных элементов присутствует в женских текстах. При поиске контекстов замечено следующее: одно и то же слово может встречаться как в тексте, принадлежащем женщине, так и в мужском тексте. Но также это слово может присутствовать только в мужском или только в женском тексте. Например, по запросу «грягнуля» было найдено несколько контекстов в женских текстах, но ни одного в мужских.

Можно сделать вывод о том, что в диалекте сложно провести четкие границы между проявлением мужской и женской отрицательной оценки в речи. Чаще всего проявление отрицательной оценки, встречающейся в речи мужчин и женщин, связано с их характером, сферой деятельности, психическими особенностями, и только в последнюю очередь – с самим гендерным различием.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики. – М. : Наука, 1984. – С. 5–23.
2. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. – 2-е изд. – М. : Искусство, 1986. – С. 250–296.
3. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки / отв. ред. Г.В. Степанов. – М. : Наука, 1985. – 228 с.
4. Демешкина Т.А. Речевой жанр оценки в диалектной коммуникации. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2016. – 276 с.

СТРАТЕГИЯ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ В ИНТЕРВЬЮ ДМИТРИЯ НАГИЕВА КАК ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Яковлева Д.Д.

Томский государственный университет, студент

SELF-PRESENTATION STRATEGY IN AN INTERVIEW WITH DMITRY NAGIYEV AS LINGUISTIC PERSONALITY

Yakovleva D.D.

Tomsk State University, student

В работе рассматривается речевое поведение публичной языковой личности Дмитрия Нагиева. Анализ стратегии самопредставления и соответствующих ей тактик в текстах интервью способствует выявлению специфики мировосприятия, ценностных ориентиров и самооценки известного актера и телеведущего.

Ключевые слова: языковая личность, речевое поведение, стратегия, тактика, интервью.

The report examines the speech behavior of public linguistic personality Dmitry Nagiyev. Analysis of the strategy of self-presentation and corresponding tactics in the texts of the interviews, assists in identifying the specifics of the worldview, values propositions and self-evaluation of the famous actor and tv host.

Key words: linguistic personality, speech behavior, strategy, tactics, interviews.

Научный руководитель:
Иванцова Екатерина Вадимовна,
докт. филол. наук, профессор.

В настоящее время пристальный интерес ученых направлен на изучение особенностей речевого поведения публичных языковых личностей [1, 6], являющихся отражением духовной культуры современного общества. К ним принадлежит фигура Д. Нагиева (далее Н.) – известного российского актера театра и кино, шоумена, теле- и радиоведущего. Коммуникативная стратегия представляет собой «глобальную цель говорящего, совокупность речевых действий, направленных на решение общей коммуникативной задачи» [2, с. 2]. Стратегия самопрезентации, вероятно, является главной в «звездных» интервью. С одной стороны, она выступает как средство саморекламы, а с другой, дает личности возможность самораскрытия, представления собственных взглядов.

Под коммуникативной тактикой в данном исследовании понимается «локальная интенция, задающая актуальный смысл конкретного речевого поступка в разворачивающемся ситуационном, социальном и культурном контексте» [2, с. 2]. При реализации Н. рассматриваемой стратегии было выделено несколько тактик.

1. **Декларативная тактика**, предполагающая краткий ответ на вопрос журналиста (Ж.) с обозначением какого-л. своего качества без аргументации: *Ж. В чем секрет успеха [сыгранного Н. в сериале «Физрук»] Фомы? Н. Талант как бы мы со счетов сбрасываем. <...> Но я все-таки склонен думать, что это талант. Скромно, неброско, но ярко я отвечаю – талант.*

Для самохарактеристики используется повторяющаяся несколько раз оценочная единица *талант*. Лексический повтор служит для акцентировки внимания на отличительном качестве личности. Высокую положительную самооценку говорящий туширует в последней фразе иронической интонацией, сопровождающей слова *скромно* и *неброско*. Данная тактика малотипична для респондента.

2. Гораздо чаще встречается у Н. **тактика развернутого ответа**. Начальный краткий тезис в этом слу-

чае является только отправной точкой повествования. Самопредставление реализуется в этой тактике в нескольких вариантах:

а) ответ представляет собой цепочку ассоциативно связанных утверждений о себе: *Ж. Что Вы можете сказать об исполнении роли самого себя? Н. На протяжении сорока серий очень тяжело появляться в роли самого себя – это первое. Второе – это, я наверно гонюсь за статусом, но я его, если вы обратили внимание, на протяжении вот моей скромной карьеры я его заработал разве что просто своими работами. Я не хочу его зарабатывать ни тем, что называться в кадре «Нагиев», ни тем, что пишет обо мне желтая пресса. Поэтому я просто работаю, я просто актерствую.*

Начальный тезис – «в такой роли сниматься тяжело» – по ассоциации соотносится Н. с представлением о том, что роль «самого себя» предлагается известным актерам. Далее формулируются последующие тезисы: «для меня важен мой статус, но он заработан трудом, а не базируется на пиаре». Оценочная лексика в ответе отсутствует, упоминаются только слова *статус* и *карьера*. Их подразумеваемые, но не вербализуемые оценки как успешных заменяются эпитетом *скромный* (на протяжении моей скромной карьеры). В самопредставлении говорящим важен ряд слов с семантикой труда: *я его [статус] заработал <...> просто своими работами; я просто работаю, я просто актерствую;*

б) после краткого ответа на вопрос приводится ряд аргументов, в которых раскрываются взгляды, убеждения говорящего. Этот вариант тактики отмечен в разговоре о фильме «Непрощенный», где Н. сыграл главную роль инженера Калоева: *Ж. Вы встречались с Виталием Калоевым? Н. Нет. Я не встречался по нескольким причинам. <...> Я не хотел вот принципиально. Я все равно настаиваю, что это художественное произведение. <...> Поэтому я не играл Виталия Калоева. Я играл собирательный образ, то, что я себе придумал.*

Оценочная лексика в этом фрагменте отсутствует. Н. говорит о своем понимании миссии актера: он сознательно отказывается от автобиографичности в пользу собирательности и утверждает важность для него творческого подхода к роли;

в) ответ представляет собой рассказ о случае, завершающийся самохарактеристикой. Такой вариант тактики встречается, например, когда в интервью затрагивается тема болезни, мешающей работе. «Что вы делаете в таких случаях?», — спрашивает журналист. Н. в ответ подробно рассказывает о ситуации съемок, во время которых у него случился сильный приступ мочекаменной болезни. Он не отказался от работы, провел ночь в больнице и наутро снова был на съемочной площадке: *У меня недавно камень пошел. <...> Я не могу остановить съёмку. <...> Я вам потом покажу вот эти зазорные кадры, смеющегося Димы Нагиева. <...> Я вползал в вагон и рыдал. <...> Но сам факт, что я вот в этих кровавых трусах приехал на съёмку [после больницы] снова, второй день. Есть вещи, которые нельзя отменить, и я здесь достаточно дисциплинированный артист. Если можно работать встать, то я это пытаюсь делать.*

Используя в рассказе натуралистические детали и, возможно, утрируя их, респондент не стесняется показать свою слабость (*я вползал в вагон и рыдал*), иронизирует над собой (*покажу вот эти зазорные кадры, смеющегося Димы Нагиева*). Рассказ иллюстрирует тезис, что для него работа (коллектив — «большие артисты», большие деньги за аренду) выше личного, и он проявляет в этих случаях самоотверженность (*я не могу остановить съёмку*). Респондент завершает свою мысль прямой положительной, но очень сдержанной самооценкой (*я здесь достаточно дисциплинированный артист*).

3. **Тактика уклонения от ответа** пока представлена единичным примером. Респондент, считающий, что журналист в этом случае затрагивает сферу интимного, отвечает вопросом на вопрос: *Ж. Дмитрий, вы выпались? Н. Нет. Хе-хе. Ж. Почему? Н. Вы сегодня очень худой, Юрий Александрович. Что случилось, скажите, пожалуйста, а? (смеется)*. Переадресация вопроса содержит намек на интимную сферу (расстройство

желудка у ведущего), косвенно объясняющий отказ от ответа.

На основе анализа можно сделать вывод, что Дмитрий Нагиев в интервью проявляет себя как высоко-развитая языковая личность, использующая довольно широкий круг тактик самопрезентации и языковых средств ее выражения. Преобладает среди них тактика развернутого ответа, что говорит о хорошем владении словом, склонности к аргументации. Говорящий чаще всего опирается на лексику рациональной положительной оценки или на безоценочную лексику. В самооценке сдержан, нередко намеренно занижает ее. Широко использует иронию и шутку, гиперболу, образные средства. В интервью предстает как человек открытый, готовый откровенно говорить на многие темы, кроме личной. Он создает образ человека скромного, но знающего себе цену, интересы и ценности которого связаны прежде всего с профессиональной сферой.

Литература

1. Болотнова Н.С. Варьирование идиостиля публичной языковой личности в медиатекстах разных жанров // Сибирский филологический журнал. — 2015. — № 1. — С. 150–158.
2. Дубских А.И. Реализация коммуникативной стратегии самопрезентации личности в масс-медиаальном дискурсе (на материале «звездных» интервью) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Челябинск, 2014. — 22 с.
3. Иванцова Е.В. Лингвоперсонология. Основы теории языковой личности. — Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2010. — 160 с.
4. Лобанова С.В. Поуровневый анализ профессиональной языковой личности артиста (на материале интервью с Натальей О'Шей) // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2017. — № 11(188). — С. 61–67.
5. Магомедова П.М. Речевые стратегии телеведущего ток-шоу (на материале телепередачи «Давай поженимся») // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. — 2018. — Т. 12, № 2. — С. 70–75.
6. Швец Е.В. «Звездное» интервью в коммуникативно-прагматическом аспекте : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Калининград, 2008. — 23 с.

КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ДИАЛЕКТНОГО СЛОВА

Зюзькова Н.А.

Томский государственный университет, студент

CORPUS-BASED RESEARCH OF A DIALECT WORD

Zuzkova N.A.

Tomsk State University, student

В статье проводится анализ диалектных единиц, зафиксированных в электронных корпусах: Томском диалектном корпусе и в Национальном корпусе русского языка. На основе анализа выявляется степень распространенности диалектного слова, частотность его употребления и темпоральный критерий функционирования в текстах различных типов.

Ключевые слова: диалектный корпус, лексическое значение, корпусная лингвистика, функционирование.

In the article an analysis of dialectal units, is fixed in online corpora: the Tomsk Dialectal Corpus and the Russian National Corpus. Based on the analysis, the prevalence of the dialect word is revealed, the frequency of its usage and the temporal criterion of its functioning are revealed in texts of various types.

Key words: dialect corpus, lexical meaning, corpus linguistics, functioning.

Научный руководитель:
Демешкина Татьяна Алексеевна,
докт. филол. наук, профессор.

Электронные корпуса – новый источник материала, призванный значительно упростить и автоматизировать поиск материала для лингвистических исследований, проводимых в самых разных направлениях. Корпусному исследованию диалектных текстов посвящено множество работ (статьи С.С. Земичевой и Е.В. Иванцовой [1], Е.А. Юриной и М.А. Толстовой [2], А.Б. Летучего [3], И.Б. Качинской и Д.В. Сичинавы [4] и пр.).

Цель данной статьи заключается в том, чтобы с помощью электронных корпусов выявить степень распространенности диалектного слова, сферы его употребления. Единицами анализа выступают диалектные лексемы, извлеченные из «Полного словаря сибирского говора» [5] (далее ПССГ) методом сплошной выборки. Исследование проводилось на материалах Томского диалектного корпуса (далее ТДК) и Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ).

В настоящее время в базу ТДК, созданного в 2017 г., входит 1124 текста. Цель корпуса – облегчить трудоемкий процесс сбора материала для диалектологов и лексикографов. Ресурс в целом является репрезентативным, а материалы сбалансированы по основному признаку – территориальному. Это позволяет считать его достаточно надежным источником для проведения диалектологических исследований и реализации лексикографических проектов [6].

Функционал корпуса позволяет производить микродиакронические исследования и выявлять факты и закономерности лингвистического значения. Корпусная лингвистика предоставляет измерительный и статистический инструмент, с помощью которого оказывается возможным отразить объективные количественные данные, обеспечить значительный массив примеров, определить функционирование тех или иных лексем в конкретном географическом пространстве.

Для анализа с использованием корпусов было взято 18 собственно диалектных лексических единиц, принадлежащих к тематической группе «наименования человека» (это такие слова как *абыз*, *беззаконни-*

ца, *беспелюха*, *гоюнка*, *гулеван*, *дикошарый*, *женатик*, *загузистый*, *залета*, *заполошный*, *крутлявый*, *маловыт-ный*, *матаня*, *нежоркий*, *немтырь*, *поваженный*, *прыт-кий*, *сураз*).

В НКРЯ из 18 слов 8 не зафиксированы ни в одном из вхождений: это такие лексемы как *абыз*, *гоюн-ка*, *загузистый*, *залета*, *крутлявый*, *маловыт-ный*, *матаня*, *нежоркий*. В ТДК из 18 слов не зафиксированы 11: *абыз*, *беззаконница*, *беспелюха*, *гоюнка*, *дикошарый*, *загузистый*, *залета*, *крутлявый*, *маловыт-ный*, *нежор-кий*, *поваженный*.

Это наблюдение можно объяснить тем, что слова, обозначающие ту или иную характеристику человека, в настоящее время переходят в пласт устаревшей лексики и сменяются новыми лексемами.

Перейдем к анализу отдельных лексем. Из слов, зафиксированных в ТДК, наиболее частотным по числу вхождений (всего 4) оказалось слово *матаня*, обозначающее в диалекте «возлюбленного». Это слово функционирует в своем собственно диалектном значении и представлено в текстах с 1960 по 1979 г. Локальный критерий задан тремя местами записи – с. Мохово, Верхнекетский район, Томская область, 1960 г. (1 текст), д. Мохово, Колпашевский район, Томская область, июль, 1979 г. (2 текста) и п. Белый Яр, Верхнекетский район, Томская область, январь 1979 г. (1 текст). Таким образом, можно сделать вывод, что в рамках ТДК слово зафиксировано в 4 контекстах, бытовавших на территории от Колпашевского до Верхнекетского районов в период с 1960 по 1979 г. Учитывая контекстное окружение, возможно определить, что в 1960 г. слово являлось употребительным и актуальным (это положение маркирует лексема *таперь*): *Таперь стали говорить матаня, парень с девкой дружит и вот матаня зовет*. Также можно выявить, что в 1979 г. слово свою актуальность утрачивает: на это указывает форма прошедшего времени в одном из примеров (*Матаня, у нас всегда так говорили, ну а как же, матаня, щас как-то, прости меня господи, фраера, а у нас Матаня. Матаня, матанечка – одно и то же ласково. А чё, это ласково, матаня,*

хорошо. В контексте А «залётка» как-то мало, у нас все Мата'ня, у нас и песни складывали про матаню).

Таким образом обнаруживается, что с помощью корпусных параметров локальности и темпоральности возможно проследить «жизнь» того или иного диалектного слова, круг его бытования.

Следующая лексическая единица — гулеван(ка), определяется в ПССГ как *тот, кто праздно проводит время, не любит работать, хулиган, пьяница*. В ТДК представлена в двух текстах, для сравнения, в НКРЯ, существует в трех вхождениях. Значения, данные в ТДК, совпадают со значениями, представленными в ПССГ. В примерах значений, выявленных в НКРЯ, совпадает с ПССГ только следующий контекст: *Учти... Начитался, зотовское отродье, гулеван... Хоть бы пил, что ли...* [Михаил Анчаров. Как Птица Гаруда (1989)]. В двух других контекстах прослеживается явное явление омонимии: *В пермской сказке поповская дочь в брачную ночь бьет своего мужа поясом и говорит: «Есть, говорит, — у меня гулеван (любовник), на лице у него только онучи сушить, Харк Харкович, Солон Солонныч, и тот лучше тебя!»* [В.Я. Пропп. Исторические корни волшебной сказки (1946)]. Гулеван здесь представлен в значении «любовник» — тот, к кому «гуляю» я, или же тот, кто «гуляет» ко мне. Семантика здесь отлична от заключенной в ПССГ.

Второй пример омонимии: *Его [зайца] там собаки унюхали. Едва ноги унес косоглазый гулеван*. [Виктор Астафьев. Последний поклон (1968–1991)]. Гулеваном здесь называют животное, бегущее там, где ему находиться не следует.

Следующая лексема *женатик*, обозначающая в ПССГ *женатого мужчину*, представлена в ТДК, и в НКРЯ. В ТДК она зафиксирована в двух текстах, в НКРЯ в 11 документах и в 21 вхождении. Значения в обоих корпусах полностью совпадают со значением, указанным в ПССГ, что обусловлено тем фактором, что слово имеет прозрачную внутреннюю форму словообразовательного типа и необходимо для наименования актуальной бытовой реалии.

Лексема *женатик* интересна тем, что в НКРЯ является довольно частотной, и поэтому, с помощью дополнительных возможностей НКРЯ (в частности статистических данных), возможно охарактеризовать ее вхождения довольно подробно: она представлена в 21 вхождении, в текстах с 1934 по 2003 гг. Встречается лексема в текстах таких авторов, как В.М. Шукшин, Г.Н. Щербакова, В.Я. Шишков, В.П. Астафьев и др.

В более поздних текстах намечается тенденция наделения появляющихся новых культурных реалий знакомыми характеристиками: таким примером является слово *сураз* (в значении *незаконнорожденный ре-*

бенек), зафиксированное в ТДК в 1974 г.: *Вот фильм смотрю хороший. Как называется? Да смотрите там газета! Леонардо что ли? [фильм «Жизнь Леонардо...»] Вот он, Леонардо — сураз и есть, одна от богача — короля [в фильме герцог] пригуляла* (с. Поломошное, Яшкинский район, Кемеровская область, 1974 г.). В ТДК слово *сураз* зафиксировано 23 раза — в Томской и Кемеровской областях, в текстах с 1959 г. по 1984 г. — таким образом, и локальный, и темпоральный критерии вхождения отдельных лексем в пространстве ТДК оказываются довольно информативными.

В ТДК из 18 рассматриваемых слов не зафиксированы 11. Лексические значения и контексты, отраженные в ТДК, преимущественно совпадают со значениями, указанными в ПССГ. Временной разброс таких текстов — 1959–2016 гг.

Локальный и темпоральный критерии вхождения отдельных лексем в пространстве ТДК оказываются довольно информативными. Возможности корпусов позволяют проводить исследования на микроуровне — небольшом промежутке времени. Корпуса позволяют проследить процессы трансформации семантики для конкретных лексических единиц в конкретные промежутки времени.

В более поздних текстах, зафиксированных в ТДК, намечается тенденция наделения появляющихся новых культурных реалий знакомыми характеристиками.

Литература

1. Земичева С.С., Иванцова Е.В. Проект создания Томского диалектного корпуса в свете тенденций развития корпусной лингвистики // Сибирский филологический журнал. — 2018. — №3.
2. Юрина Е.А., Толстова М.А. // Русская устная речь. Материалы междунар. науч. конф. «Баранниковские чтения. Устная речь: русская диалектная и разговорно-просторечная культура общения» и межвуз. совещания «Проблемы создания и использования диалектологических корпусов» (Саратов, СГУ, 15–17 ноября 2010 г.). — Саратов, 2011. — С. 269–276.
3. Летучий А.Б. Корпус диалектных текстов: задачи и проблемы [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. Результаты и перспективы. — М., 2005. — С. 215–233. — URL: <http://ruscorp.org.ru/sbornik2005/13letuchy.pdf>
4. Качинская И.Б., Сичинава Д.В. О корпусе диалектных текстов в Национальном корпусе русского языка // Вопросы лексикографии. — 2017. — № 11. — С. 71–85.
5. Полный словарь сибирского говора / гл. ред. О.И. Блинова. — Томск : Изд-во Томск. ун-та. — Т. 1–4.
6. Земичева С.С. Томский диалектный корпус: сбалансированность и репрезентативность [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.dialog-21.ru/media/4276/zemicheva.pdf> (дата обращения: 12.04.2019).

**ПРИКЛАДНАЯ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ
ЛИНГВИСТИКА**

ВЛИЯНИЕ БИЛИНГВИЗМА НА ОЦЕНКУ ЭМОЦИОНАЛЬНОСТИ СЛОВ (ТЮРКСКО-РУССКИЙ БИЛИНГВИЗМ)

Васильева А.В.

Томский государственный университет, аспирант

BILINGUALISM INFLUENCE ON THE EVALUATION OF WORD EMOTIONALITY (RUSSIAN-TURKIC BILINGUALISM)

Vasilyeva A.V.

Tomsk State University, post-graduate student

В статье приводятся результаты исследования субъективной оценки психолингвистических релевантных параметров русских диминутивов тюркско-русскими билингвами. Характеризуются такие параметры, как: 1) степень эмоциональности; 2) характер оценки; 3) субъективная частотность; 4) контекстуальная соотнесенность; 5) возраст усвоения. При помощи статистических методов анализа выявляется характер корреляции между средними значениями оценок стимулов по данным параметрам.

Ключевые слова: эмоциональность, диминутивы, билингвизм, корреляционный анализ.

The report discusses the results of a study of subjective evaluation of psycholinguistic relevant parameters of Russian diminutives by Russian-Turkic bilinguals. Characterized parameters are: 1) the degree of emotionality; 2) the nature of the evaluation; 3) the subjective frequency; 4) contextual correlation; 5) the age of acquisition. With the help of statistical methods of analysis the nature of the correlation between the average values of the stimuli estimates for these parameters is revealed.

Key words: emotionality, diminutives, bilingualism, correlation analysis.

*Научный руководитель:
Резанова Зоя Ивановна,
докт. филол. наук, профессор.*

Проблема обработки эмоциональных лексических единиц билингвами/полилингвами находится в поле активных дискуссий в современной психолингвистике вследствие противоречивых результатов, полученных на материале разных языков и разных групп эмоциональной лексики.

Проведенный анализ литературы по данной проблематике обнаружил, что противоречивость полученных результатов обуславливается двумя основными причинами: во-первых, различиями в понимании самого феномена эмоциональности; во-вторых, своеобразием методологических установок и целеполагания научных направлений, в рамках которых данные единицы исследуются.

Так, в понимании феномена эмоциональности противопоставляются собственно лингвистический и психолингвистический подходы.

Психолингвистический подход к данной проблеме характерен главным образом для западной науки. При таком подходе единицам присваивается статус эмоциональных не на основании их значения, а на основании того, какую характеристику им дают воспринимающие их субъекты. В данном случае эмоциональность, выраженная в речи, рассматривается как бесконечная шкала переходов между эмоциональными смыслами, которые максимально актуализированы, и смыслами, стремящимися к нулю.

В свою очередь, собственно лингвистический подход к эмоциональности характерен для российской лингвистической традиции. В этом случае эмоциональные лексические единицы — это слова с особым типом коннотации, которые обозначают эмоциональные реакции говорящего по отношению к предмету речи.

При том, что в нашем исследовании эмоциональность лексических единиц исследуется с позиций и в

методологии психолингвистики, объектом нашего рассмотрения являются диминутивы — единицы, которые, независимо от различий в трактовке эмоциональности, входят в состав данного класса слов. Основная функция словообразования диминутивов как класса модификационного словообразования заключается в создании нового слова для выражения оценочного отношения говорящего к предмету, названному производящим словом.

Выбор данных единиц для анализа обусловлен их разным статусом в структуре русского и тюркских языков. Диминутивные суффиксы являются специфичной чертой именно русской речи и представляют собой продуктивный словообразовательный класс, который актуализируется в разных дискурсах и жанрах речи. В то время как в тюркских языках регулярная система таких элементов отсутствует.

При анализе литературы, описывающей изучение эмоциональности с позиции психолингвистики, было выявлено, что эмоциональность анализируется в соотнесении с рядом других категорий, которые, на наш взгляд, не могут быть оставлены без внимания в нашем исследовании.

Так, в работах психолингвистической проблематики анализируется соотнесенность эмоциональности с категориями: 1) valence, или evaluation (коннотация, или оценка) — восприятие стимула как положительного или отрицательного, 2) arousal, или activity — (активация) — это степень, в которой стимул является «спокойным» или «волнующим» [1].

Еще одним фактором, влияющим на распознавание эмоциональных слов, может являться состояние настроения испытуемого [2]. Кроме того, в наших предыдущих исследованиях, которые проводились на материале русских эмоциональных единиц, также было выявлено влияние контекстуальной соотнесен-

ности стимулов на обработку эмоциональных слов [3].

Если говорить о факторах, влияющих на распознавание всех групп лексики, а не только эмоциональной, многие исследователи говорят об эффекте частотности слова, который представляет собой поведенческое преимущество в распознавании высокочастотных слов по сравнению с низкочастотными словами [4].

Кроме того, фактором, который может влиять на выполнение разного рода когнитивных задач, в том числе на распознавание слов, принятие лексического решения, чтения, является фактор возраста усвоения слова (Age of Acquisition – AoA). Влияние данного параметра рассматривается как изолированно, так и во взаимодействии с другими факторами, однако точный механизм его эффекта еще пока не изучен [5].

Стоит сказать о том, что большая часть работ по исследованию эмоциональных слов и их восприятия были проведены на одноязычных (преимущественно англоязычных) участниках, однако, как мы уже отметили, в последнее десятилетие интерес к взаимодействию эмоций и билингвизма возрос. Используя билингвов в качестве испытуемых, ученые исследуют различные проблемы, связанные с эмоциональностью. Однако главный вопрос, который интересует исследователей, заключается в том, как именно эмоциональность связана со вторым языком, учитывая тот факт, что эмоциональные ассоциации слов устанавливаются, как правило, в детстве [6].

В целом, первый язык (L1) считается более эмоционально насыщенным, чем второй (L2) или последующие языки [7, 8]. Согласно этой точке зрения, у сбалансированных ранних билингвов (то есть у тех, которые одновременно освоили первой и второй языки) L1 и L2 могут быть одинаково близко настроены на эмоциональное содержание, связанное с каждым языком, тогда как у поздних последовательных билингвов (то есть тех, которые усвоили второй язык позже, чем первый) L2 ассоциируется с большим эмоциональным расстоянием [9]. Поэтому, особенно у поздних билингвов, эмоциональная насыщенность слов L2 считается практически нулевой, поскольку слова L2 будут обрабатываться семантически, но не аффективно [3].

Проанализированная литература, а также полученные ранее результаты послужили основанием формулирования гипотезы о том, что эмоциональность вступает во взаимодействие и с другими семантическими и психолингвистически релевантными параметрами, влияющими на обработку слова, которые не контролировались в наших предыдущих исследованиях. Кроме того, мы предполагаем, что носители русского языка как материнского и билингвальные испытуемые будут по-разному оценивать эмоциональные единицы.

Вследствие этого на первом этапе исследования было осуществлено выявление корреляции эмоциональной семантики русских диминутивов с психолингвистически релевантными параметрами: оценочность, контекстуальная соотношенность, частотность, возраст усвоения; выявление специфики корреляции параметров в группе лексем-диминутивов в сравнении с оценочными и нейтральными единицами других классов.

Для формирования групп стимулов для анализа был использован «Большой толковый словарь русских

существительных» Л.Г. Бабенко [10]. Общее количество стимулов – 371, из которых 163 единицы – непроизводные слова (*стол, костюм, дочь*), 166 – диминутивы (*столик, костюмчик, доченька*), образованные от непроизводных слов, 42 – филеры (*великолепие, мерзость*).

Данные стимулы были введены в серию экспериментов, в процессе проведения которых участникам предлагалось оценить лексические единицы по шкале от 1 до 7 по следующим параметрам: сила эмоции (что, как мы считаем, соотносится с психолингвистическим параметром – arousal); тип оценки (соотносимый с параметром valence); типовые контексты использования: а) в разговоре о ком чаще используется слово, б) в разговоре с кем чаще используется слово; частотность; возраст усвоения слова.

Эксперименты проводились с использованием бумажных анкет. Все слова были разделены на 6 списков, от 60 до 70 существительных в каждом списке. Слова в списках были упорядочены случайным образом. На каждом листе была размещена инструкция для соответствующей шкалы.

Данные эксперименты были последовательно проведены с двумя типами испытуемых – носителями русского языка как родного и тюркско-русскими билингвами.

Результаты данной серии экспериментов, проведенной на русскоязычных испытуемых, были опубликованы в сборнике материалов предыдущей конференции [11].

Русскоязычные испытуемые: студенты филологического факультета и факультета иностранных языков ТГУ; возраст – от 17 до 28, 240 человек (86 мужчин и 154 женщины); все испытуемые указали русский язык как родной; было получено 52 764 наблюдения.

Тюркско-русские билингвы: 60 человек, 24 мужчины и 36 женщин, в возрасте от 16 до 73 лет; уровень образования варьируется от среднего до высшего; носители русского языка и одного из тюркских языков – шорский, хакасский, татарский, при этом уровень владения, время усвоения и частота использования данных языков варьируется; было получено 22 624 наблюдения.

Для выявления наличия корреляционных взаимосвязей мы воспользовались непараметрическим коэффициентом корреляции Спирмена.

Проведенный анализ показал наличие статистически значимых корреляций между выделенными параметрами и у носителей русского языка как материнского, и у билингвов. Наиболее значимые корреляции являются схожими у обеих групп испытуемых:

- «использование в разговорах с ребенком/взрослым» и «использование в разговорах о ребенке/взрослом» ($r = 0,919037$ vs. $r = 0,871471$) – данные значения указывают на идентичность параметров для испытуемых, что позволяет использовать для дальнейшего анализа только один из них;
- «оценка» и «использование в разговорах с ребенком/взрослым» ($r = 0,582941$ vs. $r = 0,453357$) – чем выше значение показателя оценки у слова, тем скорее оно будет использовано в разговоре со взрослым, чем с ребенком (о взрослом);
- «эмоция» и «оценка» ($r = -0,520647$ vs. $r = -0,562701$) – чем эмоциональнее слово, тем более положительной является выражаемая им оценка;

- «эмоция» и «частотность» ($r = -0,433067$ vs. $r = -0,203823$) – чем эмоциональнее слово, тем оно менее частотно в употреблении;
- «эмоция» и «использование в разговорах с ребенком/взрослым» ($r = -0,467210$ vs. $r = -0,304490$) – чем более эмоциональным является слово, тем скорее оно будет использовано в разговоре с ребенком (о ребенке), чем в разговоре со взрослым (о взрослом).

Также для выявления различий внутри выделенных групп стимулов полученные характеристики стимулов были проанализированы с использованием критерия Краскела–Уоллиса. Так, по сравнению с тремя другими группами слов диминутивы являются наименее частотными, оцениваются как те, которые употребляются скорее в разговоре с детьми (о детях), могут быть как эмоциональными, так и неэмоциональными, а также характеризуются скорее как нейтральные единицы, чем положительные. Кроме того, согласно ответам испытуемых, они являются словами, усваиваемыми в довольно раннем возрасте.

Таким образом, проведенные эксперименты подтвердили нашу гипотезу о том, что эмоциональность вступает во взаимодействие с другими психолингвистическими характеристиками эмоциональных слов, о чем свидетельствует наличие статистически значимых корреляций выделенных параметров. Статистический анализ, направленный на сравнение диминутивов с тремя другими группами слов по указанным параметрам, также продемонстрировал их специфику.

Кроме того, можно сделать вывод о том, что русскоязычные и билингвальные испытуемые имеют схожую чувствительность к фактору эмоциональности и связанным с ним факторам. При сравнении данного анализа с данными, полученными у русскоязычных носителей, видно, что различия внутри групп являются идентичными у двух групп испытуемых. Мы полагаем, что это может быть связано с типом исследуемого билингвизма – естественный билингвизм с доминированием второго языка.

Таким образом, основываясь на результатах проведенных экспериментов, можно сделать следующие выводы:

1. Фактор эмоциональности слова вступает во взаимодействие с другими психолингвистическими характеристиками эмоциональных слов, это справедливо и в отношении монолингвов, и в отношении билингвов.

2. По результатам внутригрупповых анализов, диминутивы как эмоциональные единицы оцениваются носителями русского языка и билингвами схожим образом.

В дальнейшем планируется дополнительный сбор данных с привлечением информантов разных возрастных групп (как русскоязычных, так и билингвальных) с учетом социолингвистических характеристик, а также проведение ранжирования по типам билингвизма с целью выявления влияния данного параметра.

Литература

1. Kuperman V., Estes Z., Brysbaert M. et al. Emotion and language: Valence and arousal affect word recognition // *Journal of Experimental Psychology: General*. – 2014. – Vol. 143(3). – P. 1065–1081.
2. Olafson K.M., Ferraro F.R. Effects of emotional state on lexical decision performance // *Brain and Cognition*. – 2011. – Vol. 45(1). – P. 15–20.
3. Резанова З.И., Васильева А.В., Позовкина К.С. и др. Когнитивная обработка русских экспрессивных единиц: гендерное своеобразие // *Вестн. Том. гос. ун-та*. – 2017. – № 420. – С. 74–81.
4. Mendez-Bertolo C., Pozo M.A., Hinojosa J.A. Word frequency modulates the processing of emotional words: Convergent behavioral and electrophysiological data // *Neuroscience Letters*. – 2011. – Vol. 494(3). – P. 250–254.
5. Zevin J.D., Seidenberg M.S. Age of acquisition effects in word reading and other tasks // *Journal of Memory and Language*. – 2002. – Vol. 47(1). – P. 1–29.
6. Pavlenko A. Affective processing in bilingual speakers: Disembodied cognition? // *International Journal of Psychology*. – 2012. – Vol. 47, No. 6. – P. 405–428.
7. Altarriba J. Expressions of emotion as mediated by context // *Bilingualism: Language and Cognition*. – 2008. – Vol. 11(2). – P. 165–167.
8. Dewaele J.M. The emotional force of swearwords and taboo words in the speech of multilinguals // *Journal of multilingual and multicultural development*. – 2004. – Vol. 25(2–3). – P. 204–222.
9. Dewaele J.M., Pavlenko A. Emotion vocabulary in interlanguage // *Language Learning*. – 2002. – Vol. 52(2). – P. 263–322.
10. Бабенко Л.Г. Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. – М.: АСТ-Пресс Книга, 2008. – 862 с.
11. Васильева А.В. Русские диминутивы: психолингвистическая параметризация // *Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: сборник материалов V (XIX) Международной конференции молодых ученых (г. Томск, 19–21 апреля 2018 г.)* / под ред. Е.О. Третьякова. – Томск: STT, 2018. – С. 122–124.

ВЛИЯНИЕ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ СЛОВА НА ПАТТЕРНЫ ДВИЖЕНИЯ ГЛАЗ ВО ВРЕМЯ ЧТЕНИЯ ТЕКСТОВ РУССКОГО ЯЗЫКА

Гнетов Д.К.

Томский государственный университет, студент

INFLUENCE OF MORPHOLOGICAL STRUCTURE OF A WORD ON THE PATTERNS OF EYE MOVEMENT WHILE READING RUSSIAN LANGUAGE TEXTS

Gnetov D.K.

Tomsk State University, student

Во время процесса чтения первая фиксация имеет тенденцию располагаться в середине слова. Считается, что саккадическое программирование управляется низкоуровневой текстовой информацией о длине слова и орфографической неравномерности, которая извлекается из парафовеального зрения во время процесса чтения. Недавние исследования обнаружили, что флективная морфология и морфологическая структура слова могут обрабатываться в парафовеальном зрении. Данная статья посвящена описанию результатов исследования парафовеальной обработки морфологической информации в процессе чтения. В качестве ведущего выступает метод поведенческого эксперимента с фиксацией окуломоторной активности респондента.

Ключевые слова: парафовеальная обработка, морфология, русский язык, окулография.

The preferred fixating position during reading tends to be near the center of a word. The saccade programming is assumed to be governed by low-level information of word length and by orthographic irregularity that is gained from parafoveal vision. Recent studies have observed that inflectional morphology can be processed parafoveally. The goal of current study is to see whether morphological information can be processed in parafovea during reading. The eye-tracking experiment was conducted in order to investigate this issue.

Key words: parafoveal processing, morphology, Russian, eye-tracking.

Научный руководитель:
Юкка Хёня, профессор
(Университет Турку, Финляндия).

В окуломоторных исследованиях наиболее обширно и подробно изученным является вопрос влияния извлекаемой из фовеального зрения разноуровневой языковой информации на обработку и восприятие слова в процессе чтения. Однако обработка различных типов лингвистической информации в парафовеальной области зрения по-прежнему представляет широкий исследовательский интерес [1].

Ming Yan и коллеги обнаружили наличие парафовеальной обработки морфологической информации в агглютинативном языке с продуктивной морфологией – в уйгурском языке [2]. Этот эффект был обнаружен в финском языке, также обладающим богатой морфологией [3]. В эксперименте исследовалось влияние морфологической сложности слова в парафовеальном зрении и было обнаружено, что положение первой фиксации устанавливается ближе к началу слова в условии, когда слово является морфологически сложным (т.е. состоит более чем из одной морфемы), по сравнению с условием, когда слово является морфологически простым (состоит только из одной морфемы – корневой). Длительность первой фиксации на слове также возрастает в условии с морфологически сложным словом.

Новизна данного исследования заключается в обращении к изучению обработки морфологической информации в парафовеальном зрении и ее влияния на паттерны движения глаз в процессе чтения в русском языке.

Целью нашей исследовательской работы является изучение парафовеальной обработки морфологической информации во время процесса чтения.

Наша гипотеза может быть сформулирована сле-

дующим образом: если слово является морфологически простым (одноморфемным), то (1) длительность первой фиксации будет сокращаться и (2) положение первой фиксации будет смещаться вправо в сравнении со случаями, когда слово будет морфологически сложным (двухморфемным).

Для проверки этой гипотезы был выбран метод поведенческого эксперимента с фиксацией окуломоторной активности респондента.

В качестве *стимульного материала* было составлено 48 пар предложений на русском языке с находящимися в середине целевыми словами, которые были либо одноморфемными (корень и нулевое окончание), либо двухморфемными (корень и словоизменяющий суффикс). Длина слов варьировалась от 7 до 10 букв, длина предложений – от 7 до 13 слов. Длина словоизменяющих суффиксов варьировалась от 2 до 3 букв. Кроме этого было использовано 24 филлерных предложения.

Респонденты. В эксперименте приняло участие 24 человека в возрасте от 18 до 28 лет ($M = 20$, $SD = 2,9$).

Дизайн эксперимента. В качестве независимой переменной выступил фактор морфологической сложности (с двумя уровнями: простое и сложное слово), в качестве зависимой переменной собирались данные времени фиксации и положения фиксации.

Процедура эксперимента включала в себя тренировочную и основную сессии. Перед тренировочной сессией респонденту предлагалось ознакомиться с инструкцией, в которой участников инструктировали читать предложения на понимание в удобном для них темпе. Для контроля понимания задавался проверочный вопрос о содержании последнего прочитан-

Таблица 1. Вывод модели положения первой фиксации в слове (слева) и длительности фиксации на слове (справа)

ILP:	Estimate	Std. Error	t value	SingleFixDur.:	Estimate	Std. Error	t value
(Intercept)	22.13882	2.41653	9.161	(Intercept)	5.6566336	0.0486820	116.196
Length8	2.75527	1.56070	1.765	Length8	-0.0226907	0.0337836	-0.672
Length9	3.99766	1.49380	2.676	Length9	0.0123160	0.0328019	0.375
Length10	7.64571	2.37270	3.222	Length10	-0.0043651	0.0512626	-0.085
launch_site	0.27791	0.02969	9.359	launch_site	-0.0015228	0.0005315	-2.865
Sentence_type	0.05787	0.95843	0.060	Sentence_type	-0.0305765	0.0171800	-1.780
log_freq	-0.22548	0.51821	-0.435	log_freq	-0.0190768	0.0111596	-1.709

ного предложения в 33% экспериментальных проб. Окулографические данные респондентов собирались с помощью EyeLink 1000+ на мониторе с частотой 140 Гц и разрешением экрана 1920x1080 пикселей.

Анализ полученных результатов проводился при помощи пакета lmer4 [4] в Rstudio. При анализе были исключены таргетные слова с временем фиксации меньше 60 мс и больше 600 мс. Для статистического анализа были использованы смешанные линейные регрессионные модели. Значения $|t| < 1,96$ были признаны статистически незначимыми [5].

Проведенный анализ не подтвердил нашу гипотезу. Статистически значимого эффекта морфологической сложности на положении первой фиксации (см. табл. 1) и длительность первой фиксации в слове (см. табл. 1) не было обнаружено ($t = -1,78$ и $t = 0,06$, соответственно). Тем не менее, были реплицированы устойчивые эффекты места запуска саккады на длительность фиксации на слове ($t = -2,865$) и на положение первой фиксации в слове ($t = 9,359$).

Отсутствие искомого значимого эффекта может быть объяснено тем, что полученные данные имеют недостаточную статистическую мощность: только 40% всех наблюдений были пригодны для анализа. Кроме

того, проверочные вопросы были недостаточно ясно маркированы. В дальнейшем планируется модификация эксперимента с целью удаления неясностей процедуры и сбор большего количества наблюдений (т.е. участников) с целью увеличения статистической мощности.

Литература

1. Hyona J. Foveal and parafoveal processing during reading // Oxford handbook on eye movements / S.P. Liversedge, I.D. Gilchrist, S. Everling (eds.). – Oxford: Oxford University Press, 2011. – P. 819–838.
2. Yan M., Zhou W., Shu H. et al. Eye movements guided by morphological structure: Evidence from the Uighur language // Cognition. – 2014. – Vol. 132(2). – P. 181–215.
3. Hyona J., Yan M., Vainio S. Morphological structure influences the initial landing position in words during reading Finnish // Quarterly Journal of Experimental Psychology. – 2018. – Vol. 71(1). – P. 122–130.
4. Bates D., Machler M., Bolker B. et al. Fitting linear mixed-effects models using lme4 // Journal of Statistical Software. – 2015. – Vol. 67(1). – doi: 10.18637/jss.v067.i01.
5. Baayen R.H. Analyzing linguistic data: A practical introduction to statistics using R. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

ОЦЕНКА РАЗМЕРА ДЕРИВАЦИОННОЙ СЕМЬИ СЛОВА И ЕГО РОЛИ В ЗАДАЧЕ НА ЛЕКСИЧЕСКУЮ КАТЕГОРИЗАЦИЮ

Гнетов Д.К.

Томский государственный университет, студент

QUANTIFICATIONS OF MORPHOLOGICAL FAMILY SIZE: EVIDENCE FROM VISUAL LEXICAL DECISION TASK IN RUSSIAN

Gnetov D.K.

Tomsk State University, student

В литературе не раз было показано, что морфологические характеристики слова, одним из видов которых является размер деривационной семьи слова, облегчает скорость их обработки респондентом. В статье освещается эксперимент с заданием лексической категоризации по изучению влияния размера деривационной семьи существительных на когнитивную обработку слов респондентами на материале ранее не изученного в этом аспекте русского языка. Приводятся результаты и обсуждается использование векторного представления слова с помощью алгоритма fastText с целью оценки семантической близости слов внутри семьи.

Ключевые слова: лексическая категоризация, деривационная семья, векторное представление слова, fastText, обобщенные аддитивные модели.

Morphological family size, defined as the number of different complex words in which a stem appears as a constituent, has been shown to facilitate processing speed in a number of different languages. In the present study, we report and lexical decision experiment investigating morphological family size effect in Russian – morphologically rich language that has not been investigated before. We utilized word embeddings as implemented in the fastText algorithm in order to quantify the semantic structuring of morphological family size. The results of the experiment are reported and discussed.

Key words: lexical decision, morphological family size, word embeddings, fastText, generalized additive models.

Научный руководитель:
Аки-Юхани Кырёляйнен
(Университет Макмастера и
Университет Брока, Канада)

На скорость обработки визуально представленного слова влияет множество факторов на разных уровнях. На морфологическом уровне одним из таких факторов является размер деривационной семьи слова. Размер деривационной семьи слова определяется в результате подсчета всех производных слов, в которых это слово фигурирует как составляющее [1], и он влияет на скорость когнитивной обработки слов: слова с большим объемом семьи обрабатываются быстрее по сравнению со словами с малым объемом семьи. Например, у слова *кресло* размер деривационной семьи равен 4, т.к. это слово фигурирует как составляющее только в 4 словах: *кресельце, креслице, кресельный, кресло-кровать*. В финском языке эффект проявился только в том случае, когда семантически несвязанные слова были исключены из подсчета размера деривационной семьи [2].

Новизна данного исследования заключается в обращении к изучению влияния объема деривационной семьи на его когнитивную обработку, а также в использовании метода поведенческого эксперимента и метода векторного представления слова для изучения эффекта деривационной семьи в русском языке.

Целями нашей исследовательской работы являются изучение влияния объема деривационной семьи простого слова на скорость его обработки и моделирование семантической структуры деривационной семьи с помощью методов компьютерной лингвистики.

Наша гипотеза заключается в том, что скорость обработки слов, имеющих больший объем дериваци-

онной семьи, будет выше, чем скорость обработки слов с меньшим объемом деривационной семьи. К тому же эффект будет значимым только тогда, когда при подсчете деривационной семьи будут учитываться только семантически близкие слова.

Для проверки этой гипотезы был выбран метод поведенческого эксперимента. В качестве зависимой переменной собирались данные времени реакции.

В качестве **стимульного материала** выбирались морфологически простые существительные русского языка в объеме 300 слов. Деривационные семьи были получены из онлайн-версии словообразовательного словаря А.Н. Тихонова [3]. Для оценки семантической близости слов внутри деривационной семьи был использован метод векторного представления слова, а именно алгоритм fastText [4], натренированный на корпусе веб-текстов русского интернета *Aganeum ruscicum maximum* [5]. Поскольку в качестве экспериментальной задачи была выбрана лексическая категоризация, для стимулов была также сформулирована группа неслов.

Респонденты. В эксперименте приняли участие 42 человека ($M = 19,55$, $SD = 2,01$), из которых 7 мужчин и 35 женщин.

Дизайн эксперимента. В качестве независимой переменной выступил фактор размера деривационной семьи (от 1 до 425), в качестве зависимой переменной собирались данные времени реакции.

Процедура эксперимента включала в себя тренировочную и основную сессии. Перед тренировочной сессией была инструкция, в которой респондентов

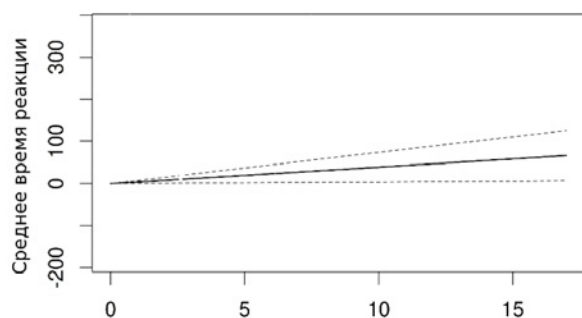

Рис. 1. Зависимость времени реакции от объема деривационной семьи слова

инструктировали как можно быстрее и точнее определять, является ли появившееся на экране слово реальным словом русского языка или нет, и нажимать соответствующую кнопку на геймпаде. Экспериментальная проба включала в себя фиксационный крест (500 мс), стимул (3000 мс) и межпробный интервал (1500 мс).

Анализ полученных результатов проводился при помощи пакета *mgcv* [6] в *Rstudio*. Всего было получено 6300 наблюдений. При анализе были удалены случаи ошибочных и неверных нажатий. Также время реакции правильных ответов было усреднено для каждого слова. Для статистического анализа были использованы обобщенные аддитивные модели.

Статистический анализ подтвердил нашу гипотезу, продемонстрировав наличие статистически значимого эффекта влияния объема семантически контролируемой (слова с семантическим сходством меньше 0,7, на шкале от 0 до 1, не были включены в подсчет)

деривационной семьи при контроле длины и частоты слова ($p < 0,001$) на обработку слова.

Как видно из графика (рис. 1), обработка слов с высоким объемом деривационной семьи происходит быстрее, нежели обработка слов с низким объемом деривационной семьи.

Таким образом, результаты проведенного эксперимента свидетельствуют о том, что семантически обусловленный объем деривационной семьи влияет на скорость когнитивной обработки слов в русском языке.

Литература

1. Schreuder R., Baayen R.H. How complex simplex words can be // *Journal of Memory and Language*. – 1997. – Vol. 37(1). – P. 118–139.
2. Moscoso del Prado Martin F., Bertram R., Haikio T. et al. Morphological family size in a morphologically rich language: the case of Finnish compared with Dutch and Hebrew // *J. Exp. Psychol. Learn. Mem. Cogn.* – 2004. – Vol. 30(6). – P. 1271–1278.
3. Словообразовательно-морфемный словарь русского языка / под ред. К.Р. Галиуллина [Электронный ресурс]. – Казань : Казанский гос. ун-т, 1997–1998. – URL: <http://old.kpfu.ru/infres/slovar1>.
4. Bojanowski P., Grave E., Joulin A. et al. Enriching word vectors with subword information // *Transactions of the Association for Computational Linguistics*. – 2017. – Vol. 5. – P. 135–146. – doi: 10.1162/tacl_a_00051.
5. Benko V. Aranea: Yet another family of (comparable) web corpora // *Text, Speech, and Dialogue : 17th International Conference, TSD 2014, Brno, Czech Republic*. – Springer, Cham, 2014. – P. 247–256.
6. Wood S.N. Fast stable restricted maximum likelihood and marginal likelihood estimation of semiparametric generalized linear models // *Journal of the Royal Statistical Society: Series B (Statistical Methodology)*. – 2011. – Vol. 73(1). – P. 3–36.

АППЛИКАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ОНЛАЙН-ЛЕКСИКОГРАФИИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Павленко А.Н.

Алтайский государственный педагогический университет, ассистент кафедры немецкого языка

THE APPLICATIVE POTENTIAL OF ONLINE-LEXICOGRAPHY IN THE STUDY OF LEXICAL INNOVATIONS IN THE GERMAN LANGUAGE

Pavlenko A.N.

Altai State Pedagogical University, assistant lecturer

В данной статье рассматривается возможность применения онлайн-лексикографии в профессиональной языковой подготовке германистов. Языковые изменения (неологизмы, семантические сдвиги, заимствования и т.д.) представляют собой широкое поле для научных лингвистических (в том числе лексикографических) исследований, а также служат инструментом формирования лингвистической и лингвострановедческой компетенции германистов.

Ключевые слова: прикладная лингвистика, онлайн-лексикография, лингвистическая компетенция, корпус языка, онлайн-словари, Институт немецкого языка.

This article discusses the possibility of using online-lexicography in the professional language training of Germanists. Language changes (neologisms, semantic shifts, borrowings, etc.) represent a wide field for scientific linguistic (including lexicographical) research, and also serve as a tool for the formation of Germanist linguistic and linguistic-cultural competence.

Key words: applied linguistics, online lexicography, linguistic competence, corpus of language, online dictionaries, Institute of German Language.

*Научный руководитель:
Москвина Татьяна Николаевна,
канд. филол. наук, доцент.*

В качестве одного из направлений прикладной лингвистики, оптимизирующей гносеологическую функцию языка, можно назвать компьютерную лексикографию. Данный термин не так давно появился в лингвистике, произошло это благодаря существенно расширению и усилению инструментария лексикографии компьютерными технологиями создания и использования словарей. На данный момент лингвисты не пришли к единому мнению об использовании конкретного термина в отношении словарей, сформированных с помощью компьютерных технологий, поэтому в литературе также можно встретить такие термины, как «компьютерный словарь», «электронный словарь», «цифровой словарь» (О.М. Карпова [1], В.П. Берков [2]). Г.М. Мандрикова рассматривает в качестве такого словаря любое лексикографическое произведение на машинных носителях. Кроме того, размещение словарей в глобальной сети Интернет привело к возникновению онлайн-лексикографии как отдельной самостоятельной научной области и, соответственно, появлению онлайн-словарей. В настоящее время терминология, инструментарий, категориальный аппарат данной научной области находятся в стадии становления. Под онлайн-лексикографией мы понимаем теорию и практику составления онлайн-словарей, разработанных коллективом авторов и размещенных в свободном доступе в глобальной сети Интернет.

Далее мы рассматриваем возможности использования онлайн-словарей в образовательном процессе студентов-германистов в качестве одного из факторов формирования лингвистической компетенции.

Активное развитие компьютерных технологий и глобализация знаний привели к тому, что в настоящее

время кроме традиционного деления словарей на энциклопедические и лингвистические выделяются также печатные и электронные. Последние обладают рядом преимуществ, таких как больший объем информации, возможность озвучивания лексем, наличие графического иллюстративного материала, ускоренный поиск, многоязычие и возможность переключения языков и многое другое. Кроме того, электронный словарь обладает возможностью оперативно реагировать на изменения в языке, которые происходят в результате развития науки, техники, культуры, общественно-политических реалий. Данные слова, выражения, воспринимаемые носителями языка как новые, обозначающие вновь появившиеся предметы или понятия, имеющие в семантике и (или) структуре элемент новизны, определяются как языковые инновации. Из всего разнообразия языковых инноваций вслед за А.М. Акопянц отметим, на наш взгляд, основные: 1) лексические новообразования, в том числе социолекты, жаргонизмы, молодежный сленг и др.; 2) аббревиатуры (различного типа); 3) заимствования из других языков; 4) просторечные фразеологизмы [3].

Данные языковые инновации как представляют собой широкое поле для научных исследований, так и могут быть рассмотрены в качестве предмета при изучении иностранного языка. Так, Институтом немецкого языка (Мангейм, Германия) на базе научных исследований были разработаны онлайн-словари на платформе OWID (Online-Wortschatz-Informationssystem Deutsch – информационная система онлайн-словарей немецкого языка) [4], которые содержат в себе не только лексическую информацию, но также грамматическую, лингвострановедческую, культурологическую и т.д., что позволяет получить широкий

Рис. 1. Распределение неологизмов по тематикам и годам появления в языке

спектр знаний о лексической единице и провести в дальнейшем перекрестные исследования. На данный момент на платформе в открытом доступе в режиме онлайн можно познакомиться с десятью словарями, такими как словарь паронимов, словарь иностранных слов, словарь неологизмов, пословиц и поговорок. Особое место занимают дискурсивные словари, представленные на платформе словарем дискурса вины 1945–1955 гг., дискурса протеста 1967–1968 гг. и словарем ключевых слов 1989–1990 гг. Задача словаря дискурса – составить и описать ключевые понятия, характеризующие и отражающие определенный дискурс, с учетом специфических лексикографических принципов. Данная дискурсивная лексика, отражающая на лексическом уровне дискурс и его сложность, и входит в состав словаря данного типа. Словарь дискурса отличается от общеязыкового тем, что он представляет тематические, ориентированные на говорящего текстовые единства словарного запаса, в основу которого положена база данных корпуса немецкого языка.

Одними из ярких примеров языковых инноваций являются неологизмы. Необходимость создания неологических словарей и обновления имеющихся представляется очевидной. Появление новых слов, а также новых значений влечет за собой потребность в информации о них, которую можно удовлетворить посредством выпуска специально разработанных с этой целью изданий. В сравнении со словарями общей лексики, содержащими большое количество словарных единиц и требующими длительного времени на подготовку, словари неологизмов именно в электронном формате или на онлайн-платформе обладают тем преимуществом, что в них системно и оперативно представлена новая лексика определенного периода развития языка. Также стоит отметить, что меньшее по сравнению со словарями общей лексики количество лемм (ключевых слов) позволяет разместить на страницах словаря неологизмов обширные сведения о новых словах и значениях и тем самым удовлетворить высокую информационную потребность читателей.

Познакомившись ближе со словарем неологизмов на платформе OWID, можно отметить такие особенности, как специфическая структура словарной статьи, тематическое членение и периодизация лексических единиц (рис. 1).

То есть авторы предлагают разделение лексических единиц на тематические группы (например, «Политика», «Экономика», «Окружающая среда», «Демография» и т.д.), а также дают указание на время их появления в языке (деление на десятилетия – 1990-е, 2000-е, 2010-е гг.). В словаре собраны и описаны почти 2000 новых слов и фразеологизмов, появившиеся в немецком языке в период с 1991 г. и до настоящего времени, а также указаны новые значения слов [5].

Еще одним новшеством данного словаря является вкладка «Предложить новое слово», что позволяет авторизованному пользователю отправить встреченное на письме или услышанное новое слово и таким образом стать «соавтором» словаря. Для этого необходимо заполнить формуляр, затем направленные пользователями предложенные слова проверяются компетентной группой разработчиков словаря и затем выносятся решение о внесении/невнесении лексемы в словарь.

Рассмотрим более подробно словарную статью «Hater» [6], по типу неологизма являющийся новой лексемой, существительное мужского рода, может быть определяющим словом или с помощью суффикса *-in* образовывать форму существительного женского рода. Также словарь предоставляет данные о лексической сочетаемости неологизма, подтверждаемые рядом примеров, и предоставляет информацию о происхождении слова. Кроме того, культурологическую информацию несут данные об отражении лексемы в языке: неологизм последнего десятилетия, функционирующий в области коммуникации в сети Интернет, что также подтверждается примерами, взятыми из корпуса современного немецкого языка.

Таким образом, информация о данной лексеме дает возможность изучающим немецкий язык познакомиться с новыми словами в рамках темы «Medien»,

«Kommunikation im Internet», а тематическое деление словаря позволяет исследовать лексику определенной тематики. Временная периодизация служит инструментом актуализации словарного запаса обучающихся. При этом стоит отметить, что данный онлайн-словарь базируется на корпусе современного немецкого языка, что позволяет знакомить студентов с наиболее актуальными текстами изучаемого языка.

С применением онлайн-словарей Института немецкого языка нами в рамках диссертационного магистерского исследования были проведены лекция и семинарское занятие для студентов-германистов старшей ступени обучения, что позволило познакомить обучающихся с современной онлайн-лексикографией и возможностями онлайн-словарей. Также был проведен опрос среди студентов 2–5-х курсов, направленный на выявление информированности обучающихся о данных словарях, который показал низкий процент использования словарей Института немецкого языка и рост использования данных онлайн-словарей от курса к курсу, что связано с активной научной работой старшекурсников, а также написанием выпускных квалификационных работ. Всего же словарями Института немецкого языка из общего числа опрошенных студентов пользуются 30,9%, соответственно, 69,1% не сталкивались с данными онлайн-словарями и не знают о возможности их использования в качестве аутентичного носителя разноплановой информации о лексеме, словосочетании, фразеологизме и т.д. Говоря о студентах, работающих со словарями Института немецкого языка, стоит отметить активное использование ими словаря неологизмов, словаря иностранных слов и других.

При этом можно сделать вывод, что студенты заинтересованы в работе с профессиональными слова-

рями, что показали практические занятия. Следует отметить, что использование словарей на занятиях по различным дисциплинам с начальной ступени обучения, наряду с традиционно используемыми переводными онлайн-словарями (Multutran, AbbyyLingvo, Promt и т.д.), даст возможность студентам познакомиться с профессиональными словарями как можно раньше, что поспособствует их более активному использованию в дальнейшем образовательном процессе. С использованием данных словарей студенты-германисты осуществляют не просто перевод лексемы, а получают разностороннюю, полноценную информацию о лексеме в одноязычном словаре. Учитывая выше сказанное, можно прийти к выводу, что применение онлайн-лексикографии является обоснованной необходимостью в преподавании немецкого языка для формирования лингвистической компетенции студентов-германистов (преподавателей и переводчиков).

Литература

1. Берков В.П. Двухязычная лексикография. – СПб.: СПУ, 1996. – 288 стр.
2. Карпова О.М. Библиографический указатель «Словари английского языка». – СПб., 2002. – 204 с.
3. Акопянц А.М. Языковые инновации в современном английском языке // Университетские чтения – 2010: материалы научно-методических чтений ПЛУ. – Пятигорск: Пятигорск. гос. лингв. у-нт, 2010. – С. 7–12.
4. Информационная система онлайн-словарей немецкого языка (Online-Wortschatz-Informationssystem Deutsch) [Электронный ресурс]. – Мангейм. – URL: <https://www.owid.de/index.jsp>.
5. Neologismenwörterbuch [Электронный ресурс]. – Мангейм. – URL: <https://www.owid.de/docs/neo/start.jsp>.
6. Das Neueste im Wortschatz der Zehnerjahre [Электронный ресурс]. – Мангейм. – URL: <https://www.owid.de/artikel/407557>.

МЕТАЯЗЫКОВАЯ РЕФЛЕКСИЯ В РЕЧИ РУССКО-ТЮРКСКИХ БИЛИНГВОВ

Рыжова О.В.

Томский государственный университет, аспирант

META-LANGUAGE REFLECTION IN THE SPEECH OF RUSSIAN-TURKIC BILINGUALS

Ryzhova O.V.

Tomsk State University, post-graduate student

В статье рассматривается метаязыковая рефлексия на материале текстов шорско-русских билингов. Объект исследования – метаязыковые контексты, актуализованные в процессе интервьюирования шорско-русских билингов. Проводится анализ записей устной речи 5 респондентов, относящихся к разным возрастным группам, общим объемом более 6 часов звучания. Характеризуются типы метатекстов, преобладающие в устной речи проанализированной группы шорско-русских билингов.

Ключевые слова: метаязыковая рефлексия, метатекст, билингвизм.

The article deals with metalinguistic reflection on the material of texts of Shor-Russian bilinguals. The object of the research is metalinguistic contexts, actualized in the process of interviewing Shor-Russian bilinguals. There is an analysis of oral speech recordings of 5 respondents belonging to different age groups. The total volume of sound is more than 6 hours. The types of metatexts prevailing in the oral speech of the analyzed group of the Shor-Russian bilinguals are characterized.

Key words: metalinguistic reflection, metatext, bilingualism.

Научный руководитель:
Резанова Зоя Ивановна,
докт. филол. наук, профессор.

Языковое сознание (далее ЯС) является одним из основополагающих понятий в современной антропо-ориентированной лингвистике и трактуется многими учеными по-разному. В нашей работе мы опираемся на определение А.Н. Ростового: «ЯС – сложно структурированный феномен, в рамках которого осуществляется формирование концептуальных смыслов в пределах определенной концептуальной системы и вербализация содержания мышления» [1, с. 41].

Область рационально-логического, рефлексированного ЯС, направленного на отражение языка-объекта как элемента действительного мира, называется метаязыковым сознанием (МЯС). МЯС включает не только сферу явного, вербализованного сознания, но и сферу скрытого осознания, поэтому граница уровня МЯС размыта и получает четкие очертания лишь при условии вербализации результатов рефлексии над языком.

МЯС – это совокупность знаний, представлений, суждений о языке, элементах его структуры, их формальной и смысловой соотносительности, функционировании, развитии и т.д. [1, с. 44]. Каждый человек, в большей или меньшей степени, обладает определенным багажом знаний и представлений о своем языке, благодаря которым он способен рефлексировать о нем. Отсюда можно сделать вывод, что существует обыденное МЯС, подвергающее осмыслению различные уровни языка. Как правило, МЯС в устной или письменной речи выражается и/или вербализуется в метатекстах, а в них, в свою очередь, выделяются метаязыковые контексты.

Под метатекстом понимают материализованное в высказывании суждение говорящего о языке, зафиксированное в графической, аудио- или видеозаписи [1, с. 55]. Метатексты помогают выявить представления о языке, зафиксированные в МЯС того или иного представителя языковой общности. Тематическая отнесенность метатекстов может быть разной: лексический, грамматический, фонетический строй языка,

сравнительный анализ двух и более языков, перевод слов с одного языка на другой. И в речи респондентов может присутствовать от одного до двух или нескольких типов метаязыковых контекстов.

Объектом нашего исследования послужили метаязыковые контексты, актуализованные в процессе интервьюирования носителей русского языка, первым материнским языком которых являлся шорский язык, то есть шорско-русских билингов.

Данные метаязыковые контексты были выделены из 5 записей устной речи шорско-русских билингов общим объемом более 6 часов звучания, что составляет 315 941 печатных знаков. Записи сделаны в ходе экспедиции в города Шерегеш и Таштагол Кемеровской области в рамках проекта «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур» (описание проекта см. в [2]).

При анализе устной речи шорско-русских билингов решались две задачи: выделить типы метаязыковых рефлексий, встречающихся в устной речи шорско-русских билингов в ситуациях интервьюирования; выяснить, существует ли зависимость между преимущественной направленностью метаязыковой рефлексии респондентов и социолингвистическими особенностями билингов, в частности возрастом и уровнем образования.

В нашем исследовании мы опирались на данные о значимости выделения трех возрастных групп билингов, характеризующихся различием социальных характеристик, вариантами языкового опыта в области шорского и русского языков, отражающихся в особенностях интерферентных процессов. Противопоставление трех групп билингов обосновано анализом результатов анкетирования, включающего данные о субъективных оценках языкового опыта в области исследуемых языковых пар, о важнейших социолингвистических релевантных параметрах личности респондента. В первую группу входят респонденты в возраст-

те до 35 лет (1 чел.), во вторую – от 35 до 65 лет (3 чел.), в третью – старше 65 (1 чел.) [3]. Мы проследим, отражается ли данная противопоставленность в характере метаязыковых рефлексий, актуализированных в ходе проведения интервьюирования. Зачастую характер рефлексий определяется прямыми вопросами интервьюера, реже значимым оказывается общий контекст рассуждений о речевом опыте информанта.

Как показал анализ, в ходе проведения интервью противопоставленными оказываются три типа метаязыковых контекстов: 1) тип установления межъязыковых соответствий – сравниваются элементы родного, шорского, языка и соответствия в русском языке; 2) особенности строения родного языка, лексика, грамматики, фонетики; 3) различные аспекты соотношения тюркских языков в целом и их отдельных форм (интервьюирование проводилось по двум анкетам: социолингвистической [4] и языковой анкетой билингва, разработанной на основе опросника Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q) [5]).

Наиболее репрезентативным оказался первый тип.

Далее приведем примеры актуализации каждого типа метаязыковых рефлексий.

1. Установление межъязыковых соответствий; в данном типе выделен один вариант – обращение к единицам лексического уровня:

Интервьюер (И) – *Интересно мне/ как русскому человеку,/ вот есть народ, у которых есть шаман,/ наверно, у каждого народа есть?//;* Респондент 1 (P1) – *Это русские называют шаман, <...> по-шорски-то кам.//*

И – *А «Челтыс» – это что такое?//;* P3 – *«Челтыс» – это звезда.// Светить – это... «Челтыс»,/ то есть «свети» и «звезда» – одно слово.// В общем-то это звезда.//*

И – *Ну а вот сейчас детям,/ вы пытаетесь как-то//;* P2 – *Ну старшая не здесь живет,/ а младшая в Новокузнецке живет,/ она,/ ну она не знает,/ у нее нет такого дара,/ чтобы она,/ она говорит,/ ну мама,/ я не понимаю,/ не понимаю,/ мы с ней не разговариваем даже на эту тему//;* И – *Понятно//;* P2 – *А вот внук,/ он у меня русский,/ он меня понимает.// Я говорю Костя,/ кельбере,/ иди сюда.//*

Метаязыковая рефлексия во втором примере спровоцирована вопросами интервьюера, а в первом и третьем контекстах – общей установкой говорящего, которая формируется в ходе коммуникации, темы которой задаются интенцией интервьюеров на выяснение языкового опыта билингвов, но не вызвана прямыми вопросами о языковых единицах. Респонденты, говоря об объектах действительности, называя их заимствованиями из шорского языка в русский или прямыми цитированиями лексем шорского языка, осознают необходимость перевода лексических единиц на язык собеседника.

2. Особенность строения родного языка.

а) Орфография в соотношении с фонетическим уровнем:

И – *Угу.// А/ орфография сложная / на шорском языке?//;* P4 – *Да.// Ну/ у нас же там КНСКНС буквы,/ то есть у нас /хм/ мягкие, / мягко звучит / и глухо,/ и там точки надо ставить/ или хвостики/ на буквах,/ если глухо, а если мягко,/ то точки,/ то есть,/ получается ка... как алфавит/ в русском языке.//;* И – *Угу,/ но*

там/ добавляются ещё/ несколько букв/ глухих/ и несколько мягких/ с точками,/ и с хвостиками,/угу.//; И – *А / над гласными точки?//;* P4 – *Да, да да.//*

Как видим, обращение к обсуждению вопросов орфографии респондентом и стоящих за ней особенностей фонетики является ответом на прямые вопросы интервьюера.

б) Грамматический уровень. В приводимых далее примерах информант отвечает на вопросы интервьюера, непосредственно направленные на выяснение особенностей тюркской грамматики: И – *А времен сколько?//;* P2 – *Четыре года.// Весна, осень//;* И – *Я имею в виду у глагола времен.// Форм разных временных.//;* P2 – *Также прошедшее будущее и//;* И – *В русском есть прошедшее совершенное, несовершенное.//;* P2 – *Есть,/ есть.//;* И – *Есть тоже.//;* P2 – *Давно,/ прошедшее время,/ будущее и что будет.//;*

И – *То есть можно по-разному?//;* P2 – *По-разному, да.// А одно слово вот,/ «номым»,/ это понятно «ым» добавляется,/ «моя книга»,/ а если конкретизировать что-то,/ «моя»,/ «мем номым».//*

3. Взаимоотношения тюркских языков. Третий тип метаязыковых контекстов – самый малочисленный в проанализированном нами материале. Отметим, что как во втором, так и в третьем контекстах метаязыковая рефлексия вновь возникает как ответ на поставленный интервьюером вопрос при помощи наводящего вопроса.

И – *Вот когда вы говорите на шорском языке,/ как вы считаете,/ у вас есть какой-то акцент?//;* P2 – *Акцент у меня кондомский диалект.//;*

И – *Вот/ настолько близкие тюркские языки что..?//;* P1 – *Тюркский язык – /очень близкий,/ но,/ например,/ мы говорим / «баш»,/ а они/ «анчаль»,/ они говорят/ «бас»,/ мы говорим / «ээ» / «аргыштад»,/ а /они говорят/ «аргыштат», / а у них / «аргустав»,/ а у нас «авгастов»/ по-шорски /означает «лодырь».//*

Анализ метаязыковых контекстов в соотношении с возрастными и социальными группами респондентов показал, что билингвы второй (от 35 до 65 лет – три человека, из которых один с высшим, второй с неоконченным высшим и третий со средним специальным образованием) и третьей возрастных групп (старше 65 – один человек с высшим образованием), имеющие высшее окончательное или неоконченное образование, более склонны к метаязыковой рефлексии и осознанию структуры языка посредством самого языка, то есть более значимым фактором является уровень образования. В большинстве примеров метаязыковая рефлексия была спровоцирована вопросами интервьюера, однако значимой оказалась и общая установка респондента на нее. Однако представляется, что для более точных выводов необходимо проанализировать большее количества материала, что и является дальнейшей целью проводимого исследования.

Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, грант № 14.Y26.31.0014.

Литература

1. Ростова А.Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров Сибири). – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. – С. 41.
2. Резанова З.И., Некрасова Е.Д., Миклашевский А.А. Исследование психолингвистических и когнитивных аспектов языкового контактирования в проекте «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири

- в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур» // Русин. – 2018. – Т. 52, вып. 2. – С. 107–117.
3. Резанова З.И., Темникова И.Г., Некрасова Е.Д. Динамика социолингвистических процессов в Южной Сибири в зеркале билингвизма (русско-шорское и русско-татарское языковое взаимодействие) // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2018. – № 436. – С. 56–68.
 4. Казакевич О.А. // Институт языкознания РАН [Электронный ресурс]. – URL: <http://iling-ran.ru/main/departments/ural-altaic> (дата обращения: 07.09.2018).
 5. LEAP-Questionnaire [Электронный ресурс] // Bilingualism and Psycholinguistics Research Group. – URL: <http://www.bilingualism.northwestern.edu/leapq> (дата обращения: 07.09.2018).

КОМПЬЮТЕРНАЯ ЛИНГВИСТИКА

РАЗРАБОТКА ФОРМАЛЬНЫХ ГРАММАТИК ПО ИЗВЛЕЧЕНИЮ ФАКТОВ ИЗ НОВОСТНЫХ ТЕКСТОВ

Былина А.С.

Томский государственный университет, магистрант

DEVELOPMENT OF FORMAL GRAMMARS FOR THE EXTRACTION OF THE FACTS FROM NEWS TEXTS

Bylina A.S.

Tomsk State University, master student

В статье представлены результаты одного из фрагментов комплексной работы в рамках проекта «WORLD2NEWS», целью которого является создание web-сервиса по автоматическому генерированию новостей. Проект предполагает поэтапное решение целого перечня задач. На первом этапе важной задачей является разработка формальных грамматик (создание набора правил) по извлечению фактов из текстов различных новостных рубрик для программы Томита-парсер.

Ключевые слова: формальные грамматики, извлечение фактов.

Results of one of the fragments of comprehensive work implemented as a part of the “WORLD2NEWS” project, which aim is to create a web service to automatically generate news, are represented in the article. The project involves step-by-step solution of the set of tasks. The project first step priority is to develop formal grammars (the set of rules) for the extraction of the facts from different news sections texts by means of Tomita parser.

Key words: formal grammars, facts extraction.

*Научный руководитель:
Резанова Зоя Ивановна,
докт. филол. наук, профессор.*

*Консультант:
Дацюк Валерий Валентинович,
мл. науч. сотр.*

Цель данной статьи состоит в том, чтобы представить результаты одного из фрагментов комплексной работы, выполняемой в рамках проекта «WORLD2NEWS», поддержанного грантом ТГУ [1]. Создание web-сервиса по автоматическому генерированию текстов новостей предполагает поэтапное решение целого перечня задач. На первом этапе важной задачей является разработка формальных грамматик по извлечению фактов из новостных текстов.

Формальная грамматика — это математическая модель грамматики языка, описанная в рамках какой-либо синтаксической теории. Самая известная теория — теория порождающей грамматики Н. Хомского (конец 1950-х гг.) [2]. Одна из главных идей теории заключается в том, что языковая компетенция состоит из двух компонентов: базового набора синтаксических структур и трансформаций, правил, с помощью которых можно создавать новые синтаксические структуры на основе базовых. Изначально порождающая грамматика использовалась для описания естественных языков, но со временем стало ясно, что она больше применима для описания синтаксиса формальных языков, таких как языки программирования.

Применяемые в проекте формальные грамматики представляют собой набор правил, которые позволяют находить и извлекать из текста определенные факты, а также представлять их в необходимом для решения последующих задач виде.

В качестве инструмента для написания грамматик был использован разработанный «Яндекс» Томита-парсер, созданный специально для извлечения структурированных данных из текста на естественном языке.

Материалом для анализа послужили около 100 000 текстов, предоставленных информационным агентством ТАСС.

Извлечение фактов из текста проходит в три этапа:

1. На первом этапе в тексте выделяются сущности (например, имена людей, названия компаний, географические объекты, профессии и т.п.).

Со своим фильмом “Unlike U” впервые приехал в Россию немецкий режиссер Бьорн Бирг.

В представленном выше фрагменте текста можно выделить пять основных сущностей: имя человека (Бьорн Бирг), его должность (режиссер), продукт, который он представляет (Unlike U), тип продукта (фильм) и место, где данный продукт был представлен (Россия).

2. На втором этапе составляются грамматики для извлечения фактов. Для этого пишутся правила и задаются ключевые слова. Грамматика, написанная для Томиты-парсера, выглядит следующим образом:

```
Person -> Name Surname;  
Name -> Word<h-reg1, gram = “persn”>;  
Surname -> Word<h-reg1, gram = “famn”>;  
Position -> “режиссер”;  
ProductName -> Word<lat, h-reg1, l-quoted>  
Word<lat, h-reg1, r-quoted>;  
ProductType -> “фильм”;  
Place -> Word<h-reg1, gram = “geo”>;
```

3. На третьем этапе факты подаются на вывод. Они представляются в виде строк в таблице, в столбцах которой располагаются объекты и отношения между ними (см. табл. 1).

Таблица 1. Представление фактов

person	position	product_name	product_type	place
Бьорн Бирг	режиссер	Unlike U	фильм	Россия

ArtType	ArtName	Artist
интерактивная роботическая нейроинсталляция		Фойерштайна
	Бесов	Достоевского
	Учиться видеть : ты - то , что ты видишь	Актен
Роботизированная инсталляция		Маккормака
	Послезавтра	творческого объединения Куда бегут собаки
	Божественная комедия	Данте

Рис. 1. Примеры извлеченных фактов из рубрики «Культура. Искусство»

Cinema					
Part	Genre	FilmName	FilmPerson	Source	Character
	Телесериал	Игра престолов (Game of Thrones)			
последний сезон	сериала	Американцы			
	сериал	Удивительная миссис Мейзел			домохозяйке
	документального фильма	Мария до Каллас	Тома Вольфа		оперной диве

Рис. 2. Примеры извлеченных фактов из рубрики «Культура. Кино»

В настоящее время работа по извлечению фактов из текстов новостных рубрик, представленных на сайте информационного агентства, в целом завершена. Всего насчитывается 19 рубрик, некоторые примеры рубрик – «Космос», «Наука», «Культура», «Экономика и бизнес» и т.п. В текстах каждой рубрики могут быть выявлены как сущности, которые будут общими для всех рубрик (например, названия организаций, должности, имена людей, даты, локации), так и специфичные сущности (например, виды спорта и различные соревнования в рубрике «Спорт», жанры литературы, кино, музыки в рубрике «Культура», валюты в рубрике «Экономика» и т.п.). На рисунках 1 и 2 можно видеть пример представления извлеченных фактов в рубрике «Культура».

В общей сложности командой проекта было написано 73 грамматики, 5 из которых являются общими для всех рубрик, что позволило извлечь из новостных текстов большое количество разнообразных фактов, а также выявить факты, которые будут важны при генерации текста новости в каждой из новостных рубрик.

При написании формальных грамматик возникли сложности, связанные с обработкой естественного языка, такие как необходимость разграничения омонимии и полисемии (Владимир – ‘город’ или ‘чело-

век’), а также снятие влияния вариантов графических знаков (точка в названии фильма «Гоголь. Начало» рассматривается Томитой-парсером как конец предложения). Вследствие упомянутых выше сложностей возникает необходимость усложнения грамматик (Владимир ‘город’ после слова «город», Владимир ‘человек’ после или перед упоминанием должности, перед фамилией и т.п.) и создание дополнительных словарей исключений.

На данный момент эти и другие проблемы решаются при помощи переработки нашего подхода к созданию грамматик и разработки единой универсальной грамматики, которую можно будет применять к любой из рубрик, сохраняя при этом не только общие, но и специфичные факты.

Работа выполнена в рамках проекта «WORLD2NEWS», поддержанного грантом ТГУ № 8.1.51.2018 [1].

Литература

1. Дёмин В.В. Программа повышения конкурентоспособности Томского государственного университета [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.myshared.ru/slide/972579>.
2. Хомский Н. Синтаксические структуры // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1962. – Вып. 2. – С. 412–527.

ГЕНЕРАЦИЯ ЗАГОЛОВКОВ С ПОМОЩЬЮ МНОГОУРОВНЕВОЙ SEQ2SEQ МОДЕЛИ

Здоровец А.И.

Томский государственный университет, студент

HEADLINE GENERATION WITH MULTILAYERED SEQ2SEQ MODEL

Zdorovets A.I.

Tomsk State University, student

В данной работе мы создали алгоритм для автоматического создания заголовков для русскоязычных новостных материалов. В его основе лежит Seq2Seq модель, преобразующая одну последовательность в другую, с использованием архитектуры Encoder-Decoder. Для повышения эффективности работы нейросети мы сделали обе части многоуровневыми, добавив второй LSTM-слой.

Ключевые слова: компьютерная лингвистика, обработка естественного языка, генерация текста, генерация заголовков, реферирование текста, искусственные нейронные сети, seq2seq.

In this article we created a multilayered Seq2Seq model for headline generation from articles in Russian. It is based on Seq2Seq model which translates one sequence into another; it uses the Encoder-Decoder architecture. To increase the model efficiency we stacked a second LSTM layer to both parts, making them multilayered.

Key words: computational linguistics, natural language processing, artificial neural networks, text generation, headline generation, text summarization, seq2seq.

Научный руководитель:
Резанова Зоя Ивановна,
докт. филол. наук, профессор.

Консультант:
Дацюк Валерий Валентинович,
мл. науч. сотр.

Введение

С каждым годом в мире экспоненциально увеличивается объем доступной информации. Для более эффективной работы с ней человеку необходима помощь компьютера. Но машины умеют работать только с числами. Для расширения их компетенции достаточно успешно применяются нейросети.

Текст можно рассматривать по-разному. Одно из самых простых представлений – «мешок слов», когда текст представляется как набор его слов. Для простых манипуляций с данными, таких как классификация, этого, скорее всего, хватит. Однако даже не лингвистам очевидно, что текст – это больше, чем просто сумма его компонентов. Например, часто важен порядок слов. Если мы хотим генерировать связный текст, то правильный порядок слов тем более необходим. Такое представление текста называется последовательностью.

Последовательность – это набор элементов, упорядоченных по времени. Для работы с такого рода данными успешно применяются рекуррентные и сверточные нейронные сети (НС). Например, при помощи таких сетей выполняется машинный перевод [1], выделение сущностей [2], реферирование [3] и другие задачи NLP.

Рекуррентные НС

В данной работе мы применяем рекуррентные нейронные сети (НС). Они обрабатывают токен за токеном, сохраняя часть информации об уже обработанной последовательности [4], что, на наш взгляд, достаточно достоверно моделирует процесс обработки естественного языка. Состояние НС, которое обновляется на каждом шаге, напоминает память.

В силу особенностей процесса обучения НС НС крайне подвержены проблеме взрыва/затухания градиента, поэтому классические НС не могут «по-

мнить» очень длинные последовательности [5]. Для борьбы с этим мы используем улучшенную версию РНС-ячеек – LSTM [6].

РНС начинает с (обычно) нулевым состоянием и принимает один токен (например, слово). Сеть обрабатывает его и выдает предсказание для следующего и свое текущее состояние. Затем выход нейросети подается ей же на вход. В случае с LSTM-ячейками состояние кодируется двумя векторами, h и c [7].

Генерация новостных заголовков

Для обучения НС мы использовали архив новостей издания Lenta.ru: 739 346 пар новостных текстов и заголовков, ~1,8 ГБ. Мы разбили набор данных на тренировочную и тестовую выборку в соотношении 80/20%, после чего разбили тренировочную на собственно тренировочную и валидационную в таком же соотношении.

Для подачи текстов в НС их нужно преобразовать: мы убрали знаки пунктуации, переводили все тексты в нижний регистр, длинные тексты урезали до максимальной длины, короткие – удлиняли до максимальной длины с помощью специального символа пэдинга. Для векторизации текстов мы создали словарь из N самых частотных слов, заменяли слова в тексте на их индекс в словаре, после чего подавали на Embedding слой библиотеки Keras, который учил вектора слов в процессе обучения нейронной сети; неизвестные слова заменялись на специальный символ неизвестного слова.

В нашей Seq2Seq модели было по 2 слоя в кодировщике и в декодировщике. Соответственно, у нас было в 2 раза больше состояний последнего слоя; состояние последних слоев кодировщика мы подавали на соответствующий слой декодировщика (состояние первого было начальным состоянием первого и т.д.).

Длина новостей варьировалась от нескольких слов (например, исправления к вышедшим новостям) до чуть более 8000 слов (например, аналитические материалы); длина заголовков варьировалась от 2 до 17 слов. Мы решили найти среднее значение и добавить к нему 3 стандартных отклонения; несмотря на то, что распределения не гауссовские и правило 68-95-99 не работает, это покрывает почти весь набор данных. Таким образом, максимальную длину новостных текстов мы установили в 370 символов, заголовков — 13 символов.

Уникальных слов в новостных текстах было чуть менее 1 350 000, в заголовках — чуть более 220 000. Мы установили мощность словаря новостей в 100 000 слов (каждое встречалось в коллекции чаще 50 раз), словаря заголовков — в 60 000 (каждое встречалось в коллекции чаще 5 раз); пересечение словарей составило ~85%.

Тренировка и результаты

У нейросети был 24 238 651 параметр. При обучении использовался оптимизатор RMSProp с клиппингом градиента равным 1, функцией потерь была перекрестная энтропия, метрикой — точность. Размерность векторных представлений слов была 100, количество скрытых узлов нейросети — 128, темп обучения — 0,0033, размер пакетов — 200. Нейросеть тренировалась 6 эпох, примерно 193 минуты на эпоху, всего 19,5 часов.

К концу финальной эпохи потеря на тренировочной выборке составила 3,70, на валидационной — 4,07. Точность на тренировочной составила 0,45, на валидационной — 0,43.

Обсуждение

В данной работе мы представили пример простой многоуровневой Seq2Seq модели для генерации новостных заголовков на русском языке.

Даже без улучшений вроде механизма внимания, лучевого поиска, механизма копирования и др. точность модели достаточно адекватная, учитывая ее раз-

меры и малое количество эпох и данных. При проверке сгенерированных заголовков видно, что обусловленность генерации декодировщика присутствует, однако ему тяжело создавать осмысленные и разнообразные последовательности в силу вышеозначенных причин.

Большой проблемой является размер словаря: русский язык крайне флективен, у слов существует множество словоформ, и мы не можем привести их к леммам, т.к. на этапе генерации нам нужны именно словоформы. Возможно, выходом будет использовать другие токены, вроде отдельных символов или морфем.

Проект выполнен на средства гранта ТГУ в рамках Программы государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров.

Литература

1. Cho K., Merriënboer B., Bahdanau D. et al. On the properties of neural machine translation: Encoder-decoder approaches [Электронный ресурс] // arXiv e-prints. — 2014. — URL: arXiv:1409.1259.
2. Chiu J., Nichols E. Named entity recognition with bidirectional LSTM-CNNs [Электронный ресурс] // arXiv e-prints. — 2016. — URL: arXiv:1511.08308.
3. Li P., Lam W., Bing L., Wang Z. Deep recurrent generative decoder for abstractive text summarization [Электронный ресурс] // arXiv e-prints. — 2017. — URL: arXiv:1708.00625.
4. Шолле Ф. Глубокое обучение на Python. — СПб.: Питер, 2019. — С. 229.
5. Sherstinsky A. Fundamentals of Recurrent Neural Network (RNN) and Long Short-Term Memory (LSTM) Network [Электронный ресурс] // arXiv e-prints. — 2018. — URL: arXiv:1808.03314.
6. Hochreiter S., Schmidhuber J. Long short-term memory // Neural Computation. — 1997. — Vol. 9(8). — 1997. — P. 1735–1780.
7. Ordóñez F.J., Roggen D. Deep convolutional and LSTM recurrent neural networks for multimodal wearable activity recognition [Электронный ресурс] // Sensors. — 2016. — Vol. 16(1), article 115. — URL: <https://doi.org/10.3390/s16010115>.

ТЕХНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗМЕТКИ БИМОДАЛЬНОГО КОРПУСА

Погодаева Е.Н.

Томский государственный университет, магистрант

TECHNICAL ASPECTS OF BIMODAL CORPUS TAGGING

Pogodaeva E.N.

Tomsk State University, master student

В статье освещаются принципы морфологической разметки подкорпуса устной речи тюркско-русских билингов (шорско-русский билингвизм). Приведены предварительные результаты применения инструментов морфологического анализа текстов записи устной речи на основе Mystem, а также многоуровневого аннотирования бимодального корпуса в ELAN.

Ключевые слова: корпус устной речи, русско-тюркские билингвизм, бимодальный корпус, аннотирование.

The article covers morphological tagging principles of Russian-Turkic bilingual oral speech sub-corpus (Shor-Russian bilingualism). It presents preliminary results of applying of Mystem based morphological analysis tools to oral speech transcript texts, as well as multilevel annotation of bimodal Corpus in ELAN.

Key words: oral speech corpus, Russian-Turkic bilingualism, bimodal corpus, annotation.

*Научный руководитель:
Резанова Зоя Ивановна,
докт. филол. наук, профессор.*

*Консультант:
Степаненко Андрей Александрович,
науч. сотр.*

Цель статьи – характеристика аннотирования текстов корпуса, создаваемого в рамках проекта по выявлению закономерностей исторического развития и современного состояния языков и культур Южной Сибири в аспекте их взаимодействия на основании современных языковых, антропологических и психолингвистических данных с применением корпусных и психолингвистических методов исследования.

Данные русско-шорского подкорпуса были собраны в экспедициях в города Шерегеш и Таштагол и поселок Большая Суэта Кемеровской области в 2017–2018 гг.

В настоящий момент ведется работа над разметкой образцов письменной и устной речи билингов с целью проведения максимально детального анализа механизмов смены кодов, что позволит выявить специфику процесса в ситуации перехода в процессе говорения на типологически иной язык. Расшифровка речи респондентов производится по правилам русской орфографии с фиксацией отклонений от произносительных норм, однако подробная фонетическая разметка с применением знаков фонетической транскрипции не осуществляется, так как в рамках поставленной задачи достаточно аннотирования только значительных отклонений от речевого стандарта русской устной речи.

По мнению А.А. Кибрика, мультимодальный подход дает адекватное представление о естественной языковой коммуникации, так как при таком подходе учитываются все коммуникативные каналы и их внутренняя организация [1].

Для определения типов ошибок в речи билингов осуществляется автоматическая морфологическая разметка с помощью Mystem [2] – консольной программы, разработанной компанией «Яндекс». Mystem строит морфологический разбор с присваиванием соответствующих тегов для слов, входящих во внутренний «вшитый» словарь, основанный на «Грамматичес-

ком словаре русского языка А.А. Зализняка» [3], отражающем нормы русской письменной литературной речи.

Как уже было сказано, Mystem является консольной программой, поэтому запускается в терминале и управляется текстовыми командами. В случае отсутствия нужных слов в словаре Mystem требуется подключение пользовательского словаря, составленного в соответствии с заданным форматом отображения грамматических характеристик слова. Несмотря на то, что Mystem предполагает снятие омонимии, некоторые случаи частеречной и падежной омонимии подлежат ручной обработке после подключения пользовательского словаря.

Так как корпус является бимодальным, его материалы состоят как из транскриптов интервью, так и из аудиозаписей. Для синхронизированного представления в корпусе материалов разного типа используется программа ELAN [4], предназначенная для многоуровневого лингвистического аннотирования аудио- и видеоматериалов. Каждое предложение представлено несколькими слоями: фонетическая транскрипция, морфологическая разметка, разметка ошибок, нормативный вариант, тип дискурса, типы речи, жанр речи, тема текста.

Фонетическая транскрипция представлена двумя слоями: речь респондента и речь интервьюера. Данное разделение обусловлено тем, что речь интервьюера не представляет интереса для исследования межъязыковой интерференции, однако наличие ее в материалах корпуса необходимо для более полного понимания речевого поведения респондента. Морфологическая разметка представляет собой пословное частеречное тегирование с указанием грамматических характеристик, осуществленное с помощью Mystem.

Разметка отклонений от речевого стандарта осуществляется только для речи респондента. Система маркирования разрабатывалась авторами корпуса с

опорой на уже существующие корпуса, отражающие межъязыковое взаимодействие и отклонения от речевого стандарта, такие как «Корпус контактно-обусловленной русской речи билингвов-носителей малых языков Севера Сибири и Дальнего Востока» [5] и «Русский учебный корпус» [6]. Несмотря на то, что система маркирования в последнем также направлена на выявление речевых ошибок, она не могла быть полностью использована при разметке бимодального корпуса, так как ошибки устной речи исключают наличие тэгов орфографических и пунктуационных ошибок и, наоборот, включают тэги фонетических отклонений.

Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, грант № 14.Y26.31.0014.

Литература

1. Кибрик А.А. Мультимодальная лингвистика // Когнитивные исследования. – М., 2010. – Вып. 4. – С. 134–152.
2. MyStem [Электронный ресурс]. – URL: <https://yandex.ru/dev/mystem>.
3. Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. – М. : АСТ-Пресс, 2019.
4. ELAN [Электронный ресурс] // The Language Archive. – URL: <https://tla.mpi.nl/tools/tla-tools/elan>.
5. Корпус контактно-обусловленной русской речи носителей языков Севера Сибири и Дальнего Востока [Электронный ресурс]. – URL: http://web-corpora.net/tsakorpus_russian_nonst.
6. Корпус русских учебных текстов [Электронный ресурс]. – URL: http://web-corpora.net/CoRST/search/index.php?interface_language=ru.

АВТОМАТИЧЕСКАЯ ГЕНЕРАЦИЯ НОВОСТНЫХ ЗАГОЛОВКОВ С ПРИМЕНЕНИЕМ НЕЙРОННОЙ СЕТИ ENCODER-DECODER

Шевчук А.А.

Томский государственный университет, студент

ENCODER-DECODER NEURAL NETWORK FOR AUTOMATIC NEWS HEADLINE GENERATION

Shevchuk A.A.

Tomsk State University, student

В последнее время искусственные нейронные сети все чаще используются для задачи автоматического реферирования текста. Одним из частных случаев реферирования текста является генерация новостных заголовков. Среди многих моделей нейронных сетей, применяемых для генерации текста, самой распространенной является модель encoder-decoder. Несмотря на то, что данная модель активно применяется для различных языков, применимость encoder-decoder для анализа материала на русском языке на сегодняшний день остается малоисследованной. В данной работе представлена реализация данной архитектуры, а также анализ полученных результатов. Кроме того, в исследовании приведен ряд факторов, которые влияют на качество генерации новостных заголовков.

Ключевые слова: обработка естественного языка, нейронная сеть, Seq2Seq, генерация текста, суммаризация текста, генерация заголовков.

Today, artificial neural networks are widely used for text summarization. The task of automatic headline generation for news articles is very close to text summarization. One of the neural architectures which are usually used for text generation is encoder-decoder model. Neural text summarization of Russian texts is a task which requires further investigation. In this paper we perform headline generation with encoder-decoder applied for Russian language as well as evaluate and provide analysis of achieved results. We also discuss factors which have an impact on headline generation.

Key words: natural language processing, neural network, Seq2Seq, text generation, text summarization, headline generation.

*Научный руководитель:
Резанова Зоя Ивановна,
докт. филол. наук, профессор.*

*Консультант:
Дацюк Валерий Валентинович,
мл. науч. сотр.*

На сегодняшний день можно наблюдать постоянное увеличение объемов текстовой информации. В связи с этим задача автоматической суммаризации становится все более актуальной. Задачи генерации, реферирования и суммаризации текста активно обсуждаются на научных конференциях по компьютерной лингвистике, а также выносятся в качестве задач на соревнованиях по обработке естественного языка. Кроме того, подобные задачи привлекают интерес многих коммерческих организаций.

Важно отметить, что автоматическое создание новостного заголовка очень схоже с суммаризацией текста, так как одной из функций заголовка является передача смысла всего объема текста новости.

В последнее время для задач автоматической обработки естественного языка все чаще применяют искусственные нейронные сети. В связи с тем, что текст является последовательностью языковых единиц, для решения поставленной задачи необходима архитектура нейросети, учитывающая данную особенность текстовой информации. Среди многих моделей нейронных сетей, применяемых для анализа последовательностей, наиболее распространенными являются рекуррентные нейронные сети и их разновидность — LSTM (long short term memory/долгая краткосрочная память). Данная архитектура способна анализировать

текст на входе в виде цикла, обрабатывая каждое последующее слово с учетом предыдущих, тем самым учитывая их контекст.

Несмотря на активное применение рекуррентных нейронных сетей для генерации речи и текста, для автоматического создания заголовка необходимо не только обрабатывать текст как последовательность, но сначала проанализировать весь его объем, а затем сгенерировать сам заголовок, имеющий произвольную длину. Для схожих задач чаще применяется модель encoder-decoder (или sequence-to-sequence). Данная архитектура впервые была применена для машинного перевода [1] и представляет собой две LSTM сети. Первая сеть представляет текст на входе в виде вектора смысла, вторая является языковой моделью, создающей текст на выходе. В связи с тем, что encoder-decoder позволяет генерировать одну последовательность текста на основе другой, мы остановились именно на данной архитектуре.

В настоящей работе представлена реализация данной архитектуры, а также анализ результатов, полученных в ходе проведенного эксперимента. Данное исследование выполняется в рамках проекта «WORLD2NEWS», поддержанного грантом ТГУ [2]. Отметим, что encoder-decoder — не единственная архитектура, позволяющая осуществить автоматическую

Таблица 1. Примеры сгенерированных заголовков

Оригинальный заголовок	Сгенерированный заголовок
Российская теннисистка вышла в полуфинал турнира в Сеуле	российская теннисистка вышла в полуфинал турнира
Новую часть WWE выпустят в октябре	названа дата выхода новой части про
В США арестовали одного из самых плодовитых спаммеров	в сша арестован самый большой в мире
Курс юаня вырос на 7588 пунктов	курс рубля вырос впервые с начала года
ЕС не стал открывать границу для украинцев	евросоюз отказался ввести визовый режим для украины

суммаризацию текста [3], но является базовым решением для подобных задач. Кроме того, применимость подобной архитектуры на материале русского языка является малоисследованным вопросом и требует дальнейшего изучения.

В качестве параметров для нашей модели была использована размерность 256 как для encoder, так и для decoder LSTM. Каждое слово, подаваемое на вход сети, было преобразовано в вектор с размерностью 256. Для обучения модели была использована категориальная перекрестная энтропия и скорость обучения 0.001. Модель использовала вокабуляр, составляющий 30000 самых частотных слов, все неизвестные слова были заменены на токен «<UNK>» (от англ. «unknown»).

В ходе данной работы использовался новостной русскоязычный корпус Lenta.ru. Обучающая выборка включала 660746 новостей с заголовками. Для тестовой выборки были отложены 20% всех данных, валидационная часть составила 20% от тренировочной выборки. Для оценки полученных результатов была использована метрика BLEU score, применяемая для машинного перевода.

Тренировка модели проходила на графической карте Tesla K80 GPU с 11 ГБ памяти и заняла 12 часов. Модель достигла значения функции потерь, равной 1.8678, на тренировочной выборке и 2.3024 – на валидационной выборке. Метрика оценки BLEU score достигла значения 0.1083239839959936 на тестовой выборке. Несколько примеров сгенерированных заголовков представлены в таблице 1.

Результаты проведенного эксперимента показали, что нейросеть encoder-decoder справляется с генерацией заголовка с правильным порядком слов. Кроме того, полученные заголовки связаны по смыслу с текстом новости и часто напоминают оригинальные заголовки.

Тем не менее, сгенерированные результаты уступают в качестве заголовкам, которые составляются человеком. Данная проблема может быть решена расширением тренировочной выборки, усовершенствованием самой архитектуры нейронной сети, а также экспериментами с применением других моделей.

В дальнейшем планируется продолжить работу над данной задачей. Существующая модель может быть улучшена за счет добавления слоев нейронной сети и механизма внимания [4]. В наших планах – провести ряд экспериментов нескольких моделей, исследовать параметры, которые в наибольшей степени влияют на качество заголовка, а также выявить оптимальную модель для решения поставленной задачи.

Работа выполнена в рамках проекта «WORLD2NEWS», поддержанного грантом ТГУ № 8.1.51.2018 [1].

Литература

1. Sutskever I., Vinyals O., Le Q.V. Sequence to sequence learning with neural networks [Электронный ресурс] // Advances in Neural Information Processing Systems (NIPS 2014). – 2014. – P. 3104–3112. – URL: <https://arxiv.org/abs/1409.3215>.
2. Дёмин В.В. Программа повышения конкурентоспособности Томского государственного университета [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.myshared.ru/slide/972579>.
3. Gavrilo D., Kalaidin P., Malykh V. Self-attentive model for headline generation [Электронный ресурс] // Advances in Information Retrieval : 41st European Conference on IR Research, ECIR 2019, Cologne, Germany, April 14–18, 2019, Proceedings, Part II. – doi: https://doi.org/10.1007/978-3-030-15719-7_11.
4. Vaswani A., Shazeer N., Parmar N. et al. Attention is all you need [Электронный ресурс] // Advances in Neural Information Processing Systems (NIPS 2017). – 2017. – P. 6000–6010. – URL: <https://arxiv.org/abs/1706.03762>.

**НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА
В ЯЗЫКЕ И ТЕКСТЕ**

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ А. АХМАТОВОЙ ПО МАТЕРИАЛАМ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ НАТАЛИИ ИЛЬИНОЙ

Буглова А.В.

Томский государственный университет, магистрант

SPEECH PORTRAIT OF A. AKHMATOVA BASED ON THE MATERIALS OF NATALIA ILINA'S AUTOBIOGRAPHICAL PROSE

Buglova A.V.

Tomsk State University, master student

Данная статья посвящена воссозданию речевого портрета Анны Ахматовой на основе текстов автобиографической прозы Н.И. Ильиной. Целью описания является дальнейшая разработка одного из методов лингвоперсонологии – метода речевого портретирования. Воссоздание речевого портрета языковой личности осуществляется как вторичная реконструкция.

Ключевые слова: лингвоперсонология, языковая личность, творческая языковая личность, речевое портретирование.

This article is devoted to the re-creation of the speech portrait of Anna Akhmatova from the texts of N.I.'s autobiographical prose. The purpose of the description is the further development of one of the methods of linguistic personality – the method of speech portraiture. The reconstruction of the speech portrait of the linguistic personality is carried out as a secondary reconstruction.

Key words: linguopersonology, linguistic personality, creative linguistic personality, speech portraiture.

Научный руководитель:
Гынгазова Людмила Георгиевна,
канд. филол. наук, доцент.

Данная работа посвящена воссозданию речевого портрета А. Ахматовой на основе текстов автобиографической прозы Наталии Ильиной и выполнена в русле лингвоперсонологии, центральным объектом которой выступает языковая личность (ЯЛ).

Построение теории ЯЛ является актуальной задачей современной лингвистики, имеющей антропоцентрический характер. Большой вклад в разработку данной теории внесли такие ученые, как Г.И. Богин, Е.В. Иванцова, В.И. Карасик, Ю.Н. Караулов, К.Ф. Седов и др. [1]. В настоящее время лингвоперсонологию можно считать уже сложившейся дисциплиной, но это не исключает необходимости ее дальнейшей разработки, совершенствования методов анализа, расширения источниковой базы и др.

Целью предпринятого описания является создание речевого портрета с применением метода речевого портретирования. При этом воссоздание речевого портрета языковой личности осуществляется как вторичная реконструкция на базе описания данной ЯЛ в автобиографической прозе Н.И. Ильиной.

Первичная реконструкция осуществляется с опорой на тексты, созданные исследуемой ЯЛ, в то время как вторичная базируется на свидетельствах близких людей, хорошо знавших ЯЛ и общавшихся с ней в течение длительного времени [2].

На первый взгляд, текст воспоминаний Н. Ильиной дает возможность первичной реконструкции, так как в нем достаточно часто воспроизводится речь как прямая цитация. И все же она передается автором, а стало быть, вторична. Кроме того, описание речевого поведения, коммуникативных тактик ЯЛ и др. полностью принадлежит Н. Ильиной. Несмотря на это, на наш взгляд, текст дает возможность воссоздать черты речевого портрета ЯЛ, адекватность которых могла бы быть подтверждена привлечением как первичных, так и вторичных источников.

Стоит сказать, что используемый источник не дает возможности произвести комплексную реконструкцию ЯЛ, отражающую все ее уровни (лексикон, тезаурус, прагматикон, по Ю.Н. Караулову) [3]. Поэтому мы акцентировали внимание на тех проявлениях, которые говорят о внутреннем мире А. Ахматовой, ее системе ценностей, психологическом своеобразии, способности к иронии, афористичности и образности речи и др. Все эти проявления выступают как результат интерпретации вербальных проявлений ЯЛ и ее речевого поведения в конкретной жизненной ситуации, описанного Н. Ильиной.

Перейдем к анализу черт речевого портрета А. Ахматовой. Выбор критериев анализа обусловлен характером самого материала, в котором отражены найденные нами черты.

1. Прежде всего обращает на себя внимание манера поведения Анны Андреевны. Предлагаемый материал дает возможность четко разграничить два образа Ахматовой: неприступный, закрытый и «домашне-добрый», располагающий к общению. Каждый из них определялся степенью близости к окружавшим ее людям («И снова за обихими трапезами я вижу Ахматову величественно-строгой, сурово-неприступной. Теперь я знаю, что это броня ее, в которую она облачается в присутствии посторонних»; «Внезапно глаза моей слушательницы блеснули, лицо сморщилось, осветилось, стало домашне-добрый, – она засмеялась»).
2. Материал также позволяет выделить ценностные доминанты картины мира, главная из которых связана с профессионально-творческой деятельностью – литературой («Она издевалась над автором, лоя его на противоречиях, утверждала, что страдания героя смешны, ибо – ничтожны. Я пыталась возражать, но логика Ахматовой безупречна, ирония несокрушима» (о романе Мозма)). В качестве цен-

ностных доминант картины мира Ахматовой можно выделить такие концепты, как «судьба», «память», «одиночество», «поэзия» и др. При том, что Ахматова в своих суждениях была неумолима, но гневалась она и вступала в споры лишь когда речь касалась предметов, близко принимаемых ею к сердцу.

3. Отличительной чертой является яркая индивидуальность речи, которая проявляется:

- в афористичности. Например, Ахматовой принадлежат фразы «Поэт всегда прав», «Хвастовство ослабляет человека, открываются тысячи ахиллесовых пят», «Куренья – цепь унижений» и др.;
- в образности речи. Например: «Она все делает тихо, как бабочкино крыло», «Здесь хорошо до преступности», «Рубашка ослепительно белая, как ангельское крыло», «Бедуинский образ жизни» (цитирование ею А.А. Реформатского);
- в оригинальности хода мысли: «– Мэм, вам нравится летать на самолете? – Нет. В этом есть что-то преступное. Глядишь на землю, она маленькая-маленькая, нереальная. И легко можно подумать: а почему бы не бросить бомбу? Очень просто!».

4. Важное качество, проявляющееся в речи Анны Андреевны, – ирония и самоирония:

- Ирония («Она проводит время в неустанных заботах о себе самой»);
- Самоирония («С большой прямокой напросилась на комплимент»);
- Шутка, которая проявляется в цитации («Не

льсти – не люблю, как говорил купец у Островского»), в пародировании («Почему я, такая нежная, должна это слушать?» (пародия Бальмонта)), своеобразное оформление фразы («Знакомые раззнакомились»).

5. Последний критерий – психологические особенности – можно охарактеризовать пронизательностью, умением все видеть и подмечать, самообладанием и спокойствием, которое сохраняла Анна Андреевна в любой непредвиденной ситуации, а также феноменальной памятью. Пример: «Много раз поражала меня ее чуткость, ее полное понимание того, как настроен человек, что он чувствует, что думает. Она сама про себя говорила, что на семь аршин под землей видит».

Итак, автобиографическая проза может выступать в качестве источника реконструкции значимых черт ЯЛ и дает возможность воссоздать, хотя и фрагментарно, образ описываемой ЯЛ. В характеристиках ЯЛ Ахматовой выраженными являются манера поведения, обусловленная степенью близости с окружающими; ценностные доминанты картины мира; яркая индивидуальность речи, проявляющаяся в афористичности, образности, оригинальности хода мысли, иронии; психологические особенности ЯЛ.

Литература

1. Иванцова Е.В. Лингвоперсонология: Основы теории языковой личности : учеб. пособие. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. – С. 160.
2. Иванцова Е.В. Проблемы формирования методологических основ лингвоперсонологии // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2008. – № 3. – С. 27–43.
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М. : ЛКИ ; УРСС Эдиториал, 2010. – С. 264.

ПОВЕРХНОСТНАЯ И ГЛУБИННАЯ СЕМАНТИКА ПОСЛОВИЦЫ КАК УРОВНИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КОДОВОГО ЗНАЧЕНИЯ СОМАТИЗМОВ

Ван Хуа

Томский государственный университет, аспирант

SURFACE AND DEEP SEMANTICS OF A PROVERB AS LEVELS OF REPRESENTATION OF THE CODE VALUE OF SOMATISMS

Wang Hua

Tomsk State University, post-graduate student

Поверхностная семантика лексемы в пословице проявляется в контексте и реализуется за счет формально-содержательной сочетаемости с другими лексемами. Глубинная семантика выявляется на основе представления о множестве фольклорных контекстов в совокупности и основана на общих принципах трансляции ценностно-ориентированных фольклорных смыслов, заданных на уровне культурного кода. В жанровом коде поговорки поверхностная и глубинная семантика пословиц связаны, заданные спецификой фольклорного дискурса и жанровой логикой пословицы.

Ключевые слова: поверхностная и глубинная семантика, соматизм, кодовое значение, пословица, фольклор.

The surface semantics of lexemes in the proverb is manifested in the context and subsequently occurs at the expense of formal and substantive compatibility with other lexemes. Depth semantics is revealed on the basis of the idea of multiple folklore contexts in the aggregate and is based on the general principles of translation of value-oriented folklore meanings defined at the level of a cultural code. In the genre code, the superficial and deep semantics of proverbs are related given by the specifics of folklore discourse and genre logic proverbs.

Key words: surface and deep semantics, somatism, code value, proverb, folklore.

Научный руководитель:
Тубалова Инна Витальевна,
докт. филол. наук, доцент.

Настоящее исследование посвящено уровням представления кодового значения соматизмов глубинной и поверхностной семантики единицы-слова соматизма в пословице. Цель исследования – представить специфику организации глубинной / поверхностной семантики соматизмов в пословице.

В соответствии с целью фольклорного дискурса – в эстетически значимой форме транслировать ценности национальной культуры – соматизмы, как и другие его единицы в фольклоре (наряду с пространственным, временным, предметным, биоморфным и духовным), участвуют в реализации этой цели. Исследователи фольклора (Е.Б. Артеменко, С.Е. Никитина, А.Т. Хроленко, Т.В. Цивьян и др.) неоднократно отмечали, что любой фрагмент картины мира в фольклоре ценностно окрашен: «для фольклора <...> характерно описание мира как идеальной нормы, стабильного образца» [1, с. 139].

Выполнение фольклорными единицами этой функции основывается на взаимодействии их поверхностной и глубинной семантики.

Поверхностная семантика лексемы – это семантика, проявляющаяся в конкретном контексте и реализующаяся за счет формально-содержательной сочетаемости с другими лексемами. Например, в пословице «Из сердца не выкинешь, а в сердце не вложишь» соматизм *сердце* реализует поверхностную семантику «полость, сосуд», которая проявляется за счет сочетаемости с предлогами *из* и *в*, имеющую семантику внесения/извлечения, а также с глаголами *выкинуть*, *вложить* с подобным значением.

Глубинная семантика лексемы – это семантика, которая проявляется при восприятии множества фольклорных контекстов в совокупности и основана на общих принципах трансляции ценностно-ориен-

тированных фольклорных смыслов, заданных на уровне культурного кода. Например, глубинная семантика соматизма *сердце* в вышеприведенной пословице – «сосуд для хранения эмоций и чувств».

Глубинная (символическая, кодовая) семантика лексических единиц в фольклорном дискурсе уже достаточно давно обсуждается в лингвофольклористике в специфическом аспекте: наличие у фольклорного слова, фольклорной формулы стабильных символических значений отмечено в целом ряде исследований (Артеменко, 1988, 2006; Еремина, 1978; Мальцев, 1979; Никитина, 1993; Неклюдов, 2005; Толстая, 1994; Хроленко, 1976, 1979; Цивьян, 1973; и др.).

Глубинная семантика фольклорных единиц прочитывается на основании погруженности пользователя фольклора в национальную культуру и последовательно реализуется во всех фольклорных текстах.

В соответствии с этим единицы с конкретной семантикой (номинации материальных объектов) на уровне их глубинной семантики также приобретают в фольклорном дискурсе особые символические значения, «подвергаются процессу символизации в фольклорном тексте и таким образом через функционирование единиц с “вещной” семантикой осуществляется фольклорное миромоделирование» [2, с. 5]. Одной из разновидностей таких единиц являются исследуемые соматизмы.

Реализации глубинных (кодовых) смыслов соматизмов как единиц с конкретной семантикой способствуют соматические функции и конфигурации частей тела человека и социальные функции результатов их действий, определяющие организацию их поверхностной семантики.

Рассмотрим организацию поверхностной семантики соматизмов как единиц с конкретной семантикой,

обозначающих материальные объекты, которая основана на специфике соматических функций частей тела человека и социальных функций результатов их действий.

В фольклорных текстах пословиц на уровне поверхностной семантики соматизмы могут приобретать следующие типовые значения.

1. **Субъектное** значение, которое представляет часть тела человека как определенное лицо, способное совершать самостоятельные действия, находится в свойственных лицу состояниях и испытывает эмоции и чувства. При его реализации часть тела человека как материальный объект на текстовом уровне максимально «отделяется» от своего обладателя и начинает существовать самостоятельно. В свою очередь, интерпретируемый в рамках данного значения субъект может быть представлен следующим образом.

1.1. Как совершающий **активные действия** (*Мал язык, да человеком ворочает*).

Реализация соматизмами семантики такого типа основана (1) на видимой извне активности соответствующих частей тела человека; (2) на уровне социальной значимости этой активности; (3) на уровне выраженности социальных результатов этой активности.

Наиболее последовательно семантику такого типа реализуют соматизмы *руки* (как номинация внешне наиболее активного органа, продуцирующего значимые социальные результаты, которые всегда непосредственно заметны), *голова* (как номинация органа, продуцирующего максимальную социально значимую активность, результаты которой внешне выражены) и *язык* (как номинация органа, физическая активность которого хотя и внешне не видна, но производит значимый результат, хорошо заметный внешне). Значительно реже данное значение реализует соматизм *ноги* (как номинация органа, внешне активного, но активность которого менее социально наблюдаема). В единичных случаях такое значение приобретает соматизм *нос* (как номинация внешне выступающего, хотя и не активного физически органа).

Соматизмы *глаза, сердце, рот, волосы, борода, шея, лицо, живот, уши, плечи* в силу физиологических свойств соответствующих органов чувств и уровня наблюдаемости их социальной активности данное значение не реализуют.

1.2. Как совершающий **пассивные действия** или находящийся в определенном **состоянии** (*Глаза боятся, рот радуется; Велик рот, а ничего не видит*).

Максимально частотно такое значение реализуют соматизмы *глаза* (как номинация физиологически малоподвижного, но внешне изменчивого органа, в своих изменениях отражающего состояния человека) и *сердце* (как номинация органа, не видимого внешне, но социально последовательно связываемого с эмоциональными реакциями человека). Менее частотно это значение реализуют соматизмы *ноги* (как номинация физиологически ак-

тивного органа, социальные результаты движения которого воспринимаются как само собой разумеющиеся), *рот, живот*. Значительно реже данное значение реализуют соматизмы *голова, руки, язык* (их субъектное значение значительно чаще активно) и никогда – *нос, борода, плечи*.

2. **Объектное** значение, которое представляет часть тела человека как объект, которым оперирует его обладатель или взаимодействующее с ним лицо.

Объектное значение когнитивно интерпретируется как результат процесса «отделения» части тела от человека, в результате которого человек приобретает возможность «оперировать» им. Объектное значение реализуется во множестве частных вариантов, реализация которых позволяет человеку перемещать части тела (*В Москву идти – только голову нести; Вина голову клонит*), изменять их внешний вид (*Горе не молодит, а голову белит*), не перемещая, осуществляя с ними физический контакт (*Поддай палец, а за руку-то сам ухватчу*) и т.д.

Приобретение объектного значения – одно из значимых оснований соматического кодирования, поэтому абсолютное большинство исследованных соматизмов (*голова, ноги, глаза, руки, зубы, сердце, язык, нос, волосы, борода*) это значение реализуют. При этом данное значение ни разу не зафиксировано для соматизмов *рот, живот, уши* (вероятно, в силу минимальной активности соответствующих органов).

3. Особо выделяется **инструментальное** значение, при реализации которого часть тела человека предстает как инструмент, с помощью которого его обладатель способен совершать действие, направленное на другой объект (*Если косить языком, спина не устанет*).

В большинстве случаев использование соматизмов в этом значении определяется эксплуатацией закрепленных за номинируемыми частями тела базовых соматических функций (головой – думают, руками – работают (действуют), глазами – смотрят, ногами – ходят, зубами – жуют, сердцем – чувствуют, языком – говорят и т.д.), которые ценностно интерпретируются либо как неуместно используемые («косить языком»), либо как замещаемые другими функциями («завлечь глазами»).

4. Также соматизмы на уровне поверхностной семантики могут получать значение **полости, сосуда**, в который можно что-то вложить или что-то вынуть из него, открыть его или закрыть (*Большому уму и в маленькой голове не тесно*).

Данное значение имеет выраженное физиологическое обоснование. Оно реализуется у соматизмов, обозначающих органы, воспринимаемые либо как «сосуд» (*голова, живот, сердце*), либо как «отверстие» (*рот, глаза, уши*).

5. В качестве отдельного значения, реализуемого на уровне поверхностной семантики, можно также выделить **идентифицирующее** значение, при реализации которого соматизмы соотносятся с другими объектами окружающего мира, определяется их пространственное положение или приводится их внешняя характеристика (*Волос долог, а язык длинней; Руки – крюки: не тем концом воткнуты*).

6. Также отдельно выделяется значение **наличество-**

вания, характеризующее часть тела как имеющуюся / не имеющуюся на своем месте (*Без мужа — что без головы; без жены — что без ума*).

7. Наконец, среди значений соматизмов, реализуемых на уровне поверхностной семантики, используется значение соматизма, при реализации которого эксплицируются **непосредственные соматические реакции** частей тела человека. В большинстве это реакции, при которых они испытывают боль — «болят» (*С чужого похмелья голова не болит*).

В пословице ценностные смыслы на уровне глубинной семантики соматизмов формируются посредством использования их поверхностной семантики следующим образом:

- 1) Ценностная значимость придается действиям и качествам человека через активизацию значимых активных действий и состояний соматизмов как *субъектов*; указание на результативность их использования в качестве *инструментов*; на важность особого обращения с ними как с *объектами*; на ценность их содержимого как *сосудов*; на наличие у него положительных качеств, выявляемых в результате их *идентификации*; а также *наличие* их на соответствующем норме месте.
- 2) Действия и качества человека квалифицируются

как антиценность через описание различных форм ограничения активности соматизма как *субъекта*, а также, наоборот, указание на его повышенную или неуместную активность; на нерезультативность или неуместность его использования как *инструмента*, а также на его поврежденность; на его вынужденное перемещение или нанесение ему ущерба как *объекту*; на его незаполненность как *сосуда* или на его заполненность неуместным содержимым; на наличие у них негативных качеств, выявляемых в результате его *идентификации*; а также на его *утрату* или его *отсутствие* на соответствующем норме месте.

В результате взаимодействия поверхностной и глубинной семантики в пословице фиксируются ценностно значимые для данной культуры качества и функции человека, и единицы с конкретной семантикой принимают участие в их фиксации.

Литература

1. Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. — М. : Наука, 1993. — С. 139.
2. Бохонная М.Е. Эстетическая интерпретация «вещного» мира в языке среднеобского фольклора (на материале лирической песни и частушки) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Томск, 2006. — 27 с.

ЛЕНЬ КАК МАТЬ ВСЕХ ГРЕХОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВАРЕЙ)

Галасюк М.А.

Томский государственный университет, студент

LAZINESS AS A MORTAL SIN (FROM DIALECTAL DICTIONARIES)

Galasyuk M.A.

Tomsk State University, student

В статье рассматриваются наименования ленивого человека в русском диалектном языке XIX в., выражающие наиболее маркированный лексическими знаками социальный порок. Обращение к семантике мотивирующих единиц позволило выявить комплекс представлений о лени с точки зрения народной культуры.

Ключевые слова: народная культура, смертные грехи, концепт «лень».

The article discusses denominations of a lazy man in Russian dialect language of 19th century. These denominations express social evils which are most often marked with lexical signs. Referring to the semantics of motivating units, we identified the complex of laziness representation from the point of view of folk culture.

Key words: folk culture, deadly sins, dialect vocabulary, concept "laziness".

Научный руководитель:
Старикова Галина Николаевна,
канд. филол. наук, доцент.

Антропоцентризм относится к числу сущностных доминантных черт языка, что предполагает высокую степень его оценочности. Это доказывает достаточно большая лексическая группа, характеризующая человека в разных аспектах его социального поведения, извлеченная из первого областного словаря русского языка, изданного в середине XIX в. вторым отделением Императорской академии наук [1]. Как отмечалось Т.И. Вендиной, в русских диалектах и в литературном языке наблюдается обилие имен с отрицательной оценкой, что позволило А. Вежибицкой говорить о гиперболизации моральных оценок в русском языке и охарактеризовать этот факт как «отголосок моральной и эмоциональной ориентации русской души» [2]. Одним из основных критериев подобной оценки является трудовое поведение человека. Лень, как самый маркированный порок с наиболее развитыми синонимическими рядами в диалектном языке, в восприятии его носителей принимается за основной порок, что свидетельствует об актуальности предпринятого исследования: *лень — мать всех пороков, лень прежде нас родилась*.

О значимости этого порока говорят и результаты предпринятого анализа: из общего количества (18011) лексических единиц указанного словаря было отобрано около 1000 слов разных частей речи, включающих в толкование оценочный элемент и называющих человека по его отрицательному социальному поведению. Единицы были разделены на 8 семантических групп, соотносимых с религиозным понятием таких грехов, как лень, пьянство, скупость/жадность, обжорство, гордость, блуд, зависть, злость, среди которых блок с семантикой *лени* был представлен наиболее полно. Данную тематическую группу составили около 300 лексических единиц, характеризующих безделье. Семантическим ядром и основным объектом анализа стали существительные как наиболее многочисленная подгруппа (около 240), привлечение дополнительного материала позволило определить круг мотивировочных признаков.

В словаре В.И. Даля, наиболее близкого по времени создания к нашему источнику, *лень*, а также *ленца*,

ленища, леность, ленивость, ленивство, ленность, леноватость толкуются как *неохота работать, отвращение от труда, от дела, занятий; склонность к праздности, тунеядству, свойство ленивого*. Соответственно, *ленивец/ленивица, лентяй/лентяйка* определяются как *ленивый человек, праздный, тунеяд, бегающий от дела и труда; вялый, плохой работник* [3], что выражается словообразовательной цепочкой *лень > лениться > лентяй*.

1. Человек, отмеченный данным пороком, прежде всего маркируется через глаголы *лениться, лениваться, лентяить, ленгузить, лентяйничать*, т.е. *'быть ленивым; бездельничать, шляться, шататься, слоняться без дела'*: *ленивец, леньшник, ленгуз/ленгузик, леньгас, лентягуз, леньчуг* и т.д. В русских говорах *'лениться'* выражается и другими глаголами: *валтрунить, пендьорить — лениться (Нижегор.); лодырить, лыкасить — лентяить, бить баклуши, блякаться; ходить лодырем (Псков., Твер.)* и др., которые также участвуют в деривации: *валтруп/валтрун, пендерь/пендьора, лодарь/лодирь/лодырь, лыкас*.
2. Вполне понятна маркировка лентяя через *нежелание работать (неработь — ленивый, нерадивый человек (Арханг.)*. Сближены с этим мотивировочным признаком единицы с корнем *-лег*, обозначающие приверженность лодырей к облегчению работы: *легостай/легостайка (ленивец, уклоняющийся от трудных занятий; не любящая трудиться)* и *легостайничать (быть легостаем)*. Сюда же примыкает лексика с представлением лени и лентяя через *выдуманную работу (псевдодеятельность)*: *слоняться > слонь продавать (шататься, слоняться)*, отсюда *слоняться > слон / слоняй / слонина*. Здесь можно вспомнить *в потолок плевать, ворон считать, клопов давить* и др. Нежелание работать сопряжено со стремлением *жить за счет других: прихлебай — живущий в чьем-либо доме бесполезно (Псков., Твер.); схлебай / схлебатель — дармоед, пришедший в чужой дом поесть, ухлебай / ухлебатель — дармоед в семье, чуждый ей (Псков., Твер.); аглаед — человек празднишатающийся, дармоед (Кур.)* и др.

3. *Лень* проявляется через неподвижность (*неподвиль* – *лежебок* (Псков., Твер.). Этот образ выражается производными с корнем: а) *леж-* (*лежливый* / *слежень*), *леж-* и *бок-* (*лежабокий* / *лежабок* > *лежабочничать*); б) *вал-* (*валюга* / *валявка* / *валяшка* / *валяса* / *валец* / *валуй* / *валовый* / *валящий* / *валющий* / *завалюшка* / *завалень* / *завалышка* / *уваль*); в) *сид-* (*сидень* / *сижень* / *сидяка*).
4. Выражением этого порока может быть любовь ко сну: *зевун* / *зевунья* / *зеворотье* / *раззева* / *раззевай* > *раззевуниться*. К ним примыкают единицы, актуализирующие место лежания, сна типа *прилавень* (*лентяй*, *лежень*), *печушник* (*валяющийся по печкам*, *лентяй*), *копёшник* (*лентяй*, *который старается больше пролежать, проспять за копной, нежели работать*). Примечательно, что в говорах *ленивица* / *ленивка* – *широкая доска с полатей на печь*; *ленушка* – *печная лежанка*, *прилавок у печи для отдыха* – результат метонимического переноса значения [3].
5. Также *лень* маркируется через праздношатание: *гулять* / *шататься без дела* / *волочиться* / *бродить* / *скитаться*, *ботаться* / *ботать* / *боутать* > *болтушка*, *бродень* / *бродила* / *бродня*; *гультай*; *волокушка* / *волочуга* /; *скитун* / *скитушка*.
- Этот порок сопряжен и с другими видами отрицательного поведения: неряшеством (*ватруха* – *нечистоплотная*, *ленивая стряпуха* (Псков.); распутством,

скупостью (*алтынник* – 1) *потаскун*, *волокита*, *лентяй* (Тамб.); 2) *крохобор* (Новгор.); 3) *скупец*, *скряга* (Владим. Нижегород. Псков. Твер.); пьянством (*латрыжничать* – 1) *плутовать*, *обманывать*, *бездельничать* (Сарат. Кур.); 2) *развратничать*, *пьянствовать* (Кур.) и т.д., из чего следует, что *лень* действительно воспринимается матерью всех пороков.

Выводы: 1) такая высокая частотность и маркированность в диалектном языке лентяев есть свидетельство осознания народом особой значимости *лени* как порока; 2) лентяй – это человек, избегающий работы, заменяющий ее псевдодеятельностью, сном, живущий за счет других и т.п.; 3) материал показал большую маркировку этого типа предосудительного с точки зрения народной морали социального поведения у мужчин (*залежень*, *печушник*) – феминативы представлены нерегулярно (*легостай* – *легостайка*).

Литература

1. Опыт областного великорусского словаря. – СПб., 1852. – 275 с.; Дополнение къ Опыту областного великорусского словаря. – СПб., 1858. – 328 с.
2. Вендина Т.И. Ценности и оценки в пространстве словообразования // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). – СПб., 1997.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / под ред. В.В. Пчелкина. – М.: Русский язык, 1955. – Т. 2. – С. 247–248.

ЯКУТСКИЕ НОМИНАЦИИ МОЛОЧНЫХ ПРОДУКТОВ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Данилов И.А.

Северо-Восточный федеральный университет, студент

YAKUT DAIRY PRODUCT NOMINATIONS: LINGUOCULTURAL ASPECT

Danilov I.A.

North-Eastern Federal University, student

Через призму языка фольклора и этнографических материалов определено отношение народа Саха к традиционной культуре питания и его мировоззрение. Выявлено, что номинации молочных продуктов занимают важное место в лексике якутского языка, являясь концептуальными основами традиционной кухни якутов в лингвокультурологическом плане.

Ключевые слова: лингвокультурология, лингвокультурный концепт, якутские номинации молочных продуктов, молочная пища, кумыс.

Through the prism of the language of folklore and ethnographic materials, the attitude of the Sakha people to the traditional food culture and its outlook is defined. It is revealed that the nominations of dairy products occupy an important place in the vocabulary of the Yakut language, being the conceptual foundations of the traditional cuisine of the Yakuts in linguistic and cultural terms.

Key words: linguoculturology, linguocultural concept, Yakut nominations of dairy products, dairy food, koumiss.

Научный руководитель:
Мальшева Нинель Васильевна,
канд. филол. наук.

Номинации молочных продуктов можно отнести к ряду народных терминов. По мнению лингвиста А.А. Юлдашева, народные термины вызывают особый научный интерес: «во-первых, эти слова выражают реалии, не имеющие в данном языке иного обозначения, во-вторых, они отражают материальную и духовную культуру данного народа, в-третьих, среди этой терминологии больше всего встречаются редкие, ранее не зафиксированные слова, представляющие помимо всего историческую ценность, в-четвертых, что самое главное, эта лексика почти во всех тюркских языках еще мало изучена как по своему составу и характеру, так и с точки зрения ее принадлежности к литературной норме» [1]. Этими факторами и обусловлена необходимость исследования лексических единиц с точки зрения лингвокультурологической парадигмы. Как писала В.Н. Телия, «язык – есть средство отражения культуры в процессах номинации, он участвует в формировании менталитета этноса, народа, нации» [2].

Исходя из этого, целью данной работы является определение отношения народа Саха к традиционной молочной пище посредством лингвокультурологического описания якутских номинаций молочных продуктов через призму языка фольклора и этнографических материалов.

Материалами исследования выступают лексикографические источники и научные труды, в которых зафиксированы якутские номинации молочных продуктов, а также этнографические материалы и фольклорные тексты, в частности тексты якутского эпоса олонхо. Кроме того, в ходе работы проводились беседы со старожилами, проживающими в населенных пунктах Якутии: шаманами, алгысчитами (людьми, которые проводят обрядово-ритуальные действия).

В рамках данного исследования были выявлены якутские номинации, являющиеся лингвокультурными

концептами. Основным концептом выступает само понятие молочной пищи. У якутов молочная пища дословно именуется как “*үүт аһылык*”, также встречается и широко используется иное метафорическое наименование – “*үүрүг ас*”. Это, безусловно, связано с ценностным отношением якутов к молочным продуктам.

Слово *үүрүг* обозначает белый цвет, но имеет и второе значение: «белый, светлый, чистый» [3]. Кроме того, выявлено, что слово *үүрүг* употребляется и в значении «лучший» – в фольклорной номинации *үүрүг ас*, которая была зафиксирована в «Научных трудах» А.Е. Кулаковского [4]. То есть мы можем говорить, что прилагательное *үүрүг* в словосочетании ‘*үүрүг ас*’ используется не только для обозначения цвета молочных продуктов, а в большей степени для выражения отношения народа Саха к молочной пище, которое достигается методом метафоризации. Это может объясняться и тем, что молочная пища, по мнению этнографа В.Л. Серошевского, занимала первое место культуры питания народа Саха [5].

В верованиях якутов молочная пища занимает особое место. Якутские национальные блюда *кумыс*, *са-ламаат*, *хайах* имеют ритуальное, сакральное значение, символизируют божественную благодать. Из этнографических источников выявлено всего 9 обрядово-ритуальных действий, связанных с куклами богов и духов, в которых виды молочной пищи выступают центральным элементом в процессе угощения духа огня и кормления матери-земли.

Интересен тот факт, что кропление кумысом божествам и духам было центральным моментом якутского национального праздника *Ысыах*. Как отмечает фольклорист Г.У. Эргис, *Ысыах* получил свое название от слова *ыс* – «обрызгивать» [6].

Итак, можем утверждать, что одним из молочных

продуктов, занимающих большое место в пище якутов, является кисломолочный напиток из кобыльего молока — *кумыс*. Из лексикографических источников всего выявлено 9 видов данного молочного напитка. Изучив этнографические, фольклорные и мифологические материалы в свете сегодняшнего дня, выделяем также 9 свойств данного кисломолочного продукта.

В первую очередь, кумыс выступает продуктом питания, напитком, утоляющим жажду, являясь источником энергии, наполняющим жизненной силой. Далее нужно отметить его фармакологический эффект, имеющий место ввиду его витаминосодержащих и укрепляющих здоровье свойств. Также можно рассматривать как источник долголетия, наличие которого можно встретить в текстах героического эпоса олонхо. Традиционно и в наше время кумыс в чороне является постоянным атрибутом при официальной встрече гостей из ближних и дальних стран. Кроме того, можно отметить его этнодифференцирующую и этноконсолидирующую роль, то есть он выступает идентификационным маркером саха. А также данный напиток считается символом чистоты, счастья, носителем благодати. Именно в этом качестве его используют в различных обрядовых действиях как обязательный элемент. Якуты, в знак благодарности божествам, ежегодно во время летнего праздника Ысыах приносят жертвоприношения кумысом посредством огня, что говорит о большой религиозной значимости. Исходя из этого, кумыс правомерно можно считать лин-

гвокультурным концептом.

Таким образом, приходим к выводу, что молочная пища якутов насквозь пропитана как ритуально-религиозными, так и эстетическими, ценностными представлениями, облечена в определенные этикетные формы. Молочные продукты как код культуры Саха имеют многофункциональную символическую нагрузку, сохраняют традиционные черты, этническую специфику и в то же время глубоко раскрывают духовные аспекты жизнеобеспечения народа.

Литература

1. Юлдашев А.А. Принципы составления тюркско-русских словарей. — М. : Наука, 1972. — 416 с.
2. Телия В.Н. Культурно маркированная коннотация языковых знаков как понятие лингвокультурологии // Семантика языковых единиц : доклады IV международной научной конференции. — М. : Альфа, 1994. — Ч. 2. Фразеологическая семантика. Словообразовательная семантика. — С. 71–72.
3. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. — Л. : Изд-во АН СССР, 1959. — Т. 3.
4. Кулаковский А.Е. Научные труды / подгот. к печати Н.В. Емельянов, П.А. Слепцов. — Якутск : Кн. изд-во, 1979. — 484 с.
5. Серошевский В.Л. Якуты: опыт этнографического исследования В.Л. Серошевского. — СПб. : Изд. Имп. Рус. геогр. об-ва, 1896. — Т. 1 / под ред. Н.И. Веселовского. — 720 с.
6. Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору / подгот. к печати Н.В. Емельянов, П.Е. Ефремов. — М. : Наука, 1974. — 404 с.

ОБРАЗ ДЕРЕВА В РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ

Лам Нгок Шон

Томский государственный университет, магистрант

THE IMAGE OF THE TREE IN RUSSIAN PROVERBS

Lam Ngoc Son

Tomsk State University, master student

На основе анализа 150 пословиц со словом «дерево» рассматриваются отраженные в паремиях признаки реального растения и культурные смыслы, связанные с ним в русской народной культуре.

Ключевые слова: русские пословицы, растения, культурные смыслы.

Based on the analysis of 150 proverbs with the word tree, the characteristics of a real plant expressed in the paremias and cultural meanings associated with it in Russian folk culture are considered.

Key words: Russian proverbs, plants, cultural meanings.

Научный руководитель:
Иванцова Екатерина Вадимовна,
докт. филол. наук, профессор.

Пословицы в фольклористике понимаются как краткие народные изречения, представляющие собой законченные суждения и имеющие либо только переносный, либо буквальный и переносный план [1]. Эти малые жанры фольклора активно изучаются в лингвокультурологии, рассматривающей взаимодействие языка и культуры. Они дают богатый материал для исследования культурных смыслов, устойчиво сохраняющихся в сознании представителей одного этноса. В статье такие смыслы выявлены на материале 150 русских пословиц со словом *дерево* из «Большого словаря русских пословиц» [2].

Паремии с ключевым словом *дерево* дают общее представление о типичных чертах этого вида растения. В пословицах отражены названия основных частей дерева. Встречаются упоминания ветвей, плодов и листьев, корней, сучьев и т.д.: *каково дерево, таковы и ветки; смотри дерево в плодах, а человека – в делах; и на дереве лист в лист не приходится; дерево держится корнями, а человек – друзьями*. Называются такие признаки дерева, как высота, возраст, здоровье или болезнь: *с высокого дерева далеко видать; молодое дерево летит, а старое скрипит; здоровое дерево летит, а больное стоит*. Говорится о процессе роста дерева: *всякое дерево из той же земли растет*. Оно упоминается в связи с лесом, частью которого является, и сающимися на него птицами: *и лес шумит дружнее, когда деревьев много; на всяком дереве птица сидела*. Дерево в пословицах выступает объектом трудовой деятельности человека: *руби дерево по плечу*.

Согласно определению Т.В. Матвеевой, образ – это «отражение явления действительности в виде обобщенного представления о нем. Предполагает опору на конкретно-чувственные черты данного явления, формируется на основе непосредственного восприятия данного явления, наблюдений, практического опыта соприкосновения и взаимодействия с ним» [3]. В пословицах разнообразные черты чувственно воспринимаемого образа растения дают начало переносным смыслам, относящимся к сфере «человек».

1. Человек в его физических свойствах отражает характеристики людей, связанные с возрастом и состоянием здоровья. В пословицах о старом, немощном человеке говорится как о *старом, скрипучем, дупля-*

том, сухом дереве, которое *скрипит и трещит*. Тема старости тесно соотносится с представлениями о жизни и смерти. Паремия *старое дерево не пересаживают* подразумевает, что старому человеку нельзя менять место проживания, поскольку это сокращает срок его жизни. Подчеркивается, что старый, больной человек, вопреки ожиданиям, живет долго (*скрипучее дерево два века стоит; скрипучее дерево живуче; скрипучая деревина дольше стоит*), тогда как молодой и здоровый часто внезапно смертен (*старое дерево трещит, молодое – летит; дуплятое дерево скрипит, да стоит, а крепкое валится*). Смерть рисуется в образе ломающегося, падающего или упавшего дерева. Эти пословицы отражают и культурные смыслы, касающиеся участи человека, которая определяет сроки его жизни независимо от возраста и состояния здоровья.

2. Разнообразны в паремиях характеристики человека как существа социального.

Большинство пословиц этой группы соотносятся с семейной темой.

Родители и их дети иносказательно рисуются через образ дерева и выросших на нем веток, листьев, сучьев, плодов. Наиболее общий культурный смысл таких изречений – «дети похожи на своих родителей»: *каково дерево, таков и плод; каково дерево, таковы и ветки, каковы родители, таковы и детки*. Имеется в виду прежде всего не внешнее сходство, а моральные качества детей. Могут декларироваться более частные смыслы: «у хороших родителей – хорошие дети» (*от доброго дерева – добрый и плод*) и «у хороших родителей бывают плохие дети» (*и на хорошем дереве бывают плохие сучья*).

Представление о ребенке в семье может быть передано через образ молодого дерева, еще не утратившего гибкости ствола. Культурный смысл в этом случае – «ребенка нужно воспитывать, исправлять негативные стороны его поведения, пока он еще маленький»: *гни дерево, пока гнется, учи дитя, пока слушается; ломи дерево, пока молодо*.

Ряд пословиц посвящен выбору семейной пары. Через образ дерева, привлекающего птиц, показана картина завязывания знакомств молодых людей и привлекающих их девушек: *нет дерева, на которое бы птица не садилась*. Многочисленны варианты посло-

вицы, определяющей правила выбора мужчиной будущей хозяйки дома. Они изображают ситуацию срубания дерева: *руби дерево по себе, чтоб не крякать при ходьбе; по себе дерево руби, по себе жену бери; вали дерево по себе*. Культурный смысл в данном случае — «выбирай жену, равную себе по уму, достатку, статусу». При неудачном выборе сварливой жены, которая постоянно ругает, упрекает мужа, используется образ разрушающей дерево птицы: *желна долбит дерево, а жена сушит чрево*.

Социальные характеристики человека проецируются на тему труда. Здесь вновь используется образ срубаемого дерева. Пословицы подразумевают характеристики человека в процессе труда или решения какой-л. проблемы: *не отпыхавшись, дерева не срубишь* «сложное дело требует труда, усилий»; *за один раз дерево не срубишь* «для решения трудной задачи нужно время и терпение».

Представление о поведении и результате труда человека соотносится в пословицах и с образом плодов, которые приносит дерево: *дерево ценят по плодам, а человека по делам; смотри дерево в плодах, а человека — в делах*. Паремии говорят о том, что надо судить о человеке по его делам и поступкам, а не по внешнему виду или сказанным словам.

3. Ряд пословиц через природные образы передает абстрактные смыслы **универсальных общих категорий** познания мира. В них отмечаются связи и различия большого и малого (*из зернышка дерево вырастет* «большое, великое начинается с малого»), причи-

ны и следствия (*без ветра и дерево не шатается* «все имеет свою причину, иногда скрытую»), части и целого, главного и второстепенного (*из-за деревьев леса не видно; застят деревья — и лесу не видать* «человек может не видеть главного из-за множества деталей»).

Итак, в пословицах даны некоторые реальные характеристики дерева, а на основе образных переносов можно реконструировать культурные смыслы, фиксирующие стереотипные представления, нормы и оценки действительности в русском этносе. Преобладают в паремиях смыслы, связанные с социальной сферой (120 пословиц); реже отражаются физические свойства человека и абстрактные смыслы (25 и 5 пословиц). Такое соотношение свидетельствует о типичной для народного мировосприятия конкретности мышления, важности физического начала в жизни человека и особой значимости соблюдения норм поведения в социуме. Большинство пословиц имеют воспитательный характер, обучая этим нормам. Они отражают такие приоритетные для традиционной русской культуры ценности, как семья и труд.

Литература

1. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. — М. : Русский язык, 1991. — С. 9.
2. Большой словарь русских пословиц / под ред. В.М. Мокиенко. — М. : Олма Медиа Групп, 2010. — 1024 с.
3. Матвеева Т.В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. — М. : Флинта ; Наука, 2003. — С. 182.

ФОЛЬКЛОРНЫЕ СЮЖЕТЫ КАК ИСТОЧНИК МЕТАФОРИЧЕСКИХ НАИМЕНОВАНИЙ РАСТЕНИЙ

Разина А.С.

Томский государственный университет, аспирант

FOLKLORE PLOTS AS A SOURCE OF METAPHORICAL NAMES OF PLANTS

Razina A.S.

Tomsk State University, post-graduate student

В статье описываются сюжеты, с помощью которых вычленяется внутренняя форма метафорических наименований растений. Анализируются собственно фольклорные произведения и импровизации, основанные на традиционных механизмах текстопорождения и ментальных стереотипах.

Ключевые слова: этиологическая легенда, фитонимы, диалект, лингвокультурологический словарь, фольклор.

Plots that allow revealing the internal form of metaphorical names of plants are described in this paper. Properly folklore plots and improvisations based on both traditional mechanisms of the text production and mental stereotypes are analyzed.

Key words: etiological legend, phytonyms, dialect, linguocultural dictionary, folklore.

Научный руководитель:
Калиткина Галина Васильевна,
докт. филол. наук, доцент.

Диалектные метафорические названия растений интересны с точки зрения трактовки их внутренней формы. Контексты, раскрывающие экстралингвистическую связь между объектом мира флоры и ассоциируемой с ней реалией, как правило, представляют собой жанр полуструктурированного интервью собирателя и информанта: *Ну, чё ещё? Ну вот, например, звёздянка трава. Это тоже трава, и тоже все её знают. Мы называем её так, что цветы-то как звёздочки. Жёлтым цветёт. Она немного похожа на зверобой. Отличается по листьям. Вот у зверобоя листья помельче и много, а эти отличаются. Многие даже путают их (Яшкинский район, Поломошное)* [1]. Однако интервью не является единственным жанром обосновывающих контекстов.

Небольшая, но очень репрезентативная их часть принадлежит к жанру этиологических легенд. Понятие жанра «легенда» в целом очень размыто. Одни исследователи не разграничивают легенду и предание, другие считают основанием разграничения фантастичность событий и образов: «В отличие от предания, Л. всегда фантастична по содержанию и повествует как о прошлом, так и о настоящем и будущем» [2]. Под этиологическими мы понимаем «легенды, рассказывающие о происхождении мира, человека, природных объектов и культурных реалий, а также о возникновении обычаев, предписаний и социальных институтов, определяющих уклад жизни человеческого общества» [3]. Этиологические легенды, повествующие в том числе и о появлении растений и их имен, зародились и получили жанровые признаки, очевидно, еще в античных дискурсах и известны нам по различным вторичным (зачастую сомнительным) источникам.

Например: *«Не любившая и избегавшая долгое время Амура, Флора была все-таки поражена его стрелой и воспылала к нему с этой минуты страстной любовью. Но хитрый божок, добившись желаемого, начал тогда, в свою очередь, избегать Флору, и вот тогда-то, в неудовлетворенной страсти, она решила создать цветок, который и смеется и плачет — соединяет в себе и грусть*

и радость. Увидев вырвавшийся в руке своей чудный цветок, богиня в восхищении хотела, воскликнуть: “Эрос” (так звали греки Амура), но, застенчивая от природы, запнулась, покраснела и, проглотив первый слог, крикнула только: “рос”. Росшие вокруг цветы подхватили это слово, и с той поры цветок этот и стал называться розой» [4].

Этиологические легенды о растениях были распространены и в славянском фольклоре, например, легенды о березе, вербе, ели, можжевельнике, осине, рябине и др. [5]. О.В. Белова, изучающая диалектные, фольклорные варианты сюжетов на библейские темы, выделяет легенды о полезных растениях, созданных Богом, и вредных — творениях черта. В качестве частотных мотивов таких легенд исследователь называет возникновение растения из слез или крови библейских персонажей, а также благословение и проклятие в адрес растения за оказанную им помощь или причиненный вред.

Следует отметить, что в ходе бесед диалектологов с носителями диалекта было записано множество авторских сюжетов, созданных по подобию фольклорных. В разговорах с учеными носители традиционной культуры оказываются в позиции обучающего знатока [6], который описывает непосвященному культурные смыслы. Очевидно, что граница между описанием того или иного этнокультурного факта и импровизацией на тему оказывается достаточно размытой. Тем более, что подобная импровизация «всегда основана на традиционных механизмах порождения текста и стереотипах мышления. <...> Между тем, подобные “авторские версии” весьма важны <...> как отражение психологии, механизмов мышления и стереотипов традиционной культуры» [7].

Итак, фольклорные сюжеты, оформившиеся в жанре легенд, могут выступать базой для выявления номинативного признака диалектных фитонимов. Приведем текст о происхождении одного из народных названий ириса: *Цветочки небольшие растут. Вот кукушкины слёзки это значит. Раньше всё говорили, как*

кукушка... Её считают... она проклятая. Как раньше, значит. Мать прокляла свою дочь, и вот она стала кукушкой. У ей своего гнезда нету. Да, прокляла её мать. И она, кукушка, кукует, а у ней это... слёзы капают. И это, тут синенькие листочки, а тут так беленько. Вот и зовут их кукушкины слёзки (Томский район, Семилужки) [1, с. 102].

При этом современные носители традиционной культуры чаще всего не осознают мотивировку подобных этнографических фактов, что выясняется в ходе полевых исследований этнографов, фольклористов и диалектологов. В подавляющем числе контекстов, где актуализуется фитоним, какое-либо обоснование его внутренней формы и происхождения отсутствует. Ср.: *Кукушкины слёзки у нас ещё там по березнику были. Они синие, как колокольчики. Листочки маленькие, продолговатенькие, небольшие листочки <...>. У них сильно запах был такой ароматный (Мариинский район, Малопесчанка) [1, с. 102].*

Подчеркнем, что в интервьюировании ярко проявляется диалектность не только языка, но и самой народной культуры в трактовке, данной Н.И. Толстым [8]. Этиологические легенды, связанные с одной и той же реалией растительного мира, нередко бытуют в нескольких вариантах. Так, номинация *иван-да-марья* 'марьяник' в среднеобских говорах получает две различные мотивировки: 1) *У нас ещё есть синенько-жёлтенький цветочек, называют его иван-да-марья. Край полоса растёт. Он назван так, говорят старые люди: «Жили в деревне парень с девушкой, уж сильно хорошо они ходили друг за другом и любили друг дружку. Но не суждено им было вместе жить, родители разлучили, да злые люди помогли. Собрались они и вон с крутого берега, с Бараньего рогу, у нас гора высокая Бараний рог называется, и бросились в омут». Ну вот за их дружбу, за их верность так и назвали цветок. На одном цветочке жёлтеньки и синеньки цветочки. Вот и цветы назвали иван-да-марья (Мариинский район, Благовещенка) [9]. 2) «Вот есть иван-да-марья». — «А почему так называется, не знаете?» — «Знаю, доченька, знаю! Как же мне не знать, сколько живу и не знать! Я ещё это от мамочки, от бабушки слыхала. Об этом цветке такая легенда ходит. Пошли как-то в лес по грибы Иван да Марья. Тут началась гроза, сверкает молния. Страшно. А спрячься-то негде. Вот Иван и загордил собой Марью. Гроза прошла. Иван да Марья домой вернулись. А в том месте, где Иван спасал Марью, выросла трава с фиолетовыми листочками, которые, как Иван Марью, защищали от грозы жёлтые цветочки. Вот и название отсюда пошло (Томский район, Поросино) [9]. Как видим, здесь есть общие компоненты сюжета (персонажи, любовь) и отличные (счастливая и трагичная развязка).*

Как правило, компоненты составных наименований мотивируются как самостоятельные части речи: *Иван-чай* вот по-научному кипрей называют. А знаете, почему так назвали? Иван потому что его нашёл и заварил первый чай. Особенно его употребляют охотники (Яйский район, Кайла) [1, с. 118]. Однако компоненты могут осмысляться и как служебные части речи. В этом случае мотивировка весьма причудлива: *Иван-чай* мы так в народе говорим, а сказывают, что по-научному это кипрей... Ну так вот, давно это было. Тогда такое слово было чай. Сказывали: «Чай, на охоту собрался?» Был такой парень Иван, гулял он в красной рубахе на опушке леса, среди цветов, кустарничков. Ну а жители как увидели красный цвет там, так и сказали: «Да это

Иван, чай, ходит». А потом он исчез, парень-то, а цветы-то остались. С них ещё чай пьют (Тайга) [1, с. 119].

Подобные сюжеты ярко отражают особенности русской диалектной лингвокультуры, поэтому представляют собой ценный материал для разрабатываемого нами словаря «Мир, отраженный в народных названиях растений». Обосновывающие тексты входят в иллюстративную часть лексикона и являются источником сведений как о культуре (через специфику образов, сюжетов, стереотипных представлений), так и о языке, поскольку позволяют выявить метафорический источник, а также основание сопоставления растения и ассоциируемой реалии.

Так, с культурологической точки зрения, в легендах о происхождении растений и их названий могут быть использованы в том числе библейские образы и сюжеты. В материале среднеобских говоров присутствует упоминаемый О.В. Беловой мотив появления растения из крови святого. В легенде о зверобое отражен эпизод о просьбе дочери Иродиады подарить ей голову Иоанна Крестителя, описываемый в Евангелии от Матфея (Мф 14:1–12): *Это заячья кровь, ивановская трава. Светков у его много-много, жёлты все, внутри точки красны, растерёшь в руках, то пальцы становятся ярко-красны, как кровушка, а у зайца кровь уж красна. Придёт папа с охоты, принесёт зайца, начнёшь его разрезать, так кровь ала так бежит. А ивановска трава? Да мне маменька рассказывала, что давно-давно легенда есть: когда палач нёс голову Иоанна Крестителя, тогда несколько капель упали крови на траву, и выросла трава, которая впитала кровь Ивана. Так сейчас она называется ивановская трава (Шегарский район, Мельниково) [1, с. 91].* Что касается лингвистической составляющей, контекст позволяет вычлнить метафорический источник (*Иван — Иоанн Креститель*) и основание сравнения (цвет выделяемого сока ярко-красный, напоминающий цвет крови), которые в словаре входят в зону толкования.

Ряд легенд лишь условно можно отнести к этимологическим. Например, в легенде о папоротнике описывается чудесная трансформация растения в особую, располагающую к различного рода фантастическим происшествиям точку времени — ночь на Иван Купала (Рождество Иоанна Крестителя в народной версии): *[Ромашка] не любит тени так, как жар-цветок. Он-то, наверное, всё от людей прячется. Не хочет, чтобы цветок его огненный видели. Цветёт он один раз в год накануне дня Ивана Купала. Между листьями вначале вырастает светящаяся почка, она шевелится, растёт, а ровно в полночь с треском лопается и появляется светящийся ярким светом цветок, при этом гром грохочет и молнии лес освещают, как днём. Потому и зовут его жар-цветок. Он клады открывает, будущее и прошлое рассказывает, счастливым делает того, кто его найдёт. Но сторожит его нечистая сила. Схватив цветок, нужно бежать без оглядки, что бы ни чудилось сзади. Если испугаешься и оглянешься, исчезнет цветок. А с ним и надежды на богатство и счастье. Рассказывают, что один крестьянин накануне Купалова дня искал в лесу пропавшую корову. В самую полночь проходил мимо жар-цветка да и не заметил, как цветок ему в лапоть попал. И тут ему стали видны клады, стало видно будущее. Легко отыскал он пропавшую корову. А как пришёл домой, напугал всех домашних: голос-то они его слышали, а самого не видели. Однако, когда лапоть мужик снимал, цветок выпал, и вмиг все пропало. Он за-*

был даже те чудеса, что недавно в лесу видел (Чаинский район, Бундюр) [9].

Таким образом, фольклорные сюжеты, воплощенные в жанре этиологических легенд разного генеза, описывающие моменты возникновения и наречения именем объектов растительного мира, являются ценным материалом для лингвокультурологического исследования. Такие легенды иллюстрируют самобытность народного мышления и мировоззрения как с точки зрения строения сюжета, системы образов, так и в аспекте выявляемых с их помощью метафорических проекций в сфере растительной лексики.

Литература

1. Арьянова В.Г. Словарь фитонимов Среднего Приобья. – Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2006. – Т. 1 : А–К. – С. 49.
2. Елисеев И.А., Полякова Л.Г. Словарь литературоведческих терминов. – Ростов н/Д : Феникс, 2002. – С. 94–95.
3. У истоков мира: Русские этиологические сказки и легенды / сост. и коммент. О.В. Беловой, Г.И. Кабаковой – М. : Форум ; Неолит, 2014. – С. 6.
4. Золотницкий Н.Ф. Цветы в легендах и преданиях. – Киев : Довира, 1994. – С. 5.
5. «Народная Библия»: Восточнославянские этиологические легенды / сост. и коммент. О.В. Беловой ; отв. ред. В.Я. Петрухин. – М. : Индрик, 2004. – 576 с. – (Традиционная духовная культура славян. Публикация текстов).
6. Мороз А.Б. Народная интерпретация этнографического факта // Язык культуры: Семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого (1923–1996). – М. : Индрик, 2004. – С. 174–182.
7. Мороз А.Б. О фольклорности нефольклорного: евангельские события в восприятии современного крестьянина // Актуальные проблемы полевой фольклористики. – М., 2002. – Вып. 2. – С. 31–42.
8. Толстой Н.И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М. : Индрик, 1995. – С. 20.
9. Арьянова В.Г. Словарь фитонимов Среднего Приобья. – Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та 2007. – Т. 2 : Л–Т. – С. 44.

ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ «ВЬЕТНАМСКИЙ» В СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ: ТРАНСЛЯЦИЯ КУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Уонг Минь Туан

Уральский федеральный университет, аспирант

THE ADJECTIVE "VIETNAMESE" IN CONTEMPORARY JOURNALISM: CONVEYING CULTURAL INFORMATION

Uong Minh Tuan

Ural Federal University, post-graduate student

В статье рассматривается употребление в публицистическом дискурсе прилагательного «вьетнамский» в целях выявления объема культурной информации о Вьетнаме и о вьетнамцах, хранящейся в языковом сознании русских.

Ключевые слова: вьетнамский, культурная информация, топонимический концепт.

The article discusses the use of the adjective "Vietnamese" in public discourse in order to identify the amount of cultural information about Vietnam and Vietnamese, which is stored in the Russian language consciousness.

Key words: Vietnamese, cultural information, toponymic concept.

Научный руководитель:
Вепрева Ирина Трофимовна,
докт. филол. наук, профессор.

Топоним *Вьетнам*, впервые введенный в речевой обиход во времена династии короля Нгуен Ань в 1804 г., именуется графическую область вьетских племен в Юго-Восточной Азии. Преодолевая многие природные и военные испытания в своей истории, Вьетнам ныне стал современным экономически развивающимся государством, привлекающим туристов своей самобытной природной красотой. В рамках нашего исследования мы обратились к анализу употребления в публицистическом дискурсе прилагательного *вьетнамский* в целях выявления объема культурной информации о Вьетнаме и о вьетнамцах, хранящейся в языковом сознании русских.

В ряду апеллятивной лексики оттопонимического происхождения относительное прилагательное *вьетнамский* формально мотивируется именем собственным *Вьетнам*, семантически также и названием жителей Вьетнама: *Вьетнам*, *вьетнамцы*, *вьетнамский*. В процессе функционирования прилагательное *вьетнамский*, сочетаясь с широким кругом лексем, значение которых существенно для выявления содержания категории 'вьетнамского' в массовом сознании, позволяет описать лексическую семантику лексемы *вьетнамский*:

- 1) 'относящийся к Вьетнаму, его территории, внутреннему устройству, истории';
- 2) 'относящийся к вьетнамцам, к их языку, национальному характеру, образу жизни, культуре';
- 3) 'такой, как у вьетнамцев, как во Вьетнаме'.

Источником выборки материала является электронная база данных Интегрум (Integrum.ru), включающая около 4 тысяч источников русскоязычных СМИ. Выборка материала осуществлялась в хронологических рамках с 01.01.2010 г. по 31.12.2018 г., мы получили 18895 документов, содержащих данное прилагательное.

Рассмотрим последовательно семантические участки значения прилагательного *вьетнамский* с учетом специфики производной природы оттопонимического образования.

1. Относящийся к Вьетнаму, его территории, внутреннему устройству, истории.

Анализ словосочетания лексемы *вьетнамский* с существительными, обозначающими территорию, государственное устройство, историю, показал, что Вьетнам отражается в СМИ в антонимическом противопоставлении (1) оценочно-временной характеристики: *прошлое и настоящее Вьетнама*, *бедный и развивающийся Вьетнам*; (2) исторических обстоятельств: *военный и мирный Вьетнам*; (3) внутренней жизни страны: *деревня и город*, *спокойный и цивилизационный*, *первобытная природа и небоскребы*, *шумные улицы*.

Отметим типовые сочетания: *вьетнамский / -ая / -ое* (далее – в.) *земля*, в. *небо*, в. *шельф*, в. *джунгли*, в. *реки*, в. *остров*, в. *воды*, в. *территория*, в. *столица*, в. *деревня*, в. *города*, в. *Хайфон*, *Дананг*, *Далат* и др.

Российские СМИ показывают, что в прошлом Вьетнам – страна бедная, разрушенная войнами, и в настоящем Вьетнам – страна, богатая природой, энергично развивающаяся, имеющая стабильный политический режим.

Лексема *вьетнамский*, сочетаясь с вещественными существительными, позволяет ассоциативно создать образ страны, обладающей природными и культурными богатствами: в. *нефть*, в. *газ*, в. *рыба*, в. *кофе*, в. *рис*, в. *чай зеленый*, *черный перец*, в. *мебель*, в. *шелк*, в. *керамика*, в. *лаковые изделия из дерева*, в. *вышитые шелком картины*, в. *ювелирные изделия*, в. *жемчуг*.

Вьетнам известен в мире как страна с удивительно красивой природой, привлекательной для туристов: в. *пейзаж*, в. *пляж*, в. *солнце*, в. *море*.

В анализируемом материале отмечено самое частотное количество примеров сочетания прилагательного *вьетнамский* с существительным *война*. Типовые сочетания: в. *война* (2889 контекстов), в. *синдром* (142 контекста), а также: в. *катастрофа*, в. *травма*, в. *сценарий*. История Вьетнама в русскоязычном сознании ассоциируется с историческими коллизиями, связанными с агрессией США во Вьетнаме.

2. Относящийся к вьетнамцам, к их языку, национальному характеру, образу жизни, культуре.

В публицистическом дискурсе активно реализуются сочетания прилагательного *вьетнамский* с существительными лица в форме мн. числа. Доминируют единицы, связанные с военным периодом истории Вьетнама: *в. бойцы, в. партизаны, в. солдаты*; с советско-вьетнамскими отношениями: *в. товарищи, в. коммунисты, в. друзья, в. ветераны, в. студенты*; с современными российско-вьетнамскими отношениями: *в. коллеги, в. партнеры, в. инвесторы, в. предприниматели, в. бизнесмены*.

Вьетнамская культура получает характеристики культуры с *неповторимым азиатским колоритом*. Атрибуты восточной культуры, местные национальные ритуалы, гастрономия – повторяющаяся константа при описании географических мест. Особое место занимает кухня: *Особенностью вьетнамской кухни является тот факт, что в пищу идет практически все, что растет, ходит, бегаёт, ползает и летает из окружающего мира*. Типичные сочетания: *в. кухня, в. блюдо, в. суп с рисовой лапшой «фо», в. рыбный соус «нюок-мам», в. водка*.

305 контекстов описывают официальный язык Вьетнама: *в. язык является тоновым; он не зря счита-*

ется одним из самых мелодичных в мире; в нем каждый гласный звук может быть произнесен в шести вариациях, которые изменяют смысл того или иного слова.

3. Такой, как у вьетнамцев, как во Вьетнаме.

Особенность национального характера народа особенно ярко проявляется в военный период истории страны. Словосочетание *вьетнамский народ* получает следующие контекстные характеристики: *в. народ многострадальный, борющийся, миролюбивый, свободолюбивый, мужественный, героический, легендарный, гордый* и др.

Традиционно вьетнамцу свойственны *патриотизм, упорство, самопожертвование, непреклонность*. В мирной жизни это народ *братский, дружественный, настойчивый, трудолюбивый, гостеприимный, улыбчивый, единое целое; это счастливая страна миллионов улыбок*.

Анализ словосочетаний с прилагательным *вьетнамский* дает возможность получить о Вьетнаме многоаспектный собирательный образ страны. Кроме информации о месторасположении страны и природных особенностях, материал сообщает сведения о культуре, истории, экономике, политическом устройстве, национальных особенностях страны.

ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ «ГОРЕ ОТ УМА» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ МЕДИАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

Ялова К.

Университет им. Коменского в Братиславе, аспирант

PRECEDENT UTTERANCE "WOE FROM WIT" IN CONTEMPORARY RUSSIAN MEDIA DISCOURSE

Jalova K.

Comenius University in Bratislava, post-graduate student

В статье проведен анализ употребления в современном русском медиальном дискурсе precedentного высказывания «Горе от ума», относящегося к названию всемирно известной комедии А.С. Грибоедова. Внимание также уделяется общим функциям precedentных феноменов и преобладающим функциям precedentного высказывания в избранных примерах.

Ключевые слова: «Горе от ума», precedentные феномены, медиальный дискурс.

The article analyzes the use in contemporary Russian media discourse of the precedent utterance "Woe from Wit", referring to the name of the world famous A.S. Griboyedov's comedy. Attention is also paid to the common functions of precedent phenomena and the prevailing functions of the precedent utterance in selected examples.

Key words: "Woe from Wit", precedent phenomena, media discourse.

Научный руководитель:
Дулбова Ирина Владимировна,
доцент.

В последние десятилетия неотъемлемой частью медиальных заголовков и статей стали precedentные феномены с различными сферами-источниками и функциями. Журналисты, таким образом, ведут своеобразную игру с читателем, который вступает в нее и разгадывает скрытые в тексте смыслы. Одним из самых распространенных источников precedentности можно назвать русскую классическую литературу XIX–XX вв. В статье рассматривается употребление в российских СМИ precedentного высказывания «Горе от ума», относящегося к одноименной комедии в стихах А.С. Грибоедова, которая пользуется огромной популярностью среди читателей разных поколений и которая уже разошлась на цитаты, вошедшие в повседневную коммуникацию.

Термин «precedentный феномен» развился из определения «precedentный текст», данного Ю.Н. Карауловым, согласно которому precedentными являются тексты «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях; имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников; обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [1]. В рамках precedentных феноменов выделяются четыре подкатегории: precedentный текст («Горе от ума»), precedentная ситуация («Смутное время»), precedentное высказывание («А судьи кто?» [2]) и precedentное имя («Чацкий»), причем «обращение к precedentному тексту может в процессе коммуникации обновляться несколько раз посредством precedentного высказывания и precedentного имени» [3].

В тексте precedentные феномены выполняют множество функций, по поводу определения которых существуют различные мнения. Е.А. Нахимова, например, к основным функциям precedentных феноменов относит «оценочную; поэтическую, к которой близки эстетическая и декоративная; экспрессивную; консолидирующую, к которой близки парольная и

опознавательная; номинативную; коммуникативную; людическую, связанную с языковой игрой; прагматическую; референтивную или референционную; персуазивную» [4] функции. Важно отметить, что все функции действуют комплексно, хотя в определенных ситуациях некоторые из них могут преобладать.

В центре нашего внимания — комедия «Горе от ума» А.С. Грибоедова. Отметим, что сама комедия является precedentным текстом, т.е. «законченным и самодостаточным продуктом речемыслительной деятельности, хорошо знакомым любому среднему члену национально-лингвокультурного сообщества» [5], а ее название стало precedentным высказыванием (т.е. «репродуцируемым продуктом речемыслительной деятельности; сложным знаком, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу» [5, с. 48]), употребляемым в значении «умному человеку тяжело живется в беспорядочном, бессердечном мире; дуракам счастье, потому что они не способны к страданию» [6]. На ниже приведенных примерах продемонстрируем основные способы трансформаций precedentного высказывания «Горе от ума». В скобках указаны аббревиатуры средств массовой информации *Московский комсомолец* (МК), *Российская газета* (РГ), *Новая газета* (НГ), *Комсомольская правда* (КП), *Спорт-Экспресс* (СЭ), *РосБизнесКонсалтинг* (РБК), *Государственная телевизионная и радиовещательная компания Ока* (ГТРК Ока) и при отсутствии общепринятой аббревиатуры — полное название издания с датой выхода статьи.

В медиатекстах высказывание «Горе от ума» часто подвергается субституции компонента, при которой слово «ум» заменяется контекстуальными лексемами: «Горе от зарплат: россияне не разделяют оптимизма главы Минтруда Топилина» (МК, 28.10.2018); «Горе от ствола: почему в России нельзя разрешить огнестрельное оружие» (МК, 05.03.2018); «Горе от труда. На российском рынке сложилась очень странная ситуация» (МК, 29.08.2018); «Горе от огня. Последствия пожара в Хакасии чудовищны» (РГ, 15.04.2015); «Горе от сырья.

В российской экономике деградируют отрасли, не связанные с нефтью и газом» (НГ, 31.05.2013); «Горе от диплома <...> На каждого программиста в России четыре охранника» (КП, 09.04.2012). Субституции подвергается и предлог «от», заменяемый предложением «без»: «Горе без ума. У чиновников нет идей, как перестроить экономику России» (РБК, 01.07.2009); «Горе без ума: Украина повторяет ошибки России» (politeka.net, 22.09.2015); «Горе без ума: деменция перешагнула порог эпидемии» (НТВ, 20.12.2017); «Горе без ума. Пенсионерка держит в страхе весь подъезд» (ГТРК Ока, 27.12.2017). В первоначальном виде остается лишь первая часть высказывания – «горе» как фундаментальный смыслообразующий компонент всего высказывания.

Довольно часто можно наблюдать и процесс экспликации, при котором к основному высказыванию добавляются дополнительные компоненты в соответствии с тематикой статей: «Горе от ума и кресла. Профессиональные болезни стали огромной проблемой офисных сотрудников» (Новые известия, 02.07.2008); «Враг народа в Малом драматическом театре: Горе от ума и таланта» (Ведомости, 11.02.2013).

Самую обширную группу апелляций к высказыванию «Горе от ума» составляет само прецедентное высказывание без трансформаций, т.е. в исходном виде: «Горе от ума. Репетиция ЕГЭ показала, что школьники не умеют считать деньги в собственном кошельке» (МК, 06.04.2012); «Горе от ума, или как бы нам поумнеть» (Православие.ру, 10.04.2017); «Горе от ума или зачем Д'Артаньян выступил за худсоветы?» (Эхо Москвы, 04.12.2018); «Горе от ума: Украина предлагает ЕС ввести санкции против своих компаний» (Политическое обозрение); «Горе от ума: российские школьники ломают электронные дневники» (РЕН ТВ, 15.12.2017); «Горе от ума. Почему Тарасенко перестал быть суперзвездой, а хоккей "Сент-Луиса" – унылый и примитивный» (СЭ, 22.11.2018); «Горе от ума: почему "троечники" в карьере часто успешнее отличников» (gazeta.spb.ru, 19.09.2018).

Проанализированный выше материал показывает также и сферы его употребления – от политического, культурного дискурса до спортивного, что свидетельствует не только о креативности журналистов, но и об умении читателей идентифицировать прецедентные высказывания в любом медиальном тексте.

Согласно мнению О.С. Боярских, «прецедентные феномены оказываются единицами, способными выступать в качестве организующего центра газетно-публицистического текста, обеспечивая его глобальную связность, цельность и коммуникативно-прагматическую направленность. Причем наибольший эффект достигается при использовании данных единиц в сильных позициях текста, к которым традиционно относятся заглавие, начало и концовка» [7]. Доказательством данной мысли служит и наш материал. Как мы видим, прецедентное высказывание – это чаще всего заглавие статьи, что не только привлекает внимание читателей, но посредством трансформации и актуализации (см. примеры с субституцией во второй части высказывания) прозрачно намекает на характер

и содержание сообщения. При этом ситуация имеет ироничную оценку, перемещает акцент на ключевое слово в тексте («ум», «труд», «зарплата», «ствол», «огонь», «диплом»).

К ключевым функциям прецедентных феноменов помимо главной эстетической функции («способ эстетической оценки мира, воспринимаются адресатом как эстетически значимые, привлекают к себе внимание необычной формой выражения» [4, с. 143]) относится и функция оценки («важное средство эмоциональной оценки, ярко выражающее субъективное отношение автора» [4, с. 143]), и эвфемистическая функция («помогает смягчить высказывание, сделать его менее резким, выразить необходимую информацию в неагрессивной форме» [4, с. 144]), которую высказывание «Горе от ума» безусловно выполняет. Немаловажна и людическая функция («характер своего рода языковой игры: автор задает загадку, а читатель ищет на нее ответ» [4, с. 144]), так как название комедии Грибоедова подвергается частым модификациям, и читатель вынужден разгадать не только значение высказывания, но и восстановить его первоначальный вид.

Популярность употребления в российском медиальном дискурсе прецедентных феноменов с источником в произведении А.С. Грибоедова (и в русской литературе вообще) свидетельствует о литературоцентрическом характере русского лингвокультурного сообщества, несмотря на многочисленные констатации снижения интереса к чтению у подрастающего поколения. Некоторые прецедентные высказывания или имена настолько вошли в подсознание носителей русского языка, что любой русскоговорящий, вне зависимости от образования или социального статуса, может сразу и легко идентифицировать их в тексте, расшифровать и понять их значение и сопутствующие коннотации.

Данная статья подготовлена в рамках проекта KEGA Course book Cultural Regions of Russia in Tourism с регистрационным номером 052UK-4/2018 [9].

Литература

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – С. 216.
2. Грибоедов А.С. Горе от ума: комедия. – М.: Детская литература, 1983. – С. 40.
3. Dulebova I.V. Precedentne fenomény súčasného ruskeho jazyka. Interkultúrny a lingvodidaktický aspekt. – Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislave. – 2011. – P. 26.
4. Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. – Екатеринбург, 2007. – С. 141–142.
5. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций. – М.: Гнозис, 2002. – С. 47–48.
6. Dulebova I.V., Singerova N., Hrcakova K. Glosar ruských lingvorealii. – Bratislava: Stimul, 2016. – P. 36.
7. Боярских О.С. Прецедентные феномены со сферой-источником «Литература» в дискурсе российских печатных СМИ (2004–2007 гг.). – Нижний Тагил, 2007. – С. 166–167.
8. Course book cultural regions of Russia in tourism [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.portalvs.sk/en/prehľad-projektov/kega/11564>.

**СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ
КОММУНИКАЦИЯ, СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ
И КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ**

КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ СЕМАНТИКИ ЛИШЕНИЯ ЖИЗНИ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Алиев Т.В.

Томский государственный университет, студент

COGNITIVE MODELING OF THE SEMANTICS OF TAKING LIFE IN RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES

Aliev T.V.

Tomsk State University, student

Статья посвящена сопоставлению глагольных единиц с семантикой убийства в русском и английском языках. Анализ данных единиц показал существенные расхождения в способах передачи многокомпонентного значения глаголов и в строении когнитивного сценария лишения жизни, определяющего содержание феномена убийства в представлении носителей русского и английского языков и его языковую реализацию.

Ключевые слова: русские глаголы, английские глаголы, семантика лишения жизни.

The article is dedicated to comparison of verbs containing a semantic component of taking in Russian and English languages. Analysis of the verbs demonstrated significant differences: in the principles of conveying multicomponent meaning of taking life, in the way the analyzed verbs function in the languages, in the structure of the cognitive frame of the action denoted by the analyzed verbs.

Key words: Russian verbs, English verbs, semantics associated with taking life.

Научный руководитель:
Филь Юлия Вадимовна,
канд. филол. наук, доцент.

Значения глаголов с семантикой лишения жизни, их особенности и отдельные смысловые оттенки многочисленны и варьируются в языках. Деструктивная лексика, в том числе единицы с семантикой «лишение жизни живого существа», неоднократно становилась предметом лингвистических исследований и рассматривалась в работах Ю.Д. Апресяна, Л.В. Балашовой, Л. Вайсгербера, Е.Г. Ковальчук, Т.Г. Скребцовой, Н.Б. Лебедевой, Л.Р. Юкляевой и др., в которых предложена типология глаголов деструктивного действия, выявлена яркая направленность подобных глаголов на результат, описана ЛСГ глаголов лишения жизни в русском языке.

Рассмотрение значения глагола с когнитивных позиций приводит к мысли о фиксации в нем знаний человека о действиях, процессах, событиях, происходящих в действительности, т.е. значение глагола фиксирует процедурные форматы знания [1]. Событийные пропозиции, входящие в значение глагола и упорядоченные в нем при помощи логических пропозиций, по утверждению А.М. Плотниковой, существуют в сознании человека в виде логически упорядоченной последовательности действий и образуют когнитивный сценарий. Когнитивный сценарий – абстрактная ментальная структура, представляющая собой интерпретацию говорящим ситуации внеязыковой действительности как процесса, состоящего из совокупности эпизодов и предполагающего набор участников с закрепленными социальными ролями [1]. При этом для вербализации сценария в каждом языке сложились свои способы и средства, отражающие в том числе и специфику представлений носителей сопоставляемых языков об этом действии.

Когнитивный сценарий убийства репрезентируется русскими и английскими глаголами со значением лишения жизни живого существа. Путем сплошной выборки из русских [2] и английских [3] лексикогра-

фических источников было собрано 223 русских глагола и 186 их английских аналогов. При этом базовые сценарные слова: для русского языка – *убить*, для английского – *to kill*.

Денотативная ситуация, описываемая глаголами лишения жизни, представляет собой частную разновидность деструктивно-ориентированного действия: субъектом, совершающим убийство, в той или иной форме наносится вред объекту. Действие всегда результативно и характеризуется наличием намерения причинения смерти либо его отсутствием.

Сценарий включает двух одушевленных участников: X (субъект) и Y (объект), а также N (орудие убийства) и Z (способ убийства), при этом указание на орудие убийства и его способ могут содержаться в глаголе, а могут эксплицироваться в контексте. Когнитивный сценарий можно представить следующим образом: X, используя N и/или посредством Z, наносит вред (целенаправленно и в достаточной степени) Y, влекущий за собой смерть Y.

При номинации соответствующего действия в сопоставляемых языках варьированию подвергаются способы и орудия убийства, а также категории одушевленных участников ситуации. В зависимости от особенностей значения семантика глагола может требовать определенного производителя и определенного реципиента действия.

В русском языке разграничение глаголов по объектно-субъектному основанию характеризуется менее строгими правилами: глаголы *закальывать*, *зарезать* вполне свободно могут употребляться как при реципиенте-человеке, так и при реципиенте-животном. В английском языке наблюдается более явное разграничение по объектно-субъектному основанию: глаголы *to stab to death*, *to slaughter* требуют определенного субъекта – человека – и определенного объекта – человека (*to stab*) либо животного (*to slaughter*).

В отношении обозначения орудий убийства у единиц, выражающих более конкретные действия (*вспороть, застрелить*), в русском языке наблюдается тенденция имплицитного выражения орудия. Для английского языка в большинстве случаев характерна аналогичная черта (*to stab to death, to shoot to death*), однако гораздо более распространены глаголы, образованные посредством метонимического переноса (прим.: *to axe* – засечь топором, *to horn* – забодать рогами, *to knife* – зарезать ножом) – с прямым указанием на орудие. Бельгийский лингвист и теоретик Д. Гирартс в своем исследовании о прототипических характеристиках семантических изменений и семантической структуры слова утверждает, что явление прототипичности обуславливает тенденцию языка к умножению значений вокруг некоего прототипического ядра [4], т.е. при деривативной конверсии прототипичность орудия играет решающую роль.

Несмотря на то, что английские глаголы в семантическом плане несут большее количество пропозициональных смыслов, результативность не является семантическим компонентом, выражаемым синкретично. Е.В. Падучева причисляет глаголы убийства к особому семантическому классу, специфика которого определяется тем, что «в ситуации убийства деятельность субъекта, вообще говоря, не гарантирует перехода Y – в новое состояние, а лишь активизирует процесс, который от субъекта уже не зависит и который может протекать тогда, когда деятельность субъекта уже закончилась» [5]. Для английских глаголов гораздо более актуальна описанная Е.В. Падучевой категория контролируемости над результатом, свидетельством чего выступает отсутствие формально и семантически выраженной результативности внутри словоформы – действие мыслится отдельно от результата. В русском же языке в силу развитой префиксальной системы языка глагол активно сочетается с приставками (*задушить, прирезать* и т.д.), кото-

рые при присоединении к основе указывают на результативность действия.

Таким образом, анализ указанных единиц в рассматриваемых языках демонстрирует существенные расхождения в представлении семантики лишения жизни. Склонность английских единиц требовать от актантов принадлежности к определенному классу свидетельствует о более широком номинативном потенциале русских глаголов. Различия в русском и английском языках в тенденциях эксплицитно или имплицитно выражать орудие убийства свидетельствует о различии в расставлении акцентов носителями языков при осмыслении феномена лишения жизни. При этом для русских глаголов гораздо более характерно передавать многокомпонентное значение в рамках одной лексемы, тогда как английские единицы характеризуются употреблением конструкций, требующих при реализации содержательного наполнения, обусловленного контекстом, что объясняется не только аналитической структурой английского языка, но и существенными различиями в осмыслении самого акта совершения действия, влекущего гибель объекта.

Литература

1. Плотникова А.М. Многозначность русского глагола: когнитивное моделирование. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2006. – 225 с.
2. Словарь русского языка : в 4-х томах / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А.П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип. – М. : Русский язык, 1985–1988.
3. Мюллер В.К. Англо-русский русско-английский словарь. – М. : Цитадель-трейд, 2010.
4. Гирартс Д. Paradigm and paradox: explorations into a paradigmatic theory of meaning and its epistemological background. – Leuven : Leuven University Press, 1985. – 298 с.
5. Падучева Е.В. Глаголы действия: толкование и сочетаемость // Логический анализ языка: Модели действия. – М. : Наука, 1992. – 245 с.

ОСОБЕННОСТИ РУССКИХ И НЕМЕЦКИХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ КАЧЕСТВЕННОЙ ХАРАКТЕРИЗАЦИИ С СЕМАНТИЧЕСКИМ ДУБЛЕТОМ «ЧЕЛОВЕК / MENSCH» В СОСТАВЕ СКАЗУЕМОГО

Бакайтис И.И.

Новосибирский государственный университет, аспирант

FEATURES OF RUSSIAN AND GERMAN QUALITATIVE CHARACTERIZATION SENTENCES WITH A SEMANTIC DOUBLET "ЧЕЛОВЕК / MENSCH" AS A PART OF A PREDICATE

Bakaytis I.I.

Novosibirsk State University, post-graduate student

Статья посвящена русским и немецким предложениям качественной характеристики, где в составе сказуемого, помимо глагола-связки и прилагательного, используется дублет подлежащего «человек / Mensch». Выявлено, что набор функций дублета в обоих языках в целом совпадает. Наиболее частотной в обоих языках является семантическая функция, в то время как структурная функция в немецком встречается чаще, чем в русском.
Ключевые слова: качественная характеристика, семантический дублет, русский язык, немецкий язык.

The article deals with Russian and German qualitative characterization sentences, where predicate includes the subject's doublet "человек / Mensch", in addition to a copula verb and an adjective. It is discovered that the set of doublet functions in both languages is the same. The most frequent in both languages is the semantic function, while the formal function in German is more common than in Russian.

Key words: qualitative characterization, semantic doublet, Russian, German.

Научный руководитель:
Кошкарева Наталья Борисовна,
докт. филол. наук, профессор.

В предложениях качественной характеристики субъекту приписывается единичный и постоянный признак: *Море за окном было синим. Das Gras ist grün* 'Трава зеленая'. Стандартным способом выражения данной пропозиции является высказывание **кто (что) каков**. В подобных предложениях при описании лица может появляться дублет подлежащего *человек* в составе сказуемого, например: *Он был добрым человеком*. Некоторые лингвисты считают семантические дублеты типа *человек, ребенок, вещь* и т.п. в составе сказуемого неинформативными. Так, Г. Уэтцер называет их «"замещающими" существительными» («*dumpty nouns*») [1]. Однако сравнение примеров *Врач был хороший* и *Врач был хороший человек* показывает различие в семантике этих предложений, обусловленное наличием / отсутствием дублета *человек*. В первом случае речь идет о том, что врач хорошо справляется со своими обязанностями, а во втором – что он порядочный человек. Таким образом, в данном случае дублет выполняет смысловозначительную функцию.

Целью данной статьи является описание причин использования семантического дублета *человек / Mensch* в русских и немецких предложениях качественной характеристики, а также сопоставление их семантических и прагматических особенностей в обоих языках.

Источником материала послужили Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [2] и Мангеймский корпус немецкого языка (COSMAS II) [3]. При поиске в НКРЯ были заданы следующие параметры: **быть + прилагательное в именительном или творительном падеже + человек в именительном или творительном падеже** (каждое слово на расстоянии 1–3 друг от друга) – 100 примеров.

При поиске в корпусе немецкого языка были заданы параметры: **war 'был / была' + артикль ein + прилагательное + Mensch 'человек'** – 100 примеров.

Проанализировав примеры, мы выявили 3 причины использования дублета в обоих языках: структурная, семантическая и коммуникативная.

1. Структурная (8% примеров из русского языка, 26% примеров из немецкого языка) – дублет может быть использован, чтобы обеспечить сочетаемость слов в рамках определенной конструкции, например: *Помню, что он был высоким человеком, с лысиной и бесцветными глазами, плохо одетым* [4]. В данном примере соблюдено правило однородности, по которому в одном ряду должны стоять части речи, обладающие сходными грамматическими характеристиками. Так, однородные определения, как правило, выражаются прилагательными. Появление же наряду с ними существительных воспринимается как отклонение от стандарта, поэтому требуется определенная перестройка структуры предложения. В данном примере автор употребляет дублет *человек* в сочетании с прилагательным, чтобы продолжить ряд однородных сказуемых – *с лысиной и с бесцветными глазами*. Употребление существительного *человеком* в творительном падеже позволяет поддержать однородность морфологического выражения компонентов этого ряда: все остальные именные части сказуемого также выражены формами косвенных падежей имен существительных. Это создает ощущение большей однородности, которая нарушалась бы, если бы в одном ряду оказались вначале прилагательное, а за ним – косвенные формы имен существительных.

Аналогичный пример в немецком языке – *Mein Vater war ein freiheitsliebender Mensch mit einem ausgeprägten Gerechtigkeitsgefühl...* [5] 'Мой отец был свободолюбивый человек с сильным чувством справедливости'. В отличие от русского языка, здесь в

косвенном падеже представлен только второй компонент сказуемого — *mit einem ausgeprägten Gerechtigkeitsgefühl* ‘с сильным чувством справедливости’, в то время как первый компонент — *war ein freiheitsliebender Mensch* ‘был свободолюбивый человек’ — в именительном. Тем не менее компоненты сказуемого здесь однородны, так как имеют одинаковую структуру — существительное в сочетании с прилагательным.

В немецком языке нам также встретился случай, когда прилагательное в положительной степени нельзя употребить без существительного в силу особенностей языка: *Ja, er war ein besonderer Mensch* [6] ‘Да, он был особенным человеком’.

2. К семантическим причинам относится:

а) указание на конкретный лексико-семантический вариант (ЛСВ) в структуре значений лексемы, употребление ее в переносном значении (14% примеров из русского языка, 1% примеров из немецкого языка), например: *Лейтенант Смолосидов был тяжелый человек* <...> *трудно было отыскать* <...> *хорошее в его чуждом никогда не смеющемся взгляде...* [7]. В данном примере, благодаря существительному *человек*, прилагательное *тяжелый* получает переносное значение и употребляется в ЛСВ-8 по словарю С.А. Ожегова «неуживчивый, трудный» [8].

Аналогичный пример в немецком языке: «*Ich war ein schwieriger Mensch*», *gibt die inzwischen in Sachen Diplomatie gewiefte und gereifte Spielerin zu* [9] ‘«Я была тяжелым человеком», — признается хорошо осведомленный и зрелый игрок дипломатии’;

б) указание на личностные качества (2% примеров из русского языка, 4% примеров из немецкого языка), например: *Мне кажется, если учитель — хороший профессионал, он по определению должен быть прекрасный человек...* [10]. В данном примере имеется в виду, что учитель должен быть хорошим человеком, а не только профессионалом в узкой области. Если в этом предложении убрать слово *человек*, то смысл высказывания изменится, ср.: *Учитель был прекрасный* — подразумевается, что учитель хорошо справлялся со своими профессиональными обязанностями.

Аналогичный пример в немецком языке: *Tscheckow, so haben es all die Schulkinder gehört ... war ein guter Mensch* [11] ‘Чехов, как слышали все школьники, был хорошим человеком’. Если же прилагательное *gut* ‘хороший’ употребляется в немецком составном именном сказуемом без дублета при подлежащем, обозначающем лицо, то, как правило, формируется значение ‘хороший в чем-то’, например *Goethe war gut* <...> *der konnte reimen* [12] ‘Гете был хорош, он умел рифмовать’;

в) указание на постоянство, полноту признака (65% примеров из русского языка, 60% примеров из немецкого языка). Семантический дублет в составе сказуемого служит средством субстантивации прилагательного, обозначающего признак, и, таким образом, делает этот признак более статичным, например: *Понача-*

ду, когда я поступила учиться, она была как бы обижена <...>. Но *Надежда Матвеевна была умным человеком: она понимала, что мне хочется получить настоящее музыкальное образование, а не ограничиваться только отдельными уроками* [13]. Здесь с помощью слова *человек* автор показывает, что Надежда Матвеевна всецело наделена умом. Это ее постоянное и неотъемлемое качество, и именно благодаря этому она с пониманием относится к желанию своей ученицы закончить с ней индивидуальные уроки и начать получать настоящее музыкальное образование.

Пример в немецком языке: „*Er war ein lebenslustiger Mensch, hatte eine individuelle Persönlichkeit*“, *berichtete der Bürgermeister...* [14] ‘«Он был веселым человеком, имел свою индивидуальность», — сообщил мэр’. В данном примере мэр вспоминает умершего человека, подводит итог, каким он был на протяжении всей жизни, и для большей статичности описания субстантивирует признак с помощью существительного *человек*.

3. Коммуникативной целью является рематизация признака. Введение дублета в состав предиката позволяет сделать логическое ударение на предшествующем прилагательном (11 % примеров из русского языка, 9 % примеров из немецкого языка), например:

Феодосий Георгиевич Бардиан управлял Союзгосцирком около двадцати лет — с начала пятидесятых годов. В прошлом он полковник, политработник <...> *Бардиан, безусловно, был умным человеком и для развития цирка сделал много* [15]. В данном случае имеется несоответствие контекста и того, как описывается Бардиан. Так как слово *политработник* ассоциируется с представлением о человеке недалекого ума, то цель предложения — рематизировать признак *умный*, создать контраст между этим качеством Бардиана и его предыдущей должностью.

Пример в немецком языке: *Am 15. Mai 1843 als uneheliches Kind in Heiden zur Welt gekommen, wächst er in einem Waisenhaus in Speicher auf* <...>. *Doch Krüsi war ein talentierter Mensch mit Tatendrang* [16] ‘Он родился 15 мая 1843 года в Хайде как незаконнорожденный ребенок и вырос в приюте в Шпайхере. Но Круси был талантливым человеком с жадой действия’. В данном примере талантливость Вебера противопоставлена тому, что он был незаконнорожденным, вырос в приюте и был маленьким и бедным, по описанию одноклассников. Рематизируя признак *талантливый*, автор создает контраст между двумя описаниями Вебера.

Таким образом, в русском и немецком языках семантический дублет имеет одинаковый набор функций: структурная, семантическая и коммуникативная (рематизация признака). Наиболее распространенной функцией в обоих языках является семантическая, а именно указание на постоянство, полноту признака.

Как в русском, так и в немецком языках функция указания на конкретный ЛСВ встречается не часто, однако в русском языке подобных примеров было выявлено значительно больше, чем в немецком.

Функция рематизации признака в обоих языках

реализуется сравнительно редко (около 10% от общего числа примеров в выборке в обоих языках). Структура предложения чаще обуславливает появление дублета в немецком языке, где частотны предложения с прилагательными, которые невозможно употребить без семантического дублета. Подобные прилагательные в русском языке не выявлены.

Литература

1. Wetzler H. The typology of adjectival predication. – New York, 1996. – P. 77.
2. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
3. Die Applikation COSMAS II_{web} [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.ids-mannheim.de/cosmas2/web-app>.
4. Г.А. Газданов. Вечер у Клэр / начало романа (1930). [Электронный ресурс] // НКРЯ. – URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
5. M11/APR.01063 Mannheimer Morgen, 04.04.2011, S. 21; Golden glänzendes Gedenken [Электронный ресурс] // COSMAS II. – URL: <https://www.ids-mannheim.de/cosmas2/web-app>.
6. A10/MAI.01820 St. Galler Tagblatt, 06.05.2010, S. 43; “Statt Geld bekam man Bilder” [Электронный ресурс] // COSMAS II. – URL: <https://www.ids-mannheim.de/cosmas2/web-app>.
7. Александр Солженицын. В круге первом, т. 1, гл. 26–51 (1968). «Новый Мир», 1990 [Электронный ресурс] // НКРЯ. – URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
8. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М. : Русский язык, 1984.
9. HMP11/JUL.03282 Hamburger Morgenpost, 09.07.2011, S. 36; Inka, lass’ uns nochmal grin(g)sen! Kein Pardon für Japan Sturm-Ass will uns ins Halbfinale ballern / Prinz sitzt weiter draußen [Электронный ресурс] // COSMAS II. – URL: <https://www.ids-mannheim.de/cosmas2/web-app>.
10. Наши дети: Дошколята и младшие школьники (форум) (2005) [Электронный ресурс] // НКРЯ. – URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
11. Z10/JAN.00157 Die Zeit (Online-Ausgabe), 21.01.2010; Für immer, vielleicht [Электронный ресурс] // COSMAS II. – URL: <https://www.ids-mannheim.de/cosmas2/web-app>.
12. A10/FEB.04259 St. Galler Tagblatt, 15.02.2010, S. 43; Schnitzelbänke als Markenzeichen [Электронный ресурс] // COSMAS II. – URL: <https://www.ids-mannheim.de/cosmas2/web-app>.
13. И.А. Архипова. Музыка жизни (1996) [Электронный ресурс] // НКРЯ. – URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
14. BRZ12/ОКТ.10692 Braunschweiger Zeitung, 22.10.2012; Ein leiser Abschied von tödlich verunglücktem Feuerwehrmann [Электронный ресурс] // COSMAS II. – URL: <https://www.ids-mannheim.de/cosmas2/web-app>.
15. И.Э. Кио. Иллюзии без иллюзий (1995–1999) [Электронный ресурс] // НКРЯ. – URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
16. A11/NOV.01845 St. Galler Tagblatt, 04.11.2011, S. 41; Der «Ehrliche John»: Thomas Edisons begabtester Maschinenbauer aus Heiden [Электронный ресурс] // COSMAS II. – URL: <https://www.ids-mannheim.de/cosmas2/web-app>.

НОВЕЙШИЕ НЕОЛОГИЗМЫ В НЕМЕЦКОЙ ПРЕССЕ И СПОСОБЫ ИХ ОБРАЗОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВАРЯ НЕОЛОГИЗМОВ 10-Х ГОДОВ XXI ВЕКА СИСТЕМЫ OWID)

Голикова К.С.

Томский государственный университет, студент

THE MOST RECENT NEOLOGISMS IN THE GERMAN PRESS AND THE WAYS OF THEIR FORMATION (ON THE MATERIAL OF THE 2010S NEOLOGISMS DICTIONARY PUBLISHED IN OWID SYSTEM)

Golikova K.S.

Tomsk State University, student

В статье рассматриваются способы образования неологизмов, встречающихся в современной немецкой прессе. Анализ осуществляется на материале словаря неологизмов 10-х годов XXI века системы OWID, разработанного Институтом немецкого языка (г. Мангейм). В ходе исследования выявляются способы образования новейших неологизмов и делаются попытки анализа их частотности.

Ключевые слова: неологизм, способ образования неологизмов, заимствование.

The article deals with the ways of forming neologisms found in the modern German press. The analysis is based on the neologisms coined in the 2010s and published in the online dictionary in the OWID system developed by the German Language Institute (Mannheim). In the course of the research the ways of the most recent neologisms formation are defined and the attempts to analyze their frequency are made.

Key words: neologism, way of neologisms formation, borrowing.

Научный руководитель:
Морева Анастасия Владимировна,
канд. филол. наук, доцент.

Неологизм — новая лексическая единица или новое значение, которая/-ое появляется в определенный период языкового развития в коммуникативном сообществе, распространяется в нем и принимается в качестве языковой нормы [1]. Неологизмы появляются в языке постоянно, именно поэтому проблемы их изучения являются актуальными. Особый интерес для лингвистов при изучении неологизмов представляют пути появления новых слов в языке.

Цель данной работы — выявить способы образования неологизмов 10-х годов XXI в., встречающихся в современной немецкой прессе. В качестве источника материала исследования был взят словарь неологизмов 10-х годов XXI в., разрабатываемый Мангеймским институтом немецкого языка. Данный словарь, наряду с другими, находится на портале OWID (Das Online-Wortschatz-Informationssystem Deutsch) [2], посвященном корпусной лексикографии. Корпус проанализированных нами неологизмов составляет 172 единицы.

Л. Хольц выделяет следующие способы образования неологизмов: 1) словообразование (Derivation), 2) словосложение (Komposition), 3) заимствование (Entlehnung) и 4) аббревиация (Abkürzung) [3]. В исследуемом словаре данные способы являются наиболее распространенными. Далее мы рассмотрим каждый способ подробнее.

1. В словаре представлены два вида **словообразования** — эксплицитная деривация и конверсия. Среди анализируемых неологизмов было обнаружено 7 эксплицитных дериватов и 8 слов, образованных конверсией. Примером эксплицитного деривата может послужить слово *entfolgen*. Префикс *ent-* придает глаголам значение удаления, движения от исходной точки, бегства откуда-либо, от кого-либо при основах глаголов движения [4]. В данном случае присоединение

приставки *ent-* к глаголу *folgen* дало значение ‘отписываться в социальной сети’. Примером конверсии из анализируемого словаря является неологизм *Fingerwisch* ‘движения одним или несколькими пальцами на сенсорном экране смартфона или планшета’, образованный от словосочетания *mit Fingern wischen* ‘двигать пальцами по экрану монитора, листать страницы в Интернете’. Всего словарь насчитывает 15 неологизмов, образованных деривацией или конверсией.

2. Составители исследуемого словаря выделяют два вида **словосложения**: контаминация и детерминативные композиты. При анализе словаря было обнаружено 6 слов, образованных контаминацией, и 59 композитов. Примером контаминации является неологизм *Arabellion*, соединяющий в себе части слов *arabisch* ‘арабский’ и *Rebellion* ‘бунт’. Неологизм обозначает ‘политический прорыв в нескольких арабских странах, инициированный мощными демонстрациями с целью свержения существующего авторитарного режима’. Пример детерминативного композита — неологизм *Biodeutscher*, где первая часть сложного слова дает определение второй. Слово обозначает ‘немца, который родился и вырос в Германии’. Насчитывается всего 15 слов, образованных словосложением.

3. **Заимствование** не выделяется составителями словаря как отдельный способ образования неологизмов, однако в нем было обнаружено 67 заимствований, преимущественно англо-американизмов. Это такие слова, как: *Bitcoin*, *Emoji*, *Fake News* и т. д. Кроме того, 50 неологизмов являются кальками („*Gefällt mir*” — от англ. *like*) или полукальками („*Gefällt mir*”-*Button* — от англ. *like button*) английских слов или образованы по аналогии с ними (*entfolgen* соответствует *unfollow*).

4. В исследуемом словаре представлено всего 10 **аббревиатур**, например, *Leo* — сокращение от *Leoprint*.

Неологизм употребляется в значении ‘принт на одежде, напоминающий окрас леопарда’.

Помимо описанных способов в словаре также были обнаружены глагольные единицы с превербами (Präverb-fügungen) и непроизводные слова, или симплексы (Simplex).

Глагольные единицы с превербами – глагольные основы, к которым для выражения различных лексико-грамматических и грамматических значений был присоединен префикс [5]. В словаре присутствует только один пример неологизма, образованного данным способом – *aufpoppen*. В данном случае к немецкому английскому глаголу *to pop* присоединяется префикс *auf-*. *Aufpoppen* означает ‘открыть какое-либо заведение (чаще всего в необычном месте), следуя тренду, моде’.

Только одно слово в словаре обозначено как симплекс – *Kachel*. В ходе технического прогресса данное слово с первоначальным значением ‘кафель’ приобрело новое – ‘визуально выделенный прямоугольный элемент на экране компьютера’.

Таким образом, установлено, что на сегодняшний день словосложение и заимствование являются самыми продуктивными способами образования неологизмов в немецком языке (65 слов, образованных словосложением, и 67 заимствований). Кроме того, наличие

в исследуемом словаре, помимо заимствований, большого количества калек и полукалек, а также образований по аналогии с английскими словами подтверждает мнение о насыщении немецкого языка англоамериканизмами.

Литература

1. Steffens D. Deutsch-russisches Neologismenwörterbuch. Neuer Wortschatz im Deutschen 1991–2010 = [Немецко-русский словарь неологизмов. Новая лексика в немецком языке 1991–2010] / D. Steffens, O. Nikitina. – 2. überarb. Aufl. – Mannheim : Institut für Deutsche Sprache, 2016. – S. 12.
2. OWID. Das Online-Wortschatz-Informationssystem Deutsch des Instituts für Deutsche Sprache (IDS), Mannheim [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.owid.de> (дата обращения: 27.04.2019).
3. Holz L. Untersuchungen zu Neologismen in der Tagespresse: Grundlagen, Erscheinungsformen und Funktionen. – 1. Aufl. – Saarbrücken : VDM Verlag Dr. Müller, 2009. – S. 34–36.
4. Словарь словообразовательных элементов немецкого языка / А.Н. Зуев, И.Д. Молчанова, Р.З. Мурашов и др. ; под рук. М.Д. Степановой. – 2-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 2000. – С. 127.
5. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М. : Советская энциклопедия, 1966. – С. 332.

ПРИНЦИПЫ ПЕРЕВОДА РУССКОГО ГЛАГОЛА НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА А.П. ЧЕХОВА «ЧЕЛОВЕК В ФУТЛЯРЕ» И ЕГО ПЕРЕВОДА НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК)

Дурицкая К.Н.

Томский государственный университет, студент

PRINCIPLES OF TRANSLATING RUSSIAN VERB INTO ENGLISH (BASED ON THE MATERIAL OF A.P. CHEKHOV'S STORY "THE MAN IN THE CASE" AND ITS ENGLISH TRANSLATION)

Duritskaya K.N.

Tomsk State University, student

Статья посвящена исследованию принципов перевода русского глагола на английский язык. Несмотря на общность грамматических и лексических признаков глагола как части речи в европейских языках, русский глагол имеет ряд особенностей, которые отличают его от иноязычных аналогов и требуют применения целого ряда переводческих трансформаций.

Ключевые слова: русские глаголы, английские глаголы, переводческие трансформации.

The article is devoted to the study of the principles of translating Russian verb into English. Despite the common grammatical and lexical features of the verb as a part of speech in European languages, it can be argued that the Russian verb has a number of features that distinguish it from foreign analogs and require the use of a number of translation transformations.

Key words: Russian verbs, English verbs, translation transformations.

Научный руководитель:
Филь Юлия Вадимовна,
канд. филол. наук, доцент.

Перевод – это сложный и многогранный вид человеческой деятельности, в процессе которого происходит не просто замена единиц одного языка единицами другого, в нем сталкиваются различные культуры и языковые традиции. Достижение переводческой эквивалентности требует от переводчика умения произвести многочисленные и качественно разнообразные межязыковые преобразования – переводческие трансформации, чтобы текст перевода с максимально возможной полнотой передавал всю информацию, заключенную в исходном тексте. Это относится и к передаче на другие языки русского глагола.

Материалом исследования стал текст рассказа А.П. Чехова «Человек в футляре» и его перевод на английский язык, выполненный английской переводчицей русской литературы Констанс Гарнетт. В ходе исследования путем сплошной выборки из рассказа А.П. Чехова и его английского перевода были собраны русские глаголы (576) и их английские аналоги (554); были определены переводческие трансформации, употребленные в переводе рассказа, их частотность и мотивированность.

Перевод невозможно представить без **грамматических трансформаций**, они направлены на соотнесение грамматических особенностей языка оригинала и языка перевода и применяются в связи с несовпадением грамматической структуры перевода. В качестве наиболее частотных в исследуемом переводе представлены грамматические замены следующих типов.

1. **Замена формы слова** является наиболее распространенным видом грамматической трансформации, прежде всего, при передаче времени русского глагола на английский язык: **ВЫХОДИМ** мы вместе из дому... (здесь и далее цитируется по [1]). – **We WENT OUT together...** (здесь и далее цитируется по [2]).

2. **Замена частей речи** обычно вызвана различным употреблением слов разных частей речи и различными нормами сочетаемости в русском и английском языках: *Как вообще он ОТНОСИТСЯ к женщине, как он решает для себя этот насущный вопрос? – What WAS his ATTITUDE to woman?*

3. При замене членов предложения слова и группы слов в тексте перевода употребляются в иных синтаксических функциях, чем их соответствия в тексте подлинника, это ведет к перестройке предложения: *У Ивана Ивановича была довольно странная, двойная фамилия – Чимша-Гималайский, которая совсем не шла ему, и его во всей губернии ЗВАЛИ просто по имени и отчеству. – Ivan Ivanovitch had a rather strange double-barrelled surname – Tchimsha-Himalaisky – which did not suit him at all, and HE WAS CALLED simply Ivan Ivanovitch all over the province.*

4. **Замена простой конструкции сложной:** **СЧИТАЮ ДОЛГОМ УВЕРИТЬ** вас, что я тут ни при чем... – **I REGARD IT AS A DUTY TO ASSURE** you that I have had no hand in it... В данном случае замена вызвана синтаксическими особенностями английского языка: для него не характерно употребление после сказуемого косвенного дополнения без предлога, в связи с чем необходима перестройка предложения.

5. **Замены конструкций без подлежащего**, представленных в русском языке: *Вы – человек молодой, у вас впереди будущее, НАДО ВЕСТИ СЕБЯ очень, очень осторожно, вы же так манкируете, ох, как манкируете! – You are a young man, you have a future before you, YOU MUST BE very, very CAREFUL in your behaviour, and you are so careless – oh, so careless!* Такая трансформация необходима, так как для синтаксической структуры английского предложения обязательно наличие подлежащего и сказуемого.

Не менее важными при передаче русской глагольной семантики на иной язык являются **лексические трансформации**, позволяющие передавать оттенки смысла глагола.

Конкретизация как вид лексической трансформации предполагает замену слова или словосочетания исходного языка с более широким предметно-логическим значением на слово или словосочетание языка перевода с более узким значением: **НУЖНО СКАЗАТЬ**, что брат Вареньки, Коваленко, возненавидел Беликова с первого же дня знакомства... — **I MUST MENTION** that Varinka's brother, Kovalenko, detested Byelikov from the first day of their acquaintance...

Обратный конкретизации процесс — **генерализация**, при которой происходит замена единицы исходного языка, имеющей более узкое значение, единицей языка перевода с более широким значением: Он носил темные очки, фуфайку, уши закладывал ватой, и когда садился на извозчика, то **ПРИКАЗЫВАЛ** поднимать верх. — He wore dark spectacles and flannel vests, stuffed up his ears with cotton-wool, and when he got into a cab always **TOLD** the driver to put up the hood.

При такой трансформации, как **модуляция**, осуществляется замена слова или словосочетания исходного языка единицей языка перевода, значение которой логически выводится из значения исходной единицы. В анализируемом переводе рассказа А.П. Чехова представлена следующая модуляция: **Одним словом, ЗАРАБОТАЛА** машина. — *In short, the machine WAS SET IN MOTION* (заработала — значит была запущена).

Среди выявленных лексико-грамматических трансформаций, применяемых К. Гарнетт, были отмечены антонимический перевод и добавления.

При **антонимическом переводе** происходит трансформация утвердительной конструкции в отрицательную или наоборот, сопровождаемая заменой одного из слов переводимого предложения исходного языка на его антоним в языке перевода: *И этот учитель греческого языка, этот человек в футляре, можете себе представить, едва НЕ ЖЕНИЛСЯ.* — *And the Greek master, this man in a case — would you believe it? — almost GOT MARRIED.* Применение данной переводческой трансформации может быть обусловлено асимметрией лексико-семантических систем двух языков, особенностями выражения отрицания.

Добавление как прием трансформации заключается в использовании дополнительных лексических единиц для передачи имплицитных элементов смысла оригинала: ...и **ПРИХОДИЛ** ко мне, чтобы поговорить о семейной жизни. — ...and **CAME TO SEE** me to talk about family life.

Проведенное исследование позволило утверждать, что для передачи на английский язык грамматических особенностей и семантики русских глагольных единиц К. Гарнетт использовала в полном объеме ряд мотивированных переводческих трансформаций. Большинство из них являются грамматическими, что представляется естественным из-за разницы грамматических структур русского и английского языков.

Литература

1. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Сочинения в восемнадцати томах. — М.: Наука, 1986. — Т. 10. — С. 120–131.
2. Chekhov A.P. The wife and other stories / translated by C. Garnett. — Gloucester: Dodo Press, 2008. — P. 105–113.

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МОТИВАЦИИ «СВОЕГО» В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

Зырянов М.С.

Томский государственный университет, аспирант

LINGUISTIC REPRESENTATION OF THE MOTIVATION OF "FRIEND" IN PUBLIC AND POLITICAL TEXTS

Zyryanov M.S.

Tomsk State University, post-graduate student

Мотивация (образ предмета потребности) «своего» рассматривается через лингвистическую репрезентацию семантической категории в именах существительных на материале российских и американских текстов, освещающих вооруженный конфликт в Сирии в сентябре – декабре 2015 г. Проведен сопоставительный анализ лексем, репрезентирующих сферу мотивации, выделены ее семантические компоненты, ядро и периферия.

Ключевые слова: свой – чужой, мотивация, политический дискурс, Сирия, вооруженный конфликт.

Motivation of "friend" is examined through the linguistic representation of the semantic category in nouns on the material of Russian and American texts covering the armed conflict in Syria in September – December 2015. A comparative analysis of the lexical-semantic group representing the motivation sphere was carried out with the semantic components, core, and periphery determined.

Key words: friend-or-foe, motivation, political discourse, Syria, armed conflict.

*Научный руководитель:
Демешкина Татьяна Алексеевна,
докт. филол. наук,
профессор.*

Исследователями признано, что язык политики влияет на язык в целом. «Политическая коммуникация характеризуется высокой частотностью употребления большого числа абстрактных ключевых слов, которые ... интуитивно и произвольно воспринимаются слушающими и имеют чрезвычайно широкий спектр значений» [1]. Для номинации тех или иных явлений либо политических фигур тщательно подбираются лексические средства, посредством которых в сознании адресата формируется и/или активируется необходимый образ, стереотип или ярлык, поскольку «всегда есть разные способы сказать об одном и том же, и выбор никогда не бывает случайным» [цит. по 2]. И.М. Кобозева указывает, что «категоризация предполагает лексический выбор для выражения мысли о некотором положении дел. Слово выступает при этом как средство активации в сознании адресата не просто отдельного понятия, а целостной системы представлений, частью которой это понятие является (семантического поля, фрейма, сценария, стереотипа)» [3].

В ряду средств воздействий, применяемых в политических текстах, выделяется оппозиция «свой – чужой», определяющая картину мира человека и восприятие им поступающей (в том числе внедряемой) информации, а также формирующая «поле доверия» адресата [4]. Идею о ведущей роли оппозиции «свой – чужой» в политическом дискурсе поддерживает, в частности, Л.Н. Синельникова, которая утверждает, что бинарная оппозиция «свой – чужой» всегда базируется на жесткой аксиологической оппозиции: «свой» занимает место на шкале «хорошо», «правильно», «чужой» – на шкале «плохо», «неправильно», что коррелирует с основной функцией политического дискурса, а именно борьбой за власть [5]. Через использование семантической категории «свой» в сознании адресата создается сборный положительный образ

субъекта деятельности, с которым – по причине активного апеллирования последнего к аксиосфере адресата – читатель может или стремится так или иначе отождествить себя; категория «чужой», напротив, воплощает в себе образ врага. Наиболее явно и эксплицитно данные семантические категории проявляются в лексемах с фиксированным значением: в первую очередь, это такие части речи, как имя существительное и глагол, которые, во-первых, обладают наиболее конкретной семантикой, а во-вторых, употребляясь в типичной синтаксической функции, образуют грамматический центр высказывания.

Собственно сущность «своего» описывается именами существительными, которые распределяются по различным лексико-семантическим группам (далее – ЛСГ): номинации, форма и структура, качества и другие. В число этих групп входит и сфера мотивации (под мотивацией здесь понимается экспликация системы ценностей в образах предметов потребности). В группу «мотивация» входят лексемы, вербализующие подзащитных, цели, ценности и ориентиры, а также языковые формы, в каковые облекается интенция «своего».

В данной статье рассматривается языковая репрезентация мотивации «своего» в общественно-политических текстах. Анализ проводится по материалам информационного сопровождения вооруженного конфликта в Сирии в сентябре – декабре 2015 г. Используются тексты изданий «Аргументы и Факты», «Независимая газета», «Российская газета», CNN, LA Times и NY Times. Проанализировано по 10 статей от каждого издания. Из вышеупомянутых лексико-семантических групп именно «мотивация» в исследованных текстах наиболее обширно представлена количественно. В российском корпусе текстов она включает в себя 257 употреблений 129 отдельных существительных; в американском – 210 употреблений 101 су-

ществительного. Группа подразделяется на следующие функциональные подгруппы (согласно доминирующим семантическим компонентам): 1) подзащитные; 2) ценности; 3) цели; 4) ориентиры; 5) формы интенции. Для каждой такой подгруппы ниже приведены примеры репрезентирующих ее существительных и типичные контексты их употребления.

Первую подгруппу представляют т.н. «подзащитные» (жертва / объект пропозиции / мишень атаки). Женщины, дети, люди в целом и вообще все и все, кого и что следует защищать от атак «чужого». Российский корпус содержит, например, следующие репрезентанты данной подгруппы: «дети» (6), «памятники» (6), «люди» (3), «жена» (2), «граждане» (1), представленные в контекстах следующего типа: «Как и в любой войне, больше всего от нее страдают дети...». Для сравнения, в американском корпусе: «people» (20), «civilians» (9), «children» (7), «world» (6), «hostages» (5), «life» (5), «home» (2); пример типового контекста – «There's a lot at stake in Syria – with more civilians dying every day and refugees fleeing to other countries». По характеру наполнения подгруппа практически аналогична в обоих корпусах, но в американском представлена ощутимо большим количеством языковых единиц – за счет многократных повторных употреблений. Оба «своих» защищают слабых, но делают это с разной интенцией (американский апеллирует к «жертве» значительно чаще и интенсивнее, что наводит на мысли о большей важности легитимации силовых действий в адрес врагов).

Во вторую подгруппу входят «ценности» (любые явления и объекты, одобряемые, ценимые и позитивно оцениваемые как таковые, но не обязательно являющиеся целью конкретных вербализованных стремлений). В российском корпусе репрезентанты данной подгруппы – например, «право» (5), «информация» (5), «безопасность» (5), «согласие» (4), «взаимодействие» (3) – употребляются в контекстах, подобных следующему: «Россия ... действует в соответствии с международным правом – по просьбе о военной помощи президента Сирии Башара Асада». Заметим существенное различие в контексте употребления лексемы «права» («rights»; см. также подгруппу «цели»). Если в американском материале люди прав дословно требуют («demanding their basic rights»), то в российском слово употребляется в контексте «право на бомбардировку», имея скорее метафорический характер – за исключением того, что бомбардировки на территории другой страны (в данном случае осуществляемые США в Сирии) при отсутствии такового права официально расцениваются как акт военной агрессии в международном пространстве. Сравним с американскими репрезентантами: «accord» (3), «shops» (2), «handshakes» (1), «borders» (1), «richness» (1), «neighborhoods» (1), «monuments» (1); «...Tamam, a resident ... said people had defiantly reopened their shops after the attacks». Отметим, что американская актуализация подгруппы включает значительное количество материальных объектов, однако каждый из них представляет собой тот или иной социальный институт / аспект общественной жизни, «свернутый» в одно слово: «borders» – «свое» пространство, «shops» – самовыражение через потребление и общение, «neighborhoods» – общины и коллективное проживание, «monuments» – культурное наследие.

Третью подгруппу составляют лексемы, репрезен-

тирующие «цели» (желаемый результат действий – преимущественно процесс / организация взаимодействия на той или иной основе – см. «ценности»). То, чего «свой» добивается в мире; как правило, цели имеют нематериальный характер. Примеры репрезентантов в российском корпусе: «перемирие» (14), «переговоры» (6), «урегулирование» (5), «сотрудничество» (2), «диалог» (1). Типовой контекст: «...цель в Сирии – стабилизация государственности и создание условий для начала политического процесса, переговоров...». С учетом специфики текстов, освещающих войну, основная предлагаемая цель «своего» – прекращение конфликтов и мирное сосуществование. Часто встречаются отглагольные существительные, что, однако, может быть обусловлено собственно грамматическим строем русского языка. Американский корпус: репрезентанты – «security» (4), «control» (4), «rights» (3), «unity» (2), «independence» (1), «justice» (1), «safety» (1) и др. – используются в контекстах типа «the Islamic State is ... filling a void in the absence of solid national identity and security». Напомним, лексема «права» («rights») встречается и в российском материале (см. подгруппу «ценности»), но здесь она входит в другую подгруппу: люди требуют прав («demanding their basic rights»), равно как требуют безопасности и независимости. Граница между этой и следующей подгруппами в определенной степени условна, поскольку «ориентиры» перетекают в «цели» (при вторжении «чужого» они становятся объектом непрямого атаки), и наоборот. Главная общая черта семантического наполнения подгруппы в российском и американском корпусах – нацеленность на достижение мира. Но вербализуется эта нацеленность по-разному; в частности, для американского «своего» мирное существование обусловлено, прежде всего, обеспечением безопасности и условий жизни (то есть в первую очередь устранением всех имеющихся в поле зрения угроз с целью сохранения безопасного положения – а не собственно прекращением текущего конфликта).

Четвертая подгруппа – «ориентиры» (аттракторы, категоризирующие элементы). Это собственно «мотиваторы» – точки притяжения, вокруг которых сконцентрированы бытие и деятельность «своего», объекты и явления, организующие национально-культурную картину мира. «Свой» нацелен (мотивирован) на поддержание и защиту аттракторов, а также на устранение любых угроз (в том числе упреждающее). Примеры репрезентантов в российском корпусе текстов: «победа» (3), «государство» (2), «монастырь» (2), «цивилизация» (2), «храмы» (1); пример типового контекста употребления: «Победа над такими организациями, как ИГ – дело времени; они ... появятся в момент ослабления государственности». Американский корпус включает следующие примеры лексем: «nation» (4), «families» (4), «country» (3), «tolerance» (2), «home» (2), «progress» (1), употребляющиеся в контекстах вида «Our nation was horrified, but it's not going to be terrorized». В американском материале подгруппа представлена несколько шире. Как в российском, так и в американском вариантах актуализации данной подгруппы широко представлен семантический компонент сопричастности / принадлежности к некоей общности, очерчиваемой на разных уровнях (цивилизация, государство, страна, нация, семья, дом). Отметим, что в российском материале присутствует религиозно-культурная символика (монастырь, храмы), а

в американском символика идеологическая (толерантность/терпимость). У американского присутствует, в частности, понятие «прогресс» (ориентированность вовнутрь); у российского – «победа» (ориентированность вовне: победа над кем-то).

Последняя, пятая подгруппа – «форма интенции» (описание характера потребности или действия, нацеленного на ее удовлетворение) – включает в себя лексемы, вербализующие формы и обоснования устремлений «своего». Примеры репрезентантов в российском корпусе: «задачи» (7), «интересы» (5), «цель» (4), «необходимость» (4), «вопросы» (2); типовой контекст – «Москва ставит и выполняет конкретные задачи, а не занимается пиаром и рекламой». Американские лексемы, подобные следующим: «interests» (3), «reason» (2), «guidelines» (1), встречаются в контекстах типа «There's no good reason Washington should go along with any of this». По характеру наполнения подгруппы функционально соответствуют одна другой: заявляемые притязания объективно обусловлены, обоснованы, целесообразны и правомерны. Для российского «своего» более важно отчетливо вербализовать подгруппу, что выражается в более высоких количественных показателях как самого наполнения, так и повторяемости отдельных единиц.

В целом, актуализации сферы мотивации «своего» в исследованных материалах имеют как сходства, так и различия. Например, для обоих «своих» важна группа, к которой они «принадлежат». Но группа у американского «своего» является ценностью за счет ее конституированности из субъектов, объединенных общей

мотивацией (также цели, ценности и ориентиры американского «своего» более практичны; российского – могут иметь устойчивый метафизический характер); российский «свой» расценивает группу как самооценку не по общности признаков, ей присущих, а по той причине, что она для него своя. Таким образом, мы делаем вывод, что общность репрезентации тех или иных компонентов сферы мотивации «своего» нередко является чисто внешней и имеет под собой различные основания, обусловленные, как правило, национально-культурным и социально-историческим контекстом, а также политической конъюнктурой.

Литература

1. Шуманн Й. Политический конфликт и языковая коммуникация // Язык и идеология : реф. сб. – М., 1987. – С. 117.
2. Weiler M., Barhett W. Reagan and public discourse in America. – Tuscaloosa : University of Alabama Press, 1992. – P. 4.
3. Кобозева И.М. Лингво-прагматический аспект анализа языка СМИ [Электронный ресурс] // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования : учебное пособие / отв. ред. М.Н. Володина. – М. : Изд-во МГУ, 2003. – URL: <http://evartist.narod.ru/text12/08.htm> (дата обращения: 21.04.2019).
4. Поршнева Б.Ф. Социальная психология и история. – 2-е изд. – М. : Наука, 1979. – 335 с.
5. Синельникова Л.Н. Коммуникативные модели оппозиционного политического дискурса [Электронный ресурс] // Политическая лингвистика. – 2010. – № 1(31). – URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/sinelnikova-10.htm> (дата обращения: 21.04.2019).

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ ОТРАСЛИ «ОБЕССЕРИВАНИЕ НЕФТЕЙ И НЕФТЕПРОДУКТОВ» В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Краевская И.О.

Томский политехнический университет, аспирант

WORD FORMATION PROCESSES IN THE CHINESE TERM SYSTEM OF "DESULFURIZATION OF OIL AND OIL PRODUCTS" INDUSTRY

Kraevskaia I.O.

Tomsk Polytechnic University, post-graduate student

В статье рассматриваются особенности процессов терминообразования в китайском языке на материале отрасли «Обессеривание нефтей и нефтепродуктов». Анализ полученных данных показывает единство словообразовательных моделей единиц общепотребительной и специальной лексики. На основании данного положения в работе предложена классификация способов образования терминов.

Ключевые слова: терминология; терминообразование; словообразование; китайский язык; обессеривание.

The article focuses the features of the term formation processes in Chinese language using the material of "Desulphurization of oils and oil products" term system. The analysis of collected data shows the sameness of word formation models for common and special vocabulary units. Basing on this statement, we propose a classification of term formation methods.

Key words: terminology; term formation; word formation; Chinese language; desulfurization.

*Научный руководитель:
Мишанкина Наталья Александровна, докт. филол. наук,
профессор.*

В настоящее время вызов к изучению специальной лексики китайского языка обусловлен стремительным развитием собственных китайских технологий, а также выходом китайских ученых на международный уровень. Такой стремительный рост предполагает усиление международных связей. Как следствие, возрастает потребность в качественном техническом переводе. Тем не менее, китайский язык, в силу изолированного развития, представляет трудность для изучения в целом, даже на уровне общепотребительной лексики, в связи с чем изучение и упорядочивание терминов китайского языка является важным аспектом в современном терминоведении китайского языка. Одним из важных направлений терминологии является изучение структурных моделей образования терминов [1]. Изучение данного аспекта позволяет лучше понять значение конкретной терминологической единицы и, как следствие, верно выбрать переводческий прием и эквивалент. В связи с вышеперечисленными положениями изучение структуры терминов китайского языка представляется актуальным для нескольких дисциплин, таких как терминоведение и терминография.

На сегодняшний день одним из наиболее актуальных и востребованных направлений нефтехимии является такая подотрасль, как обессеривание нефтей и нефтепродуктов. Удаление серы из нефтей значительно повышает качество производимых нефтепродуктов, в связи с чем оптимизация процессов сероочистки представляется перспективным направлением.

В связи с вышесказанным целью настоящего исследования заключается в выявлении национальной специфики и характерных способов моделирования семантики терминов терминосистемы «Обессеривание нефтей и нефтепродуктов» в китайском языке

Теоретической базой исследования выступили работы отечественных, зарубежных и китайских линг-

вистов, посвященные вопросам словообразования и заимствования иноязычной лексики в китайском языке (Гао Минкай, В.И. Горелов, И.В. Кочергин, Лю Цзэсян, К. Менде, Мяо Жуйцин, А.Л. Семенов, О.П. Фролова, Цай Мэй).

Материалом исследования послужили 215 терминов, извлеченные методом сплошной выборки из текстовых источников [2–5]. Также были использованы следующие словарные источники: Люй Цзюнь, Анисимцев Н.В. «Китайско-русский научно-технический словарь» [6]; Ошанин И.М. «Большой китайско-русский словарь», онлайн-версия [7].

Дефиниционный анализ применялся для определения значения термина, словообразовательный – для определения модели построения термина, компонентный анализ применялся при анализе семантических дериватов и калек для выявления семантической структуры термина.

Изучив существующие классификации способов словообразования (В.И. Горелов, И.В. Кочергин, А.Л. Семенов) и способов терминообразования (К. Менде, Мяо Жуйцин, Цай Мэй), мы пришли к выводу, что ученые, занимающиеся вопросами словообразования, в качестве материала привлекают общепотребительную лексику, в то время как терминоведы изучают только заимствованную терминологию. Такое разделение материала обусловлено сложностью китайского языка за счет иероглифической письменности (для словообразования) и избытком заимствованной терминологии в силу длительной технической отсталости Китая (для терминообразования).

Принимая во внимание вышесказанное, в качестве базовой классификации способов терминообразования была избрана работа А.В. Суперанской [8], предложившей разделить все способы терминообразования на способы, действующие на уровне исконной лексики и на уровне заимствованной.

Таблица 1. Способы терминообразования в китайском языке

На уровне исконной лексики	• деривация • семантическая деривация
На стыке уровней	• калькирование • семантическое заимствование
На уровне заимствованной лексики	• прямое заимствование • фонетическое заимствование

Рассмотрим систему китайской терминологии в аспекте способов терминообразования.

На уровне исконной лексики. Собственно деривационное терминообразование в китайском языке представлено только одним типом – словосложением. Данный способ напрямую обусловлен влиянием моделей образования слов общепотребительной лексики, им образовано 109 терминов из 215.

(1) 脱硫 tuōliú обессеривание = 脱 tuō удалять + 硫 liú сера.

Сложение иероглифов-морфем передает значение обессеривания как процесса удаления серы.

Семантическая деривация представляет собой переход слов общепотребительной лексики в разряд терминов. Данным способом образовано 7 терминов из 215.

(2) 石灰乳 shíhuǐrǔ известковый раствор = 石灰 shíhuǐ известь + 乳 rǔ молоко.

Иероглиф 乳 rǔ молоко терминологизируется на основании метафорического сходства известкового раствора и молока по цвету.

На стыке уровней. Вслед за китайскими лингвистами Гао Минкаем и Лю Чжэнтанем мы относим способы калькирования и семантического заимствования к стыку уровней исконной и заимствованной лексики, поскольку в терминах, образованных данными способами, заимствуется только значение слова, а форма слова образована по моделям китайского языка [9].

Как указывает Л.С. Бархударов, «калькирование заключается в передаче безэквивалентной лексики исходного языка при помощи замены ее составных частей – морфем или слов (в случае устойчивых словосочетаний) их прямыми лексическими соответствиями в языке перевода» [10]. В исследуемой терминосистеме терминами-кальками являются 28 терминов из 215.

(3) 原油脱水 yuányóu tuōshuǐ raw oil dehydration обезвоживание сырой нефти = 原油 yuányóu сырая нефть + 脱水 tuōshuǐ обезвоживать.

В примере (3) представлена пословная замена исходных англоязычных компонентов терминами соответствующими китайскоязычными с сохранением порядка слов в словосочетании raw oil dehydration.

Одним из видов заимствования, который характерен только для китайского языка, является семантическое заимствование. Китаист И.В. Кочергин дает следующее определение семантическому заимствованию: «многочисленная группа заимствований, представляющих собой перевод на китайский язык семантического содержания иноязычного термина» [11]. То

есть базой для семантического заимствования служат те термины исходного языка, план содержания которых не совпадает с планом выражения. Зачастую, глядя на термин исходного языка, не удается выявить обозначаемый объект. Требуется дополнительная работа с толковым словарем. При переходе таких терминов в китайский язык значения используемых иероглифов будут указывать на суть термина, на его свойства или характерные особенности. Семантическими заимствованиями являются 53 термина из 215.

(4) 被吸附物 xīfùwù адсорбат = 被 bèi подвергаться + 吸附 xīfù присасываться + 物 wù вещество.

Поморфемный перевод термина 吸附物 xīfùwù адсорбат «вещество, подвергающееся присасыванию» отражает семантику – поглощенное вещество; компонент исходного сырья, поглощаемый адсорбентом в процессе адсорбции [12].

На уровне заимствованной лексики. Иероглифическое письмо обуславливает отсутствие транслитерации, поэтому посредством прямого заимствования в китайский язык переходят аббревиатуры и единицы измерения. Данным способом образовано 8 терминов из 215.

(5) DBT от dibenzothiophene дибензотиофен;

(6) mol/min моль в минуту.

Транскрипция (фонетическое заимствование) функционирует на уровне названий некоторых веществ, установок, а также фамилий ученых, которые легли в основу номинации. Данным способом образовано 10 терминов из 215.

(7) 噻吩 sāifēn thiophene [saiəfɪn] тиофен = 噻 sāi нет значения + 吩 fēn нет значения;

(8) 埃索麦克斯装置 āisuǒmàikèsī zhuāngzhì Isomax unit «установка Изомакс».

埃索麦克斯 āisuǒmàikèsī является транскрипцией английского Isomax [aisəʊmæks].

В ходе анализа отобранных терминов была разработана классификация способов терминообразования для сферы «Обессеривание нефтей и нефтепродуктов», которая максимально отражает особенности моделей форм терминов китайского языка. Наиболее продуктивными способами образования терминов являются способы, действующие на уровне исконной лексики (116 из 215 терминов), что обусловлено внутренними правилами построения слов в китайском языке. Большое количество терминов, заимствованных семантически, и терминов-калек (81 термин из 215) также подтверждает прямое влияние словообразовательных моделей на модели образования терминов в китайском языке. Иероглифическое письмо и общеязыковая тенденция к прозрачной семантике обуславливают низкую частотность и продуктивность способов терминообразования на уровне заимствованной лексики (18 терминов из 215).

Литература

1. Голованова Е.И. Введение в когнитивное терминоведение : учебное пособие. – 2-е изд., стер. – М. : Флинта ; Наука, 2014. – С. 10.
2. 李维彬 《生物脱硫技术在石油领域的应用与发展》 [Электронный ресурс]. – URL: <https://wenku.baidu.com/view/2cf8df2eaf8941ea66e05d0.html> (дата обращения: 24.03.2018).

3. 张浩《液化石油气脱硫工艺概述》[Электронный ресурс]. – URL: <https://wenku.baidu.com/view/fcd9169db8f67c1cfad6b8a2.html> (дата обращения: 24.03.2018).
4. 田淑梅《石油加工中生物脱硫技术的进展》[Электронный ресурс]. – URL: <https://wenku.baidu.com/view/8733a73fcfc789eb172dc84d.html> (дата обращения: 24.03.2018).
5. 张文钰《石油加氢脱硫催化剂应用进展》[Электронный ресурс]. – URL: <https://wenku.baidu.com/view/f6453467fc4ffe473368aba2.html> (дата обращения: 24.03.2018).
6. Люй Цзюнь, Анисимцев Н.В. Китайско-русский научно-технический словарь. – Пекин : Шаньу иньшугуань ; М. : Русский язык, 2009. – 888 с.
7. Ошанин И.М. Большой китайско-русский словарь [Электронный ресурс]. – URL: <http://bkr.info> (дата обращения: 24.03.2018).
8. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология и вопросы теории. – М. : Наука, 1989. – С. 105
9. 高名凯、刘正琰著《现代汉语外来词研究》. – Пекин : 文字改革出版社, 1958. – С. 8–9.
10. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). – М. : Международные отношения, 1975. – С. 99.
11. Кочергин И.В. Очерки лингводидактики китайского языка. – М. : Восточная книга, 2012 – С. 84.
12. Тараканов Г.В. Основные термины в нефтегазопереработке. Краткий справочник : учеб. пособие. – Астрахань : Изд-во АГТУ, 2011. – С. 7.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С СЕМАНТИКОЙ НАМЕКА В РУССКОЙ И ВЬЕТНАМСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Нгуен Бик Нгок

Томский государственный университет, аспирант

PHRASEOLOGICAL UNITS WITH SEMANTICS OF A HINT IN RUSSIAN AND VIETNAMESE LINGUISTIC CULTURES

Nguyen Bich Ngoc

Tomsk State University, post-graduate student

В статье рассматриваются способы представления русских и вьетнамских фразеологических единиц с семантикой намека, входящих во фразеологическое поле «речь». Проводится их сопоставительный анализ, выявляются культурные различия, находящие отражение в семантике идиом.

Ключевые слова: фразеологизм, картина мира, поле «речь», лингвокультура.

The article discusses the ways of representing Russian and Vietnamese phraseological units with a hint semantics included in the "speech" phraseological field. Their comparative analysis is carried out, cultural differences are revealed, which are reflected in the semantics of idioms.

Key words: phraseologism, picture of the world, the field of "speech", lingvokultur.

Научный руководитель:
Гынгазова Людмила Георгиевна,
канд. филол. наук, доцент.

Язык человека играет важную роль в обработке мысли и процессе формирования речи. Каждый язык обладает специфической для отдельной нации внутренней формой, выражающей национальный дух и культуру этноса. Проблема языка и мышления тесно связана с языковой картиной мира. Под термином «языковая картина мира» учеными понимается выраженная с помощью различных языковых средств, системно регулируемая, социально общезначимая модель знаков, составляющая информацию об окружающем мире. Языковая картина мира является общим культурным наследием определенного языкового сообщества. Будучи следствием исторического развития этноса и языка, языковая картина мира передает из поколения в поколение определенное мировоззрение, правила поведения, образ жизни путем закрепления всего этого в формах языка. Она способствует сохранению языкового и культурного наследия, оригинальности мировоззрения представителей нации [1]. Изучение языковой картины мира конкретной этнической общности – это лучший способ узнать все особенности ее речи, понять ее идеи, самобытность и менталитет, иначе говоря, языковая картина мира является одним из способов освоения знаний об объективной действительности.

Фразеология является фрагментом языковой картины мира. С одной стороны, фразеологическая единица – установленный, универсальный и существенный элемент, который украшает и обогащает язык. С другой стороны, фразеология любого языка является наиболее ценным языковым наследием, отражающим менталитет нации. Это душа каждого национального языка, которая уникальным образом показывает дух, видение мира, национальную культуру, обычаи и традиции, веру, историю отдельных носителей, так как «именно фразеология как бы навязывает носителям особое видение мира, ситуации» [2]. В.Н. Телия утверждает, что «фразеологический состав языка – это зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [3]. Фра-

зеология русского и вьетнамского языка моделирует соответствующие фразеологические картины мира, и их описание репрезентирует элементы каждой национальной языковой картины мира на основе фразеологических образов [4].

В данной статье представляются русские и вьетнамские фразеологические единицы с семантикой намека, входящие в поле «речь», проводится сопоставительный анализ фрагментов русской и вьетнамской фразеологической картин мира, отражающих один из видов речевой деятельности человека, выявляются культурные различия между двумя неблизкородственными языками.

Материалом исследования послужили русские и вьетнамские фразеологизмы, отражающие речевую деятельность человека, представленные в следующих словарях: «Фразеологический словарь русского языка» под ред. А.И. Молоткова; «Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий» под ред. В.Н. Телия; «Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. Около 6000 фразеологизмов» под ред. В.М. Мокиенко; «Фразеологический словарь русского литературного языка» А.И. Федорова; «Thành ngữ tiếng Việt» Нгуен Лык; «Từ điển thành ngữ và tục ngữ Việt Nam» Нгуен Лан; «Từ điển giải thích thành ngữ tiếng Việt» Нгуен Ныи И, Нгуен Ван Ханг, Фан Суан Тхань.

Необходимо отметить высокую степень наполненности фразеологического поля «речь» в русской и вьетнамской лингвокультурах. Именно эта группа фразеологизмов описывает многовековые наблюдения над поведением человека в речевой деятельности, при этом именно эта группа, в свою очередь, превращается в информационный ресурс, рассказывающий о специфике менталитета каждого народа.

При анализе фразеологических единиц поля «речь» нам удалось выделить в его пределах группы,

описывающие речевую деятельность человека с разных точек зрения. Формирование групп базируется на семантическом критерии: в основе каждой из них лежит определенный аспектируемый признак, вокруг которого группируются фразеологические единицы, обнаруживающие общность семантики.

В настоящем исследовании представлено описание одной из групп, составляющих поле «речь». Можно вычленировать совокупность фразеологических единиц, в которых отражается семантика намека в речи.

Исследование русских фразеологизмов показывает, что в группу, обозначающую намек, входят следующие единицы:

– *Бросать/бросить камешек (камешки) в чей-то огород* [5, с. 48]. Разг. – намекать о ком-либо в разговоре, в беседе, обычно осторожно, чтобы не обидеть. – [Хлестаков:] Скажите, пожалуйста, нет ли у вас каких-нибудь развлечений, обществ, где бы можно было, например, поиграть в карты? [Городничий (в сторону):] Эге, знаем, голубчик, в чей огород камешки бросают! Гоголь. Ревизор.

– *Закидывать (закинуть) слово (словечко)* [5, с. 48] – намекать на что-либо при случае. Устар. В подходящий момент, пользуясь случаем, упоминать об интересах кого-либо, намекать на что-либо. – К Злобинным прежде он хаживал частенько, а теперь, кстати, Анна Ивановна закинула словечко, чтобы он побывал. Мамин-Сибиряк. Именинник.

– *Закидывать (закинуть) удочку* [5, с. 241] – осторожно намекать (намекнуть) на что-либо с целью предварительно что-либо узнать, выяснить. – В разговоре с отцом я закидывал удочку насчет нашей поездки на экскурсию. При встрече с приятелем мальчик закинул удочку насчет книги.

Все три русских фразеологизма уподобляют ситуацию намека в речи ситуации закидывания, броска разных предметов в чужое пространство. Все три ситуации объединены идеей действия, точный результат, которого неизвестен и требует ожидания обратной связи. Бросающий не может входить в это пространство напрямую. Такой способ обозначения ситуации метафорически передает смысл речевого действия «нарек».

Во вьетнамскую группу фразеологизмов со значением «нарек» входят следующие единицы:

- *Nói bóng nói gió* [5, с. 241] – говорить тень, говорить ветер;
- *Nói cạnh nói khõe* [6, с. 370] – говорить обиняками, говорить намеками;
- *Nói gần nói xa* [6, с. 371] – говорить вокруг да около (говорить вблизи, говорить вдали);
- *Sấm bên đông động bên tây* [6, с. 374] – гром с востока трогает запад.

Во вьетнамском языке фразеологические единицы со значением «говорить намеками» включают повтор глагола «*nói ...*, *nói ...*» – «говорить ..., говорить ...», далее при их сочетании с разными словами создается полное значение группы фразеологизмов

«говорить намеками». В данном случае глагол «*nói* – говорить» сочетается с такими словами как «*bóng* – тень, *gió* – ветер, *cạnh* – край, *khõe* – угол, *gần* – близость, *xa* – дальность». Эти слова сами по себе не касаются темы «говорить намеками», и каждое из них имеет свое значение, но в сочетании они приобретают единое переносное значение намека. Слова, входящие во фразеологическую единицу, не всегда мотивируют ее внутреннюю форму, например «*bóng* – тень», «*gió* – ветер», но есть случаи, когда они ассоциативно связываются со смыслом «нарек». Например, фразеологизм «*nói gần nói xa* – говорить вблизи, говорить вдали» означает намекать (намекнуть) на что-либо с целью предварительно что-либо узнать, выяснить. В нем происходит пересечение слов «*gần* – близость», «*xa* – дальность» и складывается метафорический образ подхода к цели речевого действия с необозначенных точно мест пространства (дальное место, близкое место). Эта неопределенность пространства ассоциативно связывается с речевой неопределенностью, непроговоренностью напрямую какой-либо информации. Эта ассоциативная связь формирует образ намека. В другом фразеологизме «*Sấm bên đông động bên tây* – гром с востока трогает запад» природное явление гром распространяется в пространстве с разных точек (восток – запад), что также ассоциативно определяет метафорический образ характера речевого действия «нарек» – нечетко высказанной мысли, заставляющей только догадываться о том, что имеет в виду говорящий.

Таким образом, сопоставительный анализ русских и вьетнамских фразеологизмов со значением «нарек» обнаруживает как сходство, так и различия.

Сходство заключается в следующем: во-первых, как в русской, так и во вьетнамской языковой картине мира присутствует представление о таком виде речевого действия, как намек; во-вторых, способы репрезентации этого представления немногочисленны в обеих лингвокультурах; в-третьих, образное начало исследуемых фразеологизмов и в русском, и во вьетнамском языках затрагивает сферу пространства.

Различия состоят в том, что в русском языке образ намека выстраивается с опорой на конкретные, реальные ситуации, в то время как во вьетнамском передается описательно с привлечением слов пространственной семантики (восток-запад, близко-дально). И еще следует отметить, что во вьетнамском языке речевое проявление «нарек» отмечено отрицательной коннотацией, в то время как в русском она нейтральна.

Литература

1. Добровольский Д.О. Национально-культурная специфика во фразеологии. – М., 1997. – С. 4–6.
2. Маслова В.А. Введение в лингвокультурологию : учеб. пособие – 2-е изд., стер. – М. : Академия, 2004. – С. 40.
3. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – С. 9.
4. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – М., 2003. – С. 48.
5. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. – М., 2008.
6. Hoàng Văn Hành. Kể chuyện thành ngữ tục ngữ Việt Nam . – Ханой, 2003.

ПРИНЦИПЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА В ЭЛЕКТРОННОМ ПОЛИЯЗЫЧНОМ СЛОВАРЕ МЕТАФОР

Панышева Д.А.

Томский государственный университет, студент

PRINCIPLES OF SYSTEMATIZATION OF LANGUAGE MATERIAL IN THE ELECTRONIC MULTILINGUAL DICTIONARY OF METAPHORS

Panysheva D.A.

Tomsk State University, student

В статье представлена концепция электронного идеографического словаря, содержащего метафорические языковые единицы русского, казахского, английского и итальянского языков. Дается характеристика языкового материала и обоснование принципов и приемов системного описания и сопоставления образной лексики нескольких языков, мотивированной значениями общей концептуальной сферы-источника.

Ключевые слова: пищевая метафора, идеографический словарь, образная лексика.

The article presents the conception of an electronic ideographic dictionary containing metaphorical language units of the Russian, Kazakh, English and Italian languages. The characteristics of the language material and the rationale for the principles and techniques of the system description and comparison of the figurative vocabulary of several languages, motivated by the meanings of the general conceptual source field, are given.

Key words: food metaphor, ideographic dictionary, figurative words.

Научный руководитель:
Юрина Елена Андреевна,
докт. филол. наук,
профессор.

В настоящее время научным коллективом кафедры русского языка Томского государственного университета под руководством профессора Е.А. Юриной ведется работа над созданием полиязычного электронного словаря пищевой метафоры. Словарь разрабатывается в рамках гранта РФФИ. Концепция словаря предполагает системное описание и сопоставление образной лексики нескольких языков, мотивированной значениями общей концептуальной сферы-источника, с целью выявления универсальных и специфических черт языковых картин мира.

Материал словаря – лексические и фразеологические единицы русского, английского, итальянского и казахского языков с образным значением. Под образностью понимается «когнитивная модель, позволяющая осуществить концептуализацию нового онтологического явления по аналогии с уже сложившейся системой понятий» [1].

Все образные слова и выражения, включенные в словарь, объединяет отнесенность исходного мотивирующего значения к семантическому полю «Еда». В словарь вошли следующие структурно-семантические разновидности образных языковых средств: языковые метафоры – вторичные лексико-семантические варианты с образным метафорическим значением (*плюшка* 'вознаграждение', *pane* «хлеб» 'нечто важное'); собственно образные слова – морфологически мотивированные лексические единицы (*нахлебник* 'человек, живущий за чужой счет', *puddinghead* 'пудингоголовый' 'человек, который глупо ведет себя'); сравнительные обороты (*баранкой* 'в форме кольца', *амырдай* «как тесто» 'жирный, упитанный'); фразеологические единицы (*un pezzo di pane* «быть куском хлеба» 'о добром человеке', *айран-асыр* «айран проливается» 'беспорядок'); пословицы и поговорки (*la farina del diavolo va tutta in crusca* «мука черта становится отрубями» 'краденое добро впрок не идет'). Включение в сло-

варь всех типов метафорических единиц, в том числе и идиоматической периферии, позволяет максимально широко охватить варианты реализации базовой метафорической модели «Нечто – это Еда». Принцип полного охвата единиц актуален и на уровне семантики: в словарь входят метафорические проекции как из центральных тематических групп поля «Еда» (продукты и блюда), так и из периферийных (инструменты, объекты и субъекты гастрономической деятельности).

Выбор языков для сопоставления опирается на два критерия: социокультурный и собственно лингвистический, из которых приоритет отдается социокультурному в силу лингвокультурологической направленности словаря. Источниками языкового материала являются опубликованные словари («Словарь русской пищевой метафоры» [2], «Казахская пищевая традиция в зеркале языковых образов» [3]) и Национальные корпуса указанных языков, из которых сплошной выборкой отбирались метафорические тексты.

Образные слова и выражения не только номинируют предметы и явления внеязыковой реальности, но и отражают типовые образы, формирующие языковую картину мира. Двуплановая структура метафорических единиц и их роль в категоризации явлений действительности обуславливают особенности лексикографирования. Электронный формат нашего словаря позволяет классифицировать языковой материал по нескольким параметрам. Предполагается, что поиск в словаре будет возможен как по сфере-источнику, так и по сфере-мишени.

В первом случае синоптическая схема выстроена по гнездовому принципу: названия рубрик отражают тематическую классификацию сфер-источников метафоризации, внутри каждой рубрики выделяются лексико-фразеологические гнезда. Каждое гнездо содержит мотивирующее слово в исходном значении и

серию образно мотивированных слов и выражений, транслирующих пищевую метафору.

При идеографическом построении макроструктуры словаря образные слова и выражения распределяются в соответствии с моделью членения явлений действительности в сознании. Синоптическая схема в этом случае отражает фрагмент языковой картины мира, систематизированный по понятийным категориям, получившим в языке образную характеристику посредством пищевой метафоры. При определении последовательности расположения концептуальных сфер использовалась антропоцентрическая иерархия.

На уровне микроструктуры словаря особенности образного значения отражаются в организации словарной статьи. В словарную статью входят иллюстрации речевого употребления образных единиц, актуализирующие фоновые знания и социокультурные стереотипы, закрепленные за языковыми единицами. Дефиниция расширяется за счет лингвокультурологических комментариев — коротких текстов энциклопедического характера, информирующих о национальной специфике гастрономических явлений. Дискурсивная характеристика метафор дается через систему функционально-стилистических и экспрессивных помет. Благодаря электронной форме словаря возможно включить фотоиллюстрации и видеоматериалы.

На данном этапе создана программная платформа словаря, введены лингвистические базы данных, осу-

ществляется их разметка и систематизация по описанным выше параметрам. Программная платформа электронной версии «Полиязычного словаря метафор» разработана и создана ведущим программистом Института лингвистических исследований РАН С.В. Лесниковым на базе современных цифровых технологий.

На текущий момент материал словаря представлен пищевой метафорой, однако в дальнейшем по созданной модели описания лексико-фразеологических единиц планируется продемонстрировать в словаре метафоризацию других концептуальных сфер. Еще одной перспективой лексикографического проекта является включение большего количества языков для системного сопоставления культурно обусловленных черт языковых картин мира. Настоящая версия словаря ориентирована на русскоязычного читателя, в планах — создание англоязычной версии.

Литература

1. Юрина Е.А. Образная лексика русского языка : учебное пособие. — Томск, 2007. — Ч. 1. Семантика. — С. 30.
2. Словарь русской пищевой метафоры. — Томск : Изд-во Том. ун-та, 2015. — Т. 1 : Блюда и продукты питания / сост. А.В. Боровкова, М.В. Грекова, Н.А. Живаго и др. ; под ред. Е.А. Юриной. — 428 с.
3. Тiлдiк бейнелер аясындагы казак халкынын тағамдық дәстүрi / гл. ред. Е.А. Юрина. — Кокшетау : Изд-во КГУ им.Ш. Уалиханова, 2014. — 171 с.

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА)

Терентьева В.Е.

Томский государственный университет, студент

METEOROLOGICAL VOCABULARY IN THE ASPECT OF TRANSLATION (ON THE MATERIAL OF THE SPANISH LANGUAGE)

Terentyeva V.E.

Tomsk State University, student

В статье рассматриваются особенности перевода метеорологической лексики, входящей в состав лексико-семантического поля «Погода». На материале прогнозов погоды выявляются аспекты анализа, необходимые для корректной передачи метеонимов с испанского языка на русский.

Ключевые слова: метеорологическая лексика, перевод, испанский язык.

The article discusses the features of the translation of meteorological vocabulary, which is part of the lexico-semantic field "Weather". This article studies the analytical conditions required for correct Spanish – Russian translation of weather-related terms based on existing weather forecasts.

Key words: meteorological vocabulary, translation, Spanish language.

Научный руководитель:
Морева Анастасия Владимировна, канд. филол. наук, доцент.

Метеорология является сегодня быстро развивающейся прикладной областью знаний, внутри которой создается большое количество текстов. Сюда входят профессиональная и научно-популярная литература о погоде и климате, аналитические и отчетные материалы для административных структур и информационная продукция для широкой общественности. Как следствие возникает потребность в качественном переводе таких текстов, важной лексической составляющей которых являются метеонимы – единицы, обозначающие какое-либо атмосферное явление. Наша цель заключается в описании данных лексических единиц в аспекте перевода.

Теоретической основой данной работы стал парадигматический подход к изучению лексики, поскольку именно парадигматические связи языковых единиц организуют словарный состав языка в сложную семантическую систему [1]. Одним из методов исследования лексики является систематизирование по лексико-семантическим полям (ЛСП) и лексико-семантическим группам (ЛСГ). Материалом исследования послужил корпус из 126 метеонимов (65 существительных, 45 прилагательных, 17 глаголов). Источник материала – корпус из 120 текстов: 40 письменных прогнозов погоды 2018–2019 гг. с веб-сайтов Испании и Латинской Америки, 40 видео-прогнозов с различных испаноязычных телеканалов, 40 радио-прогнозов с радиоканала «Nacional». Были выделены следующие ЛСГ: хорошая погода, плохая погода, холодная погода, теплая погода, осадки, дождь, облачность, туман и мгла, электрические явления в атмосфере, ветер; все метеонимы были распределены по соответствующим ЛСГ.

С целью анализа перевода метеорологической лексики мы опирались на теорию закономерных соответствий Я.И. Рецкера [2] и теорию переводческих трансформаций Л.С. Бархударова [3].

1. Эквивалентные соответствия. Эквивалентами в прогнозах погоды являются многие метеорологичес-

кие термины: *temperatura del aire* ‘температура воздуха’, *clima* ‘климат’, *humedad* ‘влажность’, *precipitaciones* ‘осадки’, *presión* ‘давление’ и др.; а также общеупотребительные обозначения погодных явлений: *granizo* ‘град’, *nieve* ‘снег’, *lluvia* ‘дождь’, *niebla* ‘туман’, *viento* ‘ветер’, *tormenta* ‘гроза’ и др.

2. Вариантные соответствия. Вариантные соответствия устанавливаются между словами в том случае, когда в языке перевода существует несколько слов для передачи значения исходного слова [3].

Так, испанское слово *tormenta* можно перевести на русский язык как ‘буря’, ‘гроза’, ‘шторм’, ‘буран’, ‘ураган’. Рассмотрим примеры:

- (1) *Una tormenta tropical causó muchas muertes en Filipinas en diciembre y un terremoto sacudió Turquía en octubre.*
- (2) *El Servicio Meteorológico Nacional emitió una alerta para el norte de la provincia de Buenos Aires <...> por lluvias y tormentas fuertes.*
- (3) *Dada la errática trayectoria de la tormenta, se produjeron algunos dacos graves localizados fuera de su ojo directo.*

Во всех трех примерах мы видим слово *tormenta*, которое в примере (1) имеет определение *tropical*. Так, в корпусе русского языка для испанского словосочетания *tormenta tropical* наибольшим по количеству соответствий оказывается ‘тропический шторм’ наряду с ‘тропической грозой’, ‘тропической бурей’ и ‘тропическим ураганом’; поэтому предпочтительным вариантом перевода будет первое соответствие. Во втором случае (2) *tormenta* стоит рядом с *lluvia* ‘дождь’, поэтому логично предположить, что в данном случае наиболее подходящий перевод – ‘гроза’, поскольку данные погодные явления тесно связаны. В примере (3) слово *ojo* ‘глаз’ в сочетании с *tormenta* позволяет предположить, что самым удачным вариантом перевода будет ‘центр урагана’.

3. Переводческие трансформации. Л.С. Бархударов выделяет четыре основных типа переводческих трансформаций: перестановка, замена, добавление, опущение.

ние. Рассмотрим пример перевода одного прогноза погоды:

En la noche la temperatura del aire disminuye a +14...+15 °C, punto de rocío: +7,71 °C; la relación entre la temperatura, el viento y la humedad relativa, sensación térmica de aire: Demasiado seco para algunos; no se esperan precipitaciones, el viento Fresquito sopla de norte con velocidad de 29-36 kmh, pequeñas nubes en el cielo; qué ponerse <...> [4].

‘Ночью температура воздуха опустится до +14...+15 °C, точка росы: +7,71 °C; соотношение температуры и влажности (опущение: переводчики погодного сайта посчитали слово *viento* ‘ветер’ и (*humedad relativa* ‘относительная (влажность)’ избыточными): *немного сухо, но в целом комфортно* (усиление оценочной конструкции); осадков не ожидается, ветер свежий, дующий с севера со скоростью 8–10 м/с, на небе, местами, небольшие облака; одежда по погоде <...>’.

Примечательно то, что в испаноязычных прогнозах погоды используются отличные от российских численные значения: ветер указывается в км/ч (необходимо переводить в м/с), а осадки – литр/м².

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что при переводе метеорологической лексики переводчику следует придерживаться общих правил перевода терминологии и специальной лексики вообще, уделять особое внимание формату численных значений, учитывать возможные особенности и традиции употребления некоторых лексических единиц в разных языках. Большую помощь переводчику окажут разного рода словари и справочники по метеорологии.

Литература

- 1 Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка : учеб. пособие. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Высшая школа, 1989. – С. 18.
- 2 Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода / доп. и коммент. Д.И. Ермоловича. – 3-е изд. стереотип. – М. : Р. Валент, 2007.
- 3 Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). – М. : Международные отношения, 1975.
- 4 Meteotrend [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.meteotrend.com/forecast/es> (дата обращения: 15.04.2019).

КИТАЙСКИЙ ТРАВЕЛОГ КАК РЕЧЕВОЙ ЖАНР: ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ

Цянь Ту

Томский государственный университет, аспирант

CHINESE TRAVELOGUE AS A SPEECH GENRE: DEFINITION OF THE CONCEPT

Qian Tu

Tomsk State University, post-graduate student

В статье представлено определение понятия «китайский тревелог». Показана история становления речевого жанра, а также его специфика в историческом ракурсе. Рассмотрена его структура и коммуникативные задачи в зависимости от периода его функционирования.

Ключевые слова: тревелог, речевой жанр, русский язык.

The article presents the definition of the concept of "Chinese travelogue". The history of the formation of the speech genre is shown, as well as its specificity from a historical perspective. Its structure and communicative tasks are considered depending on the period of its functioning.

Key words: travelogue, speech genre, Russian.

Научный руководитель:
Банкова Татьяна Борисовна,
канд. филол. наук, доцент.

Понятие «тревелог» появилось в научном обиходе сравнительно недавно, хотя тексты, которые написаны в жанре тревелога, существуют в мировой культуре уже несколько веков, представляя собой специфику той или иной эпохи и страны. В русском языке термин тревелог в жанровом значении впервые употреблен А. Эткингом в книге «Россия и Америка в тревелогах и интертекстах» [1]. С этого момента термин стал обозначать сочинения писателей о путешествиях вместо традиционно употреблявшихся для их обозначения путевых записок, путевых дневников, путевых заметок, очерков.

Начало истории тревелога в России связана, прежде всего, с письменными рассказами путешественников, которые часто совмещали паломнические цели с торговыми и дипломатическими. Классический пример такого повествования – «Хождение за три моря Афанасия Никитина». Традиция путешествий за границу продолжается в эпоху Петра I – в это время появляются такие жанры, как статейные списки – подробные донесения послов об официальных приемах и встречах – и роспись – личные впечатления путешественника от увиденного [2]. Путевые очерки как итог военных, торговых и научно-исследовательских экспедиций были особо широко распространены в XIX в. В этих произведениях автор-герой четко соблюдает хронологию перемещений, параллельно включая рефлексию и переживания от наблюдаемого.

Т.В. Шмелева предлагает понимать и анализировать речевой жанр как объемную модель, включающую следующие параметры: коммуникативная цель (намерение, интенция) определяет природу речевого жанра и является фундаментом типологии речевых жанров; образ автора и адресата; диктум – событийное содержание; фактор прошлого, фактор будущего; языковое воплощение. Перефразируя мысль Т.В. Шмелевой, речевой жанр определяется следующим: кто (адресант); кому (адресат); зачем, о чем и как говорит автор с учетом того, что было и что потом будет в коммуникации [3].

Коммуникативная цель – основа определения специфики речевого жанра. Опираясь на нее, ученые

выделяют информативные, оценочные, императивные этикетные жанры. Тревелог – письменный информативный жанр. Задача автора – передать знания и впечатления об увиденном: «рассказ колеблется между описанием и повествованием. Чередование этих принципов можно рассматривать как один из главных признаков этого жанра» [4].

Тревелог соединяет все виды повествования и дискурсов. Это может быть географический, политический, исторический, религиозный дискурс.

В современный научный обиход введены такие понятия, как итальянский, английский, африканский тревелог и пр. (О.Б. Лебедева, О.Н. Николаенко, Ю.И. Арутюнян).

Обоснуем понятие «китайский тревелог».

Любой тревелог – это «путешествие» в другую культуру, поэтому авторы, прежде всего, делают акцент на темах, актуальных с их точки зрения. Обязательные темы для китайского тревелога – это философия, медицина, технологии производства (в зависимости от времени путешествия), культура и искусство, театр, опера, экзотические товары и пища и др.

Как правило, коммуникативная задача автора-путешественника – показать Китай как загадку, тайну, уникальную во многих отношениях страну.

Рассмотрим образ автора, а также темы китайского тревелога и его коммуникативные характеристики хронологически (анализируются работы только русских путешественников).

Первым русским, специально приехавшим в Китай в XVII в., был томский казак И. Петлин. В его «Росписи Китайскому государству» коммуникативная цель – изобразить маршрут путешествия из Томска в восточные державы, приподнять завесу тайны Китая. Он внес значительный вклад в налаживание дипломатических отношений и дружбы между Китаем и Россией. Как считает Г.Н. Старикова, росписи И. Петлина не являются эталонными образцами жанра дипломатических документов, поскольку значительное место в них занимают описания виденного в чужеземной стороне, кроме того, они содержат информацию об услышанном во время поездки – так называемые

«ведомости», иначе – «вести»: «лингвистическая ценность памятников обусловлена их содержанием: описанием новых земель, экзотики юго-восточной культуры, переданным словами томского казака, мало знакомого со стандартами приказного языка и потому отразившего в своем рассказе народно-разговорную речь того времени» [5].

Коммуникативная задача трудов Н.Я. Бичурина, известного востоковеда, знатока китайского языка, путешественника, жившего в XVIII в., – представить уникальность традиционной китайской культуры. Его интересами в Китае были медицина, нумизматика, наука [6].

Продолжает традицию Н.Я. Бичурина уже в XX в. В.Г. Буров. Востоковед, знаток древней китайской философии, он пишет книгу «Китай и китайцы глазами русского ученого». Задача автора – всесторонне представить страну «экономического чуда». Переезжая из города в город, автор сравнивает жизнь Китая сегодняшнего со страной, какую он увидел в последний приезд. Особое внимание автор уделяет обыденной жизни китайского народа, делая акцент на явной экономической перспективе государства [7].

А.А. Маслов в книге «Китай без вранья» поднимает типичные для Китайского травелога темы, посвященные особой культуре, этикету, уникальному производству, но подает их сквозь призму современного бизнеса по-китайски. Через национальную специфику китайского бизнеса он показывает истоки «китайского экономического чуда», которые опираются на особое ощущение китайской истории: «Китайцы всегда демонстрируют вежливость в этом вопросе и никогда не сопоставляют возраст своей цивилизации с другими культурами. Они просто постоянно упоминают, когда была построена Великая Китайская стена, когда жил Конфуций, когда возникла первая империя на территории Китая, когда были написаны первые трактаты. В отличие от других стран, история для Китая всегда оценивается позитивно, в ней нет ошибок, хотя есть “разные периоды”» [8].

Итак, китайский травелог как речевой жанр, который строится по определенной модели, «движется» от автора, его замысла, условий общения к способам языкового воплощения речевого жанра. Центральной проблемой является проблема автора и адресата, коммуникативная цель автора. Что касается канона, на основе которого строится китайский травелог, то основополагающая мысль в прошлом и в современной ситуации – это показать уникальность, непохожесть Китая, разгадать тайну страны.

Литература

- 1 Эткинд А. Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 496 с.
- 2 Николаенко О.Н. К вопросу о становлении жанра травелога в литературе XVI–XVII вв.: субъективное начало в «статейных списках» Д. Лихачева // Вестник Томского гос. ун-та. 2014. – № 379. – С. 25.
- 3 Шмелева Т.В. Речевой жанр: опыт общелингвистического осмысления // Collegium. – Киев, 1995. – № 1–2. – С. 57–65.
- 4 Майга А.А. Литературный травелог: специфика жанра // Филология и культура. – 2014. – № 3(37). – С. 257.
- 5 Старикова Г.Н. Отчет И. Петлина о поездке в Китай как лингвистический источник // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2015. – № 2(34). – С. 73.
- 6 Бичурин Н.Я. Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение [Электронный ресурс]. – СПб.: Типография Императорской академии наук, 1840. – 442 с. – URL: <https://www.prlib.ru/item/336362> (дата обращения: 12.04.2019).
- 7 Буров В.Г. Китай и китайцы глазами русского ученого [Электронный ресурс]. – М.: Институт философии РАН, 2000. – 208 с. – URL: <https://docplayer.ru/25835293-Kitay-i-kitaycy-glazami-rossiyskogo-uchenogo.html> (дата обращения: 12.04.2019).
- 8 Маслов А.А. Китай без вранья [Электронный ресурс]. – М.: Рипол-классик, 2013. – 288 с. – URL: https://royallib.com/book/maslov_aleksey/kitay_bez_vranya.html (дата обращения: 12.04.2019).

**РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ИНОСТРАННЫЙ
И МЕТОДИКА ЕГО ПРЕПОДАВАНИЯ**

СВОЙСТВО ОБРАЗНОСТИ СЛОВ В ПРЕПОДАВАНИИ РКИ КАК ЯЗЫКА СПЕЦИАЛЬНОСТИ (ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЙ ПРОФИЛЬ)

Бай Чуанцзюнь

Томский государственный университет, магистрант

THE PROPERTY OF THE IMAGERY WORDS IN TEACHING THE RUSSIAN FOR FOREIGNERS AS A SPECIALTY LANGUAGE (NATURAL SCIENCE PROFILE)

Baichuangjun

Tomsk State University, master student

В докладе представлен лингвометодический потенциал такого формально-семантического свойства лексики, как образность. Рассматриваются особенности ботанической специальной лексики, имеющей метафорическую внутреннюю форму, описаны способы использования лексического свойства образности на занятиях по языку специальности (РКИ).

Ключевые слова: образность, русский язык как иностранный, лингводидактика, язык специальности.

The work presents the linguistic potential about the form-semantic property of vocabulary as imagery. The features of the botanical special vocabulary, which has a metaphoric inner form, are considered, and the ways of using lexical property of imagery in specialty language classes are described (the Russian for foreigners).

Key words: figurativeness, Russian for foreigners, language teaching, the language of the specialty.

Научный руководитель:
Шевчик Анна Валерьевна,
канд. филол. наук.

Процесс глобализации, в который в настоящее время включен весь мир, активно влияет и на российское образование. Все больше иностранцев приезжают обучаться в университетах России, расширяется и список интернациональных вузов, и перечень специальностей, привлекающих иностранных студентов (не только медицинских и инженерных, как это было в Советском Союзе). По этой причине, начиная с этапа довузовской подготовки, в программу обучения иностранных студентов повсеместно вводятся курсы по языку специальности, научному стилю речи, профессиональному русскому языку [1]. Особое внимание на данных занятиях обращается на специальную лексику и терминологию, методы и приемы обучения которой во многом зависят от лингвистических характеристик терминосистемы конкретной области знаний. При исследовании методики обучения языку специальности студентов естественнонаучного профиля обращает на себя внимание такая особенность ботанической терминологии, как образность.

Образность – свойство языковых единиц, характеризующихся двуплановой семантикой и метафорическим способом ее выражения [2]. К языковым механизмам реализации свойства образности относятся различные способы вторичного означивания: метафоризация, метонимизация и символизация значения, а также, как следствие, мотивированность образной единицы и наличие у нее внутренней формы [3]. Например, головка ‘простое соцветие шарообразной формы’ – метафорическая внутренняя форма термина является средством выражения его двуплановой семантики, основанной на сравнении соцветия с частью тела человека или животного.

Необходимость продуманной работы преподавателя РКИ с образной специальной лексикой обусловлена, во-первых, сложностью ее освоения: многие термины имеют переносное значение, являясь при этом либо вторичными номинациями (языковыми метафорами), либо собственно образными словами, двупла-

новую семантику которых иностранному студенту сложно воспринять и осознать; форма специального термина нередко совпадает с общеупотребительным словом, поэтому трудно найти верный перевод; в родном языке студента наименование растения или его части может иметь иную сферу-источник метафоризации и символ метафоры; отсутствуют или малодоступны двуязычные словари специальной лексики.

Во-вторых, образные слова составляют значительную долю ботанической терминологии. Верные приемы введения данного лексического материала в практику преподавания языка специальности позволит организовать не только восприятие и запоминание специальных слов и терминов, но и добиться понимания их системных связей, когнитивного потенциала.

Прием 1. Широкое привлечение в качестве дидактических материалов визуальных средств: иллюстраций, атласов, слайдов презентаций, видеозарисовок. Визуализацию следует привлекать и в процессе презентации новой лексики, и при построении заданий фонетической, грамматической, речевой направленности с привлечением номинационных признаков растений и их частей. Например, *улитка* ‘соцветие, похожее на улитку’ (зооморфизм) – тип соцветия именован с помощью переноса названия медленно передвигающегося моллюска, имеющего спиральную трубку.

Прием 2. Пояснение основания метафорической внутренней формы с использованием наглядных средств, обеспечивающих понимание и прямого, и переносного значения термина. Например, как на рисунке 1.

Прием 3. Привлечение образной специальной лексики в качестве материала для фонетических, грамматических упражнений, при обучении различным видам речевой деятельности.

Таким образом, при обучении языку специальности студентов естественнонаучного профиля необхо-

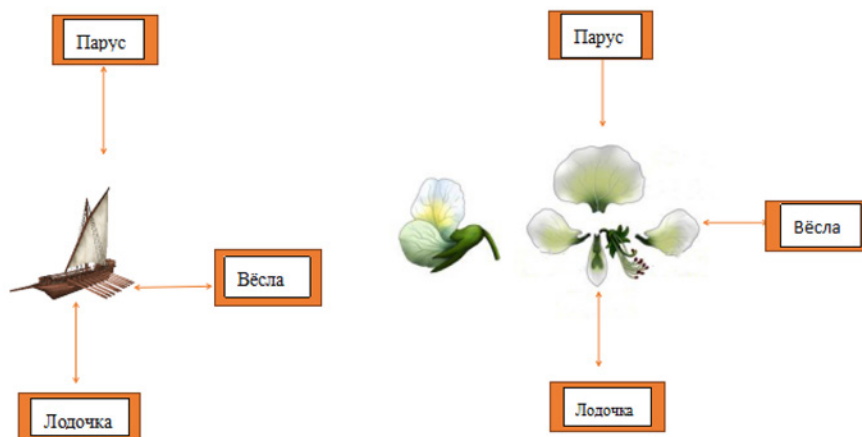

Рис. 1.

димо учитывать лексическое свойство образности терминов, поскольку, во-первых, это одна из неотъемлемых характеристик русской ботанической терминосистемы; во-вторых, освоение образных слов при изучении языка составляет задачу повышенной сложности; в-третьих, оно имеет особую ценность, поскольку раскрывает перед будущим специалистом структурно-семантические связи специальных слов в лексической системе русского языка и традиционные в данной области научного знания способы метафорической номинации растений и их частей.

Литература

1. Дворкина Е.А. Язык для специальных целей: РКИ в модуле обучения по направлению 080100 – экономика // Вестник ИрГТУ. – 2014. – № 8(91). – С. 228–232.
2. Блинова О.И., Мартынова С.Э., Юрина Е.А. Словарь образных слов и выражений народного говора / ред. О.И. Блинова. – 2-е изд., испр. и доп. – Томск, 2001. – 308 с.
3. Юрина Е.А. Образная лексика русского языка : учеб. пособие. – Томск : Том. гос. ун-т, 2015. – Ч. 2 : Пищевой код культуры в образном строе языка. – 132 с.

МЕТОДИКА РАБОТЫ С ПОЭТИЧЕСКИМИ ТЕКСТАМИ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ НА ЗАНЯТИЯХ РКИ (ПЕРЦЕПТИВНЫЙ АСПЕКТ)

Белюсова А.А.

Томский государственный университет, студент

METHODS OF WORKING ON POETICAL M.I. TSVETAEVA'S TEXTS IN RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE COURSE (PERCEPTUAL ASPECT)

Belousova A.A.

Tomsk State University, student

В статье рассматриваются методические аспекты изучения поэтического произведения в иноязычной аудитории. Спецкурс, посвященный поэтическому творчеству М.И. Цветаевой, знакомит иностранных учащихся с особенностями художественных произведений Серебряного века и методикой частичного лингвистического анализа текста. В фокусе внимания – изучение языковых единиц с перцептивной семантикой, что позволяет на доступном лексическом материале осмысливать значение единиц языка в процессе раскрытия идейно-художественного замысла автора.

Ключевые слова: методика преподавания РКИ, перцептивный аспект, семантика.

The article deals with the methodological aspects of a poetry study in a foreign audience. A special course dedicated to the poems by M.I. Tsvetayeva introduces foreign students to the specific characteristics of the Silver Age poetry and to the methods of partial linguistic text analysis. The attention is focused on the study of language units having perceptual semantics, thus allowing to comprehend the meaning of language units while revealing the conceptual and aesthetic intent of the author (using understandable lexical material).

Key words: method of teaching Russian as a foreign language, perceptual aspect, semantics.

*Научный руководитель:
Крюкова Лариса Борисовна,
канд. филол. наук, доцент.*

Преподавание русского языка как иностранного (РКИ) – это сложный, находящийся в постоянном развитии процесс, который включает в себя как презентацию лексического и грамматического материала, так и знакомство с культурой, историей, литературой, традициями, то есть с тем, что отражает особенности языка и ментальности русского народа.

Главным источником разнообразного языкового материала являются произведения художественной литературы, в том числе поэтические тексты. Их использование в процессе обучения способствует формированию у иностранных студентов навыков самостоятельного чтения литературных текстов, а также создания собственных устных и письменных высказываний. «Поэзия, в сравнении с прозой, обладает повышенной емкостью всех составляющих ее элементов. Восприятие поэтического текста происходит гораздо медленнее, оно требует многократного перечитывания, в процессе которого читатель раскрывает для себя все новые нюансы содержания» [1, с. 116].

Целью предлагаемой статьи стало выявление особенностей работы с поэтическими текстами на занятиях РКИ. Материалом для исследования послужили стихотворения М.И. Цветаевой с актуализированной перцептивной семантикой. Тексты М.И. Цветаевой являются знаковыми для отечественной литературы и культуры, и их включение в процесс обучения РКИ видится обоснованным.

Для достижения поставленной цели в ходе исследования был разработан спецкурс, направленный на ознакомление учащихся с особенностями творчества автора и культурного контекста Серебряного века, а также на снятие языковых трудностей и формирование навыков анализа языковых единиц с перцептив-

ной семантикой, которые способствуют постижению идейного содержания произведения. Спецкурс имеет прикладной характер и находится в тесной связи с такими дисциплинами, как лингвокультурология, морфология, лексикология, синтаксис, литературоведение и др. Предлагаемый спецкурс рекомендован иностранным студентам с уровнем владения русским языком не ниже В1 и включает в себя 6 занятий по 90 минут.

В основе работы лежит ряд принципов: 1) наглядности, предполагающий использование таблиц, схем, аудиозаписей и т.д.; 2) системности, рассматривающий русский язык как взаимосвязь элементов разного уровня, объединенных в одно целое; 3) концентризма, в основе которого находится многократное обращение к пройденному материалу с его постепенным углублением и расширением; 4) функциональности.

Основным методом, который используется при анализе текстов М.И. Цветаевой, является лингвистический анализ, предполагающий «комментирование различных языковых единиц, образующих текст, и рассмотрение особенностей их функционирования с учетом их системных связей» [2].

Работа с поэтическими произведениями на занятиях разделена на несколько этапов, каждому из которых соответствует своя система упражнений: 1) актуализация знаний, умений, навыков; 2) предтекстовая работа; 3) притекстовая работа; 4) послетекстовая работа; 5) формулирование выводов, подведение итогов.

Таким образом, данный спецкурс позволит иностранным студентам углубить знание русского языка, обратить внимание на особенности поэтического мира автора, понять специфику функционирования

языковых единиц, которые несут в себе перцептивную семантику, привлекая уже имеющийся лингвистический опыт.

Ситуация восприятия становится смысловым центром многих стихотворений М.И. Цветаевой. Уже названия некоторых из них задают «определенную чувственно-образную доминанту, развивающуюся и усиливающуюся в дальнейшем разворачивании текста, подсказывая тем самым читателю некий содержательный “код” текста» [3]. Изучение перцептивной картины мира (и языковых средств ее выражения) является своеобразной «подсказкой» для постижения основной идеи поэтических произведений М.И. Цветаевой и играет важную роль при анализе стихотворений на занятиях в иностранной аудитории.

При работе с текстом существенное место занимает процесс формирования обучающимися собственных выводов, поэтому анализ стихотворений может строиться как «последовательное раскрытие главной идеи произведения: от понимания значения языковой единицы, составляющей конкретный словесный образ, к восприятию его образной сути и далее к постижению его роли в создании смысла художественного произведения» [1, с. 117]. Такими языковыми единицами в процессе исследования поэзии М.И. Цветаевой становятся в первую очередь глаголы, существительные и прилагательные с перцептивной семантикой.

Начинать анализ стихотворений стоит с ознакомления с основной фоновой информацией, которая впоследствии станет опорой для выявления идейного содержания текста. Следующим шагом на пути анализа поэтического произведения является рассмотрение семантики названия и ключевых слов, а затем язы-

ковых единиц, связанных с ними. В зависимости от уровня подготовки аудитории далее необходимо провести полный или частичный лингвистический анализ. Например, предложить иностранным обучающимся проанализировать те или иные части речи; найти средства художественной выразительности, определить их роль; отметить особенности синтаксического построения высказываний и др.

Таким образом, лингвистический анализ поэтических текстов с актуализированной перцептивной семантикой предполагает комплексный подход, который направлен на формирование умений иностранных учащихся осмысливать значение единиц языка в процессе раскрытия идейно-художественного замысла автора.

Предлагаемый спецкурс позволяет студентам совершенствовать умения в устной речи и чтении, создании собственных письменных высказываний, осваивать и закреплять новый языковой материал, расширять культурный и литературный кругозор, применять сформированные ранее творческие навыки.

Литература

1. Соколова Л.В. Основные методы анализа поэтического текста в практике преподавания русского языка как иностранного // Cuadernos de Rusística Española. — 2006. — № 2. — С. 116–123.
2. Аркадьева Э.В., Битехтина Н.Б. Живая методика: для преподавателя русского языка как иностранного. — М., 2005. — С. 28.
3. Двизова А.В. Языковые средства выражения ситуации зрительного и слухового восприятия в поэзии Б. Пастернака (сопоставительный аспект) // Сибирский филологический журнал. — 2013. — № 1. — С. 61.

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ОБОЗНАЧЕНИЯ ЦВЕТА И СВЕТА АСПЕКТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ В. СЕРОШЕВСКОГО «УАН-МИН-ТСЭ»)

Ван Цзяян

Томский государственный университет, студент

LINGUISTIC MEANS OF COLOR AND LIGHT DESIGNATIONS IN INTERCULTURAL COMMUNICATION (IN STORY "YUAN MINGCAI" BY V. SEROSHEVSKY)

Van Tszayn

Tomsk State University, student

В статье анализируется лексика цвето- и светообозначения в повести польского писателя В. Серошевского «Уан-мин-тсэ». Данный материал позволяет не только рассмотреть и классифицировать языковые средства, но и обратиться к трактовке символического значения данных единиц для восточной (китайской) и европейской культур. Сходства и различия трактовок данного класса лексики позволяет обозначить особенности межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: Вацлав Серошевский, цветообозначение, светообозначение, межкультурная коммуникация.

The article analyzes the vocabulary of color and light designations in the story of the Polish writer V. Seroshevsky "Yuan Mingcai". This material allows not only linguistic means, but also to refer to the interpretation of the symbolic meaning of these units for Eastern (Chinese) and European cultures. The similarities and differences in interpretations of this class of vocabulary allow us to identify features of intercultural communication.

Key words: Vaclav Seroshevsky, color designation, light designation, intercultural communication.

*Научный руководитель:
Баракина Е.А., канд. филол.
наук.*

Китайская повесть «Уан-мин-тсэ» опубликована в газете «Сибирский вестник» в 1904 году. Повесть входит в корпус переводных текстов сибирской периодики, иллюстрирующих рецепцию образа других стран томской общественностью.

Действие в китайской повести происходит в конце XIX века. В этой повести автор изобразил самую обычную семью Уана, в которой были жена Та-Ниан, дети А-Пэ, И-По и Гон-Ю и мать Уана. Писатель изобразил их жизнь в бытовых ситуациях мирной жизни и в ситуации начала войны. События повести разворачиваются в течение трех дней. В эти дни каждый член семьи испытывал несчастье, автор показывает резкую смену настроения от счастливого семейного праздника к скорби проводов на войну старшего сына.

Эта повесть соединяет в себе две культурные традиции: китайскую и европейскую. В данной статье мы проследим сходство и различия в трактовке использованных автором лексических единиц со значением цвета и света.

Всего в повести 27 цветообозначений и 5 светообозначений. Они относятся к следующим лексическим группам: прилагательные – 25 лексем (желтый, красный, синий и др.); наречие – 1 единица (блестящий); составные прилагательные – 4 (ярко-красный, бледно-голубой и др.); существительные – 2 (темнота, тени). Выделяя данные единицы, мы сначала приводим их трактовку в китайской традиции, затем – в европейской и анализируем сходство и отличия.

В повести Серошевского пять частей и пять эмоциональных состояний героев.

Первая и вторая части повести показывают размеренную спокойную жизнь китайского семейства. В первой части важно не только описание героев и пространства, окружающего их, но и отражение эмоциональной связи героев и «их» мира. Автор использует

большое количество цветообозначений, которые передают устоявшуюся и размеренную жизнь.

В селении много пейзажей: «желтые лилии, красные и белые дома». Эти детали создают образ счастливой и мирной жизни.

Во второй части главное содержание – чтение родовой книги. Здесь персонажи соотносятся с историей их рода, историей страны. Автор снова использует лексику с описанием чистого, насыщенного цвета: «голубые вазы», «золотые надписи», «красная бумага». В этот момент важным становится различие в трактовке символики цвета: для китайской культуры «красный» – цвет жизни и защиты, тогда как в Европе «красный» связан больше с кровью и со смертью. Таким образом автор намекает на наступающую войну в следующей части.

По сравнению с первой и второй частями третья часть резко отличается от них. До сих пор некоторые предметы, которые описывались ранее, предсказывали развитие сюжета. В этой части автор рассказывает о том, что сын старого Ли читал приказ императора о создании освободительной армии и призывал семьи, в которых много детей, отправить одного на войну. Здесь очень важным становится номинация цвета через прилагательное с суффиксом неполноты признака: «голубовато-серебряная вода». Вода – древний универсальный символ чистоты и источник самой жизни. «Серебряный» – это вариант серого цвета, «серый» – это цвет, который наиболее часто означает бесцветность и ассоциируется со смертью. «Голубовато-серый» – это холодный тон, поэтому «голубовато-серебряная вода» символизирует беспристрастность и мимолетность жизни, «холодное» отношение ко всем людям, к их стремлениям и мечтам. Здесь трактовка символики совпадает.

Важным для иллюстрации различия в трактовке

символики цвета становится и описание цветовой палитры чтения призыва на военную службу. Здесь важными становятся два цвета: желтый и белый. Документ, который зачитывает сын старого Ли, — желтого цвета: он «развернул сверток желтой бумаги и стал читать». Для китайской культуры этот цвет «был символом царственности, достоинства, счастья и изобилия». То есть это известие — воля императора, единственная надежда для китайского народа сохранить самостоятельность и независимость. Для европейской культуры желтый цвет «связывают с приближением срока смерти и с загробной жизнью». Именно этот цвет несет известие о будущей гибели людей.

Угроза, против которой должны объединиться китайцы, — это европейские колонизаторы, которые названы «белые варвары». С одной стороны, это буквальное обозначение цвета кожи европейцев, однако здесь это приобретает символическое значение. «Белый» — цвет смерти, капитуляции, страха в китайской культуре.

В четвертой части автор детально описал действия и душевный мир человека. Он хочет акцентировать переживание и печаль героев через их поступки. В этой части немного цвета, чаще всего проявляется слово «темнота». «Темнота», как и черный цвет, символ: не только смерти, но и греха, зла. То событие, что старшему сыну надо служить в армии, для родителей и семьи становится трагичным, для сына страшным, поэтому «темнота» не только отражает отчаяние и печаль семьи, но и страх сына.

В пятой части рассказывается об уходе А-Пэ из дома. В конце автор изобразил «красные и желтые паруса». Здесь «красный и желтый» — кровь и смерть. Однако для китайской культуры — это позитивные цвета, поэтому они говорят, что воины погибнут за жизнь будущих поколений.

Эта повесть изобразила изменение состояния семьи от счастья до страдания, что явно выражено через лексику цвето- и светообозначения.

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ РАДИОТЕКСТ В ОБУЧЕНИИ АУДИРОВАНИЮ НА УРОКАХ РКИ

Гордиенко И.А.

Томский государственный университет, студент

EDUCATIONAL RADIO TEXT IN TEACHING LISTENING AT RFL LESSONS

Gordienko I.A.

Tomsk State University, student

Статья посвящена изучению культурно-просветительского радиотекста как основы аутентичных текстов, актуальных в обучении иностранных учащихся аудированию. Источником материала послужила программа «Большая страна», выходящая в эфире радиостанции «Сибирь».

Ключевые слова: культурно-просветительский текст, радиотекст, русский язык как иностранный, аудирование.

The article is devoted to the study of cultural and educational radio text as the basis of authentic texts relevant in teaching foreign students listening. The source of the material was the program "Big country", aired radio station "Siberia".

Key words: cultural and educational text, radio text, Russian as a foreign language, listening.

*Научный руководитель:
Нестерова Наталья Георгиевна,
докт. филол. наук, доцент.*

Актуальность обсуждаемого в статье вопроса обусловлена потребностью в отборе наиболее актуального материала, применяемого в обучении иностранцев аудированию. Цель статьи – обосновать целесообразность обращения к культурно-просветительскому радиотексту; задачи – описать требования к отбору текстов и типы заданий.

Мы исходим из того, что культурно-просветительская деятельность студента является неотъемлемой частью его личностного роста и напрямую связана с его социализацией в обществе. Важную роль в этом играют средства массовой информации, в том числе радио, культурно-просветительские программы которого отвечают основным параметрам отбора аудиотекстов при обучении русскому языку как иностранному; по мнению исследователей-методистов, это коммуникативная ценность и аутентичность. Что же касается такого параметра, как посильность [1], то он требует дополнительного внимания. Аудиотексты для уроков РКИ должны отвечать ряду критериев, среди которых: соответствие возрасту, уровню владения навыками и умениями аудирования и речевому опыту обучающихся; наличие интересной для студентов проблемы и четкого, логичного построения. Тексты должны представлять разные формы речи, более легкие – монолог, более сложные для аудирования – диалог; иметь повторы, перифразы, которые выступают в качестве опоры, облегчающей восприятие информации.

В данной статье в качестве источника аутентичных текстов привлечена радиопередача «Большая страна». Анонс к программе раскрывает ее тематику, а указание спонсора программы служит гарантом ее качества. *Современные города и старинные крепости, живописные озера и завораживающие горы, заповедные зоны и уютные курорты. Все красоты необъятной Родины в выпусках проекта «Большая страна. Следуй за нами» в эфире «Радио Сибирь»! Проект реализуется при поддержке Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество».*

Тексты выбранной передачи соответствуют мето-

дическим требованиям: ее формат предполагает специальное интонационное членение текста: более длительные, чем в повседневной речи, паузы между тактами и фразами; выраженное логическое ударение на важных словах; четкое различие между отрезками текста, находящимися в разных смысловых отношениях (причина-следствие внутри сложного предложения, вопросительное или восклицательное окончание фразы), что позволяет тренировать интонационные образцы речи [2]. Анализируемые тексты обладают лингвострановедческим потенциалом, они аутентичны, поэтому интересны иностранным учащимся, особенно обучающимся в сибирских вузах [3].

Проиллюстрируем возможные типы заданий по аудированию на примере выпуска «Большая страна. Река Томь (Кемеровская область)». В выбранном для анализа тексте рассказывается о реке Томь: о происхождении ее названия, об окружающей ее природе, о реке как народно-хозяйственном объекте и месте для отдыха и туризма.

Работа с текстом предполагает два этапа. Первый этап – выбор текста. Учитывались такие критерии, как четкость речи диктора, обеспечивающая проговаривание окончаний слов; удобный для слушания (небыстрый) темп речи, приятный тембр, отсутствие сложной для восприятия на слух лексики. Второй этап – анализ текста и разработка заданий.

Предтекстовые упражнения нацелены на снятие языковых трудностей при последующем восприятии сообщения. С этой целью используются вопросы и задания на тренировку вероятностного прогнозирования и развития контекстуальной догадки. В качестве таких заданий могут быть следующие: 1) *Прочитайте название текста и скажите, знаете ли вы что-нибудь о данном географическом месте или достопримечательности Сибири;* 2) *Прочитайте новые слова по теме «Сибирь»;* 3) *Какие ассоциации возникают у вас, когда вы слышите слово «Сибирь».*

Притекстовые упражнения предназначены для тренировки памяти, развития речевого слуха, умений

понимать информацию на слух. Целесообразными упражнениями на данном этапе становятся:

- 1) задания с извлечением конкретной информации или конкретных лексических и грамматических структур. Например, *Выпишите слова, при помощи которых описывается Томь. Проанализируйте части речи в следующих высказываниях: По Кузнецкой котловине гордо несет свои воды самая крупная река Кузбасса Томь, гордо несет воды самая крупная река Кузбасса;*
- 2) прослушивание материала с последующим заполнением пропусков в предложениях: *После выхода из [горной] местности Томь превращается в типичную равнинную реку с [величавым] спокойным течением, потрясающими [природными] пейзажами;*
- 3) поиск в тексте устойчивых конструкций: *Происхождение названия Томи **теряется в веках**; **Берет свое начало** Томь на заболоченном западном склоне Абаканского хребта, переваливаясь через пороги и перекаты, она ведет себя как чисто горная река с бурным течением, по берегам которой часто можно встретить очень много скалистых обрывов, поросших тайгой;*
- 4) повторение высказываний за диктором (во время пауз или синхронно).

Послетекстовая работа развивает навыки компрессии информации, вычленения основной проблемы, обобщения содержания. Студентам предлагается представить монологические выступления, в числе которых подготовка краткого сообщения, аннотации или пересказа услышанной информации о реке Томь; высказывание собственного мнения по поводу услы-

шанного; сопоставление услышанной информации с теми знаниями, которые имелись у студентов до приезда в Сибирь или получены во время учебы в вузе. Помимо традиционных упражнений, таких как обсуждение услышанного в группе, подтверждение, опровержение, аргументирование и объяснение утверждения, создания списка ключевых или непонятных слов и терминов, можно предложить упражнения творческого характера: например, найти фотографии реки Томь в Интернете, написать небольшое сочинение о своих впечатлениях, о том, что заинтересовало. Весьма эффективна самостоятельная работа с аудиотекстом, предполагающая привлечение стенограммы.

Итогом работы с культурно-просветительскими текстами становится формирование главных компетенций: страноведческой, социокультурной, языковой и, как следствие, **коммуникативной**.

Литература

1. Тарасова Е.В. Аудирование с точки зрения подбора текста // Полиязычная образовательная среда: модели и технологии : материалы III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. – С. 54–57.
2. Соколова Э.Я. Использование аудиовизуальных средств для формирования навыков профессионально-ориентированного аудирования // Известия Самарского научного центра РАН. – 2013. – Т. 15, № 2–3. – С. 651–655.
3. Нестерова Н.Г. Роль аутентичных радиотекстов в диалоге культур // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. – 2014. – № 4. – С. 73–87.

КАРТИНА В.Е. МАКОВСКОГО «ЛИТЕРАТУРНОЕ ЧТЕНИЕ» КАК МАТЕРИАЛ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ТЕМЫ «РУССКОЕ ДВОРЯНСТВО» В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ

Дай Цзинхао

Томский государственный университет, студент

PICTURE V.E. MAKOVSKY "LITERARY READING" AS MATERIAL FOR THE STUDY OF THE TOPIC "RUSSIAN NOBILITY" IN THE FOREIGN AUDIENCE

Dai Jinghao

Tomsk State University, student

Статья выполнена в аспекте методики РКИ и посвящена знакомству иностранцев с жизнью высшего социального класса России XIX в. на живописном материале.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, русская живопись, В.Е. Маковский, «Литературное чтение», русская дворянская культура.

The report is made in the aspect of the Russian as a foreign language methodology and is dedicated to acquaintance of foreigners with the life of the highest social class of Russia of the XIX century on the pictorial material.

Key words: Russian as a foreign language, Russian painting, V. Makovsky, «Literary reading», Russian noble culture.

Научный руководитель:
Старикова Галина Николаевна,
канд. филол. наук, доцент.

Обучение неродному языку может быть более эффективным, когда инофон одновременно знакомится с культурой и историей страны изучаемого языка. Это можно делать с помощью искусства — одного из способов познания человеком окружающего мира и места человека в нем. Многие педагоги используют в преподавании иностранных языков шедевры живописи, которые «могут послужить основным или дополнительным мотивирующим фактором в аспекте развития речи» [1]. Через изобразительное искусство иностранцы могут лучше уяснить историю государства, культурные традиции нации. Это знание и понимание рождает уважение к народу и желание быстрее и лучше овладеть его языком.

Россия — страна с богатой культурой и историей. Особое место в ее жизни занимает XIX век — время восстания декабристов, отмены крепостного права и других больших государственных реформ, одновременно это эпоха расцвета русского изобразительного искусства. И в политической, и в художественной жизни страны большую роль играло дворянство. Знакомство с этим сословием, его образом мыслей, идеалами возможно через произведения искусства, в том числе — с помощью живописных полотен. Дворянами были большинство художников, они хорошо знали эту жизнь и поэтому делали ее предметом своего изображения. Об этом сословии можно многое узнать по портретам Д. Левицкого («Портрет П.А. Демидова») и О. Кипренского («Портрет Е.В. Давыдова»), интерьерам К. Зеленцова («В комнатах»), жанровым картинам П. Федотова («Завтрак аристократа»), И. Репина («Не ждали», «Торжественное заседание Государственного совета»), А. Корзухина («Разлука»), В. Максимова «Всё в прошлом»), В. Пукирёва («Неравный брак») и др.

Эти темы отразил в своем творчестве и Владимир Егорович Маковский (1846—1920) — яркий представитель и один из руководителей Товарищества передвижных выставок в России («Объяснение», «Варят варенье», «Крах банка» «Две сестры» / «Две дочери»), преподаватель Московского училища живописи и

Императорской Академии художеств. Первым многофигурным полотном молодого художника стало «Литературное чтение» (1866). Эта картина стала материалом для разработки урока в иностранной аудитории не ниже среднего уровня подготовки. В его содержании 2 части, одна посвящена российскому дворянству, другая — картине, обе носят текстоцентрический характер. Перед текстами дается новая лексика с переводом на китайский и английский языки: *дворянин (мн. дворяне) 贵族, nobleman, сословие 阶级, estate, привилегия 特权, privilege* и др. Тексты небольшие, содержат только главную информацию, чтение первого сопровождается слайдами с картинами.

Фрагмент текста 1. *Дворянство — это высшее социальное сословие в России. Слово «дворянин» буквально означает «человек двора» или «придворный» князя или боярина — крупного знатного землевладельца, представитель военно-служилого сословия. Их брали на службу для выполнения различных административных, судебных, военных и других поручений. С XV в. дворяне за заслуги стали получать землю (помещались на землю (поместье), отсюда слово помещик) и становились навеки владельцами земли и крестьян на ней. Если чин боярина переходил по наследству от отца к сыну, то звание дворянина первоначально нужно было заслужить. С начала XVIII в. окончательно сложилось единое дворянское сословие, когда Петр I отменил боярство. Царь ввел обязательность государственной службы для дворян, но Екатерина II это решение отменила, наделив это сословие исключительными привилегиями.*

Послетекстовая работа включает ответы на вопросы, лексическую работу, напр.:

1. Что такое дворянство? Когда оно сформировалось в России? Как произошли слова *дворянин* и *помещик*? Что такое русская дворянская культура? Кто отменил боярство?
2. Выделите в тексте слова с корнем *служе-*, уточните по словарю их значение и составьте с ними предложения (*служить, служилый, служба, заслужить*).
3. Образуйте слова, дополнив таблицу 1.

Таблица 1.

дворянин		дворяне	
	крестьянка		
	боярыня		боярский

Фрагмент текста 2. Полотно В.Е. Маковского «Литературное чтение» (1866 г.) рисует нам неслучайный момент жизни дворян: домашние вечера занимали важное место в жизни всей творческой Москвы второй половины XIX века. Например, этот сюжет использовал художник Н. Ге («А.С. Пушкин в селе Михайловском»), другие авторы. Картина В. Маковского «Литературное чтение» – живой рассказ, один реальный эпизод из жизни его семьи: как известно, в их доме часто устраивались литературные, рисовальные и музыкальные вечера. В картине мы можем видеть, что в уютной теплой гостиной расположились родственники и единомышленники – люди разных поколений. Художник любовно воспроизвел обстановку отцовской квартиры, детали интерьера: часы, камин, ковер, мебель, картины семейной коллекции, которые для всех обитателей дома всегда являлись безмолвными участниками домашних вечеров.

Задания к тексту 2:

1. Укажите на картине представителей старшего, среднего и младшего поколений.
2. Опишите (по выбору) одного из персонажей картины. С какими чувствами этот человек слушает текст?
4. Как вы думаете, о чем этот текст? Почему вы так решили?
5. Опишите интерьер гостиной.

Таким образом, можно сделать вывод, что произведения живописи, которые дают зрителям полное и яркое представление о мире и людях в парадигме исторического и социального времени, имеют большое значение для методики преподавания неродного языка.

Литература

1. Костюшина Ю.И. Формирование социокультурной компетенции на занятиях по русскому языку как иностранному с использованием произведений живописи // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2015. – № 1(43), ч. 2. – С. 104–108.

ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ НА УРОКАХ РКИ

Ле Ван Хоа

Томский государственный университет, магистрант

CLERICAL AUTOBIOGRAPHICAL TEXT IN THE RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE (RFL) CLASSES

Le Van Khoa

Tomsk State University, master student

Статья посвящена аспектам использования автобиографических текстов на занятиях по РКИ. Это часто используемый, но слабо представленный материал в практике преподавания РКИ. В статье рассматриваются разные типы заданий при работе с делопроизводственными автобиографическими текстами, которые обладают устойчивыми компонентами: композицией, содержанием и лексико-грамматическими средствами. Это дает возможность познакомить иностранцев с жанровыми, стилистическими особенностями таких текстов, а также служит развитию речи.

Ключевые слова: автобиография, делопроизводственный автобиографический текст, урок русского языка как иностранного (РКИ), типы заданий.

The article is devoted to aspects of the using of autobiographical texts in the Russian as a foreign language (RFL) classes. This material is often used, but poorly presented in the practice of teaching RFL. The report discusses different types of assignments during working with clerical autobiographical texts that have stable components: composition, content and lexical and grammatical means. This makes it possible to acquaint foreigners with the genre, stylistic features of such texts, and also serves to the development of speech.

Key words: autobiography, clerical autobiographical text, lesson of Russian as a foreign language, types of assignments.

Научный руководитель:
Волошина Светлана
Владимировна, канд.
филол. наук,

Автобиографические тексты – часто используемый на работе и на конкурсах, но слабо представленный материал в практике преподавания РКИ. Существует не так много научных работ, в которых бы описывался их лингвометодический потенциал и их использование при обучении иностранных студентов русскому языку.

Цель статьи – показать приемы работы с делопроизводственными автобиографическими текстами на занятиях по РКИ.

Актуальность работы обусловлена отсутствием учебных пособий, подготовленных на материале автобиографических текстов, а также слабой представленностью их в методике преподавания РКИ. В основном в существующих научных работах авторы предлагают использование биографических текстов при работе со студентами подготовительных факультетов (Е.В. Аверко-Антонович [1], Н.А. Вострякова [2], И.А. Зайцева [3]). Вместе с тем в последние годы увеличивается число иностранных студентов, приезжающих в Россию на учебу. Они должны уметь представлять себя как в устной, так и в письменной формах, поэтому важно научить их составлять автобиографические тексты.

В рамках магистерской диссертации мы разработали 6 уроков на материале разных типов автобиографических текстов, среди них: делопроизводственные, художественные автобиографические тексты, устные автобиографические рассказы, интернет-автобиографии и интернет-самопрезентации. Делопроизводственные автобиографические тексты – документы о жизни людей, написанные ими самими при поступ-

лении на работу, в вуз и др. организации, которые содержатся в личных делах их составителей и поэтому называются делопроизводственными [4].

В диссертации имеется 2 урока, посвященных изучению делопроизводственных автобиографических текстов. Их объединяет одна тема – «характеристика жанра автобиографии». Общие элементы в структуре этих уроков следующие: фонетическая разминка, задания на чтение, письмо, аудирование и говорение.

В начале работы с автобиографиями мы даем студентам 2 текста, первый – стихотворение – в качестве фонетической зарядки, второй – текст делопроизводственной автобиографии. После их прочтения студентам предлагается: 1) найти общие и отличительные черты этих текстов; 2) определить их жанр и ситуации, в которых они могут использоваться. Это задание позволит определить, какие блоки информации включены в автобиографию, какие из них являются факультативными и обязательными. Чтобы понимать, что такое автобиография, мы затем даем студентам ее определение и типичную структуру.

Среди теоретического материала для знакомства с лексико-грамматическими средствами этого типа текстов мы предлагаем студентам устойчивые грамматические конструкции, например: а) **Я**, фамилия, имя, отчество, **родился** когда? где?; б) **поступить (куда?)** в школу, университет, на факультет, курсы, работу; в) **учиться (где?)** в школе, лицее, институте, университете, на факультете, курсах (чего?); г) **окончить, закончить (что?)** школу, лицей, университет, курсы и т.д. С этой же целью даются задания на образование различных видо-временных форм глаголов (*поступить/ по-*

ступить, окончить, родиться, работать), причастий и деепричастий; русских отчеств; понимание аббревиатур (например, НИ ТГУ, ТУСУР, ТПУ, РФ и др.), запоминание канцеляризованных, используемых в делопроизводственных автобиографических текстах, таких как *в зависимости от..., в качестве..., в настоящее время..., в связи с..., на протяжении... и т.д.*

В качестве заданий по **аудированию** в наших уроках предлагается прослушать отрывок из песни «Автопортрет» (автор слов: Олег Молотков, автор музыки: Григорий Гладков) и вставить в таблицу слова, касающиеся тем учебы и семьи; а также посмотреть отрывок из мультфильма «Малыш и Карлсон, который живет на крыше» и рассказать о его персонажах. Перед прослушиванием песни и просмотром мультфильма используются разные способы семантизации новых слов: даются иллюстративные средства (картинки) и определения слов. Содержание песни и мультфильма отражает повседневную жизнь человека, что позволяет расширить словарный запас у иностранных обучающихся. Но это не делопроизводственные автобиографии, поэтому при работе с таким материалом даются задания – определить, чем отличаются такие самопрезентации от автобиографий-документов.

При работе с автобиографическими текстами на уроках РКИ мы также включаем задания, связанные с говорением. Например, предлагаем студентам составить автобиографический рассказ от вымышленного лица: *Представьте, что вы профессор-химик, магистрант из Вьетнама, студент математического факультета, актер театра*. В этом задании студенты должны учесть весь изученный лексико-грамматический материал. Такой тип упражнений создает почти реальные условия для общения, в которых может оказаться

студент, что позволяет им развивать коммуникативные компетенции, увеличивать словарный запас.

Способом проверки понимания студентами изученного материала становится домашнее задание, связанное с подготовкой делопроизводственной автобиографии для поступления на работу или участия в конкурсе.

Указанные типы заданий дают обучающимся возможность развивать устную и письменную речь, а также знакомят их с особенностями официально-делового стиля. Мы полагаем, что после выполнения предложенных заданий студенты научатся создавать делопроизводственные автобиографии и представлять себя в русской среде.

Литература

1. Аверко-Антонович Е.В. Аудирование биографических текстов на начальном этапе изучения русского языка иностранными студентами // Вестник технологического ун-та. – Казань, 2014. – Т. 17, вып.15. – С. 348–350.
2. Вострякова Н.А. Профессионально ориентированный учебный биографический текст на начальном этапе преподавания русского языка как иностранного (обучение восприятию на материале пособия «Жизнь для науки (о судьбах русских лингвистов в первой половине XX века)» [Электронный ресурс] // Грани познания: электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ. – 2016. – № 2(45). – URL: www.grani.vspu.ru (дата обращения: 03.03.2018).
3. Зайцева И.А. Текст-биография на уроке русского языка как иностранного // Молодой ученый. – 2017. – № 9. – С. 326–329.
4. Волошина С.В., Литвинов А.В. Анатомия делопроизводственной автобиографии в новейшей истории России: композиция и содержание текстов // Текст. Книга. Книгоиздание. – 2016. – № 1(10). – С. 40–54.

АДАПТАЦИЯ ТЕКСТОВ ХУДОЖЕСТВЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ЖАНРОВ ДЛЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ-ЖУРНАЛИСТОВ В РАМКАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО КУРСА

Леушкина А.А.

Томский государственный университет, студент

LITERARY AND PUBLICISTIC TEXTS ADAPTATION FOR INTERNATIONAL JOURNALISM STUDENTS AS A PART OF A PROFESSIONAL COURSE

Leushkina A.A.

Tomsk State University, student

В статье рассматриваются методы адаптации художественно-публицистических текстов в иноязычной аудитории в рамках учебного курса «Художественно-публицистические жанры». Материалом послужили тексты философской, сатирической и очерковой публицистики. В фокусе внимания – методика анализа текстов, с учетом принципов наглядности, целостности и аналитизма.

Ключевые слова: методика преподавания РКИ, художественно-публицистические жанры, очерковая публицистика, принципы обучения.

The article discusses the methods of adaptation of literary and publicistic texts for international audience within the course "Literary and publicistic genres". Texts of philosophical, satirical and essay journalism were used as a material. The article focuses on understanding and describing the principles of presentation and study of texts, taking into account the principles of visibility, integrity and analyticity.

Key words: methods of teaching Russian as a foreign language, publicistic genres, feature article, learning principles.

Научный руководитель:
Крюкова Лариса Борисовна,
канд. филол. наук, доцент.

Курс «Художественно-публицистические жанры», разработанный на факультете журналистики НИ ТГУ, предназначен «раскрыть значение художественной публицистики в СМИ, показать ее главные особенности как вида журналистского творчества, сформировать представление об «авторском» направлении работы в прессе, помочь освоить основные методы работы над жанрами художественной публицистики» [1].

В ходе обучения данному виду журналистской деятельности особенно важно акцентировать внимание на том, чтобы тексты представленных жанров были правильно восприняты иностранной аудиторией. В отличие от текстов информационных и аналитических жанров интерпретация художественной публицистики – процесс трудоемкий и требующий серьезной методической подготовки.

Ключевой особенностью художественно-публицистических жанров является авторское впечатление от события. Следовательно, в процессе работы с текстами иностранные студенты-журналисты наряду с носителями языка должны, во-первых, научиться понимать то, что хотел сказать автор, и, во-вторых, в результате обучения приобрести навык самостоятельно создавать подобные тексты. Соответственно, одним из важных этапов в достижении желаемого результата является адаптация текстов и подготовка специальных заданий.

Целью статьи является осмысление процесса адаптации художественно-публицистических текстов и методика предъявления данных текстов в иноязычной аудитории. Под «адаптацией» (от латинского *adaptatio/adaptare* – «приспособлять») текста, предназначенного для чтения, понимается его трансформация и ком-

ментирование с целью приспособить текст для восприятия читателем, не способным в силу ряда причин понять содержание оригинала» [2]. Адаптированные тексты могут иметь различия в объеме, информационной насыщенности, структуре и языковом оформлении. Степень данных различий зависит от аудитории, а также целей и задач, которые ставит перед собой преподаватель.

Трансформация включает в себя 4 типа операций: исключение (уменьшение объема исходного текста), добавление (увеличение фрагмента), замена (замещение оригинальной текстовой единицы другой, сходной по смыслу) и перестановка (изменение местоположения данной единицы в тексте). Первый тип способствует снятию лексических и грамматических трудностей, упрощению языковой структуры текста, а также формированию «четкой и динамичной сюжетной линии» [2]. Вместе с тем исключать фундаментальные смыслообразующие части текста запрещено. К замене выражений обычно прибегают в случае, когда студенты сталкиваются со сложными грамматическими конструкциями и стилистически окрашенными лексическими единицами. Подобные конструкции могут быть заменены более простыми и стилистически нейтральными.

Второе направление адаптации текста – *комментирование*. По характеру изложения комментарий может быть 3 видов: «страноведческий, литературоведческий, лингвистический». Обычно *страноведческий* и *литературоведческий* комментарии являются предтекстовыми, реже – притекстовыми, а *лингвистический* – притекстовым» [2]. Относительно текстов художественно-публицистических жанров необходимо использовать все типы комментирования. Фило-

софская публицистика требует литературоведческого комментария, очерки – страноведческого (в т.ч. историко-культурного), для всех текстов необходимо лингвистическое комментирование.

Разрабатываемый спецкурс направлен на ознакомление студентов с художественно-публицистическими жанрами и отработку профессиональных навыков, имеет практический характер и ориентирован на иностранных студентов с уровнем владения русским языком В1 и выше.

Материалом послужили тексты философской, сатирической и очерковой публицистики, в частности, путевые очерки журнала «Русский репортер», такие как «Дорогу осилит идущий» [3], «Правда – это бог» [4] и пр. Отбор текстов происходил с учетом следующих критериев: соответствие изучаемому жанру, доступность (ясность изложения), возможность составить необходимые для достижения целей урока задания (предтекстовые, притекстовые, послетекстовые), целесообразность предъявления данного материала (как информация, представленная в тексте, поможет студентам в профессиональной деятельности) и актуальность.

В рамках курса запланировано 6 занятий по 90 минут. Работа на занятиях включает в себя 5 классических этапов, каждому из которых соответствует своя система упражнений. Актуализация знаний, умений и навыков, предтекстовый, притекстовый, послетекстовый этапы и завершение работы с подведением итогов.

В основе работы лежит ряд принципов:

1. Принцип визуализации, наглядности. Использование на занятиях видео- и аудиоматериалов, различных таблиц, схем, презентаций и пр.
2. Принцип целостности и системности (комплексный подход). Работа с текстом затрагивает все уровни языка, без исключения. Текст для иностранных студентов является незаменимым инструментом в приобретении языковых навыков.
3. Принцип аналитизма, предполагающий сравне-

ние, рефлексию и анализ того, чем отличаются и схожи между собой жанры всех видов публицистики.

В результате освоения дисциплины студенты должны знать «специфику отображения действительности в художественно-публицистических жанрах, современные тенденции развития данного направления журналистики; уметь применять полученное знание в ходе исследования социальных фактов, подготовки журналистских текстов; владеть основными приемами и методами работы над жанрами художественной публицистики» [1]. Кроме профессиональных компетенций, неотъемлемой частью является готовность к постоянному саморазвитию, повышению квалификации, осознание социальной значимости профессии и мотивация к профессиональной деятельности.

Таким образом, адаптация текстов художественно-публицистических жанров в рамках спецкурса способствует качественному формированию у иностранных студентов профессиональных и культурных компетенций.

Литература

1. Тыщевская А.Ю. Художественно-публицистические жанры : учебно-методический комплекс для студентов вузов по направлению 42.04.02 «Журналистика» [Электронный ресурс]. – URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000533163>.
2. Брыгина А.В., Красикова Е.В. Направления и приемы адаптации художественного текста (на примере рассказа А.П. Чехова «Враги») // Вопросы изучения русского языка, истории и культуры России. – Тайбэй : Изд-во Ун-та Чжэнчжи. – 2010. – № 16. – С. 197–236.
3. Дорогу осилит идущий. Репортаж «Марша миллионов» [Электронный ресурс] // Новая газета. – 2012. – №15. – Электрон. версия печат. публ. – URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2012/09/17/51472-doroguosilit-iduschiy-reportazh-s-171-marsha-millionov-187> (дата обращения: 16.02.2019).
4. Правда – это бог [Электронный ресурс] // Русский Репортер. – 2013. – № 48. – URL: <http://rusrep.ru/article/2013/12/17/sadoviy> (дата обращения: 24.02.2019).

ПРИРОДА В РАССКАЗЕ К.Г. ПАУСТОВСКОГО «СКРИПУЧИЕ ПОЛОВИЦЫ»

Ли Юе

Томский государственный университет, студент

NATURE IN THE STORY OF K.G. PAUSTOVSKY "CREAKING FLOORBOARDS"

Li Yue

Tomsk State University, student

Данная статья посвящена исследованию лексики природы и ее роль в рассказе К.Г. Паустовского «Скрипучие половицы». Мы определили и разделили группы и подгруппы лексики природы, проанализировали роль природы для главного героя – П.И. Чайковского. Затем внимание было уделено изучению художественной речи и индивидуального стиля Паустовского, особенно использованию эпитета, метафоры и олицетворения.

Ключевые слова: лексики природы, функции природы для лирического героя, художественная речь, идиостиль.

This stage is devoted to the study of the vocabulary of nature and its role in the story by K.G. Paustovsky "Creaking Floorboards". First we need to define and separate groups and subgroups of the vocabulary of nature, analyze the role of nature for the main character, P.I. Tchaikovsky. Then we pay attention to study the artistic speech and the individual style of Paustovsky, especially the use of ethos, metaphors and personification.

Key words: the vocabulary of nature, the role of nature, artistic speech, individual style.

Научный руководитель:
Гынгазова Людмила Георгиевна,
канд. филол. наук, доцент.

Настоящая статья посвящена изучению роли природы и способов ее описания в рассказе замечательного русского прозаика К.Г. Паустовского. Работа выполнена в русле функциональной стилистики художественной речи и изучения идиостиля писателя. Ее актуальность определяется, во-первых, необходимостью выявления общих законов художественного стиля в отличие от нехудожественных, а во-вторых, научным интересом к способам выражения творческой индивидуальности конкретного мастера слова.

Новизна нашей работы состоит в проведении функционально-стилистического анализа лексики природы в одном из еще не исследованных рассказов К.Г. Паустовского.

В рассказе «Скрипучие половицы» природа представлена большой тематической группой лексики, которая состоит из отдельных подгрупп, объединяющих разные виды природных объектов.

1. **Земля как природный объект:** земля.
2. **Ландшафт:** пригорок, поляна, берег, гора, равнина, овраг, изволок, яр.
3. **Водные объекты:** озеро, река, вода.
4. **Атмосферные явления:** дождь (капли дождя), роса, радуга, жар, ветер, воздух.
5. **Небесные объекты:** облака, тучи, солнце, месяц (серп месяца), звезды.
6. **Природное время суток:** сумерки, закат (закатный огонь), заря, ночь, утро, день.
7. **Растительный мир:** лес: заросли, мелколесье, бор, подлесок, березовый лес, корабельный лес, заболоченные чащи. Виды растений, деревья: сосна (вершины сосен), липа, ольха, дуб (дубовые листья), ива, береза. Кустарники: бересклет, лещина. Травы: репейник, травинка. Цветы: гвоздика, ландыш, иван-чай.
8. **Животный мир:** лесные птицы, жаворонки, кукушка, соловей.
9. **Домашние животные:** вол, пес, лошадь, козел.

Природная широта и многообразие описывается

в рассказе через взгляд главного героя – Петра Ильича Чайковского. Это не просто фон, на котором происходят события, это тот мир, который дает композитору творческое вдохновение и благодаря которому рождается музыка. «Ему помогли леса, заросли, заброшенные дороги – в их колеях отражался в сумерках серп месяца, и этот удивительный воздух, и всегда немного печальные русские закаты». Он знал, что, побывав в этих местах, «он вернется – и давно живущая где-то внутри любимая тема о лирической силе этой лесной стороны прольется через край и хлынет потоками звуков».

Но природа для Чайковского – не только источник его музыки и вдохновения. Он очень хорошо понимает значение природы для родной страны. Он тяжело переживает главный конфликт рассказа: безжалостную вырубку леса ради выгоды одного человека. Он говорит: «Могущество страны – не в одном материальном богатстве, но и в душе народа. Чем шире, свободнее эта душа, тем большего величия и силы достигает государство. А что воспитывает широту духа, как не эта удивительная природа! Ее нужно беречь, как мы бережем самую жизнь человека...».

Итак, К.Г. Паустовский отводит природе в рассказе важное место. Какие же художественные средства он использует для ее описания?

Чаще всего встречается эпитет. Это выразительное художественное определение, отличающееся от стилистически нейтрального. Например, *немного печальные русские закаты, которые являются антитезой великоленным позлащенным закатам Италии; росистые тени; просторные луга; веселая даль; туманные зори; воздушные просторы*.

Часто эпитеты основаны на цветообозначении: *розовый иван-чай; голубоватый отблеск воды; багровый закатный огонь, стволы мягкого золотистого оттенка*.

Большое внимание уделяется свету: *свет лился прямыми потоками; пласты света; свет золотистого розового тона*.

Встречаются метафоры и олицетворение: *знакомый край был обласкан светом; кудрявые вершины леса; любимая тема прольется через край и хлынет потоками звуков; перезвон лесных жаворонков; соловьи ударили по окрестным кустам; холодом ударило из заболоченных чащ.*

Художественная выразительность достигается также приемом уподобления, когда смерть срубленной сосны уподобляется смерти человека. *«Внезапно вся сосна от корней до вершины вздрогнула и застонала. Чайковский явственно слышал этот стон. Вершина сосны качнулась, дерево... рухнуло. С тяжелым гулом сосна ударилась о землю, затрепетала всей хвоей и замерла. Березы пытались удержать падающую сосну, принять ее на свои гибкие стволы, чтобы смягчить смертельное падение...».*

Все используемые К.Г. Паустовским тропы помогают читателю зримо представить описываемые события, понять настроение и переживания героев рассказа и испытать любовь к русской природе, которую испытывает к ней писатель.

Итак, изучение роли природы и способов ее описания в рассказе К.Г. Паустовского «Скрипучие половицы» позволяет сделать следующие выводы:

1. Природа составляет особый мир композитора Чайковского.
2. Она рождает чувство красоты.
3. Вызывает творческое вдохновение и служит толчком к рождению музыки.
4. Она воспитывает широту духа народа.
5. Отношение к природе делит людей на хороших, равнодушных и злых.

ИЗУЧЕНИЕ НАРОДНОГО ТИПА РУССКОГО ЯЗЫКА В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ

Лю Си

Томский государственный университет, магистрант

RUSSIAN DIALECTS LEARNING BY FOREIGN STUDENTS

Liu Si

Tomsk State University, master student

Статья посвящена проблемам освоения курса «Русская диалектология» иностранцами, обучающимися по программе «Филология». Они обусловлены отсутствием специальной литературы по данной дисциплине для инофонов, что делает актуальным создание учебного пособия такого типа в Томском государственном университете, имеющем давние традиции изучения народных говоров.

Ключевые слова: русская диалектология, диалектный язык, методика преподавания, русский как иностранный, учебное пособие.

The thesis is aimed at finding out problems when foreigners study Russian dialectology. The reason of existence of problem is that relevant books and materials are not enough. It is essential to compile materials about dialectology for these foreign students majoring literature. As we all know, Tomsk State University is developed in studying dialectology and has a long history in these aspects.

Key words: dialectology, teaching method, Russian as a foreign language, teaching materials.

Научный руководитель:
Старикова Галина Николаевна,
канд. филол. наук, доцент.

Подготовка филологов, в том числе иностранцев, включает изучение не только современного русского литературного, но и других типов национального языка. Так, в базовую часть учебной программы входит «Русская диалектология», которая вызывает большие трудности у инофонов при освоении этого курса. В частности, на это указывает О.Б. Переход: «У иностранных студентов-филологов возникает ряд сложностей, связанных с восприятием и освоением данного учебного курса, так как понимание диалектной речи и анализ диалектных языковых особенностей предполагает совершенное владение разными формами существования русского языка, прежде всего его литературной формой и разговорной речью, на фоне которых осуществляется выделение и комментирование диалектных фактов» [1]. Сложности освоения этой дисциплины обусловлены полным незнанием народного типа языка (иностранцы не слышат его в условиях вузовского обучения), отсутствием специальной литературы по данной дисциплине для инофонов. Все сказанное делает актуальным создание учебного пособия такого типа в Томском государственном университете, имеющем давние традиции изучения народных говоров, где по указанной программе обучается значительное количество иностранных студентов.

Задачи будущего пособия — познакомить студентов с основной терминологией и положениями ареальной лингвистики, сформировать представление о диалектной специфике русских говоров на всех языковых уровнях, научить азам анализа диалектной речи. Предполагается, что пособие будет состоять из двух содержательных частей: 1) теоретической, в которую войдут адаптированные лекционные материалы по теме, с текстовыми заданиями к ним, и 2) практической, предполагающей разного рода упражнения на диалектном материале, контрольные тесты, а также, возможно, вспомогательные материалы в виде таблиц и/или терминологического словарика.

Для лекционного раздела используются материалы четырех учебников с общим названием «Русская диалектология» для русскоязычных студентов под ред. Л.Л. Касаткина (2005), В.В. Колесова (2006), А.С. Малахова (2013), Н.А. Мещерского (1972). Их выбор обоснован оптимальным соотношением авторитетности пособий и простотой изложения учебного материала. Безусловно, они тоже требуют адаптации информации для иностранной аудитории. Упрощение материалов предполагает продуманность лексико-грамматической работы, тщательный отбор иллюстративного материала, непротиворечивое введение терминологии раздела, выбор оптимальных способов для ее объяснения и др. В настоящее время завершена работа над первой, вводной, темой, знакомящей с дисциплиной, на ее примере представляется пособие.

Так, теоретическая часть темы включает разделы: зарождение русской диалектологии, ее задачи, основные понятия и термины, связи с другими науками, типы национального языка и т. д., всего — около 4 страниц текста. Послетекстовые вопросы помогают студентам осознать вводимый материал: 1. *Что такое диалектология, чем она занимается?* 2. *В каких формах выступает национальный язык?* 3. *Что такое диалектный язык? Чем он отличается от литературного языка?* 4. *Что объединяет диалектный язык и жаргоны, в чем состоит различие между ними?* 5. *Как вы поняли выражение «Диалекты — богатство русского языка»?* 6. *Каковы задачи курса «Русская диалектология»?* 7. *С какими науками связана данная дисциплина?* 8. *В чем вы видите значение науки?*

Практическая часть состоит из лексико-грамматических заданий, в их числе упражнения, требующее соотнести название науки (лексикология, диалектология, этнография и др.) с его толкованием, чтобы закрепить навык формулировки подобных терминов (*раздел языкознания, наука о словарном составе языка*). Студентам также предлагается прочитать небольшой отрывок из диалектного текста, чтобы составить са-

мое общее представление о народном типе языка. Задание требует «перевести» диалектную запись на русский литературный и указать языковые особенности говора – фонетические, грамматические, лексические: 13. Пяток. Потепле. Березник дальний зазеленелса, а иньи падают каждую ночь. 14. Субота. Вечором зачало выяснивать и холодно.

Обучение лексике, особенно диалектной, требует постоянного обращения студентов к формальной стороне слова – его корню, деривационной модели. Так, работа со словами *первозимок*, *перезимок*, *полуторник*, *троелеток*, употребленными в лекционной части темы, продолжается в практической определением их морфемной структуры и способа словообразования. Например, предложение «*Диалекты показывают номинативные возможности языка, обогащая его новыми словами, развивая его синонимию*» позволяет привлечь внимание к словообразовательному типу **о-богат-ить** и его значению. Задание предлагает образовать по этой модели глаголы от ряда прилагательных (*счастливый, живой, золотой, молодой, голый, добрый, пьяный*), определить их семантику и составить свои варианты предложений с ними.

Подобная работа со структурой наименований различных реалий подготавливает студентов к освоению классификации региональной лексики, отчасти – к пониманию особенностей мировидения русских. С этой целью в пособии подготовлены упражнения на определение мотивировки названий некоторых растений: подорожника, одуванчика, ромашки, клевера. Так, их изображение сопровождается энциклопеди-

ческим толкованием слов, которое должно содержать указание на признаки, реализованные в номинации. Например:

Одуванчик – многолетнее травянистое растение с желтыми цветами, стеблями с белым млечным соком и пушистыми семенами, которые разносятся ветром. При таком условии студентам проще понять его диалектные названия: *ветреник, молочник, молочай, молокощиц, пуховичок, пуховка, огонек, желтоголовик* и др. Подобная работа показывает ресурсы номинативного варьирования языка (*придорожник, подорожница, путник, попутчик, попутный лист, поранник, порезник, собачьи уши, конотоп, конотопка* и др.), подготавливает к пониманию классификации диалектной лексики.

Средства контроля за пониманием и усвоением материала будут содержать задания в тестовой форме, например, «*Укажите правильные, с вашей точки зрения, утверждения:*

1. Русский язык относится к языкам с серьезными диалектными различиями.
2. Говор представляет речь жителей одного или нескольких населенных пунктов, однородных в языковом отношении».

Литература

1. Переход О.Б. Особенности преподавания диалектологии иностранным студентам-филологам [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.grandov.ru/nuda/osobennosti-prepodavaniya-dialektologii-inostrannim-studentam/main.html>.

ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАНЦЕВ СОЗДАНИЮ ТЕКСТА-ПОВЕСТВОВАНИЯ НА ИСКУССТВОВЕДЧЕСКОМ МАТЕРИАЛЕ

Лю Цзинцзин

Томский государственный университет, студент

TRAINING INTERNATIONAL STUDENTS OF CREATING TEXT NARRATION IN ARTS MATERIAL

Liu Jingjing

Tomsk State University, student

В статье представлены различные виды упражнений, которые знакомят иностранцев с таким типом текста, как повествование: чтение образцовых произведений; работа со средствами связного текста; работа с отдельными грамматическими конструкциями и лексическими группами.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, методика, текст-повествование.

The article presents various types of exercises that familiarize foreigners with such type of text as narration: 1) Reading exemplary works; 2) Work with the means of a coherent text; 3) Work with separate grammatical structures and lexical groups.

Key words: Russian as foreign, methods, text narration.

Научный руководитель:
Старикова Галина Николаевна,
канд. филол. наук, доцент.

Обучение неродному языку включает одновременно обучение языковым аспектам (фонетике, лексике, грамматике) и таким видам деятельности, как письмо, чтение, аудирование и говорение. Самыми сложными из них являются последние, обучать им труднее всего, но эта работа обязательна для всех этапов изучения иностранного языка.

Данная научная работа связана с русской живописью как с материалом, который можно и нужно использовать в преподавании РКИ на среднем и продвинутом этапах. Одна из ее задач – разработка упражнений для обучения созданию текстов. Она предполагает следующие виды работ: знакомство студентов с образцовыми учебными текстами на темы искусства; выявление средств связи между частями текста; работу с отдельными грамматическими конструкциями и лексическими группами, которые могут быть использованы при создании текста.

Как известно, имеется три типа речи: повествование, описание, рассуждение, каждый из которых имеет свою специфику. Так, описание – словесное изображение портрета, пейзажа и т.д. с перечислением всех характеристик описываемого, в рассуждении доказывается, объясняется какое-нибудь утверждение, а повествование – это рассказ о каком-либо событии, которое имеет начало, развивается во времени и получает завершение [1]. Для него характерны такие композиционные части текста: завязка, развитие действия, кульминация и развязка. Тематика данной работы предполагает знакомство студентов с повествованием на примере текстов-биографий художников, а также историй создания той или иной картины, их судеб (напр., «Иван Грозный и сын его Иван» И.Е. Репина). Объем таких текстов может быть небольшим, они легко делятся на композиционные части, студентам по силам составить их планы, чтобы по их образцам создавать собственные. Фрагмент текста-биографии: *Расцвет творчества Репина пришелся на 1880-е годы. В это время он создал галерею портретов современников, работал в жанрах бытовой и историчес-*

кой живописи. В 1882 г. закончился пятилетний период жизни художника в Москве – он вернулся в Петербург, город своей юности. Так у студентов должно формироваться понимание, что повествование должно начинаться с сообщения о действующем лице (биография) / объекте повествования (картине), месте и времени действия, заканчиваться завершающим событием (обычно с выводом), основная же часть должна рассказывать об этапах жизни и творчества художника / этапах работы над полотном или «материальной» истории последнего.

Второй вид деятельности предполагает определение последовательности, в которой нужно расположить предложения, чтобы получился текст, напр.:

А) *Он не мог налюбоваться тем, как осень снимала с полей, со всей природы густые цвета, смывала дождями зелень, меняла темные краски лета на золото, пурпур и серебро.* Б) *А ведь запечатлены на этих картинах знакомые с детства вещи: одинокие золотые березы, похожие на тонкий лед небо, косматые серые дожди, маленькие реки, черные от сырости стога сена.* В) *Левитан, подобно Пушкину, Тютчеву, Есенину, с нетерпением ждал осени, как самого мимолетного и дорогого времени года.* Г) *Именно такую осень и воспевает богатейшая палитра художника, показывая печаль прощальных дней.*

Варианты ответов могут быть указаны (1) ГАВБ; 2) БВГА; 3) ВГБА; 4) БАГВ), но можно также предложить учащимся найти свое решение.

Развитием этого задания может быть выявление средств связи между предложениями, напр.: *Получив гонорар за одну из иконописных работ, Илья Репин отправился в Петербург. Там вскоре он поступил в Академию искусств. Будущий мастер был просто счастлив учиться любимому ремеслу. Или: Моллер много работал в религиозно-историческом жанре. Однако сегодня он более всего известен портретом Н.В. Гоголя. Да, эта картина знакома сегодня всем.* Условная работа, можно предложить восстановить средство связи между фрагментами текста, дописать его начальным, конечным предложением или же предложением в середине

фрагмента – эти формы подсказывают задания ЕГЭ по русскому языку для учеников 11-го класса.

Третий вид деятельности будет представлен работой с деепричастным оборотом. Здесь предлагаются два задания. Первое требует выбрать грамматически правильный вариант продолжения предложения, напр.:

Сделавшись 100–50 тысяч лет назад творцом, художником,

- 1) у первобытного человека изменилось сознание.
- 2) начинается преобразование человека.
- 3) человек остается им и сейчас.
- 4) возможно, вначале человеком двигали только практические цели.

Или: **Создавая живописное полотно,**

- 1) работа велась несколько дней.
- 2) было использовано масло.
- 3) использовались масляные краски.
- 4) художник использовал масло.

Второе задание предлагает найти предложения с ошибками в употреблении деепричастного оборота, напр.:

- 1) *Работая в различных областях музыкального искусства, Моцарту больше всего нравилось писать оперы.*
- 2) *Рассматривая рисунок, мне вспомнилось лето.*
- 3) *Анализируя стихотворный текст, помните об особенностях поэтической речи.*

Особо значимыми для текста-повествования являются глаголы, поэтому студентам предлагается работа со значимыми для искусствоведения лексическими группами: напр., с корнем твор-: творить – сотворить, творение – сотворение, творец, творчество, творческий. Познакомившись со значениями этих слов, уяснив характер их сочетаемости с другими лексическими единицами, студенты должны составить предложения с каждым из них.

Литература

1. Власенков А.И., Рыбченкова Л.М. Русский язык: Грамматика. Текст. Стили речи : учеб. для 10–11 кл. общеобразоват. учреждений. – М. : Просвещение, 2002. – 350 с.

МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ ПОЛИСЕМИЯ КАК ИСТОЧНИК СЛОВАЦКО-РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ

Мадей Е.Д.

Университет им. Я.А. Коменского в г. Братиславе, аспирант

INTERLINGUAL POLYSEMY AS THE SOURCE OF SLOVAK-RUSSIAN LANGUAGE INTERFERENCE

Madej E.D.

Comenius University in Bratislava, post-graduate student

В статье рассматривается феномен межъязыковой полисемии на примере словацкого и русского языков. В статье представлены и проанализированы конкретные примеры лексических интерферем, наиболее часто встречающихся в русской речи словацких студентов.

Ключевые слова: РКИ, межъязыковая полисемия, языковой контакт, калька.

The paper is analysing interlingual polysemy using the example of Slovak and Russian languages. Selected most frequent lexical interferemas used in the Russian language spoken by Slovak students are analysed in the article.

Key words: RFL, interlingual polysemy, language contact, calque.

Научный руководитель:
Мария Куса, профессор
(Словакия).

По причине того, что русский и словацкий язык принадлежат к славянской группе языков, длительное время в рамках общеславянского и праславянского языка они развивались вместе. «Лишь с началом формирования древних славянских государств на территориях юго-восточной и восточной Европы из диалектных наречий постепенно формируются самостоятельные славянские языки (древнерусский, древнечешский, древнеболгарский и т.д.)» [1]. Совместная история формирования и развития славянских языков не осталась незамеченной в их грамматической и лексической структуре. В связи с этим при компаративном анализе систем словацкого и русского языка можно заметить ряд сходств и аналогий [2]. С одной стороны, значительное количество соответствий в грамматическом и лексическом строе двух языков имеет положительный эффект: структурные подобию и аналогичные языковые явления способствуют лучшему и более быстрому усвоению студентами, изучающими русский язык как иностранный (РКИ), новой для них языковой системы. С другой стороны, в результате некоординированного, или субординативного, билингвизма в речи словацких студентов появляется большое количество ошибок. Под некоординированным билингвизмом следует понимать «такое состояние языковой компетенции говорящего, когда два кода и две системы норм – родного языка и изучаемого языка – не дифференцированы полностью» [3]. Результатом субординативного билингвизма является языковая интерференция, проявляющаяся в отклонении от норм доминирующей языковой системы под влиянием нормы доминирующей языковой системы, вызванном их взаимоналожением в сознании многоязычного носителя [4]. Как следствие нарушения лексических норм русского языка под влиянием норм родного языка в речи словацких студентов появляется ряд ошибок, классифицируемых как результат проявления лексической интерференции.

«Лексическая интерференция определяется как заимствование лексем чужого языка при двуязычии, которое выражается либо в перенесении фонемной

последовательности из одного языка в другой, либо в сдвигах в структуре значения лексемы родного языка, либо в образованиях, скалькированных по модели иностранных слов» [5]. Лексическая система как русского, так и словацкого языков представляет собой макроструктуру, образованную и поддерживаемую парадигматическими связями, относящимися ко всем единицам словарного запаса. Парадигматика в области лексики – это наличие в словарном составе групп слов или парных сочетаний, выделяемых по каким-либо общим признакам или по признаку противопоставления. На этой основе в макроструктуру русского и словацкого языков можно отнести синонимические, антонимические, омонимические, паронимические образования и соответствующие отношения между их элементами [6]. Поскольку лексические системы обоих исследуемых языков отличаются наличием большего количества многозначных слов, явление многозначности представляет для субординативного билингва сферу потенциальных лексико-семантических ошибок.

Лексико-семантическая интерференция проявляется в феномене межъязыковой полисемии, связанной чаще всего с семантическими и структурными расхождениями в лексике русского и словацкого языков, а именно: а) с несовпадением объема значений слов в обоих языках и б) с несовпадением лексической сочетаемости и ассоциативных связей у соответственных слов контактирующих языков [3]. На примере следующих полисемантов и их сем представим наиболее частые (типичные) ошибки, допускаемые словацкими студентами в русской речи.

Словацкое полисемантическое имя прилагательное *starý* (русс. *старый*) имеет более 10 значений, большинство из которых по смысловому наполнению, лексической сочетаемости и ассоциативным связям совпадает со значениями русского полисеманта *старый*. Однако при более детальном анализе некоторых словарных значений слова *starý* можно отметить некоторые существенные различия. Так, первое значение

лексемы *starý* звучит следующим образом: 1. Находящийся на позднем или последнем этапе своей жизни, своего развития; относящийся к этому периоду: *с. человек, дерево*; *старый отец* отец матери или отца; *старая мать* мать матери или отца; *старые родители* родители родителей [7]. Толковый словарь русского языка (ТСРЯ) дает следующую дефиницию слова *старый*: 1. Достигший старости [8]. Смысловое наполнение первого значения данных коррелятов можно считать эквивалентным, однако их сочетаемость с другими лексемами не во всех случаях является тождественной. Так, устоявшиеся в словацком языке словосочетания *starý otec*, *stará mama* имеют в русском языке аналоги, выражающиеся в однословных лексемах *дедушка, бабушка*. Словацкая синтагма *starí rodičia*, обозначающая *бабушка и дедушка*, при буквальном переводе на русский язык – *старые родители* – не только приобретает новое значение («родители в пожилом возрасте», вместо «бабушка и дедушка»), но и с точки зрения синтаксиса перестает быть синтаксически неделимым словосочетанием. Четвертое значение полисеманта *starý* звучит как: 4. Изношенный в результате длительного применения; не явл. новым; не явл. свежим: *с. платье, с. бумага, с. хлеб, с. картофель*. Настоящее значение словацкое слово совпадает со значением русского слова только частично: 3. Долго бывший в употреблении: *покупка с. книг, с. дом, с. платье*. В настоящем случае объем словацкой лексемы шире, поскольку включает в себя сему «не являющийся свежим», в русском языке соответствующую лексемам *черствый, испорченный, просроченный, несвежий*. Пятое значение полисеманта *starý* звучит как 5. Происходящий из прошлого, существующий в прошлом, древний, старинный: *с. литература, с. традиция, с. времена, С. Рим, с. славяне; С. закон*. В данном случае объемы значений коррелятов совпадают (ср. русс. 5. старинный, древний, ТСРЯ), но не совпадает лексическая сочетаемость некоторых устоявшихся словосочетаний. Так, синтагмам *старая литература, С. Рим, С. Греция, С. Русь* соответствуют словосочетания *древняя литература, Древний Рим, Древняя Греция, Древняя Русь*; а синтагмам *Старый закон, старая традиция – Ветхий завет, старинная традиция*.

При сопоставлении значений многозначных коррелятов *nový* – *новый* также можно найти ряд семантических расхождений, незнание которых приводит к возникновению в речи словаков типичных лексико-семантических ошибок. Так, первому значению словацкого полисеманта «тот, который только что, недавно появился»: *н. платье, микрорайон, новый картофель, новый перец* [7, с. 242] соответствует следующее значение русского слова: «впервые созданный или сделанный, появившийся или возникший недавно, взамен прежнего, вновь открытый»: *н. техника, книга, планета, идеи* [8, с. 420]. Как видно из приведенных выше примеров, не во всех случаях совпадает лексическая сочетаемость некоторых словосочетаний. Так, словацким синтагмам *новый картофель* и *новый перец* соответствуют русские словосочетания *молодой картофель* и *душистый перец*. Таким образом, переноса всю структуру значений словацких полисемантических имен прилагательных *starý* и *nový* в русский язык, словацкие студенты делают многочисленные лексико-семантические ошибки. И если некоторые случаи употребления слова в несвойственном ему значении

благодаря контексту позволяют заменить его подходящей по смыслу лексемой (при словосочетании *старый хлеб* можно понять, что речь идет о *черством хлебе*), то другие интерференцы препятствуют общему восприятию смысла (без знания словацкого языка носителю русского языка будет трудно понять, что калькированное из иностранного языка выражение *новый перец* означает *душистый перец*).

К наиболее часто допускаемым словаками лексико-семантическим ошибкам можно отнести неверное употребление русского глагола *дать*. На основании фонетического подобия коррелятов (словац. *dať* – русс. *дать*) словацкие студенты воспринимают лексему *даť* со всеми содержащимися в словацкой лексеме *dať* семемами как единое целое. При этом студенты не учитывают, что в системе русского языка некоторые семемы могут входить в состав совершенно других лексем. Так, согласно «Краткому словарю словацкого языка» полисемант *dať* имеет более 15 значений, к числу которых относятся значения «дать, передать», «положить», «поставить», «выбросить», «забить (гол)», а также «заказать», «повесить», «добавить» и др. Несмотря на то, что русский полисемантический глагол *дать* также имеет более 10 значений, некоторые из вышеприведенных семем в его семантическую структуру не входят, в связи с чем происходит несовпадение объема значений коррелятов, а следовательно, наличие в речи словаков лексико-семантических ошибок.

Часто используемый в речи словацких студентов глагол *staráť sa*, не имеющий равнозвучного семантического аналога в русском языке, имеет следующие значения: 1. Заботиться о прогрессе, успехе кого-л., успешном ходе чего-л., ухаживать: *заботиться о больном, следить за здоровьем, ухаживать за животными*. 2. Добывать, обеспечивать: *обеспечивать поставку материала*. 3. Вмешиваться: *не вмешивается в дела других*. 4. Иметь хлопоты, беспокоиться: *только бы ничего не случилось, беспокоилась/хлопотала мама* [7, с. 420]. Так, часто встречающийся в речи словаков глагол *staráť sa* имеет 4 семемы. Как правило, студентам хорошо известен перевод на русский язык именно первого значения глагола *staráť sa* – *заботиться* (реже *ухаживать*). При переводе предложений на русский язык словацкий студент на подсознательном уровне полагает, что русская лексема *заботиться* имеет все те же семемы, что и словацкий полисемант *staráť sa*, в результате чего допускает ошибки типа: *Не заботься об этом* (вм. Не вмешивайся!), *Мы стали заботиться, потому что он не возвращался* (вм. Мы стали беспокоиться, потому что он не возвращался).

Словацкое полисемантическое имя существительное *rohár* имеет четыре значения: 1) стеклянный сосуд для питья; 2) емкость для закатывания (овощей, фруктов); 3) символический сосуд, вручаемый в качестве трофея за победу; 4) соревнование за трофей, упомянутый в п.3 [7, с. 302]. Первому значению полисеманта *rohár* в русском языке соответствует слово *стакан*, второму *банка*, третьему и четвертому *кубок*. В результате переноса семантической структуры словацкого слова *rohár* на один из его русских эквивалентов словаки допускают ошибку типа *Достань из холодильника стакан с огурцами*.

Проанализировав несколько полисемантов, наиболее часто встречающихся в речи студентов, мы пришли к выводу, что, несмотря на многие сходства лексического уровня русского и словацкого языков, за-

частую даже однокоренные или полностью созвучные полисеманты имеют значительные расхождения в объеме своего семантического состава или в сочетаемости полисеманта в одном из его значений с отдельными лексемами. В целях предотвращения лексической интерференции преподаватели должны уделять должное внимание проблематике, связанной с некоординированным билингвизмом и лексической интерференцией и как можно чаще проводить вместе со студентами анализ семантической структуры и объема значений наиболее часто употребляемых в речи студентов межъязыковых полисемантов. Такой анализ не только поспособствует выявлению поля потенциальной интерференции на лексико-семантическом уровне в русской речи словацких студентов, но и позволит студентам проследить новые тенденции развития словацко-русской полисемии, связанные с обновлением словарного запаса сравниваемых языков.

Данная статья подготовлена в рамках проекта

Didaktické materiály k výuube ruského jazyka pre študentov prvého ročníka ruských a východoeurópskych štúdií s registračným номером UK/404/2019 и в рамках проекта KEGA Course book Cultural Regions of Russia in Tourism с регистрационным номером 052UK-4/2018 [9].

Литература

1. Васильева Е.В., Конечны Я. Чешско-русская омонимия как лингводидактическая проблема [Электронный ресурс] // XLinguae Journal. — 2015. — Vol. 8(1). — С. 57–67. — URL: http://www.xlinguae.eu/files/xlinguae1_2015_6.pdf (дата обращения: 25.04.2019).
2. Дулебова И. К концепции преподавания Лингвострановедения России в словацком вузе // Культура русской речи в условиях многоязычия. — Махачкала, 2015. — С. 125–128.
3. Багана Ж., Блажевич Ю.С. Лексическая интерференция в условиях языкового контакта (на примере русского и португальского языков) // Вестник ИГЛУ. — Иркутск, 2011. — С. 10–15.
4. Савина С.С. Особенности лексической интерференции при контакте французского и русского языков // Вестник ПСТГУ. Серия 3: Филология. — М., 2011. — С. 53–59.
5. Блажевич Ю.С. Лексическая интерференция в условиях языкового контакта [Электронный ресурс] : автореф. ... канд. филол. наук. — Белгород, 2011. — URL: <http://cheloveknauka.com/leksicheskaya-interferentsiya-v-usloviyah-yazykovogo-kontakta> (дата обращения: 28.04.2019).
6. Меденцева Н.П. Лексическая интерференция в английской речи русскоязычных учащихся [Электронный ресурс] // Молодой ученый. — 2014. — № 3. — С. 840–844. — URL: <https://moluch.ru/archive/62/9559> (дата обращения: 28.04.2019).
7. Kasala J. Kratky slovník slovenského jazyka. — Bratislava : Veda, 1989. — P. 420.
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. — М. : Азбуковник. — С. 763.
9. Course book cultural regions of Russia in tourism [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.portalvs.sk/en/prehľad-projektov/kega/11564>.

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЕ МЕДИАТЕКСТЫ НА ЗАНЯТИЯХ ПО АУДИРОВАНИЮ НА СРЕДНЕМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ РКИ

Мао Ю., Рокита М.

Томский государственный университет, студенты

EDUCATIONAL MEDIA TEXTS ON LISTENING COMPREHENSIONS CLASSES FOR STUDENTS ON AVERAGE LEVEL OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Mao Y., Rokita M.

Tomsk State University, students

В статье рассматривается проблема использования просветительских медиатекстов в качестве материала для обучения русскому языку как иностранному на занятиях по аудированию на среднем этапе. В данной работе была продемонстрирована актуальность работы с данным типом медиатекстов в иностранной аудитории, принципы отбора материалов, а также представлена модель построения урока на основе просветительских медиатекстов.

Ключевые слова: просветительские медиатексты, аудирование, обучение русскому языку как иностранному.

In this article problem of using educational media texts on listening comprehensions classes for students on average level of Russian as a foreign language is described. The article shows pluses of working on educational media texts with students.

Key words: educational media texts, listening, Russian as a foreign language.

*Научный руководитель:
Фащанова Светлана Владимировна, канд. филол. наук,*

В современном мире возрастает количество электронных источников информации, в том числе просветительских СМИ. Опубликованные в них медиатексты можно определить как класс текстов СМИ, предназначенных для массовой аудитории, написанных понятным, правильным языком, относящимся к общепринятой языковой норме [1]. Это дает множество вариантов их использования на занятиях по РКИ [2], также в качестве материала для уроков по аудированию.

Целью исследования является выявление научно-методического потенциала просветительских медиатекстов на занятиях по аудированию для студентов со средним уровнем владения русским языком (B1–B2).

Задачи работы – продемонстрировать актуальность работы с данным типом медиатекстов в иностранной аудитории, способ отбора материалов, а также представить модель построения урока на основе просветительских медиатекстов.

К условиям, определяющим трудности восприятия речи на слух, относят однократность и кратковременность предъявления информации, понимание речи незнакомых людей, индивидуальные особенности голоса и речи, наличие или отсутствие зрительной опоры [3].

Из-за ряда трудностей иностранной аудитории предлагается адаптированный аудиоматериал, направленный на выработку слуховых компетенций учащихся и на развитие навыков аудирования. С текстами такого типа целесообразно работать на начальном этапе обучения. Студентам на среднем уровне владения языком стоит предлагать аутентичный звучащий материал, направленный на русскоговорящую аудиторию. Так учащиеся привыкают к пониманию на слух естественной русской речи, это влияет также на их навыки говорения.

Аутентичный материал для занятий по аудированию должен быть качественным, интересным для аудитории и актуальным, чтобы развивать у учащихся коммуникативные умения, которые они смогут использовать в реальной интеракции на иностранном языке. В качестве такого материала можно использовать просветительские медиатексты, преимущества которых были обозначены выше.

Задачей представленного в данной работе практического курса по аудированию являлось не только улучшение механизмов понимания русской речи на слух, но также знакомство иностранных студентов с особенностями русской культуры. Соответственно, просветительские медиатексты, выбранные для занятий, касались русского творчества, традиций, истории, а также некоторых туристических и природных объектов.

В качестве примеров просветительских медиатекстов были выбраны ресурсы двух сайтов: «Arzamas» и «Colta.ru», публикующие тексты различной тематики, касающиеся русской и мировой культуры. Сайты отличаются один от другого содержанием, поэтому необходимо выделить трудности работы с каждым из них.

Сайт «Colta.ru» – это источник просветительских медиатекстов в области культуры, науки, медиа и общества. Сложность работы с ресурсом на занятиях по аудированию состоит в том, что сайт не предлагает звучащего материала.

«Arzamas» – просветительский проект, посвященный истории культуры. На сайте можно подобрать материалы к теме урока и для чтения, и для аудирования. Сложность работы с сайтом состоит в отборе материала для уроков – предлагаемые видеолекции очень длинные, поэтому приходится работать на небольших фрагментах.

Модель построения уроков на материале просветительских медиатекстов можно представить на схеме, в которой учитываются особенности обоих ресурсов:

- I. *Введение в тему.* В случае работы с сайтом «Colta.ru» введение в тему происходило с помощью сокращенных просветительских статей. Для работы с сайтом «Arzamas» были использованы стенограммы видеолекций на данную тему и фрагменты текстов по теме из других источников. К прочитанным текстам давались вопросы, которые должны обратить внимание студентов на ключевые слова и понятия.
- II. *Предтекстовая работа.* В случае работы с обоими сайтами просветительский текст позволял снять некоторые лексические трудности текста для аудирования. В этой части урока велись также грамматические упражнения, связанные с темой текста, которые должны облегчить понимание звучащего материала.
- III. *Притекстовая работа.* В случае работы с обоими сайтами первый просмотр материала нацелен на общий охват содержания текста (помогают в этом, напр., вопросы к тексту). Второй просмотр нацелен на устранение сложностей материала и максимальное понимание подтекста (даются подстановочные упражнения).
- IV. *Послетекстовая работа.* Нацелена на проверку понимания звучащего материала. Для этого даются задания типа «правда или неправда». Неправильные утверждения студенты должны корректировать.
- V. *Выход в говорение.* Осуществляется в виде диалога в группе, во время которого учащиеся выражают

свое мнение на тему данного культурного явления. По возможности сравнивают с культурой своей страны.

Аутентичные аудиозаписи вначале даются студентам сложно, но со временем они начинают отличать основную информацию от избыточной и умеют кратко передать главную мысль высказывания. Студентам сложно даются грамматические упражнения, так как на среднем уровне владения языком у них еще не выработалась автоматизация грамматических навыков. Все чаще они замечают сходства и различия между русской и родной культурами и обсуждают это на уроке.

Подводя итог, можно отметить, что на среднем этапе обучения русскому как иностранному полезно вводить просветительские медиатексты. Работа с материалом, предназначенным прежде всего для русскоговорящей аудитории, улучшает у студентов уровень понимания естественной русской речи, а также пробуждает интерес к актуальным событиям страны, ее истории и культуре.

Литература

1. Солганик Г.Я. К определению понятий «текст» и «медиатекст» // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. — 2005. — № 3. — С. 11.
2. Нестерова Н.Г., Фашанова С.В. Лингвометодический потенциал радиотекста культурно-просветительской программы в аспекте РКИ // Язык в координатах масс-медиа : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. (6–9 сентября 2016 г. Варна, Болгария). — СПб. : Изд-во СПбГУ, 2016. — Вып. 5 : Медиалингвистика / отв. ред. В.В. Васильева. — С. 223–224.
3. Азимов Э.Г., Шукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). — М. : Икар, 2009. — С. 24.

СВЯЗЬ ЗАГАДКИ С ДРУГИМИ ЖАНРАМИ ФОЛЬКЛОРА В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Му Юйси

Томский государственный университет, магистрант

RELATION OF THE RIDDLE WITH OTHER GENRES OF FOLKLORE IN TEACHING THE RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Mu Yuxi

Tomsk State University, master student

В статье рассматривается связь загадки с другими жанрами фольклора и методические возможности ее использования на уроках РКИ. В частности, речь идет о роли жанра загадки в изучении пословицы и сказки. Описываются разные типы заданий, основанные на связи загадок с другими жанрами.

Ключевые слова: русский как иностранный, загадка, пословица, сказка.

The article discusses the relationship between the riddle and other genres of folklore and the methodological possibilities of its use in Russian as a foreign language lesson. In particular, it talks about the role of the puzzle genre in the study of proverbs and fairy tales, which describes different types of tasks based on the connection between riddles and other genres.

Key words: Russian as a foreign language, riddle, proverb, fairy tale.

Научный руководитель:
Угрюмова Мария Михайловна,
канд. филол. наук.

Устное народное творчество в преподавании иностранного языка играет важную роль. Фольклор как часть культуры выражает традиции, опыт и менталитет народа. Знакомство с ним может привить учащимся любовь к иностранному языку, помогает глубже понимать культуру изучаемого языка.

Самыми частотными жанрами фольклора, которые используются в преподавании РКИ, являются жанры сказки, пословицы, загадки, скороговорки. Исследователи отмечают неразрывную связь между многими фольклорными жанрами. По нашему мнению, эффективным приемом в преподавании русского языка может стать демонстрация учащимся связи между разными жанрами фольклора, а межжанровое взаимодействие обладает методическим потенциалом.

1. Загадка и пословица

Жанры загадки и пословицы часто связаны содержанием и демонстрируют схожие культурные установки. На уроках, затрагивающих вопросы человеческих ценностей, можно сначала продемонстрировать учащимся загадки без ответов в качестве открытых вопросов: 1) *Чего за деньги не купишь?* 2) *Что красит девушку без румян?* 3) *Что острее меча?* 4) *Когда дурак умен бывает?* Жанр пословицы помогает дать ответы на загадки и понять установки русской культуры: 1) *На деньги ума не купишь.* 2) *Красота до вечера, а доброта на век.* 3) *Малое слово большую обиду творит.* 4) *Молчание — золото. Для невежды нет ничего лучше молчания. Не стыдно молчать, когда нечего сказать* [1]. Отгадки можно сравнить с ответами, предложенными учащимися, определить сходства и различия в русской культуре и национальной культуре учащихся.

2. Загадка и сказка

Связь жанров загадки и сказки разноплановая:

- 1) отражение сюжета сказки или характеристики ее героев в тексте загадки (межтекстовая связь);
- 2) включение текстов загадок в сюжет сказки, сюжетообразующая роль сказки (внутритекстовая

связь).

В загадках о животных как в жанре, часто предназначенном для детей, актуализируются не реальные свойства того или иного зверя, а их сказочные характеристики.

На уроке русского языка после чтения сказки «Лиса и волк» (или другой сказки о животных) можно дать учащимся такое задание:

Отгадайте загадки о животных. Скажите, какой характер животных описывается в загадках? Какие из них подходят к прочитанной сказке?

1) *В лесу обитает, дичью питается да в курятник забирается, хитрым зверем называется (лиса).* 2) *Знают все о ней соседи, ведь живут в одном лесу. Знают волки и медведи про обманщицу ... (лису).* 3) *Дружбу водит лишь с лисой, этот зверь сердитый, злой. Он зубами целк да целк, очень страшный серый ... (волк).*

Кроме загадок о животных существуют разные загадки о типичных героях сказок. Такие примеры можно использовать для проверки понимания текста и повторения материала, связанного с прецедентными культурными феноменами. Например, о **Бабе Яге**: *В дремучем лесу затерялась избушка. В избушке живет непростая старушка. Берет помело да в ступу садится и тут же над лесом взлетает, как птица!* **Загадка о Жар-птице**: *Сладкий яблок аромат заманил ту птицу в сад. Перья светятся огнем, и светло вокруг, как днем.* **Загадка о Царевне-лягушке**: *Средь болот жила царевна, но зеленою была... Вы же знаете, наверно — рукодельницей слыла. Я скажу тебе на ушко, что царевна та... (лягушка).*

Загадки выполняют в некоторых сказках сюжетообразующую функцию.

А) Загадка как завязка сюжета. В начале сказки «Горшениа» показана такая ситуация: царь Иван Васильевич хочет знать, кто в его царстве-государстве разумнее всех будет, он загадал всем три загадки: «*Кто*

на свете всех щедрее? Кто всех быстрее? И что на свете всего хуже?». Эти загадки являются завязкой сюжета, без них невозможно дальнейшее его развитие. Опираясь на сюжетобразующую функцию загадки, можно составить такие задания для иностранных учащихся:

Прочитайте начало сказки.

- 1) Подумайте, какой ответ на эти три загадки. Есть ли в вашей культуре такие загадки? Какие у них отгадки?
- 2) Предположите, что будет дальше? Сможет ли Горшениа отгадать загадки?

Это задание считается творческой работой, не имеет заданного ответа, заставляет учащихся выразить свою точку зрения и аргументировать ее, таким образом формируя коммуникативные компетенции учащихся.

Б) Загадка как характеристика героев (мудрость, ум, смекалка).

В сказке «Дочь-семилетка» царь задал богатому и бедному брату четыре загадки: «*Что всего на свете сильнее и быстрее? Что на свете жирнее? Что всего мягче? И что всего милее?*» [2]. Отгадки у героев разные: кума богатого брата ответила «*карая кобыла – сильнее и быстрее; рябой боров – жирнее; пуховик – мягче; на свете милее – их внучек Иванушка*». Дочь-семилетка бедного брата ответила: «*Сильнее и быстрее всего ветер, жирнее всего земля. Мягче всего рука. А милее сна нет ничего на свете!*». Эти отгадки ярко характеризуют героиню. Можно задать иностранным учащимся такой вопрос: **Сравните отгадки кумы и дочери, что**

вы можете сказать об этих героинях? Чьи ответы вам понравились больше? Объясните ответы дочери-семилетки. Согласны ли вы с ее ответами?

В) Загадка как способ развития сюжета.

В сказке «Мудрые ответы» загадки проходят через весь сюжет и организуют его. Солдат собрался и пошел царя смотреть, царь загадал ему загадки: «*Высоко ли небо от земли? Широка ли земля? Глубока ли земля?*». Вся сказка состоит из загадок, в начале солдат отгадал загадки, в середине сказки диалог между солдатом и царем тоже представляет собой иносказание, метафору. Заканчивается сказка также загадкой.

Таким образом, присутствие загадки в сказках служит завязкой сюжета, причиной, заставляющей героя действовать; появление загадки в сказке может характеризовать героев, развить сюжет и увлечь читателей. На уроках русского языка как иностранного продуктивно использовать задания, основанные на связи между жанрами.

Делая вывод, отметим, что жанр загадки обладает лингвометодическим потенциалом в преподавании русского языка как иностранного. Отношения между разными фольклорными жанрами рождает ряд методических приемов.

Литература

1. Сборник пословиц и поговорок [Электронный ресурс]. – URL: <http://posloviy-pogovorki.ru> (дата обращения: 29.03.2019).
2. Сказки для детей [Электронный ресурс]. – URL: <https://frigato.ru/skazki/> (дата обращения: 02.04.2019).

ТРУДНОСТИ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК НЕРОДНОМУ КИРГИЗСКИХ СТУДЕНТОВ

Рысалиева Б.А.

Томский государственный университет, студент

DIFFICULTIES OF LEARNING RUSSIAN AS A NON-NATIVE KYRGYZ STUDENT

Rysaliev B.A.

Tomsk State University, student

Рассмотрены трудности обучения русскому языку киргизских студентов, обусловленные языковой интерференцией. В качестве основного способа решения трудностей при обучении киргизских студентов русскому языку как неродному определен коммуникативный метод.

Ключевые слова: русский язык как неродной, интерференция, коммуникативный метод, учет родного языка.

The article considered difficulties of teaching the Russian language to Kyrgyz students due to language interference. The basic method for solving difficulties in teaching Kyrgyz students is communicative method.

Key words: Russian as non-native, transfer, communicative method, account of the native language.

Научный руководитель:
Нестерова Наталья Георгиевна,
докт. филол. наук, доцент.

Актуальность поставленной в статье проблемы обусловлена тем, что в практическом обучении русскому языку не всегда дифференцируются понятия *русский язык как иностранный* (РКИ) и *русский язык как неродной* (РКН). Это сказывается на снижении результатов обучения. Важно учитывать, что методика РКИ «рассчитана на иностранцев, практически не знакомых ни с русским языком, ни – самое главное – с русской ментальностью и культурой» [1], адресатами РКН становятся инофоны, «достаточно хорошо представляющие себе реалии российской жизни, в определенной степени владеющие русским языком и – самое главное – хорошо понимающие, что такое менталитет россиянина и его культура» [1]. Таким образом, киргизские студенты изучают русский язык как неродной, так как Киргизстан входил в состав СССР и во многих киргизских семьях используется русский язык наряду с родным киргизским.

Цель исследования – выявить трудности в обучении русскому языку как неродному киргизских студентов и определить наиболее эффективные методы обучения.

Специалисты, работающие в сфере обучения второму языку, отмечают, что при «овладении вторым языком система родного языка испытывает вмешательство другой системы, языковые элементы которой осмысливаются обучаемыми посредством родного языка» [2]. При изучении русского языка как неродного в сознании учащегося сосуществуют системы двух языков. Восприятие закономерностей русского языка через призму родного, киргизского, и перенос явлений родного языка в русскую речь приводят к языковой интерференции. Анализ специальной литературы о различиях между русским и тюркскими языками [3, 4], а также личный опыт преподавания РКН позволили обобщить трудности, с которыми сталкиваются киргизские студенты, изучающие русский язык как неродной.

Трудности в фонетике. 1) Произношение русских слов, в которых одновременно встречаются твердые и мягкие согласные. В киргизском языке наблюдается сингармонизм, при котором в словах все согласные или твердые, или мягкие. 2) Отсутствие долгих глас-

ных в русском языке. В киргизском языке много слов с двойной гласной, которые произносятся как один долгий звук: *уул, окутуу, ооба*. 3) Постановка ударения. В киргизском языке ударение всегда ставится на последнем слоге, в то время как в русском языке ударение разноместное.

Трудности в словообразовании. Употребление приставок и предлогов. В киргизском языке словообразование реализуется за счет присоединения суффиксов, а роль предлога выполняют послелого. Например, *Я с другом приехал в Сибирь* по-киргизски будет *Мен досум менен Сибирге келдим*, где русскому предлогу *С* соответствует киргизский послелог *менен*, а форме В.п. *в Сибирь* – *Сибирге*, форма, образованная с помощью суффикса –*ГЕ*.

Трудности в грамматике. 1) Употребление категории рода и усвоение грамматических окончаний. В киргизском языке имена существительные не имеют рода. Так, в русском языке прилагательное *красивый* согласуется с существительным в роде, числе и падеже: *красивая зима, красивое окно, красивый город, красивые дома*. В киргизском языке прилагательное *кооз* не меняется: *кооз кыш, кооз айнек, кооз шаар, кооз үйлөр*. 2) Отсутствие грамматических различий одушевленности и неодушевленности. 3) Категория падежа. В киргизском языке значение падежей не совпадает с падежами русского языка, не используется предлог. 4) Видо-временная категория глагола. В киргизском языке глагольные основы не передают видовой семантики, они могут соответствовать русским глаголам как совершенного, так и несовершенного вида. Например, *алуу* можно перевести и как *брать*, и как *взять*.

Решением вопросов, связанных с преодолением интерференции, занимаются многие специалисты. Пути решения описанных проблем представлены в работах В.С. Дмитриевой, Р.М. Мутусханова, И.В. Борисенко, А.В. Барахта, М.А. Даниэль, Н.Р. Добрушина и др., в которых приоритет в предотвращении интерференции отдается коммуникативному методу обучения.

Педагогический опыт показал, что наибольшие трудности киргизские студенты испытывают в освое-

нии русской предложно-падежной системы. Заучивая грамматические формы, изолированные от их функций, учащиеся допускают ошибки в употреблении и не могут использовать учебный материал в реальных коммуникативных ситуациях. При решении ошибок, обусловленных интерференцией, с помощью коммуникативного метода, мы выделяем следующие задачи: 1) преодолеть влияние родного языка и предупредить интерференционные ошибки; 2) помочь понять функциональную сторону грамматической формы. С этой целью используем специальные упражнения.

1. *Упражнения на наблюдение и анализ.* На начальном этапе студенты знакомятся со всей системой русских падежей, с соответствием падежных значений и форм. Эта группа упражнений обращает внимание учащихся на системы изучаемого и родного языков и позволяет сравнить русские и киргизские предложения, в которых одно и то же существительное выполняет разные функции. Например: *В Сибири очень красивая зима. В нашем городе зимой много интересных развлечений. – Сибирде абдан кооз кыш. Шаарыбызда кышында көп кызыктуу оюу-зоок бар. В Сибири соответствует киргизскому Сибирде.* В русском высказывании обозначение места выражается предложным падежом существительного с предлогом *В* и соответствующим окончанием, в киргизском языке для этого используется местный падеж существительного, а притяжательное значение *в нашем городе* образуется при помощи аффикса.
2. *Упражнения на снятие интерференции в речи.* В эту группу входят репродуктивные и репродуктивно-продуктивные упражнения, которые позволяют студентам работать с готовым или частично готовым материалом и обеспечивают понимание ситуаций, предполагающих использование грамматической формы, и автоматизацию в употреблении падежей. Это имитативные, трансформационные, подстановочные, вопросно-ответные задания, пересказ, в том числе с элементами трансформации. Эффективны упражнения на расширение предло-

жения за счет включения слов в новых падежных формах: *Я поеду учиться... – Я поеду учиться в Томск. – Я осенью поеду учиться в Томск. – Я осенью поездом поеду учиться в Томск. – Я с другом поеду учиться в Томск.*

3. *Продуктивные упражнения.* В эту группу входят упражнения, рассчитанные на формирование коммуникативной компетенции. При закреплении, например, предложного падежа можно обратиться к следующей ситуации: *Вы приехали в Томск. Хотите с друзьями пойти в Первый музей славянской мифологии. Узнайте, где находится музей и на каком транспорте (на чем?) можно доехать до него.* К этой группе упражнений относим также ролевые игры.

Необходимым условием преодоления интерференции является учет родного языка и коммуникативная направленность обучения. При закреплении материала целесообразно включать максимально разнообразные виды работ коммуникативного метода обучения.

Литература

1. Киров Е.Ф. Русский язык как неродной и его теоретические основания // Записки Горного института. – 2011. – Т. 193. – С. 229.
2. Кожухова Н.Е., Аксенова Г.Н. Обучение русскому языку как иностранному с учетом транспозиции и интерференции // Технологии обучения русскому языку как иностранному и диагностика речевого развития. – Минск : БГМУ, 2017. – С. 174.
3. Бобина В.В. Разработка урока по русскому языку в полиэтнической среде [Электронный ресурс] // Сайт Инфоурок. – URL: <https://infourok.ru/soglasovanie-prilagatelnih-s-suschestvitelnimi-v-rode-i-chisle-v-gostyah-u-elektricheskoy-lampochki-2366399.html> (дата обращения: 15.04.2019).
4. Запольская Е.Л. Описание типичных затруднений обучающихся различных этнических групп в процессе обучения русскому языку [Электронный ресурс] // Сайт Научно-образовательного Центра дополнительного профессионального образования. – URL: cdpo.isiorao.ru/Project/Rus-ino/1.doc (дата обращения: 15.04.2019).

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В ОБУЧЕНИИ РКИ

Туманова Д.А.

Томский государственный университет, студент

LINGVODIDACTIC CAPABILITIES OF SOCIAL NETWORKS IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Tumanova D.A.

Tomsk State University, student

Доклад посвящен возможностям социальных сетей в обучении русскому языку как иностранному. Целесообразность включения в образовательный процесс социальных сетей обосновывается с позиции студента и с позиции преподавателя. Обсуждаются формы работы, направленные на развитие разных видов речевой деятельности.

Ключевые слова: социальные сети, русский язык как иностранный, обучение, методика.

The report is focused on possibilities of social networks in teaching Russian as a foreign language. The expediency of inclusion in the educational process of social networks is justified from the position of a student and from the position of a teacher. We discuss the forms of work aimed at the development of different types of speech activity using the capabilities of social networks.

Key words: social network, Russian as a foreign language, teaching, methods.

Научный руководитель:
Нестерова Наталья Георгиевна,
докт. филол. наук, доцент.

Актуальность обсуждаемой проблемы обусловлена тем, что социальные сети, будучи новым информационно-коммуникационным каналом, стали неотъемлемой частью жизни современного студента. Оценивая социальные сети в аспекте лингводидактики, методисты отмечают, что социальные сети обладают большим потенциалом для создания среды, обеспечивающей обучение языкам. Они обладают такими достоинствами, как «доступность, популярность, многофункциональность, интерактивность, возможность работы онлайн, повышение авторитета преподавателя, возможность организовывать группы и сообщества по интересам» [1]. Цель данной статьи заключается в том, чтобы выявить лингводидактические возможности социальных сетей, используемые в обучении русскому языку как иностранному (РКИ).

Целесообразность использования социальных сетей в ходе обучения языкам с позиции студента связана с тем, что они обеспечивают быстрый доступ к информации на мобильных устройствах. Такой формат восприятия является привычным и естественным для современного студента. Информация в социальных сетях доступна всегда, это позволяет учащимся «выполнять задания в то время, когда им удобно, либо когда они вынужденно бездействуют (например, прослушивать аудиофайлы в транспорте)» [2]. Студенты общаются между собой в режиме реального времени вне стен университета, создавая виртуальные сообщества. Такие группы осуществляют информационную и образовательную функции.

Важным достоинством социальных сетей является то, что они помогают обучающимся преодолеть психологический барьер в общении со сверстниками и преподавателями. Интернет-коммуникация, будучи дистанционной, позволяет создать ситуацию, близкую к реальной коммуникации, которая, как отмечается в методической литературе, «придает студенту уверенность в своих силах» [2, с. 281]. Социальные сети способствуют процессу социализации иностран-

ного студента в новом сообществе, это подтвердила и организованная в 2017 году магистрантами филологического факультета ТГУ группа «Русский язык как иностранный» в «Facebook».

Продуманное использование социальных сетей в обучении РКИ дает хорошие результаты в методике обучения разным видам речевой деятельности. Так, пространство соцсетей подразумевает регулярное создание письменных текстов (сообщения, комментарии, посты), что способствует развитию у иностранных студентов навыков письма. Чтение статей в группах, сообщений и постов друзей способствует расширению словаря и развитию навыков чтения. В специализированных группах размещаются аудио- и видеоролики с русской музыкой, русскими фильмами, учебными материалами. При помощи звуковых и мультимедийных средств иностранный студент может тренироваться в аудировании, а появившаяся в социальных сетях функция аудио- и видеозвонков обеспечивает общение иностранных обучающихся с русскими друзьями в онлайн-режиме.

Использование социальных сетей в методике обучения РКИ является одним из способов мотивации к изучению языка. В группах, посвященных обучению языкам, выкладываются разнообразные интерактивные задания. Используется прием визуализации, так как большинство заданий сопровождается картинками. Учащимся предлагается участвовать в опросах, что способствует повышению интереса к предмету обучения; используются механизмы поощрения за выполнение заданий или за правильные ответы. Такой нестандартный подход к обучению, как отмечается в специальной литературе, способствует «улучшению качества усвоения материала и ускоряет процесс обучения» [3].

Целесообразность использования социальных сетей с позиции преподавателя обусловлены тем, что преподаватель становится одним из участников коммуникации. Его каналы связи со студентами значи-

тельно расширяются. «Доступ к социальным сетям позволяет ему поддерживать связь с теми студентами, реальное общение с которыми затруднено по тем или иным причинам» [4]. Меняется роль преподавателя: из наставника он превращается в координатора, который помогает учащимся грамотно организовать самостоятельную работу, облегчает учащимся поиск необходимой для выполнения задания информации, размещает ссылки на полезные образовательные ресурсы. Когда преподаватель дает ответ на вопрос одного учащегося, ответ видят все студенты; они могут проверить правильность выполнения задания и исправить свою ошибку. Преподаватель видит, анализирует и систематизирует ошибки своих учащихся, получая возможность постоянного текущего контроля без специальных промежуточных контрольных работ. На ранних этапах обучения языку, когда студент еще не владеет свободно русской речью, преподаватель обеспечивает студента посильным для его восприятия страноведческим материалом.

С целью практической реализации лингводидактических возможностей социальных сетей нами была создана группа в сети «ВКонтакте», участниками которой стали студенты, изучающие русский язык на факультете довузовской подготовки ТГУ и владеющие языком на уровне А2. В группе размещаются дополнительные материалы и задания по пройденным на занятиях темам, рекомендации по наиболее эффективному изучению языка. После занятия администратор группы, студент-практикант, выкладывает домашнее задание, небольшие тесты, которые позволяют студентам в интерактивной форме проводить са-

мопроверку знаний по изученной теме. В группе также размещены интересные материалы о Томске и университете, нацеленные на социализацию студентов.

Анализ методической литературы и привлечение социальных сетей в учебной деятельности с целью самообразования и обучения студентов русскому языку свидетельствуют, что социальные сети обладают хорошим лингводидактическим потенциалом и что обращение к ним стало актуальным дополнением к традиционным методикам обучения РКИ. Использование социальных сетей позволяет разнообразить учебный процесс, сделать его интерактивным и более интересным для студента. Для преподавателя это хороший способ расширить арсенал профессиональных методов и сделать свои уроки эффективнее.

Литература

1. Жевнерович Е.Э., Сергиенко О.О. Использование социальных сетей при обучении иностранному языку // Вопросы лингводидактики и межкультурной коммуникации. – Чебоксары, 2015. – С. 110–113.
2. Добренко Е.И., Соколова Е.В. Использование социальных сетей в процессе преподавания РКИ // Актуальные проблемы гуманитарного знания в техническом вузе. – СПб., 2017. – С. 280–283.
3. Мушникова Ю.С. Социальные сети как интерактивная форма обучения иностранному языку в старшей школе // Молодой ученый. – 2017. – № 33. – С. 62–63.
4. Хромов С.С., Гуляева Н.А., Апальков В.Г., Никонова Н.К. Информационно-коммуникационные технологии в преподавании русского языка как иностранного на начальном этапе // Открытое образование. – 2015. – № 2. – С. 75–81.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ЗООНИМОВ В РУССКОЙ И ВЬЕТНАМСКОЙ ПОДСИСТЕМАХ ЯЗЫКА

Фан Д.Х.

Томский государственный университет, магистрант

LINGUOCULTURAL PECULIARITY OF ZOONYMS IN RUSSIAN AND VIETNAMESE LANGUAGE SUBSYSTEMS

Phan D.H.

Tomsk State University, master student

В статье рассматриваются русские и вьетнамские зоонимы и их этнокультурные коннотации в литературной, жаргонной и просторечной подсистемах языка.

Ключевые слова: зооним, лингвокультура, коннотация.

Russian and Vietnamese zoonyms and their ethno-cultural connotations in the literary, slang and common subsystems of the language are examined in the article.

Key words: zoonym, linguoculture, connotation.

Научный руководитель:
Калиткина Галина Васильевна,
докт. филол. наук, доцент.

При изучении неродного языка современная лингводидактика считает необходимым обращаться к культуре страны, которая пользуется данным языком. Еще В. фон Гумбольдт выдвинул тезис о том, что язык есть «народный дух» и «само бытие» народа. На этой базе в 1990-е гг. в России оформилось новое направление языкознания – лингвокультурология.

Внимание лингвокультурологии прежде всего приковано к коннотирующим языковым единицам. «Коннотацией лексемы мы будем называть несущественные, но устойчивые признаки выражаемого ею понятия, которые воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности» [1].

Одной из отчетливо коннотирующих лексико-семантических групп любого языка являются зоонимы, многие из которых несут культурные смыслы. Однако в разных языках мира данным смыслом присуще своеобразие. Так, *аист* (*сò*) во вьетнамской лингвокультуре ассоциируется с судьбой бедной крестьянки, которая трудится и заботится о своем муже и детях. Отсюда коннотации ‘терпение’ и ‘самоотверженность’. Русский зооним *лошадь* имеет культурные коннотации ‘работоспособность’, ‘упорство’, ‘сила’ и ‘усталость’. В китайском языке *дракон* символизирует могущество и власть, он является символом солнца и доброй силы.

С опорой на работы И.В. Гюббинет и Т.Л. Черезовой [2], Т.А. Налимовой [3] нами были выделены 4 подгруппы сопоставляемой русской и вьетнамской зоонимической лексики: (1) зоонимы, имеющие культурный (или переносно-образный) компонент в языке₁ и лишенные такового в языке₂; (2) зоонимы, культурный компонент которых в языке₁ и языке₂ частично совпадает; (3) зоонимы с полным несовпадением того или иного культурного компонента в языке₁ и языке₂; (4) случаи полного совпадения культурного компонента в языке₁ и языке₂.

Так, в литературных подсистемах русского и вьетнамского языков имеется зооним *черепаха* / *gĩa*. В русском языке это слово развило метафорическое значение ‘медлительный человек’. Во Вьетнаме лексема ас-

социируется с долголетием. Неповоротливого, неуклюжего, большого, сильного, а зачастую и недоброго человека в русской лингвокультуре называют *медведь*. Эти культурные коннотации находят частичную параллель во вьетнамском языке, где *gái* обозначает ‘большое, злое животное’. Зооним *свинья* для русских – привычная для всех метафора невоспитанного и нечистоплотного человека. Об этом свидетельствуют фразеологизмы и поговорки *со свиным рылом в калашный ряд*; *не ешь как свинья*; *напился как свинья*; *грязный как свинья*; *свинья грязь найдет* и просторечные дериваты *насвинячить* ‘намусорить’ и *свинарник*, *свинюшник* о ‘грязном помещении’ с семантическими компонентами ‘сильно’ или ‘много’. У вьетнамцев данный зооним обозначает не только тучность, глупость и нечистоту, но и пользу, изобилие, вкус и т.д. Аналогичным образом зооним *собака* для русских имеет коннотации ‘верность’, ‘преданность’ (именно они представлены в устойчивом выражении *собака – друг человека*), а вьетнамцы наделяют собаку худшими чертами человека – ничтожеством, стяжательством, глупостью и т.п.

Помимо литературной подсистемы зоонимы функционируют в русском и вьетнамском молодежном (студенческом) жаргоне в качестве универбов и компонентов связанных выражений с разной степенью устойчивости. Материал, приведенный в работе Е.А. Хомякова [4], мы дополнили своими наблюдениями:

1. Жаргонизмы, полностью совпадающие по смыслу во вьетнамском и русском языке. Например, *гусь* – ‘двойка’; *жираф* – ‘высокий человек’.
2. Жаргонизмы близкие по смыслу, но различающиеся компонентами-зоонимами и семным составом. Например, в русском языке актуализуются жаргонизмы *волк* и *бревно* в значении ‘преподаватель’. Вьетнамские студенты используют фразеологический оборот *cá bầy màu* ‘рыба, у которой есть семь цветов’ (гуппи) для обозначения преподавателя, который одевается в пеструю (разноцветную) одежду.

3. Уникальные жаргонизмы-зоонимы: *овчарка* – ‘вахтерша в общежитии’; *анаконда* – ‘строгая экзаменатор-женщина’; *головастик* – ‘абитуриент’; *dế* (сверчок) – ‘телефон’.
4. Совпадающие зоонимические образы с различными коннотациями. Например, студенческий жаргонизм *медведь* обозначает шпаргалку, при этом во вьетнамском языке *gấu* ассоциируется с любимым человеком.

Переносно-образные значения зоонимической лексики могут выполнять функции характеристики и воздействия (прозвища-обращения, инвективы) [5]. При этом около 98% русских единиц имеют отрицательную окраску [6]. Например, обращения-универбалы *козел*, *свинья*, *лось* или словосочетания *собака ты серая*, *кошка драная* несут уничижительные смыслы. Вьетнамские зоонимы-обращения амбивалентны, поскольку могут иметь не только отрицательные, но и положительные коннотации. Чаще всего зоонимы-конфликтогены употребляются в частных беседах, в малых социальных группах (коллеги, друзья, родственники и т.п.). В семье, например, мать, рассердившись, может обращаться к своему сыну или мужу *thằng chó* ‘собака-самец’, ‘пёс’. Данное словосочетание считается слишком грубым, и в некоторых случаях оно может вызвать конфликт. Зоонимы-обращения с положительным значением используются в разговорах близких друзей, которые могут называть друг друга *chó* ‘собака’ или *heo* ‘свинья’. В подобных случаях данные номинации являются прозвищами и не вызывают конфликта. Аналогично отец может называть своего ребенка *heo con* ‘пятачок’ (синекдоха, которая отсылает к образу поросенка) или *cún con* ‘шенок’, подчеркивая, что ребенок – маленький и симпатичный, вызывающий умиление, как и данные животные. Иногда такие обращения используют любящие друг

друга молодой человек и девушка. Однако в институциональных дискурсах зоонимы-обращения считаются оскорблением и не используются.

В любой лингвокультуре зоонимическая лексика формирует фрагмент уникальной национальной картины мира, поскольку для не характерны не только денотативные семы. Коннотативная семантика этих лексических единиц отражает выработанные этносом представления о связи внешних черт и внутренних качеств животных и людей. Таким образом, при изучении любого языка нам необходимо учитывать специфические значения зоонимов, чтобы глубже понимать данную лингвокультуру и избегать смешных ситуаций или невежливых случаев – то есть коммуникативных неудач.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Коннотации как часть прагматики слова (лексикографический аспект) // Избранные труды. – М., 1995. – Т. 2. – С. 159.
2. Губбинет И.В., Черезова Т.Л. Зоонимы: лексико-культурологический подход // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. – 2013. – № 1. – С. 20–25.
3. Налимова Т.А. Лингвокультурологический потенциал русских пословиц и поговорок и его использование в иностранной аудитории // Studia Culturae. – 2014. – № 21. – С. 155–161.
4. Хомяков Е.А. Зоонимы и фитонимы в роли жаргонизмов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 74–1. – С. 525–527.
5. Солнцева Н.В. Сопоставительный анализ зоонимов русского, французского и немецкого языков в этносемантическом аспекте : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Омск, 2004. – 32 с.
6. Уразаева О.А. Зоонимы-конфликтогены в русском и английском языках // Linguamobilis. – 2013. – № 7(46). – С. 75–78.

КАРТИНА В.И. СУРИКОВА «БОЯРЫНЯ МОРОЗОВА» КАК МАТЕРИАЛ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ ИСТОРИИ XVII В.

Хуай Нань

Томский государственный университет, студент

V.I. SURIKOV'S PAINTING "BOYARINA MOROZOVA", AS MATERIALS FOR STUDYING RUSSIAN HISTORY IN THE 17TH CENTURY

Xuai Nan

Tomsk State University, student

Статья посвящена выявлению лингвометодического потенциала русской живописи в представлении событий русской истории. Материалом для анализа послужила картина В.И. Сурикова «Боярыня Морозова». На ее основе разработан проект занятия для иностранных студентов по изучению русской истории XVII в.

Ключевые слова: русский как иностранный, методика преподавания, история России, живопись.

The article explained the linguodidactic potentiality in Russian history events. The picture of V.I. Surikov "Boyarina Morozova" was analyzed as materials. Based on it, teaching Program for foreign students about Russian history in the 17th century was formulated.

Key words: Russian as a foreign language, teaching method, Russian history, painting.

Научный руководитель:
Старикова Галина Николаевна,
канд. филол. наук, доцент.

История — это гуманитарная наука, которая изучает законы и закономерности развития человеческого общества, его социально-экономическую структуру, культуру, хронологию событий и т.д. Это важный источник социологических, военных, политических, культурных, хозяйственных знаний, которые можно применять в наше время. История выполняет несколько функций: 1) мировоззренческую (осмысление событий прошлого); 2) практическую (понимание объективных исторических процессов); 3) воспитательную (формирование нравственности, патриотизма и сознательности); 4) познавательную (дает сведения о событиях и их причинах и последствиях). Поэтому «История России» является обязательной дисциплиной при подготовке студентов по любой специальности.

Ее освоение вызывает большие трудности у иностранцев по разным причинам. Например, А.В. Войтович называет такие: «отсутствие у иностранных студентов необходимого культурологического и исторического минимума информации», «незнание или плохое знание русского языка иностранным студентом», «существующая разница в отношении к историческим событиям, общим для нашей страны и родных стран студентов» [1]. Эти трудности помогают преодолевать имеющиеся пособия по РКИ, которые дают информацию об истории страны и ее культуры [2, 3]. Они знакомят с исторической терминологией (*революционная ситуация, социальные реформы, престолонаследие*), комментируют неизвестные иностранному читателю историко-культурные понятия (*Смутное время, раскол, Петровская эпоха, декабристы, крепостное право*), что способствует взаимопониманию между народами и формирует позитивное отношение к России и русским людям. Даже если иностранцы не будут получать профессию в России, то есть им не надо будет осваивать этот специальный курс, знакомство с историей страны изучаемого языка должно помочь в его освоении. Это могут быть пособия для чтения, по

развитию речи, в которые включаются рассказы о царских династиях, значимых событиях, прославленных героях, выдающихся деятелях науки и культуры. Задача данной работы — показать лингвометодический потенциал живописи в представлении событий русской истории на материале произведений В.И. Сурикова. Художник много работал в жанре исторической живописи. Особенно его привлекало XVII столетие — особая эпоха в истории России, породившая много сильных личностей, которые привлекали живописца. В их числе были яркие фигуры старообрядцев, к которым принадлежала боярыня Морозова, одноименной картине посвящена разработка представляемого урока.

Урок построен на трех учебных текстах: один посвящен ситуации в Русской церкви в XVII в., второй рассказывает о Федосье Прокопьевне Морозовой, третий — о картине В.И. Сурикова. Они представляют адаптацию информации из различных Интернет-источников на эти темы. Каждому тексту предшествует по несколько предтекстовых заданий. Обязательным является упражнение на семантизацию незнакомых слов, задание может звучать так: *Переведите слова на родной язык* (православие, патриарх, обряд, икона, церковная служба, поклон, раскол, протопоп, сторонник, мучение); *Выделите корневые морфемы, определите значение слов, составьте с ними предложения* (провозгласить, креститься, самоожжение, старовер, боголюбец, двоеперстие); *Укажите однокорневые слова* (главный, устройство, перстень, перец, троеперстие, возглавить, строить) и др.

Лексико-грамматические упражнения могут быть пред- и послетекстовыми. Это чаще задания на трансформацию: *Перестройте словосочетания по образцу исправить книги — исправление книг* (защищать веру, принять устав, управлять государством); *Замените согласованные определения на несогласованные по типу земной поклон — поклон до земли* (церковный раскол, мученическая смерть, твердый дух, печальный взгляд,

Таблица 1.

Глагольное сочетание	Управление	Примеры
оказывать / оказать / иметь / утрачивать / утратить влияние	на кого / на что	на наследника / на царя / на политику
бороться за / получить / обрести / иметь / подтвердить / потерять / утратить право	на что	на землю / на престол
бороться за / получить / обрести / иметь / ограничить / потерять власть (престол, должность)	(каким путем / образом? как?)	путем государственного переворота, незаконно, в результате голосования

сестринская преданность). Материал позволяет обобщить трансформации в виде таблиц (например, табл. 1).

Студентам предлагается найти указанные словосочетания в следующем упражнении: *Патриарх Филарет имел неограниченное влияние на первого царя из рода Романовых, отцом которого он был. В 1625 г. Филарет получил право судить не только лиц духовного сословия, но и крестьян, которые принадлежали церковному ведомству. Екатерина II получила власть путем переворота.*

Перед третьим текстом стоят вопросы по содержанию картины: *Когда происходили события, изображенные на картине? Кто главный герой картины? Что вы можете сказать об этой женщине и ее характере? Смирилась ли женщина со своей судьбой? Что является центром картины? Кого мы видим вокруг саней? Как реагируют люди на появление саней с закованной в цепи боярыней? Известно, что автор в одном из персонажей изобразил себя. Как вы думаете, в «левом» или «правом» лагере он поставил себя?* Послетекстовые вопросы про-

веряют понимание его содержания студентами, а также актуализируют их знания родной истории: *Были ли в истории вашей страны похожие события в церковной жизни?*

Подобная работа не только развивает речевые навыки обучающихся, но и формирует их культуроведческие компетенции.

Литература

1. Войтович А.В. Специфика преподавания «Истории России» и «Страноведения» иностранным студентам // Уровневая подготовка специалистов: государственные и международные стандарты инженерного образования. – Томск : ТПУ, 2013. – С. 301.
2. Курмаева Н.М., Милованова И.С., Никитина В.В. и др. Русский язык как иностранный. История России от нашествия Золотой Орды до правления Ивана III : учеб. пособие. – М. : Флинта ; Наука, 2003. – 189 с.
3. Ефремова Л.В., Захарова Н.Н., Пронина Е.В. Интересуемся историей России : учеб. пособие для иностранных учащихся. – Тула : ТулГУ, 2008. – 415 с.

РОЛЬ МОТИВИРОВАННОСТИ СЛОВ В ОРГАНИЗАЦИИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ РАБОТЫ ПРИ ОБУЧЕНИИ ЯЗЫКУ СПЕЦИАЛЬНОСТИ

Чжао Цзиньхун

Томский государственный университет, магистрант

THE ROLE OF WORD MOTIVATION IN THE ORGANIZATION OF LEXICAL WORK IN TEACHING SPECIALTY LANGUAGE

Zhao Jinhong

Tomsk State University, master student

Статья посвящена вопросам преподавания русского языка как языка специальности иностранным студентам естественнонаучного профиля. Описаны принципы организации лексической работы, в том числе с опорой на свойство мотивированности и мотивационные отношения слов.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, язык специальности, лексика, термин.

The article is devoted to the issues of teaching Russian as a specialty language to foreign students in the natural sciences. The principles of the organization of lexical work are described, including the basic of motivational features and relation of words.

Key words: Russian for foreigners, language of the specialty, lexis, term

Научный руководитель:
Шевчик Анна Валерьевна,
канд. филол. наук,

Статья представляет предварительные результаты исследования свойства мотивированности ботанических терминов и номенклатурных наименований растений в лингводидактическом преломлении с последующим использованием в практике преподавания русского языка как иностранного.

Мотивированность понимается в рамках данного исследования как лексическое свойство, охватывающее все слово целиком и имеющее специальное средство выражения, двуплановое по своей природе, – внутреннюю форму слова. Внутренней формой принято называть структуру слова, которая позволяет объяснить связь его звучания и значения и состоит из двух компонентов: мотивационного значения и мотивационной формы [1]. Изложенное представление о свойстве мотивированности лексических единиц было впервые дано в начале 70-х годов XX века в работах Ольги Иосифовны Блиновой и отличалось лексиколого-семасиологической направленностью, соблюдением принципов системности, синхронности, антропоцентризма.

В системе преподавания языка как иностранного обучение лексике играет важную роль, поскольку лексический навык входит в состав умений аудирования, говорения, чтения, письма. Лексика как фундамент обеспечивает успешное общение на изучаемом языке.

Выделяются следующие этапы лексической работы на занятии по РКИ.

Этап 1. Презентация вводимой лексики: включает два процесса – предъявление новых слов и их интерпретацию. Предъявление слова проводится в контексте, снимающем его возможную многозначность. Например, слово *зародыш* имеет значения: 1. Животный или человеческий организм на самой ранней ступени своего развития (в яйце, в материнском организме). 2) Зачаток растения, развивающийся из оплодотворенной яйцеклетки. 3) *чего*. Зачаточное состояние чего-либо, способного развиваться в дальнейшем [2].

Предъявление лексической единицы сопровождается ее интерпретацией, ядром которой является сообщение сведений о ее значении – семантизация. На начальном этапе обучения РКИ из-за отсутствия у студентов широкого лексического запаса необходимо использовать простые способы семантизации. Эффективными способами объяснения значения специальной лексики являются: 1) презентация при помощи наглядных средств; 2) формулировка краткого толкования; 3) указание на мотиватор слова.

Опора на внутреннюю форму слова при толковании его значения является одним из эффективных приемов лексической работы в обучении РКИ: она раскрывает смысловую природу слова, развивает творческое и ассоциативное мышление студентов, обеспечивает достаточно точное понимание значения слова [3].

Пример задания (1). Разгадайте кроссворд (рис. 1): запишите существительные, от которых образованы данные прилагательные. Какое ключевое слово кроссворда? Объясните его значение.

1										
2										
3										
4										

1. Сфагновый
2. Еловый
3. Земляничный
4. Ягодный

Рис. 1.

Этап 2. Методические действия, обеспечивающие усвоение учащимися новой лексики, т.е. ее закрепление. На втором этапе работы с лексическим материалом происходит организация усвоения новой лексики с помощью упражнений различного типа.

Пример задания (2). Впишите пропущенные буквы. Слова: ок_лопл_дник, с_мяно_ка, сем_нка, сем_нос_ц, свет_люб_вый, с_мядол_, сем_зачат_к, пр_цветн_к, сем_почк_, разн_споров_сть, разн_семян_ость.

Пример задания (3). Соотнесите слова и их значения.

Термины: 1) опробковение; 2) семядоля; 3) семязачаток; 4) околоплодник; 5) прицветник. Понятия: а) зародыш семени; б) химическое изменение оболочек растительных клеток; в) часть эмбриона в семени растения; г) маленький листочек, расположенный под самым цветком; д) стенка плода растений, окружающая семена.

Этап 3. Контроль усвоения новой лексики.

Пример задания (4). Найдите соответствия (рис. 2). Обоснуйте свой выбор.

Слова для выбора: а) арбузные семечки; б) абрикосовые косточки; в) дынные семечки.

Пример задания (5). Дайте определения терминам, обращая внимание на их структуру. Термины: разносемянность, разноспоровость – свойства растений; пыльцевход, семяносец – части растений.

Лингвометодический потенциал лексического свойства мотивированности при обучении РКИ как языку специальности обусловлен следующим:

1. Мотивированность – одно из ключевых свойств ботанических терминов и номенклатурной лексики.
2. Внутренняя форма слова эксплицирует рациональность связи его звучания и значения в восприятии носителей языка; она становится основой

Рис. 2.

беспереводной семантизации лексики в процессе обучения языку иностранных студентов и способствует ее эффективному запоминанию.

3. Работа над освоением лексики изучаемого языка составляет базу лингводидактики, на которой строятся все остальные виды работы на занятии по РКИ.

Таким образом, на занятиях по языку специальности студентам следует предъявлять как можно больше мотивированной лексики.

Литература

1. Блинова О.И. Практикум по русской мотивологии. – Томск : Томский гос. ун-т, 2011. – 132 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – С. 342.
3. Ковалёва А.В. Этапы работы с лексикой при обучении РКИ // Вестник ВГУ. – 2013. – № 2. – С. 231–233.

ЛЕКСИКА ЗРИТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ К.Г. ПАУСТОВСКОГО «МЕЩЕРСКАЯ СТОРОНА»)

Юй Цинхэ

Томский государственный университет, магистрант

VOCABULARY OF VISUAL PERCEPTION IN ARTISTIC TEXT (BASED ON STORY "MESHCHERSKAYA STORONA" BY K.G. PAUSTOVSKY)

Yu Qinghe

Tomsk State University, master student

Данная статья посвящена описанию ситуации зрительного восприятия в художественном тексте на материале повести К.Г. Паустовского «Мещерская сторона».

Ключевые слова: Паустовский, «Мещерская сторона», перцепция, зрительное восприятие.

This article is devoted to the description of the situation of visual perception in a literary text based on the story of K.G. Paustovsky "Meshcherskaya Storona".

Key words: Paustovsky, "Meshcherskaya Storona", visual perception.

Научный руководитель:
Гынгазова Людмила Георгиевна,
канд. филол. наук, доцент.

Исследование перцепции является актуальным. Категория перцепции занимает ведущее положение в современной антропоцентрической лингвистике. Субъектом восприятия всегда является человек.

Обозначение зрительного восприятия образует самое обширное из перцептивных полей. Человек получает максимум информации с помощью зрения, в связи с чем в большинстве языков основную часть вербального пространства макрополя «Восприятие» покрывает зрительная лексика [1, с. 9].

Исследование зрительного восприятия имеет большую значимость для анализа художественного текста и описания идиостиля писателя, так как анализ зрительного восприятия дает ответ на вопросы: каким выглядит мир писателя и его героя, что воспринимается зрением, на что писатель обращает внимание и др.

Подход к описанию структурно-семантических особенностей пропозиции зрительного восприятия.

В повести «Мещерская сторона» указывается на процесс зрительного восприятия, характеристики объектов и явлений относительно глаз лирического героя. Ситуация зрительного восприятия (включая ситуацию восприятия света, цвета и размера) описана в более 200 контекстах, выражается через пропозиции, структуру пропозиции, включающей субъект, предикат и объект.

Зрительное восприятие выражается предикативной конструкцией:

1. Предикативный компонент представлен прежде всего глаголами зрительного восприятия, то есть процесс зрительного восприятия номинируется глагольными лексемами.

Ядерное поле составляет глаголы

- (у)видеть, «1) иметь зрение, обладать способностью зрения; 2) воспринимать зрением; мысленно представлять, воображать; 3) сознавать, понимать, чувствовать; 4) считать, признавать кого-л. чем-л., принимать за кого-л.» [2, т. 1, с. 173];

- (по)смотреть, «1) устремлять, направлять взгляд куда-л., иметь глаза направленными на кого-, что-л.; глядеть... 4) осматривать, рассматривать кого-, что-л. с целью ознакомления... 6) виднеться, выглядывать откуда-л.; 7) иметь какой-л. вид, выглядеть как-л.» [2, т. 1, с. 158–159];
 - (по)глядеть, «1) устремлять, направлять взгляд, иметь глаза направленными на кого-, что-л. или куда-л.; смотреть... 4) пристально, с вниманием смотреть на кого-, что-л.; осматривать, рассматривать... 6) быть видимым, виднеться, выглядывать; 7) иметь какой-л. вид, выглядеть как-л.» [2, т. 1, с. 318–319].
2. Предикативный компонент помимо базовых глаголов зрительного восприятия может быть представлен иными направленными глаголами с семантикой зрительного восприятия, а также глаголами других лексико-семантических групп:
- 1) Глаголы с семантикой зрительного восприятия:
 - Разглядеть – «то же, что рассмотреть» [3, с. 559]: *За плечом старухи я разглядел стены, увешанные картинами.*
 - Наблюдать – «внимательно следить глазами за кем-чем-н.» [3, с. 317]: *Одинокий самолет, плывущий на головокругительной высоте, кажется миноносцем, наблюдаемым со дна моря.*
 - Следить – «наблюдать движущийся предмет» [3, с. 633]: *Если тихо следить за норой, то можно увидеть, как крыса ловит рыбу; Я сидел на разбитом плоту, курил и следил за перьями поплавок.*
 - Рассматривать – «всматриваясь, увидеть, разглядеть» [3, с. 577]: *Старик нагнулся над щучкой и начал ее рассматривать с таким восторгом, с каким знатоки любят редкой картиной в музее.*
 - Показать – «1) дать возможность увидеть

- кого-что-н. 2) обратить внимание на что-н.» [3, с. 474]: *Мы нехотя встали, пошли к Гайдару, и он **показал** нам на сырой земле.*
- Показаться – «появиться, стать доступным взору» [3, с. 474]: *Впереди **показался** «остров».*
 - Встречать – «увидеть что-н.» [3, с. 92]: *Каждую осень **встречаешь** все тот же огненный куст рябины за Лариным прудом; Я подымал голову, **встречался** взглядом с глазами Тургенева или генерала Ермолова.*
 - Стеречь – «следить за сохранностью чего-л.» [3, с. 666]: *Изредка она, вероятно, поднимала очки на лоб и прислушивалась – **стерегла** дом.*
 - Покопаться – «смотреть что-н.» [3, с. 257]: *Щука **покопалась** на Леньку.*
 - Любоваться – «рассматривать с удовольствием» [3, с. 286]: *Старик нагнулся над щучкой и начал ее рассматривать с таким восторгом, с каким знатоки **любуются** редкой картиной в музее.*
- 2) Глаголы других лексико-семантических групп в сочетании с существительными зрительно-го восприятия (*глаза, взгляд*).
- *Я подымал голову, **встречался** взглядом с глазами Тургенева или генерала Ермолова.*
 - *Тогда коты прижимают уши, **закрывают глаза** и начинают отчаянно кричать, прося пощады.*
 - *Зорче **делается** глаз, тоньше обоняние.*
 - *В полдень над озером собралась гроза. Она **росла на глазах**.*
3. Предикат также выражен глаголами с семантикой цветового состояния объекта, доминирующего цветовую характеристику существенного объекта.
- ***Синеют** круглые озера; **Закат** тяжело пылает на краях деревьев, **золотит** их старинной позолотой; Небо на востоке **зеленеет**.*
- Таким образом, в высказываниях предикативный компонент представлен широким спектром языковых единиц, среди которых численно доминируют базовые глаголы зрительного восприятия. Наиболее распространенная конструкция предложений зрительно-го восприятия: субъект + предикат + объект, где субъект восприятия выражен личным местоимением 1-го, 2-го или 3-го лица (*мы посмотрим*) или существительным в именительном падеже (*Гайдар увидел*). Или конструкция: предикат + объект. Она создает картину, ясно указывает на то, что воспринимает. *Цветущие или скошенные луга; увидеть лесные озера с темной водой, обширные болота, покрытые ольхой и осиной, одинокие, обугленные от старости избы лесников, пески, можжевельник, вереск, косяки журавлей и знакомые нам под всеми широтами звезды.*
- Также конструкция: предикат (краткая форма страдательного причастия) + дополнение (объект). – *То по горизонту ясно **виден** бывший высокий берег озера.* Как правило, субъектом зрения всегда является человек.
- А объект зрительного восприятия может быть простым, и сложным. Простой объект представлен одним словом: *Если тихо следить за **норой**, то можно увидеть, как крыса ловит рыбу.* Сложный объект представлен ситуациями, т.е. сложными союзными подчиненными конструкциями: *Если тихо следить за норой, то можно увидеть, как крыса ловит рыбу.*
- Характеристика объекта включает зрительные параметры: цвет, свет, размер, форма и др.
1. Создание цветового художественного образа.

Частотными цветообозначениями являются: цвет (9), золотой (3), белый (7), красный (6), черный (29), зеленый (9), синий (3), голубой (3), серый (6), желтый

 - *Черное озеро названо так по **цвету** воды; в Великом озере – оловянного **цвета**.*
 - *С каждым летом зарубка все сильнее заплывает твердой **золотистой** смолой.*
 - *Подымается огромное **белое** солнце.*
 - *Крыса вылезает на берег усталая, с **красными** от злости глазами.*
 - *А самое озеро без дна, **черное**.*
 - *Нога тонула в **зеленых** и серых мхах по самое колено.*
 - *Огненную рябину заменяет эмалированная **синяя** табличка с названием улицы.*
 - ***Серое** небо низко провисало над головой.*
 - *Степан вытащил из кармана **желтый** огурец и дал девочке.*
 - ***Голубым** хрусталем загорается на заре Венера.*
 2. К обозначению света относятся единицы *свет, темнота, темный, светлый*, а также их однокоренные наречия и глаголы. *Путь в лесах – торжественный **свет** и, наконец, лесные сумерки. Отражая **свет** звезд; Яркость звездного **света**. У костра сидела девочка лет двенадцати, **светлоглазая**. Горят **светляки**. Зарождается **рассвет**; на востоке полосы **рассвета**. В непроглядном **мраке** выли волки. **Мрачная** луна.*

Лексемы с семантикой цвета и света нередко дополняют одна другую в одном контексте, совместно формируя комплексный зрительный эффект: *над зарослями начнет разгораться **багровое** зарево и **мрачная** луна взойдет над просторами вечерней земли; Сквозь ветки сосен **просвечивало** бледное небо.* Некоторые языковые единицы объединяют в себе оттенки значений цвета и света. *Темный* обозначает и цвет (*темная вода*), и свет (*темно на земле*).

Свет помогает представить явление или объект с наибольшей достоверностью, способствует расширению визуальной составляющей образа. С помощью цветообозначения характеризуются состояние природы (темно), артефакты (луна, звезда) и внешность человека (светлоглазый).
 3. К полю обозначения размера отнесены обозначения, описывающие величину объекта в целом. Микрополе состоит из 44 единиц.
 - 1) Обозначения большого размера – это самая обширная группа. Рассматриваются следующие единицы:
 - Большой (4). *Показан изгиб **большой** полноводной реки; Лось, очевидно, шел **большими** скачками; Письмо, написанное **большими** корявыми буквами.*
 - Крупный (1). *К осени берега Канавы покрываются пурпурными пятнами, но не от осенней листвы, а от обилия очень **крупных** ягод шиповника.*
 - Громадный (6). *Леса скрывают в своей глубине **громадные** торфяные болота; Лежат*

- громадные Мещёрские болота.*
- Исполинский (1). *Был найден скелет исполинского ископаемого ирландского оленя с размахом рогов в два с половиной метра.*
 - Огромный (2). *Мы наваливаем в костер горы сучьев и смотрим, как подымается огромное белое солнце.*
- 2) Обозначения маленького размера:
- Небольшой (3). *В лугах около Старицы есть небольшое безымянное озеро.*
 - Мелкий (2). *Челн очень узок, легок, поворотлив, на нем можно пройти по самым мелким протокам.*
 - Маленький (2). *В большом Митинском озере всего четыре метра глубины, а в маленьком Удемном – семнадцать метров.*
- 3) Обозначения высоты (15 единиц) характеризуются больше: *Иногда небо вдруг кажется очень высоким, а горизонт сжимается. Серое небо низко провисало над головой; Низкие облака закрыли небо.*
- 4) Обозначения длины (5 единиц) характеризуют в основном неодушевленные объекты: *Мы привязывали длинные лески к кустам багульника или к деревьям молодой ольхи; Чтобы легче было плавать, водяные крысы отгрызают длинный стебель куги и плавают, держа его в зубах.*
- 5) Обозначения толщины (7 единиц) характеризуют артефакты: *Озера окружены такими густыми зарослями и высокой травой, что можно пройти в нескольких шагах и не заметить воды.*
- 6) Обозначения ширины (10 единиц): *Между лесами и Окой тянутся широким поясом заливные луга; На широких водяных кругах качаются желтые кувшинки. Челн очень узок, легок. Слой облаков был очень тонок.*
- 7) Обозначения глубины (10 единиц): *Мы клали их в свои следы, в глубокие ямы. Солотча – извилистая, неглубокая река.*

Масштабно описывается природа. Противопоставления *большой – маленький, широкий – узкий, длинный – короткий, высокий – низкий, глубокий – неглубокий* позволяют изобразить картины природы более живыми, красочными и выразительными.

Некоторые единицы отражают:

- Расстояние (*горизонт сжимается, кажется близким; Автомобиль явно приближался*).
- Количество (*при дороге стоит одинокий постояльный двор*).
- Внешность одушевленного лица. *Высокий старик с длинными серебряными зубами. Дед был худой, тонконогий. Одна совсем дряхлая, горбатенькая. Косматый дед. Громадная горбатая спина черной рыбы.*

Итак, в повести К.Г. Паустовского «Мещерская сторона»:

1. Обозначения зрительного восприятия – наиболее многочисленная группа перцептивных номинаций, проанализировано более 200 единиц. В составе этого поля выделяются номинации цвета, света, размера, формы. Поле номинаций цвета является при этом наиболее частотным (включает более 100 единиц).
2. Имеются множественные способы описания зрительного восприятия. Из них распространенный способ представлен пропозицией и ее структурой.
3. Высказывания с семантикой зрительного восприятия визуализируют художественные образы.

Литература

1. Жаркова О.С. Лексика ощущения, восприятия и чувственного представления как средство номинации и предикации в поэмах С. Есенина : дис. ... канд. филол. наук. – М., 2005.
2. Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. – 4-е изд., стер. – М. : Рус. яз. ; Полиграфресурсы, 1999.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – 18-е изд., стер. – М. : Русский язык, 1986.

КЛАССИЧЕСКАЯ РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

РОМАНТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ В ОЧЕРКАХ-ПУТЕШЕСТВИЯХ Е.П. КОВАЛЕВСКОГО

Александрова Е.В.

Томский государственный университет, магистрант

THE ROMANTIC TRADITION IN THE TRAVEL ESSAYS OF E.P. KOVALEVSKY

Aleksandrova E.V.

Tomsk State University, master student

В статье рассматривается творчество Ковалевского как создателя новой разновидности жанра путешествий. Влияние романтических традиций на формирование травелога Ковалевского рассматривается через синтез исканий реалистических (натуральная школа) и романтических.

Ключевые слова: травелог, романтические традиции, натуральная школа.

The creativity of Kovalevsky as a creator of a new kind of travel genre. The influence of the romantic traditions on the formation of his travelogue is shown through the realistic searches (Natural School) and romantic searches.

Key words: travelogue, romantic traditions, Natural School.

Научный руководитель:
Жилякова Эмма Михайловна,
докт. филол. наук, профессор.

Имя Е.П. Ковалевского сделалось литературным именем после публикации в 40-е гг. XIX в. путевых очерков, которые он объединил в книгу «Странствователь по суше и морям». Публикация первых трех частей книги вызвала особый интерес критики: «*Это отрывистые, легкие, оживленные бойким рассказом очерки, вроде путевых впечатлений Александра Дюма*» [1] – читаем у Белинского. «*Его стихия – случайные события, которые <...> знакомят вполне с жизнью обитателей описываемых стран*» [2] – отмечает П.А. Плетнёв. Ковалевский называет себя не путешественником, а **странствователем**. В словаре Даля слово «странствователь» – производное от слова «страна». Ключевым в таком выборе названия Ковалевского становится образ чужой страны, незнакомой читателю, да и самому путешественнику зачастую еще неизвестной. В первых двух книгах мы погружаемся в «восточный мир», в третьей книге – «в славянский» [3].

Ориентируясь на традиции русской (Н.М. Карамзин, А.С. Пушкин, А.А. Бестужев-Марлинский, М.Ю. Лермонтов) и европейской литературы (А. Дюма, Жорж Санд, Шиллер, Томас Мур), находясь в эпицентре ключевых событий эпохи (спор западников-славянофилов, участие в кружке Петрашевцев), Ковалевский предлагает читателю свой вариант травелога, в котором удачно сочеталось «научно-познавательное содержание с легкостью и художественностью рассказа» [4]. Индивидуальность Ковалевского как создателя новой разновидности жанра путешествия проявляется в его **этике** – восприятии народов разных стран, **натурфилософии** – особом отношении к природе, и **поэтике** – узнаваемом стиле, который превращает чтение в увлекательный процесс

Ключ к пониманию философии Ковалевского находим в особенностях переходной эпохи 30–40-х гг. В русской литературе проходил сложнейший процесс сосуществования и смены художественных методов – романтизма и реализма. Ковалевский, будучи ярким представителем своего времени, реалистически изображает описываемые события, при этом романтически воспринимает процесс путешествия, в котором

жизнь человеческая сродни вечному странствованию, а судьба его зависит от той цели, которую он перед собой ставит.

Этические воззрения Ковалевского проявляются в гуманном отношении к разным народностям, населяющим как Среднюю Азию, так и Балканы. Описывая их нравы и обычаи, повествователь фактически определяет типические черты всей нации, используя традиции просветителей и романтиков. Как и у Дюма, присутствует контрастная характеристика в изображении европейца и магометанина, подробно описываются географические и исторические реалии, но при этом очевидно сочувствие к угнетенным и поработанным, гордость за их свободолобие и героизм в борьбе с турецкими захватчиками («Балканы»). Реалистические картины бедственного положения народа даны сквозь призму философского восприятия своей судьбы, «составляющей для магометанина и тяжелый камень, ... и утешение в несчастье, которое для него предопределено свыше и следственно неотвратимо» [5], – отличительная особенность азиатов.

Особое отношение у повествователя к цыганам (Балканы). Традиция восприятия цыган, связанная с «живописностью образов, которые появились в литературе как составная часть романтического стиля», «берет свое начало от Пушкина» [6]. История любви Радавана к цыганке – типично романтическая история страсти. И в то же время присутствует описание быта цыган в традициях натуральной школы: «...три, четыре цыганские землянки, как заброшенные могилы, и было душно и темно в них, как в могилах: там обитала нагая нищета, а тупая, бессмысленная покорность нищете ужаснее самой отчаянной борьбы с нею» [7, с. 261].

Натурфилософское осмысление жизни проявляется в неразрывной связи народа с природным существованием. Белинский в рецензии на 3-ю часть (Балканы) точно подметил пристальное внимание Ковалевского к восприятию природы. Это связано с проблемой личности самого повествователя – геолога, географа, натуралиста и романтика. Романтические пейзажи в духе Марлинского, с яркими эпитетами и

необычными сравнениями — одухотворенная природа (*величественный говор, мигало спросонка*), сравнения с людьми и животными (высилось грозным великаном), романтические контрасты (черной змеей — белой равнине), «контрасты бытового и идеального, реального и фантастического» [8] (гробовой саван, скелеты костями — венчаясь лучезарной главой). Но в его описаниях заметно и философское осмысление природы как части жизни человека. Романтическое стремление быть частью природы и невозможность постигнуть ее сродни философии Шиллера.

Сопоставляя жизнь природы и человека, Ковалевский в очередной раз дает романтическое толкование величия природы и ее загадочности. История про кладбище для орлов и выбор ими смерти о скалы — «Орлу — орлиная смерть!» [7, с. 305–306] — аллегория жизни человеческой. В изображении Ковалевского — это гимн сильной личности.

Упоминание писателей-романтиков встречается неоднократно (Шиллер, Томас Мур, Вальтер Скотт). Отношение к романтикам неоднозначно. С одной стороны, Ковалевский вступает с ними в полемику, не лишённую иронического оттенка (Жорж Санд, Томас Мур), а с другой — он постоянно следует за ними, описывая человеческие взаимоотношения, характеры, рисуя портреты своих героев, пейзаж.

Индивидуальность Ковалевского раскрывается не только в содержании, но и своеобразной поэтике. Особая манера повествователя проявляется в поэтизации прозы. Поэтические повторы, инверсия, противопоставление севера и юга, темного и светлого, контраст в восприятии дня и ночи, окутанной романтикой тайны и любви — это типичный пример стиля Ковалевского. Используя параллелизм в построении предложений, обращение к читателю, «странствователь» со-

здает особый ритм прозы, который узнаваем не только в описании природы, но и в эпических историях.

Таким образом, своеобразие произведений Е.П. Ковалевского позволяет утверждать, что он был один из первых в литературе 40-х годов создателей синкретического жанра, в котором нашли отражение традиции сентиментального, романтического и реалистического путешествия, сочетающего в себе документальность и занимательность, натурфилософию и лирическое повествование. Следуя традициям русской и европейской литературы, Ковалевский проявляет свою индивидуальность в создании очерков, которые в свою очередь окажут влияние на развитие русской литературы путешествий (Гончаров).

Литература

1. Белинский В.Г. Полн. Собр. соч. : в 15 т. — М. : Изд-во Академии Наук СССР, 1955. — Т. 7. — С. 610.
2. Плетнёв П.А. Мелкие критические разборы // Сочинения и переписка П.А. Плетнёва. — СПб. : Тип. Имп. Академии наук, 1885. — Т. 2. — С. 407–408.
3. Анненков П.В. Воспоминания и критические очерки // Собрание статей и заметок П.В. Анненкова. 1849–1868 гг. : Отд. 1–[3] — СПб. : Типография М. Стасюлевича, 1877–1881. — С. 242.
4. Проценко Е.Г. Литература «Путешествий» в России в 1840–1850-е годы : дис. ... канд. филол. наук. — Ленинград, 1984. — С. 31.
5. Ковалевский Е.П. Странствователь по суше и морям. — СПб., 1843. — С. 77.
6. Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. — СПб. : Искусство, 1996. — С. 600
7. Собрание сочинений Егора Петровича Ковалевского. — СПб. : Издание Ильи Глазунова, 1871. — Т. 3.
8. Михельсон В.А. «Путешествие» в русской литературе. — Ростов н/Д. : Изд. Ростовского ун-та, 1974. — С. 52.

МОТИВ ПИСАТЕЛЬСТВА В КОМЕДИИ Н.В.ГОГОЛЯ «РЕВИЗОР»

Барсукова В.О.

Томский государственный университет, студент

THE COMPOSING MOTIVE IN THE N.V. GOGOL'S COMEDY "THE INSPECTOR"

Barsukova V.O.

Tomsk State University, student

В статье рассматривается мотив писательства в диалоге с мотивом писания. Осмысляется роль писательства в комедии и, шире, мировоззрении Гоголя в связи с сакральным пониманием писания, в том числе, в рамках апофатической традиции.

Ключевые слова: писательство, Гоголь, мотив, «Ревизор».

The motive of composing is analyzed in the article considering the dialog with the motive of writing. The function of composing in comedy is comprehended in connection with sacral perception of composing including context of apophatic tradition.

Key words: composing, Gogol, motive, "The Inspector".

Научный руководитель:
Лебедева Ольга Борисовна,
докт. филол. наук, профессор.

Мотив писательства, будучи весьма продуктивным, в «Ревизоре» обширно представлен упоминаниями Хлестаковым писателей, вводимыми в текст комедии цитатами, а также имплицитными указаниями на самого автора комедии. Помимо текста «Ревизора», мотив писательства находит свое развитие и в приложениях к комедии.

Зеркальное устройство «Ревизора», заданное уже эпиграфом к комедии, обуславливает развитие антиномий на разных уровнях текста. Так, образ Хлестакова связывается и с мотивом писания, и мотивом писательства, две эти категории выстраивают зеркальную оппозицию: писательство становится знаком самобытности, а писание снижается до уровня переписывания, повторения чужого, потери индивидуальности. Хлестаков, доказывая свои «успехи» на литературном поприще, хвалится знакомством с Пушкиным, называя его большим *оригиналом*, а о своей жизни в Петербурге говорит следующее: «Вы, может быть, думаете, что я только *переписываю*; нет, начальник отделения со мной на дружеской ноге» [1, с. 42].

В комедии представлено писание двух сценических персонажей: письмо Хлестакова Тряпичкину и записка Городничего жене. В записке Городничего обращает на себя внимание абсурд, порожденный спешкой: «...но, уповая на милосердие божие, за два соленых огурца особенно и за полпорции икры рубль двадцать пять копеек...» [1, с. 37]. Библейская риторика указывает на Священное *Писание*, но, употребляясь в бытовом контексте, снижается до уровня «бумагомарания». Писание Городничего, открывая свою ущербность, составляет противоположность письму Хлестакова, к концу которого он раскрывается иным образом.

Обратим внимание на письмо Хлестакова, а именно на использование одической риторики в финале. Хлестаков в обращении к Тряпичкину близок к исповеди, что актуализируется использованием возвышенной лексики: «добродушный», «душа», «чем-нибудь высоким заняться» и т.д. «Сцены вранья» героя обнаруживают искреннее стремление Хлестакова соответствовать своей лжи, о чем пишет сам Гоголь в «Отрывке из письма...»: «...он сам позабывает, что лжет, и уже

сам почти верит тому, что говорит. Он развернулся, он в духе <...> говоря ложь, высказывает именно в ней себя таким, как есть» [3, с. 89]. Гоголь говорит о том, что герой пребывает «в духе», то есть состоянии, при котором человек становится открыт голосу Духа Святого и способен передавать Его слово. Писательство Хлестакова, в оппозиции писанию Городничего, открывает стремление героя к самореализации.

Образ Хлестакова, рассматриваемый через призму мотива писательства, усложняется возможностью сопоставления героя с Пушкиным, который является потенциальным автором сюжета «Ревизора». Хлестаков находится с поэтом «на дружеской ноге», подобно Пушкину, Хлестаков увлекается игрой в карты, как и Пушкин, Хлестаков, сочиняя, творит словно по вдохновению, легко, уподобляя свою ложь «легкой поэзии». Однако стремящийся выдать себя за литератора Хлестаков представляет собой лишь пародию на поэта.

Вместе с тем осмысление образа писателя амбивалентно в «Ревизоре» и приложениях к комедии. Так, возможно сопоставление Тряпичкина с самим автором комедии. В комментариях к комедии Ю.В. Манн отмечает, что «пописывающий статейки» Тряпичкин живет по настоящему адресу Гоголя в Петербурге [4, с. 809], а также является профессиональным литератором. В процессе изучения приложений к «Ревизору» становится очевидна причина снижено-иронической оценки собственной роли в комедии. Осмысление авторской задачи написания комедии находим в «Театральном разезде»: «Автор пьесы. <...> И да не смутится душа от *осуждений*, но да примет благодарно указания недостатков, не омрачась даже и тогда, если бы отказали ей в высоких движениях и в святой любви к человечеству» [2, с. 171]. В этих словах очевидна оценка автором «Ревизора» себя как судьи, решившего ревизовать людей. Однако эта же позиция дискредитируется в диалоге с другим текстом, «Развязкой Ревизора»: «...взглянем на себя не глазами светского человека, — ведь не светский человек произнесет над нами суд, — взглянем хоть сколько-нибудь на себя глазами того, кто позовет на очную ставку всех людей...» [1, с. 121]. Подобно тому, как мнимая реви-

зия Хлестакова дискредитируется на фоне картины начала «Страшного суда», ревизия общества писателем оказывается несостоятельной. Гоголь продолжает линию, заявленную еще в самой комедии намеками на единство личности автора «Ревизора» и Тряпичкина, представляя двойственную оценку себя же, писателя, взявшегося судить, что является правом божественных сил.

Итак, цепь рассматриваемых антиномий можно представить следующим образом: Городничий – Хлестаков – Гоголь как автор «Ревизора» – Бог. Каждое последующее звено в цепи представляет собой более совершенную стадию *творения*, при этом каждый из образов, предшествующих Богу, обнаруживает возможность сопоставления с ним. Так, Городничий, представляя собой организующее начало города, становится его неумелым творцом. Хлестаков, «играя» ревизора, выступает в качестве высшей силы, внушающей страх жителям уездного города. Гоголь, будучи автором комедии, становитсядемиургом. Организация образов, связанных с мотивом писательства, сопоставима с апофатической концепцией процесса познания Бога через восхождение от тварного мира к Творцу, которое предполагает рассмотрение все более совершенных творений и констатацию несоизмеримости каждого из них с Богом. Апофатическая теология строится на отрицании, и в этом она оказывается близкой восприятию Гоголем писательства как сакрального акта, имеющего целью искоренить порочное из действительности, утвердив идеал, то есть соотносится с сатирической установкой его творчества. Гоголь последовательно развенчивает образы Городничего, Хлестакова и свой собственный карикатурный образ в лице сатирика-Тряпичкина, тем самым утверждая идеал, который в комедии должен был вопло-

таться в образе настоящего ревизора, но так и не был явлен: такой минус-прием соответствует трансцендентному представлению о Боге, исключающему положительное знание о нем.

Особая роль в осмыслении писания как сакрального процесса и роли писателя отводится Пушкину, который формирует Хлестакова словно «по своему образу и подобию». Пушкин для Гоголя в ряду называемых в комедии писателей представляет собой наиболее приближенного к идеалу. Утверждая гений писателя, Гоголь пишет: «Все наши русские поэты: <...> удержали свою личность. У одного Пушкина ее нет. Что схватишь из его сочинений о нем самом? Наместо его предстанет тот же чудный образ...» [3, с. 382]. Образ Пушкина почти обожествляется, его личность стирается, на месте ее оказывается *чудный образ*, который далее Гоголь развивает путем использования отрицательных конструкций.

Так, образ Пушкина, оставаясь на периферии комедии, утверждается в качестве гения через его пародийное воплощение в образе Хлестакова, то есть через отрицание, что сближает поэтику комедии с апофатической теологической концепцией. Поэтика зеркальности организует уровневую систему образов, в которой каждый член двойственно раскрывается в диалоге с другими. Писательство, реализуясь в последовательно восходящих к Богу-Творцу образах, представляется поистине сакральным актом.

Литература

1. Гоголь Н.В. Собр. соч. : в 23 т. – М. : Наука, 2003. – Т. 4.
2. Гоголь Н.В. Собр. соч. : в 14 т. – М. : Изд-во АН СССР, 1937–1952. – Т. 5.
3. Гоголь Н.В. Собр. соч. : в 14 т. – М. : Изд-во АН СССР, 1937–1952. – Т. 8.

СТРАТЕГИИ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА АНГЛИИ В «ЗИМНИХ ЗАМЕТКАХ О ЛЕТНИХ ВПЕЧАТЛЕНИЯХ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Вировец С.В.

Томский государственный университет, аспирант

STRATEGIES FOR THE FORMATION OF THE IMAGE OF ENGLAND IN THE "WINTER NOTES ON SUMMER IMPRESSIONS" BY F.M. DOSTOEVSKY

Virovets S.V.

Tomsk State University, post-graduate

В исследовании предпринимается попытка проследить, при помощи каких инструментов Ф.М. Достоевский формирует образ Англии в «Зимних заметках о летних впечатлениях». Показано, что с целью наибольшего воздействия на читателя Достоевский трансформирует образ державы, созданный на страницах журналов «Современник» и «Отечественные записки».

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, почвенничество, образ Англии, «Время», «Современник», «Отечественные записки».

The study attempts to trace what the tools F.M. Dostoevsky used to create the image of England in "The Winter Notes on Summer Impressions". It is shown that in order to have the greatest impact on the reader, Dostoevsky transforms the image of the state created on the pages of magazines "Sovremennik" and "Otechestvennye Zapiski".

Key words: Dostoevsky, pochvenichestvo, image of England, "Vremya", "Sovremennik", "Otechestvennye zapiski".

Научный руководитель:
Новикова Елена Георгиевна,
докт. филол. наук, профессор.

По мнению многих исследователей, главной задачей «Зимних заметок о летних впечатлениях» стало стремление создать у отечественного читателя «правильное» представление о Европе. В частности, В.Н. Захаров [1] отмечал, что Достоевский постоянно поддерживает диалог с читателем, в рамках которого иронизирует над «русской» Европой (представлением русских о Западе) и обличает настоящую. Е.Г. Новикова [2] указывала на просветительскую интенцию «Заметок», А.В. Денисова [3] отметила, что описание путешествия рассчитано на читателя, знакомого с литературными клише, которые писатель использует для создания нужного впечатления. Учитывая развернувшуюся на страницах журнала Ф.М. и М.М. Достоевских «Время» полемику с либеральными и демократическими журналами, есть основания предполагать, что Ф.М. Достоевский активно интересовался содержанием данных журналов, что отразилось в его «Зимних заметках о летних впечатлениях». В данном исследовании предпринимается попытка выявить и описать приемы, которые использовал писатель для создания у своего читателя верного впечатления о Европе за счет трансформации образа Запада, представленного в русской публицистике XIX в.

В начале 60-х гг. XIX в. Россия готовилась к реформам. Большая часть русского прогрессивного общества считала, что в вопросах реформирования нужно ориентироваться на Европу. В это время в связи с итальянским вопросом внимание мировой прессы, в том числе русской, приковали к себе две державы — Англия и Франция. Многие крупные либерально-демократические журналы, в частности, «Современник» и «Отечественные записки», симпатизировали Англии и именно в ней видели образец подражания для России.

Ф.М. и М.М. Достоевские, почвенники, считали, что Россия должна, переработав европейский опыт, найти собственный путь. Для них Европа в лице Анг-

лии олицетворяла прогресс, губительный для народа. В сентябрьском выпуске «Времени» 1861 г. отмечается: «Производство развивается только там, где народонаселение увеличивается, то есть становится тесно: тогда имеется большая нужда в пропитании, и, следовательно, постоянный спрос на труд» [4]. Развитие производства неминуемо ведет население к нищете. Нищета, в свою очередь, не дает человеку развиваться нравственно: в статье говорится, что, имея духовные потребности, пролетарий при этом не может их удовлетворить, так как его труд обеспечивает только потребности низшего порядка.

В своем произведении, посвященном опыту пребывания за границей, — «Зимних заметках о летних впечатлениях», Достоевский использует стратегии, направленные на разрушение положительного образа Европы. Данной цели писатель достигает за счет переработки сложившегося в сознании русского человека благодаря «Современнику» и «Отечественным запискам» образа Англии.

Отечественные публицисты противопоставляли Англию и Францию, настаивая на принципиальной разнице между двумя народами. Англия — либеральная, прогрессивная страна, а сами англичане — гуманная, развитая нация. Французы, напротив, эгоистичны, беспринципны и агрессивны.

Для разрушения данного образа Англии Достоевский стремится подчеркнуть сходство двух наций. Он помещает описания Лондона и Парижа в одну главу. Города противопоставляются только по внешним признакам: Париж — нравственный, добродетельный, упорядоченный. На порядке делается особый акцент, Достоевский отмечает: «И что за комфорт, что за всевозможные удобства для тех, которые имеют право на удобства, и опять-таки, какой порядок, какое, так сказать, *затишье порядка*» [5, с. 324]. Фраза «затишье порядка» выделяется курсивом. Само слово «затишье» имеет несколько значений, в числе которых есть

«уединенный уголок». Так и Париж «с каким-то умилением съезживается», чтобы «законсервироваться», отгородиться от других людей. Угол – важный образ в творчестве Достоевского, он неразрывно связан с болезненным уединением, стремлением замкнуться в своем одиночестве. Та же мысль передается фразой «для тех, кто имеет право на удобства» – намек на превосходство французов над другими людьми.

Лондон, в отличие от «упорядоченного» Парижа, представлен городом контрастов: «Все так громадно и резко в своей своеобразности. Даже обмануться можно этой своеобразностью. Каждая резкость, каждое противоречие уживаются со своим антитезой и упрямо идут рука об руку, противореча друг другу и, по-видимому, никак не исключая друг друга» [5, с. 324]. Тем не менее, и здесь, отмечает Достоевский, чувствуется глухая, застарелая борьба европейского индивидуализма с необходимостью уживаться с другими, «устроиться в одном муравейнике; хоть в муравейник обратиться, да только устроиться, не поедая друг друга, – не то обращение в антропофаги!» [5, с. 324].

Выявляя внешне разные черты двух городов, но подчеркивая в то же время их общий характер, писатель нивелирует разницу между двумя нациями и подводит их под один знаменатель – европейцы.

Способом воссоединения для европейцев становится стремление к прогрессу как способу достичь всеобщего блага. Однако название главы, в которой дается описание городов, – «Ваал» – дает понять читателю, что этот путь ложный.

Данная мысль развивается через описание «столицы прогресса», Лондона. Ценой «поклонения ложному богу», то есть развития прогресса, становится естественное существование человека. Поэтому писатель, описывая Лондон, играет на контрасте: все прекрасное, созданное искусственным путем, – великолепные скверы и парки, «сити с его миллионами и всемирной торговлей», кристальный дворец, всемирная выставка – изображается на фоне отравленной природы: «отравленная Темза», «...воздух, пропитанный каменным углем», «...эти страшные углы города, как Вайтчапель, с его полуголым, диким и голодным населением» [5, с. 325]. Писатель также придает описанию inferнальный оттенок: «день и ночь суеящийся и необъятный, как море, город, визг и вой машин, эти чугуны, проложенные поверх домов (а вскоре и под домами)...» [5, с. 325].

Человек, принявший условия прогресса, также утрачивает свою естественную сущность. Для большего воздействия на читателя Достоевский вновь использует образ англичан, сформированный в других журналах.

Для «Современника» и «Отечественных записок» в начале 60-х гг. было характерно дискретное восприятие англичан: журналы часто разделяли англичан на «нацию», «народ», «промышленников» и «рабочий класс».

В мартовском «Обзоре иностранной литературы» 1860 г. «Отечественных записок» был опубликован перевод «Моего дневника в Индии» Уильяма Росселя, в комментарии к которому редакция подчеркивает, что англичане как нация представляют собой образец гуманности, в то время как по отдельности англичане способны на невероятную жестокость: «В продолжение целого рассказа автор постоянно приводит

примеры этого презрения завоевателя к племени завоеванному, которое нам сильнее только доказывает, что англичане, при всей своей либеральности дома, самые страшные деспоты, когда дальнейшее расстояние укрывает их от бича общественного мнения и гласности» [6]. Таким образом, проводится черта между «английской нацией» и «англичанином».

В «Современнике» в августе 61-го года был размещен политический обзор, посвященный междоусобной войне в Америке, в котором отмечается: «Больше всего заинтересована в деле Англия: ей нужен хлопок, которого получить из Америки она не может в достаточном количестве, если война продолжится; уверяют даже, что еще год войны – и в Англии неизбежен промышленный кризис» [7]. Редакция «Современника» под «Англией» подразумевает, прежде всего, промышленников и рабочий класс.

Достоевский в «Заметках» использует разделение на «нацию» и «народ», чтобы создать в сознании читателя резонанс между всем привычным представлением об англичанах и реальным положением дел, и соединяет «народ» и «рабочий класс». Первое описание англичанина появляется в главе «В вагоне». Он описывается как аккуратный, педантичный человек. «От себя» писатель также добавляет ему высокомерия: «Он всю дорогу не сказал ни с кем из нас ни одного самого маленького словечка ни на каком языке, днем читал, не отрываясь, какую-то книжку, той мельчайшей английской печати, которую только могут переносить англичане, да еще похваливать за удобство, и как только стало десять часов вечера, немедленно снял свои сапоги и надел туфли. Вероятно, это так заведено у него было всю жизнь и менять своих привычек он не хотел и в вагоне» [5, с. 298].

Описание английского народа, которое приводится в главе «Ваал», кардинально отличается от описания «чистокровного англичанина». Он (народ) не благороден, напротив, писатель использует для описания такие слова, как «белый негр», «пария общества». Индивидуальность англичанина-пролетария стирается. Достоевский чаще использует слова «масса», «море». Сравнение с морем английского народа, или рабочих, не случайно. Народ – наиболее страдающий от развития прогресса слой общества, глядя на который «...вы увидите даже не народ, а потерю сознания» [5, с. 327].

Дальнейшее описание жизни народа полностью выстроено на контрасте. О внешности массы Достоевский говорит: «тут и старухи, тут и красавицы», «тут и блестящие дорогие одежды, тут и лохмотья», «сплошные ругательства» и «призывный шепот еще робкой красавицы» [5, с. 328]. Данный контраст необходим, чтобы показать, что придавленный Ваалом, бездуховный английский народ не осознает, что погряз в нищете и пороке. В первую очередь это отражается на институте семьи. Писатель замечает: «...многие из этих мужей ужасно бьют своих жен, уродуют их насмерть и больше всего кочергами, которыми разворачивают в камине уголья. Это у них уже определенный к битию инструмент» [5, с. 330].

После писатель переходит к описанию обычных для остросоциальных драм персонажей: молодая, но уже загубленная пороком девушка с благородной внешностью, грязный избитый ребенок и толстые, довольные жизнью священники-взятчики, показывая тем самым, что моральное разложение проникло во

все слои населения и стало нормой.

Таким образом, Достоевский трансформирует уже известный соотечественникам из «Отечественных записок» и «Современника» образ Англии для того, чтобы разрушить укоренившееся представление о державе как об образце для подражания. Для трансформации образа писатель использует антитезу, христианские мотивы, а также известные литературные сюжеты.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90020\18.

Литература

1. Захаров В.Н. Поэтика хронотопа в «Зимних заметках о летних впечатлениях» Достоевского // Проблемы исторической поэтики. — 2013. — С. 180–201.
2. Новикова Е.Г. Софийность русской прозы второй половины XIX века: евангельский текст и художественный контекст. — Томск : Изд-во Том. ун-та, 1999. — 253 с.
3. Денисова А.В. Функция хронотопа в «Зимних заметках о летних впечатлениях» Ф.М. Достоевского // Культура и текст. — 2016. — № 1(24). — С. 64–74.
4. Политическое обозрение [Общее положение]. Критическое обозрение // Время. — СПб. : Типография Эдуарда Праца, 1861. — Т. 5. — С. 36.
5. Достоевский Ф.М. Зимние заметки о летних впечатлениях // Время. — СПб. : Типография Эдуарда Праца, 1863. — №3.
6. Мой дневник в Индии. Иностранная литература // Отечественные записки. — СПб. : Типография И.И. Глазунова и компании, 1860. — Т. 129. — С. 10–11.
7. Политическое обозрение // Современник. — СПб. : Типография Карла Вульфа, 1861. — Т. 88, № 8. — С. 435.

НОВЫЕ СТРАНИЦЫ ПЕРЕПИСКИ В.А. ЖУКОВСКОГО И А.П. ЕЛАГИНОЙ

Жилякова Э.М.

Томский государственный университет, профессор

Волков И.О.

Томский государственный университет, аспирант

NEW PAGES FROM CORRESPONDENCE BETWEEN V.A. ZHUKOVSKY AND A.P. JELAGINA

Zhilyakova E.M.

Tomsk State University, professor

Volkov I.O.

Tomsk State University, post-graduate student

В статье дается краткий обзор найденных в Рукописных отделах РГБ и ИРЛИ писем А.П. Елагиной к В.А. Жуковскому. Эти пятнадцать писем призваны дополнить и уточнить картину отношений двух выдающихся фигур русской культуры XIX в., уже целостно представленную в опубликованной обширной переписке (2009).

Ключевые слова: русская эпистолярная культура XIX века, А.П. Елагина, В.А. Жуковский.

The article gives an overview of A.P. Jelagina private letters to V.A. Zhukovsky newfound in Written deposit departments of the Russian State Library and in the Institute of Russian Literature. These 15 letters should seek to complement and make more precise the relationships between the two outstanding people in Russian culture of the XIX century, which was already fully presented in a published comprehensive correspondence (2009).

Key words: Russian epistolary culture of the 19th century, A.P. Jelagina, V.A. Zhukovsky.

Авдотья Петровна Елагина (урожденная Юшкова, в первом браке Киреевская, 1789–1877), племянница В.А. Жуковского, мать двух выдающихся деятелей русской культуры. Необычайно одаренная личность, переводчица и популяризатор русской и европейской эстетической и педагогической мысли, объединившая в 1840-е гг. в своем московском литературном салоне интеллигенцию, представлявшую различные общественные силы России. Елагина была для Жуковского тем духовным центром, вокруг которого крепилось семейное братство и от которого питался его поэтический мир.

Большая часть обнаруженных писем А.П. Елагиной к В.А. Жуковскому относится ко времени 1813–1814 гг., когда в жизни Жуковского развернулась драма, в ходе которой определились его философские, религиозные и эстетические принципы, связанные с толкованием символов «фонаря», «Суринама» и «райского вместе». Именно в этот период произошло сближение Елагиной и Жуковского на основе единства их духовных убеждений.

В истории любви поэта к Маше Протасовой и противодействия Е.А. Протасовой Елагина была самым верным, «вечным истинным другом» для Жуковского [1, с. 26]. Она грозила Е.А. Протасовой уйти в монастырь ради спасения счастья «милого брата» и Маши, разделяла стойкость и веру поэта в возможность его осуществления. Так, письма 1814 г. пронизаны чувством братской солидарности, стремлением не выпускать Жуковского из деятельного круга участия близких к нему людей, активной заботой об организации его поддержки.

Показательны в этом отношении письма Елагиной, посвященные семейству барона И.П. Черкасова, помещика с. Володьково. Черкасов, отец будущих декабристов, был близок к И.В. Лопухину, масону и государственному деятелю, на помощь которого так рассчитывал Жуковский. Жена Черкасова – баронесса Марья Алексеевна, имевшая влияние на Е.А. Про-

тасову, а одна из их дочерей – Елена Ивановна, о которой Жуковский вспоминал с «милой братской привязанностью» [1, с. 41]. По просьбе Жуковского, выказанной в письме от 15 апреля 1814 г. и повторенной в письме конца апреля 1814 г., Елагина сообщила о том, что «баронесса *не совсем* с нашей стороны и по многим причинам говорить не берется. Главная из них та, что без *ведома* Ивана Пет<ровича> ей писать не можно, и в такой важной вещи давать свой совет желала бы вместе с ним» [1, с. 25]. В ранее опубликованном письме (до 5 мая 1814 г.) Елагина спрашивала у Жуковского позволения переговорить с Черкасовыми и предупреждала его о необходимости ждать результатов переговоров. Найденное письмо могло быть прямым приглашением Жуковскому для встречи с Черкасовыми: «Милый Жуковский, прочтите записочку от Баронессы, надеюсь, что Вы согласны завтра к ней, ежели – да, то я завтра рано приеду за Вами в Мишенское, а ежели – нет, то скажите, я объявлю ей, – но я почти уверена, что вы рады будете ее видеть, и так поедете!» [2].

Но когда обстоятельства – железная воля матери Маши и предательство А.Ф. Воейкова – опрокинули эти надежды, Елагина сделала все возможное, чтобы вернуть Жуковскому чувство душевного равновесия, утраченного достоинства, «высокой души и прекрасного сердца» [3, с. 178], чтобы сохранить его для поэзии и России. И чудо свершилось. Переселившись к Елагиной в Долбино, за октябрь – ноябрь Жуковский пишет «кипу баллад», серию стихотворений, послание «Императору Александру»: «Скажу только, что я написал *пять* баллад, три ношу в голове, да еще две такие пьесы готовятся, от которых Феб лопнет» [3, с. 291].

Елагина играла важнейшую роль в восстановлении духовного состояния Жуковского. Поэт писал П.А. Вяземскому 14 ноября 1814 г. из Долбино: «Ты познакомился с Юшковыми – прошу узнать их покороче, чтобы полюбить. Не искать в них блестящей

светскости, но ума и души. <...> Анна Петровна [Зонтаг] так пишет письма и по-русски и, *hélas!* по-французски, как немногие у нас пишут. А ее сестрица (т.е. А.П. Елагина. — *Э.Ж., И.В.*), у которой я теперь проживаю в деревне и которой всякий день читаю то, что напишется, есть для меня самый лучший судья. Женского вкуса не обманешь. Ее письма еще лучше, я всегда читаю их как какое-нибудь лакомство. Чище, живее, быстрее слога быть не может» [3, с. 264]. «Веселость души» Елагиной, как определил ее отличительное качество Жуковский, в сочетании с сердечной привязанностью и преданностью, с тонкостью понимания поэтического дара, определяют содержание и стилистику ее писем. Семейственный мир Муратова-Черни-Мишенского-Долбино, имена детей, близких, друзей, ежедневные будничные заботы — все это в письмах соткано в единую живую ткань, дававшую Жуковскому чувство кровной связи с родным краем и питававшую его духовную крепость.

Письма Елагиной к Жуковскому, воспроизводящие обычный мир, таят в себе поэзию и разыгрываются как музыкальное произведение. Хорошо это видно на примере обнаруженного письма от 31 мая 1814 г.: «Для праздника скажете ли Вы мне, друг, что-нибудь хорошенькое? Скажите, пожалуйста; а мне очень бы нужно оно было, все это время у меня на душе много, много было грусти, всяких колеров и манер. Но первое июня о грусти не говорят! Скажу Вам лучше, что моей Машке гораздо легче, что ее болезнь, кажется, совсем прошла, что она Вас целует, что мальчишки оба обнимают крепко, а мать их любит Вас столько, сколько любить возможно. Вдобавок скажу Вам еще, что подле меня сидит Анна Андреевна, разбирает целую тяжбу об овце и жеребенке. — Еще можно сказать и то, что 12 уже пробил и что укладываться в постелью хорошо тому, кто несколько ночей не спал с ужасным беспокойством; и так прощайте; желаю вам покойной ночи, приятного сна (хотя это немного не ново, но годится) — а больше еще хорошего дня, хороших дней, счастливых дней, долгих дней счастливых! Аминь!» [4].

В отношениях Елагиной и Жуковского есть особый пласт, связанный с поддержкой молодых талантов. Каждый раз она обращается за помощью к Жуковскому. В 1826 г. Елагина рекомендует своему «бесценному другу» А.И. Кошелева, который «служит в Иностранной Коллегии», живет у вас в Петербурге, занимается редакцией Английских газет для Императора, умен, мил, основательно учен, деятелен» [1, с. 291]. В этом письме выстроена программа приобщения молодого таланта к большим проблемам российской истории и жизни через сердечное отношение великого поэта. Известно участие Елагиной в судьбе Н.М. Рожалина, с рекомендательными письмами к Жуковскому от Елагиной явился целый ряд молодых людей: С.П. Шевырев, В.П. Титов, И.С. Мальцов — в этом проявлялась забота о престиже и славе Московского университета и будущего русской науки.

В неизданном письме (из фондов ИРЛИ) от января-февраля 1829 г. Елагина снова обращается к Жуковскому: «Хоть досадно видеть Шиллера, не Вашею рукою переведенного, но Вы, душа моя, не оскорбитесь этим приношением восторженного юноши. Дельвиг Вам скажет, хорош ли перевод и стоит ли Вашего внимания, но я скажу, что переводчик <заслуживает>

благостного взгляда Вашего. Молодой человек, слишком пылкий, слишком неопытный, по страсти женат на княжне Гагариной, есть у них ребенок — а отец ее не прощает, потому что он не дворянин, и ничего не имеет, как о деньгах вообще говорится. Вам я все это сказываю, для того, чтобы Вы потрудились ласково отвечать ему, Ваша записочка, лучше всякой анчанной зари, сделает его счастливым надолго» [5].

Речь в письме идет об А.Г. Ротчеве, воспитаннике Московского университетского пансиона, русском писателе и будущем путешественнике. В 1829 г. он переводит две трагедии из Шиллера: «Вильгельм Тель» и «Мессинская невеста». Экземпляр последней книги в кожаном красном переплете, с золотым тиснением и золотыми обрезами под № 20608 хранится в библиотеке В.А. Жуковского. «Вильгельм Тель» отсутствует, хотя именно такой экземпляр хранится в библиотеке А.В. Никитенко (под № 23404). За перевод этих двух трагедий Ротчев 15 марта 1829 г. был избран действительным членом Общества любителей Российской словесности. Ответ Жуковскому на письмо Елагиной последовал 14 июля 1829 г. из Петербурга: «Приложенное письмо отдайте Ротчеву. Да напишите адрес: я не знаю, как его имя прозаическое, мне известно одно поэтическое» [5, с. 337].

Другое новое письмо (ОР РГБ), датированное 29 января 1840 г., связано с начальным этапом осуществления плана Жуковского, предпринятого им для А.П. Елагиной. В письме от 22 ноября 1839 г. она пожаловалась Жуковскому на трудности жизни и попросила «достать работу» [5, с. 452]. И уже 7 декабря Жуковский предложил А.П. Елагиной и ее сестре (А.П. Зонтаг) план, который, как она писала, «заставил вскрикнуть от радости»: «я очутилась в кругу деятельном, писательном и бесконечном» [5, с. 452]. Жуковский предложил сестрам заняться переводом детских сказок для «Библиотеки народных сказок». Предполагалось, что работа будет состоять из трех отделений: «1-е. Из Русских сказок. 2-е. Из сказок европейских народов: Немецких, Французских, Английских, Итальянских и других. <...>. 3-е. Из сказок Восточных народов: тысяча одной ночи, тысячи одного дня и другие» [5, с. 457].

В обнаруженном письме Елагина, поздравив поэта с днем рождения и сообщив, о том, что у нее будет обедать Гоголь, с присущим ей деятельным энтузиазмом переходит к практическому вопросу о плане переводов. Горячо поддерживая этот проект и оценивая его как доказательство самобытности и значимости русских и славян в истории, она не разделила славянофильской сосредоточенности на исключительно славянском материале и высказывала широкий европейский взгляд на значение мирового фольклора в становлении цивилизации и культуры.

Предлагаемая Жуковским работа корнями уходит к 1816 г., когда в письме к А.П. Зонтаг он излагал для «Анеты, Дуняши и Като» свой план по собиранию русских сказок и преданий [3, с. 512]. В 1826 г. выходят переводы Жуковского сказок Ш. Перро, еще более знаковым стал 1831 г. — «новый период фольклорного творчества» [6]. Этот год ознаменовался первыми «Сказками» А.С. Пушкина, «Сказками» Жуковского, «Вечерами на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя. Елагина полностью разделяла широкий взгляд Жуковского на проблему соотношения фольклора и литературы в контексте мировой культуры. В письме, напи-

санном после 17 февраля 1840 г., перечислив все найденные ею источники «Тысячи и одной ночи», она записывает: «Если бы делать *ученое* издание, то можно бы многое отыскать и уладить. Напр<имер>, сказки наши и *всех* народов совершенно одни и те же по содержанию, но *местность* придает каждому народу свой особенный колорит, и любопытно бы сличить их все вместе и издать как бы варианты одна другой» [1, с. 461].

Елагина спрашивает Жуковского: «Переводить ли мне 1001 ночь? и что мне делать?» [7]. Поэт ответил ей в несохранившемся послании, но из другого известного письма Елагиной от 7 декабря 1839 г. можно уяснить многие черты его ответа. На первый раз Жуковский предлагал перевести «Тысячу и одну ночь» и «рекомендовал обращаться сразу к французскому, немецкому, английскому и старому русскому переводам» [8].

Таким образом, найденные письма углубляют представления о характере духовной дружбы Жуковского и Елагиной, основанной на чрезвычайной личной привязанности друг к другу, на близости их нравственно-философских и эстетических взглядов. В скором времени весь корпус выявленных писем будет

подготовлен к печати в сопровождении научного комментария.

Исследование проведено в Томском государственном университете за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00083 «Русская эпистолярная культура первой половины XIX века: текстология, комментарий, публикация»).

Литература

1. Переписка В.А. Жуковского и А.П. Елагиной: 1813–1852 / сост., подгот. текста, ст. и коммент. Э.М. Жильяковой. – М.: Знак, 2009.
2. ОР РГБ. Ф. 104. К. 7. № 13. Л. 8.
3. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. – М.: ЯСК, 2018. – Т. 15: Письма 1795–1817-х годов.
4. ОР РГБ. Ф. 104. К. 7. № 14. Л. 10–10 об.
5. ОР ИРЛИ. № 28041. Л. 1.
6. Азадовский М.К. Источники сказок Пушкина // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. – М.; Л.: АН СССР, 1936. – Вып. 1. – С. 135.
7. ОР РГБ. Ф. 104. К. 7. № 42. Л. 3 об.
8. Грузинский А.Е. Примечания <к письму В.А. Жуковского от 17 февраля 1840 г.> // Уткинский сборник: письма В.А. Жуковского, М.А. Мойер и Е.А. Протасовой / под ред. А.Е. Грузинского. – М., 1904. – С. 65.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ОБРАЗ МИРА КОМЕДИИ А.С. ГРИБОЕДОВА «ГОРЕ ОТ УМА» В ПОСТАНОВКЕ О. МЕНЬШИКОВА

Калашникова Т.Г.

Томский государственный университет, студент

THE MUSICAL IMAGE OF THE WORLD IN THE COMEDY BY A.S. GRIBOEDOV, "WOE FROM WIT", DIRECTED BY O. MENSNIKOV

Kalashnikova T.G.

Tomsk State University, student

Исследование посвящено проблеме театральной рецепции классической литературы на материале комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» в постановке О. Меньшикова. В работе анализируются особенности музыкального плана текста через сравнение оригинального произведения и его сценической реализации.

Ключевые слова: рецепция, музыкальный образ, спектакль.

The present paper is devoted to the problem of theatrical reception of classical literature, the main object is A.S. Griboedov's comedy "Woe from Wit", directed by O. Menshikov in 1998. The paper considers analysis of some peculiarities of the musical theme in the original text and the performance.

Key words: reception, the musical image, a play.

Научный руководитель:
Генина Нинель Евгеньевна,
канд. филол. наук.

Проблема рецепции произведений классической литературы в других видах искусства остается актуальной, поскольку в процессе этой рецепции каждый раз возникает вопрос переложения средств художественной выразительности одного вида искусства в другой. В данном исследовании будет рассмотрена рецепция классического текста комедии А.С. Грибоедова в постановке О. Меньшикова «Горе от ума» 1998 г. В центре внимания этого исследования — музыкальное оформление спектакля, которое формирует второй план текста и позволяет символически подчеркнуть основной сюжет текста.

Тема музыки в комедии А.С. Грибоедова далеко не основная, в тексте не очень много прямых обозначений музыки и звуков. В авторских ремарках и в речи героев в основном упоминается шум. Непосредственное обозначение музыки в тексте встречается всего два раза: ремарка действия 1, явления 1: «Гостиная, в ней большие часы, справа дверь в спальню Софии, откуда слышно фортопиано с флейтой, которые потом умолкают...» [1, с. 8]; действие 3, явление 22 (после монолога Чацкого «Французик из Бордо»): «Оглядывается, все в вальсе кружатся с величайшим усердием. Старики разбрелись к карточным столам» [1, с. 107]. Кроме этих двух ремарок музыка в тексте обозначается только косвенно. Это может быть упоминание пения персонажей, музыкальных инструментов (фортепиано, флейта), а также танцев (вальс на балу).

Ю.М. Лотман в работе «Беседы о русской культуре» в главе «Бал» рассматривает понятие танца: «Вальс создавал для нежных объяснений особенно удобную обстановку: близость танцующих способствовала интимности, а соприкосновение рук позволяло передавать записки» [2].

Таким образом, тема танца привносит с собой в текст комедии дискурс отношений мужчины и женщины. Также в тексте Грибоедова танец приобретает семантику социальных отношений в целом. О социальном значении бала в работе «Бал в истории русской

культуры» А.В. Колесникова говорит следующее: «бал представлял собой: инструмент сигнификации социальных отношений и структуры российского общества, содействующий оптимизации коммуникативной системы; способ презентации культурных ценностей различных сословий и организации эстетического пространства российской культуры» [3]. Таким образом, бал — это социальная модель отношений между личностями, форма игры, которая, с одной стороны, стирает границы между людьми и позволяет перенести роль в социальной модели бала в реальные отношения: получить должность при знакомстве с важным гостем бала («частенько там/Мы покровительство находим, где не метим» [1, с. 72]) или составить хорошую партию для замужества; с другой стороны, бал — это интерактивная игра на усвоение в первую очередь дебиантами модели поведения в обществе. Музыка в комедии — это не только проявление чувственного начала любви в противовес рациональному дискурсу ума, но и прием моделирования отношений между героями сложного общества. Так, через музыкальную тему мы можем увидеть, что до финального «Карету мне, карету!» Чацкий уже оказывается исключенным из системы отношений фамусовского общества: «оглядывается, все в вальсе кружатся с величайшим усердием. Старики разбрелись к карточным столам» [1, с. 107]. Музыкальная ремарка исключает Чацкого из системы отношений, объединяя остальных персонажей. Эта ремарка важна еще потому, что именно она дает основу всему музыкальному сопровождению спектакля «Горе от ума» в постановке О. Меньшикова — в качестве основной музыкальной темы выбран вальс.

Главная вальсовая тема в спектакле принадлежит Чацкому. Музыкальная тема изменяется в зависимости от характера речи героя, она сопровождает не только речь героя, но иногда и упоминание о нем другими персонажами.

В тексте А.С. Грибоедова присутствует упомина-

ние различных немusыкальных звуков – шума («Стучится к Софии» [1, с. 8]; «Что, Лиза, на тебя напало?/Шумишь...» [1, с. 12] и пр.), отдельное звучание инструмента, однако, в спектакле этого нет, в постановке присутствует только мелодия без шумов, либо какофония, либо полное отсутствие музыки. Свое индивидуальное сопровождение есть у каждой любовной линии: эпизоды отношений Софии и Молчалина сопровождаются темой звона часов – мелодия, которая возникает из звуков боя часов в начале первого действия. Сложные любовные отношения, которые можно обозначить схемой: Чацкий – София – Молчалин – Лизанька сопровождаются какофонией (сон Софии, сцена падения Молчалина с лошади, сцена объяснения Молчалина с Лизанькой, вынужденное объяснение с Софией в присутствии Чацкого), такая музыкальная дисгармоничность предвещает несчастливое завершение любовного сюжета.

И последний важный аспект музыкального сопровождения спектакля – это отсутствие музыки ради звучания текста. Сцена распространения слуха о безумии Чацкого проходит без сопровождения. Затем в полной тишине О. Меньшиков читает монолог «не образумлюсь... виноват...» [1, с. 135], но на словах «Бе-

зумным вы меня прославили всем хором...» звучит финальная тема Чацкого, под которую он с достоинством уходит в глубину сцены. Можно предположить, что отсутствие музыки в ключевых сценах спектакля необходимо для концентрации внимания зрителя на тексте. Но значение данный прием в этих эпизодах приобретает разное. В сцене распространения слуха показана бессвязность и отсутствие мысли в речи фамусовского общества, а монолог Чацкого звучит в тишине, т.к. он осмыслен героем и не нуждается в техническом усилении.

Таким образом, несмотря на то, что спектакль О. Меньшикова не абсолютно соответствует тексту А.С. Грибоедова, он не только не нарушает целостность первоисточника, но благодаря грамотному музыкальному оформлению спектакля текст комедии А.С. Грибоедова начинает «звучать» на сцене.

Литература

1. Грибоедов А.С. Горе от ума. – М. : Э, 2018.
2. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре : быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). – СПб. : Искусство, 1994. – 484 с.
3. Колесникова А.В. Бал в истории русской культуры : автореф. дис. ... канд. культурологии. – СПб., 1999.

РОЛЬ ЖИВОПИСНОЙ АЛЛЮЗИИ В ПОЭТИКЕ РОМАНА «ОБРЫВ» И.А. ГОНЧАРОВА: ПОРТРЕТ ВЕРЫ

Киреева К.Г.

Томский государственный университет, студент

THE ROLE OF THE PICTURESQUE ALLUSION IN THE POETICS OF THE NOVEL "THE PRECIPICE" BY I.A. GONCHAROV: PORTRAIT OF VERA

Kireeva K.G.

Tomsk State University, student

В данной статье рассматриваются живописные аллюзии, представленные в тексте романа И.А. Гончарова «Обрыв», их источники, а также роль в формировании образа главной героини произведения.

Ключевые слова: аллюзия, экфрасис, живопись, образ.

This article discusses the picturesque allusions presented in the text of the novel by I.A. Goncharov "The Precipice", their sources, and a role in shaping the image of the main character of the novel.

Key words: allusion, ekphrasis, painting, image.

Научный руководитель:

Кожевникова Анна Геннадьевна, канд. филол. наук.

Одной из центральных проблем современной филологической науки является изучение взаимодействия литературы с другими видами искусств. Творческое наследие И.А. Гончарова репрезентативно в этом отношении: не случайно одно из самых свежих терминологических определений эстетики автора — понятие «живописания» [1]. В тексте «Обрыва» эта эстетическая система реализована через восприятие героя-художника Райского: через призму творчества им осмысливается и Вера, образ которой обрастает множественными живописными ассоциациями.

Так, одна из самых очевидных живописных аллюзий — целостное заимствование сюжета картины Яна Вермеера ван Дельфта «Девушка, читающая письмо у открытого окна». Образ и мотив письма играет значительное место в романе, записки от возлюбленного вызывают у героини сильное душевное переживание. В связи с этим в тексте возникает мотив духовоты, передающей эмоциональное состояние героини, которой становится *душно* от письма. Эмоции Веры в тексте передаются через мотив болезни, которую отмечает Райский в ее поведении: «“Вера, мне страшно с тобой, ты... нездорова!” <...> Лицо бледное, исхудалое, глаза блуждали, сверкая злым блеском, губы сжаты» [2, с. 574]. Она — отражение в оконном стекле на полотне Вермеера: изъеденная горем старуха (неслучайно Вера читает письмо у открытого окна, что, с одной стороны, соотносится с полотном Вермеера, а с другой, оконная рама здесь выступает своеобразным символом рамы портретной). Ее поступок ассоциируется с грехом, и в качестве символа оба автора используют аллегорию запретного плода: у Вермеера яблоки помещены на первый план, и именно на этом иносказании выстроена сцена знакомства Веры и Марка в саду. Показательно, что таинственность Веры в сознании Райского тесно связана с живописным образом ночи. Он говорит о ней: «<...> вся — мерцание и тайна, как ночь — полная мглы и искр, прелести и чудес!...» [2, с. 288]. Все это — аллюзия на полотно Антонио Аллегри «Поклонение пастухов» («Святая ночь»). Совершенный героиней греховный поступок приводит к ее «падению», случайным свидетелем которого стано-

вится Райский. В его шокированном воображении рождается образ «возносящейся» Веры: «тихо поднимался со дна пропасти и вставал перед ним образ Веры в такой обольстительной красоте» [2, с. 622]. И во время путешествия Райского сестра видится ему в фигурах Бартоломе Эстебана Мурильо, одним из известнейших полотен которого является «Вознесение Мадонны». Мурильо «изображает мадонну с позиции зрителя, стоящего внизу, то есть показывает ее как бы удаляющейся от нас с поднятой рукой и глазами, обращенными к небу» [3] — и с этой же позиции Райскому рисуется Вера. Она видится ему статуей, вознесенной на пьедестал: «Вера <...> всегда была на первом плане, точно поставленная на пьедестал...» [2, с. 301]. Контрастность работы Мурильо соотносится с образом ночи и фигурой Веры, облитой лунным светом. За духовным падением следует раскаяние, при этом вербально эмоции Веры переданы живописно и пластично: «Глаза у ней были, казалось, заплаканы, нервы видимо упали, движения были вялы, походка медленна» [2, с. 595]. Метания Веры вызывают ассоциации с «Кающейся Марией Магдалиной» Тициана Вечелли: «К вечеру второго дня нашли Веру сидящую на полу, в углу большой залы, полуодетую» [2, с. 672].

Попытки Райского понять сестру выливаются в сцену написания финального портрета Веры. Новая красота девушки поражает художника: «Томная печаль, глубокая усталость смотрела теперь из ее глаз. <...> Кротость и грусть тихо покоились на ее лице, и вся стройная фигура ее была полна задумчивой, нежной грации и унылого покоя» [2, с. 711]. Он стремится запечатлеть ее естественный образ: «Делай какие хочешь движения, гляди куда хочешь или не гляди вовсе — и забудь, что я тут» [2, с. 712]. Его мастерство позволяет понять правду чувства Веры, но в душе девушки есть некая сила, которая не подвластна кисти Райского. Взгляд Веры живой, и Райский, не способный передать его, изображает Веру спящей, говоря: «Да, это была дерзость рисовать ее взгляд, в котором улегалась вся ее драма и мой роман. Здесь сам Грёз положил бы кисть» [2, с. 714]. В образе спящей Веры

— аллюзия на «Спящую Венеру» Джорджоне де Кастельфранко. На полотне богиня предстает перед зрителем в естественной среде, расслабленная и погруженная в сон. То же происходит и с Верой: она больше не представляется статуей, возведенной на пьедестал. Мир вокруг героинь погружен в тишину; Джорджоне передает это при помощи композиции, Гончаров же — через бессловесность сцены. В пространстве всего текста романа Райский не раз подчеркивает таинственность Веры, «магические» черты, присущие ее образу; она видится ему идеалом красоты, и это порождает в его сознании ассоциации с «Сикстинской Мадонной» Рафаэло Санти. И в сцене написания портрета Веры живописная аллюзия на это полотно выступает отчетливее всего. В.А. Жуковский писал в своем эссе о Мадонне: «В глазах ее нет блистания <...> но в них есть какая-то глубокая, чудесная темнота; в них есть какой-то взор, никуда особенно не устремленный, но как будто видящий необъятное» [4]. Схоже это с описанием взгляда Веры: «ее задумчивого, ни на что не смотревшего, но глубокого, как бездна, говорящего взгляда» [2, с. 714]. Глубина взгляда девушки не раз подчеркивалась в тексте романа («глаза *темные*, точно *бархатные*, взгляд *бездонный*»), словно ей

доступно знание, скрытое от других персонажей.

Итак, образ Веры в романе строится на множестве живописных аллюзий, введенных в текст благодаря особому мироощущению Райского, который «свои художественные требования переносит на жизнь и на последнюю смотрит почти исключительно с эстетической точки зрения» [5]. Способность Райского поэтизировать жизнь позволяет осмыслить эстетику Гончарова в аспекте живописности и поставить проблему взаимодействия жизни и искусства на философском уровне.

Литература

1. Павлович К.К. Живописание в книге И.А. Гончарова «Фрегат» Паллада» (эстетика и поэтика) : дис. ... канд. филол. наук. — Томск, 2018. — 235 с.
2. Гончаров И.А. ПССиП в 20 томах. — СПб. : Наука, 2004. — Т. 7.
3. Шапиро Ю.Г. По Эрмитажу без экскурсовода. — Л. : Аврора, 1972. — 68 с.
4. Жуковский В.А. ПССиП : в 20 т. — М. : Языки славянских культур, 2012. — Т. 12. — С. 344.
5. Ляцкий Е. Гончаров. Жизнь, личность, творчество. Критико-биографические очерки. — СПб. : Огни, 1912. — 324 с.

ПИСЬМА Н.М. КАРАМЗИНА К В.А. ЖУКОВСКОМУ: ОБЗОРНЫЙ КОММЕНТАРИЙ

Кожевникова А.Г.

Томский государственный университет, старший преподаватель

N. M. KARAMZIN'S LETTERS TO V.A. ZHUKOVSKY: REVIEW COMMENT

Kozhevnikova A.G.

Tomsk State University, senior lecturer

Статья посвящена рассмотрению 14 писем Карамзина к Жуковскому как единого эпистолярного текста. Предпринимается попытка систематизировать документы и определить их историко-культурное значение.

Ключевые слова: русская эпистолярная культура XIX века, Карамзин, Жуковский.

The article is dedicated to analysis of 14 Karamzin's letters to Zhukovsky as a unified epistolary text and deals with an attempt to systemize these documents in order to reveal their significant cultural and historic meaning.

Key words: Russian epistolary culture of the 19th century, Karamzin, Zhukovsky.

Судьба переписки Н.М. Карамзина и В.А. Жуковского сложилась драматично: из, по всей видимости, обширного эпистолярия до наших дней сохранилось всего 14 писем Карамзина к Жуковскому и 1 ответное письмо Жуковского Карамзину. Вероятно, ранние личные документы Карамзина сгорели вместе с его библиотекой в пожаре 1812 г., судьба же более поздних посланий, как и участь ответных писем Жуковского, остается загадкой. Корпус сохранившихся писем Карамзина в целом представляет собой амбивалентное собрание: с одной стороны, очевидна определенная степень дефектности данного эпистолярия, что связано с целым рядом факторов, среди которых хронологическая неравномерность, отсутствие ответных писем, проблемы текстологического характера. С другой же стороны, благодаря достаточно обширной базе историко-литературного материала, включающей в себя, прежде всего, сохранившиеся письма Карамзина И.И. Дмитриеву и Е.А. Карамзиной, мощный исследовательский аппарат наследия Жуковского, архивы князей Вяземских, эти письма парадоксально прочтываются как единый целостный текст.

Ощущение целостности возникает здесь не только и не столько после реконструкции контекста, оно рождается из самого посыла карамзинских писем, адресованных Жуковскому. Уже при первом приближении к тексту видно ключевое настроение посланий Карамзина: это дружеские *ответные* (курсив мой. — А.К.) письма, сконцентрированные вокруг основных тем: семья, дружеское участие и помощь. Несомненно, письменный диалог Карамзина и Жуковского перемежался и постоянно соседствовал с непосредственным личным общением: дружба, возникшая между писателями в 1803 г., продолжалась вплоть до смерти Карамзина в 1826 г., а с семьей Карамзина Жуковский поддерживал связь и после этого. Упоминание имени Карамзина и членов его семьи в дневниках и эпистолярии Жуковского (не случайно эта фамилия — одна из самых частотных в письмах поэта 1795–1817 гг. и комментариях к ним [1, с. 1037–1038]), постоянная фиксация имени Жуковского и общего близкого дружественного круга в переписке Карамзина подкрепляют и усиливают неразрывный характер глубинной связи сохранившихся 14 карамзинских писем Жуковскому.

При попытке упорядочить эти документы выстроилась следующая внутренняя логика, основанная на принципах тематико-хронологического деления. Письма распадаются на 3 условных блока:

- 1) пять писем 1800-х гг. (с осени 1804 г. до февраля 1807 г.);
- 2) два письма первой половины 1810-х гг. (июнь 1811 г., июль 1813 г.);
- 3) семь писем второй половины 1810-х гг. (с августа 1816 г. по март 1818 г.).

Первые письма Карамзина к Жуковскому обладают совершенно особым говорящим характером: это ответные краткие (от 2 до 5 предложений) преимущественно не датированные послания без подписи и адреса. Содержание писем сводится к сообщениям семейных новостей (рождение дочери Натальи 30 октября 1804 г., болезнь отца жены Карамзина А.И. Вяземского, ухудшение здоровья И.П. Тургенева): именно эта фактографическая основа позволяет установить датировку. При этом внешняя отрывочность раскрывает внутреннюю суть взаимоотношений Карамзина и Жуковского в тот период, который можно с полной уверенностью назвать временем установления прочной дружбы и взаимной симпатии. Дело в том, что первая основательная встреча Карамзина и Жуковского произошла весной 1803 г., когда молодой Жуковский по приглашению самого Карамзина (при помощи Е.А. Протасовой¹) прожил 2 недели вместе с ним в имении Свирлово, куда Карамзин скрылся от света, переживая смерть первой жены Елизаветы Ивановны, урожденной Протасовой. Автор основательной статьи о роли семейства Протасовых в жизни Карамзина и Жуковского О.Е. Плаголева отмечает: Жуковский «как молодой родственник любимой жены как никто другой подходил ему в тот момент в качестве собеседника. Чрезвычайно чувствительный <...>, Жуковский

¹ Из письма Жуковского Е.А. Протасовой: «<...> я еду на целый месяц в Свирлово жить вместе с Николаем Михайловичем. Вообразите, какое блаженство, и порадитесь вместе со мною. Его знакомство для меня — счастье, и, верно, мой добрый дух сказал Вам, чтобы Вы послали меня с письмом к нему: без того я бы к нему от своей глубокой застенчивости не поехал» [1, с. 14].

мог разделить горечь утраты, <...> по-семейному обсудить неудачное сватовство Карамзина и его хлопоты по наследству жены. Именно тогда Жуковский обретает в лице Карамзина друга и наставника на долгие годы» [2]. Одним словом, краткие записки первого периода — это одновременно следствие и продолжение дружеского участливого диалога.

Точно такое же ощущение непрерывающегося общения, несмотря на лауну в переписке Карамзина и Жуковского с 1807 до 1811 гг., слышится в письмах от 15 июня 1811 г. и 10 июля 1813 г. Почти мистическим образом эти два сохранившиеся письма обрамляют трагические события 1812 г. Так, письмо Карамзина от 15 июня 1811 г. — его ответ на сообщение Жуковского о смерти матери: «От глубины сердца изыскваю участие в вашей горести. Одно время утешит вас: а друзья могут только плакать с вами. Жалею искренно, что вы от нас далеко. Мы сострадаем и беспокоимся. Напишите хотя строчку. Бескорыстно желаем, чтобы вы поискали рассеяния в Москве: деревня представляет вам более мучительных воспоминаний. Нежно вас обнимаю. Жена моя чувствует одно со мною» [3]. В письме же от 10 июля 1813 г. из Остафьево Карамзин фиксирует целый комплекс переживаний: «Сердечно благодарю Вас за дружеское письмо, любезный Василий Андреевич. Горесть наша велика. Бог знает, что и для чего делает. Да будет Его святая воля! Между тем я не то, что был. Душа более и более темнеет. Истерзанный потерями, опасаясь наслаждаться и остальным» [4, л. 12]. По характеру текста понятно, что в более раннем (не дошедшем до нас) письме Карамзин уже сообщил Жуковскому о трагических событиях: речь идет о смерти старшего сына Андрея, который после продолжительной изматывающей болезни скончался в мае 1813 г. во время вынужденного пребывания семейства Карамзиных в Нижнем Новгороде, и о потере еще не рожденного ребенка. Месяцем ранее Карамзин писал И.И. Дмитриеву: «Грустно, тошно. Я плакал дорогою: плакал и здесь, смотря на развалины. Москвы нет: остался только уголок ее. Не одни дома сгорели: самая нравственность людей изменилась в худое, как уверяют. Заметно ожесточение; видна и дерзость, какой прежде не бывало» [5]. В письме Жуковскому не случайно возникает емкое определение Карамзина «истерзанный потерями», в котором, думается, ощущением личной трагедии смыкается с осознанием национальной катастрофы.

Несомненно, самый обширный материал представляют собой письма Карамзина 1816–1818 гг. На фоне предыдущего эпистолярного эти письма выделяются преимущественно приподнятым настроением автора, что объясняется, по крайней мере, двумя причинами: во-первых, весной 1816 г. Карамзин получил согласие императора на издание «Истории государства Российского» и в течение следующих двух лет истово занимался своим детищем, а во-вторых, в этот же период пребывания в Петербурге (начало февраля — конец марта 1816 г.) Карамзин близко познакомился с арзамасцами и был совершенно ими очарован [6]². Арзамасская риторика показательна входит в эпистолярный Карамзина как еще один знакомый язык общения с Жуковским, наряду с языком чувства и переживания. Тон писем заметно оживляется: «Арзамасцы собираются и спрашивают друг у друга: где Светлана? Не знают и хмуруют брови. Уста безмолвствуют: говорит только сердце, что Светлана едва ли светла душою

в отсутствии. Шутки в сторону: напишите ко мне о вашем житье-бытье, расположении духа, замыслах» [7, стлб. 1383–1385] (письмо от 10 августа 1816 г.), «Приветствую Вас в келье: надеюсь, что и музы уже Вас там приветствовали. Дайте знать о следствиях Вашего с ними свидания. Искренно могу сказать, что всякое новое изящное произведение Светланы меня порадует. В самом деле, место прекрасно для вдохновения. Куда ни взглянешь, все старо и болтливо для воображения *чу!* NB. Это *чу* есть здесь прилагательное, г учитель! Прошу менее тосковать о минувшем, а более веселиться настоящим» [4, л. 14] (письмо от 1 ноября 1817 г.).

В письмах этого периода отчетливо выявляется сюжетная линия, связанная с общностью литературных занятий Карамзина и Жуковского: помимо Арзамаса, их объединяет и масштабный труд самого Карамзина («Не худо, если бы Вы сказали мне, что Вам именно полюбились и не полюбились в моей истории» [4, л. 14]); подготовка альманаха «Für wenige», о котором, судя по письму Карамзина от 11 марта 1818 г. [4, л. 19–20]³, советовался Жуковский; общий круг чтения дополняется Гердером и переводом А.Ф. Воейкова «Сады, или Искусство украшать сельские виды». Вместе с тем тон дружеского участия не исчезает: Карамзин в письме от 18 февраля 1817 г. пытается приободрить Жуковского («Поздравьте от нас любезных молодых и почтенную Катерину Афанасьевну; а мы вас поздравляем как Геркулеса, избравшего истинный, добрый путь. Сердцу бывает легко в таких случаях, и горизонт будущего светлеет в глазах, омоченных слезою великодушной жертвы. Обнимаю моего друга Жуковского!» [7, стлб. 1385–1386]), пережившего расставание с Машей Протасовой, которая в январе того же года вышла замуж за И.Ф. Моейра. Симптоматично, что два последних письма Карамзина в связке с единственным известным письмом Жуковского образуют собой общее диалогическое пространство, в котором на первый план вновь выходит язык чувства. В ответ на веселое и бодрое письмо Карамзина от 1 ноября 1817 г. Жуковский 8 ноября вынужден сообщить печальную новость о смерти маленького сына П.А. Вяземского [1, с. 555–556] («Что Вам сказать от отца и матери? К несчастью, Вам слишком знакомо теперешнее их положение»), и Карамзин на лету подхватывает этот посыл: «Вы угадали наши чувства, любезнейший, по случаю внезапной для нас кончины доброго Митеньки» [4, л. 19].

Своеобразие писем Карамзина к Жуковскому определяется, вероятно, схожестью их человеческой природы: буквальный феномен внешней недосказанности, разорванности восполняется и компенсирует-

² Полное представление о всех перипетиях пребывания Карамзина в Петербурге в томительном ожидании аудиенции с императором передает его переписка с женой, которой Карамзин регулярно отправляет письма-отчеты. В этих посланиях он не раз упоминает Арзамасское общество: «Здесь из мужчин всех любезнее для меня Арзамасцы: вот истинная Русская академия, составленная из молодых людей умных и с талантом! Жаль, что они не в Москве или не в Арзамасе», «Сказать правду, здесь не знаю ничего умнее Арзамасцев: с ними бы жить и умереть» [6, с. 160, 167].

³ В автографе в указании года описки Карамзина.

ся единым пространством диалога душ. С этой точки зрения символично и последнее письмо Карамзина Жуковскому со словами «Надо ли говорить, что мы любим Вас двое?» и лаконичная запись «Карамзин» в дневнике Жуковского о смерти друга, когда «молчание понятно говорит».

Исследование проведено в Томском государственном университете за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00083 «Русская эпистолярная культура первой половины XIX века: текстология, комментарий, публикация»).

Литература

1. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. – М., 2018. – Т. 15.
2. Глаголева О.Е. «Кто ж родные?» Роль семьи Протасовых в жизни и творчестве В.А. Жуковского и Н.М. Карамзина // Жуковский: Исследования и материалы. – Томск, 2010. – Вып. 1. – С. 134.
3. РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1. № 109. Л. 1.
4. РО ИРЛИ. № 28033.
5. Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. – СПб. : Изд. Я. Грот и П. Пекарский, 1866. – С. 174.
6. Неизданные сочинения и переписка Н.М. Карамзина. – СПб., 1862. – Ч. 1. – С. 141–182.
7. Русский архив. – 1869. – Кн. 2. – № 9.

БЫТОВАНИЕ ЖАНРОВ НОВОГОДНЕЙ СЛОВЕСНОСТИ В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ XIX В.

Козлова Я.О.

Новосибирский государственный университет, аспирант

THE EXISTENCE OF GENRES OF NEW YEAR LITERATURE IN THE PERIODICAL PRESS OF THE XIX CENTURY

Kozlova Y.O.

Novosibirsk State University, post-graduate student

Исследуется функционирование жанров новогодней словесности, восходящей к рассказам святочного цикла. Прослеживается становление, бытование и постепенное «затухание» жанров этой группы. Материалом исследования послужили выпуски периодических изданий XIX в., приуроченные к праздникам зимнего цикла.

Ключевые слова: новогодняя словесность, святочный рассказ, календарные жанры, периодическая печать.

The article examines the function of genres of new year literature, which is being a variant of the Yuletide greetings. The formation, existence and slowly disappear of genres of this group is traced. The empiric base of the research is editions of magazines XIX century dedicated to the holidays of the winter cycle.

Key words: new year literature, yuletide story, calendar genres, periodical press.

*Научный руководитель:
Синякова Людмила Николаевна,
докт. филол. наук, доцент.*

Начиная с 30-х гг. XIX в. в периодических изданиях, как и в русской отечественной литературе, наблюдается возрастание интереса к календарной словесности, включающей в себя произведения, темой которых является приуроченность к конкретному времени года или празднику и воссоздание соответствующей обрядности. Несмотря на то что особой популярностью пользовались святочные тексты, жанры новогодней словесности, которую мы вслед за Е.В. Душечкиной определяем как вариант словесности святочной, также не были забыты авторами, сотрудничавшими с передовыми газетами и журналами на протяжении всего столетия [1].

Новый год – гражданский, светский праздник – начал входить в святочный цикл лишь после указа Петра I от 1699 г., согласно которому менялся порядок летоисчисления (отсчет времени от Рождества Христова, а не от сотворения мира) и переносилась дата наступления Нового года с 1 сентября на 1 января. Первый «зимний» светский Новый год царь приказал праздновать на широкую ногу сообразно своей натуре. Следовало начинать встречать праздник «в полночь не только торжественным молебствием с колокольным звоном, но и пушечной и ружейной пальбою» [2]. По особому императорскому распоряжению для создания праздничного настроения «именитые люди» должны были богато украшать проезжие улицы и дома еловым, сосновым или можжевельным лапником, размещать вблизи жилищ и государственных учреждений хвойные деревья, «а людям скудным хотя по древу или ветви над воротами или над хороминами своими поставить» [2].

Однако насаждаемые Петром I традиции приняты не были – высшее сословие заинтересовалось елкой только в начале XIX в. На это повлияли, в частности, увлечение немецкой философией и знакомство с повестями Э.Т.А. Гофмана «Щелкунчик и Мышиный король» (1816) и «Повелитель блох» (1822), действие которых разворачивается в рождественскую ночь и

сюжетно связано с такой деталью, как наряженная праздничная елка. Крестьяне же вплоть до начала XX в. и вовсе не стремились включать елочные забавы в привычный праздничный ритуал. «Крестьянские дети видели елку только в том случае, если господа приглашали их к себе на праздник» [3].

Первые публикации, приуроченные к празднованию Нового года, встречаются в периодической печати в конце 20-х гг. XIX в. Одним из «первооткрывателей» жанра новогоднего рассказа в отечественной словесности можно назвать Ф.В. Булгарина – именно его перу принадлежат многочисленные новогодние очерки, размещенные в выпусках «Северной пчелы» (1825–1864) от 30, 31 декабря или 2 января. В них наличествуют *элементы фантастики* (антропоморфные духи, видения, оживающие в воображении символические идеи, ведущие беседу с героем-рассказчиком), *сатирическое высмеивание пороков общества* (честолюбие, тщеславие, поклонение ложной науке, ограниченность мировоззрения, скудоумие), *фольклорные составляющие* (святочные гадания, ряжения и другие обрядовые действия; отсутствие в произведениях демонологических персонажей, способных причинить вред человеку), *особый комплекс сюжетов* (сюжет о «визитерах», юмористическое отрицание пороков, напутствие уходящего года наступающему, неизменное пожелание счастливого Нового года в окончании новогоднего очерка).

Таким образом, несмотря на отсутствие «елочных» текстов вплоть до 50-х гг. XIX в., читатель мог усваивать характерные новогодние мотивы и особую специфику, которые с дальнейшим развитием жанров новогодней группы хотя и видоизменялись, но всегда оставались очевидны для обывателей.

В 1860–1870-е гг. периодическая печать переживает новую веху своего развития: основываются так называемые «толстые» журналы («Вестник Европы» (1802–1830, 1866–1918), «Современник» (1836–1866), «Русская беседа» (1856–1860) и др.), адресован-

ные по большей части образованной части русского общества, возникают «тонкие» журналы, иллюстрированные еженедельники («Нива» (1869–1918), «Развлечение» (1859–1916), «Родина» (1879–1917) и др.), предназначенные для читателя из «среднего» класса, распространяются общественно-литературные газеты («Петербургский листок» (1864–1918), «Петербургская газета» (1867–1918), «Московский листок» (1881–1918) и др.). Если на страницах «толстых» журналов обсуждались политические и экономические вопросы, текущие новости и правительственные распоряжения, то в еженедельниках и газетах по большей части размещались рассказы, стихотворения и фельетоны, сатирические очерки, многочисленные объявления и анонсы. Однако, несмотря на дифференциацию целей, структуры, комплекса идей и тематического наполнения таких изданий, в них все же встречаются подборки календарных материалов, приуроченных к зимним праздникам.

Так, в просмотренном нами литературном иллюстрированном журнале политики и современной жизни «Нива» за 1870-е гг. активно размещались характерные «поздравительные» новогодние стихотворения, праздничные литографии, переводная святочная продукция. В связи с тем, что издание публиковало новости политической, литературной и социальной сфер, в новогодних выпусках публиковались фельетоны, являющиеся отголосками актуальных событий, нередко представляющие собой сжатый обзор наиболее важных государственных и политических изменений, произошедших на политической арене за недавнее время [4].

Более того, в праздничных выпусках размещались материалы этнографического, фольклорного, исторического характера, вызывавшие постоянный интерес у читающей публики. Например, в очерке В.И. Немировича-Данченко, опубликованном в декабрьском выпуске 1874 г., довольно подробно описаны этнографические сведения о святочных увеселениях Костромской губернии. Жители небольшого села, куда заехал автор, сообразно традициям гадали, обряжались в вывернутые шкуры медведя и пугали маленьких детей, рассказывали друг другу «страшные» святочные былички и бывальщины [5]. Подобные зарисовки народного быта способствовали популяризации святочной литературной продукции, которая в период последней трети XIX в. значительно окрепла.

Последние десятилетия XIX в. периодическая печать продолжала взаимодействовать с авторами, произведения которых затрагивали самые разные темы, так или иначе связанные с празднованием Нового года, Рождества и Пасхи. Подобное сотрудничество способствовало удовлетворению самых изысканных читательских вкусов и небывалому росту календарной словесности, чьи образцы, продолжая множиться на протяжении последней трети XIX в., привели к окончательной выработке и дальнейшему кризису жанра святочного рассказа, на что указывал еще Н.С. Лесков в письме к А.С. Суворину от 11 декабря 1888 г. [6].

Юмористические журналы того периода характеризуются отсутствием святочных рассказов, новогодних очерков и каких-либо иных малых прозаических форм. Исключения составляют так называемые грезы или фантазии, действие которых календарно соотносится с окончанием года [7, 8]. Преобладающим жанром являются сценки, распространенные ввиду

«удобства обыгрывания в них речевых и поведенческих штампов того времени» [1, с. 2015]. Довольно часто публикуются стихотворения: как «поздравительные», имеющие целью пожелать читателям счастья в Новом году, так и юмористические, карикатурно описывающие праздничные явления «визитерства», суеты, пьянство, взяточничество.

Относительно устойчивый набор сюжетов и тем праздничных выпусков «тонких» журналов в 80–90-е гг. XIX в. находится в корреляционной зависимости от сюжетообразующей структуры произведений. Можно говорить об их жанровом расширении и некотором дополнении в сравнении с предыдущими годами. К примеру, ставший уже каноническим для новогодних текстов сюжет «о визитерах» дополнился мотивом сватовства предприимчивого молодого гостя к дочери вышестоящего чиновника и стремлением произвести благоприятное впечатление на хозяйку, чтобы добиться продвижения по службе: «Черт возьми, наговорю-ка я ей еще чего-нибудь: женщина, как видно, умная, и я через нее, быть может, карьере сделаю!» [9].

Кризис жанра новогодней словесности, постепенное «затухание» жанров этой группы (в отличие от святочного рассказа, который развивается в рамках литературы реализма и претерпевает существенные жанровые, сюжетные и структурные изменения) прослеживается не только в «тонких» журналах и еженедельных изданиях, рассчитанных на обывателей, но и в «солидных» изданиях, регулярно размещавших строго фиксированное количество сезонного материала. В номерах встречается все больше карикатур (в большинстве случаев высмеивающих традицию нанесения визитов в первый день Нового года или «первые шаги» Нового года в нравственно разложившемся обществе), все меньше святочных текстов, которые бы не выбивались из жанровой традиции (примером может послужить рассказ, повествующий о спасшемся только благодаря первому крику петухов кузнеце, которого черти в одну из святочных ночей заставили ковать подковы на своих лошадях) [10].

Публикуются сведения о праздновании Нового года в других странах. Например, в первом январском выпуске «Нового времени» (1867–1917) 1888 г. читатели познакомились с традициями проведения детских елок во Франции [11]. Кроме того, приводятся переводы образцов святочной словесности, шуточные анекдоты и новогодние картинки, «официальные» поздравления с наступившим Новым годом. Однако самым распространенным сюжетом, как во всей остальной периодике, остается знакомый нам сюжет «о визитерах»:

«— А что сказали они, когда узнали от вас, что меня нет дома?

— Господин сказал своей даме: “вот так удачно попали!”» [12].

Таким образом, жанры новогодней словесности тяготеют к избавлению от малых прозаических форм на протяжении всего XIX в. Если в 1830–1840-х гг. в журналах и газетах встречаются новогодние очерки с устойчивым набором новогодних сюжетов и мотивов, то начиная с 1860-х гг. они уступают место многочисленным анекдотам, юмористическим сценкам, пародиям и зарисовкам на злободневные «праздничные темы». В последние десятилетия XIX в. — времени, справедливо названном Е.В. Душечкиной «святочным

бумом», этот процесс продолжился, способствуя расширению мотивного комплекса святочной, в частности новогодней, словесности и вызывая размытие жанровых границ. Узнаваемые характеры, комическая детализация, гротескность, нелепые ситуации, в которые попадают персонажи, свидетельствуют о клишированности и кризисе подобных жанров.

Литература

1. Душечкина Е.В. Русский святочный рассказ: становление жанра. – СПб. : СПбГУ, 1995. – 258 с.
2. Полищук Н.С. Развитие русских праздников // Русские / отв. ред. В.А. Александров, И.И. Власова, Н.С. Полищук. – М. : Наука, 1999. – С. 577.
3. Душечкина Е.В. Русская елка: история, мифология, литература. – СПб. : Норинт, 2002. – С. 127.
4. Старый год // Нива. – 1873. – № 1. – С. 14–15.
5. Святки (из очерков В. И. Немировича-Данченко) // Нива. – 1874. – № 52. – С. 822–823.
6. Лесков Н.С. Собрание сочинений : в 11 т. – М. : ГИХЛ, 1956–1968. – Т. 11. – С. 406.
7. Кулицкий Е. Перед Новым годом в аду (фантазия) // Шут. – 1892. – № 1. – С. 3.
8. Асильсергеич В. Суд над старым годом // Шут. – 1893. – № 1. – С. 7.
9. Эм. Принимают // Шут. – 1883. – № 1. – С. 3.
10. Домовой // Новое время. – 1899. – № 8204. – С. 5–6.
11. Святочный детский праздник в Париже // Новое время. – 1898. – № 7849. – С. 11.
12. Новогодние визиты // Новое время. – 1899. – № 8207. – С. 10.

СОПОСТАВЛЕНИЕ ОБРАЗА «МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА» В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОВЕСТИ Н.В. ГОГОЛЯ «ЗАПИСКИ СУМАСШЕДШЕГО» И РАССКАЗА ЛУ СИНЯ «ЗАПИСКИ СУМАСШЕДШЕГО»)

Кун Линжу

Томский государственный университет, магистрант

THE COMPARISON OF THE IMAGE OF A "LITTLE MAN" IN RUSSIAN AND CHINESE LITERATURE (BASED ON THE MATERIALS BY N.V. GOGOL'S NOVEL AND LU XUN'S STORY BOTH TITLED "A MADMAN'S DIARY")

Kong Lingru

Tomsk State University, master student

Олицетворение образа «маленького человека» в китайской литературе можно проследить в творчестве Лу Синя, который попал под влияние Гоголя. Автор обращает особое внимание на сопоставление повести Н.В. Гоголя «Записки сумасшедшего» и рассказа Лу Синя «Записки сумасшедшего».

Ключевые слова: «маленький человек», «Записки сумасшедшего», Гоголь, Лу Синь.

The impersonation of the image of a "little man" in Chinese literature can be traced back to the works of Lu Xun, who fell under the influence of Gogol. The author pays special attention to the comparison of N. Gogol's novel and Lu Xun's story both titled "A madman's diary".

Key words: "little man", "A madman's diary", Gogol, Lu Xun.

Научный руководитель:

Чжао Хун, докт. филол. наук,
профессор.

Созданный сотню лет назад «маленький человек» в творчестве Гоголя был описан всецело и всесторонне. Творчество Гоголя, несомненно, оказало огромное влияние на появление темы маленького человека в китайской литературе. Это влияние проявляется не только в заимствовании Лу Синем гоголевского названия, но и также в форме повествования и изображении главного героя. Но несмотря на поразительную схожесть двух произведений, можно отметить ряд расхождений, обусловленных культурными и социальными различиями, а также переосмыслением темы «маленького человека» китайским автором.

1. Сравнение образа маленького человека в произведениях Н.В. Гоголя и Лу Синя. Все они изображают один и тот же образ «сумасшедшего» на примере обычных людей, которые должны подчиняться обществу и его устоям. Но между этими героями существуют следующие отличия:

1.1. *Разные причины безумия.* Поприщин не может терпеть русскую бюрократию и иерархию, душевная депрессия охватила его. Поэтому Поприщин сходил с ума. У сумасшедшего Лу Синя так много ненависти к феодализму и традиционным моральным устоям, поэтому его враг — это традиционные феодальные идеи, которые существуют более четырех тысяч лет; они глубоко укоренились в мыслях людей. Человек он был храбрый, с антифеодальным поведением, но его не признало общество — совсем иного человека с антифеодальным сознанием. Другие люди не заботились об этом сумасшедшем, и они думали, что он говорит только глупости и сходит с ума.

1.2. *Разная степень безумства у главных героев.* Поприщин — настоящий сумасшедший. Ведь он понимает письмо собачек, воображает себя испанским королем. Он начинает постепен-

но сходиться с ума. У героя в рассказе Лу Синя сумасшествие наступает сразу, это происходит не постепенно, в отличие от Поприщина. У этого героя безумие заключается в том, что он всегда говорит бессмыслицу, его речь нелогична и абсурдна. Но чаще всего он просто говорил правду, которую общество не готово было воспринять.

1.3. *Разные цели главных героев.* В конце концов, Поприщин кричал матери: «Я не в силах, я не могу вынести всех их мук, моя голова горит, спасите меня!» [1]. Это призыв маленького бедного человека, который погибает в мире эгоизма и безумия. Он искал покровительства своей матери, а также сочувствия общества.

А последний крик сумасшедшего в рассказе Лу Синя — это «Спасите детей, не евших людей!» [2]. Герой думает, что лицемерие феодальной моральной концепции заключается в том, что здесь все еще присутствует такое явление, как «людоедство». Он четко понимает, что его общество — это феодальное, самодержавное, хаотическое общество, способное «съесть» других. Он храбрец, борется против традиционных феодальных идей [3]. Герой, наконец, хочет спасти детей, которые никогда не ели людей. Дети еще не были загрязнены феодальной этикой, и герой надеется, что дети смогут противостоять феодальному обществу.

2. *Способ выражения информации.* Форма повествования в обоих произведениях — это дневник. Оба произведения представляют собой дневниковый жанр, в них ведется повествование от первого лица. В этих произведениях описано психологическое состояние и представлен уникальный язык «сумасшедшего». Авторы обратили внимание на анализ внутреннего мира «сумасшедшего», они описыва-

ли главных героев как подозрительных и чувствительных. Безумие главных героев выражено в их воспоминаниях, ассоциациях, галлюцинациях. Рассмотрим основные отличия в использовании дневниковых жанров.

2.1. Первое различие заключается в том, что Гоголь использует повествовательный жанр. А Лу Синь использует нахгешихте, он излагает события в обратном порядке.

2.2. Круговая структура «Записок сумасшедшего» Лу Синя связывает начало сюжетов с концом лучше, чем одноименная повесть Н.В. Гоголя; хотя оба произведения и являются дневником-беллетристикой, Лу Синь ведет рассказ от третьего лица наряду с повествованием героя от первого лица. Считаю, что рассказчик от третьего лица более объективен, и поэтому критика Лу Синя более обоснована.

3. **Основные идеи.** Они критикуют общество за его недостатки. Обе работы разоблачают реалии современности и критикуют общество.

3.1. **Разные направления критики общества.** Гоголь был не удовлетворен бюрократией в стране. Благодаря раскрытию гнилого строя русского общества в произведении Гоголя можно увидеть всю глубину социологической критики. А глубокий анализ Лу Синя и его критика китайской традиционной культуры и

феодализма, а также критика общества в целом обращают внимание читателей на проблемы, существующие в социуме.

3.2. **Место личности главного героя в социуме.** Здесь главное различие заключается в том, что у главных героев разный социальный статус, и, следовательно, разные условия жизни. Разница состоит в том, что маленькие люди у Гоголя часто просто хотят занять место угнетателей, от которых сами сейчас страдают. Ведь в своих мечтах они видят, как будут угнетать других людей, когда займут более высокий пост. Но образ «маленького человека» Лу Синя нераздельно связан с обществом и борется не за свое место, а за будущее развитие общества. Разница между китайским и русским «маленьким человеком» огромна, однако как и у Гоголя, так и у Лу Синя есть то, что объединяет их, а именно борьба с социальной несправедливостью.

Литература

1. Гоголь Н.В. Собрание сочинений : в 4-х т. – М. : Промсвещение, 1979.
2. Лу Синь. Собрание сочинений. – М. : Госполитиздат, 1955.
3. Yang Xin. 革命者的呐喊与改良家的控诉 // 重庆社会科学. – 2007. – Vol. 7. – P. 50–53.

«НЕЗАМЕЧЕННОЕ ПОКОЛЕНИЕ» РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ И «РУССКИЕ МАЛЬЧИКИ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Павлова Д.А.

Томский государственный университет, аспирант

"UNNOTICED GENERATION" OF RUSSIAN IMMIGRANTS AND "RUSSIAN BOYS" OF F.M. DOSTOEVSKY

Pavlova D.A.

Tomsk State University, post-graduate student

Данная работа посвящена постановке проблемы связи молодого поколения эмиграции и мальчиков Ф.М. Достоевского. «Незамеченное поколение» младших представителей эмиграции, находясь за границей, ощущало свою неприкаянность, оторванность от корней и равнодушие отцов. Необходимость поиска альтернативных корней и воссоздания почвы под ногами как возможности выстоять в чуждом враждебном пространстве занимает умы молодых. Безусловно, их волнует не только проблема поиска почвы, но и проблема взаимоотношения поколений внутри эмиграции. В постановке проблемы «отцов» и «детей» младшие обращаются к творчеству Ф.М. Достоевского, соотнося себя с его «русскими мальчиками», готовыми к жертвенной борьбе за правду.

Ключевые слова: младшее поколение первой волны русской эмиграции, В.С. Варшавский, «Незамеченное поколение», Ф.М. Достоевский, «Братья Карамазовы».

The article focuses on the problem of connection between the young generation of immigrants and Dostoevsky's boys. "Unnoticed generation" of younger representatives of immigration living abroad felt the transience, being torn apart from their roots and the resilience of the fathers. The necessity of finding the alternative roots and creation the ground under their feet as a possibility to stand tall in foreign and unfriendly world takes up their minds. They are worried not only about finding the ground but they also care about the connection between the generations of immigrants. Facing the generation gap between "the fathers" and "the sons" they get back to F.M. Dostoevsky, associating themselves with Dostoevsky's "Russian boys", who are ready for sacrificial fight for the truth.

Key words: younger generation of Russian immigration's first wave, V.S. Varshavsky, "unnoticed generation", F.M. Dostoevsky, "The brothers Karamazov".

*Научный руководитель:
Новикова Елена Георгиевна,
докт. филол. наук, профессор.*

*«Дайте русскому мальчику карту звездного неба, и он вернет вам ее исправленной».
Ф.М. Достоевский, «Братья Карамазовы»*

«Незамеченное поколение» навсегда осталось так и не повзрослевшим поколением мальчиков. Они не смогли стать отцами для последующих поколений, потому что не имели опоры на Родину, детские, подчас трагичные воспоминания о России — это все, что им было доступно. Цепь поколенческой преемственности была разорвана и утрачена.

Прежде чем более подробно говорить о «мальчиках» русской эмиграции, следует обратиться к термину «поколение». Принадлежность к одному поколению Карл Мангейм объяснял подверженностью людей одинаковым влияниям и тенденциям, в результате чего у них формировался специфический тип мышления, поведения и чувств. В поколение могут попасть все, кто оказался в дееспособном возрасте и отреагировал в момент общественного потрясения, которое требовало незамедлительной реакции [1]. По мнению Ю.В. Матвеевой, «поколение стало реальностью, обрело свои эстетические и экзистенциально выраженные черты, а затем и свою легенду, именно потому, что в качестве мощнейшего процесса динамической дестабилизации гражданская война его внутренне сплотила, дала общий импульс дальнейшего существования» [2].

Исторические события, произошедшие в России в двадцатом веке, породили у поколения эмигрантских «детей» трагическое мировосприятие людей, ко-

торые оторваны от всякой почвы. Но при этом — с четким осознанием самого феномена эмиграции как самодостаточного, наднационального, имеющего собственную историю и философию. Ко всему прочему, философия экзистенциализма, которая была очень популярна в Европе в то время, помогла младоэмигрантам осознать проблематичность существования одинокого человека-творца в абсурдном мире.

Образ «молодого эмигранта» как особый архетип души и сознания, который рожден через опыт отверженности, впервые был обозначен В.С. Варшавским. Такой человек словно голый, на нем нет «ни кожи от зверя, ни шерсти от овцы», он свободен от всех социальных, общественных и политических ярлыков. Этот человек представляет собой нечто бесформенное, он выброшен из общего социального мира и предоставлен самому себе.

В душах детей, которые пережили войну и революцию, происходит борьба прошлого и настоящего, но даже в попытках отстраниться от прошлого и забыть они все равно ярко ощущают тревожное «подполье души» — роковой балласт, который обременяет душу и не дает ей свободы. Эти неотвязные воспоминания и не позволяют младоэмигрантам жить настоящим.

Поколение младших представителей эмиграции — «мальчики», которые потерялись в истории и в жиз-

ни, стали бездомными и безликими, смешавшись с европейской массой. Они не только сами потерялись, но и потеряли многое: родину, корни, уверенность в завтрашнем дне и в себе. Именно поэтому поиск корней, почвы, а также способов и вариантов укоренения, осознания себя в чуждом пространстве занимает умы большинства. Если множество людей примерно одного поколения не могут найти и объяснить себя, то они произвольно начинают стремиться к объединению, к сплоченности, к поиску сверстников и единомышленников, чтобы вместе найти ответы, чтобы вместе было легче выстоять во враждебном пространстве и найти точки опоры.

Многие из представителей младемигрантской молодежи пытались дать исчерпывающее название своему поколению: поколение «отчужденных» (З. Шаховская); поколение «из пролета эпох» (Г. Газданов); поколение «неудачников» (В. Варшавский); поколение «обнаженной совести» (Ю. Терапиано).

Но впоследствии именно В.С. Варшавский дал своему поколению такое имя, с которым оно обрело новый историко-литературный статус, а вместе с ним и свою легенду. Он назвал младшее поколение русской эмиграции «незамеченным поколением». Сегодня термин «незамеченное поколение» употребляется наряду с известным термином «потерянное поколение», применимым к западной литературе.

Уникальность «незамеченного поколения» в том, что оно так и не переродилось, дети не выросли и не стали отцами. Естественного превращения детей в отцов не получилось, потому что на смену ему пришло не следующее поколение, выросшее из той же среды, а новая волна эмигрантов, которая резко отличалась от своих предшественников воспитанием, нравами и жизненными установками.

Поколение детей жило на чужбине мечтами служить русской идее. Многие покинули Россию еще детьми, но они помнят, скорее, припоминают ее, поэтому на чужбине чувствуют себя изгнанниками. Но воспоминаний о России у них слишком мало, чтобы ими можно было жить. В этой недостаточности и ограниченности памяти о былом — их принципиальное отличие от отцов. «У этого старшего поколения была своя «биография», а мы жили без всякой ответственности, как бы сбоку мира и истории. Нам уже веяло в лицо ветерок несущегося. Даже для наших отцов мы были чужие. Поколение выкидышей» [2].

По мнению В.С. Варшавского, именно это упомянутое выше «поколение выкидышей» является истинным носителем русской идеи, а их литература — одним из оставшихся островков великого христианского гуманизма. Эмигрантской молодежью владело чувство, что жизнь дана им лишь один раз и они вынуждены существовать в навязанном им мире и выпавшем на их долю одиночестве. Они ощущали свое существование как затянувшуюся остановку в пути, а не как движение. В этой остановке есть время и внутренняя потребность подумать о вечных жизненных вопросах и постараться найти на них ответ: кто мы? откуда? куда? что мы делаем на земле? почему мы брошены в это жесткое враждебное пространство, за что?

Уже на первых страницах книги В.С. Варшавского «Незамеченное поколение» упоминаются «русские мальчики» Ф.М. Достоевского. «Перечитывая «Братьев Карамазовых», несомненно знаешь, живи Коля Красоткин на полвека позже, он обязательно пошел бы в

Белую армию. Пошел бы и Алеша Карамазов, и все другие русские мальчики Достоевского» [3, с. 21].

Когда надежды младемигрантов на возвращение в Россию окончательно померкли, последовало осознание напрасности жертв и усилий, которое тяжело давило душу. Будущего больше не было, впереди только безвыходность. Но, несмотря на подавленность и потерю надежды, несмотря на разрушения в душе после опыта Гражданской войны, эмигранты по-прежнему оставались «русскими мальчиками» Достоевского. В их сердцах продолжала жить готовность к жертвенной борьбе за правду как «как жар, еще тлеющий под безобразно застывшей гарью» [3, с. 26]. Представители «незамеченного поколения» выбрали путь мальчиков Достоевского — путь подвига и жертвы, путь служения «святому идеалу». Правда, определение этого идеала было теперь совсем другое, но оставались такое же стремление к добру и правде и такая же открытость души призыву героизма. Пусть изменилось содержание его готовых, на веру принятых идей, но Коля Красоткин в лице мальчиков эмиграции оставался все тем же.

«Русские мальчики» — это сознание, отношение к жизни, и, конечно, возраст тут не играет никакой роли. Возраст для Достоевского — это понятие качественное, а не количественное. Братья Карамазовы влюбляются, страдают, сочиняют гениальные поэмы, философствуют и безумствуют именно как «бестолковые студенты», как мальчишки, а не как зрелые мужи, едущие с ярмарки жизни.

Мальчики для Достоевского отнюдь не являются боковой линией в творчестве. Детские черты обязательно присущи всем его положительным героям: Раскольникову, Сонечке, Лизавете, князю Мышкину, Алеше. Но ребенок Достоевского — это не младенец, не дитя, а скорее подросток — 12–13–14 лет.

И В.С. Варшавский и другие представители «незамеченного поколения» неоднократно обращались к роману Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». Выстраивая поколенческие связи в «Братьях Карамазовых», Достоевский делает особый акцент на поколении детей, а именно обращается к мальчикам [4]. Сам Алеша Карамазов, разделяющий авторскую позицию, идет к детям, потому что дети здоровы. А, как известно, идеал Достоевского — душевный здоровье. Мы не знаем точно, куда их поведет Алеша Карамазов. Мы знаем только, что взрослые уже развращены карамазовщиной до такой степени, что даже в Лизе Хохлаковой, в сущности еще ребенке, живут карамазовские надрывы и карамазовская дикость. В детях еще осталась надежда и чистота, и, возможно еще получить внушить им тот идеал, который исповедует Алеша. А именно — страдающий мальчик, который выносит на себе тяжкий крест русской жизни как таковой. Здесь возникают точки пересечения и с представителями «незамеченного поколения», которые также ощущали себя теми страдающими на чужбине мальчиками, вынужденными нести на себе крест отверженности, одиночества и бездомности, но при этом имея огромную внутреннюю интенцию к подвигу.

Молодые писатели эмиграции первой волны болезненно ощущали собственную иноприродность. Эмиграция для них обернулась не столько групповой, сколько индивидуальной проблемой идентичности, проблемой «самостояния» и отстаивания себя во враждебном пространстве. Обостренное чувство ка-

тастрофы, ощущение одиночества и заброшенности, разъятое сознание, неприятие современной буржуазной цивилизации, размышления о цели жизни и смысле смерти стало объединяющим мироощущением младших. Молодежь интересовал духовный перелом, вызванный крушением вековых общественных устоев, лишивший личность ориентации в окружающем мире и породивший пафос отрицания. Тем не менее, они предпринимали попытки преодолеть экзистенциальную бездомность и выстроить новую систему координат, опираясь на подсознание, хранящее память о прошлом и создающее вымышленную вселенную в чуждом пространстве зарубежья. Отсутствие опоры становится главной трагедией «детей», которые не знали былой России. Им досталось лишь слабое ее предощущение в пространстве эмиграции, окутанной атмосферой смерти и разрыва традиции. Целью всех

писателей и поэтов младшей эмиграции стало преодоление комплекса неполноценности и незащищенности и поиск точек опоры. Многие из них находили эту точку опоры в творчестве Ф.М. Достоевского и вели с ним непримиримый спор и непрекращающийся диалог.

Литература

1. Мангейм К. Проблема поколений / пер. В. Плуныяна, А. Урманичевой // Новое лит. обозрение. — 1998. — № 30. — С. 7–47.
2. Матвеева Ю.В. Самосознание поколения в творчестве писателей-младоэмигрантов. — Екатеринбург : Уральский гос. ун-т, 2008. — С. 26.
3. Варшавский В.С. Незамеченное поколение. — М. : Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына: Русский путь, 2010. — 544 с.
4. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 т. — Л. : Наука, 1967.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЛОВА И ИЗОБРАЖЕНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ С АВТОРСКИМИ ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ У. БЛЕЙКА)

Пащенко М.М.

Кемеровский государственный университет, студент

THE INTERACTION BETWEEN WORDS AND IMAGES IN THE LITERARY WORKS WITH AUTHOR'S ILLUSTRATIONS (BASED ON W. BLAKE'S POETRY)

Paschenko M.M.

Kemerovo State University, student

Данная научно-исследовательская работа представляет собой анализ механизмов взаимодействия текста и изображения в рамках художественных произведений с авторскими иллюстрациями на основе стихотворения У. Блейка «The Clod and the Pebble».

Ключевые слова: интермедийность, текст и изображение, авторские иллюстрации, семиотический анализ, интерпретация.

This research work represents the analysis of text and image interaction mechanisms within the framework of literary works with author's illustrations using the example of W. Blake's poem "The Clod and the Pebble".

Key words: intermediality, text and image, author's illustrations, semiotic analysis, interpretation.

Научный руководитель:
Прохорова Лариса Петровна,
канд. филол. наук, доцент.

На сегодняшний день интермедийные исследования являются бурно развивающейся отраслью гуманитарного знания, что делает возможным более глубокое понимание ряда феноменов, находящихся на стыке различных медийных и художественных структур.

В современном мире изображение и текст, которые утрачивали взаимосвязь в процессе развития изобразительных искусств, снова объединены. Примерами такого взаимодействия могут послужить: плакаты, комиксы, книжные обложки и проч. Таким образом, неудивительно и то, что интермедийные процессы активно проникают в сферу современной литературы. Данное явление связывается с очередной сменой культурной парадигмы и означает переход от «литературоцентризма» к так называемому «искусствовоцентризму».

Для нашего исследования интермедийных текстов мы решили выбрать одно из произведений английского поэта и художника У. Блейка — «The Clod and the Pebble», которое относится к сборнику стихотворений «Songs of Experience» [1]. Принимая во внимание экспериментальную установку нашего исследования (а именно: рассмотрение классических текстов с точки зрения современной теории интермедийности), появляется необходимость определить, каким же образом взаимодействуют изображение и текст.

Несмотря на то, что и изображение, и текст выступают как две различные формы повествования об одном и том же предмете или сюжете, стоит отметить, что не всегда изображение является непосредственной интерпретацией текста. Поэтому, чтобы лучше понять механизмы взаимодействия текста и изображения, необходимо проанализировать типы их соотношения в зависимости от цели, которую ставит перед собой автор. Наиболее яркими типами являются прямые и ассоциативные иллюстрации (по терминологии М.Я. Блоха [2]).

Для прямой иллюстрации характерна непосред-

ственная связь с изложенным материалом, что вызывает «эффект резонанса» при восприятии проиллюстрированного напрямую текста.

При ассоциативной иллюстрации изображение только тематически примыкает к тексту, оно не наполняет его изобразительными средствами, а создает отдельный изобразительный ряд, дополняющий текстовый.

Если визуальные и вербальные составляющие неразрывно связаны друг с другом, то следует говорить о таком типе взаимосвязи слова и изображения, который построен по принципу ассоциативной связи визуального и вербального компонентов. В таком случае отрывать изображение от слова недопустимо, поскольку разрушается содержательная и структурная целостность послания.

Поскольку поэтический текст, будучи интерактивным продуктом, имеет несколько вариантов прочтения, то введение в его структуру изображения, восприятие которого мгновенно, позволяет в процессе прочтения вербальных знаков ускорить процесс отображения необходимой для интерпретации информации, ведь «семантически значимые элементы актуализируются при сравнении смысла, выраженного и вербально, и визуально» [3].

Также следует акцентировать внимание на том, что наше исследование касается произведений с авторскими иллюстрациями, поскольку, затрагивая произведения с неавторскими иллюстрациями, мы не можем говорить о некоей неразрывности текста и изображения, ведь иллюстратор лишь интерпретирует авторский текст. Он как творческая личность со своим взглядом на мир отражает в иллюстрациях свое видение предмета изображения.

Более того, интермедийность, выступающая в качестве авторской стратегии, разворачивается в «плане стиля», т.е. определяется индивидуальностью автора и его личным опытом. Поэтому личность автора становится важнейшим фактором, вследствие чего мы

приняли во внимание биографию У. Блейка и связали ее наиболее яркие моменты с нашими предположениями в ходе анализа поэтического произведения.

Также в ходе нашего исследования мы пользовались методами семиотического анализа текста, так как интерпретативные методы лингвистического анализа позволяют выяснить только смысл вербального сообщения. Семиотический же анализ опирается на тезис о том, что все медиа – художественные средства и методы разных видов искусства являются особым способом передачи художественной информации. Следовательно, семиотическое исследование направлено на осмысление произведения как акта коммуникации, составляющие которого организуются и становятся понятными в соответствии с определенным кодом, являющимся способом формирования информационного сообщения. Таким образом, данный вид анализа способствовал выявлению коммуникативной направленности выбранного нами креолизованного текста, а также характера его воздействия на реципиента.

Проанализировав и сопоставив вербальную и визуальную составляющие стихотворения «The Clod and the Pebble», мы выявили, что категории слова и изображения в данном произведении действительно дополняют друг друга. Так, например, изображения скота на водопое и болота в иллюстративной части произведения по своим символическим характеристикам

соотносятся с центральной темой стихотворения – противостоянием невинности и опыта; а тема любви, выраженная в прямо противоположных по смыслу высказываниях лирических героев («Love seeketh not Itself to please» и «Love seeketh only Self to please»), лишь усиливает данное противостояние и позволяет читателю проникнуться философией автора.

При исследовании мы также использовали принципы анализа интермедиальных авторских стратегий: учли особенности биографии У. Блейка, его мировоззрения, а также внешнюю обстановку времени жизни поэта; обратили особое внимание на синтез искусств (живописной и литературной составляющей произведения) и обнаружили генерируемые в процессе их взаимного отражения смыслы.

Литература

1. Blake W. Songs of innocence and of experience. – London : Tate Publishing, 2007. – 43 p.
2. Блох М.Я. Теоретическая грамматика английского языка : учебник для высших учебных заведений. – М. : Высш. школа, 1983.– С. 383.
3. Аникеева Е.С., Прохорова Л.П. Интермедиальный поэтический текст как сложный семиотический знак [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 1. – URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=12187>.

ПРИРОДА И ЖИВОПИСЬ ИТАЛИИ В ТРАВЕЛОГАХ С.П. ШЕВЫРЁВА

Пушкарева Ю.Е.

Томск государственный университет ТГУ, аспирант

NATURE AND PICTORIAL ART OF ITALY IN THE TRAVELOGUES BY S.P. SHEVYREV

Pushkareva Y.E.

Tomsk State University, post-graduate student

В статье рассматривается взаимодействие природы и живописи Италии в путевых дневниках С.П. Шевырёва, одного из Любомудров. Диалог природы и живописи помогает ему создать образ Италии как единого имагологического феномена.

Ключевые слова: травелог, итальянский текст, экфрасис, пейзаж.

The article examines the interaction between the nature and pictorial art of Italy in the travel diaries of S.P. Shevryev, one of the Lubomudry. The dialogue between the nature and pictorial art helps him to create the image of Italy as of a single imagological phenomenon.

Key words: travelogue, Italian text, ekphrasis, landscape.

Научный руководитель:
Киселев Виталий Сергеевич,
докт. филол. наук, доцент.

С.П. Шевырёв больше всех прочих Любомудров приблизился к Италии как к географическому и культурному пространству. В отличие от других «архивных юношей», которые остались приверженцами немецкой культуры (как В.Ф. Одоевский, Д.В. Веневитинов) или стали радикальными славянофилами, критиковавшими западноевропейскую цивилизацию (И.В. Киреевский, отчасти М.П. Погодин), Шевырёв всю жизнь тянулся к Италии — как к реальной стране, культурному феномену, романтическому идеалу. Он не только совершил туда как минимум три путешествия (первое — в 1829—1832 гг., в качестве учителя сына княгини Зинаиды Волконской, культурной «посредницы» между Россией и Италией [1]), но и посвятил Италии ряд текстов: дневники-травелоги (три путевых «Журнала»), письма, стихотворения. Италия вдохновляла и научные изыскания Шевырёва. Кроме того, он переводил Тассо и Мандзони, примыкая к тем авторам, которых Киреевский в своем осмыслении русского литературного процесса относил к «батушковской», или «итальянской» школе [2].

«Одержимость Италией», «необходимость Италии» — эти категории, выработанные русским романтизмом (вторая — в текстах упомянутого Киреевского), стали для Шевырёва личными, жизненными. Италия сформировалась в его творческом сознании как целостный образ — единство культуры, истории, быта. На страницах путевых дневников Шевырёва реальное пространство Италии — Рим и Альбано, Неаполь, Сорренто, остров Искья, Флоренция, Болонья, Милан, Венеция и многие другие локусы — становится феноменом сознания повествователя-Любомудра, просвещенного путешественника, который усиленно занимается самообразованием и стремится понять историю, традиции, искусство Италии «изнутри». Италия Шевырёва — разносторонний личностный феномен, уже далекий от абстрактного романтического идеала. Рая, каким она предстает в поэзии Веневитинова, прозе Одоевского и эстетических этюдах Вакенродера, на которого Любомудры ориентировались в восприятии итальянского искусства. В путевых дневниках, конечно, не прекращается и «философизация» Италии: важны рассуждения о неразрывной связи итальянского

искусства с природой и национальным характером, о ключевой роли эстетики для итальянцев, в том числе в быту, об итальянской истории как парадоксальном сочетании регионального дробления и внутреннего единства, политического подчинения и духовной свободы в искусстве. Однако эти умозаключения являются не искусственными конструктами, а выводами, основанными на фактах и личных впечатлениях повествователя.

Несмотря на разносторонность образа Италии в путевых журналах, ведущим аспектом остается эстетический. Заранее воспринимая Италию как родину великого искусства (в основном — на почве рецепции немецкого романтизма, через авторов-посредников), повествователь готов подтвердить или опровергнуть эти представления: все увиденное, услышанное, прочитанное он осмысляет самостоятельно, не следуя слепо стереотипам. Можно сказать, что Шевырёв придерживается рецептивной стратегии философского анализа: не просто восклицает: «эта Мадонна прекрасна», а пытается уловить истоки красоты, ответить на вопрос «почему?». Причины скрываются не только в духовной идее произведения (например, в картинах на библейские, мифологические сюжеты), но и в эстетической форме — колорите, пространственной композиции, психологическом облике персонажей, даже в технике мазка. Кроме того, существование красоты невозможно без третьего компонента — соответствующего настроения и личностного склада зрителя, его эмоционально-интеллектуального отклика на произведение. Сочетание этих компонентов, а также системное погружение в историю и контекст итальянского искусства позволяют Шевырёву осмыслить его сущность, сделав частью «энциклопедического», максимально полного образа Италии, создаваемого в «Журналах».

Все эти особенности присущи рецепции итальянской живописи. Именно живопись, помимо явного «количественного» преобладания (ни одному виду итальянского искусства не посвящено столько записей в «Журналах», сколько ей), является в сознании повествователя самым репрезентативным для итальянского искусства феноменом, высшим воплощением

ем итальянской культуры. Вероятно, это связано с особым местом живописи и образа художника в мировосприятии романтиков и, в частности, Любомудров. Как отмечает Е.А. Луткова, «интерес романтиков к изобразительному искусству был предопределен близостью романтического мироощущения природе живописи. А. Шлегель называл живопись поистине романтическим искусством, позволяющим открыть душу человека» [3]. Метафизические смыслы, выражаемые визуальными средствами на ограниченной плоскости холста («бесконечное в конечном») и возможность неспешного, приводящего к катарсису созерцания сделали живопись предметом философской и эстетической рефлексии Любомудров. Отправляясь в Италию, Шевырёв не мог обойти ее вниманием.

Чтобы систематизировать обильные и разнообразные впечатления Шевырёва от итальянской живописи, в ее образе можно выделить несколько основных аспектов. Среди них: 1) рассмотрение итальянской живописи в системно-историческом ключе, в качестве целостного феномена (в категориях школ, направлений, преемственности и подражания, с погружением в социально-исторический контекст при чтении специальной литературы); 2) внимание к художественной технике (многочисленные экфрасисы, искусствоведческий анализ композиции картин); 3) связь итальянской живописи с духовной жизнью — прежде всего, религией (католицизмом) и мифологией; 4) связь живописи с историей и социальной структурой Италии (в основном это касается записей о венецианской школе); 5) диалог итальянской живописи с другими искусствами — архитектурой, музыкой и, прежде всего, словесностью. В данной статье мы сосредоточимся на том, как итальянская живопись на страницах «Журналов» Шевырёва взаимодействует с природой и — опосредованно — романтизированным образом народа Италии.

Связь итальянской живописи с природой Италии и ментальностью ее народа — одна из центральных проблем, интересующих Шевырёва. Он рассматривает природу Италии как особый имагологический феномен, насыщенный философскими смыслами и представленный в красках земного Рая, Эдема — в категориях красоты, роскоши, тепла, изобилия, гармонии с человеческим трудом. При этом природа Италии воспринимается не изолированно от искусства: Шевырёв подчеркивает их исторически обусловленную взаимосвязь. Природные факторы (мягкий климат, красота пейзажей, доступ к морям), по его мнению, повлияли на быт итальянцев (например, в «Журналах» регулярно упоминаются виноградники, отражающие культуру итальянского виноделия), их национальный характер (отмечаемые в дневниках открытость и дружелюбие, склонность к лени и плутовству, врожденный артистизм и чувство красоты, обостренная религиозность), а также, конечно, на духовную жизнь и искусство. Непосредственное знакомство с пейзажами Италии позволяет Шевырёву эмоционально прочувствовать это влияние, и иногда оно эксплицируется: «*Кто был в Италии, тот один может понять, почему древние воображали форму Олимпа таким, а не другим образом. Удивительное участие принимает в искусстве народа природа, его окружающая*» [4, с. 119]. Живопись не является исключением: впечатления художников от гор, побережий, полей, кипарисов и лавров Италии вошли в их творчество — как и впечатле-

ния от простого народа, который видится Шевырёву «плотью от плоти» итальянской земли, лучшим выразителем ее духа. Так, он возводит красоту библейских и мифологических героинь живописи к красоте их прототипов — реальных итальянских женщин: мифологические героини картин Тициана в журналах неоднократно именуются «*венецианками*», Юдифь Бронзино — «*римлянкой ожидающей*», а красота Мадонн Рафаэля возводится к типу красоты женщин Альбано. Стоит отметить также эпизод с девочкой, «*у которой глаза годились бы в любую из мадонн этой галереи*» [4, с. 176] [Палаццо Корсини]: чистота и невинность ребенка сопрягают этику и эстетику в рецепции итальянской живописи, народа и природы, взрастившей его.

Применительно к живописи Шевырёв часто использует понятие «*природа*» как синоним жизни, действительности. Осмысленное, не равное натурализму правдоподобие в искусстве важно для Шевырёва, поэтому умелое воссоздание «*природы*» является для него положительной характеристикой (о Доменикино: «*Какая сила выражения! Кто глубже его вглядывался в природу!*» [4, с. 348]; о Тинторетто: «*Природа как есть: Шекспир-живописец*» [4, с. 356]). Иногда «*природа*» в живописи для Шевырёва означает «*итальянская действительность, современная художнику*» — например, в экфрасисе «*Пира в доме Левия*» Веронезе: «*это живое, а не искусственное: все портреты <...> Многие лица врезались в памяти: таков... буфетчик толстый, в котором он изобразил винопродавца своего дома. Эта картина в своем роде трагедия Шекспирова: в ней все индивидуально и природа как есть*» [4, с. 353].

Существует и обратное влияние: искусство Италии отражается в ее природе, корректирует ее восприятие. Шевырёв едет в Италию с установкой увидеть эстетический идеал, поэтому восхищение пейзажами во многом предсказуемо — хоть и окрашено в личностные тона. Можно сказать, что в Италии для него изначально «*прекрасно все*»; несмотря на ряд социальных несовершенств, она остается воплощением красоты — в единстве природы и искусства. Так, применительно к природным объектам часто употребляется эпитет «*живописный*» (о вилле Боргезе: «*Живописные деревья этой виллы служат образцом для художников: они вечно зелены*» [4, с. 114], об Аппиевой дороге: «*кипарисы... живописны, как развалины, обитые плющом*» [4, с. 138]). Связь природы с живописью может выражаться и менее очевидно — через имплицитные ассоциации пейзажа с картиной: «*Оттоле мы поехали... дубовым лесом: зелень светлая, новая, лаком покрытая, приятна была взорам*» [4, с. 137]. Этот аспект в «Журналах» наиболее распространен: любую развернутую природную зарисовку Шевырёва можно назвать «*живописной*»; он обращает внимание на цвета и оттенки, формы, перспективу, взаимное расположение объектов — так же, как при создании экфрасисов картин. Один из примеров — запись о прогулке по окрестностям озера Неми: «*Это озеро называют зеркалом Дианы. Можно бы Альбано назвать зеркалом Аполлона. Два oka божьи, солнце и луна, глядят в эти очки земные. С высоты Неми вид прекрасный <...> Какие густые огромные вишни. Как прекрасно оливы... разнообразят краски природы <...> Эти леса по справедливости можно назвать садами*» [4, с. 138]. Шевырёв воспринимает итальянскую природу как идеалист-романтик — в ипостаси Эдема, — но романтический миф обретает

для него личностное значение; конкретные номинации растений, оригинальные детали, типологическое родство реального и живописного пейзажей (понятие «*краски природы*») указывают на значимость личного впечатления при осмыслении как природы, так и искусства Италии.

Таким образом, природа и искусство (в частности, живопись) в путевых дневниках Шевырёва находятся в отношениях непрерывного диалога и как бы «отражаются» друг в друге. Это углубляет понимание Италии как единого имагологического феномена, «другой» реальности, которая существует в единстве изначально данной, нерукотворной красоты и красоты, созданной человеком.

Литература

1. Медовой М.И. Вечно обязан Риму // С.П. Шевырёв. Итальянские впечатления. – СПб. : Академический проспект, 2006. – С. 5–37.
2. Киреевский И.В. Обозрение русской словесности 1829 года // Киреевский И.В. Критика и эстетика / сост., вступ. статья и примеч. Ю.В. Манна. – М. : Искусство, 1979. – С. 72.
3. Луткова Е.А. Живопись в эстетике и художественном творчестве русских романтиков : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Кемерово, 2008. – С. 3.
4. Шевырёв С.П. Итальянские впечатления. – СПб. : Академический проспект, 2006.

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ КОМЕДИИ Н.В. ГОГОЛЯ «РЕВИЗОР»

Сафтенко Е.К.

Томский государственный университет, студент

SPATIAL ORGANIZATION OF NIKOLAI GOGOL'S COMEDY "THE INSPECTOR GENERAL"

Saftenko E.K.

Tomsk State University, student

Статья посвящена раскрытию антропологических пространственных образов на материале «Характеров и костюмов», начального ремарочного текста комедии «Ревизор».

Ключевые слова: пространство, энантиосемия, Гоголь, ревизор, характеры и костюмы.

The article analyses anthropological spatial images on the material of "Characters and costumes", the initial text of the Comedy "The Inspector General".

Key words: space, enantiosemy, Gogol, inspector general, characters and costumes.

Научный руководитель:
Лебедева Ольга Борисовна,
докт. филол. наук, профессор.

Замечательной особенностью мирообраза комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» является его тяготение к универсальности, к раскрытию в рамках ограниченного урбанистического пространства космоса человеческого бытия. Эта специфическая черта гоголевской пьесы детерминирует своеобразие поэтики, композиции, системы образов, которые вписываются в структуру противопоставленных хронотопических организаций. Очевидная оппозиция уездного города и внешнего мира, которая в качестве лейтмотива проходит через весь текст, обуславливает несомненную значимость пространства как основополагающей категории в построении картины двоящегося мироздания. В предлагаемой работе бинарность топоса рассмотрена в рамках как семантической классификации (по основанию ограниченности), так и типологической (нравственных и физических вариантов понимания пространства); основное внимание уделено начальному ремарочному тексту, содержащему в сжатом виде основные смысловые акценты, на которых базируются последующие мотивы комедии.

Дуалистическая природа образной и архитектурной систем реализуется не только через совмещение антитетических элементов в пределах текста, но и с помощью наслаивания противоположных смыслов в пределах одной значимой его единицы. Так, формально открытое пространство в комедии дискредитируется за счет создания двойного семантического плана слова, что диктуется возможностью альтернативной интерпретации понятия и контекстом, дополняющим значение вплоть до энантиосемического разветвления. Подобная поляризация предполагает раскрытие сущности явления, скрываемой за видимостью, вследствие чего открытое пространство оборачивается замкнутым.

Разнонаправленное развитие образов, определяющее специфику художественного пространства «Ревизора», можно отметить в ассоциативном введении категории Бога, представленной как сакральный элемент, но искаженный за счет разведения его ипостасей и перераспределения их между персонажами: Хлестаков повторяет «словцо "хорошо" в роли творца и хозяина новообретенного космоса» [1]; творением же занят Городничий во время дачи указаний по градост-

роительству, в финале этот персонаж предстанет в позе распятого Христа; роль судии исполняет Ляпкин-Тяпкин, как велит ему должность, и Хлестаков, выслушивающий жалобы граждан уездного города. В представленном ряду закономерно отсутствует лишь Святой Дух, который в своей очевидной бесплотности появится в конце произведения в лице жандарма и той силы, что сковывает движения героев в Немой сцене. Введение в ткань пьесы теологических образов приводит к расширению пространственных границ художественного текста, возведению его до космогонического уровня.

Эта тенденция прослеживается уже в «Замечаниях для гг. актеров» [2, с. 9–10]. Так, Анна Андреевна прикрепляется к ограниченному пространству, как в физическом плане (упоминание провинции, девичьей, кладовой), так и духовном (чтение романов, которое приводило не к расширению духовных границ, а к формированию штампов, реализуемых героиней во время приезда Хлестакова). Более того, слово «распространяется», имеющее пространственную сему, в оппозиции снижается формулировкой «на мелочи», что резко уменьшает масштаб косвенно-пространственной характеристики.

Далее характеризуется Хлестаков как персонаж, относящийся к внешнему миру. В одном ряду в описании чиновника из Петербурга стоит упоминание редуцированной худобы, причем стоящее вторым слово «тоненький» в большей степени подходит для описания вещного объекта, что позволяет определять эту характеристику как относящуюся к пространственной. Хлестаков, таким образом, является персонажем, занимающим малое количество пространства, что коррелирует с идеей эфемерности его образа, несоотнесимого с конкретной географической точкой. Укажем, что в принципе на протяжении всего произведения героя сопровождает концепт небольшого, незначительного: это и маленькая комната в гостинице, и его съезживание (т.е. уменьшение) в страхе от движения ручки двери, в которую должен войти Городничий. Небольшому тексту «Замечаний...», посвященному Хлестакову, присуща интонация отрицания, отсутствия за счет использования предлогов, частиц и приставок «без» и «не»: «Без царя в голове», «без вся-

кого соображения», «Он не в состоянии остановить постоянного внимания...» [2, с. 9] и др. — что способствует своеобразному исчезанию персонажа из художественного пространства комедии.

Следующее далее, после описания телосложения, определение «пустейший» усиливает такое понимание центрального героя как за счет сведения пространственной характеристики к абсолютному Ничто, так и с помощью неадекватного усиления признака пустотности. Это удвоение соотносится с присутствием Осипа. Если Хлестаков прописан в «Характерах и костюмах» как ничего из себя не представляющая личность, то Осип явлен как человек более умный, нежели петербургский чиновник. Определенное двойничество героев представлено и в мене пространств: слуга занимает барскую кровать. Однако такое пространственное взаимодействие, пересечение границ приводит не к диалектике полярных персонажей, а к лжи Осипа, направленной на подстраивание к собеседнику, уподобление ему. Слова слуги становятся подобием зеркала, в котором отражается пустота, что и приводит к редупликации ее семантики в описании образа Хлестакова. Такая пассивная позиция Осипа, не реализующего свой потенциал, знаменуется указанием на его постоянный взгляд вниз, который ассоциативно связывается с замкнутой системой.

Характеристика основных героев-дублеров Бобчинского и Добчинского строится на физиологических факторах, связанных с художественным пространством произведения. Небольшой рост наталкивает на мысль о малом количестве пространства, занимаемом персонажами: вновь появляется пояснение при помощи слова, не подходящего для представления человека («коротенькие»), и последующее упоминание «брюшек», более подходящих для некоторых типов животных, нежели человеческого существа. Все это чревато *неполнотой* проявления признака («небольшие») и

указывает на невозможность обретения персонажами адекватного человеку, *полноценного* места в пространстве мирообраза, что объясняет их стремление к самоактуализации в разговорах с рядом героев.

После указания на особенности конкретных ролей следуют общие замечания, наличие которых расширяет пространственную структуру комедии, жанра, для которого не характерен голос автора. Замечание по поводу финала пьесы указывает на специфику Немой сцены и позволяет увидеть ее корреляцию с началом первого действия: если при сообщении о приезде ревизора намечается несколько пространственных точек, из которых доносятся голоса разобщенных, словно не слышавших друг друга людей-символов, то в финале голоса должны «вырваться у всех женщин разом, как будто из одной груди» [2, с. 10]. Здесь хронологическая структура сжимается в одну точку, пространство и время исчезают, образуя пустоту, которая обнажается высшим судом. В то же время двойственность поэтики не пропадает, так как за пустотой внешней теперь стоит бесконечное пространство всего бытия.

Указанные особенности будут реализованы и дополнены иными антропологическими, урбанистическими и географическими образами в основных пяти действиях комедии. Однако фундаментальные основы поэтологической специфики поэтики гоголевской характерологии, базирующейся на амбивалентности, постоянном колебании от замкнутости к расширению и наоборот, заложены уже в начальном ремарочном тексте «Ревизора».

Литература

1. Синявский А.Д. В тени Гоголя // Абрам Терц. Собр. соч. : в 2 т. — М., 1992. — Т. 2.
2. Гоголь Н.В. Собр. соч. : в 14 т. — М. : Изд-во АН СССР, 1937—1952. — Т. 4.

ОБРАЗ МОРЯ КАК РАЗРУШИТЕЛЬНОЙ СТИХИИ В РАННЕЙ ЛИРИКЕ Ф.И. ТЮТЧЕВА

Стасенко О.П.

Томский государственный университет, студент

THE IMAGE OF THE SEA AS A DESTRUCTIVE ELEMENT IN THE F.I. TYUTCHEV'S EARLY LYRICS

Stasenko O.P.

Tomk State University, student

Статья призвана на материале ранней лирики Ф.И. Тютчева отразить специфику образа моря, системно обнаруживающего связь с категориями хаоса и смерти. В то же время отмечается возможность его отождествления со стихийными силами бытия и онтологией в целом, в связи с чем взаимодействие моря и человека приобретает конфликтный характер.

Ключевые слова: Тютчев, море, хаос, человек, смерть.

The article is based on the material of the F.I. Tyutchev's early lyrics and reflects the specifics of the image of the sea that systematically has connection with the categories of chaos and death. At the same time, there is a possibility of its identification with the elemental forces and ontology entirely. It is the reason why the interaction of the sea and man is conflictual.

Key words: Tyutchev, sea, chaos, human, death.

*Научный руководитель:
Кожевникова Анна Геннадьевна,
канд. филол. наук.*

Корпус поэтических произведений, актуализирующих образ моря, в ранней лирике Ф.И. Тютчева представлен 16 текстами, 7 из которых являются авторскими. Тем не менее, в литературоведении отсутствуют масштабные исследования, посвященные их изучению. Море здесь системно обнаруживает связь с категориями хаоса и смерти, процессами деструкции и поглощения. Оно становится воплощением стихийных сил и отождествляется с онтологией в целом. В связи с этим конфликтным оказывается его взаимодействие с человеком, который стремится к замкнутости и постоянству.

Уже в «Послании Горация к Меценату» четко определяется оппозиция «личность – бытие»: через образ «смирненной обители» вводится описание спокойного мира человеческого бытия. Однако далее происходит резкий перелом, и текст заполняет картина природного бытия, противостоящая идиллии. Море становится символом хаоса стихийной жизни, стремящейся поглотить человека. Вода в целом воплощает время, а море – время мировое, и потому вскрывает разрушительные свойства данной категории. При этом мотив поглощения выражен через пространство: следствием такой искусственной синкретизации хронотопа становится тяготение мирообраза к неформальности, что соотносится с концептом хаоса. Море, разрушающее идиллический пейзаж, оказывается еще и символом смерти как поглощения бытием (так, далее встречаем эпизод метафорической гибели солнца в пучинах). Это подтверждает образ челна, отсылающий к мифологическим представлениям об Аиде, а также метафора «безбрежной пустоты вод», которая выявляет потенциал к отражению синкретизма бытия и небытия (что затем отзовется в стихотворении «С.Е. Раичу» в мотиве «пустынного бега»). Деструкция проистекает из хаотичности мироздания, что отражается в диффузии стихий: так, волны трансформируются в «черные холмы», воды наделяются опре-

делением «кипящие», громовая туча материализуется на пересечении воздушной, огненной и водной стихии. И зыбкость бытия, акцентируемая конструкцией «но час – и...», органически связана с этими свойствами тютчевского мирообраза. Изображение морской стихии здесь синтезирует представления о ней романтиков и античных философов, рассматривавших воду как первоматерию. При этом взгляд древних на мир как на космос не соответствует натурфилософии Тютчева, который в ранний период, подобно романтикам, считал, что в основе бытия лежит хаос. Романтическая традиция повлияла на представление поэта о связи моря со стихийным началом, однако взаимодействие личности и онтологии приобретает в раннем творчестве Тютчева не романтический характер. С позиции человека значимым оказывается разграничение частной жизни и природного бытия, что отражается не только в «разделении сфер влияния» внутри текста, но и в отдельных образах. Так, челн, в котором герой желает спастись от стихии, становится символом границы, выстраиваемой между человеком и онтологическим миром посредством частной жизни.

При сопоставлении поэтической вариации с 29-й одой третьей книги Горация [1] специфика образности проявляется наиболее отчетливо. Приобретая через определение «Этрусское» конкретный референт, море обывляется, смысл сравнения сводится к декларации непостоянства жизни, воплощенному в образе Фортуны. При этом под угрозой оказывается не жизнь лирического героя, как в интерпретации Тютчева, а материальные блага. Значительное увеличение объема фрагмента, описывающего разрушительные свойства стихии, и редукция заключительного отрывка о неподвластности героя воздействию хаоса позволяет сделать вывод о смещении смыслового акцента в стихотворении Тютчева. Более того, использование определения «безбрежные» нивелирует сюжетную ситуацию возвращения к берегам. «Послание Горация

к Меценату» задало вектор и координаты для последующего развития данного образа в ранней лирике Тютчева. Так, уже в первой строке послания «С.Е. Раичу» «неверные пучины» связаны с зыбкостью человеческого бытия, открытого воздействию онтологического мира. Здесь, однако, изменчивость обозначена именно в лексической форме, а значит, — статически, динамическое же развертывание указанного свойства наблюдается в «Могиле Наполеона». Первое упоминание моря в тексте связано с картиной покоя и неподвижности. Однако спокойствие это оказывается мнимым — устойчивость выступает как вариант реализации изменчивого бытия. Так, уже в данной строфе возникает мотив движения, связанный с водой, где глагол «зыблются» акцентирует непостоянство материи, не зря далее появляется образ «колеблющегося мира». Заканчивается же текст картиной бушующего моря, становящегося символом онтологического пространства, с которым герой сливается после смерти, что акцентируется через вписывание в один синтагматический ряд моря и гробницы. Далее преодоление «языковой границы» между личностью и бытием демонстрирует их сущностное единство, при этом подчеркивается *чуждость* погибшего сфере человеческого. В стихотворении «С.Е. Раичу» гибель предстает не как растворение в природном мире, а как поглощение морской стихией. Здесь демонстрируется панический страх человека перед лицом небытия, попытка забыть о столкновении с ним. Страх этот возникает в связи с фундаментальным свойством смерти как состояния потери идентичности, что отражено в стихе: «С веселостью знакомится он вновь!..» [2], где важен лексически не выявленный мотив потери. Однако, если рассматривать поглощение в отрыве от человека, оно приобретает положительные коннотации.

Так, в «Летнем вечере» вновь актуализируется мотив поглощения, однако он направлен не против личности. Смерть здесь оказывается необходимой частью природного цикла — переход к ночи воспринимается как облегчение. Это связано с демаркацией двух миров: человеческого и онтологического. Граница между ними обладает двойственной природой: с одной стороны, она создается самим человеком, стремящимся отгородиться от стихии («Послание Горация к Меценату..», «С.Е. Раичу»). При этом человеческое пространство воплощается в топосах пристани и берега, которые, являясь лиминальными образами, материализуют рубеж между мирами. С другой стороны, и сама трансцендентная сущность мира недоступна пониманию людей, поэтому единственная возможность приобщения к нему — это смерть как растворение в бытии («Могилы Наполеона»).

Так, морская стихия, воплощающая в себе хаос онтологического мира, который своими масштабами стремится поглотить личность, всегда находится в конфликте с человеком, пытающимся защититься от бытия, выстраивая ограниченную частную жизнь. Такая позиция личности, не стремящейся к борьбе с миром, но ищущей забвения в постоянстве быта, кардинально отличается от мироощущения романтиков. Близкий романтизму в своих представлениях о связи моря с хаосом, Тютчев синтезирует их с положениями античных философов, превращая воду в первоэлемент, лежащий в основе мироздания.

Литература

1. Квинт Гораций Флакк. Оды. Эподы. Сатиры. Послания. — М. : Художественная литература, 1970. — С. 173–175.
2. Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений / сост., подгот. текста и примеч. А.А. Николаева. — Л. : Сов. писатель, 1987. — С. 55.

ЦВЕТОПИСЬ И ЕЕ ФУНКЦИИ В КОМЕДИИ Н.В. ГОГОЛЯ «РЕВИЗОР»

Филиппова Д.К.

Томский государственный университет, студент

COLOR WRITING AND ITS FUNCTIONS IN THE N.V.GOGOL'S COMEDY "THE INSPECTOR"

Philippova D.K.

Tomsk State University, student

В статье рассматривается цветопись и ее связь с сакральными мотивами. Выделены ключевые моменты актуализации семантики цвета и ее функции, а также рассмотрено развитие этого тропа в контексте всего творчества Н.В. Гоголя.

Ключевые слова: цветопись, Гоголь, функции, «Ревизор».

The color writing is analyzed in the article considering the its connect with sacral motives. The most important moments of the actualization of the semantics of color and its functions are highlighted, and the development of this trope is considered in the context of N.V. Gogol.

Key words: color writing, Gogol, functions, "The Inspector".

Научный руководитель:
Лебедева Ольга Борисовна,
докт. филол. наук, профессор.

Цветопись в комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» может быть продуктивно рассмотрена с нескольких позиций: включение произведения в контекст развития гоголевского творчества и цветописи в нем, соотношение цветов, действительно существующих и мнимых, актуализация сакрального наполнения текста посредством цветообозначений.

В колористической системе «Ревизора» наиболее частотными являются черный и голубой. С черного цвета цветопись начинается – «две необыкновенные крысы <...> черные, неестественной величины» [1, с. 11], голубым заканчивается – «Произнесенные слова поражают как громом всех» [1, с. 95]. Самый темный эпизод при этом – действие второе, явление VIII, разговор Городничего и Хлестакова о темноте в комнате; черные, темно-зеленые и темно-синие цвета в соответствии с титулами и мундирами преобладают в костюмировке сценического действия. Персонажем, наделенным наибольшим числом маркеров голубого цвета через пространство окна, орнитологический и ихтиологический мотивы, стал сам Хлестаков. В связи петербургского чиновника с этим цветом принципиально важным является то, что он лишь навязан извне, косвенно: в окно смотрят Анна Андреевна и Марья Антоновна, когда ждут вестей о нем, просители к «ревизору» появляются в окне, в сцене признания в любви к дочери Городничего девушка очевидно смотрит в окно, а также прерывает речь Хлестакова вопросом о пролетевшей сороке. Многократно вторгаются в его меню птицы («перья плавают вместо масла» [1, с. 31]) и рыбы (семга, сайка, лабардан), да и сам он им уподобляется: «Городничий. <...> Нашли важную птицу» [1, с. 94]. В постановке «Ревизора» в Московском Малом театре В.Э. Мейерхольдом Хлестаков представлен на сцене именно в голубом фраке, цвет в этом случае – находка режиссера, ведь в гоголевском тексте костюм чиновника обозначен лишь с помощью эпитетов «по моде» и «петербургский», что в первой трети XIX в. не было прямо связано с голубым или его оттенками, а лишь указывало на светлые, полупрозрачные тона. Фрак Хлестакова в этой постановке детерминируется формой жандарма, создавая энантио-

морфность цвета как выразителя и мирской моды, и высокого служения государству. В сравнении этих двух персонажей очевидной становится их различная природа при сходстве внешнем: истинность и миражность цветообозначения.

Дальнейшее исследование палитры комедии показало заметное снижение употребления таких частотных, например, для «Вечеров на хуторе близ Диканьки», цветов, как красный и белый, да и прямых указаний цвета в комедии мало. Как пишет Андрей Белый: «От "Веч" до первого тома "МД" краски гаснут, как бы выцветая и в тень садясь <...> Цвет – неопределен, как бы не принадлежа предметам, а тени, которая их окутывает, как платками» [2]. Полнота жизни, искры, пламя и кровь с яркими вспышками красного, золотого и белого сменяются в «Арабесках» черным и серым, а в «Ревизоре» этот спектр дополняется голубым. Красный есть лишь в физиологическом описании эмоций, в паре с голубым в разговоре о кавалериях, а от червонного и бубнового что Городничий, что жена его пытаются себя оградить, красненькая денежная банкнота была убрана Гоголем из второй редакции и присутствует лишь в переработках и отрывках. «Выбранные места из переписки с друзьями» – сборник, представивший читателю иного Гоголя: религиозного, духовного человека, он, как считают исследователи, переходит от эстетики к религии. Однако тенденция к этому переходу прослеживается в цветописи уже в «Ревизоре». Белый цвет и свет здесь в рамках целостной палитры произведения и архетпичного противопоставления черному заменяются голубым, в богословской традиции – цветом Небесного царства, символом Святого духа, воплощенного в Боге-сыне, а в мирских обозначениях – цветом духовности, истины и чистоты помыслов. Таким образом, «Ревизор» являет собой переход от круга тем и проблем реальной жизни человека в обществе (едином в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» и раздробленном в «Арабесках») к сфере духовных, надличностных сил, истинной христианской совести и высокой миссии человека на земле. Сам Гоголь считал «Ревизор» «символической религиозно-моральной мистерией на тему

о ложной совести, страстях» [3].

Лже-ревизор Хлестаков облачается в голубой цвет со стороны, приход истинного же возвещает жандарм, одетый в форму отдельного корпуса жандармов Его Императорского Величества, соответственно, голубую, – это принципиально важный момент актуализации цвета в тексте комедии и в драматическом действии. Приход его становится символом прихода истинного правосудия: в более прозаическом прочтении суда Его Императорского Величества или же начала эсхатологического Страшного суда Бога над людьми, фоном которого в соответствии с религиозным канонам является глобальная катастрофа.

Выделенная в комедии цветовая палитра и ее символическое значение коррелирует с сакральным пространством. На канву богословских мотивов и аллегорий ложится словесная картина красок и цветов текста и драматического действия. Хлестаков, мнимый ревизор, наделяется маркерами Мессии, высшей силы, которой не является: к ним относятся голубой цвет и многократное кормление его рыбой, что соотносится с акронимом имени Христа – Ихтис. Он – эмблематическое изображение архетипа Антихриста, то есть лживо утверждает, что является Мессией, в контексте сюжета – ревизором, к этому его склоняют жители города, а не личные мотивы учинения зла человечеству. Он выращен самими чиновниками, как Антихрист – человеческими грехами. После первого, телесного исчезновения лже-ревизора из пространства города в комедии на краткий срок воцаряется хаос: гости, по словам Гоголя, обязательно имеют некоторые несуразности в костюмах, шляпках и ридикюлях, а Городничий угрожает всем тем, кто ходил на него доносить, и мечтает о будущем могуществе, что, однако, останавливается сначала чтением письма, а затем приходом истинного ревизора, а точнее – его вестником.

Цветопись, таким образом, создает возможность перехода от прозаического прочтения комедии к сакральному пространству внутри текста, обозначая красками-маркерами места сближения этих двух смысловых парадигм. Именно этот план значений должен был произвести мгновенное исцеляющее воздействие на общество, ведь традиционно художественный образ всеобщего бедствия, предполагающего после себя восстановление справедливости, пришествие Спасителя, Страшный суд, обладает очистительным, терапевтическим характером. Хлестаков – образ, идея, лицо фантазмагорического, власть и статус которого лишь созданы чиновниками. В параллели с эсхатологическим сюжетом он занимает место Антихриста: на него всячески примеряют знаки святости и сияния. Истинный ревизор же не нуждается в помощи и косвенных выражениях, его приход – это приход христианской совести для суда и установления вечного мира.

Цветовая палитра в целом служит дополнительным инструментом раскрытия замысла Гоголя, миражности, несоответствия видимости и сущности, внутренней двойственной природы комедии на всех уровнях, а также укрепляет ее значение как символического религиозного произведения. Колористическая система репрезентирует сакральные мотивы. Универсальные для мирового культурного кода обозначения цвета коррелируют с христианским канонам и раскрывают сакральное наполнение текста.

Литература

1. Гоголь Н.В. Собр. соч. : в 14 т. – М. : Изд-во АН СССР, 1937–1952. – Т. 5.
2. Белый А. Мастерство Гоголя: Исследование. – М. ; Л. : Гос. изд-во художеств. лит-ры, 1934. – С. 123.
3. Гуковский Г.А. Реализм Гоголя. – М. ; Л. : Гос. изд-во художеств. лит-ры, 1959. – С. 400.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОГРАФИКИ В ПРЕПОДАВАНИИ ЛИТЕРАТУРЫ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Юсупова Л.И.

Томский государственный университет, магистрант

INFOGRAPHICS AS AN EFFECTIVE TOOL IN TEACHING LITERATURE: PROBLEMS STATEMENT

Iusupova L.I.

Tomsk State University, master student

Данное исследование посвящено анализу эффективности использования инфографики при обучении русской литературе. Исследуется проблема определения понятия «инфографика». Дано современное определение: инфографика – это инструмент для облегченного восприятия материала. Выделены периоды возникновения инфографики и представлены примеры использования инфографики в преподавании литературы на материале учебно-методического комплекса (УМК) Г.С. Меркина и В.Я. Коровиной, соответствующие Федеральному государственному стандарту (ФГОС).

Ключевые слова: инфографика, визуализация информации, образец инфографики.

This paper analyzes the efficiency of using infographics in teaching Russian literature. The problem of the precise definition of the term “infographics” is studied. Its modern definition is given, infographics is a tool to present data in a perceivable and easy manner. The periods of introduction are marked. The examples of using infographics in teaching literature based on methodological package by Merkin G.S. and Korovina V.J. in accordance with the Federal Educational Standards are presented.

Key words: infographics, data visualization, sample infographics.

*Научный руководитель:
Генина Нинель Евгеньевна,
канд. филол. наук.*

Поскольку термин «инфографика» новый, он еще не введен в бумажные словари, поэтому определение термину «инфографика» взято из электронных словарей. Согласно электронному словарю Академик, «Инфографика – это графический способ подачи информации, данных и знаний. Инфографика способна не только организовать большие объемы информации, но и более наглядно показать соотношение предметов и фактов во времени и пространстве, а также продемонстрировать тенденции» [1].

В соответствии с English Oxford Living Dictionaries, «инфографика – это визуальное представление информации или данных в качестве схемы или диаграммы» [2].

Исходя из Dictionary.com, инфографика – «это визуальное представление информации в виде диаграммы, графика или иного изображения, сопровождаемое минимальным количеством текста, предназначенное для простого и понятного описания в частности сложного предмета» [3].

Исходя из вышеперечисленных определений, можно, в частности, отметить, что термин «инфографика» не полностью раскрыт согласно English Oxford Living Dictionaries, так как инфографика не только представляет информацию графически, но благодаря инфографике материал усваивается легче и быстрее. Дело не только во времени, но и в эффективности. Инфографика – является эффективным, подходящим и полезным способом подачи комплексной информации в быстрой, понятной и упрощенной форме.

Впервые инфографика использовалась в качестве описания данных на наскальных рисунках в эпоху палеолита, когда, по мнению М.А. Фроловой, «человек, Homo Sapiens, впервые начал передавать знания своим потомкам об укладе жизни народа и способах охоты» [4]. Также стоит сказать о единственной дошедшей до нашего времени Вавилонской карте VIII–VII в. до н.э., сделанной на глиняной табличке. На карте изображены горы, реки, Вавилон и государства, граничащие с ним. Из этого следует, что визуализация данных зародилась много лет назад и существует по сегодняшний день и лишь только термин инфографика – нововведенный. Следует отметить, что инфографику в XXI в. можно встретить повсеместно, она внедрена в компьютерные системы и офисно-ориентированные программные обеспечения, такие как Excel и PowerPoint, публикации веб-сайтов/блогов, геоинформационные системы (ГИС), в дорожные знаки, рекламу, комиксы, контент-маркетинг, Интернет (т.е. иконки в социальных сетях, смайлики и т.д.), и даже знаки препинания являются инфографикой. Следовательно, так как вся информация уже представлена в виде схем, таблиц и диаграмм, инфографику будет намного легче внедрить и использовать в преподавании того или иного предмета, что приведет к наиболее эффективному и быстрому способу подачи информации.

Существует три основных типа восприятия: визуал, аудиал, кинестетик. Визуалам нужно видеть наглядно, аудиалы учатся через слушание, кинестетики – через движение и прикосновение. В соответствии с классификацией трех стилей обучения существуют 65% визуалов, 30% аудиалов и 5% кинестетиков. В дополнение, согласно статистике исследования «Wyzowl», «всего 20% людей запоминают прочитанный ими материал, и лишь 10% помнят то, что услышали. Исследования показали, что 80% людей помнят то, что они видели и что делали. Визуальная информация обрабатывается мозгом человека в 60000 раз быстрее, чем простой текст; очевидно, что визуальное

William Shakespeare Timeline

A timeline of historically documented and dated facts about Shakespeare's life and works

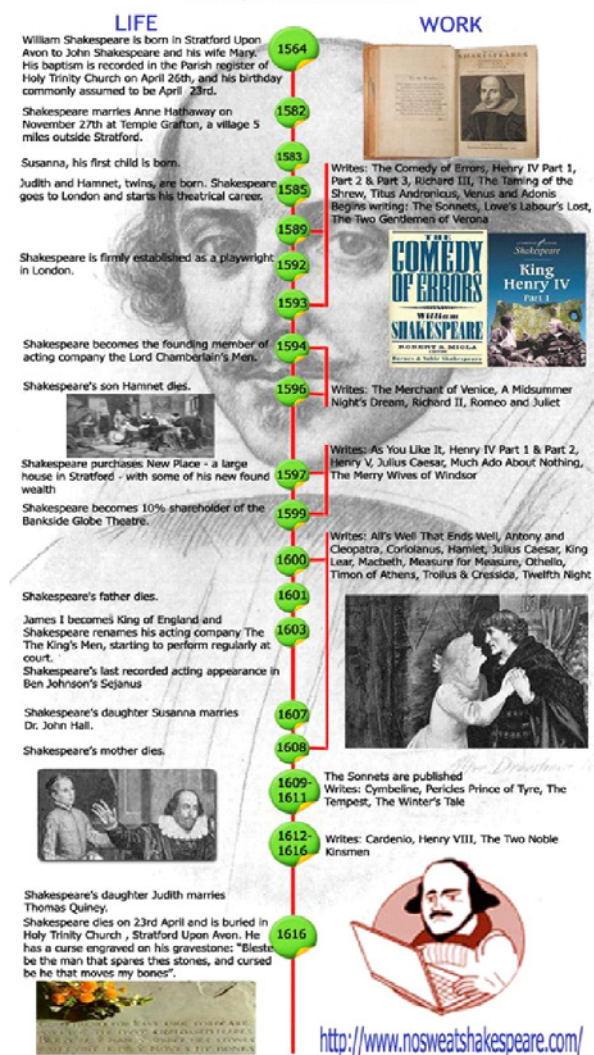

Рис. 1

общение в разы превосходит вербальное по эффективности» [5]. Из чего можно заключить, что внедрение инфографики в учебный процесс является необходимым и продуктивным способом подачи сложного материала.

По словам Пола Мартина Лестера, «что-то происходит. Мы становимся визуально опосредованным обществом. Для многих понимание мира совершается не словами, а чтением изображений» [5]. Еще одним фактом, подтверждающим необходимость визуального представления материала, является статья «Все о памяти и способах запоминания» В.А. Козаренко, где говорится о воссоздающем воображении. Воссоздающее воображение – это «механизм автоматического преобразования текста (или речи) в комбинации зрительных образов» [6]. Иными словами, если при чтении текста воссоздающее воображение работает, то человек понимает текст, а если воссоздающее воображение заблокировано из-за незнакомых слов, то человек не сможет понять текст.

Немаловажную роль инфографика играет в преподавании, так как в нынешнее время мобильное и дис-

(390/396) Literatura.-8-kl.- V-2ch.-Ch.1 Merkin-G.S 2013-384s

«Дивисься драгоценности нашего языка: что ни звук, то и подарок: всё зернисто, крупно, как сам жемчуг, и, право, иное название ещё драгоценней самой вещи».

«...Нет слова, которое было бы так замашисто, бойко, так вырвалось бы из-под самого сердца, так бы кипело и животрепещало, как метко сказанное русское слово».

«Обращаться со словом нужно честно. Оно есть высший подарок Бога человеку».

«Нет уз святее товарищества! Отец любит своё дитя, мать любит своё дитя, дитя любит отца и мать. Но это не то, братцы: любит и зверь своё дитя. Но породниться родством по душе, а не по крови может один только человек».

«В литературном мире нет смерти, и мертвецы так же вмешиваются в дела наши и действуют вместе с нами, как живые».

После уроков

1. Проведите дискуссию «Долго ли смеяться над тем, над чем смеялся ещё Н.В. Гоголь?».
2. Подготовьтесь к творческому вечеру на тему «Н.В. Гоголь и А.С. Пушкин». Проведите его.

380

Рис. 2

танционное обучение очень распространены. Все чаще требуется использование мультимедийных технологий и медиакоммуникаций в педагогической сфере. Для развития навыков медиакоммуникации необходимо владение техниками инфографики, умение отбирать самую значимую, важную информацию из сложного материала, выбирать наиболее приемлемую форму для изложения данных, генерировать сведения при помощи дизайнера и вербальных средств. Приведем пример использования инфографики в преподавании иностранного языка: для того, чтобы объяснить какое-нибудь новое слово, намного легче и быстрее показать картинку, иллюстрирующую слово, чем несколько раз повторять его определение. Если применять инфографику на уроках литературы, то гораздо легче, эффективнее и понятнее будет объяснить биографию писателя с помощью хронологической инфографики (см. рис. 1).

Стоит отметить, что в учебно-методическом комплексе уже существует ряд заданий для школьников из раздела «Инфографика»: ученикам в рубрике «творческое задание» нужно наглядно представить материал. Авторами основных и широко используемых учебно-методических комплексов являются Г.С. Меркин и В.Я. Коровина. Примерные задания на визуализирование информации: подобрать иллюстративный материал к комедии (рис. 2) или нарисовать кадры мультфильма (рис. 3), что еще раз подтверждает, что визуальная подача информации крайне необходима для полного погружения в произведение и для целостного понимания текста.

В заключение следует отметить, что инфографику

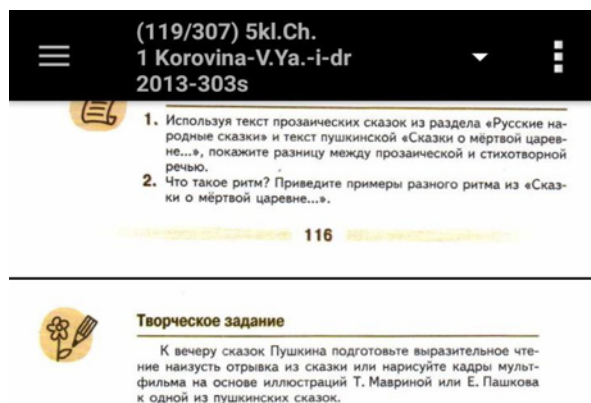

Рис. 3

можно и нужно использовать в преподавании литературы для презентации сложной информации простым и понятным способом. Кроме того, применение инфографических инструментов на уроках литературы повысит мотивацию к изучению литературы.

Литература

1. Инфографика [Электронный ресурс] // Словари и энциклопедии на Академике. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1378426> (дата обращения: 20.03.2019).
2. Infographics [Электронный ресурс] // English Oxford Living Dictionaries. – URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/infographic> (дата обращения: 20.03.2019).
3. Infographics [Электронный ресурс] // Dictionary.com. – URL: <http://www.dictionary.com/browse/infographic> (дата обращения: 20.03.2019).
4. Фролова М.А. История возникновения и развития инфографики // Вестник ПГГПУ. – 2014. – Вып. 10. – С. 136.
5. Хосейн А. Инфографика [Электронный ресурс] // The Power of Visual Communication. – 2014. – URL: <https://blog.hubspot.com/marketing/power-of-visual-communication-infographic> (дата обращения: 27.03.2019).
6. Козаренко В.А. Все о памяти и способах запоминания // Как понимается текстовая информация. – Подборка статей из архива рассылки за период 2002–2015 гг. – М., 2015. – Вып. 6. – С. 5.

**РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА**

ОСОБЕННОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ РЕЦЕПЦИИ «РАССКАЗА О СЕМИ ПОВЕШЕННЫХ» Л. АНДРЕЕВА

Завертяева М.О.

Томский государственный университет, студент

"RASSKAZ O SEMI POVESHENNYKH" BY L. ANDREYEV IN ENGLISH LANGUAGE TRANSLATION: TOWARDS TRANSLATOR'S RECEPTION

Zavertyaeva M.O.

Tomsk State University, student

В настоящей работе поставлена проблема переводческой интерпретации «Рассказа о семи повешенных» Л. Андреева. Сопоставление англоязычных переводов Г. Бернштейна (1909 г.) и Э. Бриггса (2016 г.) уже на уровне заглавия и названий глав свидетельствует о принципиальных различиях в интерпретации оригинального текста. Обращение к публицистическим текстам переводчиков, касающимся творческой личности Л. Андреева и его художественных произведений, позволяет наметить специфику восприятия оригинального текста на разных этапах историко-культурного развития.

Ключевые слова: Л. Андреев, переводческая рецепция, англоязычные переводы.

The paper deals with English-language translations of "Rasskaz o semi poveshennykh" by L. Andreyev. The comparison between the translations by H. Bernstein (1909) and A. Briggs (2016) at the level of the title and the titles of the chapters indicates fundamental differences in the interpretation of the original text. Taking into account publicistic texts by the translators concerning the creative personality of L. Andreyev and his writings, it is possible to identify the particularities of the perception of the original text at different stages of historical and cultural development.

Key words: Andreyev, translator's reception, English-language translations.

Научный руководитель:
Стрельникова Анна Борисовна,
канд. филол. наук.

Творчество Л. Андреева развивалось на стыке двух эстетических систем – реализма и модернизма, что особенно заостряет проблему интерпретации его художественных произведений. Герменевтический подход к исследованию художественного текста предполагает сосуществование различных версий интерпретации, и наряду с другими методами исследования рецепции (анкетированием, изучением критических откликов) анализ переводного текста выявляет доминанты в восприятии текста оригинального. В данной работе мы сопоставляем два англоязычных перевода «Рассказа о семи повешенных», изданных в 1909 [1] и 2016 [2] гг.

В начале XX в. Леонид Андреев стал известен в англоязычном мире, прежде всего, благодаря переводам и статьям Германа Бернштейна, американского журналиста и дипломата. В своей книге «Celebrities of our time» [3] Бернштейн поставил Андреева в один ряд с известными политиками, философами, писателями конца XIX – начала XX вв. Такой сборник интервью сам по себе интересен, но, в частности, подчеркивает особую роль, которой известный журналист наделяет Леонида Андреева. Для него русский писатель стал неким воплощением идей модернизма, символом неприятия социальной несправедливости, жестокости, осуждения царской власти. Первое, что перевел Бернштейн, – это «Рассказ о семи повешенных», издание которого сопровождается вступительным словом переводчика и письмом автора, в котором Л. Андреев обращается к американским читателям.

В 2016 г. появился новый перевод «Рассказа о семи повешенных» Э. Бриггса – известного британского исследователя русской литературы. Перед его изданием на официальном сайте BBC была опубликована статья [4], в которой говорится о том, что события,

положившие начало первой мировой войне – убийство 28 июня 1914 г. эрцгерцога Франца Фердинанда в Сараеве, – есть не что иное, как костюмированная постановка «Рассказа о семи повешенных». Статья, вероятнее всего, выпущена с целью популяризации данного перевода, но такая точка зрения довольно оригинальна и заслуживает внимания. Разница же между переводами заметна уже на уровне названия: короткое «Seven hanged» вместо раннего перевода «The seven who were hanged; a story» Г. Бернштейна. Это свидетельствует о современной тенденции английского языка к упрощению.

В числе основных характеристик переводов можно выделить следующие:

- 1) Г. Бернштейн стремится передать авторский стиль через синтаксические конструкции, а в современном переводе синтаксис ближе англоязычной культуре по форме: ...положительно он не мог заснуть в эту отвратительную ночь / ...he positively could not sleep on that dreadful night;/ He wasn't going to get to sleep, for sure, not on a ghastly night like this;
- 2) в переводе 1909 г. слова подобраны ближе по значению к русским, иногда даже с созвучными корнями, а Бриггс подбирает аналоги в своей культуре (– Как странно! – сказал Сергей. / “How strange!” said Sergey. / “Very funny thing,” said Sergey);
- 3) Г. Бернштейн использует прием транслитерации при переводе имен собственных, а также другой сложно переводимой лексики, в современном переводе очевидна попытка подобрать эквиваленты: Мишка Цыганок / Tsiganok / Gypsy Mike;
- 4) в переводе 1909 г. акцентируется социальная проблематика, в то время как переводной текст 2016 г. несколько «приглушает» ее, например, личные

конструкции трансформируются в безличные («Это нечто должно случиться»): (Приходится, брат Мюллер / We have to do it, Mueller. / It's got to happen, brother Muller).

Отдельного внимания заслуживает перевод названий глав. Из 12 лишь перевод одной совпадает – остальные 11 различаются по смысловым акцентам. Особенно знаковым становится название последней главы – в оригинале она называется «Их привезли», в первом переводе – «They are hanged» (Они повешены), в переводе 2016 года «Journey's end» (Конец путешествия). Это свидетельствует о разнице читательских прочтений – авторское название оставляет хоть какую-то надежду на спасение главных героев, и в результате читатель воспринимает их смерть более трагично.

Таким образом, первый перевод «Рассказа о семи повешенных» характеризуется активной форенизацией. Бернштейн стремится передать стиль Андреева, а также, лично пообщавшись с автором, берет на себя ответственность и в своем переводе усиливает акценты на социальной проблематике. В переводе рассказа Бриггса, в отличие от первого перевода, очевидны тенденции к доместикации перевода, к сохранению метафоричности, двуплановости текста.

«Рассказ о семи повешенных» Л. Андреева имеет большое социально-культурное значение. Для многих современников писателя он был символом осуждения

социальной жестокости. Именно эту семантику сохранил перевод Бернштейна, на протяжении столетия представляющий произведение в англоязычной литературе. Появление новой версии перевода свидетельствует о новом этапе рецепции творчества Л. Андреева в англоязычной среде. Принимая во внимание концепцию переводной множественности [5], можно говорить о том, что сопоставление двух переводов рассказа не только позволяет зафиксировать различные принципы работы с текстом, но и в ходе дальнейшего исследования позволит определить цели обращения к оригиналу, расширить семантический спектр оригинального текста.

Литература

1. Andreyev L. The seven who were hanged: A story / authorized translation from the Russian by Herman Bernstein. – USA, New York : J.S. Ogilvie Publishing, 1909. – 190 p.
2. Andreyev L. Seven Hanged / transl. by Anthony Briggs. – UK, London : Penguin Books, 2016. – 128 p.
3. Bernstein H. Celebrities of our time. – USA, New York : J. Lawren, 1924.
4. Seven hanged: The book that started World War One [Электронный ресурс] // BBC Arts, Books features. – URL: <https://www.bbc.co.uk/programmes/articles/FZndnQHF6qX2Mq8KJ2n012/seven-hanged-the-book-that-started-world-war-one>.
5. Чайковский Р.Р., Лысенкова Е.Л. Неисчерпаемость оригинала: 100 переводов «Пантеры» Р.М. Рильке на 15 языков. – Магадан, 2001. – С. 179–198.

ХРОНОТОП ДНЕВНИКА В РОМАНЕ Л. АНДРЕЕВА «ДНЕВНИК САТАНЫ»

Колмакова О.А.

Томский государственный университет, студент

THE DIARY CHRONOTOPE IN THE NOVEL "THE DIARY OF SATAN" BY L. ANDREEV

Kolmakova O.A.

Tomsk State University, student

В статье представлены результаты анализа романа в аспекте хронотопа дневника, который имеет мифологическую семантику и позволяет интерпретировать сюжет произведения.

Ключевые слова: творчество Л. Андреева, роман-дневник, хронотоп дневника.

The article presents the results of the novel analysis in the aspect of diary chronotope. Its mythological semantics allows interpreting the plot of the novel.

Key words: Andreev, The Diary of Satan, diary, the diary chronotope.

Научный руководитель:
Хатямова Марина Альбертовна,
докт. филол. наук, профессор.

Последний роман Л. Андреева написан в форме дневника главного героя. Цель работы – проанализировать роман «Дневник Сатаны» в аспекте дневникового хронотопа: выявить взаимосвязь пространственных образов с временными – датами дневника, что обуславливает разворачивание сюжета произведения.

По мнению М.М. Бахтина, «жанр и жанровые разновидности определяются именно хронотопом» [1]. Неотъемлемая часть дневникового текста – дата и место событий. Отсюда – интерес для анализа хронотопа – «неразрывности времени и пространства» [1]. Это позволяет выделить особый *хронотоп дневника*, активно изучающийся в современном литературоведении в связи с вниманием к эго-документу. Ю.В. Булдакова убедительно доказывает, что «систему (дневникового – О.К.) хронотопа <...> отличает преобладание двух комплексов мотивов: мотив пути <...> и мотив установления/преодоления границы» [2]. Данные мотивы являются сюжетообразующими в романе Л. Андреева «Дневник Сатаны».

Даты дневника совпадают с датами православного календаря. Их семантика, связанная с евангельскими событиями, указывает на интерпретацию писателем сюжета прихода мессии – Христа. Сатана прибывает на землю, избирая *роль* «человека, который так полюбил других людей, что хочет отдать им все» [3, с. 121]. Герой, желая выдать себя за Христа, становится Антихристом – самозванцем: стремится занять место Христа, быть за него принятым [4]. Андреевский Сатана откровенно пародирует Христа: он, как мессия, въезжает в Рим, читает проповеди в «свободной» церковке, копирует манеру поведения: «Я целую в темя тех, кого люблю» [3, с. 124]. Сатаной профанируются церковно-религиозные понятия и лексика, он прямо ссылается на Христа: «Я следую лучшим образцам, и, когда Меня искушают, Я удаляюсь в пустыню» [3, с. 167].

Однако, вочеловечиваясь, Сатана-Вандергуд отказывается от роли лжемессии: «Всюду за тобою и всюду с тобою, человече» [3, с. 190]. Даты дневника маркируют этапы изменения героя [5]. Жизнь Иисуса Христа, закодированная в датах его дневниковых записей, – это муки страдающего человека, а не только вочеловечившегося бога. Сатана идет крестным путем

– и оказывается единственным человеком среди чертей, в которых превратились люди на земле.

Мотив пути, воплощенный во временных координатах, реализуется в пространственной организации романа на двух уровнях: конкретно-бытовом и ирреальном. Это путешествие Сатаны-Вандергуда по Италии и явление мира «Невыразимого», откуда пришел герой.

Путь Сатаны изображен и прямо, и опосредовано. Появляются локусы дороги, по которым бродит Сатана в бессонные ночи, размышляя о вочеловечивании. Меняется его отношение к посещаемым местам. Сначала он говорит о Риме как делец-Вандергуд: «вывезти вон весь старый Рим» [3, с. 138–139]. Кампанья для Сатаны – «пустое поле», «пустырь», а палаццо Орсини – «вилла», «дворец», достойный князя Ада. По мере его нисхождения, отказа от престола, он начинает видеть в Кампанье «пустыню», куда удаляется страдающий человек Христос, ценить архитектуру – свой палаццо, хочет спасти от «взрыва» Магнуса римские музеи.

Противопоставленный реальному метафизический мир подчеркнуто абстрактен и метафоричен. С «царством Свободы» Сатаны связан мотив преодоления границы. Это пространство отделено от человека Стеной, которую он не может преодолеть в силу ограниченности своей природы. Выбрав путь человека, Сатана отказывается от возможности созерцания пространства «Невыразимого».

Потустороннее в земной реальности представлено топосом моря, имеющим амбивалентную семантику: вода как мир противника Бога – Сатаны – и вода как животворящее начало. В христианстве оно связано с обрядом крещения – омовения, второго рождения [6]. Согласно К. Юнгу, вода также является «чаще всего встречающимся символом бессознательного» [7]. Сатана сохраняет в «подвалах души» память о своем мире: его образ-знак – «шхуна с опущенными парусами <...> в полуденном зное заснувшего океана» [3, с. 158] – повторяется на протяжении всего романа. «Невыразимое» можно увидеть через глаза «Звезды морей» – Марии. В римских музеях «так хорошо пахнет морем» [3, с. 212], и Сатана, изучая культуру человечества, может проникнуть в мир Вечности.

Однако способы, позволяющие «пробиться» через установленную преграду — любовь, искусство, — по-прежнему современным человеком. Люди в своем желании разрушать, «взрывать» не знают цены культуре — они лишь навешивают ценники на предметы искусства («Вы хотите застраховать Ватикан — или что?» — спрашивает Магнус у Сатаны-Вандергуда), любовь в современном мире оказывается лживой, а красота — продажной: это находит выражение в образе лже-Мадонны Марии.

Необходимость дневниковой формы повествования в романе обусловлена 1) мотивом пути и мотивом преодоления границы, организующими, посредством дневниковых дат и сменой пространственных образов, сюжет произведения, и 2) возможностями, которые открываются Я-повествованием, так как субъект видения в романе — Сатана. Изображение сознания такого героя позволяет, с одной стороны, показать ужас катящегося в пропасть мира, с другой — поставить вопрос о человеческом бытии с высоты фигуры Абсолютного Зла. Сатана, явившийся на землю за великой игрой, проникается участью человека, смиряется с ограниченностью своей нынешней природы и конечностью жизни. Произошедшая с Сатаной метаморфоза — свидетельство, что человеческая личность — «самое богатое и самое лучшее на земле» [8]. Однако к концу романа оказывается, что вочеловечившийся Дьявол — единственный, кто, пройдя крестным путем человека, обладает сердцем. Современные люди не верят ни в Бога, ни в Дьявола и по своим деяниям

могут превзойти и того, и другого: «земля выросла», — заявляет в финале Магнус. В своем итоговом романе Л. Андреев говорит о том, что утративший способность разграничивать добро и зло современный человек закрыл себе дорогу в Вечность.

Литература

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. — М. : Художественная литература, 1975. — С. 235.
2. Булдакова Ю.В. Дневник писателя как феномен литературы русского зарубежья 1920–1930-х гг.: типология и поэтика жанра : дис. ... канд. филол. наук. — Киров, 2010. — С. 131.
3. Андреев Л.Н. Дневник Сатаны // Собрание сочинений : В 6 т. — М. : Худож. лит., 1996. — Т. 6.
4. Аверинцев С.С. Антихрист // Мифы народов мира. — М. : Советская энциклопедия, 1980. — Т. 1. — С. 85.
5. Колмакова О.А. Символика дат и числе в романе Л. Андреева «Дневник Сатаны» // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения : сборник материалов IV (XVIII) Международной конференции молодых ученых. — Томск : ТГУ, 2017. — Вып. 18, т. 2. Литературоведение. — С. 45–48.
6. Аверинцев С.С. Вода // Мифы народов мира. — М. : Советская энциклопедия, 1980. — Т. 1. — С. 240.
7. Юнг К.Г. Об архетипах коллективного бессознательного // Вопросы философии. — 1988. — № 1. — С. 140.
8. Леонид Андреев. S. O. S. : Дневник (1914–1919) ; Письма (1917–1919) ; Статьи и интервью (1919) ; Воспоминания современников (1918–1919) / вступ. статья, сост. и примеч. Р. Дэвиса, Б. Хеллмана. — М. ; СПб : Atheneum ; Феникс, 1994. — С. 244.

ЧЕРТЫ ПОЭТИКИ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ПРОЗЕ И.С. ШМЕЛЁВА

Колосовская Л.В.

Томский государственный университет, магистрант

LINES OF POETICS OF OLD RUSSIAN LITERATURE IN I.S. SHMELYOV'S PROSE

Kolosovskaya L.V.

Tomsk State University, master student

В статье рассматривается возможность сопоставления элементов поэтики произведений литературы Древней Руси и XX века на материале романов И.С. Шмелёва «Няня из Москвы» и «Лето Господне». Образ главных героев, модель мира и пространства сравниваются с ведущими категориями древнерусской литературы.

Ключевые слова: И.С. Шмелёв, роман «Няня из Москвы», роман «Лето Господне», поэтика.

In article the possibility of comparison of elements of poetics of literary works of Ancient Russia and the 20th century is considered. Material – novels by I.S. Shmelev "The nurse from Moscow" and "Summer the Lord's". The image of the main characters, model of the world and space are compared to the leading categories of Old Russian literature.

Key words: I.S. Shmelev, novel "Nanny from Moscow", novel "Summer the Lord's", poetic manners.

Научный руководитель:
Поплавская Ирина Анатольевна,
докт. филол. наук, профессор.

В современном литературоведении религиозная составляющая в произведениях русской литературы рассматривается как ведущая, определяющая такими исследователями, как М.М. Дунаев, А.М. Любоумров, И.А. Есаулов и др. Так, М.М. Дунаев, анализируя творчество поэтов и писателей рубежа XIX–XX вв., говорит о кризисе, о «пустоте в атмосфере» [1], которая связана с борьбой с православием. А.М. Любоумров использует понятие духовного реализма, под которым понимается «художественное освоение духовной реальности, то есть реальности духовного уровня мироздания и духовной сферы бытия человека» [2]. И.А. Есаулов пишет о необходимости «осознания христианского (а именно – православного) подтекста русской литературы как особого предмета изучения» [3]. Он акцентирует внимание на том, что культура в целом и литература – это «сферы духовной жизни, где нет и не может быть нейтрального, безоценочного поля смыслов и значений» [4, с. 40]. За культурой, путями ее развития скрываются определенные идеологические координаты, аксиологические категории.

Исходя из этого, выделим основания для выявления традиций древнерусской литературы, которая по природе своей была глубоко религиозной, в литературе первой волны русской эмиграции. Влияние древнерусской литературы на творчество Шмелёва становится предметом осмысления многих современных исследователей. Например, в диссертации В.А. Соткова на материале прозы Шмелёва 1920–1930-х гг. выделяются несколько типов героев, которые являются верующими людьми и ведут соответствующий праведникам образ жизни. Сам образ такого героя как устойчивый тип восходит, конечно, к литературе Древней Руси.

Прежде всего, в прозе Шмелёва можно выделить «житийно-идиллический» сверттип. К этому типу могут быть отнесены, в частности, Горкин и Дарья Степановна Синицына. Образ Горкина, как известно, встречается в двух романах писателя («Богомолье» и «Лето Господне»), Дарья Степановна же выступает как ключевая фигура романа «Няня из Москвы». Остановимся более подробно на этом образе.

Одним из ключевых эпизодов романа «Няня из Москвы» стала поездка Дарьи Степановны в Оптину Пустынь. Там она получает завет, которому неизменно следует всю дальнейшую жизнь. Старец Алексей говорит ей: «Родная ты моя, не смущайся, все принимай... и чужой грех на себя прими, а не осуди» [4, с. 41]. Эти слова становятся для нее нерушимым законом жизни, который она неукоснительно исполняет. Она готова принять на себя грехи семьи Вышгородских, в которой она живет в качестве няни их дочери Кати, хочет своей жизнью искупить все то, что они совершают, не имея веры в Бога: «Так вот, говорю-то я... – проснешься, Господи, старая я, кому нужна <...> покарай ты меня, взыщи на мне, Катюньчика не оставь милостью! На всем свете одна она у меня теперь, будто дитя родное» [5]. Сила Божья действительно сходит на няню, которая укрепляется в вере, исповедует ее открыто, следует ей мыслями своими, словами и поступками. И в этом совпадении слова и дела, мысли и поступка раскрывается сущность характера Дарьи Степановны, истоки которого видятся в изображении идеального человека в литературе Древней Руси с ее православной аксиологией.

В романах Шмелёва праведная жизнь героев, относящихся к «житийно-идиллическому» сверттипу, во многом раскрывается через использование традиций жанра жития и элементов житийного канона, в частности через изображение их праведной земной жизни. Так, например, описание жизни Михаила Панкратовича Горкина из романа Шмелёва «Лето Господне» строится во многом как жизнеописание святого в миру. Но учит, наставляет Горкин не только словами. Сама его жизнь – пример, живое свидетельство веры в Бога, которой он так хочет научить маленького Ваню. По мнению исследователя, «знание евангельских текстов, народных преданий и притч раскрывает Горкина как христианина, для которого следование канонам православия мыслится единственно верным путем праведника» [6, с. 16]. Не случайно внешне и внутренне Горкин напоминает своему воспитаннику святого. У него «маленькое лицо, сухое, как у угодников, с реденькой <...> бородкой», сам он «старенький

и сухой, как все святые. И еще плотник <...> из плотников <...> и Сергей Преподобный <...> и святой Иосиф» [6, с. 18]. Накануне Пасхи Ваня смотрит на него и думает: «Кто он будет? <...> свято-мученик или преподобный, когда помрет?» [6, с. 26].

Здесь облик Горкина соотносится в сознании ребенка с иконописным изображением святых, в частности, преподобного Сергия Радонежского и святого Николая Чудотворца. Как известно, в описании икон в древнерусской литературе использовался принцип обратной перспективы. Он связан с тем, что икона воспринималась не столько как объект созерцания героя, сколько как субъект видения. То есть не столько человек созерцал икону, сколько икона глазами Христа, Богоматери или святых смотрела на человека, который в это время предстоял ей. Такое мысленное предстояние перед лицом Горкина, который все знает о нем, характерно и для героя-рассказчика в романе «Лето Господне».

Взгляды Горкина в романе оказываются близки позиции Дарьи Степановны, которая в жизни никого не осуждает и рассуждает о том, что в будущем «вся тварь воскреснет <...> А за что же судить! Она — тварь неразумная, с нее взятки гладки» [4, с. 60]. Дарья Степановна и Горкин выражают в литературе русского зарубежья 1920–1930-х гг. позицию коллективного народного сознания, тесно связанную с практическим христианством.

Таким образом, обзор разных источников открывает перспективу рассмотрения романов Шмелёва

«Няня из Москвы» и «Лето Господне» с опорой на поэтику древнерусской литературы. Это позволяет выделить в творчестве Шмелёва особый тип героя-праведника, такого, как Горкин и Дарья Степановна, описать их жизнь, опираясь на житийные традиции древнерусской литературы, представить их как выразителей «идеального» человека в литературе русского зарубежья.

Литература

1. Дунаев М.М. Православие и русская литература : в 6 ч. — Изд. 2-е, испр., доп. — М., Христианская литература, 2003. — Ч. 5. — С. 9.
2. Любомудров А.М. Духовный реализм как отражение религиозной культуры в художественной литературе [Электронный ресурс] // Вестник славянских культур. — 2008. — Литература. Литературоведение. Устное народное творчество. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/duhovnyy-realizm-kak-otrazhenie-religioznoy-kultury-v-hudozhestvennoy-literature> (дата обращения: 25.03. 2019).
3. Есаулов И.А. Категория соборности в русской литературе. — Петрозаводск : Изд-во Петрозавод. ун-та, 1995. — С. 5.
4. Шмелёв И.С. Собрание сочинений : в 5 т. — М. : Русская книга, 1998. — Т. 3. Рождество в Москве : роман. Рассказы.
5. Сотков В.А. Феномен праведничества в прозе И.С. Шмелёва 1920–1930-х гг. : дис. ... канд. филол. наук. — Нижний Новгород, 2017. — С. 13.
6. Шмелёв И.С. Собрание сочинений : в 5 т. — М. : Русская книга, 1998. — Т. 4. Богомолье : романы. Рассказы.

ТЕМА ВОСКРЕСЕНИЯ В РОМАНАХ ИВАНА ШМЕЛЁВА «СОЛНЦЕ МЕРТВЫХ» И «ЛЕТО ГОСПОДНЕ»

Корнеев А.В.

Томский государственный университет, студент

THE THEME OF RESURRECTION IN THE NOVELS OF IVAN SHMELEV "THE SUN OF THE DEAD" AND "SUMMER OF THE LORD"

Korneev A.V.

Tomsk State University, student

В докладе рассматривается связь между романами Ивана Шмелёва «Солнце мертвых» и «Лето Господне» на основе общего подтекста, общих мотивов и образов. Раскрывается неразрывная связь двух произведений, эволюция и общность в текстопрождении Шмелёва в условиях эмиграции.

Ключевые слова: Иван Шмелёв, «Солнце Мертвых», «Лето Господне», тема воскресения.

The report examines the relationship between the novels of Ivan Shmelev's "The Sun of the Dead" and "The Summer of the Lord" based on common overtones, common motives and images. The inextricable link between the two works, evolution and commonality in Shmelev's text-generation under the conditions of emigration is revealed.

Key words: Ivan Shmelev, Sun of the Dead, Summer of God, theme of resurrection.

*Научный руководитель:
Новикова Елена Георгиевна,
докт. филол. наук, профессор.*

Акцент в исследованиях творчества Ивана Шмелёва смещен на позднее творчество автора, в первую очередь на роман «Лето Господне». К роману-эпопее «Солнце мертвых» обращаются сравнительно редко, например, один из ведущих исследователей Шмелёва А.М. Любомудров выводит «Солнце мертвых» за рамки христианской проблематики, а вместе с тем – и из поля исследований творчества Шмелёва в целом [1]. Однако это происходит после крайне скудного анализа «Солнца мертвых» и публицистики Шмелёва 1920-х гг. При том ясна связь между романом-эпопеей «Солнце мертвых» и поздним творчеством, на нее указывает упоминание образа солнца в критической работе по «Лету Господню» И. Ильина: «И вот, в русской литературе впервые изображается этот сложный организм, в котором движение материального солнца и движение духовно-религиозного солнца срастаются и сплетаются в единый жизненный ход» [2]. Двойственность «солнца» соотносится с отражением божественного, нетленного Царства Небесного на земле в «Лете Господнем», что становится утерянным в романе-эпопее «Солнце мертвых», однако указание на восстановление утраченного мы видим в его финале. Ясно, что связь романов «Солнце мертвых» и «Лето Господне» заключается в наличии схожих мотивов и образов, что становилось предметом различных исследований [3–5]. В качестве примера связи мы приведем схожую цитацию в двух романах, а именно – цитирование символа веры. В «Солнце мертвых» символ веры, а именно фраза «Чаю воскресения мертвых» цитируется в финале романа-эпопеи [6]. В финале романа в Крым приходит весна, возрождение природы противоположно текущему состоянию мира, которое можно описывается как пространство смерти [7], то есть пространство, наполненное смертями, опустошенное, подчиняющееся принципам смерти, также его можно охарактеризовать как проклятое, оставленное Богом, общее состояние мира характеризуется как апокалиптическое. В финале же, напротив, мы

видим «пророчество» о грядущем воскресении, причем именно о возрождении России как страны. Любомудров в уже упоминаемой работе, справедливо замечает, что на данном этапе можно говорить об этом воскресении только как о метафоре.

Если роман-эпопея «Солнце мертвых» заканчивается весной, то «Лето Господне», напротив, начинается весной, и в начале романа также цитируется та же фраза из символы веры «Чаю воскресения мертвых». И действительно, теперь, говоря об ожидаемом воскресении мертвых, Шмелёв пишет именно о воскресении мертвых на Страшном Суде. В этом заключается апокалиптичность романа «Лето Господне», а именно – в апокалиптических ожиданиях, связанных с чувством радости, ассоциированных с общим воскресением и судом, на котором праведник не потерпит вреда: «Имеющий ухо (слышать) да слышит, что Дух говорит церквам: побеждающий не потерпит вреда от второй смерти» (Откр. 2:11). Особенно важно начало романа «Лето Господне», где главный герой, ребенок Ваня, и Горкин, воспитатель, обсуждают необходимость готовиться к воскресению. Также в начале романа герои романа будто переживают Суд и уже предстают воскресшими: «Я еду к ефимонам с Горкиным. <...> – Горкин, – <...> а почему стояния? – Стоять надо, – говорит он, поокивая мягко, как и все владимирцы. – Потому, как на Страшном Суду стоишь» [8].

Примеров раскрытия темы воскресения в романе значительное количество, также трансформацию взглядов Шмелёва замечательно демонстрирует его публицистика, однако, к сожалению это придется опустить, но эти материалы будут использованы в следующих работах. Пока следует сказать, что если в романе-эпопее «Солнце мертвых» мы видим пространство смерти, то в романе «Лето Господне» видим пространство воскресения. Пространство воскресения создается через элегическую составляющую романа, лирические отступления, в которых делится переживани-

ями повествователь-взрослый. Он пишет как человек, переживший события Гражданской войны, наблюдавший разрушение России. Лирические отступления в романе «Лето Господне» связаны с его самоопределением в пограничном состоянии эмигранта. Причем герой вспоминает себя ребенком, образы прошлого, умершие люди воскресают в его памяти, действуют в настоящем. Важно, что лирические отступления происходят в прошедшем времени, а действие в прошлом, воспринимаемые глазами ребенка – в настоящем. Таким образом, противопоставление пространства смерти и пространства воскресения, парадоксальность времени в романе (настоящее описывается в прошедшем времени, а прошлое – в настоящем), и апокалиптическая природа обоих позволяют заключить, что в романе «Лето Господне» описывается не прошлое, а, напротив, грядущее действительное воскресение. Основой для веры становится жертва Христа. Именно вера в воскресение помогает преодолеть горе из-за смерти отца, что показывает ее особую значимость: «Выносят Животворящий Крест?.. Животворящий Крест, в чудесных цветах, живых... Молюсь про себя и плачу... тихо плачу... не зная, что это вынос... что это выносят гроб».

Итак, описание связи между романами «Солнце мертвых» и «Лето Господне» позволяет подчеркнуть важную черту Ивана Шмелёва как религиозного консерватора, эволюцию его взглядов. Мы наблюдаем формирование такой черты, которую можно понять как искренность религиозного консерватора – для него религиозные представления не есть лишь способ защититься от перенесенных потрясений (хотя и безусловно помогают справиться с ними), но действительные убеждения. В связи с субъективным ощущением реальности того, во что верит религиозный консерватор, его позиция вовсе не оказывается связан-

ной с отрицанием, эскапизмом или сентиментальностью – Страшный Суд и воскресение для него – действительные события, которые произойдут в будущем.

Литература

1. Любомудров А.М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б.К. Зайцев, И.С. Шмелёв. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. – 272 с.
2. Ильин И.А. О тьме и просветлении. Книга художественной критики. Бунин – Ремизов – Шмелёв. – Мюнхен, 1959.
3. Черва Е.А. Мифопоэтика романной прозы И.С. Шмелёва : автореф. дис. ... канд. филол. наук [Электронный ресурс]. – URL: <http://cheloveknauka.com/mifopoetika-romannoju-prozy-i-s-shmeleva>.
4. Ивченко Е.Г. Художественные искания И.С. Шмелёва: публицистический аспект : автореф. дис. ... докт. филол. наук [Электронный ресурс]. – Краснодар, 1998. – URL: <https://www.dissercat.com/content/khudozhestvennye-iskaniya-i-s-shmeleva-publitsicheskii-aspekt>.
5. Осьминина Е.А. Проблемы творческой эволюции И.С. Шмелёва : автореф. дис. ... канд. филол. наук [Электронный ресурс]. – М., 1993. – URL: <https://www.dissercat.com/content/problemy-tvorcheskoj-evolyutsii-i-s-shmeleva>.
6. Шмелёв И.С. Солнце мертвых [Электронный ресурс]. – URL: http://www.lib.ru/russlit/smelew/shmelev_sun.txt.
7. Новикова П.А. «Пространство смерти» в европейской литературе XX века (И. Шмелёв, Б. Виан, В. Шаламов, А. Солженицын, Ф. Ксенакис) : автореф. дис. ... канд. филол. наук [Электронный ресурс]. – URL: <http://docplayer.ru/52475788-Novikova-polina-aleksandrovna-prostranstvo-smerti-v-evropejskoj-literature-xx-veka-i-shmelev-b-vian-v-shalamov-a-solzhenicyn-f.html>.
8. Шмелёв И.С. Лето Господне [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.lib.ru/russlit/smelew/leto.txt>.

МОТИВ ТИШИНЫ В КНИГЕ СТИХОВ БОРИСА ПОПЛАВСКОГО «СНЕЖНЫЙ ЧАС»

Маматов Г.М.

Новосибирский государственный педагогический университет, магистрант

MOTIF OF SILENCE IN BORIS POPLAVSKY'S BOOK OF POEMS "SNOW HOUR"

Mamatov G.M.

Novosibirsk State Pedagogical University, master student

В статье представлен анализ мотива тишины в книге стихов Б. Поплавского «Снежный час» (1936). Выявлено, что в художественном мире сборника тишина имеет отрицательные и положительные коннотации. С одной стороны, она знаменует вечное молчание мира, его окостенелую статичность, но, с другой стороны, она видится как особое состояние лирического субъекта, пребывание в котором позволяет услышать звучание иных миров, что обусловлено влиянием восточной философии и русской поэтической традицией.

Ключевые слова: тишина, молчание, Б.Ю. Поплавский, снег, дождь.

The article presents an analysis of the motive of silence the book of poems "Snow hour" by B. Poplavsky (1936). We revealed that silence has positives and negatives connotations in the artistic world of the book. On the one hand, it marked eternal silence of the world, its ossified static, but, on the other hand, it sees as special condition of lyrical subject, staying in it allow hear the sound of others worlds. This is due to the influence of Eastern philosophy and Russian poetic tradition.

Key words: silence, hush, B.Yu. Poplavsky, snow, rain.

Научный руководитель:
Тырышкина Елена Викторовна,
докт. филол. наук, доцент.

В посмертной книге стихов Б.Ю. Поплавского «Снежный час» одним из центральных мотивов является тишина, о чем уже писали критики и исследователи. Уже В.Ф. Ходасевич отмечал, что в финальной книге Поплавский как бы замолкал как поэт [1]. Эта точка зрения позволила М.А. Васильевой заключить, что тишина становится главной эстетической категорией в сборнике: «Поплавский не просто шел в молчание, а сам создавал его в литературе» [2]. Данная мысль М.А. Васильевой поддерживается и другими исследователями. Так, Е. Менегальдо рассматривает тишину как некое идеальное чистое начало, порождающее снег, главенствующий символ книги: «В этой затихшей вселенной, окутанной снегом, сами люди чувствуют себя другими и раскрываются для новой радости» [3]. Иначе исследуемый мотив трактует Д.В. Токарев, отмечая его отрицательные коннотации. Исследователь выделяет переход от музыки, игравшей важную роль в предыдущих книгах Поплавского, к молчанию мира, «не отвечающего на призыв поэта» [4]. Все указанные точки зрения оказываются верными, однако немаловажным аспектом является описание категории тишины и синонимичной, но не тождественной ей темы молчания, как в книге, так и в контексте философских идей Бориса Поплавского.

Тишина разделена в книге на *silentium mortuum* и *silentium harmonium*, каждая из которых связана с определенными мотивами и образами. Мертвая тишина коррелирует с зимней символикой и топосом города, часто названного «ледяным домом». Тезис Е. Менегальдо о связи чистой тишины и снега кажется не совсем полным. Безусловно, тишина, порождающая снег, имеет такое значение («Прежде за снежной пургой» (1931)), в то время как тишина, которую создает снег, летящий на город, представляет собой затихание звуков жизни, соединяясь с темами смерти и окостенелости. Это очевидно в миниатюре «Город тихо шумит. Осень смотрит в белое небо» (1931). Лирический

сюжет стихотворения строится на временном переходе от осени к зиме, которая несет собой смерть. Все предметные образы представлены как мертвые, спящие, пусты: «Все заснет в изумрудном молчании газа ночей», «Будут мертвы каналы, бесконечно пустынные холодные доки», «Скоро в сумерках снег упадет, будет желто и тихо./ Газ зажжется в пустых переулках, где много спокойного света» [5] (далее стихотворения Поплавского цитируются по этому изданию). В первой же строке высвечивается тема угасания жизненных сил: «Город тихо шумит». Этот оксюморон связывается с пониманием города как духовно ограниченного пространства, чьи звуки диссонансные и тихие, а его жизнь — суета сует. Отметим прием, который можно назвать антисинестезией. Наступление тишины знаменует исчезновение звуков, света и солнечного огня и тепла. Возникающее в стихотворении холодное солнце связано с мифом о смерти светила: «Только солнце, огромное, зимнее солнце, совсем без лучей,/ Будет тихо смотреть и молчать» [5].

Тема тишины функционирует и на внутреннем уровне стихотворения, строящемся на чередовании разностопных анапестических стихов; его схема выглядит следующим образом: АН₅, АН₅, АН₆, АН₆, АН₆, АН₆, АН₅, АН₂, АН₅, АН₄, АН₅, АН₆, АН₆, АН₆, АН₅, АН₆. Непоследовательное распределение стоп подчеркивает неровное, напряженное состояние лирического героя. Если в строках, написанных шестистопным и пятистопным анапестом, живописуется внешний мир в его грандиозном умирании, то краткие строчки двустопного и четырехстопного анапеста, связанные между собой благодаря амфимакрической анакрузе (стихи начинаются с глагола «быть» в третьем лице, но в разном числе), маркируют эмоциональные сдвиги лирического субъекта от радости: «Будет так хорошо опуститься на снег» до уныния: «Будут краткие вздохи». Рассмотрим финальный стих: «Все будет царственно, хрупко и так смертно, что страшно и ду-

мать». Помимо темы великолепия заснеженного мира тут возникают мотивы хрупкости, смертности, что обыгрывается и на уровне фоники благодаря приему анаграммы: аллитерационный повтор «стр» и ассонанс на «э» вводят лейтмотив смерти. Рассмотрим ритмический рисунок этого стиха: *_UU/_UU/_UU/U_U/U_U/U_U*. Исходя из схемы, видно, что это логгаэд, состоящий из трех дактилических и трех амфибрахических стоп. На наш взгляд, этот стих усугубляет трагичность финала. Представляя собой ритмический обрыв, он, в то же время, соотносится с мотивами грядущей зимы, затихания-оледенения мира.

В «Снежном часе» также существует и молчание, представляющее собой гармоничное беззвучие. Если тишина связана с внешней реальностью, то молчание есть психологическое состояние лирического субъекта, пребывание в котором позволяет ему отрешиться от жизни и уйти в особые сферы, звучащие прекрасными космическими гармониями. Вполне вероятным кажется влияние буддистской философии, занимающей особое место в поэтике монпарнасца, о чем пишет О.А. Савинская [6]. Можно предположить, что на Поплавского оказал влияние тибетский трактат «Голос безмолвия» в переводе Е.П. Блаватской (1889). По этой теософской концепции, рассудок и ум, данные как материально-физические субстанции, — убийцы, заглушающие духовное начало в человеке и мешающие ему обрести свет истины. Победа над разумом способна принести человеку встречу с Богом. Важнейшей мыслью в связи с поэтикой Поплавского является понимание музыки внешнего мира как «*фальшивой*», заглушающей голос истины и божества («*Молчаливого Оратора*»), который возможно услышать только внутренним слухом, полностью отрешившись от эмпирической действительности и ее звучания: «*Прежде чем душа услышит, образ (человек) должен стать равно глухим <...>. Прежде чем душа сможет разуметь и вспоминать, она должна так же соединиться с Молчаливым Оратором <...>. Ибо тогда душа услышит и вспомнит. И тогда к внутреннему слуху обратится*» [7]. Не менее важной в данном случае оказывается и концепция молчания в стихотворении Ф.И. Тютчева «Silentium» (1833), переключки с которым очевидны в «Снежном часе». У поэта-эмигранта молчание — символ истины; только отрешившись от жизни, можно услышать мировую гармонию, тогда как звуки реальности диссонансны по своей природе. Связь с тютчевской миниатюрой очевидна и благодаря использованию императивных конструкций с глаголами с семантикой слушания. Одним из образов, чье звучание позволяет услышать звуки прекрасного мира, Космоса, является дождь, что подчеркивает мысль о корреляции воды с материнским лоном и трансцендентной родиной героя книги, осознающего себя Падшим Ангелом, Пророком, скитальцем, ищущим свой истинный путь: «*Таись, учишь скрывать/ И слушай там весь вечер,/ Как мелкий лист шуршит/ Под каплей дождевой. // Молчи и слушай дождь./ Не в истине, не в чуде,/ А в жалости Твой Бог,/ Все осталь-*

ное — ложь» [7, с. 258]. Заметим, что связь дождя с некими прекрасными сферами и гармонией обнаруживается и в поэзии символистов, например, в стихотворении К.Д. Бальмонта «Ночной дождь» (1921): «*Я вспоминал невозвратимость счастья,/ К которому дороги больше нет./ А дождь стучал, и в музыке ненастья/ Слагал на крыше мерный менуэт*» [8]. Это подразумевает единство молчания и музыки, чье соединение порождает особое состояние мира, разделенного на истинный и ложный, что создает структурированное мироздание, где звуки истины — золотое сечение, делящее его на диссонансное пространство зимнего города и космическую сферу, порождающую снег, связанный с гибельной ледяной немотой мира, и дождь, чьи благотворящие воды несут собой отзвуки трансцендентных гармоний.

Итак, в «Снежном часе» Б. Поплавского существуют две тишины, которые можно обозначить как *silentium mortuum* и *silentium harmonium*, противопоставленные друг другу и связывающиеся с определенными образами и мотивами. Мертвенная тишина закреплена за пространством города и коррелирует с зимними мотивами (снег, холод, лед), символизируя абсолютное прекращение звуков, света и тепла. Этому противопоставлено молчание, знаменующее добровольный уход героя в иные прекрасные миры. Лишь отказавшись от речи, лирический субъект книги способен услышать звучание сфер и соединиться через это звучание с музыкальным Космосом, находящимся вне познаваемой реальности. Если *silentium mortuum* связано с зимней символикой, то *silentium harmonium* — с мотивом дождя. Такое молчание, объясняющееся буддистской философией и русской поэтической традицией, в то же время вписывается в духовные поиски лирического героя «Снежного часа», осознающего себя одиноким в ледяном аду безжизненного мира и ищущего истинную гармонию.

Литература

1. Ходасевич В.Ф. Два поэта [Электронный ресурс]. — URL: http://az.lib.ru/h/hodasewich_w_f/text_0910.shtml.
2. Васильева М.А. На границе звука. О творчестве Бориса Поплавского // Дружба народов. — 1997. — № 12. — С. 199–208.
3. Менегальдо Е. Поэтическая вселенная Бориса Поплавского. — СПб. : Алетейя, 2007. — С. 132.
4. Токарев Д.В. Между Индией и Гегелем. Творчество Бориса Поплавского в компаративной перспективе [Электронный ресурс]. — М. : Новое литературное обозрение, 2011. — URL: <https://www.litmir.me/br/?b=163271&p=1>.
5. Поплавский Б.Ю. Собрание сочинений : в 3 т. — М. : Книжница, 2009. — Т. 1. Стихотворения. — С. 256.
6. Савинская О.А. Стоические и буддистские мотивы в лирике Б.Ю. Поплавского. // Вестник Костромского гос. ун-та. — 2011. — № 3. — С. 194–198.
7. Голос безмолвия Семь врат. Два пути. Отрывки из «Книги Золотых правил» / пер. с тибет. Е.П. Блаватской [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.theosophy.ru/lib/golos.htm>.
8. Бальмонт К.Д. Дар земле. — Париж : Русская Земля, 1921. — С. 50.

КРИЗИС САМОСОЗНАНИЯ РУССКОГО ЭМИГРАНТА В РОМАНЕ Г. ГАЗДАНОВА «НОЧНЫЕ ДОРОГИ»

Назаренко И.И.

Томский государственный университет, магистрант

THE CRISIS OF SELF-CONSCIOUSNESS OF THE RUSSIAN EMIGRANT IN THE G. GAZDANOV'S NOVEL "NIGHT ROADS"

Nazarenko I.I.

Tomsk State University, master student

Выявляется концепция русской ментальности в романе Г. Газданова «Ночные дороги», исследуется проблема кризиса самосознания русских эмигрантов после утраты Родины. История Федорченко прочитывается как история двойника нарратора-персонажа.

Ключевые слова: Г. Газданов, «Ночные дороги», русский эмигрант, самосознание.

The concept of the Russian mentality in the novel "Night roads" by G. Gazdanov is revealed, the problem of the crisis of self-consciousness of Russian emigrants after the loss of the Motherland is explored. The story of Fedorchenko is read as the story of the twin of the narrator-character.

Key words: G. Gazdanov, "Night roads", Russian emigrants, self-consciousness.

Научный руководитель:
Рыбальченко Татьяна Леонидовна,
канд. филол. наук, доцент.

Г. Газданов закончил роман «Ночные дороги» в 1941 г., но опубликовал его лишь в 1952 г. Заглавие связано с семантикой культуры: первое слово отсылает к «Закату Европы» О. Шпенглера, указывая на ночь, следующую за закатом стадию вырождения европейской культуры. Второе слово — «дороги», а не первоначальное «дорога» — указывает на авторский перенос акцента с жизненного пути центрального персонажа на жизни других, их переплетение, на познание им бытия. Центральный персонаж и нарратор романа, наделенный автобиографическими чертами Газданова, безымянный русский эмигрант, интеллигент средних лет, ночной парижский таксист. Работа таксистом для него — соприкосновение с изнанкой реальности и одновременно отделенность от нее, возможность временного погружения в ужас бытия, после которого можно вернуться к дневному, автономному способу существования — жизни в культуре. «Я»-нарратор пишет текст-рефлексию, воспоминания от участия в Гражданской войне до работы таксистом. Основные нарративные стратегии в романе — исповедальность и нравописание — переплетаются, и нарратор-персонаж постигает жизни других, чтобы познать себя.

Представления Газданова о русской ментальности в «Ночных дорогах» складываются из наблюдений нарратора-персонажа за русскими эмигрантами и высказываний фоновых персонажей-эмигрантов, из их судеб. «Свое», русское постигается в соотношении с «чужим», европейским. Русский в романе, — прежде всего, носитель высокой культуры, человек, с детства predisposed к «последним» вопросам бытия о смысле жизни, о смерти и Боге; русская культура имеет метафизическую природу. Русский — носитель стихийного сознания, свободного мышления, не привязанный к материальному бытию, в отличие от европейцев. В сознании русского мироздание представляет собой текучий животворный хаос, для европейца же оно упорядочено и мертво. Черты русского

национального сознания — тяга к творчеству и этическое начало, которого лишены нравственно релятивные европейцы.

Нарратор-персонаж отчужден от французского социума, как и от русских эмигрантов, хотя относится к ним с большим сочувствием. Оказавшись во Франции на социальном дне, они деградировали культурно и психологически. Нарратор-персонаж выделяет три типа эмигрантов: 1) «лучшие»: «становились мечтателями, избегавшими думать о действительности» [1, с. 170]; 2) «худшие»: «те, у кого воображение было меньше развито, <...> постепенно спивались» [1, с. 170]; 3) «здравомыслящие»: «преуспевавшие в том, что они делали, <...> были наименее интересными и наименее русскими» [1, с. 170]. «Лучшие» и «худшие» не согласны опускаться до уровня массового человека, желают сохранить свою культуру и отгораживаются от европейского социума. Многие из персонажей-эмигрантов, бывших интеллигентов изображены как люди, чье сознание перегружено культурой. Она не дает им влиться в парижский социум и ограничивает сознание.

Концепция пагубного воздействия культуры на человека — массового, а не интеллигента — открывается в истории Федорченко. Это персонаж второго ряда, воплощающий не типическое, а индивидуальное — младоэмигрант, как и нарратор-персонаж, и во многом его двойник. В России они учились в одной гимназии, а в Париже работали на одной фабрике. Учеба в гимназии привила центральному персонажу тягу к высокой культуре, но на Федорченко, он считает, учеба почти не повлияла. Русский культурный код персонажа не был оформлен в юности, и его национальное самосознание размыто, что усугубила эмиграция. За границей Федорченко из-за чувства самосохранения отказался от полученных в гимназии знаний и окончательно стал массовым человеком, существование которого стереотипно — работа на фабрике и сон по будням, по выходным — баня и поход в

публичный дом. Федорченко пытается ассимилироваться в парижской среде, для чего переделывает фамилию на французский манер — «*m-r Федор*» [1, с. 35].

Контрапункт двух восприятий Федорченко нарратором-персонажем обозначает коллизию «казалось» — «оказалось». «Я»-персонаж, ограниченный эмпирическим потоком, считает Федорченко примитивным человеком, неспособным к рефлексии; «я»-нарратор, осмысляющий прошлое с позиции настоящего, знает, что эти представления неверны. Причиной гибели Федорченко нарратор считает его возвращение к духовной культуре и «русскости». Влюбленность Федорченко в парижскую проститутку Сюзанну открывает ему, что тот способен на чувства к женщине. Женитьба на француженке приближает персонажа к вхождению в парижский социум. Они поселяются в новом квартале Парижа и открывают мастерскую для чистки материй. Свидетельство того, что он вписался в новую среду и правила жизни, дает Федорченко силы для следования буржуазным эпистемам; он начинает существование мелкого французского коммерсанта.

Переломным событием в истории Федорченко является вхождение в его жизнь Васильева, пожилого эмигранта. Это начинающий сходить с ума алкоголик, помешанный на убийствах и заговорах. Васильев посвящает Федорченко в свои теории, и хотя тот не верит его рассказам, они расширяют его сознание и заставляют сомневаться в правильности его картины мира. Достигший, чего хотел, Федорченко начинает рефлексировать, приходит к экзистенциальному кризису. Он задается вопросами о смысле жизни и смерти, времени и искусства, открывает одиночество в жизни с Сюзанной, не понимающей его. Нарратор-персонаж заметит разницу между Федорченко и собой: он, как всякий русский, задавался этими вопросами с юности и постепенно примирился с их неразрешимостью; Федорченко же опоздал в культурном и ментальном развитии.

Таинственное исчезновение Васильева и его смерть будто бы разрешает коллизию Сюзанны, от которой отдаляется муж. Однако гибель Васильева не возвращает Федорченко к прежней жизни, а усугубляет его душевный кризис. Литература, которую он

читает, ставит бытийные вопросы, но не разрешает их; романы в русских ресторанах пробуждают в нем ностальгию по утраченной России. Алкоголь, заглушающий, но не снимающий экзистенциальный страх, его не устраивает. Пытающийся найти абсолюты в жизни Федорченко обращается к Евангелию. Последние слова персонажа в романе — цитата запомнившегося ему места в священном тексте: «*Придите ко мне все труждающиеся и обремененные и Аз упокою вы*». *Значит, ответ на все где-то есть*» [1, с. 200]. Слова из Евангелия — призыв Христа людям обратиться к Богу. Духовная коллизия Федорченко разрешается в финале романа его повешением на ручке закрытой двери. Дверь в христианстве символизирует самого Христа; в Евангелии от Иоанна Христос называет себя дверью, пройдя через которую человек может спастись. Закрытая дверь выражает авторское представление о недостижимости Бога в обезбоженном мире: экзистенциальный кризис Федорченко оборачивается не духовным воскресением, а самоубийством, не принесшим ему желаемого упокоения. Следовательно, самоубийство Федорченко — бунт против Христа, который мог бы разрешить мучающие его вопросы.

История Федорченко имеет определяющее значение в исповеди нарратора-персонажа: постигая другого, он постигает себя. Хотя он имеет глубокую связь с русской культурой, его национальная идентичность, как у Федорченко, размыта. За годы жизни в Париже он научился походить на французских рабочих, и некоторые персонажи не верят, что он русский. Но нарратор-персонаж, постигая и принимая Францию, сохраняет свою «русскость». Ключевые его слова в одном из диалогов с Федорченко: «*я об этом знаю столько же, сколько вы*» [1, с. 98] — т.е. духовно он не выше Федорченко, чего не понимает «я»-персонаж, к пониманию чего приближается «я»-нарратор и что осознает автор.

Литература

1. Газданов Г.И. Собрание сочинений : в 5 т. — М. : Эллис Лак, 2009. — Т. 2. Роман. Рассказы. Документальная проза.

ОБРАЗ «РОДНОГО ВРАГА» В ЦИКЛЕ М. ЦВЕТАЕВОЙ «МАЯКОВСКОМУ»

Печкова М.М.

Томский государственный университет, студент

THE IMAGE OF "CLOSE ENEMY" IN THE POETIC CYCLE "MAYAKOVSKOMU" BY M.I. TSVETAEVA

Pechkova M.M.

Tomsk State University, student

В статье анализируется образ «родного врага», выполняющий циклообразующую функцию в цикле М. Цветаевой «Маяковскому». Доказывается, что с помощью этого образа автор развенчивает стереотипы восприятия поэта в метрополии и диаспоре.

Ключевые слова: цикл, Цветаева, Маяковский, стихотворения.

The paper considers the image of the "close enemy" in the poetic cycle "Mayakovskomu" by M.I. Tsvetaeva. This image is proved to make the poems stick together to form a cycle and to debunk stereotypes surrounding the creative personality of Mayakovsky in both metropole and expatriate community.

Key words: cycle, Tsvetaeva, Mayakovsky, poems.

Научный руководитель:
Хатямова Марина Альбертовна,
докт. филол. наук, профессор.

В начале 1930-х гг. М. Цветаева пишет ряд циклов-эпитафий, адресованных поэтам: «Маяковскому», «Стихи к Пушкину» и «Ici-Haut», посвященный Волошину. Они объединены общей темой – Поэта.

Самый ранний среди них – цикл «Маяковскому», написанный в 1930 г., через несколько месяцев после смерти поэта. Причиной его создания стало негативное отношение к Маяковскому после самоубийства и эмигрантов, и советских людей. Смерть поэта стала поводом для его осуждения. М.И. Цветаева из эмиграции, напротив, пытается реабилитировать Маяковского как поэта. В этом цикле она вступает в полемику с современниками, развенчивая основные стереотипы восприятия поэта-трибуна.

Цикл состоит из семи стихотворений и имеет рямочную композицию, первое и последнее стихотворения являются отражением друг друга, выполняют функции предисловия и эпилога. Это самые маленькие части цикла, не имеющие своего микросюжета, непосредственного изображения пространства и времени и являющиеся обращением. В первом стихотворении изображается рождение-крещение и благословение будущего поэта: «Целым миром володей» [1, с. 273]. В стихотворении «Много храмов...» лирическая героиня обращается к Богу, уже после смерти поэта. В логике цикла эта часть – примирение с потерей, окончательное прощание.

Второе стихотворение во многом описывает причину создания цикла – реакцию метрополии и диаспоры на самоубийство поэта. Как советский поэт, Маяковский является врагом для эмигрантов: он неугоден им как приверженец большевизма и как государственный поэт, променявший свой талант на служение революции. Неприязнь к Маяковскому объединяет людей разных партий и идеологий, делает его объектом осуждения для всех. Смерть вызывает воспоминания о нем, но не как о личности и поэте, а как об эпатажном человеке. Важно, что это происходит во время разговора между представителями двух разных политических партий: «черновцем» и «милюковцем», то есть эсером и кадетом; его шаг не приемлет вся

эмиграция. На родине отношение к Маяковскому поменялось после самоубийства как недостойного для советского гражданина поступка. Поэтому даже информация о его смерти подается как незначительная: «Как с новью примириться, / Раз первого ее бойца / Кровь – на второй странице» [1, с. 273].

В третьем стихотворении «В сапогах, подкованных железом...» Цветаева раскрывает свой образ Маяковского, противоположный сложившемуся общественному мнению. Основным здесь является образ сапог, имеющий двойное значение. С одной стороны, он символизирует жизнь поэта как тяжелый, полный трудностей и препятствий путь. С другой, становится выражением личности самого Маяковского и знаком его внутренней силы, устойчивости, несгибаемости и способности идти до самого конца, несмотря ни на что. Поэт изображен как «праводатель», современный Моисей, ведущий за собой советский народ в коммунистическое будущее. Классический образ поэта как пророка трансформируется: теперь поэт не только раскрывает истину о мире или предугадывает будущее, но и является лидером, вождем, движимым не столько Богом, сколько собственной силой воли, трудолюбивым упорством. Он выполняет принятый долг поэта даже после смерти: «Мертвый пионерам крикнул: Стройся! / В сапогах – свидетельствующих» [1, с. 274].

Формально Маяковский является врагом и для самой Цветаевой: ее отношение к поэту обратило против нее многих эмигрантских писателей. Свое мнение о поэте она выражает в центральном, четвертом стихотворении цикла, объясняя смерть поэта личной причиной, что позволяет раскрыть его как живого, чувствующего человека, способного на личностный поступок. В развитии лирического сюжета Цветаева прибегает к обратной логике: намеренно ставит лирическое «я» в положение обвинителя. Если в предыдущем стихотворении утверждалась сила поэта-вождя, то здесь она подвергается сомнению: личная причина самоубийства объявляется недостойной для первого советского поэта: Маяковский совершает самоубийство как обыкновенный человек, юнец, не гото-

вый жить ради общего блага. Добровольный уход из жизни по причине несчастной любви – явление старого, буржуазного мира. Этот способ избавиться от душевных страданий, присущий эгоистичному человеку, отвергается в передовой советской стране. Ирония Цветаевой не является злой насмешкой, это попытка доказать несостоятельность обвинений против поэта. Поступок Маяковского, освободившегося от пут коллективной идеологии, становится показателем силы его духа. Поэтому образ Маяковского-врага в последней строфе и в последующих стихотворениях трансформируется в духовно близкий – «Враг ты мой родной!» [1, с. 276].

Смысловым центром пятого стихотворения становится сам способ ухода из жизни – выстрел в грудь – и отношение общества к нему, передающееся здесь с помощью бинарной оппозиции левый-правый, использующейся в бытовом и политическом смысле. С точки зрения советских людей, самоубийство Маяковского – это непростительный поступок, а выстрел в сердце, левую сторону груди, символизирует измену идеалам, отказ от всего, к чему он стремился: «Нас лефовец удивил: / Только вправо и знавший / Палить-то, а тут – слевил» [1, с. 276]. Поступок Маяковского – это и богоборческий акт (против правой стороны, религиозной традиции), и идеологический вызов (против идеи переделки мира). Первая реакция эмигрантов показывает восприятие Маяковского как человека бездуховного, поэтому его смерть для них безразлична, а выстрел в сердце вызывает лишь удивление.

В шестом стихотворении сам Маяковский говорит о своем поступке в диалоге с Есениным, которого

встречает сразу после смерти (как поэты-современники, покончившие жизнь самоубийством, они оказываются в одном пространстве). Границы между дружбой и враждой после смерти стираются – несмотря на сложные отношения при жизни, в потустороннем мире поэты беседуют как хорошие знакомые. Самоубийство не является поводом для сожаления: для обоих это был единственный выход, обдуманый шаг, потому что его причины были намного глубже, чем кажутся на первый взгляд: «А коли все то же, / Володя, мил-друг мой – / Вновь руки наложим, / Володя, хоть рук – и – / Нет» [1, с. 279]. Причиной становится глубокий личностный кризис у обоих.

В финальном, седьмом стихотворении Цветаева просит у Бога о спасении души безбожника Маяковского и называет главную причину мировоззренческого тупика поэта – богооставленность: «Упокой, Господи, душу / Усопшего врага твоего» [1, с. 280].

В цикле М.И. Цветаевой «Маяковскому» образ «родного врага», направленный на развенчание стереотипов о Маяковском как о нормативном поэте, с одной стороны, и безответственно изменившем делу революции, с другой, выполняет циклообразующую функцию. Полемизируя с современниками, Цветаева выстраивает свое понимание Маяковского как истинного Поэта, финальный, жизненный поступок которого создает «обратную перспективу» к его деятельности «государственного» поэта.

Литература

1. Цветаева М.И. Собрание сочинений : в 7 т. – М. : Терра : Книжная лавка-РТР, 1997. – Т. 2.

ОБРАЗ ИУДЫ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПЕРЕВОДАХ ПОВЕСТИ Л. АНДРЕЕВА «ИУДА ИСКАРИОТ»

Филипчук С.В.

Томский государственный университет, студент

THE IMAGE OF JUDAS IN ENGLISH TRANSLATIONS OF "JUDAS ISCARIOT" BY L.ANDREYEV

Filipchuk S.V.

Tomsk State University, student

В настоящей работе автор анализирует образы Иуды в англоязычных переводах повести Л. Андреева «Иуда Искариот». Сопоставление переводных текстов с оригинальным позволяет определить специфику интерпретаций центрального образа Иуды в англоязычных переводах XX и XXI веков.

Ключевые слова: Л. Андреев, образ Иуды, художественный перевод.

The present paper deals with the image of Judas in English translations of «Judas Iscariot» by L. Andreev. Having compared two translations published at the turn of the 20th and then at the beginning of the 21st century, the author identifies the dominants in different interpretations of the main image of Judas.

Key words: Andreev, the image of Judas, translation of fiction.

Научный руководитель:
Стрельникова Анна Борисовна,
канд. филол. наук.

Повесть Л. Андреева «Иуда Искариот» (1907 г.), в основе которой – переосмысленный евангельский сюжет, задумывалась автором как «*нечто по психологии, этике и практике предательства*» [1]. На рубеже XIX–XX вв. религиозно-нравственные вопросы приобретают особую остроту, что объясняет повышенный интерес писателей этого периода к вечным темам, к образам Иисуса Христа и Иуды.

Л. Андреев в своей повести обращается к одному из самых загадочных событий евангельской истории – к мифу о предательстве Христа. Само заглавие свидетельствует о том, что в центре повести – образ Иуды Искариота. Этот неоднозначный персонаж представлен автором «в двойном освещении». С одной стороны, Л. Андреев продолжает традиционную трактовку, описывая Иуду как «*очень дурного, коварного, лживого человека*». Даже внешне он «*безобразнее всех жителей в Иудее*». С другой стороны, сам Иуда считает, что только он любит Христа «по-настоящему». Свою любовь и преданность Учителю он доказывает добровольной смертью, разделяя участь Христа.

Двойственность образа Иуды фиксируется в психологическом портрете героя, в описании его внешности и поведения: он был «*достаточно крепок силою... но зачем-то притворялся хилым и болезненным и голос имел переменчивый: то мужественный и сильный, то крикливый, как у старой женщины ...и неприятный для слуха*». Внешнюю и внутреннюю противоречивость персонажа подчеркивает и описание его черепа: «*...точно разрубленный с затылка двойным ударом меча и вновь составленный, он явственно делился на четыре части и внушал недоверие, даже тревогу: за таким черепом не может быть тишины и согласия, за таким черепом всегда слышится шум кровавых и беспощадных битв*».

Отметим, что в повести Л. Андреева нельзя однозначно определить авторскую позицию по отношению к Иуде Искариоту. И биографический автор не комментировал и не оценивал своего героя, не защищал и не оправдывал его, предоставляя читателю свободу истолкования. Это обусловило противоречивые отклики как со стороны критиков и писателей начала

XX в. (Л. Толстого, М. Горького, А. Блока и др.), так и полемические суждения современных исследователей. В этой связи закономерно предположить, что сложный образ Иуды, созданный Л. Андреевым, может получить дополнительные интерпретационные аспекты при переводе оригинального текста на иностранные языки.

В ходе настоящего исследования было обнаружено два перевода повести, выполненных в XX и XXI вв. Авторство первого англоязычного перевода принадлежит В.Г. Лоу (публикация – в 1910 г.) [2], второй перевод выполнен Д. Фадеевым и опубликован в электронной версии в 2019 г. [3]. Этот факт свидетельствует об актуальности поднятых Андреевым вопросов и в контексте сегодняшнего дня.

По словам самого Д. Фадеева, причина обращения к переводу – коммуникативно-прагматическая. Он считает, что вечные вопросы всегда злободневны, но слог перевода повести Л. Андреева В.Г. Лоу архаичен, насыщен библеизмами. С одной стороны, это позволяет передать атмосферу библейских времен, но с другой – создает дистанцию между текстом и современным читателем. По его словам, необходимо было корректировать, улучшать уже существующий перевод или предложить современную альтернативу: «*...because I thought that I could better some of the existing translations, or at least offer a modern alternative*»¹.

При сопоставлении двух версий перевода (В.Г. Лоу и Д. Фадеева) заметна существенная разница в том, как выстраивается центральный образ повести Л. Андреева. Иуда в оригинале – «*человек очень дурной славы*». В.Г. Лоу использует слово *evil*, т.е. репутация становится злой, подчеркивается семантика демонизма (*a man of very evil repute*). У Д. Фадеева же появляется эпитет «*болезненная*» (*a man of ill repute*). Для передачи такого качества героя, как корыстолюбие, В.Г. Лоу выбирает слово *covetous*, значение которого – «*алчный, желающий взять чужое, то, что ему не при-*

¹ Фрагмент из личной переписки переводчика с автором исследования, цитируется с согласия первого.

надлежит». Д. Фадеев же выбирает прилагательное *avaricious*, что в переводе – «скупой, корыстолюбивый». Если у В.Г. Лоу одна из черт Иуды – лицемерие (*hypocrisy*), т.е. сознательная ложь в угоду другому, то у Д. Фадеева это притворство (*pretense*).

Можно отметить, что при описании внешности героя В.Г. Лоу стремится показать отражение внутреннего во внешнем: Иуда по-лильему рыжий (*fox-haired*). Переводчик акцентирует семантику хитрости и лживости. У Д. Фадеева Иуда предстает просто рыжим (*ginger*).

В создании образа героя важную роль играет система персонажей, отношение с другими героями. Андреев пишет, что «уж давно неотступно шел он по ихнему пути». В.Г. Лоу выбирает вариант *haunted their path*, т.е. «преследуя, мучая их». Эту же фразу Д. Фадеев переводит как *walked after them tenaciously*, показывая, что за учениками и Христом он шел упорно, настойчиво. Он вступал в разговоры (*joined in their conversations*), по В.Г. Лоу, т.е. был вместе и на равных с другими учениками Христа. У Д. Фадеева иначе – вмешивался в разговоры (*intruded into their conversations*). В переводе В.Г. Лоу Иуда «пропадал, только для того, чтобы снова внезапно появиться»

(*would disappear, only to reappear suddenly*). У Д. Фадеева «но пропадал, а потом снова возвращался незаметно» (*disappear somewhere by the road – and afterwards he would return imperceptibly*). Назойливый (*officious*) Иуда в переводе В.Г. Лоу становится услужливым (*complaisant*) у Д. Фадеева.

Приведенные выше примеры намечают принципиальную разницу в интерпретации образа Иуды в англоязычных переводах начала XX и XXI вв. В.Г. Лоу акцентирует inferнальное начало, тем самым демонизируя образ Иуды. Д. Фадеев фиксирует в тексте низкие качества человеческой природы, как бы «заземляя» образ героя Л. Андреева. Последующее рассмотрение образа Иуды в системе персонажей позволит детализировать и уточнить данные переводческие интерпретации.

Литература

1. Литературное наследство. – М., 1965. – Т. 72. Горький и Леонид Андреев: Неизданная переписка – С. 523.
2. Andreyev L.N. Judas Iscariot / transl. from Russian by H.W. Lowe. – London : F. Griffiths, 1910.
3. Andreyev L.N. Judas Iscariot / transl. from Russian by D. Fadeyev. – CreateSpace Independent Publishing Platform, 2019.

**РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА**

ОСОБЕННОСТИ ХРОНОТОПА МИФОЛОГИИ ЕГОРА ЛЕТОВА

Андрушкевич А.Г.

Томский государственный университет, аспирант

THE SPECIFIC FEATURES OF CHRONOTOPE OF EGOR LETOV'S MYTHOLOGY

Andrushkevich A.G.

Tomsk State University, post-graduate student

В настоящей статье рассматриваются особенности хронотопа мифологии Егора Летова. Исследование построено на тезисе, согласно которому сумма лирических произведений автора квалифицируется как миф. Осуществляется анализ специфики летовских концептов пространства и времени и определяются их особенности.

Ключевые слова: Егор Летов, миф, хронотоп, пространство, время.

This article examines the specific features of chronotope of Egor Letov's mythology. This research is based on the thesis, according to which the entirety of author's works is classified as a myth. This study analyses the features of Letov's concepts of time and space and determines their particular qualities.

Key words: Egor Letov, myth, chronotope, space, time.

Научный руководитель:
Ладов Всеволод Адольфович,
докт. филос. наук, доцент.

В качестве вводного слова отметим, что в последние годы все чаще отечественные исследователи обращаются к изучению творчества Егора Летова. Только за последний год была проведена международная филологическая конференция «“Без меня”: 10 лет без Егора Летова — 10 лет с Егором Летовым», вышел в свет сборник «Летовский семинар. Феномен Егора Летова в научном освещении». Очевидно, что интерес к личности Летова и его творчеству возрастает. В настоящей статье в качестве основного тезиса предполагается утверждение, что произведения Егора Летова представляют мифологическое сообщение. Ввиду теоретической загруженности понятий «миф» и «мифология» и их онтологической корреляции с действительностью в современных исследованиях актуально не просто установление *мифологичности* того или иного дискурса, сообщения или текста, но установление его внутренней логики. Одним из аспектов мифа является мифологическое время, которое, по мысли М. Элиаде, циклично [1, с. 231]. Однако это толкование не определяет логики хронотопа летовского мифа, то есть описывает характер течения времени, но ничего не сообщает о внутренней специфике целого пространства-времени.

Целью настоящего исследования является выявление особенностей хронотопа мифологии Егора Летова. Задачи: во-первых, определить содержание понятия «хронотоп», во-вторых, проецировать это понятие на мифологию Летова, в-третьих, установить соотношения элементов, составляющих хронотоп мифологического сообщения, в-четвертых, выявить определяющие особенности хронотопа произведений Летова. Нас интересует мифологическое сообщение, раскрываемое в корпусе лирических текстов Егора Летова, а именно — внутренняя логика хронотопа этого сообщения.

Как отмечает А.В. Политов, «хронотоп — это целое пространства и времени сюжетной линии» [2]. М.М. Бахтин пишет о хронотопе, что он является «материализацией времени в пространстве» [3]. Мы делаем вывод, что хронотоп представляет собой внутренний ход сюжета с присущей только ему логикой, ко-

торая может *отличаться* от привычной логики. Привычная логика вытекает из повседневного опыта, который приобретается в условиях единого четырехмерного континуума (три измерения пространства и одно измерение времени). В данных условиях некоторое событие, которое потенциально могло бы разворачиваться не в действительности, а в рамках сюжета, тем или иным образом пространственно локализовано. Поскольку Петр и другие люди делят одно общее пространство, то для Петра не составит проблем конкретизировать, где именно оно происходит: «На моей кухне» и т.п. Подобные выражения оказываются трюизмами, поскольку до помещения их в сюжет они не играют какой-либо значимой роли в рамках того или иного сообщения (хотя играют значимую роль в коммуникации). Мы не хотим сказать, что подобные высказывания лишены ценности или смысла, но до момента погружения их в сюжет мы будем квалифицировать их как трюистические. Помимо пространственной локализации некоторое событие с необходимостью имеет также и временную локализацию, то есть имеет некоторое начало и конец, в повседневной коммуникативной практике на которые также можно указать посредством трюизмов («Когда я учился на втором курсе» и т.п.).

Высказывания, локализуя событие, при погружении в сюжет образуют сюжетную линию, изнутри формируют ее. Такое погружение М.М. Бахтин определяет как погружение в хронотоп, когда трюистическое высказывание становится повествовательным, что достигается включением его в сюжетную линию произведения. Повествовательные высказывания представляют собой уже не трюизмы, а сообщение о локализации некоторого события в рамках сюжета. Бахтин пишет: «Сюжетные события в хронотопе конкретизируются, обрастают плотью, наполняются кровью» [3], и далее: «События, стоящие вдали от хронотопа, даются в форме сухого осведомления и сообщения» [3].

Поскольку мы объединяем многообразие лирических произведений Егора Летова в единое целое и квалифицируем его как миф, в статье речь идет о сюжете

мифа и, соответственно, его хронотопе. Мы предполагаем некоторые особенности хронотопа, которые вытекают из специфической квалификации творчества Летова как мифотворчества.

Необходимо разобраться в категориях пространства и времени летовского мифа. Если говорить о пространстве, то Летов конструирует многоуровневую модель реальности. Первый уровень связан с личным местоимением «я» и персонализацией лирического героя. Стих «Среди твоей нормальности живет такой как я» («Я иллюзорен», альбом «Красный альбом», 1987) говорит об авторском противопоставлении того, что имеет отношение к «я», и того, что имеет отношение к «твоему». Однако это не непреодолимая пропасть или линия, отделяющая пространство Героя от пространства других. Именно «среди» играют ключевую роль, сообщая о смежности или, возможно, частичном сообщении двух уровней пространства. Герой обнаруживает себя в мире (соответственно, в некотором пространстве), который не является *ego* миром, он обозначает противопоставление этому миру и собственную «неуместность» в нем. Он переживает это противопоставление как отчуждение: «Свои подумали, что я чужой» («Следы на снегу», альбом «Мышеловка», 1987). Напомним, что сумасшествие есть мифологическая алогичность, которая в «зараженном логикой мире» квалифицируется как сумасшествие, безумие. Герой знает, что есть другая реальность, в которой он не будет «сумасшедшим»: «Я ищу таких как я, сумасшедших и смешных, сумасшедших и больных. А когда я их найду, мы уйдем отсюда прочь» («Зоопарк», альбом «Красный альбом», 1987). «Уйдем отсюда» свидетельствует о сложном концепте пространства.

Модель пространства, состоящего из сакрального и профанного уровней, типична для мифа, о чем пишет Элиаде: «есть пространства священные, т.е. «сильные», значимые, и есть другие пространства, неосвященные, в которых якобы нет ни структуры, ни содержания, одним словом, аморфные» [4]. Многоуровневое пространство имеет вертикальную структуру. Эту структуру можно обнаружить в композиции «Мы – лед» (альбом «Тоталитаризм», 1987), в которой дается ее определение: с одной стороны, «Майор поскользнется, майор упадет», но, с другой стороны, «Мы лед под ногами майора». Следовательно, пространство вертикально упорядочено: ниже находится уровень, который возможен только благодаря «нам» («Пока мы существуем – будет злой гололед»), тогда как выше – пространство Майора. Верхний уровень представляет собой тот самый «зараженный логикой мир», где имеют место боль, смерть и страх. Нижний же уровень – уровень безумия, отсутствия логики, где «живые глаза», «нравится жить» и «последние, кто помнит, что такое свет».

Подлинное сакральное бытие Героя представляется как хтоническое, расположенное буквально ниже по отношению к профанному бытию других. О хтоническом характере собственного пространства заявляет сам Герой: «убегает мой, убегает земля» («Без меня», альбом «Долгая счастливая жизнь», 2004). Летов переворачивает бинарные оппозиции, о чем пишет А.С. Новицкая [5]. «Души корешок, а тело – ботва» («Вершки и корешки», альбом «Вершки и корешки», 1990). Летов ассоциирует душу именно с землей,

с ограниченным и замкнутым пространством, которое, в свою очередь ассоциирует со свободой: «ржавый bunker», который очевидным образом должен быть ограничением, на самом деле «моя свобода» («Государство», альбом «Все идет по плану», 1988).

Время в мифологии Летова совершенно особенно. С одной стороны, нет никаких указаний на временную локализацию. Все события словно разворачиваются прямо сейчас: «гуляют сквозняки», «притаился партизан», «воняет колбасой», «я простудился, умер, превратился в пластилин» («Я иллюзорен со всех сторон», альбом «Красный альбом», 1987). Летов персонализирует время: «время уходит» («На наших глазах», альбом «Красный альбом», 1987), автор вовсе не стремится указать на то, когда происходит событие. Локализация события во времени словно не играет никакой роли для сюжета. Можно сделать вывод о том, что время представляет собой абстракцию, которая не причастна к сюжету. События происходят вне зависимости от времени, что характерно для мифологического повествования, которое сообщает об архетипах, то есть «образцовых личностях и ситуациях» [1, с. 194]. С другой стороны, время представляется алогичным, переворачиваются оппозиции прошлое-настоящее, раньше-позже: «лето прошло, наконец-то растаял снег» («Лето прошло», альбом «Так закалялась сталь», 1988), «а теперь я был хороший, а я раньше стал плохой» («Дите», альбом «Мышеловка», 1987). Мы делаем вывод, что события, о которых сообщается в летовском мифе, архетипичны. Поскольку время мифа циклично, постольку события неизбежно будут повторяться вновь и вновь. Следовательно, указание на время, когда они происходят, бессмысленно, так как они будут происходить множество раз.

Обозначим основные особенности хронотопа мифологии Егора Летова. Во-первых, особая организация пространства летовского мифа – сложный вертикально упорядоченный конструкт, где имеет место противопоставление сакрального (или хтонического) профанному. Во-вторых, выстраиваемый автором миф – способ преодоления времени: время не локализует и не конкретизирует событие, описываемое в сюжете. Определяющим для пространства-времени летовского мифа является особая организация пространства сюжета при характерном для мифа отрицании времени.

Литература

1. Элиаде М. Аспекты мифа. – М. : Академический проект, 2010.
2. Политов А. В. Онтологический смысл понятия хронотопа в философских идеях А. Ухтомского и М. Бахтина [Электронный ресурс] // Научный ежегодник ИФиП УрО РАН. – 2014. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ontologicheskij-smysl-ponyatiya-hronotopa-v-filosofskih-ideyah-a-uhtomskogo-i-m-bahtina> (дата обращения: 28.03.2019).
3. Бахтин М.М. Собрание сочинений. – М., 2012. – Т. 3. Теория романа (1930–1961 гг.). – С. 288.
4. Элиаде М. Священное и мирское / пер. с фр., предисл. и коммент. Н.К. Гарбовского. – М., 1994. – С. 22.
5. Новицкая А.С. Концепт веселья в творчестве Егора Летова [Электронный ресурс] // Русская рок-поэзия: текст и контекст. – 2011. – № 12. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-veselya-v-tvorchestve-egora-letova> (дата обращения: 17.04.2019).

**ОБРАЗ ВРЕМЕНИ В СТИХОТВОРЕНИИ Т. КИБИРОВА
«ЛЮБОВЬ, КОМСОМОЛ И ВЕСНА»**

Бойцова А.В.

Томский государственный университет, студент

**TIME IMAGE IN THE POEM "LOVE, KOMSOMOL AND SPRING"
BY TIMUR KIBIROV**

Boitsova A.V.

Tomsk State University, student

Статья посвящена центральному образу стихотворения Т. Кибирова «Любовь, комсомол и весна» – образу времени. Цель работы – выявить особенности изображения времени, понимаемого как эпоха в жизни социума и государства, как возраст человека и как универсальное прошлое, настоящее и будущее в жизни человечества и в историческом процессе через анализ композиции стихотворения.

Ключевые слова: Т. Кибиров, русская поэзия, композиция, образ времени.

The central image of the poem "Love, komsomol and spring" ("Любовь, комсомол и весна") by Timur Kibirov, namely the time image, is examined in the article. The aim of the article is to research the composition of the poem and to identify features of the time image, which is understood as an epoch in life of the society and the state, as the age of a person and as a universal past, present and future of any human life and historical process.

Key words: T. Kibirov, Russian poetry, composition, time image.

*Научный руководитель:
Суханова Софья Юрьевна, канд.
филол. наук.*

В современной критике существует два диаметрально противоположных взгляда на поэзию Т. Кибирова: одни рассматривают его творчество в контексте постмодернистского искусства, акцентируя использование Кибировым интертекстуальности, ценностности, пародии (А. Левин [1], М. Липовецкий [2]); другие, указывая на специфику авторского мировосприятия, относят поэзию Кибирова к направлению постконцептуализма (М. Эпштейн [3], И. Плеханова [4]). Несмотря на то, что особенностям поэтики Кибирова посвящены несколько диссертаций (Р.А. Нурмухамедова [5], Д.Н. Багрецов [6]), в академическом контексте его творчество исследовано недостаточно.

В статье творчество Кибирова рассматривается в контексте постконцептуализма: хоть Кибиров следует внешним проявлениям эстетики постмодернизма («игра стилей», «цитатность» [7]), ему чужд постмодернистский «пафос революционной ломки мира» [7] – принципиально важны для Кибирова лиризм и сентиментальность.

Стихотворение «Любовь, комсомол и весна» написано в 1987–1988 гг., впервые опубликовано в 1989 г. в журнале «Третья модернизация» [8]. Впоследствии текст входил в состав сборников «Сантименты» (1994) [9], «Избранные послания» (1998) [10], «Внеклассное чтение» (2010) [11].

Текст Кибирова предлагает взгляд на российскую историю XX в. с позиции юности со свойственным ей максимализмом. Стихотворение состоит из 5 глав, обладающих общим композиционным членением. Главами мы условно называем обособленный автором фрагмент стихотворения, который посвящен определенному десятилетию советской истории и в котором можно выделить четыре смысловые части, посвященные изображению настоящего, прошлого и будущего. Смысловые части обособляются словесными формулами, одинаковыми в каждой главе.

Первая часть каждой главы посвящена настоящей

му времени и выделяется формулами «они сидят в обнимку» – «он нежно плечи девичьи обнял». В первой главе пространство («на тачанке»), а также предметы гардероба героев – сигналы гражданской войны: «кожанка старая», «кумачовая косынка», «кобура» – в портрете девушки; «буденовка простреленная», «рука в бинтах кровавых» – в портрете юноши. Параллель между ее рукой на оружии («протянулись девические пальцы к кобуре») и его рукой на «девичьих» плечах («он нежно плечи девичьи обнял») подчеркивает слитность любви и битвы в восприятии персонажей.

В последующих главах связь героев со временем так же определяется по окружающему их пространству, а детали гардероба указывают на социальное положение героев, являются отражением моды: в третьей главе «брючки», «шпильки тоненькие» – сигналы моды 1950-х гг., а уточнение «[ковбойка] побелевшая от целинных ветров» указывает на освоение целины. Так, в первой части каждой главы обрисовываются общие черты конкретного десятилетия и предстает юношеская картина мира, в которой любовь неразрывно связана с битвой.

Вторая часть посвящена изображению прошлого и обрамляется формулами «а за спиной у них клубятся тучи, зарницы блещут» – «клубятся тучи, воют злые ветры». Прошлое предстает в черном свете: образы «врагов» советской идеологии вписываются в один ряд с «разрухой» и «саботажем»; отрицательное отношение к ним выражается при помощи оценочных прилагательных («черные бароны», «ненавистный Колчак»).

Образы «врагов» в каждой главе являются маркерами эпохи, а их изображение соответствует советской риторике. Кибиров нередко включает известные цитаты в неожиданный контекст: «...баптисты и примкнувший к ним Шепилов» – в третьей главе, «и янки не желают ни в какую гоу хоум!» – в четвертой. Наиболее важными являются образы Колчака, Троцкого,

Сталина, Хрущева и Брежнева, трансформация которых осуществляется при переходе от одной главы к другой: в оппозиции «ненавистный» – «краснознаменный», «вдохновенный» проявляются особенности советской риторики.

В третьей части отражены представления юных героев о будущем: «а перед ними светлая заря» – «и в магазинах разные колбасы». Прилагательные и глаголы с семантикой цвета окрашивают будущее в светлые тона, причем некоторые образы выглядят подчеркнуто иронично: «блестящая машина», «спецовка белоснежная». Важную роль в создании образа будущего играет система концептов, через которую проявляются социалистические ценности: новые формы социального устройства («в колхозы собираются крестьяне»), технический прогресс («рабочий командует блестящей машиной», «летают Циолковского ракеты») и др.

Так, в третьей части изображается идеализированное будущее: победа «отрядов Коминтерна» приводит к изменениям во всех сферах общества, к достатку («И в магазинах разные колбасы!»).

Четвертая часть отсылает нас к настоящему времени: «они сидят в обнимку» – «заря встает над обновленную землю». Еще одним сигналом описываемого времени являются тексты, которые читает пара: «Задачи Союза молодежи», «Краткий курс истории ВКП(б)» и т.д. В заключительной главе, в отличие от предыдущих, присутствует также своеобразное подведение итогов: «И будут колбасы в магазинах, а в сердцах – любовь и пламя молодости нашей!» Апелляция в последнем стихе к Пригову, художнику-концептуалисту, позволяет провести параллель между поэзией и смехом, сливающимися в жизни.

Время в стихотворении Т. Кибирова «Любовь, комсомол и весна» линейно: оно распадается на настоящее (действие уступает чувству – любви и страстной приверженности идее), прошлое (связано с отрицательными коннотациями), будущее (воспринимается идеализированно). Прошлое и будущее оцениваются с позиции настоящего, причем оценка вариативна и каждый раз зависит от риторики определенного десятилетия. Повествователь воспроизводит идеологические стереотипы времени и отношения к прошлому и к будущему, которые органично вписываются в мак-

сималистское сознание персонажей. Ироничность социальной истории выявляет композиционная структура, позволяющая сопоставить различные десятилетия, а также авторская ирония: время меняется, а сознание персонажей остается прежним. Онтологическая же, вечная история расширяет концепцию времени в стихотворении: позволяет взглянуть на него не только как на эпоху в жизни общества (молодость вечна ввиду постоянной смены поколений), но и как на возраст человека (молодость неповторима – отражение кибировской сентиментальности). Так, время в стихотворении Т. Кибирова «Любовь, комсомол и весна» представлено в трех аспектах: как эпоха в жизни социума и государства, как возраст жизни человека и как универсальное прошлое, настоящее и будущее в историческом процессе.

Литература

1. Левин А.Ш. О влиянии солнечной активности на русскую поэзию // Знамя. – 1995. – № 10. – С. 218–220.
2. Липовецкий М.Н. Паралогии: Трансформации (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920–2000-х годов. – М.: Новое литературное обозрение, 2008. – С. 264, 575–576.
3. Эпштейн М.Н. Постмодерн в русской литературе: учеб. пособие для вузов. – М.: Высшая школа, 2005. – С. 437–448.
4. Плеханова И.И. Русская поэзия рубежа XX–XXI веков: учеб. пособие. – Иркутск: ИГУ, 2007. – С. 227–248.
5. Нурмухамедова Р.А. Лирический субъект в поэзии Тимура Кибирова: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2008.
6. Багрецов Д.Н. Т. Кибиров: творческая индивидуальность и проблема интертекстуальности: дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2005.
7. Гандлевский С.М. Сочинения Тимура Кибирова // Кибиров Т.Ю. Сантименты: Восемь книг. – Белгород: Риск, 1994. – 386 с.
8. Кибиров Т.Ю. Любовь, комсомол и весна // Третья модернизация. – 1989. – № 12. – С. 16–21.
9. Кибиров Т.Ю. Любовь, комсомол и весна // Кибиров Т.Ю. Сантименты: Восемь книг. – Белгород: Риск, 1994. – С. 185–191.
10. Кибиров Т.Ю. Любовь, комсомол и весна // Кибиров Т.Ю. Избранные послания. – СПб.: Изд. Ивана Лимбаха, 1998.
11. Кибиров Т.Ю. Любовь, комсомол и весна // Кибиров Т.Ю. Внеклассное чтение. – СПб., 2010.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ДЕТАЛЬ И ЕЕ ФУНКЦИЯ В РАССКАЗЕ Ю. ТРИФОНОВА «ПУТЕШЕСТВИЕ»

Гендрин П.А.

Томский государственный университет, студент

DETAIL AND ITS FUNCTION IN THE STORY "JOURNEY" BY Y. TRIFONOV

Gendrin P.A.

Tomsk State University, student

В рассказе Ю. Трифонова «Путешествие» важную роль играет художественная деталь, которая участвует в построении образов героя-рассказчика, персонажей, пространства и времени. Детали воссоздают и раскрывают ситуацию и характер кризиса, переживаемого героем, семантику фабулы, сюжета и финала.

Ключевые слова: Ю. Трифонов, «городская» проза, художественная деталь.

In the story of Y. Trifonov "Journey", an important role is played by detail, which participates in building the image of the hero-narrator, characters, space and time. Details recreate and reveal the situation and the nature of the crisis experienced by the hero, the semantics of the plot and the final.

Key words: Y. Trifonov, "city" prose, detail.

*Научный руководитель:
Суханов Вячеслав Алексеевич,
докт. филол. наук, доцент.*

В 1960-е гг. Ю. Трифонов пишет преимущественно малую прозу, циклы рассказов. Рассказ «Путешествие» опубликован в 1969 г. [1]. Это время перехода от оттепели к застою. Многие писатели, имевшие возможность печататься во время оттепели, в конце 1960-х гг. снова запрещены. Солженицын изгнан из союза писателей СССР, начинается травля Твардовского. Для Ю.В. Трифонова этот период – рубежный, начало становления новой поэтики и эстетики.

Поэтика «городских» рассказов писателя с разной степенью глубины рассматривалась в работах исследователей (Е.А. Добренко, Н.Л. Лейдерман, М.Н. Липовецкий и др.), но исследуемый рассказ рассматривался в качестве примера для аргументации закономерностей и элементов поэтики цикла. Цель работы – анализ функционирования в рассказе художественной детали как важного элемента поэтики. Под художественной деталью мы понимаем вещи, природные явления, поведенческие особенности персонажей. При анализе роли художественной детали как элемента поэтики мы ориентируемся на работы В.Е. Хализева [2] и Е. Фарина [3].

Безымянный герой-рассказчик – писатель, живущий на рубеже двух социальных периодов: «оттепель» завершается, начинаются «застойные» 1970-е гг. Отсутствие имени – авторское указание на универсальность изображаемой сюжетной ситуации, которая может быть истолкована как ситуация творческого кризиса, сопровождающаяся эмоциональным истощением, опустошенностью, рождающими неприязнь ко всему знакомому, привычному.

Художественное время рассказа – один день апреля, что семантически указывает на характер природных изменений: они протекают постепенно и незаметно, как и утрата смысла творчества. Герой-рассказчик сравнивает свое состояние с приближением грозы (мотивы духоты, отсутствия воздуха, невозможность дышать), что метафорически характеризует степень и силу кризиса. Это усиливается организацией пространства: квартира воспринимается как удушающее пространство, герой стремится вырваться из этой

«...клетки из сухой штукатурки, обоев с абстрактным рисунком...» (цит. по [4]). Принципиально важная деталь – оконная рама, которая слегка раскачивается от ветра и скрежет по подоконнику «сухой неотодранной бумажной полосой»: она не позволяет открыться окну, т.е. перейти герою в новое состояние.

Выход в общее пространство жизни (герой выходит из дома на улицу) знаменует начало перемен в его состоянии, что подчеркивается отсутствием головного убора (выходит на улицу без шапки) и характеризует, с одной стороны, открытость героя, его доверие жизни и готовность принять ее, а с другой, – его незащищенность. Пребывание в общем пространстве жизни расширяет кругозор героя, что выражается в изменении природных состояний: серое небо оказывается синим.

Общее пространство сменяется социальным (редакция, где герой просит командировку). Используемые детали выстраивают образ редактора как человека, выполняющего свою социальную функцию и исчезающего ею: он одет в заграничную рубашку, катает по столу заграничный карандаш. Редактор делает то, что позволено властью, а в награду за социальное послушание получает возможность путешествовать за границу, что было большой редкостью. Несмотря на внешние обширные поездки, редактор связан в рассказе с мотивами закрытости, тесноты социальной жизни. Он предлагает герою поехать в разные города Сибири, чтобы осветить успехи советской промышленности. Герой иронически замечает, что «все это одинаково необыкновенно интересно», но ему хотелось бы познакомиться с людьми. Как писателю, ему хочется наблюдать за человеческими судьбами, разными «взглядами на жизнь». Рассказчику тесно в рамках установленных редакцией сюжетов, тесно в рамках цензуры.

Следующая сцена разворачивается на лестнице, где происходит разговор героя-рассказчика с безымянным «молодым человеком». Разговор помогает герою укрепиться в справедливости своих мыслей о том, что писать надо об общечеловеческих проблемах,

что дает ему возможность заново увидеть общее состояние жизни: на улице «солнечный полдень был в разгаре». Художественное пространство рассказа расширяется: герой спускается по широкой улице и видит незнакомых людей. В этом открытом и общем пространстве герой замечает закрытость людей, чьи жизни, чувства и мысли недоступны. Люди, «бесконечно возникавшие... и исчезавшие» никогда не проникают в сознание другого человека, они остаются чужими. Все увиденное рождает понимание, что он как писатель совсем не знает людей, это дополнительно усиливается встречей в подъезде собственного дома с соседом, образ которого состоит из множества телесных деталей: он сутулится, у него дрожащая рука. История соседа показывает отчужденность людей друг от друга. Герой жалеет своего соседа и чувствует, что совершил ошибку, когда несколько дней назад подписал заявление против него. В его внутренней речи («...ведь человека могут действительно забрать в больницу») ощущается определенная близость и понимание ценности человеческой жизни. Вернувшись в квартиру, герой замечает в зеркале свое лицо, которое кажется ему «серым, чужим», незнакомым. Он фиксирует это состояние неизвестности, отчужденности от своего тела, от всей жизни, которая у него была до этого момента.

«Путешествие» героя заканчивается открытием чуждости людей не только друг другу, но и самим себе. Рассказ завершается эпизодами в квартире героя. Это пространство порога, перехода демонстрирует произошедшие перемены в его состоянии. В самом начале

он стремится к внешним впечатлениям, ему хочется сменить место обитания и все, что его окружает. В последнем абзаце герой входит в свою квартиру после изменений в сознании, он уже не ищет никаких внешних перемен. Его больше не интересует путешествие как действие социальное, внешнее, а только как экзистенциальное, он обращен к открытию самого себя как основе постижения человеческой жизни.

Таким образом, художественная деталь играет важную роль в поэтике рассказа «Путешествие». Она участвует не только в создании психологических состояний героя, образов пространства и времени, отдельных мотивов, но и организует образы других персонажей. Детали в их поведении (катание карандаша, дрожащая рука), их внешний вид (окаменевшие лица, заграничная рубашка) помогают понять состояние изображаемого героя. Персонажи расположены в соответствующем пространстве, которое варьируется от социального (редактор и молодой человек), общего (толпы людей, туристы) к более частному (сосед) и к личностному (герой перед зеркалом).

Литература

1. Трифонов Ю.В. Кепка с большим козырьком. – М. : Советская Россия, 1969.
2. Хализев В.Е. Теория литературы : учебник. – 4-е изд., – М. : Высш. шк., 2004. – С. 204–216, 221–233.
3. Фарино Е. Введение в литературоведение. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2004. – С. 103–266, 273–374.
4. Трифонов Ю.В. Другая жизнь. – М. : Изд-во Известия Советов народных депутатов СССР, 1979. – С. 381–384.

ОБРАЗ ДЕТСКОГО СОЗНАНИЯ В РАССКАЗАХ В.П. АКСЕНОВА «МАЛЕНЬКИЙ КИТ, ЛАКИРОВЩИК ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ» И Ф.Н. ГОРЕНШТЕЙНА «ДОМ С БАШЕНКОЙ»

Гутова К.А.

Томский государственный университет, студент

THE REPRESENTATION OF CHILD CONSCIOUSNESS IN THE STORIES "THE LITTLE WHALE, VARNISHMEN OF REALITY" BY V.P. AKSYONOV AND "THE HOUSE WITH THE TOWER" BY F.N. GORENSHTEIN

Gutova K.A.

Tomsk State University, student

В своих рассказах Василий Аксенов и Фридрих Горенштейн осмысливают феномен детского сознания, включая ребенка в конфликты разного масштаба. Сравнительный анализ двух рассказов, формально связанных эпохой, в которую они создаются, позволяет выявить функции детских образов, а также средства, с помощью которых они создаются в обоих произведениях.

Ключевые слова: В.П. Аксенов, Ф.Н. Горенштейн, художественный образ, художественная деталь.

In their stories, V. Aksyonov and F. Gorenshtein comprehend the phenomenon of child consciousness putting a child into different scales collisions. Comparative analysis of two stories, which were made in one epoch, lets find out the functions of child's representation and resources, which authors used to make this representation.

Key words: V.P. Aksyonov, F.N. Gorenshtein, representation, detail.

*Научный руководитель:
Суханов Вячеслав Алексеевич,
докт. филол. наук, доцент.*

Рассматриваемые в статье произведения – рассказы В.П. Аксенова «Маленький Кит, лакировщик действительности» (1964) и Ф.Н. Горенштейна «Дом с башенкой» (1963) – были созданы в переходные 1960-е гг.: «оттепель» достигает своего апогея в 1963 г. (публикация книги «Один день из жизни Ивана Денисовича» А.И. Солженицына). Тогда же, в 1963 г., Хрущев публично обвиняет Аксенова вместе с другими авторами в неправильном выборе тем, «обливании советского народа грязью».

Надежды интеллигенции на дальнейшую демократизацию политического курса рушатся; возможно, именно с этим связан интерес Аксенова к жизни частной, хотя в рассматриваемом рассказе обнаруживается и общественная проблематика. «Аксенов всегда был модным. Ему удалось то, о чем мечтают все писатели, – перешагнуть границу поколений. Он покориł всех – и романтических читателей журнала "Юность", и бородатых диссидентов, и сегодняшнюю Россию», – пишет о Василии Аксенове литературовед Александр Генис. И действительно, начав литературную карьеру с романа «Коллеги» в 1961 г. и вплоть до самой смерти, Аксенов остается популярным и публикуемым писателем, несмотря на эмиграцию.

Другой полюс в литературе начала 1960-х гг. – Фридрих Горенштейн, для которого публикация рассказа «Дом с башенкой» в 1963 г. стала единственной в Союзе.

В 1964 г. власть сменяется, прекращается работа над уже одобренными в театре и издательстве произведениями автора, редакторы рекомендуют Горенштейну взять псевдоним – так еще есть шанс опубликовать новые работы, но Горенштейн отказывается и всю последующую жизнь занимается киносценариями, параллельно публикуя свои произведения за границей.

Необходимо различать литературу для детей и о

детях [1, 2]. Рассматриваемые рассказы «Дом с башенкой» [3] и «Маленький Кит...» [4] относятся к взрослой литературе и представляют интерес как с точки зрения изображения детского сознания как особой позиции в мире, так и с точки зрения художественной функции, которую дети как персонажи выполняют в рассказе 1960-х гг. В обоих произведениях авторы осмысливают феномен детства как важнейшего периода жизни человека, сопряженного с трудностями разного рода.

Оба рассказа прошли почти незамеченными для критики и литературоведения, поэтому нет работ, рассматривающих произведения в выбранном нами аспекте, поэтому попытка сравнительного анализа таких не похожих между собой писателей представляется актуальной и небезынтесной. Выясним, зачем авторам понадобилось воссоздавать в своих произведениях детское сознание и с помощью каких средств они это делают.

Анализ рассказов осуществляется с опорой на учебные литературоведческие труды В.Е. Хализева [5] и Ежи Фарино [6], понятийный аппарат включает термины: художественный образ, портрет, деталь, конфликт, сюжет, идея, подтекст.

Повествование в рассказах организовано по-разному: у Горенштейна это безымянный повествователь, обладающий избытком видения, у Аксенова – герой-рассказчик, частный человек, отец мальчика. Эта разница обусловлена разными концепциями писателей так же, как и разница в возрасте детей – подростковый возраст у Горенштейна, детский (3–4 года) у Аксенова. Дети помещены в разные социальные ситуации (частная, семейная у Аксенова, эпическая у Горенштейна), их детство приходится на разное время (1960-е гг. у Аксенова, военные у Горенштейна), но в каждом рассказе ребенок становится отражением и участником изображаемых конфликтов разного плана.

Дети воспринимают окружающий мир отлично от взрослых. Это связано и с отсутствием жизненного опыта как совокупности положительных, отрицательных событий и реакций на них, и с социальным статусом, который предполагает материальную, психологическую, а в раннем детстве — и физическую зависимость от взрослых.

В рассказе Аксенова можно выделить три уровня конфликта, в который включено детское сознание: 1) конфликты Кита с матерью — личные, «воспитательные», 2) предчувствие ухода отца из семьи — конфликт межличностный, семейный, 3) социальный конфликт отца, в котором он участвует косвенно, что определяет один из аспектов семантики заглавия: мальчик назван так, как называли популярных и издаваемых тогда писателей, игнорировавших неприглядную советскую действительность, буквально лакировавших ее в своих произведениях.

В этих обстоятельствах трехлетний Кит превращает мир в большую сказку. В ней он сам носит данное отцом сказочное имя огромного животного, имеющее мифологический (Земля держится на трех китах) и сакральный подтексты; все окружающие предметы, персонажи сказок — большая часть объектов, существующих в его сознании — оживают и часто объединяются в семьи. «Папа-автобус, мама-автобус и их детка», — говорит Кит, показывая на три автобуса разных размеров, которые на его глазах въезжают в автопарк. А разглядывая созвездия на ночном небе, так говорит с отцом: «— А кто у Луны бок скусил? <...> — Большая Медведица. <...> А вот там повыше есть еще и Малая Медведица. — А где медведь? — задал он резонный вопрос. Он стремился организовать медвежью семью. <...> — Охотиться пошел в лес, да? — выручил он меня».

Творчески воспринимая действительность, собирая всех и вся в родственные группы, Кит не просто развлекается, играет — он исполняет свою роль защитника семьи, которую вот-вот покинет отец. Неслучайно в финале отец мальчика смотрит на спящего сына и видит не ребенка, но «богатыря, раскинувшего в кровати руки и ноги».

Для самого героя-рассказчика Кит — само воплощение семьи, отсюда и такая важная роль ребенка в принятии решений, важных для судьбы взрослых.

Герой рассказа «Дом с башенкой» включен в более трагические обстоятельства и национальные (война), и личные (смерть матери). Личное горе — смерть матери — герой переживает, стиснув зубы и лишь иногда — со слезами. Он сопротивляется отчаянию и как взрослый ищет дорогу в незнакомом городе, а после смерти матери — самостоятельно пытается добраться до дома в другом городе. Ему тяжело как физически, так и морально, и именно глядя на него персонажи замечают: «Страдает народ...», «Неужели это никогда не кончится?». Ребенок — самое уязвимое звено в цепочке человеческого взросления, и именно положение ребенка, зависимого и бесправного, является отражением «правильности» всего мироустройства. Горенштейн вглядывается в самые страшные образы, и показанный им мир невозможно назвать добрым и справедливым. Детское сознание, как и в рассказе Аксенова, выступает спасительным началом, позволяющим примириться со смертью близкого человека (воображаемая история об уходе матери в партизанский отряд).

Отсутствие имен у главного героя и других персонажей, характеризующихся через детали одежды, позволяет сделать вывод, что в рассказе Горенштейна главным является универсальный конфликт борьбы добра и зла, а изображенная конкретная ситуация обретает ветхозаветный библейский смысл: это ситуация мировой богооставленности (об отце главного героя в произведении не сказано ни слова), поэтому мальчик становится выразителем судьбы народа, страны и шире — всего мира, что на фоне ужасающих событий XX в. становится закономерным. У мира нет Отца, святых попрыгунчиков, а в мире царит хаос и смерть — вот одна из идей рассказа, скрытая в подтексте.

Ребенок у Горенштейна и становится субъектом противоборства двух сил — добра и зла, воплощающих в системе персонажей: «дядя в кожаном плаще» и его жена, с одной стороны, инвалид, медсестра, старик — с другой: «— Ты, дурак, молчи... Приблудился на нашу шею» — говорит жена дяди герою рассказа, «— Вот видишь, мальчик не слушался маму, и она умерла. Если ты не будешь слушаться, я тоже умру» — своему сыну. Эти речевые характеристики наряду со всем описанным поведением женщины автор использует, чтобы создать образ человека недалекого, черствого, пекущегося исключительно о своем благополучии.

Инвалид и медсестра, напротив, помогают мальчику, защищают его. Так, медсестра разрешает ему остаться в больнице, приносит еду, оставшуюся от материнской порции ужина, а после ее смерти — возвращает в целостности все ее вещи и помогает оформить необходимые документы.

Мальчик самоопределяется между этими силами беспощадности и сочувствия, что подтверждает замечание старика: «— В такое трагичное время, — сказал он [старик, один из персонажей рассказа], — трудно быть взрослым человеком... Трудно быть вообще человеком...».

Таким образом, Аксенов и Горенштейн создают образы детей с разными целями и разными средствами, что обусловлено их разными эстетическими позициями. Так, Аксенову интересна частная жизнь обычного человека, он вникает в ситуации, происходящие с героем в повседневной жизни, и образ ребенка нужен ему для того, чтобы «вывести» героя из состояния кризиса, неуверенности, душевных метаний. С другой стороны, для Горенштейна важны универсальные бытийственные вопросы. Ребенок в его произведении становится «полем боя» сил, ведущих вражду испокон веков.

Литература

1. Тюшина Е. Писатели детям. 1960–1980 гг. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.proza.ru/2014/07/04/424>.
2. Фатеев А.В. Сталинизм и детская литература в политике номенклатуры СССР [Электронный ресурс]. — М. : Макс Пресс, 2007. — 352 с. — URL: <https://psyfactor.org/lib/detlit.htm>.
3. Горенштейн Ф.Н. Дом с башенкой // Юность. — 1964. — № 6. — С. 47–57.
4. Аксенов В.П. Маленький Кит, лакировщик действительности // Юность. — 1964. — № 12. — С. 26–31.
5. Хализев В.Е. Теория литературы : учебник. — 4-е изд. — М. : Высш. шк., 2004.
6. Фариню Е. Введение в литературоведение. — СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2004.

СПОСОБЫ РЕЧЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ В ПЬЕСЕ Н. САДУР «ЧУДНАЯ БАБА»

Красноухова Ю.С.

Томский государственный университет, студент

WAYS OF SPEECH INTERACTION IN THE N. SADUR'S PLAY "THE WONDROUS WOMAN"

Krasnoukhova Y.S.

Tomsk State University, student

В статье рассматривается речевое взаимодействие персонажей в пьесе Н. Садур «Чудная баба». Доказывается, что диалог персонажей, приводящий к сбою в коммуникации, становится способом выражения абсурдности мира.

Ключевые слова: современная русская драма, творчество Н. Садур, диалог, коммуникация.

The article examines the speech interaction of characters in the N. Sadur's play "The Wondrous Woman". It is proved that the dialogue of characters, leading to a failure in communication, becomes a way of expressing the absurdity of the world.

Key words: modern Russian drama, the oeuvre of Nina Sadur, dialog, communication.

Научный руководитель:
Хатямова Марина Альбертовна,
докт. филол. наук, профессор.

Цель работы – исследование способов речевого взаимодействия персонажей в пьесе Н. Садур «Чудная баба» (1981), в которой используется абсурдистская поэтика. Первая часть пьесы, названная автором «Поле», организована как диалог между двумя персонажами: странной женщиной, называемой Бабой, и Лидией Петровной, горожанки, приехавшей с коллегами на уборку картофеля и заблудившейся в поле. Минимальное количество участников разговора предполагает вероятность успешной коммуникации, так как в этом случае общение отличается непосредственной обращенностью коммуникантов друг к другу. Однако в пьесе оба условия нарушаются. Пространство выходит за рамки конкретного бытового и приобретает метафизическое измерение: сначала кажется безразмерным, потом в буквальном смысле сдвигается. Пространственная разъединенность подчеркивает разобщенность героев, Лидия Петровна не сразу замечает Бабу, хотя она давно находится рядом. Невозможность заметить друг друга выявляет разную природу персонажей и, как следствие, затрудненность общения между ними.

Первая реплика Лидии Петровны до встречи с Бабой представлена одновременно как выражение внутренней речи и как обращение в пустоту. Ее высказывание выражает одиночество человека в мире, невозможность не только понять, но даже найти другого. Лидия Петровна надеется услышать товарищей, но в целом эту ситуацию можно определить как желание человека избавиться от одиночества. Призыв героини остается без ответа, и она констатирует: «Глупо кричать в голом поле» [1, с. 253].

Диалог с Бабой с самого начала не складывается: Лидия Петровна принадлежит к конкретной материальной реальности, Баба – к метафизическому миру. В первый момент встреча с неизвестной женщиной в поле приносит Лидии Петровне радость, но ее обращение «гражданочка» – вначале формальное, подчеркивает не сущность человека, а социальную роль. Да-

лее Лидия Петровна обращается к бабе уже иначе – «женщина», что акцентирует внесоциальное, естественное в собеседнике и обнаруживает надежду на человеческое общение.

Но ожидания Лидии Петровны не оправдываются: встретив женщину в поле, она надеется на помощь, но замечает, что Баба ведет себя не как обычная женщина, и сначала объясняет это ее психической неуравновешенностью. Речь Лидии Петровны становится реакцией на нелогичное и немотивированное поведение Бабы: от сочувствующей – до резкой, даже злой в финале. В начале разговора реплики Лидии Петровны характеризуются интонационной незавершенностью, что передает ощущение растерянности, непонимания; далее в ее речи нарастает количество экспрессивных коротких высказываний с восклицательной и вопросительной интонацией, которые показывают невозможность осознать смысл происходящего.

Речевое поведение Бабы амбивалентно. Сначала в ремарках несколько раз подчеркивается, что Баба «хихикает, смеется», говорит, будто развлекаясь, потом возрастает напряжение и меняется ее отношение к Лидии Петровне. Обращаясь к Лидии Петровне будто бы ласково, она просит называть себя «тетенькой», но сердито кричит, ругается, поет странную «дикую» песню. Баба объявляет себя «злом мира»: «Я – зло мира. Я людишек жру и радуюсь, а всех пожру и сама помру» [1, с. 262], но она – природное существо и обращается к земле: «Ух ты, моя мельничья, ух ты, моя тепленькая, ну не дрожи, сладенькая, не бойся, не бойся, никто тебя не тронет больше...» [1, с. 261]. Несовпадение лексико-стилистических пластов в речи Бабы усиливает непонимание между героинями. Например, Баба объявляет себя «злом мира» и «бабой-убийцей»: «Открываю тайну. Ахтунг, ахтунг, лисен ту ми, слушай сюда! Я зло мира! Ура!» [1, с. 258], смешение разных языков приводит к бессмысливанию Слова, и общение приобретает абсурдный характер.

Во второй части пьесы («Группа товарищей») из-

меняется пространство: теперь это замкнутый топос конструкторского бюро, и речевое взаимодействие происходит между Лидией Петровной и ее коллегами. Звучит общий разговор, полилог, который обнаруживает отсутствие взаимопонимания: собеседники говорят каждый о своем и не слышат друг друга. Формальный характер коммуникации подчеркивает название «Группа товарищей», которое звучит как подпись с некролога или похоронного венка и косвенно связано с темой смерти.

Лидия Петровна не чувствует себя своей в коллективе. После встречи с Бабой она является носителем знания о мире как хаосе, которое не может вербализовать. Она приобрела опыт выхода за границы привычной реальности, который заставляет ее сомневаться в окружающем и побуждать коллег к доказательству подлинности их существования. Для Лидии Петровны теперь мало формального общения. Окружающие же не обладают таким опытом и не готовы к подлинному общению. Поэтому диалог открывает стремление его участников уйти от разговора о смыслах разными способами.

Вопросы Лидии Петровны заставляют окружающих доказывать свое существование. Они, с одной стороны, уступают якобы сошедшей с ума Лидии Петровне, но с другой – немотивированно раскрывают правду о себе, говорят о глубоко личном. Внезапные самообнажающие высказывания персонажей дают Лидии Петровне надежду на возможность человеческого общения, но обнаруживают неспособность коллег к выходу из стандартного образа мышления. Лидия

Петровна разрушает свой привычный положительный образ в глазах товарищей и изгоняется: в финале пьесы она сама выбегает из комнаты. Разрыв коммуникации происходит как следствие изменения миропонимания героини при неизменности социального формализованного сознания. Восприятие Лидии Петровны «смещается», невозможно ее участие в жизни коллектива. Для нее разрушается привычный мир, но нового мира не возникает.

Героине открывается сложная многослойная реальность, в которой нет абсолютных истин. В первой части пьесы показана обесцененность слова как способа познания действительности, во второй – обесцененность слова для личного общения. Встреча с Бабой сталкивает Лидию Петровну с относительностью тех истин, в которые она верила, разговор с коллегами отражает изменение мировосприятия героини. Сюжетная ситуация второй части пьесы симметрично повторяет ситуацию первой части: Лидия Петровна выполняет провокационную роль Бабы по отношению к коллегам. Новое миропонимание не спасительно, не возникает взаимопонимания с коллегами. Она пытается преодолеть абсурд реальности через выход к *Другому* и коммуникацию с ним, однако абсурд социальной реальности непреодолим: коллеги не способны ее услышать. Поэтому сумасшествие героини – единственный способ существования в мире социального и бытийного отсутствия смыслов.

Литература

1. Садур Н.Н. Чудная баба. – М. : АСТ, 2015.

МОТИВ ВОЗВРАЩЕНИЯ В ПОВЕСТИ В. МАКАНИНА «ГДЕ СХОДИЛОСЬ НЕБО С ХОЛМАМИ»

Малькова А.В.

Томский государственный университет, аспирант

THE MOTIVE OF RETURNING IN THE NOVEL OF V. MAKANIN "WHERE THE SKY CONVERGED WITH THE HILLS"

Malkova A.V.

Tomsk State University, post-graduate student

В основе сюжета повести «Где сходилось небо с холмами» (1984) повторяющаяся ситуация возвращения, восходящая как к архаической (онтологической) семантике инициации, так и к христианской (этической) семантике обретения истины в исконном мире. Троекратное повторение ситуации возвращения в покинутый «дом» соответствует не столько принципу эпической градации (накопление вины перед родным миром), сколько принципу выявления изменчивости жизни, невозможности предотвратить ее распад. Мотив возвращения выявляет причастность индивида к энтропии в жизненном цикле, этическую вину за энтропию малого мира, которым питается каждый феномен этого мира, и экзистенциальную вину за необратимость течения жизни.

Ключевые слова: В. Маканин, мотив, повесть, притча, миф, повтор, возвращение.

In the base of the plot of the novel "Where the sky converged with the hills" (1984) a recurring situation of return, dating back to both the archaic mythological (ontological) semantics of initiation, and to the Christian (ethical) semantics of finding truth in the primordial world. The threefold repetition of the situation of returning to the abandoned "house" corresponds not so much to the principle of epic gradation (accumulation of guilt before the native world) as to the principle of revealing the changeability of life, the inability to prevent its disintegration. The motive of return reveals the individual's involvement in entropy in the cycle of life, the ethical blame for the entropy of the small world, which feeds every phenomenon of this world, and the existential blame for the irreversibility of the flow of life.

Key words: V. Makanin, motive, novelette, parable, myth, repetition, return.

*Научный руководитель:
Рыбальченко Татьяна Леонидовна,
канд. филол. наук, доцент.*

Ситуация возвращения изначально восходит к концепции циклического времени, периодичности возрождения в мифологической картине мира, что М. Элиаде [1] назвал мифом о «вечном возвращении». Возвращение в мифе «примиряет индивидуальное сознание с вселенной волей» (Дж. Кэмпбелл [2]). Возвращение — финальная стадия инициации, испытание и получения нового знания о законах бытия. Пройдя инициацию, индивид обретает сакральный центр и гармонизирует свой мир, становясь героем. В христианстве мотив возвращения конкретизируется в этической семантике в притче о блудном сыне, герой которой уходит в «землю чуждую» не для познания бытия, а для удовлетворения собственных желаний. Поэтому его возвращение трактуется не как обретение, а как «истраченность»; он возвращается в «отчий дом» не с новыми знаниями, а с осознанием подлинности ценностей своего Дома. В притче, рассказанной Иисусом в Евангелии от Луки, возвращение трактуется как признание истинности Дома, мира, сотворенного Богом, отсюда дидактическая семантика притчи — прощения «блудного», не искавшего, а заблудившегося человека. Человек (сын Бога) не становится творцом, он принимает мир Отца как данность и совершенство. В мифе сюжет возвращения отличается от евангелического целью (уход в большой мир для познания / завоевания / преобразования) и миссией героя (обретение сакрального знания для внесения в мир).

В основе повести В. Маканина «Где сходилось небо с холмами» (1984) история творца (музыканта), от-

правленного поселком в столицу для учебы (соответствие архаическому сюжету). Георгий Башилов (герой повести) состоялся как композитор, получил всемирное признание и возвращается в родной мир не истратившимся. Однако, в отличие от притчи, он возвращается в разрушающийся малый мир и не прощен этим миром, возлагающим на него вину за разрушение дома и исчезновение духа музыки в поселке. Важно еще одно отличие от евангелической притчи: Башилов — сирота, выращенный поселком (родом) после гибели родителей. Прежде чем объяснить, обрел ли новые знания герой, отправленный на их обретение, в чем его вина перед родом, пославшим героя на инициацию, соотнесем фабулу повести с мифологическим сюжетом. Поставим такие вопросы: 1) стал ли выход в большое пространство жизни инициацией, то есть обретением ценностей; 2) есть ли в возвращении домой цель сохранения дома и почему Дом отвергает цели героя восстановить дух (мелос) прошлого уклада жизни.

В сюжете повести не только конкретизируются психологические и социальные обстоятельства истории героя, но и трансформируется исходный мотив возвращения, лишаясь однократности, обретая повторяемость. В повести герой трижды возвращается из столицы, от успешной жизни в родной поселок. Возвращения соотносятся, но контрастируют с эпическим нарративным принципом троекратности, в котором выражается устойчивость процессов (эпическая троекратность построена на градации). В повести Маканина троекратность показывает не статичность,

а процессуальность жизни. С одной стороны, сходное с градацией повторение позволяет изобразить психологический процесс — развитие миропонимания персонажа. Сюжет показывает осознание и накопление вины героя перед Домом, который не столько обрел в большом мире новые знания, сколько использовал обретенное в детстве знание народного мелоса. Башилов не создает свои мелодии, но преобразует, вводит родовой мелос в музыку нации и всего человечества. Не менее важно и то, что повторяющиеся ситуации возвращения показывают процесс разрушения, распада жизни поселка, что вызвано и историческими изменениями, и природным законом — цикличностью феноменов жизни: рождение — развитие — смерть. Неизбежность распада объясняется в повести как условие, необходимое для возникновения нового цикла жизни. Жизнь строится на разрушении, возникает из соединения распавшихся форм. Башилов сравнивает себя то с кустом, который питается соками почвы земли, постепенно разрушает ее; то с колосом, вырастающим из разрушения зерна.

Маканин вступает в диалог не только с логикой притчи, но и мифа. Герой повести не тождествен притчевому персонажу, поскольку не расточает талант, не ищет успеха. Сюжет повести изображает процесс признания творцом своей экзистенциальной вины, который сначала отказывается, не принимает обвинения, затем признает вину и в заключительной части стремится искупить ее.

В отличие от притчи Дом в повести представляет не гармоничную, а аварийную, подверженную «повреждению» (этимологическая основа названия поселка) жизнь. Поселок Аварийный построен вблизи нефтеперерабатывающего завода, на котором часто случаются аварии (родители главного героя погибают в пожаре). Пороговое положение человека между жизнью и смертью становится предпосылкой зарождения традиции хорового пения — поминальные песни и одновременно песни, укрепляющие силы для продолжения жизни. Название повести «Где сходилась небо с холмами» отражает семантику пространственного локуса жизни между материальным и нематериальным существованием, соединение земного и небесного, отсутствие границы, разделяющей жизнь и смерть, слов и музыки.

Условное пространство поселка, место аварийной и жертвенной жизни, наполнял песенный ритуал: «аварийщики пели не только на поминках — они пели и при рождении ребенка, пели на редких своих свадьбах, пели на праздниках, пели по воскресеньям и пели просто так, от скуки, долгими вечерами» [3, с. 118]. Мальчик Башилов в пении старался превзойти всех, что нравилось окружающим: «Фактически уже в пору детства Башилов был не солист, исполняющий вместе с хором, а художник, боящийся быть “лично заданным” в согласной массе хора» [4]. Когда в консерватории «старичок»-преподаватель напомнил о плате за талант, то вызвал усмешку молодого Башилова. Однако уже первое возвращение в поселок молодого Башилова после окончания консерватории фиксирует «безотчетный страх перед поселком: страх сознаться в личном» [3, с. 132]. Башилов не рассказывает аварийцам об успехах, о своей женитьбе. Но обвинение Василисы-старой, что он виновник ослабления духа в поселке («У, пьявка... высосал из нас соки!» [3, с. 123]), кажется Георгию незаслуженным.

Второе возвращение в поселок зрелого Башилова вызвано целью приобщить жену к своей родине. Возвращаясь в поселок, Башилов видит следы материальных разрушений, природное оскудение («Клены составились; при такой жаре их чахлая тень не защищала святого места» [3, с. 143]), распад связей: не поют песен, не собираются вместе. Мысль о необратимости времени не оправдывает, а усиливает чувство личной вины: «Он смотрел туда, где сходилась небо с холмами. <...> стоило закрыть глаза, линия холмов рождала мелодию еще раньше, чем он успевал о чем-либо подумать. Но, кажется, волнистая эта линия плодоносила именно в воспоминаниях. И здесь, наяву эта местность уже ничего не рождала» [3, с. 146]. По Маканину, возможно только ментальное возвращение (но и в воспоминаниях меняется модальность), поскольку нет ничего постоянного («жизнь — река с быстрым течением», по выражению Маканина), и в поселке «теперь иные порядки», «песен не поют», остаются лишь следы бывшего (полуразрушенные столы, где собирался род, места в окрестности, где в детстве любил гулять главный герой).

Третье возвращение вызвано осознанной целью — создать в поселке детский хор. В поселке Башилова никто не узнает, кроме постаревшего дурачка Васику. Идея столичного композитора вернуть музыку детям кажется современным жителям вредной («Вали отсюда» [3, с. 163]). Пение дорого только Васику, но его «ужасное мычание» потрясает Башилова выраженной дисгармонией. Музыка как интенция к выражению души в поселке осталась в крике младенца и дурака: «Минута, когда прозвучал высокий и чистый голос ребенка, приближалась в тишине и в темноте неслышно, сама собой» [3, с. 167].

В поселке песенная традиция (хоровое пение, игра на гармонии) замещается техническими приспособлениями (транзистор — англ. «перенос; перемещение»), и музыка сводится не к исполнению, а к воспроизведению исполненного кем-то; она не объединяет людей. Вырождение песенной традиции знаменует процесс развития культуры: рождение в родовом сознании потребности сопровождать материальную жизнь ее духовной (ценностной) интерпретацией сменяется индивидуальным творчеством, которое не изобретает, а совершенствует родовое искусство, делая невозможным его повторение всеми членами рода. Персональное искусство рождает принцип потребления искусства и отделяет род от творчества. В повести Маканина моделируется в современной цивилизации развитие культуры: от родовой к массовой.

Троекратное возвращение раскрывает осознание необратимости изменений, «самотечности жизни» (выражение В. Маканина) и рождение экзистенциальной вины в носителе культуры. Раскрытие таланта, а не его безрезультатное хранение, тем не менее, сопряжено с расточением, потому что талант использует созданное предшествующей жизнью, даже развитие, совершенствование форм не приводит к творению нового. Поэтому возвращение не возрождает жизненные силы в то, из чего питался художник. Финал евангельской притчи соединяет отца и сына, восстанавливает ценности. Финал повести Маканина разрушает притчевую дидактику, открывая силу онтологии: жизнь строится на разрушении, потому что кормящая материя отдает свои жизненные силы новой жизни.

Литература

1. Элиаде М. Миф о вечном возвращении. — СПб. : Алетейя, 1998. — 249 с.
2. Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. — СПб. : Питер, 2018. — С. 291.
3. Маканин В. Где сходилось небо с холмами : повести. — М. : Современник, 1984.
4. Бочаров А. Чем жива литература? Современность и литературный процесс. — М. : Сов. писатель, 1986. — С. 228.

К ПРОБЛЕМЕ ЕВРАЗИЙСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПОЭТОВ ПАВЛОДАРСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ

Новосёлова Е.А.

Павлодарский государственный университет им. С. Торайгырова, Казахстан, ст. преподаватель

TO THE PROBLEM OF EURASIANISM AS EXPRESSION OF MULTICULTURALISM IN WORKS OF RUSSIAN-SPEAKING POETS OF PAVLODAR REGION

Novossyolva Ye.A

S. Toraighyrov Pavlodar State University, Kazakhstan, senior teacher

Рассматривается проблема евразийства как проявления мультикультуральности в качестве одного из актуальных направлений литературоведения. Эмпирическую базу исследования составляет анализ отдельных произведений русскоязычных поэтов Павлодарского региона.

Ключевые слова: евразийство, мультикультуральность, литературное творчество, Павлодарское Прииртышье.

The problem of eurasianism as expression of multiculturalism as one of the relevant directions of literature is considered. The empiric base of the article is the analysis of the chosen works of Russian-speaking poets of Pavlodar region.

Key words: eurasianism, multiculturalism, literary creativity.

Научный руководитель:
Иост Ольга Александровна,
канд. филол. наук, доцент.

Понятие «евразийство» существует уже второе столетие. В современном мире евразийство, актуализируя связь культур Востока и Европы, является одним из проявлений мультикультуральности.

Мультикультуральность без терминологического ее обозначения прочитывается во взглядах основателей теории евразийства. П.Н. Савицкий видел в сочетании «оседлой» и «степной» стихии важнейшее обстоятельство новейшей русской истории; Н.С. Трубецкой предостерегал от заимствования чужой культуры, ведущего к утрате национальной идентичности. Современный исследователь полагает, что «евразийство с опережающим все остальное темпом возрождается в художественной литературе... Приобщение к русской культуре азиатских народов есть процесс объективный, в котором немаловажное значение имеет “сродство душ”» [1]. Отсюда значимость изучения литературного аспекта евразийства, о чем убедительно говорит О. Иост [2].

Русскоязычная литература Павлодарского Прииртышья является составной частью литературного процесса Казахстана. Более шестидесяти лет в Павлодарской области функционирует литературное объединение, которому в 1957 г. присвоено имя Павла Васильева. В разное время здесь жили русскоязычные писатели и поэты: Павел Васильев, Всеволод Иванов, Антон Сорокин («родоначальники»); Дмитрий Приймак, Сергей Шевченко, Сергей Музалевский, Олег Афанасьев, Жанаталап Нуркенов (поэты и писатели «первого набора»). Активно работают Виктор Семерьянов, Юрий Поминов, Ольга Григорьева (создавшая музей имени Анастасии Цветаевой), Татьяна Околичнича, Иван Кандыбаев, Светлана Денисова, Талгат Гарипов, Елена Игнатовская, Елена Вайберт, Марина Юрченко. Молодые поэты, входившие в литобъединение в 1990-е гг.: Евгений Дымов, Ярослав Двуреков, Евгения Скороходова, Маргарита Сюрсина, Александр Сироткин работают в России; Владимир Кремер — в Германии. В настоящее время в Павлодаре литератур-

ное объединение «Меркурий» объединяет начинающих поэтов и писателей: Александр Вервекин, Наталья Коленко (псевдоним — Наталья Антарес), Илья Приходченко (псевдоним — Илья Аргентум), Юлия Куркан, Евгений Лумпов и др.

В статье речь пойдет о представителях среднего поколения, определивших специфику литературы Павлодарского Прииртышья.

Сергей Музалевский (1928–2000) оставил след в становлении истории, археологии, культуры края, которому он посвятил годы своей жизни, открыл для Павлодара имя поэта Павла Васильева. В стихотворениях Музалевского проявляется имагологическое деление на «свое» и «чужое»: «у светлого болотца // Осинь тонкие стоят», «Степь поет весною хорошо!// ... // Перед этой ширью сердце дрогнет...». В стихотворении «Прощание» соединяются образы золотых куполов церквей и бескрайней казахской степи: «Потом мне долго-долго будут сниться// Твоих небес сиреневая дымь, // Твоих кремлей оранжевые башни, // Твоих церквей золотые купола//...Мне люб Иртыш, его волна крутая// И ширь степей без края и конца. //Меня уже отсюда не пускают// грибные заиртышские леса». Россия представляет для него духовную основу, веру («К извечной Родине неспящая любовь»), Казахстан — это страна, бескрайние степи которой дают простор философским размышлениям поэта: «Твоим кумысом — чудотворным соком// и песнями акынов напоен» [3].

В стихотворениях Олега Афанасьева (1939–2003) соединяются элементы двух культур: в казахскую степь он приносит то, что ему дорого — белую березу, символ чистоты, защиты, веры: «Я с собою ведь унес// В зной степных равнин// Белый свет твоих берез, // Грусть твоих рябин». Береза и рябина, органично сочетаясь с бескрайними казахскими степями, составляют пространство, в котором мастер черпает сюжеты своих произведений. В стихотворении «Зима» казахские морозы художник сравнивает с набегам печенегов, которым подвергалась Древняя Русь. Приход весны

знаменует выход из опасности мира чужого и непостижимого. Наступление весны ассоциируется с первым святым на Руси, человеком, принесшим свет и избавление от язычества: «Она свои апрели двинет, // Зальет водою след саней — // И Красно Солнышко Владимир // С дружиной верною своей // Вдруг вступит в город» [4]. Сочетаются образ Владимира и потомки Чингисхана, создавая единое пространство без временных ограничений, подчеркивая связь «своего» и «чужого».

Творчество павлодарского поэта Жанаталапа Нуркенова (1940–1997), русскоязычного поэта-казаха, также близко к евразийству. Тема единения народов — основополагающая в его творчестве. В стихотворении «Павлу Васильеву»: «Я знаю, Павел, роду твоему, // Как нам — с лихвою выпало несчастье. // Твои потери — общие долги, // Не зря казах назвал тебя тамыром... // От масленниц — до взвихренной байги // Живем и жили общим миром». Поэт — певец вольной степи, породившей представление о свободном мироздании: «Я степь люблю. Я здесь уверовал, // Что нету музыки без солнца!». В фантазии «Метельные напевы» появляются героини русских сказок Чародейка-Зима и Снегурочка, а мотивы казахского эпического сказания о Козы Корпеш и Баян-Сулу звучат по-новому в стихотворении «В Баянауле». Художественные образы приходят как из русской, так и из казахской культур: «*Стоят стога, как куличи // Метелью припорошены*»; «*Над поймой берег луком выгнут, // А небо — юртой голубой // ...И пахнет молоком кобыльим // Росы звенящая капель*» [5]. Дожди, пески, ветра, полынь, облака, коршун, табуны, крик скифа в стихотворении «Каменные бабы» — это вехи истории в необозримой степи, хранящие азиатскую мудрость и загадку.

Павлодарская поэтесса Ольга Григорьева (родилась в 1957 г. в Новосибирске, с 1978 г. проживает в Павлодаре) в стихотворении «Караул» определяет назначение русскоговорящего мастера слова в национальной республике: «*Страна задремала, и город уснул,*

// Но время забыло сменить караул, // И я на часах стою. // А что охраняю? Родную речь? // Да как же ее сохранить, сберечь // В далеком степном краю? // Но я охраняю — который год... // И надо держаться, ведь за чертой — // И Пушкин, и Чехов, и Лев Толстой, // И весь Серебряный век». Поэтесса говорит о разделении некогда единой страны как о невосполнимой утрате сотен тысяч человек: «*О, русская земля, ты мне родная мать, // ... // Как ты легко смогла детей своих отдать...*» [6] и видит спасение в возможности мыслить и творить на родном ей языке, передавая представителям разных поколений и национальностей опыт великой русской литературы (стихотворение «Река и речь»). Судьба современного русскоговорящего поэта и писателя Казахстана — интегрируясь в мультикультуральном пространстве, не потерять собственной национальной идентичности.

Русскоязычные поэты Павлодарского Прииртышья стремятся найти точки соприкосновения казахской и русской культур, соблюдая уважение к любой традиции, сохраняя национальную идентичность. Они показывают взаимосвязь национальностей на глубинном онтологическом уровне.

Литература

1. Евразийский талисман / под ред. Ш.Р. Елеукунова. — Алматы: Білім, 1996. — С. 11.
2. Иост О.А. Евразийство как актуальная проблема современной науки // Русская словесность в России и Казахстане: аспекты интеграции: материалы международной научно-практической конференции. — Барнаул, 2011. — С. 10–17.
3. Музалевский С. Я жадно жег костер души. — Павлодар: Эко, 2004. — С. 15, 16, 20, 22, 111.
4. Нуркенова С.Ф., Токатова Л.Е. Павлодар литературный. Хрестоматия для учащихся школ, колледжей, вузов. — Павлодар. — Вып. 2. — С. 17, 23.
5. Нуркенов Ж. Прощальный взмах руки: стихи. — Павлодар: Эко, 2000. — С. 31, 16, 27, 22.
6. Григорьева О.Н. Никогда неповторенье: стихотворения. — Павлодар: Дом печати, 2017. — С. 286, 505.

ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЙ ДИСКУРС В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПЕРЕВОДЕ СБОРНИКА РАССКАЗОВ «ЧЕМОДАН» С. ДОВЛАТОВА

Филиппова Е.А.

Томский государственный университет, студент

NARRATIVE DISCOURSE IN THE ENGLISH TRANSLATION OF THE COLLECTION "THE SUITCASE" BY S. DOVLATOV

Fillipova E.A.

Tomsk State University, student

В настоящей работе исследуется англоязычный перевод сборника «Чемодан» С. Довлатова в аспекте передачи повествовательного дискурса. Рассматриваются лексические, синтаксические и стилистические трансформации. Сделан вывод о существенных изменениях на уровне авторской речи, что сказывается на изменении модуса текста.

Ключевые слова: Довлатов, англоязычный перевод, лексико-синтаксические трансформации.

The paper deals with the English translation of the collection of stories by S. Dovlatov, titled "The Suitcase". In particular, the author analyzes the interpretation of the narrative discourse, identifying lexical, syntactic, and stylistic transformations. The conclusion is made about significant changes at the level of the author's speech, which leads to the change in the text mode.

Key words: Dovlatov, English translation, lexical and syntactic transformations.

Научный руководитель:
Стрельникова Анна Борисовна,
канд. филол. наук.

Специфика автобиографизма в произведениях С. Довлатова и неоднозначность жанровой модификации его текстов создают поле для исследования творчества автора в аспекте коммуникативных стратегий письма. Обращение к специфике нарратива в оригинальном творчестве С. Довлатова [1] позволило исследователям определить существенные характеристики образа повествователя, художественной картины мира, особенности конфликта и пр. В этой связи изучение художественных переводов произведений С. Довлатова с точки зрения адекватности передачи нарративного дискурса является необходимым этапом на пути к выявлению особенностей интерпретации образа повествователя, системы персонажей и композиции в условиях переводящей лингвокультуры.

Сборник рассказов Сергея Довлатова «Чемодан» переведен на английский Антониной Боуиз (1990) [2] и не упоминается в «списке книг Довлатова, вышедших при его прямом или косвенном участии» [3]. Рассмотрим, какие изменения происходят в организации повествовательного дискурса при переводе с русского языка на английский. Советская проблематика включается на уровне образа нарратора. Нарратор выступает от первого лица, его образ является ключевым в развитии сюжета: во введении и заключении нарратор, эмигрировавший в Америку, размышляет о привезенном им из СССР чемодане, а восемь рассказов, входящих в сборник, повествуют о восьми найденных в чемодане вещах. Главное событие текста — ментальное — это осмысление американцем-нарратором своего советского прошлого. Сюжет — выборка наиболее характерных советских фреймовых ситуаций, моделирующих космос советской жизни в сознании нарратора: «Я оглядел чемодан. На дне — Карл Маркс. На крышке — Бродский. А между ними — пропавшая, бесцельная, единственная жизнь» [4, с. 290]. Текст изначально ориентирован на переводимость, что неоднократно отмечается самим автором: «Что бы я

ни сочинял, вечно думаю о переводе. Даже в этих, например, записках избегаю трудных слов» [5]. Художественный текст характеризуется лаконичностью структурной организации предложения [6] и наличием нарраторских комментариев к культурным реалиям: «Тут я должен сделать небольшую математическую выкладку. Креповые носки тогда были в моде. Советская промышленность таких не выпускала. Купить их можно было только на черном рынке. Стоила пара финских носков — шесть рублей. А у финнов их можно было за шестьдесят копеек. Девятьсот процентов чистого заработка...» [4, с. 296].

Позиция нарратора в рассматриваемом художественном произведении приближена к позиции автора. При исследовании специфики нарративного дискурса в оригинальном и переводном тексте мы опираемся на работы В. Шмида «Нарратология» [7] и Р. Мей «The translator in the text» [8]. Рассмотрим те аспекты в тексте нарратора, которые, согласно Р. Мэй, чаще других фиксируют переводческие трансформации.

- Дейктические маркеры, фиксирующие временные сдвиги: нарратор является непосредственным участником и главным действующим лицом всего текста, поэтому в анализируемом переводе художественного текста не возникает переводческой сложности в передаче дейктических единиц, также не наблюдается сложностей во временной организации переводимого текста.
- Междометия, вводные слова, частицы: поскольку нарраторская речь приближена к разговорной, служебные части речи играют активную роль в формировании образа нарратора. Трансформации переведенного текста можно разделить на: а) переводческое отступление от текста оригинала (Стащил я их у председателя ленинградского горисполкома. Короче говоря, у мэра Ленинграда. — otherwise known as the mayor of Leningrad) и б) опу-

шения (Необходимо, как говорится, убрать все лишнее. — *Everything extra has to be removed*; Что же произошло? — *What had happened?*). В результате замены стилистически маркированной лексики на стилистически нейтральную или невосполненной ее утраты образ автора утрачивает самобытность.

- Прагматические связи: наблюдаемые трансформации не представляются значительными, и примеры таковых малочисленны (Карамзину и двух слов не понадобилось. — *Karamzin didn't even need two words*. И с каждым годом все размашистей. — *On a broader scale every year*).
- Разговорная речь: можно отметить тенденцию приближения переводимого текста к литературной норме, что понижает красочность разговорной речи нарратора, что проявляется в неразличении конотаций синонимов, изъятии профессионализмов, утрате стилистически маркированной лексики (1. Приятель... знакомый... — *friend*, кто-то засмеялся, через минуту хохотала вся площадь — *laughted... laughing*; 2. Берется за киянку и скальпель (нечто вроде молотка и зубила). — *Picks up the hammer and chisel*; 3. Зачастую все это принимает метафизический характер. — *Often this takes metaphysical character*.)
- Синтаксис. Множественные трансформации в абзацном членении (в оригинальном тексте рассказа «Номенклатурные полуботинки» 176 абзацев, в переводе 138) и на уровне предложения, в целом направленные на слияние предложений, что особенно очевидно при переводе кратких предложений, с неполной грамматической основой (Вскоре мы получили заказ. Причем довольно выгодный и срочный. — *In due time we received a commission, a rather lucrative rush job*). Изменяются также знаки препинания, характеризующие стилистику оригинала: например, русский текст изобилует тире (в оригинальном тексте рассказа «Номенклатурные полуботинки» 44 тире), что создает паузы, имитирующие разговорную речь, в английском варианте — 9 тире, причем только 5 из них соответствуют точкам и двоеточиям в оригинальном тексте. В целом специфика организации синтаксического уровня оригинального текста (эллиптические конструкции, вводные слова и т.д.) воссоздает разго-

ворную речь нарратора, лирический рассказ. В переводе текст оказывается ближе к литературной норме, эффект во многом теряется.

В сборнике «Чемодан» отношение нарратора к советской действительности глубоко иронично, что выражается в выборе междометий, вводных слов, прагматических соединителей, в разговорной лексике, выборе синтаксических средств. Отдельно следует отметить, что вышеназванные трансформации на лексико-синтаксическом уровне провоцируют трансформации на лексико-стилистическом уровне. В оригинальном тексте примечательны случаи смешения стилей (Зачастую все это принимает метафизический характер. — *Often this takes metaphysical character*; Стащил я их у председателя ленинградского горисполкома. Короче говоря, у мэра Ленинграда). Использование такого лексико-синтаксического приема создает эффект нагромождения нелепостей советской действительности. В переводе же А. Боуиз специфика речи повествователя заретуширована под воздействием литературной нормы воспринимающего языка. Интенсивность подобной переводческой трансформации можно определить на основе анкетирования англоязычных читателей, выявляющего особенности восприятия текста.

Литература

1. Погосян Н.В. Коммуникативные стратегии в прозе С. Довлатова: «Ремесло», «Наши», «Чемодан»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2012. — 23 с.
2. Dovatov S. The suitcase. — Richmond : Alma classic, 2016. — 138 p.
3. Довлатов С.Д. Собрание прозы : в 4 т. / ред. К. Красник — СПб. : Азбука, 2005. — Т. 1. — С. 597.
4. Довлатов С.Д. Собрание прозы : в 4 т. / ред. К. Красник — СПб. : Азбука, 2005. — Т. 3.
5. Довлатов С.Д. Блеск и нищета русской литературы: филологическая проза. — СПб. : Азбука, 2016. — С. 233.
6. Добрычева А.А. Парцелляция в прозе С. Довлатова: от предложения к тексту : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Владивосток, 2012. — 19 с.
7. Шмид М. Нарратология. — М. : Языки славянской культуры, 2003. — 312 с.
8. May R. The translator in the text: On reading Russian literature in English (Studies in Russian literature and theory). — Evanston : Northwestern University Press, 1994. — 209 p.

МОТИВ СУДЬБЫ В ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ РАССКАЗА Л.С. ПЕТРУШЕВСКОЙ «БОГИНЯ ПАРКА»

Шемякина М.А.

Томский государственный университет, студент

THE MOTIVE OF FATE IN THE NARRATIVE STRUCTURE OF THE STORY "THE GODDESS OF THE PARK" ("БОГИНЯ ПАРКА") BY L.S. PETRUSHEVSKAYA

Shemyakina M.A.

Tomsk State University, student

Судьба как универсальная категория, характеризующая отношения человека с миром, является предметом размышления в рассказе Л.С. Петрушевской «Богиня Парка». Цель доклада – исследовать мотив судьбы в композиции повествования и в сюжете как структуре повествования (события рассказа).

Ключевые слова: Л.С. Петрушевская, рассказ, мотив судьбы, композиция повествования, структура повествования.

Fate as a universal category characterizing the relationship of a person with the world is the subject of research in the story "The Goddess of the Park" ("Богиня Парка") by L.S. Petrushevskaya. The purpose of the work is to study the motive of fate in the composition of the narration and in the plot as the structure of the narrative.

Key words: L.S. Petrushevskaya, story, motive of fate, composition of the narration, structure of the narrative.

Научный руководитель:
Суханова Софья Юрьевна, канд.
филол. наук, доцент.

Цель работы – исследовать способы воплощения авторского сознания в повествовательной организации рассказа Л.С. Петрушевской «Богиня Парка» (2004) [1] и связанный с этим мотив судьбы. В тексте несколько субъектов речи и сознания. Основные события даны через призму сознания рассказчицы. Повествовательная структура осложнена совмещением двух повествовательных позиций: рассказчицы-свидетеля и рассказчицы-участника. Рассказчица-участник включает в повествование точку зрения одного из персонажей на разных уровнях: ценностном, пространственно-временном, фразеологическом и т.д. (Б. Успенский) [2]. В нарративной композиции можно выделить 3 части: рассказ с точки зрения хозяйки, с точки зрения Алевтины, с точки зрения А.А.

Точка зрения хозяйки – это оценка других персонажей с прагматической позиции (материальная выгода). Например, экономность А.А. воспринимается как жадность, жалобами на которую начинается диалог хозяйки и Алевтины, в результате которого Алевтина найдет А.А. будущую жену Нину. В единую повествовательную ткань включаются слова персонажей в форме несобственно-прямой речи, что является проявлением их точек зрения на уровне фразеологии. Выделение различных точек зрения возможно благодаря стилизации речи героев как средства их характеристики. Для речи хозяйки характерны разговорные формы и просторечия («со всем скарбом», «в хламовнице» и др.), стилистически окрашенные слова («приехала эта тетка из Москвы, развеселая, деловая-деловая»), обилие слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами («верандочка», «телевизорчик» и др.), отсутствующие в других частях текста.

Для точки зрения Алевтины характерен более широкий культурный кругозор: она ориентируется на ценностную систему других людей, что способствует развитию отношений между Алевтиной и А.А. Пытаясь установить контакт с А.А., она намекает на про-

фессию учителя цитированием хрестоматийной строки из рассказа Н.В. Гоголя «Страшная месть»: «Чуден Днепр при тихой погоде». Культурная отсылка непонятна хозяйке, она думает: «ни к селу ни к городу замечает тетка Алевтина». Разницу кругозоров показывают диалоги, в которых прямая речь непосредственно выражает системы ценностей персонажей. В «унылом» (по мнению Алевтины) разговоре с хозяйкой на все ее реплики Алевтина отвечает междометиями. К этой части относится большинство фольклорных и мифологических образов, связанных с концептом судьбы. Так на композиционном уровне повествования проявляется оценка рассказчицы, которая сравнивает Алевтину с «древней богиней Паркой».

Повествование с точки зрения А.А. фактографично, с минимумом выразительных средств и частым синтаксическим членением. Так, в описании сцены поиска Нины каждое действие написано с новой строки. Только в этой композиционной части используются термины и канцеляризмы («топографическая память», «будучи приглашен», «фигурально выражаться»), отражающие эмоциональную сдержанность героя, его стремление свести любую коммуникацию к деловой. По схожести характеров Алевтина решает свести А.А. и Нину: «Нина, вот кто ему подойдет, нелюдимая тоже». При этом в тексте нет примеров разговора между А.А. и Ниной. Акцент на их невербальной коммуникации взглядами – это развернутая метафора схожих взглядов на жизнь, благодаря которым герои находят друг друга. Метафора поддерживается частыми словами «остранения» (наподобие «видимо», «кажется» и др.), которые на пространственном уровне маркируют, с какой точки зрения ведется повествование.

Позиция рассказчицы-свидетеля представлена во вступлении и в рассеянных по тексту предложениях (выделенных графически заключением в скобки), периодически разрывающих повествование о внутренних

событиях рассказа. Она не является участником событий, а анализирует их извне, опираясь исключительно на свою точку зрения.

Рассказчица выделяет типические социально-бытовые характеристики, что свидетельствует о ее способности строить обобщения на основе частных наблюдений: «нелюбимый», «покладистый», «люди, которых не хотят», «все мужья», «мужики деревни», «всегда <...> попадающий в суп петух», «девочки и женщины, тоскующие в перенаселенной Москве», «героини труда и ненаписанных комедий». Типизируя, рассказчица закрепляет за персонажами устойчивую схему поведения и образа мыслей, в чем воплощено ее стремление познать жизнь, определив ее закономерности: «он взял у нее из этой бесчувственной руки ее сумку, как делают все мужья».

Избыточное знание по отношению к судьбам героев выражается нарушением фабульной хронологии событий. Например, о свадьбе А.А. и Нины сообщается еще до их знакомства, заранее говорится о смерти Алевтины. Избыточное знание рассказчицы проявляется в более высоком по сравнению с героями уровне образованности и культурного кругозора, что выражается в отсылках к другим художественным произведениям: «Одиссея» Гомера, «Сага о Форсайтах» Джона Голсуорси, «Скупой рыцарь» А.С. Пушкина (мужики деревни называются скупыми рыцарями), картина Павла Федотова «Сватовство майора» (аналогия со сватовством А.А. и Нины). Устойчивые культурные концепты выполняют функцию архетипов, через призму которых рассказчица оценивает жизнь и персонажей. Упомянутые рассказчицей мифологемы вводят, во-первых, определение судьбы как участи, предопределенной божественной волей (образ богини Парки и нитей судьбы). Во-вторых, определе-

ние судьбы как поиска, воплощенного в пути (образы Пенелопы и Одиссея).

Изложенные во вступлении универсальные только с точки зрения рассказчицы законы, аллегорией которых является история знакомства А.А. и Нины, лежащая в основе фабулы, демонстрируют субъективное понимание рассказчицей смысла жизни. Последний, по ее мнению, заключается во взаимной необходимости одного человека в другом. Условием для обретения счастья является поиск человека, который будет нужен тебе и которому будешь нужен ты. То есть судьба рассматривается в значении достижения жизненной цели. Путь к этой цели выражается в вещественной метафоре пути как физического путешествия к пункту назначения, где есть этот человек (метафора поддерживается в фабуле аллюзиями на «Одиссею»). Так, в понимании рассказчицы-свидетеля, судьба заложена в природе человека и определяется его характером, но ее реализация зависит от собственной инициативы и заключается в целенаправленном поиске нужного человека.

Таким образом, судьба — это субъективное установление причинно-следственных связей, определяющих индивидуальную картину мира конкретного человека. Говорить о судьбе доверяется исключительно рассказчице, так как она обладает завершающим знанием и большим кругозором по сравнению с остальными персонажами, которые не обладают позицией венаходимости по отношению к настоящему моменту.

Литература

1. Петрушевская Л.С. Богиня Парка // Богиня Парка. — М. : Эксмо-Пресс, 2007. — 351 с.
2. Успенский Б.А. Поэтика композиции. — СПб. : Азбука, 2000. — 348 с.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ГРАФИЧЕСКОЕ ОФОРМЛЕНИЕ РОМАНА В. ПЕЛЕВИНА «ШЛЕМ УЖАСА, ИЛИ КРЕАТИФФ О МИНОТАВРЕ»

Баракина Е.А.

Томский государственный университет, магистрант

GRAPHIC DESIGN OF THE NOVEL "THE HELMET OF HORROR" BY V. PELEVIN

Barakina E.A.

Tomsk State University, master student

В статье рассматривается графическое оформление романа В. Пелевина «Шлем ужаса» как один из главных принципов минимизации произведения. Интерпретируется оформление деления романа на части и графика «ников» персонажей.

Ключевые слова: Виктор Пелевин, минимизация, графическое оформление.

The paper deals with the graphic design of the novel "The Helmet of Horror" by V. Pelevin. This graphic design is considered to be one of the main principles of minimization. Illustrating of the novel division into parts and the characters' nicknames graph have been interpreted.

Key words: Victor Pelevin, minimization, graphic design.

*Научный руководитель:
Рытова Татьяна Анатольевна,
канд. филол. наук, доцент.*

В литературе 2000-х гг. значимость графического оформления текста определяется несколькими причинами. Во-первых, новые технологии тиражирования рукописных и машинописных вариантов во второй половине XX в. создали дополнительную семантизацию графики, внешнего вида и формальной организации текста. Таким образом, любые изобразительные элементы начинают осознаваться как конструктивные приемы и использоваться в творчестве [1].

Во-вторых, в эпоху постмодернизма отношение к знаку как к элементу формальной организации художественной речи — от абсолютизации до дискредитации — готовит почву для «новой графической идеологии», которая выражается в том, что нетрадиционные выразительные элементы работают не как чужеродные включения, а становятся полноправными элементами текста» [1].

Как отмечают критики и литературоведы (В. Кулаков, В. Петров, Т. Маркова), постмодернизм радикально минимизировал инерцию литературной, «высокой» традиции, так как обращался к слову в его языковой нерасчлененности. Поэтому в произведениях постмодернизма любой знак или принципиально не несет смысла (симулякр), или в свернутом виде несет множество глубинных смыслов.

Таким образом, мы рассматриваем графическое оформление не только как способы формальной организации текста, но и как принцип минимизации сюжета романа, что проявляется в нарративной организации произведения, имитирующей виртуальную реальность, в чем немаловажную роль играет графика текста.

В романе 2005 г. «Шлем ужаса, или Креатифф о Тесее и Минотавре» Виктор Пелевин создает образ виртуальной реальности: действие происходит в пространстве Интернет-чата, в котором встречаются девять персонажей, жертв манипуляций неизвестного скрытого модератора. Фабула романа в том, что герои пытаются понять, как они очутились в непонятном для себя пространстве, как они должны себя вести и кем они являются в этом пространстве, насыщенном

аллюзиями и намеками на сюжет мифа о Тесее и Минотавре.

В целом Пелевин строит взаимоотношения человека с компьютером не столько на графической, сколько на идеологической основе, так как компьютер как мир со своими законами и символами является в романе одной из основ авторского мифа. Однако реализации этого мифа наряду с семантическими играми и пространственными переносами служат графические средства. В романе можно выделить два уровня графического оформления: оформление деления романа на части и организация событий романа как Интернет-чата с особым графическим оформлением каждого «ника»-персонажа.

Выбор формы чата подчеркивает виртуальность окружающего персонажей мира, его подчинение определенному сюжету, схеме, выбранной модератором. Разделение частей показывает движение персонажей к разгадке виртуального мира, когда они понимают его принципы и свою роль в этой «игре», они «сливаются» в одного человека, который переходит из виртуально заданного мира в реальный мир.

Роман состоит из шести частей, и каждая часть начинается с графического знака смайлика — стилизованной улыбки-эмоджи. При этом нет авторских указаний на то, что это части повествования или разные дни (вторая и третья части изображают один день). Четыре части отличаются количеством улыбок в заголовке: первая начинается с одной улыбки, вторая — с двух и т.д. Это, во-первых, указывает на присутствие сознания, находящегося «вне» чата, которое может организовывать «текущую» жизнь. Во-вторых, проявляет отношение к происходящему скрытых манипуляторов — модераторов чата.

В «Шлеме ужаса» первые четыре части показывают усиление положительной эмоции, потому что герои погружены в мир чата и поступают так, как им предложили модераторы: руководствуясь семантикой навязанных имен-ролей (ников). Пелевин показывает обезличенность всех персонажей, исключает рефлексию, внутренний мир, прошлое, актуализируя

только их реакцию на сиюминутную ситуацию общения.

Организация системы персонажей, которые характеризуются только через имя-ник, служит пониманию редукционистского смысла, заложенного автором в произведение, так как ники героев и их графическая запись актуализируют миф о Тесее и Минотавре.

Соединение мифа и виртуального мира создает интерактивную, внепространственную среду, в которой существуют варианты пространства и восприятия этого пространства. Интерактивность происходящего, переданная графически, кроме отмены сакральности влечет за собой отмену других значимых координат, времени и смерти. Это приближает действующие сознания к мифологическому мышлению, где все воспринималось одновременно.

Актантная модель мифа о Тесее и Минотавре в романе Пелевина создается не только через отсылку к «именам мифа», но и с помощью дублирующих персонажей, которые дополняют мифических героев. Пелевин дробит образы персонажей (один персонаж не может сочетать в себе всех качеств и функций) и схематизирует их (не дано дополнительной информации о героях, они просто схема, лишние сведения зачеркиваются в диалогах).

В актантную модель мифа Пелевина входят девять персонажей. Автор не характеризует их, а только вводит их «ники» – краткие псевдонимы для общения в Интернете.

Семантически ники в романе Пелевина можно разделить на следующие группы:

- иностранные имена-мифы, написанные латиницей (Ariadna (Ариадна), Isolda (Изольда), Romeo-u-Cohiba (Ромео-и-Койба), Theseus (Тесей));
- переведенное прозвище (Nutscracker – Щелкунчик);
- аббревиатура на латинице (UGLI 666 – Угли);
- имена, записанные транслитом [2] (Organizm(-: (Организм) и Sliff_zoSSchitan (Слифф_Засчитан));
- оригинальное имя (Monstradamus – Монстрадамус), но сформированное из двух интертекстуальных элементов (монстр + Нострадамус).

Графика ников подчеркивает, что помимо возникновения новых языковых значений, проявления интертекстуальных связей, расширения смысла в рамках поэтического языка способ порождения ника может оказаться важнее, чем его языковые значения. Ключ к претексту может быть найден через исследование дополнительных языковых значений слов, на реализацию которых могут указывать именно графиче-

ские приемы Пелевина, которые можно сравнить с гиперссылками, «линками» в Интернете. Главное свойство таких связей – давать мгновенные вспышки переосмысления.

Например, Пелевин не пользуется никакими дополнительными графическими средствами по отношению к четырем персонажам: Монстрадамусу, Ариадне, Щелкунчику и Тесею, что говорит об их самобытности. Ариадна и Монстрадамус – героини, наполняющие виртуальный мир смыслом: Ариадна задает задачу поиска/выхода из лабиринта, Монстрадамус наполняет мир информацией, которая может помочь решению задачи. Характеристику ника Организм графически дополняет смайл «(-:», который перевернут. Таким образом, это человек не такой, каким кажется сначала; чтобы его понять, необходимо увидеть всю картину целиком. Организм и Щелкунчик наполняют информацией идеи Ариадны и Монстрадамуса.

Ник Sliff_zoSSchitan полностью транслитерирован и написан «по-албански». На компьютерном жаргоне «слив» – осознанный проигрыш партии, который может принести игроку выгоду. Слив, практически не участвуя в создании виртуальной реальности (первых двух частях), обобщает всю информацию и в конце оказывается единственным субъектом действия, в этом образе «сливаются» все персонажи.

Оформление диалога в чате также важно: имя каждого персонажа перед репликой Пелевин пишет в квадратных скобках, что символизирует изолированность каждого от других: они не выходят во внешний мир, отделены в общении друг от друга.

В заключение необходимо подчеркнуть, что помимо прочего графическое оформление романа служит основным средством минимизации произведения: сжимая характеристики героев и описания обстоятельств, Пелевин благодаря графике наполняет сюжет смысловыми и сюжетными вариантами, ставит под сомнение логику мифа и обыгрывает мифологический сюжет в постмодернистском дискурсе симулякров, пустых или не соответствующих своему содержанию образов.

Литература

1. Суховей Д. Круги компьютерного рая (Семантизация графических приемов в текстах поэтического поколения 1990–2000-х годов) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.dissercat.com/content/grafika-sovremennoirussskoi-poezii>.
2. Транслит – передача текста с помощью чужого алфавита [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Транслит>.

НОВЕЛЛА «ПОСМЕРТНЫЕ ЗАПИСКИ ТРИСТРАМ-КЛУБА
(THE INEVITABILITY OF THE UNWRITTEN)» В РОМАНЕ А. БИТОВА
«ПРЕПОДАВАТЕЛЬ СИММЕТРИИ»

Буханова Е.Д.

Томский государственный университет, студент

THE SHORT STORY "THE POSTHUMOUS PAPERS OF THE TRISTRAM-CLUB
(THE INEVITABILITY OF THE UNWRITTEN)" IN THE NOVEL BY A. BITOV
"THE TEACHER OF SYMMETRY"

Bukhanova E.D.

Tomsk State University, student

Новелла «Посмертные записки Тристрам-клуба (The Inevitability of the Unwritten)» в романе А. Битова «Преподаватель симметрии» – ключевая для раскрытия проблем мотивов творчества, преемственности и оригинальности в искусстве. В игровой форме заседаний литературного клуба новелла выстраивает линию перехода от классики к модерну и постмодерну. Обращение к «Отцам» примиряет с «неизбежностью ненаписанного» как сущностью искусства.

Ключевые слова: искусство, классика, традиция, стилизация, Англия.

The short story "The Posthumous Papers of the Tristram-Club (The Inevitability of the Unwritten)" in the novel by A. Bitov "The Teacher of Symmetry" is key for the solving the problems of motives of creativity, of continuity and originality in art. The short story draws up the line of the conversion from the classic to the modern and postmodern. The link with the "Fathers" reconciles with the "Inevitability of the Unwritten" as the essence of art.

Key words: arts, classic, tradition, stylization, England.

Научный руководитель:
Рыбальченко Татьяна Леонидовна,
канд. филол. наук, доцент.

Роман А.Г. Битова «Преподаватель симметрии» представлен в паратексте как «перевод с *иностранного* без словаря» [1]. Он акцентирует проблему влияния в истории литературы. Авторство приписано английскому писателю начала XX в. Tired-Boffin'у. В центре его романа – образ писателя Ваноски, автора новеллы «Посмертные записки Тристрам-клуба». Под именем Эрнест Ваноски рассказывает о дотворческом периоде своей жизни, когда влияние образцов литературы затрудняло создание оригинального произведения. Тем не менее, он начал писать, избирая из традиции свой круг проблем. Отсюда английское название – «Неизбежность ненаписанного».

Фабула новеллы – история английского клуба начинающих литераторов, которые решили ничего не писать, чтобы не повторять известное. Их Устав иронически воссоздает манифесты модернизма: «Полная свобода Слову! <...> категорический запрет на любые сюжеты о великих людях» [1, с. 217–218]. Обсуждение замыслов героями – болтовня в духе философствований Тристрама Шенди, героя-повествователя одноименного романа Л. Стерна (1759).

В Клуб стремились попасть разные люди со своими литературными замыслами: священник, политик, профессор физикохимии, астроном, музыкант. Музыканта приняли за оригинальность сюжетов; остальным отказали по причинам этическим, эстетическим или эгоистическим. История Клуба завершилась потому, что кто-то из героев начал создавать реальные тексты, а кто-то оставил свои замыслы не воплощенными.

Дав клубу имя Тристрама, Эрнест манифестировал неклассическую стратегию творчества: это не учительная серьезная литература, а свободная интерпретация движущейся жизни. Ту же линию Битов видит в

романе Ч. Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба» (1837). Чужачество – ключевая точка сближения Стерна с Диккенсом и с «современным» писателем Джеромом. Однако герои повести «Трое в лодке...» (1889), продолжая путешествие Пиквика, целиком погружаются в поток быта, поэтому образ Джерома снижен, поскольку он не знает классики: «Кто такой Штерн? И где он!» [1, с. 211].

Автобиография Шенди, прервавшаяся на сказке «про БЕЛОГО БЫЧКА», не имела потенции к завершению. Парадигма стернианства – последние строки новеллы: «Мы свободны, наконец, не писать. Я уже написал» [1, с. 232]. Согласно теории «циклического развития литературы» М.Н. Эпштейна, литературный процесс проходит циклами из 4 фаз: социология; психологизм; философия, миф; игра. Стерн – ориентир для психологического сентиментализма, его сменило мифотворчество, а затем тиражирование, но для XXI в. он вновь станет «любимцем» [2]. Диккенс продолжил линии социальной и игровой литературы. Сюжет путешествия в XX в. редуцируется до обсуждения замыслов. Инверсии классических образов символизируют смену культурного полюса.

Как доказывал Г. Гачев, «Национальное самосознание неотделимо от работы познания других народов <...> что есть “я” в отличие от “другого” <...> через варианты – познать Инвариант» [3]. Битов разрушает стереотип русских о бережном отношении англичан к культурной традиции. Реминисцируемые классики (Шекспир, Бёрнс, Уайльд, Киплинг, Дойл, Уэллс, Честертон) воспринимаются ими и как авторитеты, и как атрибуты прошлого века. Фабульно возрождение классики не состоится: после распада Клуба друзья Эрнеста не станут писателями, а останутся

благополучными обывателями.

На смену классике в новелле приходят модерн и постмодерн. Став писателем Боффином, Эрнест реализует поэтику модерна – искусства субъективного мирообраза, мифологизирующего индивидуальные переживания. Другая судьба творчества – история кражи замыслов секретарем Клуба Пилавутом. Как постмодернисты, он крадет замыслы, реализует их и успешно публикует, лишая первоначального смыслового потенциала («интеллектуализм для бедных» [1, с. 227]). Музыкант создает оперу-шоу, сближая музыку с кулинарией. Эрнест понимает, что ненаписанное является истинным искусством, а материализация создает возможность «поедания» читателем.

Отношения «отцов и детей» в искусстве предполагают неизбежность недосказанного учителями и высказанного потомками. Битов разводит стилизацию и плагиат, прогресс и деградацию. Так, «Реквием» В.А. Моцарта оказывается конгениальным «Страстям по Матфею» И.С. Баха высказыванием на тему жизни и смерти, а Джером девальвирует классику, отказываясь от преемственности.

В процессе поиска смыслов ложное остается ненаписанным. В Клуб не приняты те, чьи замыслы имели конкретную цель: священник-расстрига пытался мотивировать свой отход от веры, политик был настроен на манипуляции массовым сознанием. В движении замысла Эрнеста «неизбежность ненаписанного» символизировала победу текста над автором. В первой версии замысла Эрнест хотел отомстить редактору энциклопедии, написавшему уничижительную статью о Стерне. В финальной версии он отказался от мести на фундаменте славы Стерна, следуя стернианским принципам «ответственности автора перед сво-

им героем» и иронического сомнения в собственной правоте.

При обращении к структуре романа все замыслы героев оказываются воплощенными Боффином. Даже сюжеты кандидатов, представшие профанными в пересказе Эрнеста, имеют такую же ценность, как и завершенные тексты. Пример – история замысла астролога: «<...> профессор (астроном, тайный астролог) <...> пытался вернуть каббалу в современное сознание, обратно воссоединяя букву с цифрой <...> нам показалось, что он посягает на монополию наших анаграмм, и мы разгрызли <...> его, как косточку» [1, с. 217]. Боффин реализовал этот замысел в новелле «Freud's Family Doctor (О – цифра или буква?)», показав, что воссоединение невозможно. В душе его героя цифра побеждает букву, рации – веру. «Версии и варианты» иллюстрируют, что искусство не несет истины, единой для всех. Так «роман-эхо» раскрывает систему отражений, которыми наполнена реальность.

Таким образом, новелла задает сложнейшие аспекты истории литературы, природы творчества, симметрии текста и реальности. Формула «Неизбежность ненаписанного» отражает понимание Битовым значимости всего «жизненного пути» текста: от зарождения замысла – через реализацию и завершение – к воскрешению в сознании потомков.

Литература

1. Битов А.Г. Преподаватель симметрии : роман-эхо. – М. : Фортуна ЭЛ, 2008. – 429 с.
2. Эпштейн М.Н. Постмодерн в русской литературе. – М. : Высшая школа, 2005. – С. 433.
3. Гачев Г.Д. Космо-Психо-Логос. Национальные образы мира. – М. : Академический проект, 2007. – С. 10–11.

РЕАЛЬНОСТЬ КАК ОБРАЗ В СОЗНАНИИ НАРРАТОРА В ЦИКЛЕ В. ОТРОШЕНКО «ПЕРСОНА ВНЕ ДОСТОВЕРНОСТИ»

Медведев И.А.

Томский государственный университет, магистрант

REALITY AS AN IMAGE IN THE MIND OF A NARRATOR IN THE CYCLE OF V. OTROSENKO "A PERSON OUTSIDE OF AUTHENTICITY"

Medvedev I.A.

Tomsk State University, master student

В цикле В. Отрошенко «Персона вне достоверности» (2005) рассматриваются две повести («Почему великий тамбурмажор ненавидел путешествия» и «По следам дворцового литавриста»), в которых на первый план выступает не текстовая, а фантазийная основа субъективной картины мира, рождаемой в сознании персонажа-нарратора. Структура наррации выражает мистификации автора и нарратора, скрывающегося за другими персонажами и текстами с целью придать достоверность и авторитетность собственным представлениям о мире. Фабула «расследования» позволяет включить разные версии реальности и разные предположения об «авторе» картины мира, закрепленной в тексте («лекции», «докладе», интервью, исследованиях биографов и пр.). Высказывается предположение о детерминированности фантазийного сознания персонажей Отрошенко влиянием южнорусской (казаческой) культуры, а также об опоре автора повестей на гоголевскую традицию.

Ключевые слова: Вл. Отрошенко, нарратор, постмодернизм, образ реальности, хронотоп, цикл, мистификация.

In the cycle of V. Otroshchenko, "The Person outside Reliability" (2005) considers two novels ("Why the great platform hated travel" and "In the footsteps of the palace timpani"), in which the text, but the fantasy basis of the subjective picture of the world born in the mind of the character-narrator. The structure of narration expresses the mystification of the author and the narrator himself, hiding behind other characters and texts in order to impart authenticity and authority to his own ideas about the world. The "investigation" plot allows you to include different versions of reality and different assumptions about the "author" of the picture of the world enshrined in the text ("lectures", "report", interviews, research by biographers, etc.).

Key words: Otroshchenko, narrator, postmodernism, reality image, chronotope, cycle, hoax.

*Научный руководитель:
Рыбальченко Татьяна Леонидовна,
канд. филол. наук, доцент.*

Цикл Вл. Отрошенко «Персона вне достоверности» (2005) состоит из 5 частей и связан единством изображаемого пространства: Новочеркасск, столица Войска Донского. Название цикла «Персона вне достоверности» акцентирует внимание на неавторитетности нарратора, а также ставит проблему достоверности картины мира, которую создает нарратор.

Прозу Отрошенко исследователи (Т. Рыбальченко, Т. Ковалева) [1] определяют как постмодернистскую и игровую. В повестях цикла «Почему Великий тамбурмажор ненавидел путешествия» и «По следам дворцового литавриста» философская проблематика скрыта за фабульной коллизией выяснения правдивости событий, судеб персонажей.

Авторская игра связана не только со стилизацией особой среды и исторического времени (просвещенное казачество начала XX века), но и с детективным сюжетом, отвлекающим внимание читателя на ложные или частные подробности с фальсификацией событий. Повествование затемняет главное — изложение гипотезы мироустройства, доверенное недостоверному персонажу. Так автор прячет собственные гипотезы в игре персонажами, нарраторами, текстами.

Центральных персонажей повестей (тамбурмажора и литавриста) объединяет несколько характеристик: 1) оба военные музыканты, роль их инструментов в оркестре заключается в создании ритма. Ритмичность может быть истолкована как условное, иг-

ровое, карнавальное собрание распадающегося, непознаваемого мира;

- 2) Сальвадор и Ставровский показаны как увлеченные мастера своего дела: «...эта яростная и чело-векोलюбивая горилла в позументах» [2, с. 11]; «А слышали б вы, господин Председатель, с каким волнительно-нежным коварством нашептывают мои литавры в злобно-веселом Егерском марше» [2, с. 46]. Оба претендуют на роль лучших музыкантов и достигают тех высот искусства, за которыми «простирается область чистейшего идиотизма» [2, с. 12];
- 3) оба героя сходят с ума.

В повестях не указывается причина, начало и конец безумия, таким образом, не история безумства интересует автора, а культурная метафора: безумец как носитель особого мировосприятия и миропонимания.

А.Ф. Лосев связывает безумие с оргийным состоянием: «безумие, являясь плодоносной почвой для всякой образности, порождает из себя аполлонийское оформление, делая каждого носителя такого оформления трагическим героем. Герой, ставший дионисийским безумцем — очарован; сливаясь с окружающим, он превращается в него, он уже поэтому оказывается лицедеем» [3]. По мнению Г.Г. Хубулава, «тема безумия <...> перекликается с темами духовидчества, юродства и мессианства» [4].

То, что центральные персонажи — безумцы, выводит их из сферы принятых социальных норм и делает

менее авторитетной их картину мира, однако дает возможность обратить внимание на прорыв к знанию, не доступному «здравому» разуму.

В повестях вариативны фигуры нарраторов, это связано с тем, что сюжет предполагает пуант в конце текста – сами персонажи (Сальвадор и Ставровский) стирают границу между собой и нарратором и высказывают свою версию событий (в том числе и события рассказывания), таким образом, всегда существует два подхода к излагаемым событиям. Кроме того, вводятся разные версии жизни персонажей, хотя и с опорой на документальные свидетельства, на опубликованные в газетах интервью, на исследования ученых, однако они не проясняют, а затемняют правду.

В повести «По следам дворцового литавриста» версии распределены между двумя инстанциями: первая – опубликованный в Санкт-Петербурге доклад исследователя Кирсанова, который, считая, что существует лишь одно сновидение, сопровождающее нас на протяжении всей жизни, описывает свое путешествие в некий город, где он является дворцовым литавристом Игнатом Ставровским.

Вторая версия содержится в разоблачительном дневнике историка Холодецкого и состоит в том, что автор – безумец, а его следы в реальном мире можно отыскать в Новочеркасске, который и описан в тексте доклада.

В первой повести автор соотносит версии таким образом: нарратор приводит версию Сальвадора на собственную судьбу и судьбу своего отца и оценку версии нарратора, излагаемую в «лекции», однако не ясно, откуда сумасшедшему литавристу известны факты, текст интервью, ситуация «лекции» нарратора в мнимом Бутане. Образ нарратора непосредственно влияет на образ мира в повестях, поэтому процессу закрепления фантазийного мироздания в тексте уделено много внимания. Чтобы образ мира, рожденный в сознании, закрепился, он должен быть подтвержден текстом. А текст становится анонимным, его можно принять как подтверждение и реальности, и вымысла. Поэтому Отрошенко в образе нарратора смешивает границу между сумасшедшим, музыкантом и ученым.

Оба нарратора – ученые: историк тамбурмажорского искусства и краевед. Это объясняет нарочитую «ссылочность» их речи. Нарраторы никогда не описывают события напрямую, а опосредуют слово чужи-

ми текстами. Формальная «доказательность» суждений приводит к противоречиям и снижает доверие к текстам.

Ситуация чтения лекции или пространство, в котором происходит событие рассказывания, также влияет на модальность изображаемой реальности. В первой повести нарратор воображает себя в Бутане, что создает ассоциации с буддистской картиной мира, с идеей жизни как цикла перерождений. Пространство обособлено (стихией), медитативно (по заверениям нарратора) и имеет черты эфемерности.

Событие рассказывания во второй повести разворачивается в Новочеркасске, обозначенном как тоπος воспоминания (автора и нарратора): «В моем городе почтеннейших антикваров, не менее древних библиотекарей, чьи облысевшие головы полны всевозможных сведений...» [2, с. 38]. В таком текстовом и онейрическом пространстве высказывается версия бытия как воображенной или сновидческой реальности, где время обратимо и неконечно, где пространство может быть организовано сознанием, подчиняться ритмам воображения.

Подобные философские концепции, встроенные в систему повествования, близки постмодернистским, так как они закрепляются в текстах с целью преодолеть недоступность познания реальности, ее изменчивость, необратимость, негармоничность. Вместе с недоверием к реальности в прозе Отрошенко обнаруживается и недоверие к текстам, в которых сознание пытается найти спасение от непонимания реальности.

Литература

1. Проблемы национальной идентичности в русской литературе XX века : коллективная монография по материалам 2-й Интернет-конференции «Русскоязычная литература в контексте славянской культуры: проблемы национальной идентичности» (30 октября – 10 ноября 2009 г.) / науч. ред. Т.Л. Рыбальченко. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. – С. 212–229.
2. Отрошенко В. Персона вне достоверности. – М. : Азбука-Аттикус, 2010.
3. Лосев А.Ф. Фр. Ницше // Ницше: pro et contra. – СПб. : Изд-во РХГИ, 2001. – С. 62.
4. Хубулова Г.Г. Тема безумия в русской литературе [Электронный ресурс] // Вестник СПбГУ. Серия 6. Политология. Международные отношения. – 2014. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tema-bezumiya-v-russkoy-literature> (дата обращения: 17.04.2019).

ПРОБЛЕМА ГЕРОЯ В ПОВЕСТИ Б. ХАНОВА «ДИСТИМИЯ»

Рябцева В.С.

Томский государственный университет, студент

THE HERO'S PROBLEM IN B. KHANOV'S NOVEL "DYSTHYMYA"

Ryabtseva V.S.

Tomsk State University, student

Работа обращается к малоизученному тексту Б. Ханова «Дистимия». Герой повести сопоставляется с трифоновскими героями, так актуализируется литературная преемственность, связь между прозой XX и XXI вв. Производится анализ имен и фамилий героев; названия повести. Делается вывод о том, что в эстетическом сознании писателя современный мир «угрожает» человеку автоматизацией и «обезличиванием».

Ключевые слова: Б. Ханов, современность, массовое сознание, корпоративная культура, молодой герой, текст в тексте.

This work is dedicated to the little-studied B. Hanov's text "Distimiya". The hero of the story is compared with the heroes of Y.V. Trifonov as the literary succession and the connection between 20th and 21st centuries prose becomes actualized. The names, family names of the heroes and the name of the story are analyzed. At the end we will make conclusion that in the aesthetic consciousness of the writer the modern world "threatens" humans by automation and "depersonalization".

Key words: B. Hanov, contemporaneity, popular consciousness, corporate culture, young hero, text within the text.

Научный руководитель: Рытова
Татьяна Анатольевна, канд.
филол. наук, доцент.

Булат Альфредович Ханов (род. 1991) – писатель, литературовед, кандидат филологических наук. Публиковался в журналах «Дружба народов», «Идель», «Казань» и других, в сборнике «Молодые писатели России». Автор произведений «Дистимия», «Непостоянные величины», «Гнев».

Ханова интересует современный горожанин. Герои его прозы – массовые жители мегаполисов, которые обитают в среде бетонных небоскребов, работают в корпорациях, живут поодиночке и строят у себя в голове свою реальность. Герой повести «Дистимия» (2018) – молодой психолог и кандидат наук, ведущий выездные тренинги по саморазвитию от коммерческой фирмы «Достоинство», но это уже уставший от жизни интеллигент. Приехав на учебу в Москву из Мордовии (фамилия его – Лесничий), он прячется за громким псевдонимом «Максим Архетипов», считает, что манипулирует сознанием людей на тренингах, но ведет однообразную жизнь московского яппи¹, только без жадности денег и власти. Таким образом, герой представляет молодое поколение больших городов, которые высасывают энергию из человека и неизбежно превращают его в функцию какой-либо корпорации.

Композиционно повесть состоит из двух частей: 1) полет в самолете; предыстория жизни героя в мегаполисе (Москве) и 2) события в северном городе Нертенгове, куда герой приезжает для проведения заказанных его фирме тренингов.

Я-повествование, используемое Б. Хановым, предполагает, что все изображенное дано сквозь призму со-

знания героя, его систему представлений, «окрашено в тона его личного участия» (М. Бахтин [1]), но в первой части «Дистимии» я-повествование отражает автоматизм мышления героя. Повесть начинается с конструкции «текст в тексте»: Архетипов читает в самолете дебютный роман «Крах наслаждения» (автор которого, рокер «средней популярности», после того, как «отправил его издателю без редактуры», совершил символический акт самоубийства: «перерезал горло бритвой, как самый настоящий позер») и размышляет не над трагическим поступком рокера, а бесстрастно вычисляет механизм создания ситуации массового спроса на посредственный идеологический товар, в котором реальная стоимость определяется не глубиной содержания, а «расчетливым ходом» (самоубийство), в результате которого «Крах наслаждения» возглавил рейтинги продаж [2]. Подобная оценка прочитанного выявляет позицию героя-рассказчика как отстраненно-оценочную.

В поисках точного определения данный тип героя новой формации можно сопоставить с трифоновским «средним человеком». Максим – творческая личность (о чем свидетельствуют разработанная им в студенчестве пародийная классификация соционических типов, а также игровая переделка первого тренинга: «С энтузиазмом маленького разбойника, который подрисовывает бороды писателям в школьном учебнике, я взялся за дело»). Но в процессе работы в фирме «Достоинство» он (так же, как трифоновские герои в быту) обменял творчество на прагматическое и симулятивное отношение к жизни и профессии. Об этом свидетельствуют отношение героя к защищенной спустя пять лет после университета кандидатской диссертации («отделался от кандидатской диссертации, соткав из лоскутов научный труд») и его пособие «Быть в курсе. Советы продвинутого тренера» (в оценке героя – «далекое от университетских научных изысканий так же, как панк-рок далек от революции»).

¹ Яппи – молодые состоятельные люди, ведущие построенный на увлечении профессиональной карьерой и материальном успехе, активный светский образ жизни. Яппи имеют высокооплачиваемую работу, в одежде предпочитают деловой стиль, следят за модой, посещают фитнес-центры.

Вместе с тем изменение творческого отношения на прагматическое в повести Б. Ханова связано не с испытанием среднего интеллигента бытом (как было в 1970-е гг. в прозе Ю. Трифонова), а исключительно с характером его работы и труда: Максим (как и все «поколение миллениума», планирующее «найти работу, которую одобрили бы родители (стабильную, достойно оплачиваемую, «хорошую»), которая впечатлила бы сверстников (в «крутой» компании) и которая бы помогала в достижении внушенной конечной цели» [3]) почти круглосуточно вовлечен в работу, а деятельность фирм и корпораций 2010-х гг. ориентирована на извлечение прибыли из манипуляций массовым сознанием. Тренинги настолько востребованы в современных мегаполисах, что определяют постоянное расширение деятельности подобных компаний: «Мы приросли филиалами в Петербурге, Центральной России и Поволжье, — отмечает герой «Дистимии». — Прибавилась вариативность: кроме деловых тренингов мы предлагали также навыки, психотерапевтические, социально-психологические занятия».

Герой начинает как ассистент по разработке курсов, затем становится «ответственным за содержательное наполнение курсов». В этой роли он видит себя «кем-то вроде серого кардинала, конструктора чужих судеб, специалиста по чертогам разума и лабиринтам мысли». Функции героя в корпорации сводятся к тому, чтобы отслеживать потоки всего модного и популярного в различных информационных каналах: вербальном (книги, желтая пресса), визуально-аудиальном (различные попсовые жанры ТВ, музыкальные клипы, интернет). Это сырье для масс герой структурирует, то есть выделяет некие инвариантные смыслы: «Если научиться сносно структурировать материал и не объяснять странные действия окружающих их нездоровым рассудком, то можно прослыть умным типом».

Преимущества Архетипова в том, что он, в отличие от других, способен извлекать оригинальные слова, чтобы воздействовать ими на слушателей: «Я вслушиваюсь в поток и выискиваю пригодные незатертые слова, чтобы обращаться к публике. Я выхватывал из потока перспективные слова и выражения, аккумуляровал идеи и снабжал составителей тренингов своими ображениями».

Однако деятельность в рамках корпоративной культуры постепенно обнуляет интуиции героя: при случайном стечении обстоятельств ему навязывают роль не автора, а ведущего тренингов, которая заставляет Максима осознать то, что до этого он не понимал, — насколько стерлась в процессе труда и его личность тоже: «привыкший считать, что я себя давно изучил, я столкнулся с неизвестной до того частью моей личности». В роли «говорящей головы» (ведущего тренингов) он сразу ощущает себя комфортно, так как она совпадает с его обезличенным отношением к людям: «Я не люблю людей, хоть и не испытываю к ним отвращения. Меня не возбуждают сплетни и домыслы, мне скучно обсуждать чьи-то хобби и увлечения, пристрастия и зависимости. Внешность и поступки обсуждать еще скучнее. По большому счету мне все равно, какое прошлое у моих клиентов и что несет им будущее». Не случайно воплощением этого «стертого» видения в повести становится мотив больных (плохо видящих) глаз Максима, которые он постоянно капает.

Таким образом, ситуация полета до Нертенгговы (воплощающего дистанцированный взгляд на итоги жизни героя в мегаполисе) выявляет, что герой — интеллект, обладает развитым самосознанием, и одновременно — носитель ролевого сознания, о чем свидетельствуют смена фамилии Лесничий на фамилию-маску (Архетипов — с греч. первообраз² [4]), но сохранение своего имени Максим (с лат. *maximus* — самый большой, величайший); его образ жизни (избегает глубоких человеческих связей, не имеет друзей, семьи, женщины) и восприятие им своей деятельности (понимает ее симулятивную природу). Воспоминания подчеркивают, что герой прошел путь творческой личности, погрязшей в автоматизме современной мегаполисной корпоративной культуры.

Объясняя антропологический смысл предистории героя, можно сослаться на А. Бергсона, который отмечал, что «сознание <человека> представляет потребность в творчестве, но оно проявляется только там, где творчество возможно. Оно засыпает, когда жизнь обречена на автоматизм, но оно немедленно просыпается, когда является возможность выбора» [5].

Вторая часть повести свидетельствует об этом. Она начинается с нарушения горизонта ожидания героя сразу после выхода из самолета: его не встречают, как требует корпоративная этика, в аэропорту, заселяют в гостиничный номер, не соответствующий его корпоративному статусу: «Меня против воли увлекают в квест “Выберись из аэропорта”, заселяют в номер без туалета, объявляют о корректировках в программе. И все это в непрошибаемо невозмутимом стиле, будто так и положено». У Максима рождается пока еще смутное ощущение, что им манипулируют. «Я сообразил, что здесь что-то не так. Сомнительно, чтобы нормальный русский мужик безостановочно пылал воодушевлением и выражался на языке телевизора...».

Далее герой обнаруживает неожиданный для себя городской дискурс, где его удивляют условные имена местных жителей («В Нертенггове сложилась традиция менять имена. Цветмет — это Цветная металлургия. Серпал — Сера и палладий»), лозунги с искаженными, редуцированными цитатами классиков («Гегель: Все действительно разумно³») на рекламных щитах, ура-патриотическое поведение северчан. Морально устаревший, почти социалистический, строй жизни, авторитаризм молодого мэра, контроль власти над частной жизнью, слепая вера провинциалов в светлое будущее их северного края, реализуемая в дискурсах местечковой культуры, раздражают Максима и тем самым выводят из автоматизма корпоративного мышления.

Более того, сюжет пребывания героя в Нертенггове модернистски гиперболизирован: Б. Ханов, доводя ситуацию его столкновений с горожанами до край-

² «Архетипы — это не сами образы, а схемы образов, их психологические предпосылки, их возможность. Словами Юнга, они имеют не содержательную, но исключительно формальную характеристику, да и ту лишь в весьма ограниченном виде. Содержательную характеристику первообраз получает лишь тогда, когда он проникает в сознание и при этом наполняется материалом сознательного опыта».

³ В оригинале: «Все действительно разумно, все разумное действительно».

ности, создает полусумасшедший образ «идеального» города, в котором герой становится пленником. Два дня его встреч с горожанами и заключение в центр реабилитации (психушку) выявляют ряд страхов, переживаемых внешне благополучным современным человеком: боязнь оторваться от глобального мира (в Нертенгове Максим именует центр России «материком»), страх попасть в ловушки власти, опасность проявить сочувствие к другому человеку (в психушке). Таким образом, в истории героя актуализируется культурный архетип модернизма: бинарная оппозиция «разумный» и «утративший разум».

Кульминация сюжета – в том, что Максим, приехавший проводить кратковременный тренинг в заполярный город, буквально не может выехать обратно, так как инициаторами его заключения в местную психушку были руководители его собственной фирмы, желающие «перезапустить» уставшего тренера. Побег из гиперболизированной реальности приводит героя на «кладбище поездов» к отмечающему грузы Василию, о котором в Нертенгове ходят легенды как о мудреце, знающем истину. Но и здесь ему навязывается новая роль: Василий назначает его быть новым «гуру». В финале, который можно считать открытым (условным), Максим, спрятанный ото всех среди вечной мерзлоты на кладбище поездов, находит успокоение и засыпает у паровозной топки во время полярной ночи.

Отвечая на вопрос, почему повесть носит название «Дистимия», сам автор дал политизированный ответ: «Это диагноз, поставленный в психиатрической клинике неуголному герою. Ему могли поставить и другой диагноз, просто руководству <фирмы> был нужен формальный повод, чтобы там его держать. К сожалению, в обществе растет тенденция, когда мы легко ставим друг другу диагнозы, оценки. Иными словами, распространение психотерапевтических практик – способ контролировать население и навязывать модели поведения. Причем стандарты навязываются не насильно, а мягким, незаметным и благоприятным для потенциального пациента образом» [6].

На наш взгляд, значение названия повести можно понимать довольно широко. Во-первых, оно – ключ к изображаемой картине мира. Дистимия – это болезнь, поразившая современное российское обще-

ство, оказавшееся в состоянии утраты прежней (советской) идентичности и так и не нашедшее новую постсоветскую идентичность. Это определяет органичное соединение в повести двух пространств и двух социальных дискурсов: в первой части – постсоветского (Москва), во второй – квазисоветского (Нертенгова).

Во-вторых, название повести – характеристика сознания современного человека. Дистимия как хроническое «пониженное, печальное, угрюмое, подавленное, тревожное или мрачное настроение» пронизывает не только современное общество, но и сознание среднего массового человека, порождая необходимость в его преодолении, но одновременно обнаруживая и неспособность выработать какие-либо пути выхода из этого состояния. И если общество делает ставку на медийную обработку сознания, рождающего массовые и временные иллюзии обретенного смысла существования, то человеку, как показывает Б. Ханов, остается только условная надежда на возможность побега и автономизацию от всех дискурсов и манипуляций.

Литература

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М.М. Собр. соч. : в 7 т. – М. : Русские словари: Языки славянской культуры, 2002. – Т. 6.
2. Ханов Б.А. Дистимия [Электронный ресурс]. – 2018. – URL: www.zh-zal.ru/october/2018/6/distimiya.html.
3. Petersen A.H. How millennials became the burnout generation [Электронный ресурс]. – 2019. – URL: <https://www.buzzfeednews.com/article/annehelenpetersen/millennials-burnout-generation-debt-work>.
4. Мифы народов мира : энциклопедия [Электронный ресурс] / гл. ред. С.А. Токарев. – М., 2008. – URL: https://archive.org/details/Myths_of_the_Peoples_of_the_World_Encyclopedia_Electronic_publication_Tokarev_and_others_2008/page/n91.
5. Бергсон А. Творческая эволюция. – М. : Директ-Медиа, 2009. – Гл. 3. О смысле жизни. Порядок в природе и форма сознания.
6. Любимова О.Б. «Быть интеллигентом стыдно». Булат Ханов о новом гражданском обществе [Электронный ресурс] // Аргументы и факты – Казань. – 2018. – URL: www.kazan.aif.ru/culture/person/byt_intelligentom_stydno_bulat_hanov_o_novom_grazhdanskom_obschestve.

**РУССКО-ЕВРОПЕЙСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ
И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД**

ОБРАЗ ЯПОНИИ В ЛИТЕРАТУРНОЙ ПЕРИОДИКЕ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ СИБИРИ

Абдуваили М.

Томский государственный университет, аспирант

THE IMAGE OF JAPAN IN LITERARY PERIODICALS OF PRE-REVOLUTIONARY SIBERIA

Abduwaili M.

Tomsk State University, post-graduate student

В статье впервые представлен выявленный корпус переводных текстов, связанный с японской темой, с образом Японии и японцев, активно формировавшимся в России и Европе времен русско-японской войны. Выявляется специфика регионального осмысления томскими авторами актуальных черт культуры, политики, истории Японии как Другого в контексте развития местного культурного самосознания в дореволюционной Сибири.

Ключевые слова: образ Японии, периодика, переводная литература, «Сибирская жизнь», «Сибирский вестник».

The article for the first time presents the corpus of translated texts associated with the Japanese theme, with the image of Japan and the Japanese, as that were actively formed in Russia and Europe during the Russo-Japanese War. In this article we revealed the peculiarity of regional comprehension constructed by Tomsk authors. This comprehension includes the features of culture, politics, history of Japan considered as the Other in the context of local cultural identity development in pre-revolutionary Siberia.

Key words: image of Japan, periodicals, translated literature, "Siberian Life", "Siberian Bulletin".

Научный руководитель:
Никонова Наталья Егоровна,
докт. филол. наук, доцент.

В конце XIX – начале XX вв. происходят геополитические изменения, связанные с русско-японской войной, с активным экономико-политическим развитием Японии, занявшей лидирующее положение в азиатско-тихоокеанском регионе, что обусловило интенсивное формирование образа Японии и японца в России, во многом средствами русской словесности на страницах литературной периодики регионов и Центра.

По справедливому замечанию Э.А. Воробьевой, «образ Японии и японцев, создававшийся на страницах дальневосточной и сибирской прессы в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг., представляет собой весьма интересный феномен» [1]. Анализируя в сравнительном аспекте публикации двух либеральных изданий Дальнего Востока и Западной Сибири – газет «Дальний Восток» (Владивосток) и «Сибирская жизнь» (Томск) – исследователь приходит к выводу о том, что собственные корреспонденции и перепечатки из более десятка центральных русских повременных изданий способствовали моделированию идеологически окрашенного образа Другого в облици врага, «желтой угрозы». При этом сибирские авторы оказывались менее категоричными в этом плане.

Однако литературная пресса дореволюционного Томска представляла собой особое культуроспецифичное пространство, составленное несколькими периодическими изданиями, создававшими комплексное представление у читателя об инациональной культуре и литературе в целом, и образ Японии и японцев заслуживает специального внимания в данном региональном контексте.

По итогам фронтального поиска таких публикаций становится очевидной значимая роль переводных очерков, легенд и преданий, связанных с японской темой при формировании образа Другого. Не менее 16 публикаций, вышедших в период 1904–1905 гг. на страницах «Сибирской жизни» (далее СЖ) и «Сибир-

ского вестника» (далее СВ) и ранее не привлекавшихся к изучению, представляют объект исследования в настоящей статье. Приведем полную библиографию обнаруженных нами источников.

Сибирская жизнь:

1. Каменотес. Японская сказка Мультатули / пер. с нем. // СЖ. – 1902. – № 126. – С. 3. – (подпись: «Д.Р.»).
2. Певича роква : корейская повесть / пер. с яп. для «Сиб. Жизни» // СЖ. – 1902. – № 279. – С. 2–3. – (подпись: Фусата-Сузуки).
3. Женщина-японка / пер. с франц. для «Сиб. Ж.» // СЖ. – 1903. – № 99. – С. 2. – (подпись: I. Hitomi).
4. Золотой лотос. Японская легенда / пер. с нем. // СЖ. – 1903. – № 139. – С. 3. – (подпись: В.Ю.).
5. Дух японской культуры. Лафкадье Гьярм в Токио / пер. с нем. для Сиб. Жизни // СЖ. – 1904. – № 90. – С. 2.
6. Японский панмонголизм // СЖ. – 1905. – № 15. – С. 2. – (подпись: Н.А. Цорн).
7. Сверху. Этюд Кото Губано / пер. с яп.) // СЖ. – 1905. – № 23. – С. 2.

Сибирский вестник:

1. Франсуа Коппэ о «жёлтых» // СВ. – 1904. – № 14. – С. 2–3. – (подпись: Друг).
2. Японские дети / пер. с фран. // СВ. – 1904. – № 101. – С. 2–3. – (подпись: М.А. Левт).
3. Француз о Японии / переведено для «Сиб. Вестн.» // СВ. – 1904. – № 166. – С. 3. – (подпись: Пер. М.Ш. (Из Figaro)).
4. Ночь в японской гостинице. Д-ра Максимилиана Пфистера / пер. с нем. для СВ // СВ. – 1905. – № 70. – С. 2. – (подпись: Перевел М-н.).
5. Смерть двух японских шпионов / пер. с польск. //

СВ. – 1905. – № 91 – С. 2. – (подпись: Первел М. Д.-о.).

6. Любовь Гомпаци и Комуразаки (из сборника «Душа Японии» изд. под. ред. И.П. Азбелева) // СВ. – 1905. – № 121. – С. 2.

К этому корпусу переводов примыкает публикация под заглавием «Последствия тщеславия», вышедшая в «Сибирском наблюдателе» (1905, № 6, с. 65), а также известия о литературных новинках и литературной жизни Японии, напечатанные в СЖ: «Лафкадио Керн. Японские сказки. С английского» (1911, Приложение к № 283) в рубрике «Библиография» и «Литературный дневник», сообщающий о том, что «популярный японский писатель Кенджиго Токуоми выпускает отдельным изданием свои воспоминания о Л.Н. Толстом» (1913, № 277).

Итак, говоря об источниковой базе, можно заключить, что СВ не менее активно, чем СЖ, обращался к зарубежной мысли о Японии и ее культуре, не оглядываясь лишь на Центры Российской империи, но формируя благодаря собственным комментариям и разбором собственное доказательное поле вокруг образа Другого за счет литературного контента изданий. Публицистика, беллетристика, легенды и сказки, переведенные с европейских языков (немецкого, английского, французского, польского), служили важным дополнением кругозора читателей сибирского региона, расположившегося между имперским Центром и дальневосточным приграничьем России. Отчасти это особое географическое положение определило большую лояльность в отношении к японской теме. Такому восприятию в значительной мере способствовала программа культурного плюрализма и гуманитарного колониализма областников, как и их просветительская деятельность.

8 из 13 переводов представляют публицистические очерки европейцев, посетивших Японию, и, соответственно, западный взгляд на культуру, политику и нравы этой страны. 2 перевода содержат японские притчи («Каменотес» и «Золотой лотос»), 2 рассказа («Певица Роква» и «Любовь Гомпаци и Комуразаки») посвящены любовной теме, художественный этюд «Сверху» раскрывает военную коллизию в гуманистическом притчевом аспекте. Примечательно то, что все переводы за исключением одного не являются перепечатанными из других российских газет, источники отобраны местными авторами напрямую из иноязычных изданий, и их идеи не заимствуются слепо, но подвергаются анализу и осмыслению.

Ведущее место в тематике публикаций о Японии и ее нравах занимает вопрос о «желтой угрозе» (3 очерка), популярный в западной мысли рубежа веков. В сибирской периодике обсуждается мнение поэта парнасской школы Ф. Коппе (1842–1908), нарисовавшего ужасающую футуристическую картину, связанную

с нашествием Востока на Запад: «будущий завоеватель, вождь с длинными ногтями и висящей на спине косой, будет, без сомнения, варваром, но варваром, знающим последнее слово военной тактики и стратегии» [2]. В противовес этой точке зрения сибирский обозреватель приводит веские аргументы о необоснованности подобных опасений и завершает свой обстоятельный очерк утверждением о том, что «да, наконец (это самое важное), конкуренция не есть всеобщий закон и придет время, когда она уступит свое место великому началу солидарности. Тогда этот вопрос будет вопросом праздным» [2].

Положительный образ Японии складывается за счет пяти краеведческих по своей направленности статей о японских детях, о женщине-японке и духе японской культуре. Из них местный читатель мог узнать, что «про японскую женщину можно сказать в трех словах, что в детстве она резва, в юности сдержанна и очень кротка и верна в замужестве», «японка – прекрасная мать семейства», «японка способна ко всем ремеслам», что «нет ни одной более характерной черты в общественной жизни Японии, как постоянная изменчивость: все население в постоянном передвижении, – в странном, децентрализованном», а терпение является «основой японского народного характера» [3].

Такой образ Японии, создававшийся в сибирской дореволюционной периодике за счет переводов, значительно отличается от негативного образа, смоделированного в центральной и дальневосточной периодике. Причиной для этого, думается, послужила областническая программа, основывавшаяся на принципах культурного плюрализма как фундамента для многонационального социума региона, и пропагандировавшая просветительские идеалы, а также классические аксиологические ориентиры.

Исследование выполнено при поддержке Совета по грантам Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых. Проект МД 852.2019.6 «История русской переводной литературы рубежа XIX–XX вв.: на материалах периодики регионов Российской империи».

Литература

1. Воробьева Э.А. Русско-японская война 1904–1905 годов и общественное мнение Сибири и Дальнего Востока: по материалам ведущих местных периодических изданий : дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2009. – 263 с.
2. Франсуа Коппэ о «желтых» // Сибирский вестник. – 1904. – № 14. – С. 2–3. – (подпись: Друг).
3. Женщина-японка / пер. с франц. для «Сиб. Ж.» // Сибирская жизнь. – 1903. – № 99. – С. 2. – (подпись: I. Hitomi).

СУДЕБНО-УЗНИЧЕСКАЯ ТЕМА В ПЕРЕВОДАХ М.Ш. ИЗ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА СТРАНИЦАХ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ПЕРИОДИКИ СИБИРИ

Афанасьева К.О.

Томский государственный университет, студент

THE TOPICS OF COURT AND PRISON IN THE TRANSLATIONS OF FRENCH LITERATURE BY M.SH. ON THE PAGES OF SIBERIAN PERIODICALS IN 1901–1905

Афанасьева К.О.

Tomsk State University, student

В статье рассматриваются художественные переводы сибирской переводчицы, подписывавшейся псевдонимом М.Ш., опубликованные с 1901 по 1904 гг. в томском периодическом издании «Сибирский вестник». Судебно-узническая тема исследуется как одна из центральных в корпусе данных переводов и как имеющая свой комплекс реализаций в контексте французской словесности.

Ключевые слова: сибирская периодика, перевод, имагология, областничество, русско-французские литературные связи, судебно-узническая тема, уголовная ссылка в Сибирь.

The article deals with the translations of a Siberian translator, signed by the pseudonym M.Sh., published from 1901 to 1904 in the "Siberian Herald of Politics, Literature and Public life". The topics of court and prison are studied in these translations, as well as their connection with French literature.

Key words: Siberian periodicals, translation, imagology, oblastничество, Russian-French literary contacts, topics of court and prison, exile to Siberia.

*Научный руководитель:
Никонова Наталья Егоровна,
докт. филол. наук, доцент.*

Переводы, отобранные для данного исследования, выполнены автором, подписывавшимся псевдонимом М.Ш. Всего на страницах «Сибирского вестника» [1] с 1901 по 1905 гг. опубликовано 40 таких публикаций. Для данной статьи мы выбрали корпус из 20 переводов (19 – с французского, 1 – с польского). Переводные произведения М.Ш. принадлежат к жанру малой прозы и отличаются центральным положением темы убийства – этот сюжет присутствует в текстах 7 рассказов.

Как известно, криминальные сюжеты могут быть отнесены к узнической, судебной теме, имевшей до 1904 г. свою традицию в русской классике. В литературе эпохи романтизма оформились основные элементы узнической темы: топосы замка или монастыря, темы неволи и несправедливости суда, ситуация казни. Как пишет А.С. Янушкевич: «Экстремальность ситуации и трагизм положения героя обостряют в тюремно-узнической поэме чувство нормы, естественного идеала человеческой жизни» [2]. Варианты узнической темы представлены произведениями Батенькова и Полежаева: Батеньков в экстремальной ситуации жизни-тюрьмы создал концепцию «внутренней церкви» [3], внутренней свободы человека; Полежаев связал узническую тему с жизненными реалиями, используя натуралистический, реалистический колорит тюрьмы. Дальнейшую свою разработку эта тема получает в творчестве Достоевского, уже в русле реализма, и наделяется актуальным содержанием, отражая в том числе и кризис правовых норм и коренные изменения в российской юридической системе. Конечно, перечисленное лишь очень кратко обрисовывает развитие узнической темы в русской литературе.

Для Сибири криминальная тематика имела особо актуальное значение. Регион выступал местом ссылки, и немалую часть ссыльных составляли уголовные преступники, которые, как правило, прибывали без

средств к существованию, что приводило к увеличению численности бродяг и разбойников. Проблема ссыльных поселенцев осознавалась сибирскими историками и общественными деятелями как одна из центральных. Один из авторов «Восточного обозрения» писал: «Не в одном Иркутске раздаются жалобы на массу поселенческого элемента, переполняющего его трущобы» [4]. Лидеры областнического движения единодушно занимали относительно уголовной ссылки отрицательную позицию, отмечая плохую организацию ссыльного дела и негативное влияние потока уголовных на местное население. Тексты М.Ш., таким образом, следует рассматривать как отражение актуальной для региона социально-исторической проблематики, периодика служила для ее трансляции эффективным инструментом, в том числе благодаря деятельности авторов переводных публикаций [5].

Тексты М.Ш., в которых присутствует судебно-узническая тема (7 текстов), можно разделить на четыре типа: 1) преступление и наказание (тема законности и суда, психологии преступника); 2) преступление как травма (акцент на точке зрения свидетеля); 3) женский вариант узническо-судебной темы; 4) «В стране вендетты» как интерпретация устойчивой репрезентации темы во французской словесности.

В рассказах первого типа – «преступление и наказание» – действие сосредоточено вокруг образа преступника, изображаются психологические последствия преступления. Также в обоих рассказах, выделенных в эту группу, подключается судебно-правовой дискурс: в «Страшной ночи» действие происходит в зале суда, а во «Впотьмах» повествование ведется от лица адвоката. Рассказы второй группы – «преступление как травма» – строятся по одной сюжетной схеме: главные герои, бывшие свидетелями преступлений, рассказывают через некоторое время о своем опыте другому человеку. Интересно, что в обоих рас-

сказах этой группы, несмотря на временную дистанцию между преступлением и рассказом о нем, ни герои, ни автор ничего не говорят ни о судебном процессе по делу, ни о том, что стало с преступником, т.е. в центре находится именно влияние преступления на свидетеля. Тексты третьей группы – «женский вариант судебно-узнической темы» – принадлежат к периферии криминальной темы и должны рассматриваться в том числе под углом «женского вопроса», особенно обострившегося на рубеже XIX–XX вв.

Рассказ «В стране вендетты» опубликован в «Сибирском вестнике» и имеет указание «из «Lecture pour tous» – французского иллюстрированного журнала, издававшегося с 1898 г. Место действия – Корсика – задает параллель с Сибирью (метрополия-колония). В текст вводится традиционный при описании Корсики элемент: «маки» – непроходимые заросли, в которых прячутся имеющие счёты с правосудием, и еще ряд культурных реалий. Далее излагается история самого известного корсиканского бандита Теодора Поли, ушедшего в маки после убийства предавшего его родственника. Поли, в отличие от других бандитов, не просто прячется от власти, но объявляет жандармам (представителям официальной власти) войну. Он становится настолько популярным, что население маки учреждает «республику» во главе с ним. Война с жандармами продолжается и, наконец, приобретает такие крупные масштабы, что от Поли отворачивается ранее поддерживавший его народ. Республика распускается, и Поли умирает в ходе перестрелки с жандармами. Данный рассказ обращается к корсиканскому тексту французской литературы и диалогизирует с рядом произведений на эту тему, прежде всего – с «Маттео Фальконе» Проспера Мериме. Герои обоих

рассказов – яркие представители корсиканского национального характера и уважаемые люди. Однако Маттео Фальконе изображается полуиронически-полутрагически, акцент делается на том, что он обыватель, в то время как в рассказе «В стране вендетты» образ истинного корсиканца гиперболизируется и романтизируется. Автор рассказа изображает, как Теодор Поли – легендарный корсиканский герой – низвергается самим народом. В обоих рассказах развенчиваются клановые нравственные ориентиры, но сибирский перевод рассказа за счет введения сюжета о государственной институционализации (создание бандитами своей республики) и контекста «Сибирского вестника» выражает также идею о невозможности создания государства на подобных основах.

Литература

1. Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни. – Томск, 1885–1905. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000349027>.
2. Янушкевич А.С. История русской литературы первой трети XIX века : учебное пособие. – М. : Флинта, 2013. – 748 с.
3. Зенкин М.А. Мировоззрение и творчество Г.С. Батенькова в контексте русской культуры 1820–1840-х гг. : автореф. дис. ... канд. филол. наук [Электронный ресурс]. – Томск, 2012. – URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000424490>.
4. М.З. Что делать с неисправимыми ссыльными-пролетариями? // Восточное обозрение. – 1889. – № 3.
5. Никонова Н.Е. Перевод и переводчики в литературной периодике Томска конца XIX века (И.И. Почекас, П.А. Грабовский, А.О. Станиславский и П.Л. Черневич) // Имагология и компаративистика. – 2018. – № 9. – С. 50.

РЕЦЕПЦИЯ СКАНДИНАВСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ В СИБИРСКОЙ ПЕРИОДИКЕ

Бауэр Е.С.

Томский государственный университет, студент

RECEPTION OF SCANDINAVIAN WRITERS IN SIBERIAN PERIODICALS

Bauer E.S.

Tomsk State University, student

В статье рассматривается рецепция скандинавских писателей в сибирских газетах на рубеже XIX–XX вв. Выявляются основные тенденции восприятия томскими критиками и переводчиками работ датских, норвежских и шведских авторов.

Ключевые слова: рецепция, критика, переводы, скандинавские писатели, сибирские периодические издания.

This article examines critical reviews on the works of the most popular Scandinavian writers at the turn of the XIX–XX centuries in Russia, which were printed in Siberian newspapers. It reveals the basic tendencies of perception by Tomsk critics and translators of Danish, Norwegian and Swedish writers.

Key words: reception, criticism, translations, Scandinavian writers, Siberian periodicals.

Научный руководитель:
Никонова Наталья Егоровна,
докт. филол. наук, доцент.

Высокая значимость присутствия скандинавских авторов на литературной арене в России в конце XIX – начале XX вв. является неоспоримой: к началу XX в. как минимум 3 центральных издания («Скорпион», «Знание» и «Труд») занимались переводами и выпуском их произведений [1]. Немаловажным фактом является оригинальная рецепция произведений европейских авторов в регионах Российской Империи, а в частности в Сибири [2]. Проведенный анализ отобранного материала из оцифрованного корпуса текстов сибирской периодики позволяет сделать выводы о том, что наиболее востребованными авторами для сибирских критиков и переводчиков в тот период являются Кнут Гамсун (4 публикации), Генрик Ибсен (8 публикаций), Август Стриндберг (2 публикации) и Юнас (Ионас) Ли (1 публикация). Публикуются также статьи и переводы из Хеденсьерна (Хеденстерна), Хьелланна (Кьелланда) и Гарборга.

К 1908 г. К. Гамсун был признан и узнаваем в России и ее регионах как один из лучших писателей, что отмечено Г. Вяткиным в «Сибирской жизни» [3]. Его имя фигурирует наряду с Ф. Ведекиндом и А. Шницлером. К этому времени в сибирской периодике опубликованы оригинальные переводы «Старых воспоминаний» и рассказа «Сын солнца». В 1909 году П. Николаев в критической заметке «Сибирской жизни» [4] осмысляет его самые известные романы («Пан», «Мистерии», «Голод»).

В 1911 и 1912 гг. в Томске проходят постановки спектакля на пьесу «У жизни в лапах». Вяткин отмечает неудачность спектакля, в чем помимо постановки винит и создателя пьесы, называет ее тягучей и скучной [5], представляя краткий пересказ сюжета. Название произведения в заметке трактуется так: «главная героиня имела все и держала жизнь в своих руках, но в какой-то момент все изменилось, и жизнь схватила ее в свои лапы, не оставив ей ничего». Автор заметки тем не менее считает, что пьеса недооценена и не до конца понята в первую очередь самим театром «Буфф». Отмечается, что в провинции пьеса пользуется меньшим успехом именно из-за невозможности

уделить ей большее внимание, чем это было сделано в МХАТе.

Автор другой статьи, вышедшей в выпуске «Сибирской жизни» в 1912 г., также находит пьесу неудачной, скучной и тривиальной [6]. Он акцентирует внимание на том, что виной всему является характер оригинальной пьесы (из-за отсутствия действия и длительных, скучных диалогов), а не постановка. Отмечена неплохая игра некоторых артистов.

Первое упоминание о Генрике Ибсене в сибирской периодике встречается в 1901 г., это рецензия на пьесу «Враг народа» с подписью «Л.С.» [7]. Читателю сообщается пересказ содержания пьесы; автор заметки критикует Ибсена за несовпадение деятельности доктора и его речей (он – абсолютный практик, натуралист, говорит высокие слова о разложении общества) и делает вывод о том, что пьеса имеет символическое значение.

Хочется отметить, что, несмотря на то, что в газете стоит подпись «перевод с норвежского», языком-посредником выступал немецкий. Это можно проследить в написании фамилии главного героя на немецкий манер – «Штокманн» вместо «Стокманн». В этом же году тот же критик отмечает в разделе «Библиография», что Ибсен очень популярен среди русской читающей публики, однако не до конца понят из-за своего символизма [8]. Он критикует автора за использование символического образа утки в пьесе «Дикая утка», в финале заметки с кратким пересказом и анализом он задает читателю риторический вопрос о неуместности образа.

Карл Йозеф Альфред Хеденсьерн, известный томскому читателю XX в. как Альфред Хеденстерн – шведский критик, писатель, редактор газеты «Smelandsposten», печатавшийся под псевдонимом Сигурд, привлек внимание переводчиков сибирских газет. В «Сибирской жизни» представлено целых 3 перевода – это рассказы «В бурю и метель», «Лена и ее мальчик» и «Красивая Анна». Все они – о нелегких судьбах простых людей. Швеция в тот период, избавившись от влияния Дании, находилась в Шведско-

норвежской унии, где обе страны заново искали свои политические и экономические пути развития и свою идентичность вне зависимости от Дании, а впоследствии – и друг от друга. Сибирь же, являясь отдаленным регионом, тоже в тот период ищет способы подчеркнуть свою обособленность от имперского центра, строится первый за Уралом университет, где также поддерживаются идеи областничества. Этот факт может служить для объяснения подобного внимания.

В разделе «Библиография» в выпуске «Сибирской жизни» за 1903 г. появляется обзор пьесы Юнаса Ли «Дочери Командира» с подписью «Л.С.» [9], при этом отмечается, что работы Ли уже давно переводятся на русский и известны российской читающей публике. Автор причисляет писателя к реалистическому направлению, а героев данного произведения описывает как «изнемогающих под бременем жизни», «с ничтожными интересами», явно не одобря персонажей, как, можно предположить, и критикуя само выбранное направление. Дан пересказ сюжета пьесы, в котором акцент ставится на безнравственности высшего общества, которое погубило дочерей командира Витта. Витт был в противовес своей тщеславной жене «суровый, строгий, исполненный долга, неподкупно честный, **моряк**». Здесь именно высшее общество («высшее» в тексте Л.С. выделяется курсивом), частью которого являются мать (в тексте Л.С. – «мамаша») и брат двух девушек, является виной их несчастья. В заметке акцент ставится именно на проблеме общественных рамок испорченного высшего общества, которые могут стать помехой для личного счастья.

Таким образом, сибирскими критиками выбираются рассказы и пьесы скандинавских авторов-современников с социальной проблематикой и подчеркивается близость скандинавских произведений актуальным вопросам в культурно-историческом контексте региона.

Литература

1. Липатова Д.А. Издание переводов скандинавской художественной литературы в России в конце XIX – начале XX вв. // Молодежный вестник СПбГУКИ. – 2012. – № 1(1). – С. 51–56.
2. Никонова Н.Е. Перевод и переводчики в литературной периодике Томска конца XIX века (И.И. Почекас, П.А. Грабовский, А.О. Станиславский и П.Л. Черневич) // Имагология и компаративистика. – 2018. – № 9. – С. 30–52.
3. Вяткин Г. Литературная смута / Литература и жизнь // Сибирская жизнь. – 1908. – № 46. – С. 3.
4. Николаев П. «Литературные миниатюры» / Фельетон «Сибирской жизни» // Сибирская жизнь. – 1909. – № 26. – С. 3.
5. Г.В. «У жизни в лапах» / Театр // Сибирская жизнь. – 1911. – № 107. – С. 4.
6. Иосиф Иванов «У жизни в лапах» / Театр // Сибирская жизнь. – 1912. – № 183. – С. 3.
7. Л.С. «Враг народа» / Библиография // Сибирская жизнь. – 1901. – № 58. – С. 2.
8. Л.С. «Генрих Ибсен «Дикая утка»» / Библиография // Сибирская жизнь. – 1901. – № 272. – С. 2.
9. Л.С. «Ионас Ли. «Дочери командира»» / Библиография // Сибирская жизнь. – 1903. – № 261. – С. 3.

ГЕНРИК СЕНКЕВИЧ НА СТРАНИЦАХ ТОМСКОЙ ПЕРИОДИКИ 1890–1910-Х ГОДОВ

Беккерман А.И.

Томский государственный университет, студент

HENRYK SIENKIEWICZ ON THE PAGES OF TOMSK' PERIODICALS IN 1890–1910

Беккерман А.И.

Tomsk State University, student

На рубеже XIX–XX вв. на страницах сибирских газет появляется большое количество переводов прозы и стихотворений, критика на произведения зарубежной словесности, на театральные постановки по произведениям зарубежных писателей. В данной работе рассматривается рецепция наследия польских писателей на примере творчества Г. Сенкевича.

Ключевые слова: русско-польские литературные контакты, польская литература, сибирская периодика, регионализм, областничество, имагология, перевод, Г. Сенкевич.

At the turn of the XIX–XX centuries there had been a significant amount of prose and poetry translations, critical essays dedicated to works of foreign literature, to theatrical performances based on foreign dramas published in Siberian periodicals. This article studies the reception of Polish literary heritage on the example of H. Sienkiewicz

Key words: Russian-Polish literary contacts, Polish literature, Siberian periodicals, regionalism, oblastничество, imagology, translation, H. Senkevich.

Научный руководитель:
Никонова Наталья Егоровна,
докт. филол. наук, доцент.

В конце XIX – начале XX вв. польская литература была чрезвычайно популярна в Российской империи. Г. Сенкевич являлся одним из известнейших польских писателей. Автор петербургского журнала «Север» называет его одним из наиболее популярных романистов того времени и ставит в один ряд с такими персоналиями, как Лев Толстой и Эмиль Золя [1]. Однако художественное наследие Сенкевича не ограничивается романами, и в данной статье мы попробуем осмыслить критическую и эдиционную историю рассказов Сенкевича в 1890–1910-х гг.

Вероятно, впервые рассказ Сенкевича был опубликован в России в журнале «Отечественные записки» от 1880 г. Первая же обнаруженная нами книга рассказов Сенкевича датируется 1893 г. и выпущена в типографии журнала «Русская мысль». Книгу предваряет предисловие В.А. Гольцева. Рассказы Сенкевича, по его мнению, свидетельствуют о неоспоримом таланте писателя, о многогранности его дарования [2]. Так как рассказы подчеркивают разноплановость Сенкевича как писателя, вместе с рассказами в последующих изданиях публикуют очерки и даже драму. Однако самостоятельного значения они не имеют и являются как бы приложением к романному творчеству, поэтому публикуются в основном в составе собраний сочинений.

Иное мнение высказывает Куприн в своем эссе о творчестве Сенкевича. Для него романы автора «не могут затмить тех незатейливых, но душевных и искрящихся бодрим юмором жанровых картинок, которыми он так удачно начал свою художественную деятельность и к которым по временам возвращается, отдыхая от более широких задач» [3].

В своей статье «Русская литературная критика второй половины XIX – начала XX вв. о русско-польских отношениях» Е. Цыбенко рассматривает то, как русские критики писали о польских писателях в отношении России. Сенкевич в зеркале критики предстает одновременно писателем, близким к России и русской

литературной традиции, и в то же время он – «символ современной Польши, ее самый яркий представитель, всеми признанный хранитель ценностей ее духа, поэт ее прошлого» [1].

Однако Польша и Сибирь имели особенные взаимоотношения. Польская диаспора в Сибири была многочисленной, формировалась из ссыльных и их потомков, а позже и из добровольных переселенцев [4]. Отсюда – большое количество публикаций, посвященных польской литературе, на страницах томских газет. «Польский корпус» состоит из 109 художественных текстов, а также девяти статей и восьми театральных рецензий. Из 109 текстов не менее тридцати текстов перепечатаны в переведенном виде из других газет и журналов, как столичных, так и провинциальных. В основном это малая проза, присутствуют стихотворные переводы из А. Немоевского и М. Конопницкой. Всего в корпусе представлено 42 автора, в среднем каждый автор представлен двумя рассказами. Особое внимание уделено М. Конопницкой (6), Б. Прусу (8), К. Тетмайеру (7). 4 публикации посвящены А. Немоевскому и 7 – Г. Сенкевичу.

Творчество Сенкевича представлено тремя переводами «Lux in tenebris lucet», одним – «Эскизов углем», а так же рассказами «И будь благословенна», «На Олимпе», «Две долины». Выбор рассказов противоположен тому, что появлялось в книгах: «Lux in tenebris lucet» печатается один раз в 1902 г., «Эскизы углем» – дважды, один раз «И будь благословенна».

Мы рассмотрим рассказ «Свет во мраке сияет». Он был опубликован в «Сибирском вестнике» [5]¹: в переводе А.О. Станиславского (СВ, 1891, № 21, с. 2–3) и в переводе М.Б (СВ, 1901, № 277, с. 2). Существует также третий вариант перевода, опубликованный в «Сибирском наблюдателе» в 1904 г. [6]. Таким обра-

¹ Далее тексты из данного источника цитируются в скобках по тексту с сокращением «СВ», указанием номера и страницы.

зом, рассказ представляет интерес как прецедент переводной множественности. В данной статье мы рассмотрим два первых перевода.

Артур Оскарович Станиславский — этнический поляк, участник восстания 1863 г., постоянный корреспондент «Сибирского вестника». В своих переводах А. Станиславский придерживается реалистической трактовки сюжетов, выбирая рассказы, которые воспроизводят образы современников, понятные томскому читателю. Он концентрируется на передаче сюжета, снимает трудности восприятия, связанные с передачей иностранных реалий и имен [7]. Также он поступает и по отношению к польским текстам: фамилия главного героя, Камионка, становится фамилией Каменка, Зося, имя его жены, заменяется на Соня.

Так как перевод 1901 г. был выполнен по немецкому тексту, можно предположить, учитывая ориентацию переводчика на немецкую культуру, появление в этом тексте особенностей, присущих немецкому корпусу сибирской периодики, как, например, тяга к романтическим, назидательно-философским произведениям, пиетет переводчика к фигуре поэта, творца. Это выражается в смене названия: второй перевод озаглавлен «Художник», оригинальное название перемещается в эпиграф. Усиление эмоционального воздействия текста достигается разными средствами. На лексическом уровне в переводе М.Б. мы видим появление экспрессивных эпитетов («несчастный»), пропадают детали быта (железный подсвечник). Часто используется возвышенная лексика там, где Сенкевич говорит просто. Из перевода М.Б. убирает сравнения, подводящие итог социальным наблюдениям Сенкевича. Они раскрывают образ главного героя не как художника, но как человека, переживающего смерть близкого, и поэтому не попадают в романтический образ художника.

Не удастся выяснить, к сожалению, в какой момент произошла трансформация текста: при переводе с польского на немецкий или с немецкого на русский. Однако появление рассказа в печати дважды говорит о глубокой актуальности произведений Сенкевича для программы сибирского областничества.

Эту актуальность так определяет автор, скрывший-

ся под псевдонимом Книжник, в эссе, посвященном романом творчеству автора: «Сенкевич... наглядно показывает начала, которыми должны определяться основы жизни... Настроение Сенкевича и есть то самое искание истины, которое ярче других вырисовывается на фоне общей растерянности и смятенности настоящей эпохи» (СВ, № 69, с. 2). То есть Сенкевич интересен в Сибири не столько как писатель польский, представитель иной культуры, сколько как «искатель истины», выражающий в своих произведениях нравственные основы жизни человека.

Исследование выполнено при поддержке Совета по грантам Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых. Проект МД 852.2019.6 «История русской переводной литературы рубежа XIX–XX вв.: на материале периодики регионов Российской Империи». Руководитель: Н.Е. Никонова.

Литература

1. Цыбенко Е. Русская литературная критика второй половины XIX — начала XX в. о русско-польских отношениях // Поляки и русские в глазах друг друга / отв. ред. В.А. Хорев. — М. : Индрик, 2000. — С. 83–92.
2. Гольцев В.А. Предисловие [Электронный ресурс] // Сенкевич Г. Повести и рассказы. — URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Повести_и_рассказы_\(Сенкевич,_1893\)/Предисловие_\(Гольцев\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Повести_и_рассказы_(Сенкевич,_1893)/Предисловие_(Гольцев)) (дата обращения: 11.04.2019).
3. Куприн А.И. Генрик Сенкевич // Пестрая книга: (несобранное и забытое) : сборник / сост., вступ. и примеч. Т.А. Каймановой. — Пенза : Областной издательский центр, 2015. — С. 450–456.
4. Островский Л.К. Поляки в западной Сибири в конце XIX — первой четверти XX века : автореф. дис. ... докт. ист. наук. — Новосибирск, 2014. — 39 с.
5. Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни [Электронный ресурс]. — Томск, 1885–1905. — URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000349027>.
6. Lux in tenebris lucet (из новелл Сенкевича) // Сибирский наблюдатель. — 1904. — 4-я книга (апрель). — С. 48–54. — (подпись: Анна Горб-ая).
7. Никонова Н.Е. Перевод и переводчики в литературной периодике Томска конца XIX века (И.И. Почечас, П.А. Грабовский, А.О. Станиславский и П.Л. Черневич) // Имагология и компаративистика. — 2018. — № 9. — С. 30–52.

СПЕЦИФИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ФАНТАСТИЧЕСКОГО ДОПУЩЕНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Р.Д. БРЭДБЕРИ И А.Н. И Б.Н. СТРУГАЦКИХ

Бурцев Г.В.

Томский государственный университет, аспирант

THE SPECIFICS OF USING FANTASTIC ASSUMPTIONS IN THE WORKS OF R.D. BRADBURY AND THE BROTHERS STRUGATSKY

Burtsev G.V.

Tomsk State University, post-graduate student

В статье рассматривается фантастическое допущение как значимый аспект творческого диалога братьев Стругацких и Рея Брэдбери в общем контексте литературных традиций научной фантастики XX в.

Ключевые слова: Брэдбери, Стругацкие, фантастика, фантастическое допущение.

The article examines fantastic assumption as a significant aspect of the creative dialogue between the brothers Strugatsky and Ray Bradbury in the general context of the science fiction literary traditions of the 20th century.

Key words: Bradbury, Strugatsky, fantastic, fantastic assumptions.

*Научный руководитель:
Казаков Алексей Аширович,
докт. филол. наук, доцент.*

В данной статье мы рассмотрим сходную художественную стратегию Р.Д. Брэдбери и братьев Стругацких в использовании научно-фантастического допущения. Фантастическое допущение представляется нам общим художественным инструментом, с помощью которого упомянутые авторы исследовали современную действительность методом художественной экстраполяции, что объединяет их как представителей высокой социальной фантастики.

Творчество Р. Брэдбери занимает важное место в художественном самоопределении А.Н. и Б.Н. Стругацких. Первые отклики Стругацких на творчество Брэдбери в их «рабочем» эпистолярном датируются еще 1956 г. Во время работы над романом «Трудно быть богом» Борис Стругацкий занимается переводом романа «451 градус по Фаренгейту» (1953) для личного круга чтения. В 1958 году в переписке Аркадия и Бориса Стругацких встречаются первые упоминания о Брэдбери: «Пора-брат-пора! Я так работаю, что до сих пор не успел прочитать твои переводы из Брэдбери» [1]. Если учитывать знакомство Стругацких с трудами Брэдбери и переводы, то возможно говорить о влиянии его философских посылов на их творчество. Стругацкие называют Брэдбери представителем высокой фантастики: «Сразу оговоримся, что речь здесь пойдет именно о настоящей литературе, об уровне Брэдбери» [2].

Чтобы обратиться к термину научной фантастики, стоит дать определение того, что принято называть фантастикой. Борис Стругацкий в статье «Что такое фантастика?» предлагает определение фантастической литературы: «Фантастика есть отрасль литературы, подчиняющаяся всем общелитературным законам и требованиям, <...> характеризующаяся специфическим литературным приемом – введением элемента необычайного» [3].

Вильям Годшок делит фантастическую литературу на следующие группы: 1) «чистая» фантастика, где фантастика является самоцелью; 2) философская фантастика; 3) социально-критическая фантастика; и, наконец, 4) реалистическая фантастика, которая и

является научной фантастикой, она основывается на экстраполяции и попытках автора предугадать будущее. В таком случае научная фантастика – разновидность художественного познания и отражения действительности с точки зрения научного знания, характеризующаяся введением элемента необычайного. Научная фантастика приближается к литературе реализма, неотступно следует за ней, что также объединяется с пониманием фантастики и ее роли Стругацкими, утверждавшими фантастику как спутника реализма, неоднократно ссылавшимися на цитату Брэдбери: «Лучшую фантастику пишут те из нас, кто при столкновении с отвратительными явлениями в нашем обществе тут же воспламеняется негодованием и ненавистью» [4].

Фантастическое допущение – введение элемента необычайного, невозможного с точки зрения объективной реальности. Дмитрий Громов и Ладьженский под фантастическим допущением подразумевают не обязательно некий чудесный элемент, но допущение чего-то экстраординарного. Исходя из их статьи, можно дать определение фантастическому допущению: фантастическое допущение, или фантастическая идея – основной элемент, литературный прием жанра фантастики. Он заключается во введении в произведение фактора, который не встречается или невозможен в реальном мире либо в мире героев произведения. Исследователи отмечают, что фантастическое допущение может быть допущением как по отношению к реальному миру, так и по отношению к художественному миру автора; обязательным пунктом фантастики является наличие художественной условности.

Как показал анализ специфики использования фантастического допущения, взаимодействие Стругацких и Брэдбери могло происходить в форме непосредственных и опосредованных контактных связей на различных уровнях поэтики, а также типологических аналогий (на уровне жанровых традиций). Особенно частотное взаимодействие через творчество Уэллса (образ машины времени, сюжет вторжения марсиан, уровни социального пространства), которое становит-

ся скрепляющим звеном между Брэдбери и Стругацкими на поэтическом и на жанровом уровне. Анализ показал, что Брэдбери и Стругацкие схожим образом используют фантастическое допущение. Допущение играет роль реализации идеи, социологической или исторической концепции, метафоры; вводится с целью художественного, буквального отражения тех или иных явлений реальности. Сама по себе метафора не является фантастикой, но, представленная во плоти, становится ею. Очень часто, по мнению Ю.М. Лотмана, фантастический образ или метафора служит зачатком и сюжетным двигателем фантастической истории. Как писал Брэдбери в предисловии к рассказу «Гроб» (1947): «Как только мне попадалась метафора, рассказ следовал за нею сам собой» [5].

С помощью допущения существования марсиан из романа Герберта Уэллса «Война миров» (1897) Брэдбери переосмысливает историческую судьбу человечества. «Война миров» – фантастическая метафора колониальной политики Британии, используемая Уэллсом. Роман оказал огромное влияние на всю научную фантастику, в том числе сюжет столкновения с Марсом интерпретирован Брэдбери. Писатель изменяет сюжет вторжения марсиан на Землю Уэллса на сюжет вторжения землян на Марс. Брэдбери продолжает традиции Уэллса: образы персонажей выполняют функции социальной детерминанты. Художественное пространство будущего в романе условно, объектом исследования становится человек современности и человечество в вечности.

Сюжет столкновения с марсианами братья Стругацкие использовали в романе «Второе нашествие марсиан». Как отсылает заглавие, повесть «Второе нашествие марсиан» (1966) – идейное продолжение и интерпретация романа Герберта Уэллса, о чем высказывались сами писатели: «в наши дни уэллсовским марсианам не понадобился бы ни тепловой луч, ни ядовитые газы» [6]. В повести описывается, как марсиане путем различных политических манипуляций вторгаются на Землю. Роман выстроен как абсурдная социальная сатира на колонируемую страну глазами обывателя: «в утренних газетах было интересное сообщение о всеобщей демобилизации и полной демилитаризации страны» [7]. Условность художественного пространства подчеркивается ономастикой – персонажи носят имена мифических персонажей (Харон, Артемида).

В обоих произведениях допущение о существовании марсиан является художественным замыслом, приводит в движение сюжет социального обличения. Если Брэдбери и Уэллс использовали марсиан как социальную детерминанту, то Стругацкие оставили марсиан за пределами произведения, марсиане – символ «неизвестного».

Отличительной чертой интерпретации сюжета столкновения с марсианами для Брэдбери и Стругацких стал объект исследования писателей и принцип историзма. В отличие от романа Роберта Хайнлайна «Звездный десант» (1958) – сатиры на фашистский режим, Стругацкие и Брэдбери исследуют не просто конкретный исторический период, но феномен колонизации и историю человечества как таковую. Под фантастическим Брэдбери маскирует проблемы реальности (нравственный облик человека), а также размышления о пути человечества. Стругацкие, так же обращаясь к «Войне миров» (1897) Уэллса, в романе

«Второе нашествие марсиан» (1966) развивают его мысль о неготовности встречи с неизвестным и исследуют исторический процесс, образ обывателя.

И у Брэдбери, и у Стругацких фантастическое допущение служит художественным замыслом, приводит в движение сюжет. Брэдбери использует уэллсовский образ машины времени, чтобы исследовать исторический процесс как историю войн в рассказе «Обратно в будущее» (1950). Исследование теории времени Брэдбери проводил в рассказе «И грянул гром» (1952). В рассказе Стругацких «Машина времени (почти по Г.Дж. Уэллсу)» (1962) в основе художественного замысла лежит идея Уэллса о путешествии в искусственные временные пространства, авторы переносят в повесть идею двухклассовости. Как у Брэдбери, так и у Стругацких допущение выполняет прогностическую функцию: главный герой их произведений – будущее. Авторы ставят разные акценты при его осмыслении: гротеск и антиутопия Брэдбери совмещаются с романтической надеждой, в образе будущего Стругацких сливаются утопизм и антиутопизм.

Гуманитарное допущение использовалось писателями наиболее часто. В романе «451 градус по Фаренгейту» (1953) Брэдбери строит модель общества согласно идеям потребления и маккартизма, ярко иллюстрируя негативный характер этих политических направлений. Брэдбери использует инструмент инвариантности – пожарные вместо тушения пожаров выступают в качестве цензоров, «хранителей общественного покоя». Допущение господства потребительской модели общества позволяет писателю выстроить роман как метафору государственного тоталитаризма современной «тирании бездумного большинства». Изображая США XXI в., писатель методом экстраполяции создает анти-модель на основе тенденций XX в.

«Технические» допущения в романе используются, формируя сюжет «пост-технократической антиутопии», с целью исследования человека в контексте крайностей технического прогресса. В книге технические образы делятся на две группы символов: механизации человечества – «пес», олицетворяющий диктат, и телевизорные стены – символ людского безразличия. Тут видна имплицитная аллюзия на наркотическое вещество «сому», которую принимали герои романа «О дивный новый мир» (1932) Олдоса Хаксли. Как высказывался Брэдбери, Олдоса Хаксли он знал лично и воспринимал как кумира [8]. Брэдбери исследует проблематику машинизированности массового сознания – бытие в настоящем.

В романе «Хищные вещи века» (1965) братья Стругацкие интерпретировали социологическую теорию массового человека и общества потребления с помощью гуманитарного и футурологического допущения. Общество в романе построено на идеях потребления и науки, служащей во благо потребностям человека. Действие перенесено в будущее, в котором преодолели фашизм и достигнуто изобилие. Массовые развлечения в обществе вытесняют внутренний мир человека, финальной метафорой «потребительского психоза» становится образ «слега», заменяющего человека духовные переживания.

Помимо социологической теории массового человека встречается также и проблема техногенного общества – «слега» и «дрожка» машинизируют сознание обывателя. Слега выполняет функции метафоры «ил-

люзорности бытия» – ложного пространства, раскрывает проблему замещения духовного мира человека состоянием эйфории и счастья. Однако в романе Стругацких обыватели сами изобретают наркотик, таким образом писатели развивают художественную мысль Хаксли до абсурда – человеку не нужно принуждение, он сам готов сбежать в иллюзорное бытие.

Брэдбери и Стругацкие вводят допущение с целью исследования исторического процесса и социума, обогащают традиции социальной фантастики Герберта Уэллса и Олдоса Хаксли. Сюжет столкновения с марсианами фантасты использовали с целью осмысления колонизации с разных точек зрения. Можно говорить о косвенных контактных связях между писателями: на примерах интерпретации фантастического образа «машины времени», образа «марсиан», образа «сомы». Брэдбери использует «образ машины времени», чтобы исследовать исторический процесс как историю войн в рассказе «Обратно в будущее» (1950), Стругацкие переносят метафору Уэллса в повесть «Понедельник начинается в субботу» (1965), осмысляя историю как процесс эксплуатации.

Специфика использования фантастического допущения в творчестве писателей четко говорит об их жанровом самоопределении как представителей высокой философской и реалистической фантастики. Допущение обогащает философский и художественный потенциал произведений, взаимодействуя с та-

кими художественными средствами, как гротеск, метафоры, аллюзии, интертекст.

Литература

1. Стругацкие А.Н. и Б.Н. Письмо Аркадия брату, 14 сентября 1958 // Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники. 1942–1962 гг. – М., 2008. – С. 334.
2. Стругацкие А.Н. и Б.Н. Фантастические рассказы // Иностранная литература. – М., 1965. – № 5. – С. 168.
3. Стругацкий Б.Н. Что такое фантастика? – День свершений [Электронный ресурс]. – Л. : Советский писатель, 1988 // Русская фантастика. – URL: <http://www.rusf.ru/abs/books/publ31.htm> (дата обращения: 10.04.2019).
4. Стругацкие А.Н. и Б.Н. Фантастика служит человечеству (Айзек Азимов – человек и фантаст) // Азимов А. Путь марсиан. – М. : Мир, 1966. – С. 5–13.
5. Брэдбери Р.Д. Гроб (Поминки по живым) / пер. с англ. Л. Брилова [Электронный ресурс] // Рэй Брэдбери.Ru. – URL: <http://raybradbury.ru/library/story/47/6/2> (дата обращения: 10.02.2019).
6. Стругацкий Б.Н. Комментарии к пройденному. – СПб. : Амфора, 2003. – С. 163.
7. Стругацкие А.Н. и Б.Н. Второе нашествие Марсиан [Электронный ресурс]. – 1968. // Русская фантастика. – URL: <http://www.rusf.ru/abs/books/vnm100.htm> (дата обращения: 10.04.2019).
8. Брэдбери Р.Д. Дело моей жизни / пер с англ. Н. Шапова [Электронный ресурс] // Техника-молодежи. – М., 1980. – С. 46–47. – URL: http://www.fandom.ru/inter/bradbary_3.htm (дата обращения: 15.04.2019).

ОБРАЗ ЛУКИ В ДРАМЕ М. ГОРЬКОГО «НА ДНЕ» КАК ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА

Бутусова Ю.А.

Томский государственный университет, студент

THE IMAGE OF LUKA IN M. GORKY'S "THE LOWER DEPTHS" AS A PROBLEM OF TRANSLATION

Butusova Y.A.

Tomsk State University, student

В статье рассматривается проблема реконструкции художественного образа Луки как центрального персонажа драмы М. Горького «На дне» в англоязычных переводах начала XX в. Художественный образ изучается как единица-гипероним, определяются его структурные компоненты. Выявляется специфика художественного образа Луки, его роль в развитии авторской мысли. Проводится сравнительно-сопоставительный анализ трех англоязычных переводов пьесы «На дне» с выявлением наиболее адекватного варианта переводческой реконструкции художественного образа Луки.

Ключевые слова: художественный образ, Лука, единица-гипероним, сравнительно-сопоставительный анализ, реконструкция эстетического комплекса.

This paper focuses on reconstructing the image of Luka from M. Gorky's "The Lower Depths" in English translations. The image is studied as a hyper-unit; its structural components are defined. The specific nature of Luka's image, as well as his role in developing the author's idea is defined. The comparative analysis of three English translations of M. Gorky's drama allows defining the most adequate reconstruction of Luka's image in translation.

Key words: image, Luka, hyper-unit, comparative analysis, reconstruction of an aesthetic complex.

*Научный руководитель:
Горенинцева Валентина
Николаевна, канд. филол. наук.*

Согласно гипотезе Л.Я. Гинзбург, литературный персонаж представляет собой серию последовательных появлений или упоминаний одного лица, изображение его действий, внешних черт, внутренних состояний, повествование о связанных с ним событиях [1]. Художественный образ персонажа не привязан к определенному фрагменту текста, его развертывание происходит на протяжении всего произведения через взаимодействие языковых средств разных уровней. Такие системно-структурные характеристики позволяют рассматривать образ персонажа как единицу-гипероним, состоящую из гипонимических элементов. Это позволяет нам и в переводоведческом аспекте рассматривать художественный образ как гипер-единицу, многоуровневая природа которой будет определять стратегии перевода. При этом от переводчика требуется воссоздать эксплицитные и имплицитные связи, чтобы добиться наиболее точной реконструкции информационно-эстетического комплекса, каким является образ персонажа.

Образ Луки – один из самых неоднозначных в системе персонажей драмы М. Горького, о чем свидетельствуют полярные отзывы как современников драматурга, так и более поздних критиков. Так, в статьях В.В. Воровского, Б.А. Бялика Лука определяется как «шарлатан гуманности», «проповедник утешительных иллюзий» [2]. В то же время, для С.А. Адрианова и А. Кугеля Лука – это «облика Христова суть» [3]. Возможность существования множественных трактовок персонажа заложена уже в его имени. С одной стороны, имя «Лука» соотносится с апостолом Лукой, рассказывавшим людям о земной жизни Господа. Появившись в ночлежном доме, Лука предлагает ее обитателям следовать христианской философии человеколюбия, старается дать им успокоение и надежду. С

другой стороны, нельзя не заметить явную ассоциацию имени с прилагательным «лукавый» (в молитвах традиционно под лукавым понимали дьявола-искусителя и зло как таковое). Действительно, до конца пьесы Лука остается неясным, противоречивым персонажем, спасительная ложь которого оборачивается для обитателей ночлежки трагическим концом. Любопытно, что изначально Горький создавал Луку как отрицательного персонажа. Однако уже после первой постановки драматург признавался, что никак не мог ожидать обратной реакции критики, и предположил, что недостаточно хорошо проработал образ.

По мнению О.В. Богдановой, своих героев Горький делит на три группы: во-первых, это обитатели ночлежки – язычники-дикари, которые, как и дикари из «Пещеры» Платона, руководствуются только чувственным восприятием и не могут перейти в мир реальный, на другом полюсе [4]. Во-вторых, Сатин, носитель новой философии Человека, творец собственной жизни. Лука является серединным звеном, транслирующим идеи христианства и связывающим язычество с новой философией. Как известно, Горький относился к христианству с недоверием и непониманием, что нашло отражение в созданном им образе странника Луки.

Лука появляется в ночлежке внезапно, ничего не рассказывает о своей прежней жизни, постоянно уходит разговор в сторону, отшучивается, дает абстрактные советы другим героям. Его речь иносказательна, насыщена метафорами, фольклорными элементами, однако при этом отличается отрывочностью и умолчаниями, так что никто не может сказать наверняка, говорит ли Лука правду или лжет. Для создания такого неоднозначного образа Горький использует различные художественные и языковые средства, наиболее

репрезентативными из которых являются описание внешности, номинации, самономинации и речевые характеристики героя, которые формируют информационно-эстетический комплекс, представляющий непростую задачу для переводчика.

Мы обратились к трем ранним английским переводам драмы М. Горького: «A Night's Lodging» Э. Хопкинса (1905 г.), «The Lower Depths» Л. Ирвинга (1911 г.) и Дж. Кован (1923 г.) и провели сравнительно-сопоставительный анализ переводов для определения наиболее удачной реконструкции художественного образа персонажа.

Лука появляется ближе к середине первого акта. В авторской ремарке («Наташа входит. За нею — Лука с палкой в руке, с котомкой за плечами, котелком и чайником у пояса» [5, с. 22]) Лука предстает в образе путника или странника, который ищет себе пристанище и носит с собой лишь самое необходимое. В лексеме «странник», которая впоследствии становится ключевой в самономинации Луки («Все мы на земле странники... Говорят, — слышал я, — что и земля-то наша в небе странница» [5, с. 28]) реализуется одновременно несколько сем — странник как человек, путешествующий пешком, странник как бездомный и гонимый человек, а также человек, идущий на богомолье по святым местам [6].

В описании внешности Луки Э. Хопкинс выбирает лексемы «staff» (сопоставимо с русским «посох»), «sack» (небольшой мешок, котомка) и стилистически маркированную лексему «girdle» (обозначение элемента религиозного одеяния). Подобный подбор лексем в переводе сразу же формирует образ Луки-богомольца, странствующего по святым местам. Свое видение Луки Хопкинс эксплицирует, переводя самономинацию «странник» как «pilgrim», т.е. человек, отправившийся в путешествие из религиозных соображений [7]. Это подтверждает его выбор при переводе фразы «земля-то наша в небе странница» — «our earth is only a pilgrimage to Heaven's gate».

В переводах, выполненных Л. Ирвингом и Дж. Кован, в основном, используются нейтральные лексемы «pack», «belt» и «stick», «bundle» и «waist» соответственно. Для перевода лексемы «странник» Л. Ирвинг и Дж. Кован используют вариант «tramp», реализующий социальную семантику (бродяга, человек без постоянного места жительства), но не семантику духовного. Вместо возвышенных «Heaven's gate» Хопкинса у Ирвинга и Кован мы находим нейтральные «skies» и «universe». В каждом из переводов образ Луки претерпевает определенные трансформации, однако в переводе Хопкинса задается определенный вектор в восприятии Луки как богомольца, паломника.

На уровне синтаксиса образ конструируется при помощи фигур умолчания, недомолвок, односоставных и эллиптических предложений, коротких предложений с простым синтаксисом, повествовательных вопросов. Самый яркий пример — монолог Луки, обращенный к Актеру, в котором Горький пять раз использует многоточие. Подобная недосказанность свидетельствует о том, что Лука «лукавит», осторожно подбирая слова. В переводе Хопкинса количество многоточий сокращается, как и в переводе Ирвинга. Кован же заменяет все многоточия на тире, что делает речь Луки похожей на телеграфную: Лука не жлет, а торопится донести информацию.

Другой особенностью речи Луки является обилие просторечия: «ну, чего?», «нынче», «слышь», «браток», «лечебница», «ну-ка вот, валяй!». В своем переводе Хопкинс никак не передает разговорный стиль речи: использует грамматически правильные конструкции, нейтральную или даже книжную лексику. Кован также использует немаркированную лексику в своем переводе, не отражая разговорный характер речи Луки. Ирвинг же передает особенности речи Луки, используя графические и лексические средства стилизации просторечия: «fer nothin'», «'ospital», «cure 'em fer nothin'», «...It's recognised, yer see».

Таим образом, во всех переводах образ Луки претерпевает определенные трансформации, которые оказываются наиболее выраженными в переводе Хопкинса. Используя книжную лексику, синтаксически правильные предложения, лексические соответствия, сужающие вариативность интерпретаций персонажа, Хопкинс изначально задает определенный вектор в восприятии Луки читателем. Переводы Лоуренса Ирвинга и Дженни Кован в большей степени соответствуют авторскому замыслу, однако в ряде случаев и их переводческие решения нельзя назвать удачными.

Литература

1. Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. — СПб., 1977. — С. 273.
2. Бялик Б.А. Судьба Максима Горького. — М., 1968. — С. 390.
3. Адрианов С.А. «На дне» Максима Горького. — СПб., 1997. — С. 633.
4. Богданова О.В. Образ старца Луки в пьесе М. Горького «На дне». — СПб. : Вестник ВГУ. Серия: филология. журналистика. — 2016. — № 2. — С. 22.
5. Горький. М. На дне. — М., 1902.
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. — М., 2010. — URL: <http://ozhegov.textologia.ru>.
7. Oxford Dictionary [Electronic resource]. — URL: <https://en.oxforddictionaries.com>.

«И МАЛЬЧИКИ КРОВАВЫЕ В ГЛАЗАХ...»: ТРАГЕДИЯ А.С. ПУШКИНА «БОРИС ГОДУНОВ» И ТРАГЕДИЯ У. ШЕКСПИРА «ТИТ АНДРОНИК»

Генералова Е.П.

Томский государственный университет, студент

"WITH BLEEDING LITTLE BOYS BEFORE MY EYES...": PUSHKIN'S TRAGEDY "BORIS GODUNOV" AND SHAKESPEARE'S TRAGEDY "TITUS ANDRONICUS"

Generalova E.P.

Tomsk State University, student

Исследование посвящено сопоставительному анализу трагедии Шекспира «Тит Андроник» и трагедии Пушкина «Борис Годунов». Рассматриваются особенности концепции истории Пушкина и Шекспира через призму жанра кровавой драмы.

Ключевые слова: кровавая драма, народная трагедия, концепция истории, исторические хроники.

The research is devoted to a comparative analysis of Shakespeare's tragedy "Titus Andronicus" and Pushkin's tragedy "Boris Godunov". Special aspects of Pushkin's and Shakespeare's concept of history are considered in terms of the bloody drama genre.

Key words: bloody drama, national tragedy, concept of history, historical chronicles.

Научный руководитель:
Генина Нинель Евгеньевна,
канд. филол. наук.

Создавая народную трагедию «Борис Годунов», Пушкин, подобно Шекспиру, обращавшемуся к хроникам Голиншеда, опирался на материал из «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. Связь трагедий Пушкина и Шекспира с историческими хрониками неоспорима, хотя они не являются исходной точкой формирования национальной трагедии, т.к. черты народной драмы прослеживаются в их более раннем творчестве. Еще в своей первой трагедии «Тит Андроник» Шекспир показал специфику организации власти, проблемы взаимоотношений внутри верхушки общества. При этом в исторических хрониках впоследствии найдут свое отражение черты кровавой драмы, жанра, в котором написана трагедия «Тит Андроник». Кровавая драма – жанр английской драматургии эпохи Возрождения; разновидность трагедии, в которой эффект достигается изображением многочисленных ужасов и кровавых злодейств [1].

Можно обозначить связь трагедии Пушкина не только с историческими хрониками, но и провести параллель с ранним творчеством Шекспира. Сравнительный анализ крайних позиций, трагедии «Тит Андроник» и трагедии «Борис Годунов», видится возможным на основании их объединения общим сопоставительным элементом – историческими хрониками.

Кровавые ужасы охватывают и раннюю трагедию Шекспира, и его хроники, и трагедию Пушкина. В своей первой трагедии Шекспир перенимает традицию своих предшественников, Томаса Кида, К. Марло и других представителей «кровавой драмы». Пьеса наполняется убийствами и жестокостью с целью удерживать внимание зрителей, а развитие действия происходит через нагнетание ужасов в трагедии. Те же черты в концепции исторической драмы можно найти и у Пушкина. Оба драматурга стремились показать «смутное время» истории, проблемы народа и власти. Кровавая борьба за трон, узурпация власти, народный мятеж – все это нашло свое отражение в трагедии «Борис Годунов». Как писал исследователь драматургии

Пушкина О. Фельдман: «Трагедия Пушкина безбоязненно и свободно раскрывала истинное движение истории, предлагая непредвзятое понимание ее живых противоречий. Она оказалась высшим достоянием литературы начала XX в. в ее стремлении стать “достойным выражением народа”» [2].

Главное в драматургии Пушкина – жизненная драма характеров и исторического времени. В его трагедии личность вынуждена подчиняться довлеющей над ней действительности. Борис Годунов в начале трагедии отказывается от престола, затем под действием уговоров бояр и патриарха он восходит на престол. При этом положение Годунова остается шатким, так как его подозревают в убийстве царевича Димитрия. Пушкин показывает, что моральная оценка народом этого явления провоцирует политический взрыв. Впоследствии Самозванец, который предвидит неизбежность «мирского суда» над незаконным правителем, получает признание среди простых людей. И в финале Борис Годунов и его дети умирают под давлением народа.

Тит Андроник, центральный герой трагедии Шекспира, проходит тот же путь от вознесения на вершину славы до всеобщего отвержения и презрения. Однако он представлен как герой, борющийся с действительностью, сопротивляющийся давлению извне, то есть в творчестве Шекспира наиболее важную роль играет личность, находящаяся у власти. При этом исторические личности у Шекспира художественно переработаны, их характеры даны в соответствии с замыслом автора. Народ же не представлен как противодействующая сила, действующие лица из простых людей могут просто отсутствовать. У Пушкина обратная ситуация. Основная проблема в «Борисе Годунове» – отношение государственной власти и народа, который, с одной стороны, представлен «изнутри», в качестве диалогов безымянных действующих лиц, а с другой стороны, изображен как стихийная разрушающая сила.

В статье «О народности и литературе», датируемой 1825–1826 гг., Пушкин пишет: «Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии. Есть образ мыслей и чувствований, есть тама обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу» [3]. И в «Борисе Годунове», написанном в том же 1825 г., нашли отражение народные обычаи. Годунов становится правителем только после убийства царевича Дмитрия, однако народ его отвергает после того, как Лжедмитрий заявляет свои права на престол. Суеверие народа приводит к жертвам и мятежам. В финале трагедии невинные дети Бориса Годунова травят себя ядом после признания народом Лжедмитрия.

Таким образом, жанр кровавой драмы позволяет раскрыть особенности взаимоотношений между героями, а также специфики концепции истории, как в творчестве Шекспира, так и в творчестве Пушкина. Жанр кровавой драмы отражает кризисное время исторической эпохи, раскрывает суть народной жизни, ее обычаев и культуры.

Литература

1. Театральная Энциклопедия. – М. : Советская энциклопедия, 2000. – С. 2273.
2. Фельдман О. Судьба драматургии Пушкина. «Борис Годунов», «Маленькие трагедии». – М. : Искусство, 1975. – С. 43.
3. Пушкин А.С. О народности и литературе // Пушкин А.С. Полн. собр. соч. : в 16 т. – М. ; Л., 1949. – Т. 11. – С. 40.

ИОАХИМ РИНГЕЛНАЦ И МИХАИЛ БАХТИН: ЭЛЕМЕНТЫ КАРНАВАЛИЗАЦИИ В ИЗБРАННЫХ СТИХОТВОРЕНИЯХ

Дулеба М.

Университет им. Коменского в Братиславе, магистрант

JOACHIM RINGELNATZ AND MIKHAIL BAKHTIN: ON CARNIVALESQUE ELEMENTS IN CHOSEN POEMS

Duleba M.

Comenius University in Bratislava, master student

В статье анализируется поэзия Иоахима Рингелнаца в аспекте теории карнавализации Михаила Бахтина. Рассматривается способ деградации «высокого» и «возвышенного» до уровня материи посредством их осмеяния и перенесения внимания на гротескное тело и нижнюю часть тела.

Key words: Joachim Ringelnatz, Michail Bakhtin, carnivalesque elements.

The article analyses poetry of Joachim Ringelnatz using Michail Bakhtin's understanding of carnival as an analytical device. We explain how poems degrade the "high" and "noble" to the "material" level by ridiculing the "noble" and the "serious" and by bringing attention to grotesque body and lower bodily stratum.

Ключевые слова: Иоахим Рингелнац, Михаил Бахтин, элементы карнавализации.

Научный руководитель:
Йозеф Танцер, доцент.

Hans Böttcher (1883–1934), much more known by his famous pseudonym Joachim Ringelnatz, belongs to the most popular classics of humorous and grotesque literature in the German-speaking world. Despite his high popularity among the reading public, which can be proven by the fact that in the year 2015 two biographical books documenting his life were published and that his works are widely available and re-published, until today there is only one scholarly monography on his poetics written by Walter Pape (1974) [1] and one issue of the journal *Text + Kritik* (2000) [2] dedicated to Ringelnatz and published as a response to the neglect of the author by literary scholarship. Although never previously contextualized with Bakhtin's thought, his prose involves many features of carnivalesque, as grotesque bodies, high frequency of the motive of laughter or the depiction of eccentric behaviour.

The grotesque character of his texts, equally as his non-didactic carnival laughter, not ridden by an ideology, and instead of ridiculing one "truth" in order to justify another "truth" displaying the whole world in its incomprehensible "gay relativity" [3, p. 11], motivate us to comprehend his poetics in the context of Michail Bakhtin's carnival and grotesque realism. And although Mikhail Bakhtin saw poetry as monologic [4], and thus opposed to dialogical principle of carnival, we illustrate how his poetry corresponds with a carnevalesque dimension of his prose.

As Bakhtin writes, the laughter culture creates an opposition to the serious and official culture which imposes a burden by imposing its "noble truths" upon a society and an individual. Carnival laughter degrades these noble truths by taking them from "above" (the head) to "below" (the lower stratum), degrades them on the material level by accenting the material and construct-free authentic realm of being [3, p. 84–89]. Any centripetal force, an ideology which is rooted in itself, the belief in its own trueness, creates a clear binary opposition, in order to justify what is "right" and what is "false". In the world of carnival, "anti-hierarchy, relativity of values, questioning of authority, openness, joyous anarchy, and the ridiculing of all dogmas hold sway" [5].

The process of erasing the border between the "high" and "low", and thus displaying the world in its "gay relativity", is observable in the following poem, where we found an archetypal image of a "famous philosopher", as the title says to us, the famous philosopher Haeckel. His utterance contradicts his expected status as of someone who possesses a wisdom. Thus, the authority possessing wisdom is questioned in a carnevalesque manner, since the opposition between the "noble wisdom" and "pointless trickstery" is erased. All three strophes are written in a nonsense-spirit: *Wimbamm Bumm / Wimm Bammbumm / Wimm Bamm Bumm* [6, p. 20].

Thus, a philosopher's utterance conventionally expected to be "wise" is a nonsensical utterance, a gibberish which lacks any "noble truth", to which carnival contradicts. The humour of the text largely originates from the unexpected combination of the removing of the border between the "high" and "low" and thus subverting the "high". The "noble wisdom" is brought down to earth by being replaced with a joyous verbal play, displaying in a carnival sense "the joyful relativity of structure and order" [7].

There is no monological utterance which can be valuable as a source of legit "authoritative truth". Correspondingly, the verbal play of the lyrical subject is an utterance which does not attempt to comprehend the world, but it is an utterance which rather accepts the world in its incomprehensibility, its "joyful relativity". Since a man is trapped in an anthropocentric net of dialogue which offers no entrance to the incomprehensible outer-discourse reality, accepting reality as incomprehensible is the only thing that remains.

A very similar process of degrading the "noble wisdom" takes place in the unnamed poem from the collection *Die Schnupftabaksdose* (1912). In the poem, a "Brikett", "a brick", is a great genius that is an academic philosopher: *Es war ein Brikett, ein groser Genie / Das Philosophie studierte / Und spatter selbst an der Akademie / Im Gleichen Fach dozierte* [6, p. 8]. The brick delivers an utterance on life as being nothing but a provisory to other "bricks" and is later

burned for being “heretical” [6, p. 8]. The synthesis of the motive of “brick”, a material and not-thinking object, with the motive of “philosopher” and “great genius” in a carnevalesque manner displaces the absurdity of authority, particularly of authority of a genius and philosopher, and of philosophy as such. The “noble”, the wisdom of philosophy, is brought down to earth by being synthesized with the material, the brick. The humorous effect comes from the absurd combination of material and “noble”. In accordance with carnival, in the process of synthesizing “noble” with material, the “noble” is degraded.

Grotesque body plays a central role in carnival, since in the grotesque body the liberating process of degradation of “high” (noble) to “low” (material and thus “real”) takes place. For Bakhtin, the grotesque body either dissolves into or absorbs the world. Thus, any exaggerated bodily feature is an act of body which exaggerates itself into the outside world and thus by absorbing the world, since world is material and body too, points at the material principle of existence.

The typical over-exaggerated facial feature of grotesque body is a huge nose, also because “in both antique and medieval grotesque nose had usually this link with the phallus” [3, p. 87], the lower bodily stratum.

The lyrical subject in the unnamed poem in *Kasperle-Verse* collection (1933), into whom the author projects himself, puts an emphasis on an over-exaggerated nose: *Ihr kennt meine lange Nase* [8].

The poem *Die lange Nase* is fully dedicated to the motive of a long nose. A lyrical subject is a carrier of a grotesque feature, a long nose, that makes others laugh, equally as in the process of carnival the collective body falls into laughter while observing the grotesque body: *Die Eltern und Bruder und Schwester zu Haus / Sie lachen ja alle so oft ihn aus / Und spotten über die Nase* [9]. The classmates of the lyrical subject are equally laughing when being confronted with his long nose, which is compared to a cucumber: *Daß man vom Nashorn, vom Rüsseltier spricht / Und von der Gurke in seinem Gesicht. – So folgt ihm der Ulk auf Schritt und Tritt / Und Hans lacht mit* [9]. The motive of laughter accompanies the whole text until the last two strophes, in which Hans is rejected by a woman due to his enormously big nose.

The synthesis of the motives of grotesque body and laughter are a very carnevalesque feature, since “laughter” is a liberating force and the fact that this laughter is collectively shared and catalyzed by the presence of a grotesque body mimics the process of carnival. Putting an emphasis on the grotesque body points out at the material character of existence.

In *Schaudervoll, es zog die Reine* we have a description of a Klara, a woman driven by the will to morality. She goes to the Ferrara, an Italian town located near “Po” river. Since “Po” means “butt” in German, in the text we find a word-play, where two different meanings of the same sign are present. The motive of moral purity, which is accented in both the first and the second strophes is synthesized with an obscene motive of a lower bodily stratum, the morally

pure is degraded and brought down to materiality, to earth, since Klara with her will to morality (Sittlichkeitsvereine) observes two “Pos”, a river and a butt [6, p. 89]. As Bakhtin writes, “to degrade also means to concern oneself with the lower stratum of the body, the life of the belly and the reproductive organs; it therefore relates to acts of defecation...” [3, p. 28]. A dichotomy of the obscene/the moral is dissolved by bringing concern to the lower bodily stratum, which subverts the “moral”.

As we have demonstrated, poems of Joachim Ringelnatz involve carnevalesque elements and can be functionally interpreted by means of Bakhtin’s conception of carnival. From the 1920s to the 1930s, Ringelnatz was a very popular poet and a cabaret performer. However, he was primarily viewed by the public as a “comedian” whose works lack a “serious” value. The great poet Erich Kästner wrote that the way in which Ringelnatz effects his audience angers him, since people fail to realize that Ringelnatz is not a mere “clown”, but a great poet [10]. As Walter Pape writes, Ringelnatz was not a politically goal-oriented author [1, p. 175] and contemporary criticism disregarded his grotesques as “lacking thoughts” [1, p. 230]. The carnival anti-ideologism of his poetics makes his work “great”, since a figure which displays ridiculousness of “truths” and displays world in its authentic relativity cannot offer explicit depths. Ringelnatz, who repeatedly drew attention to his huge nose and thus posed himself as a (carnival) figure with the grotesque body, approached the world with carnival laughter which, as Makhlin writes, brings our seeing of world closer to the reality than an attempt to see [11].

Литература

1. Walter P. Joachim Ringelnatz: Parodie und Selbstparodie in Leben und Werk. – Berlin : Walter de Gruyter, 1974.
2. Möbus F. ...liner Roma...: Kein ordentlicher Anfang und kein ordentliches Ende // Text + Kritik. – 2000. – Vol. 148. – P. 16–27.
3. Bakhtin M. Rabelais and His World. – Bloomington : Indiana University Press, 2009.
4. Bakhtin M. The Dialogic Imagination: Four Essays / (ed.) Michael Holquist. – Austin : University of Texas Press, 1983. – P. 287.
5. Lachmann R. Bakhtin and Carnival: Culture as Counter-Culture // Cultural Critique. – 1989. – Vol. 11. – P. 118.
6. Ringelnatz J. Kuttel Daddeldu. – Köln : Anaconda Verlag, 2012.
7. Bakhtin M. Problems of Dostoevsky’s Poetics. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1984. – P. 124.
8. Ringelnatz J. Gedichte, Prosa, Bilder. – Stuttgart : Reclam, 2013. – P. 248.
9. Ringelnatz J. Die lange Nase [Electronic resource]. – URL: [https://de.wikisource.org/wiki/Die_lange_Nase_\(Ringelnatz\)](https://de.wikisource.org/wiki/Die_lange_Nase_(Ringelnatz)) (дата обращения: 06.01.2019).
10. Möbus F. Über die dunkle Seite im Werk von Joachim Ringelnatz // Ringelnatz! Ein Dichter Malt seine Welt. – Göttingen : Wallstein Verlag, 2000. – P. 168.
11. Makhlin V. Nevidimyi miru smekh. Karnavalnaja anatomiiia novogo srednevekovia // Bakhtinskii sbornik. – 1991. – Vol. 2. – P. 194.

ИСТОРИЯ ПЕРЕВОДОВ РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ» НА ИТАЛЬЯНСКИЙ ЯЗЫК

Косырькова А.В.

Томский государственный университет, магистрант

HISTORY OF TRANSLATIONS OF F.M. DOSTOEVSKY'S "IDIOT" INTO ITALIAN LANGUAGE

Kosyrkova A.V.

Tomsk State University, master student

Рассматривается история переводов романа Ф.М. Достоевского «Идиот» на итальянский язык. Представлена информация о знакомстве итальянского читателя с работами Достоевского, о публикациях романа «Идиот» в Италии, а также об итальянских издательствах и переводчиках, которые работали с культурным наследием великого русского классика.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, «Идиот», история переводов, рецепция.

The article reviews history of translations of F.M. Dostoevsky's "Idiot" into Italian language. The information about the Italian reader's acquaintance with Dostoevsky's works, about the publications of the novel "Idiot" in Italy, as well as about the Italian publishers and translators who worked with the cultural heritage of the great Russian classic is presented.

Key words: F.M. Dostoevsky, "Idiot", history of translations, reception.

*Научный руководитель:
Кузнецова Ольга Андреевна,
канд. филол. наук.*

В Италии интерес к русской литературе появляется во второй половине XIX в., а первые сведения о ней приходят из Франции. Первым вопросом русской литературы стал заниматься А. Де Губернатис, который управлял редакцией журнала «Rivista Contemporanea», где в 1869 г. появилась статья, посвященная последней на тот момент работе Ф.М. Достоевского, роману «Преступление и наказание». Таким образом, первое критическое осмысление творческого наследия Ф.М. Достоевского в Италии произошло до выхода в свет книги М. Де Вогюэ «Le Roman russe» в 1886 г. [1], познакомившей широкую европейскую публику с русской литературой. Первоначальное восприятие творчества Ф.М. Достоевского в Италии было неодобрительным [2]. Связано это было с тем, что итальянские критики и читатели не были готовы немедленно принять своеобразный индивидуальный стиль писателя. Тем не менее, его философские, религиозные и политические идеи не могли не привлечь внимания аудитории.

Впервые перевод романа «Идиот» публикуется в издательстве Fratelli Treves в 1902 г. Имя переводчика осталось неизвестным, а переводы были неполными и выполненными с французского языка. После этого роман не переводится на итальянский язык больше 25 лет. Однако в конце 20-х — начале 30-х гг. в ряде издательств выходит подряд четыре перевода. В 1927 г. — перевод Ф. Вердинуа (издательство «Sarabba»), который переводил с разных языков, но стал известен именно как переводчик русской литературы с оригинала: он познакомил итальянскую публику с работами Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого, А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского и других русских классиков. Однако его переводы подвергались критике со стороны других исследователей за отступления от оригинала и неполноту. Так, например, комментирует работу Вердинуа как переводчика известный итальянский славист Э. Ло Гатто: «его ошибка <...> состояла в том, что,

подобно первым французским переводчикам, он считал русских слишком многословными и прибегал к сокращениям, чтобы сделать их произведения более доступными для разговорного итальянского» [3].

В 1930 г. вышел перевод С. Балакучева (издательство «Bietti»). Об этом издании известно только то, что перевод был выполнен с русского языка [4] и сейчас в продаже его нет. В 1931 г. появился перевод М. Раковска и Л. Д'Аджелилао (издательство «Varion»). Для этого издательства не были редкостью переводы, выполненные двумя специалистами: русским переводчиком и итальянским литературоведом. В 1943 г. это же издательство выпускает перевод, выполненный М. Раковска и Л. Тенкони. В 1932 г. выходит перевод А. Полиукина и Д. Чинти (издательство «Sonzogno»). Для «Sonzogno» также было характерно привлекать к переводу произведений русской литературы переводчиков со знанием русского языка и эксперта по итальянскому языку.

Через несколько лет за ними следует перевод А. Полледро (1941 г., издательство «Einaudi»), итальянского журналиста и переводчика, известного благодаря работе по переводу произведений русских классиков. В целом, в годы, предшествующие Второй мировой войне, русская литература вызывает интерес многих итальянских читателей, а ее широкое распространение становится возможным благодаря бюджетным изданиям, на которых специализировались «Bietti», «Varion» и «Sonzogno». Эти доступные широкой публике издания стали основным каналом распространения иностранной литературы в этот период.

Во второй половине XX в. роман переводят одиннадцать раз. Среди авторов многочисленных переводов можно выделить Р. Кюфферле (1970) и Дж. Пачини (1998) как самых известных переводчиков-русистов своего времени. Р. Кюфферле был писателем и переводчиком русского происхождения. Он посвятил

свою жизнь литературной деятельностью и стал одним из самых известных переводчиков, опубликовав переводы произведений Ф.М. Достоевского, И.А. Бунина, И.С. Тургенева, А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, М. Горького и др.

В этот период издательства часто накладывали определенные ограничения, тексты переводов редактировались с целью сделать язык произведения максимально доступным для неискушенного читателя. Так, Р. Кюфферле рассказывал о своей работе над переводом романа «Бесы», который он выполнил дважды. Первым результатом стало произведение на «хорошем итальянском», но, как отмечает переводчик, «это был не Достоевский» [5].

В новом тысячелетии свет увидели еще три издания романа «Идиот» на итальянском языке, авторами которых стали Дж. Де Санктис (2000), Дж. Фаччоли и Л. Боскиан (2009), а также Л. Сальмон (2013). Последний перевод был опубликован в 2013 г. и получил широкий резонанс как в Италии, так и в России.

На сегодняшний день в книжных магазинах можно найти новые издания романа «Идиот» на итальянском языке, в переводе Ф. Вердинуа, А. Полледро, Дж. Пачини, Л. Брустолина, Е. Маини и Е. Мантелли, Дж. Фаччоли, Л. Сальмон. Работы остальных переводчиков, о которых шла речь выше, не переиздаются.

Таким образом, «Идиот» стал одним из самых востребованных произведений Ф.М. Достоевского в Италии, что подтверждается количеством переводов: он

был переведен 20 раз. Изначально роман переводили с французского языка, но часто перевод был далек от оригинала, допускались опущения и вольности. Это не устраивало многих славистов, и ранние переводы подвергались серьезной критике, но для итальянской аудитории первые издания стали единственной возможностью познакомиться с творчеством русского писателя и, несмотря ни на что, имели успех. Тот факт, что продолжают выходить новые переводы, является подтверждением неугасающего интереса к творческому наследию Ф.М. Достоевского в Италии. Продолжается поиск наиболее удачных способов передачи стиля русского писателя на итальянский язык, и перевод идиостиля Ф.М. Достоевского по-прежнему остается актуальной задачей в итальянском переводеведении.

Литература

1. Потапова З.М. Русско-итальянские литературные связи. Вторая половина XIX в. — М., 1973. — С. 142.
2. Курган М.Г. Ф.М. Достоевский и Италия: биографический, имагологический и рецептивный аспекты: магистерская диссертация. — Томск, 2016. — С. 95.
3. Baselica G. Alla scoperta del "genio russo" [Электронный ресурс] // Tradurre. — 2011. — Numero 0. — URL: <https://rivistatradurre.it/2011/04/tradurre-dal-russo-2>.
4. Adamo S. Dostoevskij in Italia. Il dibattito sulle riviste 1869–1945. — Pisan di Prato, 1998. — P. 219.
5. Esposito E. I Demoni di Kyfferle 1 e 2 (e 3?) [Электронный ресурс] // Tradurre. — 2016. — Numero 15. — URL: <https://rivistatradurre.it/2016/11/i-demoni-di-kufferle-1-e-2-e-3>.

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ПРИ ПЕРЕДАЧЕ СОВЕТСКИХ РЕАЛИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА В. ПЕЛЕВИНА «ДЕНЬ БУЛЬДОЗЕРИСТА»)

Кузнецова П.Е.

Томский государственный университет, магистрант

TRANSLATING SOVIET REALIA: A CASE STUDY OF VICTOR PELEVIN'S SHORT STORY "BULLDOZER DRIVER'S DAY"

Kuznetsova P.E.

Tomsk State University, master student

В статье анализируются механизмы трансформаций при переводе советских реалий на материале рассказа В. Пелевина «День бульдозериста» и его англоязычного перевода. Предпринимается попытка определить основную стратегию переводчика Э. Бромфильда.

Ключевые слова: безэквивалентная лексика, реалии, Виктор Пелевин.

The paper analyzes the transformation mechanisms when translating Soviet realia in the short story "Bulldozer Driver's Day" by Victor Pelevin and its English translation. The author attempts to determine the main strategy of Andrew Bromfield, the translator.

Key words: non-equivalent vocabulary, realia, Victor Pelevin.

Научный руководитель:
Стрельникова Анна Борисовна,
канд. филол. наук.

В числе основных тем творчества В. Пелевина исследователи отмечают взаимоотношения человека и государства [1]; иллюзии и реальности [2]; воздействие идеологии на сознание и бессознательное [3]. Эти темы затрагиваются уже в ранних произведениях, где писатель нередко обращается к хронотопу советской эпохи, развенчивая коммунистические идеалы. Сложность перевода таких произведений заключается в том, что авторское отношение к советской эпохе не выражено напрямую, а проявляется в деталях, системе образов, речевой характеристике героев, системе авторских неологизмов.

Один из самых известных переводчиков В. Пелевина – британский переводчик и редактор Эндрю Бромфильд. В переводе Э. Бромфильда вышли многие ключевые произведения В. Пелевина. В 1970-х гг. он проходил стажировку в московском издательстве «Прогресс», а также жил и работал в Советском Союзе (и России) в конце 80-х – середине 90-х гг. Таким образом, Э. Бромфильд был знаком с реалиями жизни в СССР. Рассмотрим механизмы трансформации при передаче советских реалий в рассказе «День бульдозериста», который входит в сборник «Синий фанарь» (1991). Рассказ в переводе вошел в состав сборника «A Werewolf Problem in Central Russia: And Other Stories» (2003).

Являясь носителями национального и/или исторического колорита, реалии, как правило, не имеют точных соответствий в других языках, поэтому требуют особого подхода при переводе [4]. Советские реалии – это лексические единицы, вошедшие в словарный состав русского языка после революции 1917 г. и обозначающие реалии советского времени, а также лексические единицы, которые существовали в дореволюционный период, но в советскую эпоху изменили свое значение или стилистическую окраску [5]. Действие рассказа «День бульдозериста» разворачивается в узнаваемом советском хронотопе. Текст насыщен советскими реалиями, которые можно разделить на несколько тематических групп.

1. Материальные объекты советской эпохи.

При переводе таких реалий Э. Бромфильд чаще всего использует транслитерацию, но в некоторых случаях обращается к описательному и уподобляющему переводу. Поскольку слова «матрешка» и «самовар» знакомы англоязычному читателю, переводчик выбирает транслитерацию плюс смысловое развитие как способ их перевода.

– Как там у вас, на **Самоварно-Матрешечном [заводе]** – П.К.?

"How's things down at **the samovar and matryoshka plant?**"

Для перевода слова «щи» Э. Бромфильд использует уподобляющий перевод, делая эту реалию более понятной для зарубежного читателя.

Еще пахло мазутом и **щами** – тоже совсем несильно.

He could smell fuel oil and **cabbage soup**, too.

2. Новые понятия, связанные с социально-политическими изменениями.

Большинство лексем этой группы Э. Бромфильд транслитерирует. Примечательно, что в переводе следующего отрывка теряется языковая игра (омонимия сущ. в им. п. «совком» и формы д. п. сущ. «совок»).

– И **совком** не против. – Чем? – не понял Иван. – **Совком**, – отчетливо повторила Алтынина.

"And the **Sovcom** doesn't object." "How's that?" Ivan was puzzled. "The **Sovcom**," Altyнина repeated, speaking clearly.

3. Имена собственные (в том числе авторские неологизмы).

В рассказе встречаются как названия советских реалий (сигареты «Пегас»), так и авторские неологизмы: город Уран-Батор; персонажи Сандель, Мунди-

дель, Бабаясин. По мнению исследователей, это карикатура на известных вождей — Ленина, Маркса и Энгельса [6]. Как правило, имена собственные переводчик транслитерирует.

...Над приземистой **совкомовской** баней, развернута кумачовая лента со словами: «Да здравствует дело **Мундинделя и Бабаясина!**»

...Above the squat building of the **Sovcom** bathhouse, a red cloth banner bearing the words "LONG LIVE THE CAUSE OF **MUNDINDEL AND BAYASIN!**" had been unfurled.

4. Эвфемизмы для передачи нецензурной брани.

В. Пелевин создает в рассказе систему авторских неологизмов, замещающих нецензурную брань, которые являются одним из средств выражения его отношения к советской эпохе и идеологии. Это лексические единицы, производные от корней «мир», «труд», «май», а также образованные на их основе словосочетания. Для передачи этих окказионализмов переводчик старается подобрать выражения, которые произвели бы похожий коммуникативный эффект. Иногда это ему удается (*Какого мира — for May's sake*). Но во многих случаях бранные коннотации в переводе утрачиваются.

И потом, **какого мира** его поминить-то, детство? Чего в нем хорошего?

Anyway, what do you need to remember your childhood for, **for May's sake**? What's so good about it?

— Давай, **тудячь**, в партком твою Коллонтай! — закричал оттуда пьяный голос Валерки — видно, успел спуститься. Захотели какие-то бабы. — Всем котам **первомай** сделаем в три цэка со свистом!

Keep up that labor initiative, get that Partcom up your Kollontai! shouted Valera's drunken voice; some women began giggling. "We're going to give all tomcats a triple Central Committee **May Day** with bells and whistles!"

Основная переводческая стратегия Э. Бромфильда при переводе советских реалий — адаптировать текст для англоязычной аудитории и сделать его более понятным, используя способ описательного и уподобляющего перевода и опуская некоторые фрагменты, возможно, не столь значительные для интерпретации художественного текста (в представлении переводчика), однако существенно затрудняющие понимание для читателя. Ввиду объективной невозможности создания эквивалентного перевода, эффективным способом передачи советских реалий и авторских неологизмов может стать создание комментария к переводу.

Литература

1. Зарубина Д.Н. Универсалии в романном творчестве В.О. Пелевина. — Иваново, 2007.
2. Репина М.В. Творчество В. Пелевина 90-х годов XX века в контексте русского литературного постмодернизма. — М., 2004.
3. Скоропанова И.С. Русская постмодернистская литература. — М.: Флинта; Наука, 2001. — С. 434–440.
4. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. — М.: Международные отношения, 1980. — С. 47.
5. Тишулина М.И. Пространственно-временной аспект функционирования советизмов в литературе писателей-эмигрантов // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). — 2012. — № 11(19).
6. Кабанова Д.С. Будущее в прошедшем: Постсоветская дистопия // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. — 2012. — Т. 12, вып. 2. — С. 88–93.

АНГЛИЙСКИЕ СОЧИНЕНИЯ И АВТОПЕРЕВОДЫ Г.Д. ГРЕБЕНЩИКОВА: ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА ПИСАТЕЛЯ

Масяйкина Е.В.

Томский государственный университет, аспирант

GEORGE GREBENTSCHIKOFF ENGLISH BELLE-LETRES AND SELF-TRANSLATIONS: ACCORDING TO GREBENTSCHIKOFF PERSONAL ARCHIVE

Masiakina E.V.

Tomsk State University, post-graduate student

В статье представлен обзор англоязычных сочинений и автопереводов писателя-эмигранта Г.Д. Гребенщикова, находящихся на хранении в Государственном музее истории и литературы Алтая (ГМИЛИКА) г. Барнаула. Проанализированы стратегии автоперевода на материале повести «Егоркина жизнь» (глава «The First Kopeck») и сделаны промежуточные выводы об адаптации писателем англоязычных версий собственных произведений.
Ключевые слова: Григорий Гребенщиков, автопереводы, Алтай, «Егоркина жизнь».

The report provides an overview of George Grebentschikoff English belle-letres and self-translations, collected in State museum of history of literature, art and culture of Altai in Barnaul. Grebentschikoff self-translation strategies were analyzed on the material of the prose "Egorka's Life" (Chapter "The First Kopeck"), as well the intermediate conclusions about the writer's adaptation of that works were made.

Key words: George Grebentschikoff, self-translations, Altai, Egorka's Life.

Научный руководитель:
Никонова Наталья Егоровна,
докт. филол. наук, доцент.

Перевод художественного произведения, выполненный самим автором, – довольно редкое явление. Говоря об уникальности и ценности автоперевода, А.М. Финкель отмечает, что «перед переводчиком вообще и переводчиком-автором стоят, казалось бы, одни и те же задачи и трудности, в автопереводе разрешение их приобретает несколько иной характер, иное направление, иное содержание, чем в переводе обычном» [1]. Подобный текст, по словам ученого, демонстрирует очень важную черту – он является авторским произведением, таким же уникальным и неповторимым, как и его прототип. Таким образом, автоперевод – это новое авторизованное и переведенное на другой язык произведение, выполненное с соблюдением всех традиционных требований и обладающее целым рядом особенностей.

Понятие автоперевода опирается на явление билингвизма, то есть переключения с одного языка на другой при создании и воспроизведении литературного произведения с исходного языка на язык перевода. Понятия автоперевода и билингвизма не равны, они, скорее всего, взаимодополняют друг друга, так как авторский перевод опирается на билингвизм.

В настоящем исследовании феномен автоперевода будет рассмотрен на материале творчества сибирско-американского писателя Г.Д. Гребенщикова. В его творческом наследии органически соединились два жизнотворческих мотива – потребность в сохранении связи с культурой Алтая и Сибири и такая же сильная потребность в интеграции в культурную жизнь США.

Важно заметить, что, несмотря на эмиграцию (с 1920 по 1964 гг.), Гребенщиков неизменно ориентировался в своем творчестве на ценности и идеи областничества. Его связывало близкое знакомство с Г.Н. Потаниным, воспоминания о котором писатель выразил в очерке «Большой сибирский дедушка». Г.Н. Потанин видел в Гребенщикове продолжателя об-

ластнической программы и активно поддерживал того в стремлении «подхватить знамя Ядринцева».

Литературное наследие Гребенщикова во многих аспектах тематико-образной организации обращено к Алтаю, Сибири и судьбам жителей данного региона. Сам Гребенщиков писал: «... всю свою жизнь старался словом и делом показать Сибирь как страну великого будущего с неограниченными красотами и богатствами». Исследователями отмечается, что «следуя заветам "областников", Георгий Дмитриевич Гребенщиков во всех своих проявлениях был убежденным просветителем» [2].

Деятельность сибирских областников одной из основных целей ставила достижение культурного единства и устойчивого развития регионального общества: «единственно возможной сферой практического приложения творческих сил областников являлись культура и просветительство, но в самом гуманистическом истолковании смысла этих обоих понятий» [3]. Духовным условием успешного функционирования культуры, ключевым способом сохранения народных традиций и самобытности для них стало образовательное пространство, которое, по мнению Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина, могло «помочь народам России творчески адаптировать и ассимилировать лучшие достижения других цивилизаций, существенно обогащая и совершенствуя свою собственную культуру».

Многие представители и деятели русской культуры в эмиграции считали, что в задачи русской общины непременно должна входить пропаганда и развитие интереса к русской культуре и искусству за рубежом. Г.Д. Гребенщиков был убежден в необходимости распространения и разъяснения своеобразия русской культуры, выявления инновативного содержания тех или иных ее феноменов для западной культуры «путем упорной борьбы за право признания наших духов-

ных ценностей» [4]. В многочисленных лекциях для американской аудитории («Russia the Unknown», «Russia in Fine Arts» и др.), в своей работе на кафедре русского языка и литературы Флоридского Южного колледжа Гребенщиков выступал не только проводником и популяризатором, но и интерпретатором русской культуры. Писатель стремился объяснить слушателям важность восприятия «чужой» культуры, необходимость признания ценностей, созданных и создаваемых другими народами, уважения и терпимости к нормам и типам их поведения.

Однако лекции являлись только одним из «культуртрегерских» проектов Гребенщикова, в полной мере эти стратегии были реализованы за счет его автопереводов и издания собственных произведений на английском языке.

На настоящий момент наследие писателя хранится в Государственном музее истории литературы, искусства и культуры Алтая, откуда было перевезено из Музея Н.К. Рериха в Нью-Йорке, и, несмотря на то, что оно уже стало объектом многих литературоведческих студий, является материалом, безусловно, новым и перспективным для дальнейшего изучения.

Автобиографическая повесть Г.Д. Гребенщикова «Егоркина жизнь» вышла в свет в Америке уже после его смерти, в 1966 г. На родине писателя она была опубликована лишь в 1984 г. — в сокращенном журнальном варианте. В послесловии к публикации известный исследователь сибирской литературы Н.Н. Яновский высказал предположение о том, что Гребенщиков «начал писать ее где-то в 1925–1926 годах». В 2004 г. в России впервые вышло полное издание повести. По сути дела, «Егоркина жизнь» остается до сих пор не открытым исследователями произведением выдающегося писателя русского зарубежья, чья творческая биография начиналась в Сибири. В середине 1910-х гг., издавая один за другим сборники прозы и работая над первым томом будущей эпопеи «Чураевы», Гребенщиков одновременно готовил материалы для повести о сибирском крестьянском детстве и отрочестве.

Сюжет рассматриваемой главы таков — болезненный герой Егорка долго не может попасть в школу, но в итоге его мать вымаливает у отца разрешение отправить Егорку учиться. Там его берут в церковный хор, также он учится писать «по-мелкому», прописью. В дальнейшем старушка, глава семьи из воронежских переселенцев, предлагает ему за одну копейку написать письмо. Егорка соглашается, проделывает долгий путь до нужного дома. Герой боится ошибиться, однако у него все получается, он исписывает три листа и в итоге преуспевает: «Все слушали и вспоминали, всех ли перечислили и главное, явственно ли написано. Все было явственно» [5]. В награду он получает обещанную копейку и бутылку подсолнечного масла, которая для его семьи была настоящей роскошью. Награда очень вдохновляет Егорку: «Но эту, первую свою копейку, заработанную им с таким трудом и с такой честью — он будет беречь в памяти, как самую великую награду, как ключ к тому свету, о котором смутно мечтала и молилась его мать, Елена Петровна» [5].

Анализ автоперевода повести показывает, что Гребенщиков, презентуя главу повести американскому читателю, делает акценты на отличных от оригинального текста мотивах и образах. Автоперевод главы

представлен с достаточно крупными сокращениями — убран фрагмент про болезнь Егорки, побочный сюжет про сгоревшую школу и проблему с поисками учителя, который достаточно характерен для писателей-почвенников той эпохи, отсутствует также сюжетообразующий фрагмент про благословение матушки. Создавая англоязычную версию «Первой копейки», Гребенщиков сразу начинает повествование с основной сюжетной линии — истории о том, как Егорка выучился грамоте и заработал свои первые небольшие деньги, что послужило важным элементом для становления его самооценки.

Такая воляность выявляет стремление Гребенщикова «одомашнить», привить свои сюжеты на американскую почву. Так, история Егорки (которая, безусловно, перекликается с толстовским сюжетом о Филиппке) превращается в англоязычном автопереводе в историю о «self-made» молодом человеке, который выучился грамоте и смог это применить, заработав свои первые деньги честным трудом. Такой сюжет воспринимался Гребенщиковым как типично американский, и американскому читателю, по мнению автора, более понятный, нежели неспешное, наполненное мелкими деталями и побочными сюжетными линиями повествование о тяжелой, голодной жизни сибирской деревни. Указанная стратегия подтверждается и тем, как Гребенщиков работает с реалиями, которыми плотно насыщен русскоязычный текст повести (см. таблицу).

Таблица

Русский текст	Английский текст
грамота	education / schooling
изба	house
голубок	little darling
коли слободный будешь	when will you be free to come
чтобы христославы пели более молитвенно	so that the Christmas carols singers sing more holy songs
молодуха	daughter in law / the young woman
прочитал Егорка бойко, голосисто	in a lively, poetic form of voice
явственно	distinctly, intelligently
писать по-мелкому	in small letters as the teacher do / to write fine

Таким образом, очевидно, что Гребенщиков, занимаясь переводами собственных произведений, последовательно реализовывал стратегию доместикации. Он выбирал сюжеты, потенциально более понятные для американского читателя, адаптировал собственные произведения, переводя их в сокращенном виде, — с той же целью. С другой стороны, его произведения, даже в сокращенном виде, несут в себе огромный заряд «сибирства» — это и выбор темы, и проблематика, и реалии. И этот синтез дает нам возможность говорить о том, что Гребенщиков в американский период жизни находился в перманентном, с одной стороны, процессе интеграции в культуру принимающей страны, а с другой — в таком же непрекращающемся деятельном процессе по популяризации культур России и Алтая.

Исследование выполнено при поддержке Совета по грантам Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых. Проект МД 852.2019.6 «История русской переводной литературы рубежа XIX–XX вв.: на материале периодики регионов Российской Империи». Руководитель: Н.Е. Никонова.

Литература

1. Финкель А.М. Об автопереводе // Теория и критика перевода. – Л. : Наука, 1962. – С. 12–15.
2. Балакина Е.И. Откуда есть пошла земля сибирская... [Электронный ресурс] // Русский писатель Георгий Дмитриевич Гребенщиков. – URL: http://grebensh.narod.ru/my_sib_orig.htm (дата обращения: 28.04.2019).
3. Головинов А.В. Культурфилософская концепция сибирского областничества: этносоциальные и ценностные основания : автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Барнаул, 2010. – 19 с.
4. Гребенщиков Г.Д. По Американской Руси. Запись беседы с писателем. 1930-е гг. : машинопись. – ГМИЛИ-КА. ОФ 406/87. – 4 л.
5. Гребенщиков Г.Д. Егоркина жизнь. Автобиографическая повесть. [Электронный ресурс] // Lib.ru. – URL: http://az.lib.ru/g/grebenshikow_g_d/text_1964_egorkina_zhizn.shtml (дата обращения: 28.04.2019).

КОНЦЕПТ «ВНУТРЕННЯЯ ЖИЗНЬ» В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» И ЕГО ПЕРЕВОДАХ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Мельник Д.С.

Томский государственный университет, студент

THE CONCEPT "INNER LIFE" IN *CRIME AND PUNISHMENT* BY F.M. DOSTOEVSKY AND ITS ENGLISH TRANSLATIONS

Melnik D.S.

Tomsk State University, student

В данной статье рассмотрена языковая реализация концепта «внутренняя жизнь» в романе Достоевского «Преступление и наказание» и его английских переводах, выполненных К. Гарнетт и О. Реди. На основе анализа выявлены особенности содержания и структуры концепта в оригинале и его переводах на английский язык.

Ключевые слова: концепт, «внутренняя жизнь», Достоевский, «Преступление и наказание», перевод, лингвистический анализ.

This article discusses the linguistic representation of the concept "inner life" in Dostoevsky's novel "Crime and Punishment" and its English translations made by Constance Garnett and Oliver Ready. The article deals with the structure of the concept as verbalized in the translations of Dostoevsky's novel.

Key words: concept, "inner life", Dostoevsky, "Crime and Punishment", translation, linguistic analysis.

Научный руководитель:
Кашпур Валерия Викторовна,
канд. филол. наук.

Various scholars in Russia and in other countries have studied the concept "inner life", but its representation in Dostoevsky's translations remains unstudied. Concept is a language-indicated national figure, symbol or idea. Concept has a complex representation structure, which is expressed by different language means [1].

The most popular translations of Dostoevsky's novel *Crime and Punishment* were made by Constance Garnett (1914), Frederick Whishaw (1885), David Magarshack (1951), David McDuff (1991), Richard Pevear and Larissa Volokhonsky (1992) and Oliver Ready (2014).

For this study, I analyzed the translations made by Constance Garnett (1914) and Oliver Ready (2014). The main criterion for choosing translations was different periods of time when translations were completed.

Constance Clara Garnett was an English translator of 19th-century Russian literature. In her translations, she worked quickly, and smoothed over certain small portions for "readability", particularly in her translations of Dostoevsky.

The second translation chosen was made by **Oliver Ready** in 2014. In his translation, Ready tries to avoid words that appeared after the 1960s. This makes the new translation's language "modern, but not contemporary" [2].

A number of different language units represent the generally accepted translation of the concept "inner life" in *Crime and Punishment*: poor, little, not believing, kill, killed, kill myself, tormented himself, etc. These units may convey different senses in different contexts.

Firstly, they convey the sense of *being humiliated*. In Part I, Chapter 5, Raskolnikov dreams of a scene from childhood – a cart-driver has overloaded his cart with passengers and is beating his nag, urging her to move when she clearly cannot manage:

Раскольников молчал, хотя ни на минуту не отрывал от него своего встревоженного взгляда, и теперь упорно продолжал глядеть на него [3, p. 80].

Oliver Ready's translation:

Raskolnikov said nothing, though his troubled gaze did not leave Razumikhin for one second, and now, too, he carried on staring right at him [4, p. 148].

Secondly, the specified language units convey the sense of *unreality and uncertainty* – that feeling of indecision, where dreams and real life switch places without notice, – that adds a very peculiar gravity to Dostoevsky's work. The following passage describes Raskolnikov inch closer to his crime:

Как-то раз он их сосчитал, когда уж очень размечтался. В то время он и сам еще не верил этим мечтам своим и только раздражал себя... хотя все еще сам себе не верил [3, p. 123].

Oliver Ready's translation:

He'd counted them out once, letting his dreams run wild. At the time he still didn't believe in these dreams himself, and merely tormented himself... while still not believing his own intentions [4, p. 213].

Ready chooses "letting his dreams run wild", although it is not the best solution for the word "размечтался" (which refers to hopeful visions). However, it sounds good in comparison with Garnett's variant "lost in dreams".

Thirdly, they convey the sense of confession as in this scene of Raskolnikov's **confession** to Sonya. Raskolnikov's mention of a spider invokes his evil dream:

Вздор! Я просто убил; для себя убил, для себя одного: а там стал ли бы я чьим-нибудь благодетелем или всю жизнь... [5].

Oliver Ready's translation:

"Nonsense! I just killed. I killed for myself, for myself alone; and whether I'd become anyone's benefactor or spend my entire life..." [4].

Constance Garnett's translation:

"Nonsense! I simply did it; I did the murder for myself, for myself alone, and whether I became a benefactor to

others, or spent my life like...” [6]

Overall, as it is seen from the passages of the novel and its translations, the concept of “inner life” can be represented in three meaningful ways.

Firstly, the concept represents a **humiliation of a person or a living being**: *Daddy, they're beating the poor little horse!* The second representation of the concept is about **unreality or uncertainty of a situation**: *...while still not believing his own intentions...* Thirdly, the concept can represent **confession** of a character: *I killed for myself, for myself alone...*

Thus, the analysis of the lexical representation of the concept has shown that there are numerous ways to represent the concept lexically. The most popular units are *poor, little, not believing, kill, killed, kill myself etc.* This concept functions in three fields that we have studied: in relation to a person or living being that is insulted, humiliated or injured; in relation to uncertainty or unreality of the situation; in relation to a character's confession.

Литература

1. Зябрева Г.А., Капустина С.В. «Концепт» в литературоведческом дискурсе (на материале творчества Н.В. Гоголя и Ф.М. Достоевского): монография / Таврическая академия Крымского фед. ун-та им. В.И. Вернадского. – М.: Аналитика Родис, 2015. – 150 с.
2. Russia beyond (2014) Dostoevsky's cacophonous catastrophes: A new translation of “Crime and Punishment” [Электронный ресурс] // Russia beyond. – URL: https://www.rbth.com/literature/2014/08/22/dostoevskys_cacophonous_catastrophes_a_new_translation_of_crime_and_punishment.html (дата обращения: 10.04.2019).
3. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 15 т. – Л.: Наука, 1989. – Т. 5.
4. Ready O. Crime and Punishment: a novel by Fyodor Dostoevsky / translated from Russian by Oliver Ready. – London: Penguin, 2014.
5. Crime and Punishment [Электронный ресурс] // Wikipedia. – URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Crime_and_Punishment (дата обращения: 12.04.2019).
6. Garnett C. Crime and Punishment: a novel by Fyodor Dostoevsky / translated from Russian by Constance Garnett. – London: Heinemann, 1914.

ГОРОДСКИЕ ТОПОСЫ КАК ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА: ОБРАЗЫ ТОМСКА В РАССКАЗЕ В. КОЛУПАЕВА «ГАЗЕТНЫЙ КИОСК» И ЕГО ПЕРЕВОДАХ

Морозова И.В.

Томский государственный университет, магистрант

URBAN TOPOI AS A TRANSLATION PROBLEM: IMAGES OF TOMSK IN THE NOVEL "GAZETNYI KIOSK" BY VICTOR KOLUPAEV AND ITS TRANSLATIONS

Morozova I.V.

Tomsk State University, master student

Статья посвящена образу Томска, одному из основных пространственных образов в прозе томского писателя-фантаста Виктора Колупаева. Образ Томска предстает в топосах, связанных с университетами. В рамках данной статьи представлен сравнительный анализ репрезентации университетского Томска в оригинале, а также двух английских и немецком переводах рассказа «Газетный киоск».

Ключевые слова: Колупаев, переводоведение, переводческая проблема, «Газетный киоск», образ Томска.

The author of the article pays attention to the image of Tomsk in the works of V. Kolupaev. Tomsk is one of the main space images represented in the science-fiction of the writer. In many short novels Victor Kolupaev shows Tomsk as a University city. In the article the short novel "Gazetnyi kiosk" (The Newsstand) by V. Kolupaev and its English and German translations were analyzed.

Key words: Kolupaev, translation studies, translation studies issue, "Gazetnyi kiosk", the image of Tomsk.

*Научный руководитель:
Никонова Наталья Егоровна,
докт. филол. наук, доцент.*

Образ Томска — один из ключевых в малой прозе В.Д. Колупаева. Он представлен в 15 из 45 произведений, вошедших в трехтомное собрание сочинений писателя 2017 г., а именно в *рассказах* «Билет в детство» (1969), «Газетный киоск» (1971), «Зачем жил человек?» (1972), «Девочка» (1972), «Спешу на свидание» (1977), «Фильм на экране одного кинотеатра» (1982), «Седьмая модель» (1982), «Мама» (1984), «Улыбка» (1984), «Защита» (1984), «Два взгляда» (1985), *повестях* «Случится же с человеком такое?» (1972) и «Фирменный поезд "Фомич"» (1979) и *новеллах* «Июль (или «Лагерный сад»)» (1976), «Октябрь» (1982). Творчество фантаста снискало популярность в переводческой рецепции, особенно в 1970–1980-х гг., несмотря на то, что по характеру своей образности оно представляет для переводчика и целевого реципиента целый ряд проблем, одной из которых является передача аутентичных реалий, географических мет.

Писатель часто не называет Томск своим именем, но осмысляет известные городские локусы: Лагерный сад, Университетская роща, кинотеатр «Октябрь» и др. Томск представлен, прежде всего, как университетский город сквозь призму судеб и восприятия главных героев. Чаще всего рассказчиками и персонажами в произведениях В. Колупаева являются мужчины, представители научной интеллигенции, исследователи, инженеры, испытатели. Университетская жизнь города и ее топосы обладают сюжетообразующей функцией в рассказе «Газетный киоск». Так, главный герой Дмитрий Егоров приезжает в Усть-Манск на конференцию по распространению радиоволн и по пути туда находит газетный киоск, где продаются завтрашние газеты. В результате автором был включен фантастический элемент, реализующийся в образе газетного киоска, в бытовое пространство университетского города.

Рассказ «Газетный киоск» был переведен дважды на английский язык, а также один раз на немецкий. В

1977 г. вышел немецкий перевод «Der Zeitungskiosk» [1] в сборнике «Die Schaukel des Eremiten» (Качели отшельника). Перевод выполнен Евой Марией Пич. Отметим, что сборники «Hermit's Swing» и «Die Schaukel des Eremiten» включают только произведения В. Колупаева. Первый английский перевод рассказа получил заглавие «The Newsstand» [2] и был представлен в сборнике «Hermit's Swing» (Качели отшельника) в 1980 г.; переводчиком выступила писатель Е. Зальтц Якобсон (Helen Saltz Jacobson). Второй английский перевод («The Newsstand» [3]) был опубликован в 1989 г. в сборнике «When Questions Are Asked» (Когда задаются вопросы). Перевод рассказа выполнен С. Розенбергер (Cynthia Rosenberger).

Во всех переводах представляется интересным репрезентация образа ученых из Усть-Манского политехнического института, репрезентантов образа университетского Томска. По сюжету, во время выступления с научным докладом на конференции на Дмитрия Егорова обрушилось огромное количество вопросов от исследователей, которых герой назвал «зубрами»: «Вопросы задавали самые простенькие, и я уже надеялся выйти отсюда живым, но это была только легкая разведка. И через полчаса от моего доклада не осталось камня на камне. Причем особенно старались "зубры" из Усть-Манского политехнического института» [4]. В русском языке слово «зубр» имеет два переносных значения: во-первых, оно может означать косного, консервативно настроенного человека; во-вторых, в разговорной речи оно используется для обозначения опытного и ценного специалиста (с оттенком шутовности). Думается, что главный герой характеризует представителей политехнического института как мастеров своего дела, контекст для реализации иной коннотации отсутствует.

В немецком переводе для обозначения «зубров» переводчицей было использовано слово «Beckmesser» (критикан). Оно содержит негативные коннотации,

так называют придирчивого человека, который ворчит, обращает внимание на мелкие детали (недостатки). Интересна этимология данного слова: Beckmesser – персонаж из известной оперы Вагнера «Нюрнбергские майстерзингеры» (Die Meistersinger von Nürnberg). Немецким читателям предстает скорее отрицательный образ ученых, но средства его воплощения являются понятными носителям иной лингвокультуры.

В английских переводах обозначение «зубры» передается по-разному: в переводе 1980 г. переводчицей было выбрано слово «pundits», в переводе 1989 г. – как «diehards». «Pundit» подразумевает образованного человека (учителя) и человека, часто выступающего в качестве эксперта. «Diehard» используется для характеристики человека, не желающего перемен или изменений. Два слова выражают разные значения лексемы «зубр»: в переводе Е. Якобсон реализуется разговорно-шутливое значение, а С. Розенберг использует семантику косного и консервативного человека. В результате английским читателям научные работники политехнического института предстают с различными оттенками в образности. В переводе 1980 г. подчеркивается их знание, опыт и авторитетность. В переводе 1989 г. представлена общая характеристика, в которой принадлежность персонажей к научному сообществу не эксплицируется. Более удачным вариантом перевода является использование слово «pundit»,

поскольку оно передает и отношение героя к персонажам.

Таким образом, в совокупности различные варианты передачи образности, связанной с городскими локусами, образуют концептосферу, позволяющую зарубежному читателю познакомиться с творчеством сибирского фантаста, несмотря на недостаточность фоновых знаний для понимания топонимических праобразов.

Исследование выполнено при поддержке Совета по грантам Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых. Проект МД 852.2019.6 «История русской переводной литературы рубежа XIX–XX вв.: на материале периодики регионов Российской Империи».

Литература

1. Der Zeitungskiosk / Übersetzt von Eva-Maria Pietsch // Die Schaukel des Eremiten. Phantastische Erzählungen. – Berlin : Das Neue Berlin, 1977. – S. 5–33.
2. The Newsstand / translated by Helen Saltz Jacobson // Hermit's Swing. – New-York : Macmillan Publishing, 1980. – P. 69–88.
3. The Newsstand / translated by Cynthia Rosenberger // When Questions Are Asked : translation from the Russian. – Moscow : Raduga Publishers, 1989. – P. 176–205.
4. Колупаев В.Д. Собр. соч. : в 3 т. – М. : Престиж Бук, 2017. – Т. 1. Жизнь как год. Повести, рассказы. – С. 339.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ЗАГЛАВИЯ КОМЕДИИ А.С. ГРИБОЕДОВА «ГОРЕ ОТ УМА» ПРИ ПЕРЕВОДЕ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Подгорный И.А.

Томский государственный университет, аспирант

THE TRANSMISSION FEATURES FOR THE TITLE OF THE COMEDY BY A.S. GRIBOEDOV "GORE OT UMA" INTO ITS ENGLISH TRANSLATIONS

Podgornii I.A.

Tomsk State University, post-graduate student

Данная статья посвящена рассмотрению особенностей передачи заглавий художественных произведений. В качестве объекта исследования выбрана комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума» и ее переводы на английский язык. В рамках статьи представлен сравнительный анализ, отображающий различия и общие черты при переводе заглавия на английский язык.

Ключевые слова: Грибоедов, переводоведение, переводческая проблема, «Горе от ума», заглавие.

The article is dedicated to the review of features while translation of fiction titles. The comedy "Gore ot uma" by A. S. Griboedov and its translations into English were chosen as an object for the research. Differences and common features are shown in the article through the results of comparative analysis.

Key words: Griboedov, translation studies, translation studies issue, "Gore ot uma", title.

Научный руководитель:
Никонова Наталья Егоровна,
докт. филол. наук, доцент.

«Горе от ума» – комедия А.С. Грибоедова, название которой стало очень популярно в русской речи само по себе, без привязки к одноименной комедии. Однако споры о действительном значении этого заглавия не утихают до сих пор.

Если обратиться к семантике слов, из которых состоит название комедии, при этом учитывая временной период ее написания, то получатся следующие результаты: слово «ум» имеет значение «способность понимать вещи и судить об оных» [1], выражение же «в уму» означает быть «в памяти, в здравом рассудке» [1], в более позднем словаре Даля, вышедшем уже после написания комедии, мы встречаем следующую трактовку слова «ум» – «общее название познавательной и заключительной способности человека, способность мыслить <...>, смысл, рассудок, есть прикладная, обиходная <...> низшая степень, а высшая, отвлеченная: разум...» [2]; определение же слова «горе» в этом же издании представляет собой ряд его синонимов «беда, бедствие, несчастье, злополучие, напасть, тоска, печаль, скорбь, кручина, нужда» [3].

По версии, высказанной в диссертации Е.В. Аблогиной [4, с. 61], понятие *ум* в комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» тесно связано с десакрализацией безумия, феномен которого в 1820–30 гг. «становится одной из самых продуктивных культурных моделей, с помощью которых литература рефлексирует соположенную ей действительность» [5], в связи с чем безумие начинает восприниматься не только в исходном своем значении (противоположность разуму), но и как некая особая его форма. Комедия А.С. Грибоедова завершает классический этап в восприятии безумия и дает возможность тематизации безумия в отечественной литературе эпохи романтизма.

Однако концепт *ум* является полисемантическим, что позволяет комедии «Горе от ума» быть настолько всеобъемлющей и вневременной. С.А. Фомичёв отмечал, что тему *ума* так или иначе затрагивают все пер-

сонажи комедии [6]. Новаторство А.С. Грибоедова заключается в первую очередь в том, что ему удалось раскрыть неоднозначное, внутренне конфликтное представление об уме [4, с. 64]. Свободный и искренний, устремленный к высоким идеалам ум Чацкого противопоставляется уму практическому, бытовому, меркантильному.

Уму, которым наделен Чацкий, в комедии противопоставляется глупость, то есть представители фамусовского общества. М.А. Лившиц полагает, что заглавие комедии А.С. Грибоедова можно трактовать следующим образом: «горе от ума есть прежде всего горе от отсутствия его у ближних» [7], опираясь в своих суждениях на письмо самого автора, который, по мнению М.А. Лившица, часто задавался вопросом в отношении общепринятой глупости и засилья дураков.

Однако, в отличие от М.А. Лившица, другой, более традиционной точки зрения придерживается в своей работе «Поэтика заглавия» Ю.В. Бабичева. Затрагивая проблему глубинности смысла в заглавии произведения, автор приводит в качестве примера «Горе от ума», как комедию, в название которой отразилась «диалектика души самого автора: движение его мысли, его сомнения и раздумья о предмете, ставшей основой содержания» [8]. Если М.А. Лившиц утверждает, что «горе» в первую очередь – горе Чацкого, то Ю.В. Бабичева утверждает, что в заглавии комедии заложены оба смысла: горе самому Чацкому (*уму*) и горе от этого самого ума другим, это определенный диспут, сомнение, заложенное в название. В этом споре и вызревает авторское сознание.

И.Н. Розанов утверждает, что умным, в понимании А.С. Грибоедова, считается человек, наделенный пылкостью чувств, которую последний очень ценил. Вероятно, он разделял понятия «ум» и «рассудок», более того, противопоставлял их, отдавая предпочтение первому. Ум он считал «следствием сильных страстей, а здравый смысл – следствием их отсутствия» [9],

Таблица 1. Варианты перевода заглавия комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума».

Перевод заглавия	Обратный перевод на русский
Gore ot ouma (1857)	–
The Misfortune of Being Clever (1914)	Неудача (беда) быть умным Misfortune – неудача (bad luck)* или беда. Clever – умный, может быть синонимом слово intelligent.
The Woes of Wit (1992)	Горе (несчастье) интеллекта (здорового смысла) Woe – большая печаль или бедствие (great sorrow or distress), часто используется в преувеличенном значении. Wit – острый интеллект (keen intelligence) или здравый смысл.
Woe from Wit (1993)	Горе (несчастье) от интеллекта (здорового смысла) Woe – большая печаль или бедствие (great sorrow or distress), часто используется в преувеличенном значении. Wit – острый интеллект (keen intelligence) или здравый смысл.
Distress from Cleverness (1993)	Печаль от ума Distress – крайнее беспокойство, печаль или боль (extreme anxiety, sorrow, or pain). Cleverness – качество являющихся умными (the quality of being clever).

Примечание: * – здесь и далее в таблице определение из Oxford Dictionaries [11].

однако пассивные личности не могли быть симпатичны А.С. Грибоедову, по мнению И.Н. Розанова [10].

Как видно из вышеперечисленных концепций, даже в родной культуре заглавие комедии А.С. Грибоедова воспринимается неоднозначно и имеет несколько вариантов трактовки. Этот факт представляет собой дополнительную трудность для переводчиков «Горя от ума», однако, одновременно с этим, дает им больше свободы при выборе эквивалентов благодаря туманности и неоднозначности заложенного смысла.

Варианты перевода собраны в таблицу 1, в которой заглавия выбранных для анализа переводов на английский язык сопоставлены с оригиналом заглавия и между собой, а также представлена дословная трактовка заложенного в них смысла.

Как видно из таблицы, только самый ранний из рассматриваемых английских переводов, выполненный Николасом Бенардаки в 1857 г., имеет заглавие, переданное с помощью транслитерации. Данный вариант перевода нельзя назвать удачным, так как смысл, заложенный в это словосочетание, остается полностью не понятным читателями. Остальные переводчики постарались отразить смысл, заложенный в заглавие комедии, подобрав, как им казалось, наиболее подходящие эквиваленты.

Рассматривая оставшиеся варианты перевода заглавия на английский язык, можно заметить, что два из четырех вариантов содержат лексему «горе» как эквивалент для русской лексики «горе» (переводы, выполненные А. Шоу, А.С. Вагаповым). Действительно, если обратиться к современному значению слова «горе», то можно обнаружить значительное семантическое сходство этих двух лексем («Горе – скорбь, глубокая печаль» или же «то же, что несчастье» [12]). Однако данное совпадение не является полным, т.к. в варианте А. Шоу существительное «woe» стоит во множественном числе – «The Woes of Wit», что наводит на мысли о желании переводчика подчеркнуть масштаб негативных последствий (не «печаль» или «несчастье», а «печали» или «несчастья»).

Также в этих двух переводах совпадают и после-

дние лексемы – «ум». В переводах А. Шоу и А.С. Вагапова данная лексема передана вариантом «wit», что также является семантически близким оригиналу. Однако, основное различие этих двух вариантов перевода заглавия заключается в способах соединения, выбранных переводчиками, а, следовательно, и в семантической связи между этими двумя лексемами. А. Шоу использует служебную частицу «of», которая, в данном случае, вероятнее всего, служит показателем родительного падежа. Из этого можно сделать вывод, что А. Шоу подразумевал «горе (печали) ума», то есть горе человека умного или ума (здорового смысла) как такового. Это демонстрирует схожесть его взглядов с позицией Ю.В. Бабичевой. А. Вагапов же использует предлог «from», то есть переводит оригинал заглавия на английский дословно.

Перевод, выполненный Самюэлем Уильямом Прингом в 1914 г., озаглавлен «The Misfortune of Being Clever». Данный вариант перевода заглавия можно охарактеризовать как семантически более далекий от оригинала, т.к. лексема «misfortune» означает скорее неудачу и невезение, нежели горе и печаль, что имеет менее негативную окраску. Так же, как и А. Шоу, С. Принг использует служебную частицу «of» для соединения лексем, однако, в отличие от предыдущих двух рассмотренных вариантов, лексема «ум» передана как «being clever», что указывает не на само качество, а на его наличие у человека.

Один из самых современных, рассматриваемых нами, переводов комедии А.С. Грибоедова на английский язык был впервые опубликован Беатрис Юсем в 1993 г. «Distress from Cleverness» довольно сильно отличается выбором семантических эквивалентов от уже рассмотренных вариантов. Лексема «distress» обозначает крайнюю степень обеспокоенности, печали или даже сильную боль, что позволяет говорить о некоторой гиперболизации при передаче заглавия комедии переводчиком. «Cleverness» описывает качество, присущее умным людям, то есть «умность». Б. Юсем, так же как и А. Вагапов, использует предлог «from», передавая причинную связь, заложенную в оригинальное

заглавие комедии. Исходя из выбранных переводчиком лексем, можно предположить, что Б. Юсем связывает те невзгоды, через которые проходит главный герой комедии, с наличием у него качеств умного человека.

В целом, говоря об английских переводах комедии можно отметить, что, несмотря на наличие вариативности использование лексем («wit», «being clever», «cleverness» для лексем «ум» и «distress», «woe» для «горе»), переводчики следуют схожим концепциям передачи смысла. А. Вагапов и Б. Юсем используют оригинальную стратегию, выстраивая причинные связи, заложенные в оригинальном названии, А. Шоу и С. Принг, в свою очередь, передают семантику с помощью служебной части «of». Стоит также, отметить наличие различий в семантической окраске используемых лексем: у С. Принга наблюдается снижение негативной окраски смысла, в то время как у Б. Юсем наблюдается некая его гиперболизация. Однако единственный вариант перевода, который не дает никакого понимания заложенного в комедии смысла, принадлежит Н. Бенардаки.

Как видно из проведенного анализа, в среде переводчиков отсутствует традиция перевода заглавия комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума», что является проблемой для успешной рецепции пьесы в англоязычной культуре. Отчасти это может быть обусловлено многозначностью заглавия и множеством путей его трактования.

Литература

1. Словарь Академии Российской. – СПб., 1789. – Ч. 6. – С. 430.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – СПб.; М., 1903. – Ч. 1. – С. 933.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – СПб.; М., 1903. – Ч. 4. – С. 1019.
4. Аблогина Е.В. Концепт «Ум» в творчестве А.С. Грибоедова и его англоязычная переводческая рецепция: дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2011.
5. Антошук Л.К. Поэтика безумия в русской литературе 1820–1830-х годов: три лирических опыта // Проблемы межтекстовых связей: сб. ст. – Барнаул, 1997. – С. 23.
6. Фомичев С.А. Комедия А.С. Грибоедова «Горе от ума»: коммент. – М., 1983. – С. 25.
7. Лифшиц М.А. Очерки русской культуры (из неизданного). – М., 1995. – С. 124.
8. Бабичева Ю.В. Поэтика заглавия // Вестник ТГПУ. – 2000. – Вып. 6. – С. 63.
9. Ильёв С.П. «Ум» и «горе» в комедии Грибоедова // Проблемы творчества А.С. Грибоедова. – Смоленск, 1994. – С. 52.
10. Розанов И.Н. Грибоедов и Пушкин // Пушкинский сборник. – 1900. – С. 119–120.
11. Oxford Dictionaries [Электронный ресурс]. – URL: <https://en.oxforddictionaries.com>.
12. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – М., 2006.

ПОЭМА А.С. ПУШКИНА «РУСЛАН И ЛЮДМИЛА» НА СТРАНИЦАХ ФРАНЦУЗСКОЙ «АНТОЛОГИИ РУССКОЙ ПОЭЗИИ»

Рудикова Ю.Ю.

Томский государственный университет, магистрант

"RUSLAN AND LYUDMILA" POEM BY ALEXANDER PUSHKIN IN THE FRENCH "ANTHOLOGY OF RUSSIAN POETRY"

Rudikova Y.Y.

Tomsk State University, master student

В статье анализируется первый перевод на французский язык поэмы А.С. Пушкина «Руслан и Людмила» с точки зрения его стилистической эквивалентности оригиналу и рассматриваются основные стилистические сдвиги, осуществленные переводчиком.

Ключевые слова: стилистическая эквивалентность, стилистическое усиление, стилистическая индивидуализация.

The article analyzes the first French translation of "Ruslan and Lyudmila" poem by Alexander Pushkin regarding its stylistic equivalence to the original text and demonstrates the major stylistic shifts made by the translator.

Key words: stylistic equivalence, stylistic amplification, stylistic individualization.

Научный руководитель:
Поплавская Ирина Анатольевна,
докт. филол. наук, доцент.

В 1823 г. в Париже вышла в свет «Антология русской поэзии», составленная французским поэтом Жан-Пьер-Эмилем Дюпре де Сен-Мором (1772–1854). Во время своего пребывания в России (с августа 1819 по июль 1824 гг.) не владевший русским языком Сен-Мор, опираясь на подготовленные для него подстрочники, осуществил перевод произведений семнадцати русских писателей XVIII и XIX вв.: И.И. Дмитриева, К.Н. Батюшкова, В.А. Жуковского, Н.И. Гнедича, Д.И. Хвостова, А.С. Пушкина, Г.Р. Державина, И.А. Крылова и др. [1, с. 114–116]. Выбор произведений был продиктован, с одной стороны, широкой известностью их авторов в России [1, с. 116], а с другой стороны, стремлением Сен-Мора продемонстрировать соотечественникам жанровое разнообразие русской поэзии, в связи с чем в антологию были включены фрагменты эпоса, трагедии, послания в стихах, сатиры, баллады, элегии, басни, идиллии, песни, эпиграммы и др. [2, Р. II].

Сен-Мор осознавал несовершенство своих переводов, отмечая превосходство русского языка над французским и невозможность передать «все изящество или всю энергию оригинала» [2, Р. III]. Тем не менее, он утверждал, что всегда оставался верен «духу текста» [2].

Размещенный в «Антологии русской поэзии» отрывок из «Руслана и Людмилы» стал первым переводом произведения Пушкина на французский язык [3, с. 220]. Стремясь познакомить французского читателя с творчеством молодого поэта, Сен-Мор возложил на себя большую ответственность и не справился с задачей в полной мере: данный перевод «оставляет мало удовлетворительное впечатление» [3, с. 224].

Для перевода был избран фрагмент из первой песни поэмы, в которой старец финн рассказывает Руслану о своей жизни. Переводя данную исповедь, Сен-Мор нивелирует ряд характерных черт поэмы Пушкина, заставляет текст перевода звучать более торжественно и возвышенно и тем самым искусственно вписывает переводимую им поэму в традицию француз-

ской одической поэзии первой трети XIX в., берущую свое начало еще от Пьера де Ронсара [4]. Наряду с этим, манера перевода Сен-Мора отличается стремление к украшению и исправлению текста оригинала как некоего «несовершенного материала», что было чрезвычайно характерно для течения «прекрасных неверных» (переводов-переделок), получивших наибольшее распространение именно во Франции в XVII–XVIII вв. [5].

Так, в ходе анализа перевода на французский язык отрывка из поэмы «Руслан и Людмила» нами было установлено, что текст перевода **стилистически неэквивалентен** тексту оригинала ввиду наличия большого количества **стилистических сдвигов** [6], в частности, **стилистического усиления и стилистической индивидуализации**.

Все случаи **стилистического усиления** можно классифицировать следующим образом.

1. Усиление на основе текста оригинала. «*He s'agit que de moi...*» – «*J'appelle en vain les bienfaits du repos...*» [Напрасно призываю я блага отдыха].

2. Усиление не на основе текста оригинала (переводчик добавляет строки и целые абзацы, подробнее описывает чувства или поступки героев, самостоятельно создает «подходящие» образы). «*Я к ней – и пламень роковой / За дерзкий взор мне был наградой*» – «*Je devois fuir... Mais, tremblant, agité, / J'approche. Hélas! Un sentiment funeste / Devint le prix de ma témérité...*» [Я должен был бежать... Но, дрожа и волнуясь / Я приближаюсь. Увы! Роковое чувство / Стало наградой за мою дерзость].

3. Усиление за счет введения дополнительных средств художественной выразительности, отсутствовавших в оригинале. «*Северные мечи*» в поэме Пушкина становятся «*le fer du Nord*» [«железо Севера»] у Сен-Мора (пример введения метонимии); обращения «*пастух*» и «*герой*» из аналогичных отрывков («*Пастух (герой), я не люблю тебя*»), в переводе Сен-Мора звучат с определенной оценкой Наины: «*pauvre berger*» [бедный пастух], «*brave héros*» [храбрый герой] (при-

меры введения эпитетов).

4. Усиление имеющегося в оригинале синтаксического средства выразительности (градации) за счет введения дополнительных однородных членов. «*И грозной воле их подвластны / И гроб, и самая любовь*» – «*Tout obéit à leur voix redoutable, / La mort, la vie, et la gloire et l'amour*» [Все подчиняется их грозному гласу: / Смерть, жизнь, и слава, и любовь].

Имеющиеся в переводе Сен-Мора примеры **стилистической индивидуализации** можно классифицировать следующим образом.

1. Полная замена образа из текста оригинала. «*В унынье сердце сохло, вяло*» – «*Rien ne calmoit ma passion fatale*» [Ничто не успокаивало мою роковую страсть]. В то время как в пушкинском тексте присутствует образ слабого, увядающего растения, в тексте Сен-Мора – образ яростного, всепоглощающего пламени страсти; в результате восприятие чувств персонажа русскоговорящим и франкоговорящим читателем кардинально отличается.

2. Изменение характера персонажей. В переводе Сен-Мора старец больше рассуждает и философствует, задает множество риторических вопросов, постоянно наставляет Руслана. Так как для Сен-Мора чрезвычайно важна выбранная им для перевода исповедь старца, он стремится максимально приблизить текст к канонам исповеди.

Все вышесказанное позволяет охарактеризовать манеру перевода Сен-Мора как **перевод-ассимиляцию**.

Перевод полностью **адекватен**, так как отвечает ожиданиям и запросам французского читателя первой трети XIX в.; перевод в целом **эквивалентен**, так как Сен-Мор не допускает серьезных отступлений от сюжета, и это не позволяет назвать данный перевод переделкой; однако перевод **не эквивалентен стилистически**. В тексте перевода исчезло авторское своеобразие, и в итоге французскому читателю было представлено не творение молодого Пушкина, а исправленная и дополненная версия «Руслана и Людмилы», выполненная самим Сен-Мором.

Литература

1. Заборов П.Р. «Русская самобытность» в литературном наследии Эмиля Дюпре де Сен-Мора // К истории идей на Западе: «Русская идея». – СПб.: Издательство Пушкинского Дома, Издательский дом «Петрополис», 2010.
2. Anthologie russe, suivie de poésies originales <...>. Par P.J. Emile Dupré de Saint-Maure <...> – Paris : Chez C.J. Trouvée, 1823.
3. Берков П.Н. Пушкин в переводе на западноевропейские языки // Вестник АН СССР. – М.: Изд-во АН СССР, 1937.
4. Виппер Ю.Б. Поэзия Ронсара // Творческие судьбы и история. – М.: Художественная литература, 1990. – С. 17.
5. Гарбовский Н.К. Теория перевода. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. – С. 126.
6. Попович А. Проблемы художественного перевода. – М.: Высш. шк., 1980. – С. 87.

ё

СТЕНДАП В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

Сердюк А.М.

Томский государственный университет, студент

STAND-UP COMEDY IN DIALOGUE OF CULTURES

Serdyuk A.M.

Tomsk State University, student

Статья посвящена осмыслению стендап-комедии в качестве инструмента межкультурной коммуникации и идейного обмена на современном этапе. Эффективность посредничества стендапа в пространстве диалога культур обуславливается жанровыми особенностями стендапа и природой комического.

Ключевые слова: стендап, стендап-комедия, межкультурная коммуникация, диалог культур.

The article considers stand-up comedy as a means of modern-day intercultural communication and exchange of ideas. The effectiveness of stand-up as an intercultural mediator is mainly connected with its genre specificity and the nature of comedy.

Key words: stand-up, stand-up comedy, intercultural communication, dialogue of cultures.

Научный руководитель:
Горенинцева Валентина
Николаевна, канд. филол. наук.

В последнее время во всех сферах деятельности общества актуализируется тенденция к формированию единого глобального пространства, в том числе и в сфере культуры. Оценка этого процесса неоднозначна. Глобализация воплощает стремление к объединению, объективно возникшее в социо- и этнокультурных сообществах с развитием новых информационных технологий. Однако в результате сопутствующих глобализации процессов унификации и вестернизации культуры они подвергаются риску утратить собственную идентичность. Реакцией на эту опасность становится культурная (само)изоляция. Таким образом, процесс культурной глобализации внутренне противоречив. Указывая на это противоречие, А.А. Гревцева предлагает [1] различать этот процесс и процесс становления общечеловеческой, антропокосмической культуры, в рамках которой на добровольных началах будут объединены материальные и духовные ценности всех народов мира без ущерба их самоидентификации. Достижение такого единения способен приблизить культурный трансфер, под которым понимается *взаимообмен* духовными ценностями [2]. Контактующие культуры при этом нуждаются в трансляторе, в роли которого всегда выступало искусство, вербальное и невербальное. В настоящее время чаще всего таким транслятором становятся аудиовизуальные формы творчества, к числу которых относятся и стендап.

Изначально бывший прямым наследником традиционных комических вставок между номерами в вэриете и мюзик-холлах, сегодня стендап — это кросс-жанровое интермедийное явление, которое существует в русле тенденций развития современного культурного и литературного процесса, таких как индивидуализация и конструирование персонального мифа, тотальное неверие, стремление «искать, но не находить» [3], переход границ и особый интерес к *pop-fiction*, документальной и псевдодокументальной литературе [4].

В центре стендап-монолога всегда лежит личная история или персональный опыт отдельного человека, облеченный в комическую форму. В силу жанро-

вых особенностей стендапа количество средств и способов самовыражения в распоряжении комика ограничивается только его фантазией, вкусом и навыками. Таким образом, в пространстве стендап-комедии формируется здоровый плюрализм идей, мнений и способов их выражения, позволяющий говорить о возможности преодоления унификации культурной среды. При этом существует в жанре и типическое: общие для абсолютного большинства комиков риторические средства и структуры, общие темы, общие места, берущие начало в категориях, установках и оппозициях, свойственных человеческому восприятию (свое — чужое, старое — новое и т.д.), а также обращаясь к значимым культурным, социальным и политическим явлениям.

В результате творческого усвоения жанра эти типические элементы в новой культуре обретают новое наполнение, но при этом остаются узнаваемы. При столкновении с инокультурным стендапом зритель, знакомый с жанром, получает, по сути, чужое через призму своего. Таким образом снижается вероятность того, что новизна материала спровоцирует страх или неприятие. Чужое быстро становится знакомым, а в перспективе — своим.

Сегодня жанр активно развивается во многих странах Европы, Азии и Африки и создается в них как на национальных языках, так и на английском — «родном» языке стендапа и основном языке межкультурной коммуникации. Комики могут осознанно стремиться выйти на международный уровень, прибегая к автопереводу или изначально создавая монологи на иностранном языке; или, как в случае с бывшими британскими колониями, создавать свои тексты на английском в силу его равноправия с национальным языком. В обоих случаях англоязычный текст будет отражать национально-специфическое переосмысление жанра, реалии исходной культуры и ее национальный колорит. Так, казалось бы, абсолютно западная в своей основе стендап-комедия вместо насаждения усредненных западных ценностей и социокультурных феноменов, напротив, препятствует процессам вестернизации.

Следует помнить также, что стендап — жанр комический и потому существует по общим для комического схемам и выполняет соответствующие функции. К наиболее значимым в аспекте межкультурной коммуникации можно отнести функцию выхода на уровень метаотношения. Концепция комического как метаотношения разработана российским антропологом А.Г. Козинцевым в рамках дисциплины, названной им «антропологией смеха», и представляет собой критику традиционной парадигмы субъектно-объектных отношений в изучении природы комического. Три основные группы теорий комического — теории превосходства, несоответствия и высвобождения — Козинцев отвергает как недостаточно исчерпывающие, а семантической теории Раскина–Аттардо на прямую противостоит. Он предлагает перестать выделять объект и субъект насмешки, т.к. у юмора, по его мнению, вообще нет объекта во внешнем мире, и рассматривать юмор как «игровое самоотрицание»: объектом юмора выступают мысли, чувства и слова самого субъекта, а сам юмор — «нейтрализующее метаотношение субъекта к собственной серьезности» [5]. Выход на метауровень, на наш взгляд, значительно упрощает кросс-культурное взаимодействие, т.к. позволяет освободиться от страха, неизбежно сопутствующего столкновению с новым. Немаловажным здесь также оказывается то, что происходит это не через категорию «осмеяния» чужого, а через допущение несерьезности своего к нему отношения. Кроме того, это допущение происходит неосознанно, а значит, не требует дополнительных когнитивных затрат и рефлексии в моменте. Таким образом, тенденция культурной изоляции может быть преодолена смехом, разрушающим ее основы.

В стендапе эта функция получает развитие и в принадлежности его к числу развлекательных жанров. Зритель приходит на стендап или включает его запись, изначально имея целью отвлечься, расслабиться. Он не настроен на защиту «своего» и критику «чужого», которое, исходя из указанных выше особенностей жанра, как чужое может уже и не восприниматься.

Подводя итог, можно утверждать, что жанрово-стилистические особенности стендапа обеспечивают эффективность его посредничества в кросс-культурном идейном и ценностном взаимодействии и позволяют постулировать его высокий позитивно объединяющий потенциал.

Литература

1. Гревцева А.А. Культурная глобализация: проблемы и парадигмы [Электронный ресурс] // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. — 2008. — С. 145–149. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/kulturnaya-globalizatsiya-problemy-i-paradigmy>.
2. Лобачева Д.В. Культурный трансфер: определение, структура, роль в системе литературных взаимодействий [Электронный ресурс] // Вестн. Томск. гос. пед. ун-та. — 2010. — С. 23–27. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/kulturnyy-transfer-opredelenie-struktura-rol-v-sistemeliteraturnyh-vzaimodeystviy>.
3. Татаринцов А.В. Наше время как литературная эпоха // Современная зарубежная проза : учебное пособие. — М. : Флинта, 2015. — С. 555–570.
4. Черняк М.А. Интервью для портала «Newtonew» [Электронный ресурс]. — URL: <https://newtonew.com/culture/revolyuciya-chteniya-cto-takoe-sovremennaya-literatura>.
5. Козинцев А.Г. Человек и смех. — СПб. : Алетей, 2007. — С. 229.

НЕМЕЦКАЯ ПОЭЗИЯ В «СИБИРСКОЙ ЖИЗНИ»: ШТЕФАН ГЕОРГЕ В ПЕРЕВОДЕ ИОСИФА ИВАНОВА

Серягина Ю.С.

Томский государственный университет, ассистент

GERMAN POETRY IN THE NEWSPAPER "SIBIRSKAYA ZHIZN": STEFAN GEORGE IN IOSIF IVANOV'S TRANSLATION

Seryagina Yu.S.

Tomsk State University, teaching assistant

В статье анализируется переведенное Иосифом Ивановым стихотворение немецкого символиста Штефана Георга (Stefan George; 1868–1933), опубликованное в томской газете «Сибирская жизнь» в 1912 году.

Ключевые слова: Штефан Георг, сибирская периодика, «Сибирская жизнь», перевод, Иосиф Иванов.

The article provides the analysis of the poem, written by German symbolist Stefan George, translated by Joseph Ivanov (Stefan George; 1868–1933), and published in the Tomsk newspaper "Sibirskaya Zhizn" in 1912.

Key words: Stefan George, Siberian periodicals, "Sibirskaya Zhizn", translation, Iosif Ivanov.

Научный руководитель:
Никонова Наталья Егоровна,
докт. филол. наук, доцент.

Штефан Георг (Stefan George; 1868–1933) – один из крупнейших немецких поэтов, яркий представитель немецкого символизма. Знакомство русских поэтов с творчеством немецкого поэта произошло через посредничество И. фон Гюнтера (J.F. von Guenther; 1886–1973), литератора и переводчика поэзии русских символистов.

Впервые на русский язык Георг переводится поэтом В. Ивановым. В своей интерпретации стихотворения «Владыка острова» («Der Herr der Insel») русскому поэту и переводчику удалось очень точно передать не только содержательную сторону текста, но и его стилистические особенности. Общаясь с самим Ивановым, Гюнтер заметил сходство творческого стиля последнего с художественной манерой Георга (возвышенный, тяготеющий к архаизации слог, жреческое, эзотерическое начало).

Вклад в создание «русского Георга» также внесли поэты символистской периферии – В. Эльснер, Г. Забежинский, А. Биск; стилистически их переводы несут на себе сильный отпечаток эпохи (например, злоупотребление «декадентскими» клишированными эпитетами) и не отражают в полной мере облик оригинала. Гораздо удачнее переводы, выполненные в годы эмиграции известным шахматистом С. Тартаковичем. Переводчик осознанно ставит перед собой (и во многих случаях выполняет) сложнейшую задачу – передать звуковую и формальный облик текстов Георга.

В. Брюсову в своих переводах удалось как бы заново создать поэзию Георга на русском языке; благодаря переводческому буквализму Брюсова образная система текстов оригинала сохранена практически без потерь. Переводы Георга, выполненные русскими символистами, являются важным этапом рецепции творчества немецкого поэта, прежде всего потому, что наиболее близки к времени создания Георга своих стихотворных циклов и отражают черты литературной эпохи, к которой принадлежал и сам Георг.

На творчество Ш. Георга обращает внимание сибирский поэт и переводчик, критик, беллетрист, со-

трудник «Сибирской жизни» Иосиф Алексеевич Иванов (родился в 1872 г. в г. Ковно). О жизни и творческом пути поэта можно найти крайне мало информации, его глубокая поэзия не встретила отклика от современников-сибиряков. В письме к своей будущей супруге М.Г. Васильевой, барнаульской поэтессе, Г.Н. Потанин неслестно отзывался о поэзии Иванова, называя ее «кабалистической» и утверждая, что «это не стихотворения, а стихоплетения» [1]. В период 1912–1913 гг. в «Сибирской жизни» печатаются, по меньшей мере, 12 его обзоров театральных постановок по произведениям различных зарубежных авторов [2], 3 библиографических заметки [3], 5 переводов с немецкого (Н. Ленау [4], Новалис [5], Ш. Георг [6]), 2 перевода с французского из Анри де Ренья [7] и Бодлера [8] и с итальянского из Ады Негри [9]. В 1912 г. в ежедневной томской газете «Сибирская жизнь» выходит стихотворение «Возвращение» (*Rückkehr*) из сборника *Das Jahr der Seele*, 1897. Данный сборник является одним из самых популярных и удачных у Георга, он содержит в себе лирику о природе, созданную под влиянием новой веяний модернизма. В стихотворении «Возвращение» описан морской пейзаж на пути лирического героя к дому (см. табл.).

Эксперименты Георга с модернизмом приводят к интересным находкам: он играет с пунктуацией, метрикой, формой произведения [11]. В рассматриваемом произведении, приведенной здесь по рукописи поэта, всего два знака препинания – двоеточие и тире. В интерпретации И. Иванова появляются многоточия, запятые, точки и даже восклицательные знаки, что существенно меняет формальный облик и эмоциональность стихотворения. Восклицания («Но не мертвая моя любовь!», «Животворят приветом, верой тебя неяды, звезды, мир!») придают произведению романтический пафос. Таким же эффектом обладают и выразительные метафоры Иванова: «очерчен кровью волн», «живая кровь», «дрожа во сне». Для оригинала характерна более нейтральная лексика. Сибиряк также заменяет некоторые образы: «ветра» становятся «липой», «наша» любовь становится «моей», «радость»

Таблица

S. George "Rückkehr"

Ich fahre heim auf reichem Kahne
Das Ziel erwacht im Abendrot
Vom Maste weht die weiße Fahne
Wir ьbereiten manches Boot

Die alten Ufer und Gebäude
Die alten Glocken neu mir sind
Mit der Verheissung neuer Freude
Bereden mich die Winde lind

Da taucht aus grьnen Wogenkämmen
Ein Wort – ein rosenes Gesicht :
Du wohntest lang bei fremden Stämmen
Doch unstre Liebe starb dir nicht.

Du fuhrest aus im Morgengrauen
Und als ob einen tag nur fern
Begrüssen dich die Wellenfrauen
Die Ufer und der erste Stern. [10]

Подстрочный перевод

Я возвращаюсь домой на богатой лодке –
Цель пробуждается в вечерней заре –
С мачты реет белый флаг –
Мы обгоняем большинство лодок.

Старый берег и здания,
Старые часы новы для меня –
С предвещанием новой радости
Нежно говорят со мной ветра.

Выныривает из зеленых гребней волн
Одно слово – одно розоватое лицо :
Ты долго жил среди чужих голосов –
Но наша любовь в тебе не умерла!

Ты выезжаешь из утренней серости
Как будто день только отделился.
Приветствуют тебя русалки
И берег, и первая звезда*.

**И. Иванов
Возращение
(из книги Стефана Георгэ)**

Плыву назад с ладью пышной,
Предел **очерчен кровью волн...**
Штандартов белых зов чуть слышный, –
Мы обогнали чей-то челн...

И старый берег, и строенья,
Колокола, – все ново мне
И обещанье утешенья
Шлет липа мне, **дрожа во сне.**

Родная речь в зеленых гривах,
Лицо... в лице **живая кровь...**
– Ты долго был на чуждых нивах,
Но не мертва моя любовь!

Ты плыл с предупренности серой
На еждневный рдяный пир, –
Животворят приветом, верой
Тебя наяды, звезды, мир! [11]

Примечание: * – перевод мой. – Ю.С.

заменяется «утешением». Одна из особенностей стихотворений Георге — отсутствие заглавных букв у немецких существительных — также не может быть передана в русском переводе. Следует, однако, отметить, что рифма и ритм немецкого стихотворения сохранены в сибирском переводе.

Таким образом, творчество немецкого поэта выступает для сибирского переводчика материалом для реализации собственного художественного стиля, характерной чертой которого является стремление к романтизации образов и любовь к природной лирике (что можно проследить и в его переводах из Н. Ленау [12] и Новалиса [13]). Поводом для выбора именно этого стихотворения из богатого поэтического наследия Георге мог послужить мотив возвращения домой, близкий сибирякам в силу ссыльного исторического контекста, к тому же романтические мотивы моря и природных явлений были интересны Иосифу Иванову. Модернистские стремления Георге сибирский автор в своем переводе избегает.

Переводческие стратегии И. Иванова соответствуют общим тенденциям в сибирских переводах немецкой поэзии: усиление чувственности и образности, интенции к романтизации и намеренный уход от модернизма, выбор специфических тем, близких региональному восприятию.

Исследование выполнено при поддержке Совета по грантам Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых. Проект МД 852.2019.6 «История русской переводной литературы рубежа XIX–XX вв.: на материале периодики регионов Российской Империи».

Литература

1. Азадовский М.К. Литература сибирская (дореволюционный период) // Сибирская советская энциклопедия. — Новосибирск, 1932. — Т. 3. — Стб. 189.
2. Сибирская жизнь. — 1911. — № 236. — С. 4; Сибирская жизнь. — 1912. — № 103, 110, 112, 123, 136, 142, 163, 164, 171, 178, 183.
3. Сибирская жизнь. — 1911. — № 282. — С. 4.; Сибирская жизнь. — 1912. — № 66, 86.
4. Сибирская жизнь. — 1912. — № 12, 43.
5. Сибирская жизнь. — 1912. — № 54. — С. 3.
6. Сибирская жизнь. — 1912. — № 69. — С. 2.
7. Из Анри де Ренья // Сибирская жизнь. — 1912. — № 15. — С. 3.
8. Сибирская жизнь. — 1912. — № 225. — С. 3
9. Маленький фельетон // Сибирская жизнь. — 1909. — № 137. — С. 3.
10. Württembergische Landesbibliothek Stuttgart [Электронный ресурс] // Das Jahr der Seele – Handschrift – Ich fahre heim auf reichem kahne (Rückkehr). — URL: http://digital.wlb-stuttgart.de/en/collections/sammlungsliste/werksansicht/?no_cache=1&tx_dlf%5Bid%5D=9508&tx_dlf%5Bpage%5D=3&tx_dlf%5Bdouble%5D=0&cHash=124f4bcce240dd2fb97ddfee6e9d339d (дата обращения: 15.04.2018).
11. Из Георгэ // Сибирская жизнь. — 1912. — № 69. — С. 2.
12. Никонова Н.Е., Серягина Ю.С. Поэзия Н. Ленау на страницах томской периодики начала XX в.: резонансы переводческого восприятия // Ученые записки Орловского гос. ун-та. — 2015. — № 6. — С. 196–200.
13. Серягина Ю.С. Творческое восприятие поэзии Новалиса на страницах дореволюционной периодики Сибири. // Диалог культур: поэтика локального текста : материалы V Международной научной конференции. Горно-Алтайск, 26–29 сентября 2016 г. / под ред. П.В. Алексеева : в 2 т. — Горно-Алтайск : ГАГУ, 2016. — Т. 1. — С. 120–129.

«ГЛАЗА» С. ПРЮДОМА В ПЕРЕВОДЕ Г.А. ВЯТКИНА

Синицина М.С.

Томский государственный университет, студент

SULLY PRUDHOMME'S "LES YEUX" IN THE TRANSLATION OF G.A. VYATKIN

Sinitsina M.S.

Tomsk State University, student.

Данная статья рассматривает переводы французского поэта Сюлли Прюдома, выполненные сибирским областником Г.А. Вяткиным и опубликованные на страницах сибирской периодики. Рассматриваются особенности творческой манеры переводчика, их реализация в переводе, а также трансформации, которые претерпевает оригинальный текст при переводе сибирским поэтом.

Ключевые слова: Г.А. Вяткин, французская литература, художественный перевод, сибирская периодика, регионализм, областничество, имагология, перевод.

This article deals with translation from the French poet Sully Prudhomme, made by the Siberian local poet G.A. Vyatkin and published in the Siberian periodical press. The specific features of the translator's artistic manner and the transformation of the texts in the translation by the Siberian poet are examined.

Key Words: G. Vyatkin, French literature, literary translation, Siberian periodicals, regionalism, oblastnichestvo, imagology, translation.

Научный руководитель:
Никонова Наталья Егоровна,
докт. филол. наук, доцент.

Георгий Вяткин (1885–1938) – один из представителей сибирского областничества в литературе, поэт, писатель, критик, рецензент. Его произведения издавались в том числе в сибирских периодических изданиях, таких как «Сибирский вестник», «Сибирская жизнь», «Сибирские отголоски» и т.д. Сочинения автора были изданы в виде пятитомного собрания сочинений, состоящего из стихотворений, поэм, прозы, рассказов, публицистики и критики, писем и переводов, лишь в 2012 г. Однако пятитомник включил в себя не все публикации автора, находящиеся на страницах местных дореволюционных газет.

Практически вся жизнь Г.А. Вяткина была связана с Сибирью. Родившись в Омске, он много лет прожил в Томске, где работал вплоть до 1914 г. Здесь к нему пришло и литературное признание, и всероссийская известность [1].

Говоря о переводческом репертуаре Вяткина, стоит отметить, что большую его часть составляют переводы из немецких поэтов; также присутствуют переводы с итальянского, норвежского, английского и других языков.

В данной статье нас интересуют прежде всего переводы из Сюлли Прюдома. Сюлли Прюдом (Рене Франсуа Арман Прюдом) – французский поэт и эссеист, выступал против романтической школы, был членом группы «Парнас» – движения французских поэтов второй половины XIX в., объединившихся вокруг Теофиля Готье и противопоставивших своё творчество поэтике устаревшего, с их точки зрения, романтизма. Активной вовлеченности поэта в катаклизмы его времени романтиков они противопоставляли объективное искусство ради искусства.

Сюлли Прюдом характеризует символ и как форму сознания (способ мироощущения, видения), и как форму проявления этого сознания на уровне речи, как концепцию. В картине мира Сюлли Прюдома время и пространство, с одной стороны, бесконечны (пространство – космос; пространство-время) а с другой

стороны, ограничены, локализованы в бытийной реальности [2].

С. Прюдома объединяет с поэтами «Парнаса» одинаковое неприятие рассудочности и лирической беспорядочности, виртуозная техника стиха и строгая законченность формы, но вместе с тем, «исключительно эстетическому восприятию действительности и выражению ее во внешних пластических образах они противопоставляют моральное и логическое осознание ее. Его поэзии не чужды социальные мотивы, которые совершенно несвойственны парнасцам» [3].

В сибирской периодике опубликовано в переводе Вяткина стихотворение Прюдома «Глаза» («Les yeux»), входящее в сборник «Стансы и Поэмы», опубликованный в 1865–1866 г. Произведение представляет собой пятистишие, зарисовывающее картины бытия «по ту сторону гробницы», увиденные глазами умерших, которые, даже после смерти, продолжают видеть красоту. Глаза становятся ключевым образом, который имеет определенную локацию в пространстве («на дне гробниц»), цветовую характеристику («синие, черные»), реализуется через определенные метафизические категории, *через* физические объекты, пластичные образы (гробницы, закаты).

Вяткин усиливает трагичность пафоса посредством добавления повторов, эпитетов, изменения тональности: «*Спят, беспробудно спят в безвременных могилах*», «*мир цветет, как встарь, нетленной красотой*». Такие категории, как вечность и безвременье, выражаются в его интерпретации за счет эпитетов и акцентируются (например, см. табл. 1).

Вяткин вводит мотив ностальгической скорби, не характерный для Прюдома, подчеркивающего, что «глаза открыты»; в русском переводе читаем: «Легко поверя в смерть, / *мы* закрывали их, безмолвие храня», «те сотни тысяч глаз, / что раньше *нас* вели».

Таким образом, не изменяя основной мысли оригинала, констатирующего торжество жизни над смертью, бесконечность бытия и способность видеть и

Таблица 1.

«Les yeux»	С. Приюдом «Глаза» (подстрочник)	Г. Вяткин «Глаза»
Bleus ou noirs, tous aimés, tous beaux,	Голубые или черные, все любимые, все красивые,	<i>Легко поверя</i> в смерть, как тягостно и сиро,
Ouverts à quelque immense aurore, De l'autre côté des tombeaux	<i>Открыты</i> для огромного рассвета, На <i>другой стороне гробницы</i>	<i>Мы закрывали</i> их, безмолвие храня, <i>Но там горит</i> для них заря <i>иногo</i> <i>мира,</i> <i>Неизреченный свет немеркнувшего</i> дня [5].
Les yeux qu'on ferme voient encore [4].	Закрытые глаза <u>все еще видят.</u>	

ощущать и по «ту сторону гробницы» за счет парадоксального пластического образа глаз умерших, Вяткин вводит сентиментально-элегическую интонацию, усиливает лирическое звучание произведения за счет реализации поэтики контраста, сопоставления страданий живых и отдаленности мертвых.

Исследование выполнено при поддержке Совета по грантам Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых. Проект МД 852.2019.6 «История русской переводной литературы рубежа XIX–XX вв.: на материале периодики регионов Российской Империи».

Литература

1. Яковенко А.В. Г.А. Вяткин как рецензент сибирских изданий начала XX века и исследователь культуры чтения в Сибири // Вестник Омского ун-та. – 2007. – № 2(44). – С. 86–89.
2. Сашина Е.В. Концепция символа у Теофиля Готье и поэтов парнасской школы // Вестник Псковского гос. пед. ун-та. Серия: Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. – 2011. – № 15. – С. 50–57.
3. Литературная энциклопедия : в 11 т. – М. : Худож. лит., 1939. – Т. 11. – Стб. 153–155.
4. Oeuvres de Sully Prudhomme. Poésies. Stances & Poèmes, 1865-1866.
5. Вяткин Г.А. Собрание сочинений : в 5 т. – Омск, 2012. – Т. 5 (доп.): Поэзия. Проза. Пьесы. Публицистика и критика. Письма. Статьи о творчестве Г.А. Вяткина. – С. 56.

РЕЦЕПЦИЯ МАРКА ТВЕНА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ПЕРИОДИКЕ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Станиславчик А.О.

Томский государственный университет, аспирант

THE RECEPTION OF MARK TWAIN IN PRE-REVOLUTIONARY PERIODICALS OF REGIONS OF RUSSIAN EMPIRE

Stanislavchik A.O.

Tomsk State University, post-graduate student

В статье рассматриваются особенности рецепции Марка Твена в дореволюционной периодике Юго-Западного и Сибирского регионов Российской империи. Фигура и творчество американского писателя представляли для современников особый интерес, который проявлялся как в положительных отзывах и большом количестве публикаций переводов, так и в резкой критике и негативных высказываниях. Рецепция Марка Твена в регионах обладает специфическими чертами, выявление которых позволяет расширить представление о рецепции американского писателя в России в целом.

Ключевые слова: Марк Твен, рецепция, дореволюционная периодика, региональная периодика.

The article is dedicated to a reception of Mark Twain in pre-revolutionary periodicals of Southwestern and Siberian regions of Russian Empire. The person and the creation of American writer was of special interest to contemporaries, which was represented both as positive reviews, large amount of publications of translations and as negative critics. The reception of Mark Twain in regions has specific features, the research of which let expand the representation of American writer in Russia in general.

Key words: Mark Twain, reception, pre-revolutionary periodicals, region periodicals.

*Научный руководитель:
Никонова Наталья Егоровна,
докт. филол. наук, доцент.*

Интерес к противоречивой фигуре Марка Твена не иссякает до сегодняшнего дня преимущественно потому, что исследователи продолжают находить неизученные аспекты его творчества и биографии. Критика и воспоминания современников несут в себе парадоксальность, включающую и высокую оценку текстов, и резкий сарказм по отношению к нему как к персоне. Марк Твен прожил достаточно долгую жизнь (74 года), в течение которой менялись его настроения и убеждения, другой становилась и внешняя сторона жизни: политическая, социальная ситуации, влияние на жизнь людей оказывал научно-технический прогресс. В связи с этим изучение художественного наследия писателя осложняется, помимо всего прочего, необходимостью обращения к периодическим изданиям, в том числе и региональным, достигшим на рубеже XIX–XX вв. небывалого до того времени масштаба. Знакомство с современной периодикой помогает воссоздать более достоверную картину рецепции Марка Твена на разных этапах в России в целом, однако в одной научной статье не представляется возможным обратиться ко всему корпусу текстов, касающихся личности и творчества писателя. Внимание автора будет направлено на печатные издания Юго-Западного и Сибирского регионов дореволюционного периода: объектом данного исследования станут газеты «Одесские новости», «Киевлянин» для первого и «Сибирская жизнь», «Сибирский вестник» для второго соответственно.

Интересно, что именно в одном из региональных изданий – в «Одесском вестнике» – состоялось первое упоминание и первое знакомство России с Марком Твеном: в августе 1867 г. в газете был опубликован русский перевод адреса, с которым небольшая делегация из Америки (в числе которой был и будущий

писатель Марк Твен – Самюэль Клеменс), прибывшая на пароходе «Квакер-Сити», обратилась к Императору Александру II. Марк Твен – автор этого обращения, посетив Одессу, составил для себя представление о ней как о прогрессивном, современном городе, напоминающим ему Америку: «По виду Одесса точь-в-точь американский город: красивые широкие улицы, да к тому же прямые; невысокие дома (в два-три этажа) – просторные, опрятные, без всяких причудливых украшений; вдоль тротуаров наша белая акация; деловая суета на улицах и в лавках», а об Александре II – как о русском варианте президента Америки Линкольна [1].

Для России в этот период Марк Твен еще не представлял особого интереса, вплоть до 1872 г., когда в московской газете «Биржевые ведомости» (1872 г., 4 сентября, № 249) были напечатаны сокращенные переводы рассказов «Лягушка-скакуня из графства Калаверас», «Женщина с душой» и отрывки из книги «Налегке» авторства (установленного исследователями) А.Н. Энгельгардт [2]. Журналистка «уловила важные черты твеновского творчества – тесную связь с окружающей действительностью и ярко выраженный национальный характер», ее заинтересовали демократическая направленность его произведений, внимание к гражданским свободам [3]. В подобном ракурсе еще долгое время выходили новые переводы и критические статьи, позже появились и негативные отзывы о творчестве Твена – преимущественно со стороны консервативно настроенной прессы. Однако общественность привлекал не сколько сам автор, сколько получаемая с его помощью информация об Америке – вызывающей огромный интерес стране, ставшей для многих воплощенным идеалом (или анти-идеалом) демократических свобод.

После убийства Александра II и последовавшей за этим событием реакцией направленность статей и выбранных переводов оставшихся действующих изданий резко изменилась. Проявились антиамериканские настроения — чем дальше, тем с большей силой они выражались в высказываниях политиков, общественных деятелей и публицистов. В российской периодике Марк Твен стал олицетворением наивной «американской мечты», писателем-оптимистом, мастерски создающим юмористические бытовые рассказы, в то время как его остросоциальные произведения остались за рамками печати 1880–1900-х гг. Часто сама личность писателя подвергалась саркастическим нападкам и негативным отзывам, истории, связанные с его деятельностью, искажались, обрастали слухами. Все это занимало немалую долю всей публикуемой информации, в связи с чем не могло пройти мимо редакторов региональных изданий, внимательно отслеживающих настроения центральных газет. Тем не менее, рецепция Марка Твена в регионах обладала своими специфическими чертами.

В 1885 г. редактор А.И. Черепенников заявил о нововведениях в газете «Одесские новости», в числе которых анонсировал появление переводной художественной литературы. Уже в июльском номере вышел перевод рассказа Марка Твена «The Story Of The Bad Little Boy» 1875 г. — «Подлинная история неблагонравного мальчика», подписанная «П.В.», однако с тех пор на протяжении десятилетия газета больше не обращалась к произведениям писателя [4]. Лишь с середины 1890-х гг. переводы появились снова: в 1894 г. вышли маленький фельетон «Как зло пошутили надо мной» и новелла 1893 г. «The Esquimau Maiden's Romance» (переведенная И. Шкловским как «Крючок»), в 1895 г. в газете появилась заметка «Новейший роман Марка Твена» [5].

Обращение публициста И. Шкловского к рассказу Твена «The Esquimau Maiden's Romance» обусловлено направленностью его деятельности в 1890-е гг.: будучи сосланным за участие в народническом движении в г. Средне-Колымск Якутской области, он занимался изучением быта малых народов и созданием ряда беллетристико-этнографических очерков на основе своих наблюдений. Произведение, в центре которого стоит сопоставление цивилизованного и «дикого» мира, не могло пройти мимо внимания исследователя. Сравнение нравов и жизненных укладов двух разных цивилизаций происходит не в пользу отсталой народности, для которой наивысшую ценность представляют металлические рыболовные крючки (иронично и надменно описывается эскимосская девушка, ее речь и уклад жизни эскимосов).

После этого следует почти десятилетняя пауза. В 1905 г. был опубликован «Running for Governor» (1870 г.), переведенный как «Кандидат независимых» (подпись переводчика — «И.») [6]. Этим небольшим количеством публикаций, касающихся фигуры и творчества М. Твена, газета «Одесские новости» ограничилась. Интересно, что в то время как выбранные рассказы («Подлинная история неблагонравного мальчика», «Крючок», «Кандидат независимых») на уровне проблематики отражают актуальные социальные и психологические вопросы современного общества, короткие формы и критическая заметка 1897 г. «Десять минут у Марка Твена» (подпись «П.») создают более чем карикатурный, гротескный образ писателя-

юмориста — что соответствует характерному настрою к М. Твену российской периодики этого периода в целом.

В газете «Киевлянин» выбор произведений для художественных переводов основывается на других критериях. Будучи консервативно-монархическим, издание в соответствии со своей ориентацией делает перевод «The Esquimau Maiden's Romance» (вышел в 1902 г.), в котором в образах эскимосской девушки и рассказчика-американца теперь воплощены Россия и США [7]. Наивность, простота и искренность народа эскимосов противопоставлены лицемерию, прихотливости и лживости американских цивилизованных граждан. В рассказах «Сыщики», опубликованном в 1903 г. («A Double-Barrelled Detective Story», 1902 г.), и «Пари двух миллиардеров», вышедшем в 1906 г. («The £1,000,000 Bank-Note», 1893 г.), характеристика американцев дополняется еще и такими качествами, как ловкачество (и мошенников, и сыщиков), обладание животными качествами (нюх Арчи Стилмена) и ограниченность [8]. Не давая критической оценки рассказам и личности Марка Твена, газета «Киевлянин» выступает в ключе общих антиамериканских настроений, однако делает это косвенно, не пуская в ход искажение биографических фактов, анекдоты о писателе и негативные отзывы о его произведениях.

Особенным отношением к Америке было в Сибирском регионе. Схожесть путей развития — освоение обширных территорий, присутствие малых народностей, возможность основания современной цивилизации на Новой земле стала ключевой темой для многих деятелей и журналистов. Благодаря такому сопоставлению антиамериканский дискурс практически никак себя не проявил ни в критике, ни в переводах. Главным печатным изданием, развивающим идею аналогии, стала газета «Сибирский вестник». Переводам американских писателей уделялось редкое внимание и чуткость. Так, в специально для газеты переводе «The Esquimau Maiden's Romance» 1895 г. А. Михайлович «с большой тщательностью воспроизводит особенности идиостиля, воссоздавая экзотический колорит произведения» [9]. Детально переведены описания пейзажей и быта, речь эскимосского народа, что создает у читателя устойчивую ассоциацию с сибирской землей и ее населением. В том же ключе выполнен перевод рассказа «Журналистика в Теннесси», вышедшем в 1906 г. (переводчик неизвестен): здесь максимально точно переданы американская экзотика, оптимизм и живость представителей американцев [10].

Газета «Сибирская жизнь», являясь преимущественно либеральным изданием без областнической ориентации, не делала яркого акцента на сопоставлении Америки и Сибири, однако произведения американских писателей выходили на регулярной основе. Из М. Твена были выполнены переводы шести рассказов «Running for Governor» («Удовольствие быть кандидатом», 1898 г.), «How I Edited an Agricultural Paper» («Как я редактировал земледельческую газету», 1900 г.), «Mrs. McWilliams and the Lightning» («Молния», 1907 г.) и др. [11]. Кроме этого, была опубликована заметка «Афоризмы Марка Твена» в 1905 г. Выбранные для переводов тексты отражают социальную проблематику: в рассказе «Удовольствие быть кандидатом» иронично изображается борьба за власть, в которой ради победы политики опускаются до самых

грязных приемов, в «Истории одной рукописи» юмористически обыграна ограниченность критиков и редакторов печатных изданий. В связи с этим переводчики не только не стремились к передаче американского «духа» — напротив, опускали неинформативные подробности американской действительности, заодно извлекая из рассказов моменты, которые могли бы быть истолкованы как негативная критика Российской империи и монархического режима в целом. Редакция достигала одновременно две цели: следование заявленным просветительским целям (таким, как знакомство томских жителей с иноязычной литературой, повышение уровня их образованности) и обличение современных пороков общества.

Таким образом, рецепция Марка Твена в дореволюционной периодике регионов Российской империи не всегда происходила в общероссийском ключе. Хотя в Юго-Западном регионе поддерживались антиамериканские настроения, форма их выражения могла быть более консервативной (как в газете «Киевлянин»). Что касается Сибирского региона, то политические взгляды общественных деятелей, их ориентация на свой «особенный» путь развития, свою постулируемую обособленность от центра позволила и вовсе сформировать особенный тип рецепции не только Марка Твена («Сибирская жизнь»), но и Америки в целом («Сибирский вестник»).

Литература

1. Твен М. Простак за границей, или Путь новых паломников [Электронный ресурс]. — М. : Альпина нон-фикшн, 2012. — URL: https://www.litmir.me/br/?b=93333&p=73#section_39 (дата обращения: 11.04.2019).
2. Биржевые ведомости. — 1872. — № 249.
3. Стеценко Е.А. Марк Твен в русской дореволюционной периодической печати. Часть вторая // *Studia Litterarum*. — М., 2017. — № 3. — С. 134.
4. Твен М. Подлинная история неблагонравного мальчика. Рассказ Марка Твена : фельетон // *Одесские новости*. — 1885. — № 175. — С. 2.
5. Твен М. Как зло пошутили надо мною Марка Твена : маленький фельетон // *Одесские новости*. — 1894. — № 2960. — С. 3; Твен М. Крючок. Рассказ Марка Твена : фельетон // *Одесские новости*. — 1894. — № 3006. — С. 2–3; Твен М. Новейший роман Марка Твена : всякая всячина (курьезы и раритеты) // *Одесские новости*. — 1895. — № 3388. — С. 3.
6. Твен М. Кандидат «независимых» Марка Твена // *Одесские новости*. — 1905. — № 6894. — С. 4.
7. Твен М. Роман эскимосской девушки // *Киевлянин*. — 1902. — № 82, 85, 86.
8. Твен М. Сыщики // *Киевлянин*. — 1903. — № 256–266; Твен М. Пари двух миллиардеров // *Киевлянин*. — 1906. — № 13, 14, 17.
9. Горенинцева В.Н. Рецепция английской и американской литературы в томской периодике конца XIX — начала XX вв. : дис. ... канд. филол. наук. — Томск, 2009. — С. 178; Твен М. Роман эскимосской девушки // *Сибирский вестник*. — 1895. — № 77, 78, 80, 82.
10. Твен М. Журналистика в Теннесси // *Сибирский вестник*. — 1896. — № 200.
11. Твен М. Удовольствие быть кандидатом // *Сибирская жизнь*. — 1898. — № 261. — С. 2; Твен М. Как я редактировал сельскохозяйственную газету // *Сибирская жизнь*. — 1900. — № 193. — С. 2; Твен М. Молния // *Сибирская жизнь*. — 1907. — № 8. — С. 2.

**«GALLERIE ZU SHAKSPEARE'S VON MORITZ RETZSCH»
(«ГРАВЮРЫ К ШЕКПИРУ МОРИТЦА РЕТЧА») – ИНТЕРМЕДИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ
(ИЗ ЛИЧНОЙ КОЛЛЕКЦИИ ГРАФОВ СТРОГАНОВЫХ В НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ НИ ТГУ)**

Урядова М.П.

Томский государственный университет, студент

**"GALLERIE ZU SHAKSPEARE'S VON MORITZ RETZSCH"
("ENGRAVINGS FOR SHAKESPEAR BY MORITZ RETZSH") – INTERMEDIAL ASPECT
(FROM THE PERSONAL GRAPHS STROGANOFF'S COLLECTION LOCATED AT THE TSU'S
SCIENTIFIC LIBRARY)**

Uryadova M.P.

Tomsk State University, student

Научная работа посвящена рассмотрению интермедийного содержания сборника гравюр Моритца Ретча к драме Шекспира «Гамлет»: диалог английской, немецкой и русской национальных культур, взаимодействие театра, живописи и литературы.

Ключевые слова: Моритц Ретч, Строганов, Шекспир, Гамлет, гравюры, театр.

The scientific work is devoted to the consideration of the intermedial content of the engravings collection by Moritz Retzsch to Shakespeare's drama "Hamlet": a dialogue between the English, German and Russian national cultures, interaction of theater, painting and literature.

Key words: Moritz Retzsch, Stroganoff, Shakspeare, outlines, theater.

Научный руководитель:

*Поплавская Ирина Анатольевна,
докт. филол. наук, доцент.*

«Gallerie zu Shakspeare's. Dramatisch'en werken» – сборник гравюр немецкого художника Моритца Ретча (1779–1857), созданный в 1827 г. в Лейпциге и изданный в 1828 г. в Лейпциге и Лондоне [1]. Сборник* представляет собой 16 гравюр к трагедии Шекспира «Гамлет», фрагменты из произведения на английском, французском и немецком языках, которые иллюстрируются, вступительную статью (Ernst Fleischer), комментарии к гравюрам (С.А. Вötigerund. Moritz Retzsch)**. Интерес к этому изданию тесно связан как с имагологической проблематикой, так и с эстетикой интермедийности, обусловленных взаимодействием разных национальных культур и разных видов искусств в них.

Прежде всего следует сказать о взаимодействии немецкого, французского и английского фрагментов произведения, которые соотносятся с соответствующими иллюстрациями художника. Во вступительной статье указаны авторы переводов: Франсуа Гизо (1787–1874) – с французского и Август Вильгельм Шлегель (1767–1845) – с немецкого. Нельзя с точностью утверждать, в какой момент издания Шекспира на разных языках появились у М. Ретча, но очевидно, что такое приобретение происходит в период с 1824–1837 гг., когда художник становится членом Академии и профессором Дрезденской академии изобразительных искусств. Это позволило Ретчу иметь более свободный

доступ к приобретению редких книжных изданий для личной коллекции.

Начиная с фронтисписа, в сборник вводится контекст античной культуры. Основное настроение передано в деталях изображения: венки, орел, музы трагедии и комедии, сонм древнегреческих поэтов. Античный контекст, представленный на гравюре на фронтисписе, вводится М. Ретчем в соответствии с классицистическими традициями, связанными с возвышением золотого века древнегреческих поэтов. Шекспир, таким образом, становится равным великим поэтам и драматургам античности и вводится в пантеон наравне с Гомером.

Продолжается античная линия в следующей гравюре «Пролог», где за сценой братоубийства наблюдает одновременно и слепая, и наделенная зрением статуя Фемиды (глаза статуи незрячи, но на лбу – третий зрячий глаз). Однако образ Фемиды на гравюре современен: в руках у нее меч и весы, что не соответствует канонам изображения богини правосудия древними художниками. Начиная с этой гравюры, можно говорить о диалоге М. Ретча с другими живописными памятниками, которые указываются в комментариях к данному изображению. Так, возникает взаимодействие с «The Dramatic Works of William Shakespeare» Джона Тёрстона (1744–1822), книги Уильяма Хогарта (1697–1764), иллюстрации, изданные антикваром Фрэнсисом Доусом (1757–1834) «Douce's Illustrations», гравюры Джона Бойделла и др.

Эстетика театра, особенности сценографии явно или скрыто присутствуют в гравюрах М. Ретча. Так, например, гравюры III и IV изображают первую встречу Гамлета с Призраком его отца. В комментариях к данному фрагменту особое внимание уделяется тому, что у Гамлета есть оружие. Это связано с тем, что на

* Подробнее о проблемах изучения родовой библиотеки Строгановых в Научной библиотеке Томского университета см. [2].

** О Моритце Ретче как иллюстраторе «Песни о колоколе» Шиллера и «Фауста» Гете см. [3].

словах «*Святители небесные, спасите!*» персонаж, сыгранный известным английским актером Джоном Филипом Кемблом (1757–1823), вынимает меч из ножен. Другой известный английский актер эпохи романтизма Эдмунд Кин (1787–1833), также сыгравший Гамлета, когда обнажает меч, направляет его не в сторону Призрака, а на своих компаньонов, что изображает М. Ретч в следующей гравюре.

Сцена знаменитого монолога Гамлета «Быть или не быть – таков вопрос» (акт III, сцена 1) сама по себе театральна. Расположение персонажей в данной композиции напоминает то, как выглядит театральная сцена. Король и Полоний прячутся справа, будто за кулисами. На гравюре Офелия тоже отделена визуально от Гамлета колонной, что косвенно передает ее отношение к нему: мы знаем, что она не читает, а притворяется, на принца она не смотрит, будто занятая своими мыслями. Таким образом, взгляд зрителя сосредоточен на Гамлете.

Важно отметить, что в комментариях к иллюстрациям трагедии «Гамлет» М. Ретча появляется и литературный пласт. Помимо уже упомянутых греческих поэтов, в данном издании встречаются имена исследователей творчества Шекспира, например, Франц Кристоф Хорн (1781–1837), который сравнивает сюжетные элементы драмы с другими литературными произведениями: сцена появления Фортинбраса сравнивается с пьесой «Король Ингурд» (1817) А.Г.А. Мюллера (1774–1829), кладбищенская тема – с соответствующими мотивами в произведении «Schön Ella» немецкого поэта и драматурга Иоганна Фидриха Кинда (1768–1843), а сцена убийства Гамлетом Полония – с главным героем романа «Годы учения Вильгельма

Мейстера» И.В. Гёте (1749–1832). Подобные сравнения передают живой диалог между немецкой и английской литературами и позволяют воспринимать творчество Шекспира в контексте современной художнику немецкой литературы и культуры.

Таким образом, сборник иллюстраций М. Ретча к трагедии Шекспира «Гамлет» становится не просто своеобразной площадкой для взаимодействия разных видов искусств: живописи, театра, литературы***. Межкультурный диалог, построенный на взаимодополнении английского и немецкого культурных миров XVIII–XIX вв., создает новое прочтение «Гамлета» с точки зрения его немецкой рецепции. Возможность такого прочтения обусловлена не только принадлежностью М. Ретча к немецкой культуре, но и его интересом к творчеству Шекспира и в целом его духовными и культурными запросами.

Литература

1. Gallerie zu Shakspeare's Dramatischen Werken. In Umrisen erfunden und gestochen von Moritz Retzsch. – Leipzig ; London, 1828.
2. Поплавская И.А. Проблемы изучения библиотеки Строгановых в Томске: книги французских писателей XIX в. // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. – 2012. – № 4(20). – С. 87–97.
3. Дашевская О.А. Издания немецкого художника М. Ретча в библиотеке графов Строгановых, хранящейся в Научной библиотеке Томского государственного университета // Текст. Книга. Книгоиздание : научно-практический журнал. – 2013. – № 1(3). – С. 58–75.
4. Поплавская И.А., Новицкая И.В. Наследие Шекспира в книжном собрании Строгановых Научной библиотеки Томского университета // Сибирский филологический журнал. – 2018. – № 1. – С. 134–151.

*** Об интермедийном подходе к изучению творчества в библиотеке Строгановых см. [4].

В.В. МАЯКОВСКИЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ И НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ 1990–2010-Х ГГ.: ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ

Хило Е.С.

Томский государственный университет, магистрант

V.V. MAYAKOVSKY IN RUSSIAN AND GERMAN LITERARY STUDIES OF 1990–2010: REVIEW OF SOURCES

Khilo E.S.

Tomsk State University, master student

В статье обозначены направления развития отечественной и немецкоязычной рецепции творчества Маяковского в конце XX – начале XXI вв.

Ключевые слова: Маяковский, рецептивная эстетика, литературоведение.

In the article are designated the directions of development of domestic and German – speaking reception of Mayakovsky's creativity in the late XX – early XXI century.

Key words: Mayakovsky, receptive aesthetics, literary studies.

*Научный руководитель:
Никонова Наталья Егоровна,
докт. филол. наук, доцент.*

Отечественная и мировая рецепция творчества Маяковского берет начало в 1910-е гг. За вековую историю своего существования маяковедение пережило разные периоды: от резкого спада научных разысканий до высокой активности и стремления к популяризации творчества поэта, драматурга и художника в одном лице. В.Н. Терехина верно отметила: «Мир Маяковского открывается перед читателем как некое магическое пространство, где соединяются вещи очень контрастные, порой – противостоящие друг другу: редкая мощь звучащего слова, его “произносительная” энергия – и столь же редкая графическая его выразительность, зрелищное, живописное начало его поэзии; глубочайший лиризм – и обнаженная публицистичность; художественные поиски на поле авангарда и сохраняющаяся связь с традицией» [1]. Именно эта многогранность наследия Маяковского подталкивает к новым научным исследованиям. Целью данной статьи является представить направления развития отечественной и немецкоязычной рецепции творчества Маяковского в конце XX – начале XXI вв.

В отечественном маяковедении можно выделить три магистральные направления:

1. Работы, посвященные отечественной рецепции творчества В.В. Маяковского в контексте литературных связей (диссертации Л.Ф. Кациса «Владимир Маяковский и русский литературный авангард в интеллектуальном контексте эпохи» [2], О.М. Култышевой «Творчество В. Маяковского во взаимодействии с литературным процессом 1910–1920-х годов» [3], О.В. Чернышевой «Творчество раннего В. Маяковского в контексте русского авангарда» [4], М.Ю. Маркасова «Поэтическая рефлексия Владимира Маяковского в контексте русского авангарда» [5], И.В. Фадеевой «Культурно-исторический контекст лирических поэм В.В. Маяковского» [6], М.В. Покотыло «В.В. Маяковский в оценке отечественной критики и литературоведения» [7], Д.А. Бестолкова «Творческое наследие В.В. Маяковского в отечественном литературоведении последнего десятилетия: концепции и подхо-

ды» [8] и др.). Эти работы обнаруживают новые смыслы и трактовки в образе и наследии величайшего автора русского авангарда, их отличает направленность на демифологизацию образа поэта в общественном сознании, на открытие «истинного» Маяковского без нивелирования или, напротив, излишнего акцентирования внимания только на революционном, идеологическом или политическом аспекте его творчества.

2. Тема «Маяковский-драматург» посвящена выявлению особенностей драматического наследия автора в соотношении с историко-культурным и историко-литературным контекстом, а также с традицией предшественников и современников (диссертации Л.П. Шегаровой «Драматургия В.В. Маяковского и народный театр» [9], Н.К. Мельниковой «Киносценарии В.В. Маяковского. Проблематика и поэтика» [10], С.А. Комарова «А. Чехов – В. Маяковский: комедийный диалог с русской культурой конца XIX – первой трети XX в.» [11], О.В. Чебановой «Традиции ранней русской драматургии в пьесах Владимира Маяковского» [12], Т.А. Купченко «Условная драма 1920–1950-х годов: Л. Лунц, В. Маяковский, Е. Шварц» [13], С.В. Алфёровой «Трагедия “Владимир Маяковский” в историко-литературном контексте 1910-х годов» [14]).

3. Иноязычная рецепция творчества В.В. Маяковского является не менее популярной темой исследований. В числе первых можно назвать диссертации В.М. Житенева «Гуго Гуперт – переводчик Владимира Маяковского» [15], Л.Ф. Кациса «Владимир Маяковский и Польша. Реконструкция исторической рецепции» [16]. После почти пятнадцатилетнего перерыва, в 2000–2010-х гг., исследования в данной области продолжили Л.Т. Идиатуллина [17], О.Г. Абрамова [18], С.Р. Кульшарипова [19]. Изучение иноязычной рецепции любого автора является важным аспектом осмысления его мирового значения. Разыскания в этой области также обогащают отечественное литературоведение, в связи с чем требуют детального анализа.

В этой связи интерес представляет тематика научно-исследовательских и публицистических разыска-

ний о Маяковском в немецкоязычном окружении. Германия не случайно стала одной из первых стран, познакомившейся с его творчеством на своем родном языке. Маяковский воспринимается немецким читателем в качестве автора новой драмы, представителя футуризма и революционной поэзии [20, с. 22].

В немецкоязычном маяковедении конца XX — начала XXI вв. обозначались три магистральные направления:

1. Изучение творческих и личных аспектов биографии русского автора («Маяковский: художник и поэт», «Владимир Маяковский: жизнь и творчество» Н. Тун [21], «Лиля Брик: воспоминания о Маяковском и письма» (издатель В. Катанян) [22], «Последняя любовь Маяковского» Ф.П. Грей [23], «Владимир Маяковский и Сергей Эйзенштейн» Е. Вольфхайма [24], «Культ мертвого поэта и русский модернизм: Пушкин — Блок — Маяковский» В. Киссель [25]).
2. Рецепция творчества Маяковского не только в Германии, но и в СССР: «Маяковский и его рецепция в Советском Союзе 1930—1954 гг.» В. Менцеля [26], «Поэтическое мировое движение в немецкой лирике XX в.» К. Шумана [27]. Наиболее ценной в литературоведческом плане является незаконченная диссертация Л. Кошута [20], опубликованная в 2013 г. Более 600 страниц издания посвящены переводческой рецепции творчества Маяковского в Германии в 1917—1933 гг., не законченной представлена рецепция 1933—1945-х гг., большую же часть составляет переписка Кошута с немецкими переводчиками наследия Маяковского.
3. Отдельные элементы поэтической системы Маяковского также стали объектом изучения литературоведов: работы С. Хаяк «“Я сам” Маяковского: исследование структуры футуристической автобиографии» [28] и Е.М. Брейдо «Метрика русского стиха» [29] посвящены структурно-жанровой организации творчества русского автора.

Данный обзор показывает, что современное маяковедение в большей степени посвящено рецептивному аспекту творчества Маяковского как в отечественных, так и в зарубежных исследованиях. Непосредственное влияние на этот аспект оказала историко-политическая ситуация в России в XX в.: во времена СССР в трактовке наследия русского автора на первый план вышел идеологический аспект, в конце XX — начале XXI вв. задачей литературоведов стала попытка демифологизировать образ Маяковского в общественном сознании.

Литература

1. Терехина В.Н. Международная научная конференция «Маяковский и его время» // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филологическое образование. — 2014. — № 1(12). — С. 118.
2. Кацис Л.Ф. Владимир Маяковский и русский литературный авангард в интеллектуальном контексте эпохи : дис. ... докт. филол. наук в форме науч. докл. — М., 2002. — 48 с.
3. Култышева О.М. Творчество В. Маяковского во взаимодействии с литературным процессом 1910—1920-х годов : дис. ... докт. филол. наук. — М., 2007. — 480 с.
4. Чернышева О.В. Творчество раннего В. Маяковского в контексте русского авангарда : дис. ... канд. филол. наук. — Магнитогорск, 2003. — 206 с.
5. Маркасов М.Ю. Поэтическая рефлексия Владимира

- Маяковского в контексте русского авангарда : дис. ... канд. филол. наук. — Барнаул, 2003. — 206 с.
6. Фадеева И.В. Культурно-исторический контекст лирических поэм В.В. Маяковского : дис. ... канд. филол. наук. — Астрахань, 2006. — 178 с.
7. Покотыло М.В. В.В. Маяковский в оценке отечественной критики и литературоведения : дис. ... канд. филол. наук. — Ростов н/Д., 2008. — 204 с.
8. Бестолков Д.А. Творческое наследие В.В. Маяковского в отечественном литературоведении последнего десятилетия: концепции и подходы : дис. ... канд. филол. наук. — Мичуринск, 2012. — 211 с.
9. Шегарова Л.П. Драматургия В.В. Маяковского и народный театр : дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 1993. — 18 с.
10. Мельникова Н.К. Киносценарии В.В. Маяковского. Проблематика и поэтика : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1993. — 18 с.
11. Комаров С.А. А. Чехов — В. Маяковский: комедиограф в диалоге с русской культурой конца XIX — первой трети XX в. : дис. ... докт. филол. наук. — Екатеринбург, 2002. — 474 с.
12. Чебанова О.В. Традиции ранней русской драматургии в пьесах Владимира Маяковского : дис. ... канд. филол. наук. — М., 2003. — 153 с.
13. Купченко Т.А. Условная драма 1920—1950-х годов: Л. Лунц, В. Маяковский, Е. Шварц : дис. ... канд. филол. наук. — М., 2005. — 145 с.
14. Алфёрова С.В. Трагедия «Владимир Маяковский» в историко-литературном контексте 1910-х годов : дис. ... канд. филол. наук. — М., 2009. — 175 с.
15. Житенев В.М. Гуго Гуперт — переводчик Владимира Маяковского : дис. ... канд. филол. наук. — Харьков, 1984. — 177 с.
16. Кацис Л.Ф. Владимир Маяковский и Польша. Реконструкция исторической рецепции : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1994. — 24 с.
17. Идиатуллина Л.Т. Переводы произведений В. Маяковского на татарский язык: вопросы поэтики : дис. ... канд. филол. наук. — Казань, 2008. — 193 с.
18. Абрамова О.Г. Творчество Владимира Маяковского в литературе и критике Швеции : дис. ... канд. филол. наук. — Петрозаводск, 2013. — 166 с.
19. Кульшарипова С.Р. Маяковский в английских и французских переводах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Уфа, 2015. — 27 с.
20. Kossuth L. Der Hut flog mir vom Kopfe: Majakowskis Zylinder? — Berlin : NoRa, 2013.
21. Thun N. Majakowski: Maler und Dichter; Studien zur Werkbiographie 1912—1922. — Tübingen ; Basel : Francke, 1993. — 257 s.; Thun N. “Ich — so groß und so überflüssig”: Wladimir Majakowski, Leben und Werk. — Berlin : Grupello, 2000. — 383 s.
22. Tschörtner I. Schreib Verse für mich: Erinnerungen an Majakowski und Briefe / Lilja Brik. Hrsg. und mit einem Vorw. vers. von W. Katjanjan. — Berlin : Volk und Welt, 1991. — 256 s.
23. Gray F. du P. Majakowskis letzte Liebe. — Berlin : Berenberg, 2008. — 123 s.
24. Wolffheim E. Wladimir Majakowskij und Sergej Eisenstein. — Hamburg : Europ. Verl.-Anst., 2000. — 170 s.
25. Kissel W.S. Der Kult des toten Dichters und die russische Moderne. Puskin — Blok — Majakowskij. — Köln : Böhlau, 2004. — 318 s.
26. Menzel B. V.V. Majakowskij und seine Rezeption in der Sowjetunion 1930—1954. — Wiesbaden : Harrassowitz, 1992. — 286 s.
27. Schuhmann K. Poetischer Weltverkehr in der deutschen Lyrik des 20. Jahrhunderts : Rezeptionsverläufe — Übergänge — Umbrüche. — Leipzig : Leipziger Univ.-Verl., 2012. — 280 s.
28. Hajak S. V.V. Majakowskij's «Ja sam»: Untersuchungen zur Struktur einer futuristischen Autobiographie. — Harrassowitz, 1989. — 173 s.

29. Brejdo E. M. Die Metrik des russischen Verses. – Hamburg :
Kovač, 1999. – 180 S.

ОЛЬФАКТОРНЫЕ ОБРАЗЫ В РАССКАЗАХ А.П.ЧЕХОВА И ИХ ПЕРЕВОДАХ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Черткова В.В.

Томский государственный университет, магистрант

OLFACTORY IMAGES IN ANTON P. CHEKHOV'S SHORT STORIES AND ITS TRANSLATIONS INTO ENGLISH

Chertkova V.V.

Tomsk State University, master student

В статье представлены результаты сравнительного анализа ольфакторных образов в рассказах А.П. Чехова и их переводах на английский язык. Дается классификация описаний запахов, определяется их место и функции в рассказах, выявляются основные стратегии перевода и трансформации, которые отражают вариативность языковой репрезентации ольфакторной картины мира оригинала в переводе, а также индивидуальные особенности ее интерпретации переводчиками.

Ключевые слова: ольфакторные образы, сравнительный анализ, художественный перевод, Чехов.

The article presents comparative analysis results of olfactory images in A. Chekhov's short stories and its translations into English. The article gives a classification of odor descriptions, determines their place and functions in the stories, reveals main strategies of translation and transformation, which reflect variability of linguistic representation of the olfactory world view in the original and its translations and individual features of its interpretation by translators.

Key words: olfactory images, comparative analysis, literary translation, Chekhov.

Научный руководитель:
Олицкая Дарья Александровна,
канд. филол. наук, доцент.

В последнее десятилетие очевиден высокий интерес современной гуманитарной науки к изучению мира запахов в культуре и литературе [1]. Причиной этому является то, что художественная литература служит основным «вместилищем» и «хранилищем» ольфакторных (т.е. относящихся к запахам) описаний. В художественном тексте обонятельный образ реализован языковыми средствами, требующими сопоставления с запахами-образами, возникающими в процессе восприятия. Языковое выражение запаха выступает в роли знака, помогающего читателю «вспомнить» личный обонятельный опыт, при этом понимание и интерпретация представленных образов возможны при условии существования контекста (фрагмента или целого художественного текста).

Обращение к миру запахов в рассказах Чехова в аспекте перевода обусловлено следующим: в современных исследованиях подчёркивается, что ольфакторная аура является одной из знаковых характеристик поэтики русской литературы в целом, а в прозе А.П. Чехова, по словам Л.В. Карасёва «история упоминания запахов в русской литературе достигла своей вершины, если говорить о краткости и ёмкости описания» [2]. Это позволяет считать рассказы Чехова репрезентативным материалом для постановки проблемы переводимости ольфакторного кода на язык другой культуры.

Материалом для проведенного сравнительного анализа послужили 65 рассказов А.П. Чехова [3], написанные с 1882 по 1903 гг., и их множественные переводы (2 и более для каждого рассказа). Всего в результате изучения составленного корпуса текстов были обнаружены 211 описаний ароматов и запахов и 566 вариантов их перевода, выполненного разными переводчиками (среди них можно назвать Констанс Гарнетт, Рональда Хингли, Мэриан Фэлл, Рональда

Вилкса, Давида Магаршака, Энн Дунниган и др.) в период с 1915 по 2002 гг.

По результатам анализа можно сделать следующие выводы:

1. Обнаруженные и проанализированные ольфакторные описания позволяют говорить о значимости ольфакторного кода для художественной картины мира писателя. Запахи, наряду со звуками, зрительными и тактильными образами, в рассказах Чехова играют роль постоянно присутствующих «случайных» деталей, создающих в тексте иллюзию таких же случайных проявлений обыденной жизни. В связи с этим обнаруженный в описаниях ольфакторий Чехова достаточно широк, он включает в себя самые разнообразные по природе, окраске и интенсивности запахи (приятные и неприятные; природные запахи: растений, дождя, земли и т.д., запахи цивилизации: жилища, гари, лекарств, табака, алкоголя и т.д.).

2. Сравнение текстов оригиналов и переводов показало, что в подавляющем большинстве случаев ольфакторные описания в переводах сохраняются. Исключения составляют лишь три фрагмента, в которых ольфакторный код нейтрализуется в результате использования переводчиками лексической единицы, не несущей ольфакторной семантики. Например, в рассказе «Жена» (1892 г.) при описании состояния

Таблица 1

Фельдшерница говорит: при-
дешь в избу и что видишь?
Все больны, все бредят,
кто хохочет, кто на стену ле-
зет; в избах смрад, ни во-
ды подать, ни принести ее
некому, а пищей служит
один мерзлый картофель.

Every one is sick, every one delirio-
us, some laughing, others frantic;
the huts are filthy (избы гряз-
ные); there is no one to fetch them
water, no one to give them a drink,
and nothing to eat but frozen po-
tatoes. (перевод С. Garnett)

Таблица 2

Была грустная августовская ночь, – грустная, потому, что уже пахло осенью .	It was a melancholy August night-melancholy because there was already a feeling of autumn (уже было ощущение осени). (перевод С. Garnett)	It was a sad August night-sad because there was already a breath of autumn in the air (в воздухе уже было дыхание осени). (перевод R. Wilks)
--	--	---

Таблица 3

В ее номере был утренний беспорядок: на столе чайная посуда, недоеденная булка, яичная скорлупа; сильный, удушающий запах духов .	In her room was the usual morning disorder: tea-things on the table, an unfinished roll, an eggshell; a strong overpowering reek of scent (сильная, подавляющая вонь духов). (перевод С. Garnett)	Her room was in a typical morning mess – tea things on the table, a half-eaten roll and eggshells. There was a strong, stifling reek of scent (сильная, удушающая вонь духов). (перевод R. Hingley)	Her room was in disorder, as it was still early in the morning: on the table were the tea things, an unfinished roll, an eggshell; there was a strong overpowering smell of scent (сильный, подавляющий запах духов). (перевод D. Magarshak)
--	--	--	---

обнищания и голода крестьян автором используется ольфакторная составляющая «в *избах смрад*». Как известно, смрад – это дурной, отвратительный запах, вонь [4]. В переводе Констанс Гарнетт [5] она заменена на характеристику *грязный, мерзкий, отвратительный*, которая также несёт явно выраженную отрицательную коннотацию, но не подразумевает ситуацию обонятельного восприятия и, соответственно, формирует у читателя другой образ (табл. 1).

Также в ряде случаев нейтрализация ольфакторного кода в переводах связана с использованием лексических единиц с более широкой семантикой, чем в оригинале, в том числе выходящей за пределы собственно восприятия запаха, таких как, например, «atmosphere», «aura» и «feeling», «breath». Так, в рассказе «Дом с мезонином» (1896 г.) важную роль в реализации темы несостоявшегося счастья, несбывшейся любви героя играет ольфакторно значимый фрагмент «уже пахло осенью», дополняющий описание зрительной картины (свет/тьма). Осень выступает здесь символом увядания и смерти без надежды на возрождение. В переводах рассказа, выполненных Констанс Гарнетт [6, с. 153–184] и Рональдом Вилксом [7], лексическая единица с обонятельной семантикой заменяется единицей с более широкой семантикой, подразумевающей общую ситуацию чувственного восприятия (feeling) или дыхания (breath). В результате без ольфакторной составляющей описание в переводе предстает менее объёмным и реальным (табл. 2).

3. Исследование лексического уровня рассказов Чехова и их английских переводов позволяет говорить о вариативности перевода ольфакторных образов:

3.1. Основная лексема «запах» в переводах представлена как smell (запах), scent (аромат), fragrance (благоухание), odor/odour (запах (неприятный)), aroma (запах (приятный)), perfume (духи/аромат). Несмотря на то, что лексемы scent, fragrance, aroma, perfume имеют коннотацию приятного запаха, odor/odour – неприятного, а smell – нейтрального, в текстах представлены случаи их использования как для описания ольфакторного образа, соответствующего их коннотации, так и для совершенно противоположного характера запаха, что свидетельствует о расхождении

я ольфакторных картин мира в русском и английском языках в целом.

3.2. Вариативность перевода усиливается при передаче конкретных описаний запахов, их характера и степени интенсивности, что объясняется различной трактовкой ситуации ольфакторного восприятия переводчиками.

Рассмотрим в качестве примера «душные» запахи, часто встречающиеся в чеховских рассказах. Писатель часто представляет духоту как составляющую как неприятного, так и приятного запахов, если последний имеет слишком интенсивный характер. Так, в рассказе «Ариадна» (1895 г.) в комнате главной героини, представляющей собой тип женщины-хищницы, присутствует сильный запах духов. Несмотря на то, что в целом этот запах скорее имеет положительную окраску, при его чрезмерной насыщенности он становится удушающим. В переводе Рональда Хингли [8] эта характеристика запаха была передана через переводческий эквивалент *stifling* (душный, удушающий), однако в двух других переводах (переводы Гарнетт [6, с. 31–74] и Магаршака [9]) она была представлена лексической единицей *overpowering* со значением *'подавляющий, избыточный'*, сохраняющей высокую интенсивность запаха, но не указывающей на ситуацию «удушья» (табл. 3).

Таким образом, вариативность проанализированных переводов, с нашей точки зрения, отражает попытки индивидуального «прочтения» английскими переводчиками ольфакторного кода в чеховских рассказах как важной составляющей представленной в них художественной картины мира писателя, а также маркирует расхождения в русской и английской ольфакторной картине мира.

Литература

1. Вайнштейн О.Б. Ароматы и запахи в культуре : в 2 т. – М. : Новое литературное обозрение, 2010.
2. Карасев Л.В. Запахи и звуки у Чехова: власть приема // Новый Мир. – 2013. – № 11. – С. 149–159.
3. Чехов А.П. Собр. соч. и писем : в 30 т. – М. : Наука, 1977.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 2000. – 940 с.
5. Tchekhov A. The wife // The wife and other stories / translated by Constance Garnett. – London : Chatto & Windus, 1918.

- P. 3–69.
6. Chekhov A. An artist's story // The darling and other stories / translated by Constance Garnett with introduction by Edward Garnett. – New York : Macmillan, 1917.
 7. Chekhov A. The House with the mezzanine // The lady with the little dog and other stories / translated with an Introduction by Ronald Wilks. – Penguin Books, 2002. – P. 3–21.
 8. Chekhov A. Ariadne // Ward number six and other stories / translated with an Introduction by Ronald Hingley). – Oxford University Press, 2008. – P. 70–91.
 9. Chekhov A. Ariadne // Lady with lapdog, and other stories / translated by David Magarshak. – Penguin Books, 1964. – P. 187–212.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СКАЗКИ К. КОЛЛОДИ «ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПИНОККИО» И ЕЕ ПЕРЕВОДА Э.Г. КАЗАКЕВИЧЕМ

Эфендиева Н.Р.

Томский государственный университет, аспирант

COMPARATIVE CHARACTERISTIC OF THE TALE OF C. COLLODI "THE ADVENTURES OF PINOCCHIO" AND ITS TRANSLATION BY E.G. KAZAKEVICH

Afandiyeva N.R.

Tomsk State University, post-graduate student

В статье проводится сравнительный анализ оригинального текста сказки К. Коллоди «Приключения Пиноккио» в переводческой стратегии Э.Г. Казакевича. Перевод Э. Казакевича является самым авторитетным, поскольку он максимально точно передает единство формы и содержания оригинала на русский язык, и «полным», так как наиболее близок к оригиналу из всех существовавших до него переводов на русский язык.

Ключевые слова: итальянская литературная сказка, К. Коллоди, Э.Г. Казакевич.

The article provides a comparative analysis of the original text of the fairy tale by C. Collodi "The Adventures of Pinocchio" in E.G. Kazakevich's translation strategy. The translation of E. Kazakevich is the most authoritative, since it most accurately conveys the unity of the form and content of the original into Russian, and is "complete", since it is closest to the original of all the translations into Russian that existed before it.

Key words: Italian literary fairy tales, C. Collodi, E.G. Kazakevich.

Научный руководитель:
Поплавская Ирина Анатольевна,
докт. филол. наук, доцент.

Культурные и литературные взаимосвязи между народами диалогичны по своей природе, но диалог культур предполагает участие более или менее широких слоев носителей культурно-языковых общностей и поэтому невозможен без перевода, ведь именно в переводах шедевры мировой литературы известны гораздо большему числу читателей во всем мире, чем в оригинале у себя на родине. Творчество К. Коллоди является нитью, связывающей и сближающей культуру Италии с культурой России. Это сказка стала «общей» для двух стран. Исследовательница Л.М. Коваль в статье «Приключения Пиноккио в России» пишет: «Имея общую сказку, легче будет найти общий язык, а в последующем глубже проникнуть в культуру страны в целом» [1].

Так, одной из характерных особенностей русско-итальянских литературных связей в области детской литературы XIX–XX вв. явилась активизация процесса перевода. Можно утверждать, что «включение» итальянской литературы в развитие собственной литературы и в духовную жизнь нации в этот период в России происходило более интенсивно, чем в других странах. Русская литература, воспринимая итальянские сюжеты и образы, давала им свою интерпретацию. Произведения итальянских писателей открывали новый мир и новые представления русских читателей об Италии.

«Приключения Пиноккио. История одной марионетки» (*Le avventure di Pinocchio. Storia di un burattino*) К. Коллоди — одна из самых популярных и читаемых книг в детской литературе. Первоначально сказка называлась «История одного Буратино» и была напечатана в 1881 г. в «Газете для детей» (*Giornale per i bambini*). Затем было выпущено ее отдельное издание под окончательным названием «Приключения Пиноккио. История одной марионетки», которое вышло во Флоренции в 1883 г. Несомненно, «Приключения Пиноккио» много читали в России в XX в. как в

русском переводе, так и в различных западноевропейских сокращениях и переделках. Впервые сказка Коллоди в русском переводе появилась в 1895 г. в коллективном сборнике «Для легкого чтения: Сборник юмористических повестей и рассказов» [2], вышедшем под редакцией С. Молчанова. В 1906 г. в журнале «Задушевное слово» был опубликован ее перевод, выполненный Камиллом Данини. В том же году сказку перевел С.Е. Павловский под названием: «Приключения Фисташки: Жизнеописание петрушки-марионетки». В 1908 г. сказка вышла в переводе Н.К. Неговского и называлась «Приключения Пиноккио, история деревянного паяца» и мн. др.

Как видно из этого списка, подавляющее большинство переводчиков подошло к задаче, пытаясь отразить в заглавии центральную идею сказки Коллоди. Они пытались сохранить связь с оригиналом, но при этом ушли от авторского образа, выраженного в названии. До Э.Г. Казакевича популяризации «Приключений Пиноккио» способствовала деятельность А.Н. Толстого (1883–1945). Известно, что в 1924 г. в Берлине сотрудница и постоянный автор газеты «Накануне» Нина Петровская (1879–1928) переводит сказку Коллоди, которую затем переделал и творчески обработал Толстой. После публикации итальянской сказки начинается легендарная история «Золотого ключика, или Приключений Буратино».

Переводы сказки «Приключения Пиноккио», выполненные разными переводчиками, неизбежно отражали творческий процесс освоения иноязычной культуры на уровне индивидуальной авторской рецепции. Особенность их видится в том, что они впоследствии не изменялись, а сосуществовали наряду с другими переводами и переделками этой сказки. Кроме того, ранние переводы влияли на последующие, искажая смысл и сюжет оригинала. Начиная с 1959 г. почти все издания «Приключений Пиноккио» выходили в переводе Казакевича, известного советского

писателя и переводчика, автора таких известных повестей и романов, как «Звезда», «Двое в степи» и т.д. Именно гуманизм сказки Коллоди и привлек к себе внимание переводчика. Некоторые издания «Пиноккио» предваряло предисловие Казакевича, в котором он писал: «Книга Коллоди завоевала популярность, равную популярности детских изданий бессмертных книг “Дон Кихот” и “Гулливер”. Приключения Пиноккио — книга, полная обаяния, оптимизма и необыкновенно нежной любви <...> к человеку. <...> это повесть сочетается с <...> простонародным итальянским юмором, с таким глубоким и грустным знанием человеческих слабостей и наряду с этим — с такой могучей уверенностью в победе добра над злом» [3, с. 170]. В русской печати перевод Казакевича был оценен очень высоко. Он прекрасно владел итальянским языком, и его перевод сказки Коллоди не был первым опытом в его переводческой деятельности. Перевод Казакевича сохранил свою ценность до нашего времени, он представляет собой яркий пример передачи содержания и формы оригинала в их единстве. В переводе Казакевича чувствуется то, что он сделан опытным переводчиком, глубоко понимающим сущность подлинника и находившим соответствующие средства его передачи на русском языке.

В данной статье мы рассмотрим переводческие стратегии Казакевича. Сопоставительный анализ оригинала сказки Коллоди и перевод Казакевича позволит нам рассмотреть ряд ключевых вопросов и сравнить текст подлинника с текстом его перевода на русский язык. Перевод Казакевича можно назвать «полным» эквивалентным, так как он наиболее близок к оригиналу из всех существовавших до него переводов. Сравним некоторые моменты оригинала сказки с переводом. Рассмотрим перевод названия книги и заглавие оригинала. Прежде всего хочется подчеркнуть, что перевод названия книги на русский язык у Казакевича вполне соответствовал названию Коллоди (ср. табл. 1).

Некоторые русские переводчики использовали разные варианты номинации сказки, среди них «Приключения паяца», «Приключения Фисташки. Жизнеописание петрушки-марионетки», «Приключения Пиночио» и т.д. Разница в заглавиях, как объяснял в рецензии на сказку Толстого Н. Константинов, происходила, прежде всего, из коммерческих соображений: «Каждый издатель хотел торговать своим “товаром”» [5]. Этимология же слова Буратино в итальянском языке означает «марионетка», тряпичная кукла на пальцах с деревянной головой.

Теперь обратимся к переводу отдельных отрывков из текста сказки (ср. табл. 2).

Как видим, в целом перевод отрывка точен как в образном, так и в смысловом отношении. Переводчик заменяет словосочетание «смертельные прыжки» на выражение «кувыркаться в воздухе», то есть переворачиваться, перекидываться через голову. В переводе Казакевича в образе деревянного человечка в большей степени акцентируется его игровая природа, связанная с его способностью развлекать публику, однако такая замена не вносит в текст никаких принципиальных трансформаций, наоборот, перевод вполне соответствует жанру литературной сказки как занимательному и одновременно поучительному чтению для детей. Этот пример позволяет судить о том, как отображается и одновременно интерпретируется

Таблица 1

Оригинал	Перевод Э. Казакевича
«Le avventure di Pinocchio. Storia di un burattino» [4]	«Приключения Пиноккио. История одной марионетки» [3, с. 8]

Таблица 2

Оригинал	Перевод Казакевича
Maestro Ciliegia regala il pezzo di legno al suo amico Gepetto, il quale lo prende per fabbricarsi un burattino maraviglioso, che sappia ballare, tirare di scherma e fare i salti mortali (Мастер Вишня дарит кусок дерева своему другу Джепетто, который хочет вырезать из него чудеснейшего деревянного человечка, способного плясать и фехтовать и делать смертельные прыжки).	Мастер Вишня дарит кусок дерева своему другу Джепетте, который хочет вырезать из него чудеснейшего деревянного человечка, способного плясать и фехтовать, а также кувыркаться в воздухе .

Таблица 3

Оригинал	Перевод Казакевича
Pinocchio si addormenta coi piedi sul caldano, e la mattina dopo si sveglia coi piedi tutti bruciati (Пиноккио засыпает, положив ноги на жаровню, и на следующий день просыпается с обгоревшими ступнями).	Пиноккио засыпает, положив ноги на жаровню с углями , и утром просыпается без ног .

переводчиком индивидуальное своеобразие оригинала.

Обратимся к еще одному отрывку из шестой главы сказки Коллоди. В нем Казакевичем вполне адекватно передано содержание, однако имеется небольшое отступление от оригинала (ср. табл. 3).

В этом отрывке переводчик эмоционально усиливает отдельные части переводимого фрагмента, придавая ему уточняющий, конкретизирующий и одновременно бытовой и разговорный характер.

Проанализируем описание природы у Коллоди и в переводе Казакевича (табл. 4).

В этом переводе структурные элементы сохранены полностью, хотя Казакевич не стремится к буквальной передаче каждого слова. Он акцентирует внимание на особенностях итальянской зимней ночи с ее громами и молниями, что совсем не характерно для традиционных описаний русской зимней ночи с ее снегами, выюгами, светом луны. Используемое переводчиком в конце олицетворение, связанное с образом плачущих и стонущих деревьев, помогает передать нарастающую градацию в изображении ночи и неотделимое от нее усиление эмоционального чувства при восприятии природы, что является сознательной позицией переводчика.

Таблица 4

Оригинал	Перевод Казакевича
<p>Per l'appunto era una nottatac- cia d'inferno. Tonava forte forte, lampeggiava come se il cielo pigliasse fuoco, e un ventaccio freddo e strapazzone, fischiano rabbiosamente e sol- levando un immenso nuvolo di polvere, faceva stridere e ci- golare tutti gli alberi della cam- pagna (Это была адская (страшная) ночь. Сильно гре- мело. От вспышек молний не- бо охватывало пламя. Поры- вистый ветер яростно свистел и поднимал огромное облако пыли, заставляя все деревья в окрестности скрипеть и трещать).</p>	<p>На дворе была ужасная зим- няя ночь. Гром оглушительно гремел, молнии догоняли од- на другую, все небо было ох- вачено огнем. Холодный, порывистый ветер свирепо завывал, вздымая огромные облака пыли и заставляя де- ревья на полях плакать и стонать.</p>

В «Приключениях Пиноккио» имеется также большое количество специфических языковых единиц, которые присущи исключительно итальянской языковой картине мира: это *центезимо*, *синьор*, *сольдо*, *командор*, *таверна*, *пармезан*, *палаццо*, *донна*, *браво*, *лира*, *кавалеры* и др. Казакевич во многом обогащает перевод сказки через введение в нее новых лексических единиц, заимствованных из итальянского языка. Например, «Джеппетто, который был беден и не имел ни одного *центезимо* в кармане, смастерил для Пиноккио костюмчик из бумаги». Также в переводе сохраняются имена героев, тесно связанные с итальянской

комедией масок, в их числе Арлекин (Arlecchino – шут из венецианской комедии масок), Пульчинелла (Pulcinella – шут из венецианской комедии масок), Пиноккио (Pinocchio – на тосканском диалекте обозначает «кедровый орешек») и др.

Таким образом, многочисленные переводы «Приключений Пиноккио» в России даровали сказке новую жизнь в другой языковой среде. Переведенное на русский язык разными переводчиками произведение Коллоди вошло в сокровищницу отечественной детской литературы, и каждый последующий перевод лишь подтверждал неизменную актуальность и востребованность сказки для юных читателей. Казакевич в переводе раскрывает важнейшие особенности итальянской литературной сказки, связанные с передачей характеров, лексики, бытовых и культурных реалий итальянского мира. В этом смысле его перевод воспринимается как наиболее эквивалентный сказке Коллоди и подводящий определенный итог многочисленным переводам и переложениям ее на русский язык в период с конца XIX до первой половины XX веков.

Литература

1. Коваль Л.М. Приключения Пиноккио в России // Италия и русская культура XV–XX вв. – М. : 2000. – 260 с.
2. Молчанова С. Для легкого чтения : собрание юмористических повестей и рассказов. – СПб. : Издатель К. Геруц, 1895. – 259 с.
3. Коллоди К. Приключения Пиноккио / пер. Э. Казакевича. – М. : АСТ, 2013.
4. Collodi C. Le avventure di Pinocchio. Storia di un burattini. – The Project Gutenberg, 2016. – 8 p.
5. Акимова А.С. Приключения Пиноккио в России: к истории мирового сюжета // Культурологический журнал. – 2014. – № 4.

**ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ДЕЛО
И РЕДАКТИРОВАНИЕ**

«BOT-BOT ВОЙДЕТ В SCOPUS»: КОНТЕНТ-АНАЛИЗ НАУЧНЫХ ЭЛЕКТРОННЫХ ЖУРНАЛОВ

Березовская А.А.

Томский государственный университет, магистрант

"OUR JOURNAL ENTER IN SCOPUS ANY MINUTE": CONTENT ANALYSIS OF SCIENTIFIC ELECTRONIC JOURNALS

Berezovskaya A.A.

Tomsk State University, master student

Благодаря проведению контент-анализа ряда научных и недобросовестных научных электронных журналов обнаруживаются новые стратегии хищнических журналов в привлечении авторов. Намечены причины этих изменений и их значение для существования хищнических журналов.

Ключевые слова: хищнические журналы, научные журналы, публикационная активность.

In this article new business strategy of predatory journal is described for the first time. Also was outlined the reasons for these changes and their significance for the existence of predatory journals.

Key words: predatory journal, science journal, publication activity.

*Научный руководитель:
Есипова Валерия Анатольевна,
ДОКТ. ИСТ. НАУК.*

Статья посвящена проведению контент-анализа научных и недобросовестных научных электронных журналов. Сайт стандартного научного электронного журнала имеет информативный характер, выполняя соответствующую функцию. Он использует нейтральные и универсальные смысловые модели. Существуют, однако, недобросовестные электронные научные журналы; старательно мимикрируя, они переводят эти модели в средство воздействия.

Умение вовремя отличить два различных вида текста друг от друга поможет исследователю не только в его научной деятельности, но и в формировании и укреплении его критической медиаграмотности. Способом же выявления информационной и коммуникативной функций, скрытых в тексте, является редакторский анализ концепции издания. С его помощью интерпретируется через лингвистические и экстралингвистические факторы реальная цель существования издания, а с текста снимается налет типичности и авторитетности.

Гипотеза, которая была представлена для проведения исследования: издатели хищнических научных журналов понимают, что предыдущая их стратегия (а именно – мимикрия под качественные научные журналы) перестает действовать так, как раньше, и ищут новый способ апелляции к потенциальному адресату.

В данной работе материалы для анализа были отобраны методом сплошной выборки: 4 научных и 4 хищнических научных электронных журналов, в каждом из которых – 2 зарубежных и 2 отечественных журнала.

Хищнические журналы. Зарубежные: Journal of Science [1], Science Publishing Group [2]. Отечественные: Chronos [3], Norwegian Journal of Development of the International Science [4].

Научные журналы. Зарубежные: Physics of Plasmas [5], Biochemistry [6]. Отечественные: Вестник Томского государственного университета. Филология [7], Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение [8].

Параметры, по которым проводился анализ, почерпнуты из статьи «Редакторский анализ концепции электронного журнала переводной литературы «Прайдзісвет» [9] с поправкой на специфику объектов исследования в данной работе.

Коммуникативная функция рекламы прочитывается в хищнических изданиях благодаря их попытке воздействовать на предполагаемого исследователя, предоставляющего им свою статью, психологически: использовать убедительные числа, слова, графики, не наполняя их смыслом. Это прослеживается на уровне названия (широкая тема, отсутствие указаний на специфику), периодичности, информации о базах цитирования (пользуются только теми базами, которые не оценивают реальный научный вес журнала), визуального оформления сайта издания (привлечение внимания к блокам оплаты статей и правилам приема, тогда как другие ссылки могут не работать или не иметь кнопок перехода).

Происходит диффузия жанровых свойств информационного и рекламного текстов. Добросовестный научный журнал перечисляет факты: работа с определенной тематикой, количество выпусков в год, публикация новостей об авторах, об изменении работы журнала и т.д. Недобросовестный, в свою очередь, не столько информирует, сколько рекламирует свои услуги по размещению статей. Также такие журналы торгуют мнимой престижностью публикации у них. Эти аспекты уже в той или иной мере известны исследователям, которые знакомы с проблемой хищнических журналов.

Однако на примере издательства Science Publishing Group, под эгидой которого (и на сайте которого) публикуется ряд хищнических журналов, можно отметить, что недобросовестные научные журналы нашли новый способ воздействия на исследователя. Этот способ – предложение о вхождении в редакционную коллегию взамен бесплатной публикации автора в одном из своих журналов. Так подобные издания и издательства могут обезопасить себя от проверки ред-

коллегии, ведь теперь ее представители – реальные люди, которые могут подтвердить это. Кроме того, недобросовестные научные журналы пытаются также имитировать политику прозрачности; например, у Norwegian Journal of Development International Science недавно появилась ссылка на страницу в Telegram.

Отход от использования только понятийно-смысловых единиц, связанных с наукой, показывает, что хищнические журналы всерьез озабочены тем, чтобы продолжать оставаться на плаву; они также знают свои слабые места, по которым легче всего вычислимы, и работают над ними. Вероятнее всего, способ исключительно мимикрии под качественные научные издания и их сайты постепенно исчерпывает себя благодаря работам, связанным с выявлением и разоблачением хищнических журналов. Подобные изменения могут затруднить дальнейшее их выявление рядовым исследователем, который не обращается к массе существующих критериев. Кроме того, это может привести к тому, что сами критерии выявления со временем придется менять.

Литература

1. Journal of Science [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.journalofscience.net> (дата обращения: 16.04.2019).
2. Science Publishing Group [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.sciencepublishinggroup.com/home/index> (дата обращения: 16.04.2019).
3. Chronos [Электронный ресурс]. – URL: <http://chronos-journal.ru> (дата обращения: 16.04.2019).
4. Norwegian journal of development of the international science [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.njd-iscience.com/sample-page> (дата обращения: 16.04.2019).
5. Physics of Plasmas [Электронный ресурс]. – URL: <https://aip.scitation.org/journal/php> (дата обращения: 16.04.2019).
6. Biochemistry [Электронный ресурс]. – URL: <https://pubs.acs.org/journal/bichaw#> (дата обращения: 16.04.2019).
7. Вестник Томского государственного университета. Филология [Электронный ресурс]. – URL: <http://journals.tsu.ru/philology> (дата обращения: 16.04.2019).
8. Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение [Электронный ресурс]. – URL: <http://journals.tsu.ru/culture> (дата обращения: 16.04.2019).
9. Лабоха Е.К. Редакторский анализ концепции электронного журнала переводной литературы «Прайдзісвет» // Текст. Книга. Книгоиздание. – 2016. – № 3. – С. 102–111.

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ИНДУСТРИИ МОДЫ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ИЗДАТЕЛЬСКИХ ПРАКТИКАХ

Бут Д.А.

Томский государственный университет, студент

STAGES OF DEVELOPMENT OF THE FASHION INDUSTRY AND HOW THEY ARE REFLECTED IN PUBLISHING PRACTICES

But D.A.

Tomsk State University, student

В статье рассматриваются этапы развития печатных изданий о моде. Выявляются интересы читателей, сформировавшие многообразие печатной продукции. Предпринимаются попытки выделить современные тенденции издательских практик и их особенности.

Ключевые слова: индустрия моды, издания о моде, читатель.

The stages of development of printed publications about fashion are considered in the article. The interests of readers, which formed the variety of printed products, are revealed. Attempts are made to identify current trends in publishing practices and their features.

Key words: fashion industry, publications about fashion, reader.

*Научный руководитель:
Баль Вера Юрьевна, канд.
филол. наук.*

Сфера моды — одна из наиболее масштабно развивающихся креативных индустрий XXI в. Мода — это динамичная форма стандартизированного массового поведения, возникающего преимущественно стихийно. Влияние на нее оказывают доминирующие, но быстроизменяющиеся вкусы и настроения в обществе [1]. Мода не ограничивается сферой одежды, возникает взаимодействие с другими сферами и индустриями: искусством, наукой, политикой. В связи с этим мода изучается с точки зрения культурологии, социологии, психологии и экономики.

Рассматривая моду как явление экономического плана, мы говорим об индустрии моды в целом, движущим фактором которой является коммерческая прибыль, находящаяся в зависимости от грамотной рекламной политики. При ее реализации задействуется, в том числе, печатная журнальная и книжная продукция. Выполняя, помимо рекламной функции, задачи описания, презентации и популяризации моды как культурного явления, печатная продукция развивается совместно с индустрией моды.

В формировании описательных практик о моде важную роль занимает начало книгопечатания, которое качественным образом изменило отношение к информации и возможностям ее тиражирования и распространения. В целом история развития индустрии моды хронологически совпадает с наиболее важными социально-экономическими и культурными этапами развития Западной Европы. Так, в период развитого феодализма, хронологические границы которого — конец XI—XV вв., происходит зарождение принципов торгового капитализма, начинают формироваться условия для развития экономической составляющей моды. Торговля в этот период являлась первопричиной распространения моды, а европейские центры — местом ее развития. На этапе зарождения капиталистического способа производства, XVI — середина XVII вв., происходит формирование города — культурного и экономического пространства, на базе которого в силу распространения моды на одежду,

включенности в «исполнение ее предписаний» значительной части средневекового городского населения возникает необходимость в каналах распространения информации о модных тенденциях. Поэтому в XVI в. популярность получают книги, содержащие правила подбора модного туалета [2]. «В Германии XVI—XVII вв. — эра собраний и “костюмных книг”, предтечи современных глянцевого издания, которые служили удовлетворению любопытства к культуре других стран» [3]. Они состояли из собрания гравюр и были посвящены модным тенденциям и истории костюма. Данные издания выполняли просветительскую задачу, знакомя с особенностями культуры других народов. Издания имели эксклюзивный характер и эстетическую ценность. Но на этом этапе книжные издания о моде начинают терять свою популярность у потребителя, т.к. из-за длительного процесса создания к моменту выхода советы были уже не актуальны.

В период XVIII—XIX вв. начинают появляться очаги моды, связанные с отдельными европейскими столицами, которые становились законодательницами моды. Лидирующее место занял Париж, где создавали первые журналы мод, ориентированные на всю Европу. Таким являлось парижское издание «Галантный Меркурий». В подобных журналах «публиковали отдельные крупные гравюры, раскрашенные вручную, с описанием каждой модной детали» [4]. Парижские издательские практики перенимались другими странами.

В этот период прогресс в печатном деле позволил уменьшить цену на издания, так, к середине XIX в. женские журналы о моде получили широкое распространение, а выпуск стал происходить на регулярной основе. В Европе произошел «новый “бум” на массовую периодику» [5]. Увеличилось количество и разнообразие журналов. Журналы выпускались ежемесячно, еженедельно или раз в две недели. В номерах была цветная литография или гравюра, раскрашенная вручную. Журналы играли роль двигателя торговли, реализовав рекламную функцию. А индустрия моды выш-

ла на путь массового производства, поддерживаемого разнообразными периодическими изданиями.

С 1920-х гг. печатный процесс претерпевает масштабные изменения, благодаря чему снижается стоимость журналов, время доставки, улучшается техника иллюстраций. Фотография стала вытеснять работы иллюстраторов. Изменения в выборе бумаги, переход от желтой шершавой бумаги низкого качества к белой, а затем к глянцевой, привлекли еще больше читателей.

В 1950-е гг. происходит расцвет глянца, т.к. развитие печатного и съемочного оборудования способствовало выпуску качественных иллюстраций. Некоторые издатели создают разделы с выкройками, прибавляя к эстетической и рекламной функциям практическую. Мода становится вариантом досуга. Увеличивается количество каналов, влияющих на массового потребителя (телевидение, радио, кинематограф).

Конец XX в. ознаменован распространением западного глянцевого журнала на территории бывшего СССР. Формируется международный рынок и глобальная модная культура. Коммерческая составляющая индустрии определила главного потребителя — средний класс. Благодаря ему индустрия моды развивается большими темпами и приносит колоссальный доход.

Современная мода обладает множеством способов влияния на потребителя, что дает ей развиваться как прибыльному сегменту мировой экономики. Начало XXI вв. ознаменовалось весьма насыщенными и разнообразными издательскими жанрами, форматами представления и тиражирования знаний о моде. Накопленная за несколько столетий история развития элементов одежды, национальных особенностей гардероба, отдельных кутюрье и домов мод, а самое главное, интерес со стороны представителей рассматриваемой индустрии и обычных читателей позволили создавать не только журналы с модными тенденция-

ми, но и книги, выпускаемые на современном российском книжном рынке многими издательствами: «МИФ», «Одри», «Эксмо», «Новое литературное обозрение» и др. Состав издаваемой литературы обширен: энциклопедии, словари, истории домов мод и отдельных элементов гардероба, биографии кутюрье, советы по стилю. Выпускаются отдельные серии книг, например, серия издательства «Эксмо» «История моды в деталях».

Таким образом, современный российский книжный рынок переживает этап становления и развития новых форматов изданий о моде. Издания начала XXI в. можно метафорически обозначить как «жанр подведения итогов». Это, например, такие книги, как «История моды. 100 платьев, изменивших мир», «Мода. Всемирная история». Происходит поворот от массового к высокому. Начинает формироваться новое отношение к миру моды. Читателю становится интересна история моды и погружение в нее, что отражается на издательских практиках. Сегодня издания о моде — это инструмент не только рекламы, но также совокупность эстетического и культурного начал.

Литература

1. Парыгин Б.Д. Социальная психология. Проблемы методологии, истории и теории. — СПб. : ИГУП, 1999. — 592 с.
2. Уилсон Э. Облаченные в мечты: мода и современность. — М. : Новое литературное обозрение, 2012. — 288 с.
3. Нестерова М.А. Модные журналы XVIII—XX вв.: история появления и этапы развития немецких изданий // Вестник СПбГУК. — 2015. — № 3(24). — С. 117–124.
4. Кидакочева Н.З., Кубова А.А. Социально-исторические аспекты зарождения фэшн-индустрии в западных странах // Вестник Майкопского гос. технологич. ун-та. — 2013. — № 4. — С. 1–7.
5. Лапик Н.А. Воплощение стиля ампир в «Модной» гравюре французских и русских журналов мод первой четверти XIX в. // Вестник СПбГУК. — 2013. — № 1(14). — С. 114–121.

«НЕДЕТСКИЕ» ТЕМЫ В РЕПЕРТУАРЕ СОВРЕМЕННЫХ ДЕТСКИХ ИЗДАТЕЛЬСТВ

Гребенкина О.А.

Томский государственный университет, студент

"UN-CHILDREN" THEMES IN THE REPERTOIRE OF MODERN CHILDREN'S PUBLISHERS

Grebenkina O.A.

Tomsk State University, student

На сегодняшний день одной из тенденций в детской литературе является выпуск «недетских» сложных тем, которые много лет назад совсем не рассматривались. Сегодня издательства внедряют в свои репертуарные стратегии такой подход, который можно назвать инновационным. Статья будет посвящена обзору «недетских» тем и издательствам, которые их выпускают.

Ключевые слова: репертуар, недетские темы, инновации, детские издательства.

To date, one of the trends in children's literature is the release of "non-child" complex topics that were not considered at all many years ago. Today, publishers are introducing into their repertoire strategies such an approach that can be called innovative. The article will be devoted to the review of "non-child" topics and publishing houses that produce them.

Key words: repertoire, non-child themes, innovations, children's publishing houses.

Научный руководитель:
Гнюсова Ирина Федоровна,
канд. филол. наук.

За последние 10 лет детский книжный репертуар значительно изменился. Выделяется несколько тенденций на этом рынке. С одной стороны, это новые форматы (например, электронное издание или аудиокнига для детей). С другой стороны, активно ведется работа с новыми авторами. Неотъемлемой частью издательской практики становится прямой учет читательских предпочтений. Но самой спорной и нередко вызывающей сопротивление родителей является тенденция к появлению в детской литературе совершенно «недетских» тем.

Развод родителей, инвалидность и смерть близкого человека — все это темы, которые действительно разрушают привычные представления о детской книге. Они с большим трудом входят в детскую литературу, и это во многом связано с консерватизмом родителей при выборе детских книг. PR-менеджер издательства «Мелик-Пашаев» Ю. Тризна говорит об этом так: «Мы сильно отстаем от мировых тенденций. Во всем мире появляются детские книги на самые сложные темы, мы только начинаем этот путь. Еще несколько наших читателей поверят, что детские книги могут говорить не только о милых и забавных вещах, но и о проблемах этого мира...» [1].

Тем не менее, сегодня в России существуют издательства, которые не боятся выпускать книги для детей со сложной тематикой. Одним из новаторов в этом отношении является дочернее издательство «Серафима и Софии» «Премудрый сверчок». В 2013 г. здесь вышла книга И. Зартайской «Я слышу». Она предназначена для детей младшего школьного возраста, но подойдет и дошкольникам.

Главный герой книги — слабослышащий мальчик. В этом заключается принципиальная новизна произведения И. Зартайской, так как во многих постсоветских странах сохраняется особое отношение к таким людям. Книга дает понять, что дети с какими-то дефектами ничем не отличаются от нас: им так же нужна дружба, они тоже могут поддержать, дать совет и т.д. Поэтому концепция этого издания имеет большой воспитательный потенциал: в произведении показана

рождение дружбы между глухим Аликом и обычным 10-летним мальчиком Генной, чей мир наполнен разными звуками. Важно и то, что на форзацах книги представлена тактильная азбука, а на полях каждой страницы есть иллюстрации, представляющие различные слова и фразы языка жестов. Читатель легко сможет освоить основные правила общения с теми, кто плохо слышит.

В итоге, несмотря на достаточно консервативное отношение родителей к новым темам, это издание было принято читателями, активно обсуждается в интернете и продолжает продаваться в интернет-магазинах.

Еще одной закрытой темой для родителей и детей является тема смерти. О ней не принято говорить с детьми, хотя рано или поздно ребенок столкнется с потерями и начнет задавать вопросы. Сегодня российские издатели предлагают знакомить детей с этой темой через книги. Одним из первых подобную литературу стало выпускать издательство «Самокат». Еще в 2007 г. здесь вышла книга У. Нильсона «Самые добрые в мире». Описание сюжета звучит так: «Компания детей находит между оконными рамами засохшего шмеля и хочет похоронить его. После этого они решают устроить "лучшие в мире похороны" для всех мертвых насекомых и зверей, которых никто не похоронил и оставил лежать на земле: со стихами, крестиками из палочек, цветами и оплакиванием погибших» [2].

Как и следовало ожидать, книгу Нильсона восприняли неоднозначно: часть родителей восторгалась ей из-за легкой подачи текста и узнаваемой ситуации, другие же отнеслись к ней крайне негативно и призывали издательство отказаться от «пропаганды идей смерти». Однако переиздание вышло, поскольку в «Самокате» считают, что до сих пор не появилось другой столь легкой и мудрой книги для дошкольников и младших школьников о жизни и ее конечности [2].

Множество книг на схожую тематику выпустило издательство «КомпасГид». Например, в книге А. Фрид «А дедушка в костюме?» рассказывает о маль-

чике, который пришел на похороны своего дедушки. Здесь раскрывается механизм принятия смерти ребенком, описывается его состояние в такой сложной ситуации, а также и понимание того, что дедушка останется в его памяти навсегда. Нечто подобное выпускает и «Поляндрия». Например, книга Ж. Гольдстина «Мой друг Бертольт» рассказывает историю о мальчике, чьим единственным другом и защитником был дуб, который однажды умирает. Чтобы проститься с ним, герой украшает его ветви потерянными перчатками, собранными во всех окрестных школах. Такой ритуал становится очень личным, и именно поэтому на последних страницах нет текста, а представлены только иллюстрации.

Еще одной новой темой детской литературы является развод родителей. В качестве примера можно привести издание К. Нестлингер «Само собой и вообще» издательства «Самокат». Здесь рассказывается о том, как трое детей пытаются разобраться с родительскими проблемами, связанными с разводом. Подобная тема поднимается и в таких книгах, как «Принцесса Анна» Э. Фрэнка («Поляндрия»), «Принцессы и разбойники» У. Краузе («КомпасГид»), «Малыш и чудовище» М. Зауэрмана («Поляндрия») и других.

Подводя итоги, отметим, что большинство изданий на такие сложные темы являются переводными. В отечественном детском книгоиздании можно обнаружить немного примеров обращения к таким вопросам. Это уже упомянутая книга Ирины Зартайской «Я

слышу», а также произведения «Царское дело» Натальи Савушкиной и «Вовка, который оседлал бомбу» Юрия Никитинского, выпущенные издательством «КомпасГид». Тем не менее, их наличие говорит о движении российских авторов к новым темам.

Выпуск книг с нестандартной тематикой является рискованным делом, так как многие родители относятся к этому неоднозначно. Однако знакомить детей с реальными проблемами и не идеализировать мир вокруг них необходимо. Поэтому выпуск книг на сложную тему для детской аудитории действительно является инновационной стратегией для российских издательств, ведь тем самым они пытаются внести в детское чтение новые нормы, новые ценности, которые помогут воспитать читателей, сделать их толерантными, подготовить к возможным жизненным трудностям. Такой подход свидетельствует о качестве работы предприятий, которые не идут по традиционному пути, переиздавая классику, и, безусловно, внушают уважение.

Литература

1. 5 тенденций в детском книгоиздании [Электронный ресурс] // ЛибИнформ. – URL: <http://libinform.ru/read/articles/5-tendentcij-v-detskom-knigoizdanii> (дата обращения: 14.10.2017).
2. Десять детских книг, которые рассказывают, что такое смерть [Электронный ресурс] // Журнал «Такие дела». – URL: <https://takiedela.ru/news/2019/03/09/chto-takoe-smert> (дата обращения: 11.04.2019).

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ И ШРИФТОВОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ ИЗДАНИЙ

Довиденко Н.С.

Томский государственный университет, студент

ART AND FONT DESIGN OF ELECTRONIC PUBLICATIONS

Dovidenko N.S.

Tomsk State University, student

Представлена краткая характеристика электронных изданий (на примере PDF) и их особенностей. Проанализировано оформление электронных книг: отмечена преемственность оформления печатных и электронных книг, выделены характерные черты последних по сравнению с CD-ROM-ми.

Ключевые слова: электронные книги, pdf-формат, издательское дело.

This is an overview of publications electronic editions (using PDF as an example) consisted of a brief features summary. The design of electronic books was analyzed: it was noted that the electronic edition inherits the design of its printed publication. In addition, distinguishing features of electronic editions from CD-ROMs were highlighted.

Key words: e-books, pdf, publishing.

Научный руководитель:
Есипова Валерия Анатольевна,
докт. ист. наук.

В современном электронном книгоиздании не используются все возможности, что предоставляет цифровая среда (в частности, мультимедиа, интерактивные технологии и др.). Причины этого могут крыться в историческом развитии различных средств оформления.

Цель нашей работы — проследить развитие художественного и шрифтового оформления электронных изданий и, основываясь на этом, выявить причины преобладания / отсутствия того или иного оформления.

Ранее нами уже были проанализированы печатные издания (теория) и CD-ROMы, что позволило рассмотреть их оформление в эволюционном контексте. Последняя часть исследования посвящена электронным книгам, оформление которых имеет ярко выраженную специфику по сравнению с традиционной книгой, а определение по ГОСТу является слишком обширным и неоднозначным. В связи с этим нам важно определить, что мы в данной работе будем подразумевать под ЭИ.

Для этого выделим характерные черты ЭИ: наличие редакционно-издательской обработки, интерактивность, мультимедийность, распространение в неизменном виде, наличие выходных сведений, возможность воспроизведения средствами вычислительной техники, цифровая форма. Еще одним способом определения электронных изданий / ресурсов могут быть классификации. Например, классификация, которая делит ЭИ по наличию или отсутствию печатного эквивалента. Отдельно выделим веб-сайты, которые также будут рассматриваться как ЭИ., т.к. являются законченными продуктами, прошедшими редакционно-издательскую обработку, включают в себя текстовую, графическую, цифровую, музыкальную информацию, как и ЭИ, и имеют такие же, как и книги, долгий срок хранения и выходные сведения (пусть и не в том же объеме).

Таким образом, был выведен возможный круг ЭИ, с которыми мы будем в дальнейшем работать. Подчеркнем, что выборка будет осуществляться не по виду издания — учебные / энциклопедические, как ранее,

а по форматам e-book, которые можно найти в свободном доступе. Это представляется более рациональным, т.к., например, одна и та же энциклопедия может быть представлена в pdf-формате, html, epub, и оформление в каждом из случаев будет различаться. То есть в оформлении электронных книг большую роль начинает играть именно формат, а вид издания отходит на второй план.

Первые анализируемые ЭИ будут в формате pdf, который наиболее часто встречается на просторах интернета и принимается разработчиками как «эталонный», — это «Красная книга Ростовской области. Т. 1–2» [1]. Создателями ЭИ является организация «Неизвестный Дон», занимающаяся развитием туризма в Ростовской области и привлечением внимания к ее красотам и природе. Их продукция (путеводители, «Красная книга») заинтересовала нас качественным оформлением и контентом по сравнению с другими pdf-файлами.

«Красная книга Ростовской области. Т. 1» [2] так же, как и CD-издания, будет анализироваться по трем критериям: иллюстрации, текст и функционал. Книга выпущена в 2014 г., имеет все необходимые выходные сведения.

По классификации это издание — самостоятельное ЭИ, хотя создатели предлагают такую услугу, как печать данной книги. Но первоначально она планировалась и создавалась без бумажного аналога. То есть возникает обратная ситуация: не из печатного переводим в электронный вид, а наоборот. Но здесь стоит сказать, что «предрасположенность» к бумажному воплощению прослеживается именно у pdf-форматов.

Иллюстрационный материал издания очень хорошего качества. Книга поделена на два раздела: позвоночные и беспозвоночные. Каждая страница посвящена конкретному виду: с правой стороны располагается фотография животного и ареал его обитания, к сожалению, увеличить изображение нельзя. Само оформление единообразно по всему ЭИ: красно-серо-белая гамма, много «воздуха» — непритязательно, но именно этим и привлекает внимание, читая краткую или расширенную информацию, читатель не устает,

а, наоборот, успокаивается и наслаждается качественно подготовленным контентом. В конце книги есть фотогалерея, в которой дополнительно можно посмотреть фотографии большого формата.

Функционал издания – это, преимущественно, переход по гиперссылкам внутри документа. Ссылки на внешние ресурсы отсутствуют. Главные гиперссылки переводят читателей на русский и латинский указатели, а также на содержание, откуда уже можно попасть в любой интересующий раздел. Указатель тоже состоит из гиперссылок. Отметим также то, что переход по подразделам происходит благодаря повторяющимся идентичным страницам, идущим друг за другом, т.е. в ЭИ мы имеем шесть схожих друг с другом страниц о каждом животном. Средств мультимедиа замечено не было.

В целом продукция «Неизвестного Дона» произвела очень приятное впечатление, несмотря на свою ориентированность на бумажный вариант книги. Когда мы анализировали диски, то выделили два типа оформления, которые можно применять и к электронным книгам, т.е. наличие мультимедийных элементов и их отсутствие. Как становится понятно, все pdf-файлы будут ближе ко второму типу оформления.

Помимо ЭИ «Неизвестного Дона», стоит рассмотреть ряд других книг, чтобы сложить общую картину художественного и шрифтового оформления pdf.

На сайте библиотеки ТГУ представлены электронные издания, по классификации они относятся к тем ЭИ, которые имеют печатные аналоги. Для рассмотрения были взяты три учебника / учебных пособия из разных областей науки: «Латинский язык» [3] (Л.Т. Леушина и др.), «Синтез и оптимизация цифровых схем» [4] (М.Л. Громов и др.) и «Видеоигры: введение в исследование» [5] (А.С. Ветушинский и др.). Подробно останавливаться на каждой из книг не стоит, потому что они идентичны друг другу, выделим только интересующие нас аспекты.

Учебное пособие «Синтез и оптимизация цифровых схем», выпущенное в 2018 г. Издательским домом ТГУ, имеет все необходимые выходные данные. Иллюстрационного материала почти нет. Изображения представлены схемами. Текстовые выделения: курсив и полужирный. Также в издании используется два шрифта: с засечками для основного текста и без засечек для выделения алгоритмов (подобный ход не часто встречается в ЭИ). Только у этого издания из отобранных нами в библиотеке ТГУ есть содержание с гиперссылками, однако, перейдя в конкретный раздел, ты уже не можешь вернуться обратно, т.е. навигация (те же самые колонтитулы) слабо проработана. «Видеоигры: введение в исследование» выпущено

также в 2018 г. и среди всех изданий имеет хоть какое-то оформление: колонтитулы и линейки при названии разделов. Помимо этого, данное ЭИ отличает наличие цветных иллюстраций; интерактивность и мультимедиа отсутствуют. Оформление учебника латинского языка подобно предыдущим книгам.

Такое сильное различие в оформлении ЭИ может быть вызвано несколькими причинами. Во-первых, это, конечно, специфика издания, его предрасположенность к электронной среде. Например, в «Красной книге», бесспорно, намного больше вариантов художественного и шрифтового оформления, чем в том же самом учебнике по латинскому языку. Однако никто не отрицает того факта, что визуальное оформление при электронной среде может дать намного больше, чем в печатном варианте. И не стоит им пренебрегать.

Во-вторых, это концепция, заложенная авторами и создателями ЭИ. Понятно, что организации, направленной на развитие туризма, необходимо показать красоты своей области (определенная доля рекламы / маркетинга здесь тоже присутствует), в свою очередь, учебники, что мы видели и анализировали, первоначально задумывались как печатные книги, а электронный вариант всего лишь сопутствующий / побочный продукт, т.е. все оформление, весь функционал закладываются именно на этапе разработки концепции издания. Структура книги будет сильно отличаться в зависимости от того, в какой среде планируются ее реализовывать.

Литература

1. Интерактивные электронные издания [Электронный ресурс] // Неизвестный Дон. – URL: http://unknown-don.ru/Turoperatoram/Elektronnye_izdaniya.aspx (дата обращения: 14.04.2019).
2. Красная книга Ростовской области. Т. 1. [Электронный ресурс] // Неизвестный Дон. – URL: <http://unknown-don.ru/Portals/1/upload/pdf/Volume1.pdf> (дата обращения: 14.04.2019).
3. Латинский язык : учебник для университетов, педагогических институтов и старших классов средних учебных заведений / Л.Т. Леушина, Г.М. Шатров, Г.А. Чупина и др. ; Том. гос. ун-т. – Томск : Изд-тво Том. ун-та, 2006. – URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000219263> (дата обращения: 14.04.2019).
4. Громов М.Л., Прокопенко С.А., Лапутенко А.В. Синтез и оптимизация цифровых схем. – Томск : Издательский Дом ТГУ, 2018. – URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000649180> (дата обращения: 14.04.2019).
5. Видеоигры : введение в исследования / А.С. Ветушинский, А.С. Салин, Е.В. Галанина и др. – Томск : Издательский Дом ТГУ, 2018. – URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000648591>.

ПРИРОДА БУКТРЕЙЛЕРА КАК МУЛЬТИМЕДИЙНОГО ПРОДУКТА

Козлова Т.Н.

Томский государственный университет, магистрант

THE NATURE OF BOOK TRAILER AS A MULTIMEDIA PRODUCT

Kozlova T.N.

Tomsk State University, master student

Осмысливается гибридная природа буктрейлера как мультимедийного продукта и связанные с этим его полифункциональность и возможность использования как инструмента продвижения книжной продукции и воздействия на читательскую аудиторию в условиях трансформации чтения и читателя и развития цифровых технологий.

Ключевые слова: буктрейлер, реклама книги, мультимедийный продукт.

The article focuses on the hybrid nature of the book trailer as a multimedia product and the related polyfunctionality and its potential application as a book promotion instrument and a mechanism of affecting readers in the light of the transformation of reading and a reader as well as the development of digital technologies.

Key words: booktrailer, book trailer, book marketing, multimedia product.

Научный руководитель:
Айзикова Ирина Александровна,
докт. филол. наук, профессор.

Развитие мультимедийных технологий, всеобщая цифровизация, переход общества на новые каналы коммуникации, рождение принципиально новых способов обработки всех видов информации заложили основу для появления digital contents и стимулировали формирование человека новой эпохи, трансформируя особенности его восприятия и потребления информации, что выдвинуло вопрос о новых инструментах продвижения книжной продукции и воздействия на читателей. Одним из них является буктрейлер. Рассмотрим природу этого мультимедийного продукта, предпосылки и контекст его появления и развития.

Как известно, в последние десятилетия сформировались так называемые клиповое мышление и клип-культура [1], которые по сути являются адаптацией нового поколения к существующему тренду всеобщей цифровизации и гибридизации медиасреды, реакцией на информационные перегрузки и способом получения информации в условиях многоканальности и многозадачности. Поколение, выросшее вместе с развитием технологий и определяемое М. Пренски [2] как цифровые аборигены, Н. Хоувом и В. Штраусом [3] как поколение Z (рожденные после 2004 г.), Л. Розен [4] как постмиллениалы или сетевое поколение, обладает исключительной способностью к восприятию аудиовизуальной информации и не испытывает проблем с адаптацией к новой информационной среде. За естественную и неразрывную связь с технологиями их также именуют «линкстерами» (от англ. *link* — связь). Поскольку глобальные технологические изменения начались значительно раньше 2004 г., клиповизация мышления характеризует также миллениалов, или представителей поколения Y. Оба поколения представляют собой большой пласт населения и становятся целевой аудиторией для новых технологий и продуктов информационной среды. Помимо этого, корни буктрейлера необходимо искать в потребности человека к самовыражению посредством различных форм искусства. Буктрейлер — продукт гибридного по

сути мультимедийного аудиовизуального искусства, базирующегося на стыке технологий и творчества.

Он обладает рядом характерных особенностей, позволяющих идентифицировать его именно в этих аспектах: создается, хранится, обрабатывается и распространяется в *цифровой форме и в цифровой среде* и не имеет физического эквивалента, что позволяет использовать его в удобное время, в удобном темпе и обеспечивает ему высокую способность к тиражированию и неограниченный срок жизни; сочетает в себе *текстовую, звуковую, графическую* информацию и ее статические и динамические комбинации (текст и фото vs видеофрагменты, анимация), что способствует эффективному воздействию на пользователя, который одновременно является зрителем, читателем, слушателем и т.п.; отличается *интерактивностью*, которая дает возможность пользователю играть активную роль в процессе восприятия (так, на уровне восприятия интеракцией являются декодирование и достраивание образов, комментарии, отзывы, лайки, репосты и приобретение продукта).

В попытке определить истоки буктрейлера его часто сравнивают с кинотрейлером, полагая, что он создан и назван по аналогии с ним, и, соответственно, перенял его основные свойства. На первый взгляд может, действительно, показаться, что это явления одного ряда и рода: оба являются краткой визуальной репрезентацией источника; нацелены на пробуждение интереса и побуждение аудитории к действию; построены на комбинации аудиального, визуального и текстового информационных каналов; имеют схожие техники производства (сценарий, монтаж и др.). Однако принципиальным различием является природа источников, из которых исходят буктрейлер и кинотрейлер. Кинотрейлеры находятся в изоморфном отношении с текстом источника, поскольку их объединяет один аудиовизуальный язык. Буктрейлер, напротив, имеет более гетерогенное отношение с текстом источника, так как представляет чисто лингвистический текст посредством аудиальных и визуальных элементов [5].

Таким образом, буктрейлер, в отличие от кинотрейлера, в большей степени характеризуется свойством *интермедиальности*, которое восходит к теории М. Маклюэна о гибридации и импlications медиа [6]. Отметим, что книга как базовое традиционное медиа также подвержена гибридации. Например, синтез книги и кинематографа реализуется в экранизации произведений, книги и музыки – в появлении аудиокниг, книги и рекламы – в появлении буктрейлеров. Гибридация дает книге возможность усилить свое присутствие в информационном поле.

Тренд на использование сочетания информационных каналов для усиления воздействия на аудиторию привел к появлению кроссмедийности или кроссплатформенности, то есть доступности контента на любой удобной для пользователя платформе. Этот термин часто используется в рекламной индустрии. В аспекте издательского дела кроссплатформенностью можно считать возможность получить/обеспечить доступ к книге, ее интерпретации посредством мобильного приложения, веб-сайта, социальных сетей, видеохостинга и других каналов или с помощью смартфона, компьютера, планшета и других устройств. Буктрейлер, таким образом, предстает как инструмент воздействия на аудиторию на разных каналах и с помощью разных устройств. Еще более глобальным представляется трансмедийный подход к коммуникации с аудиторией. Американский философ, культуролог и теоретик медиа Г. Дженкинс ввел термин трансмедиа [7], означающий представление истории через множество медиаплатформ и форматов. При этом контент, передаваемый посредством разных каналов, является дополняющимся в рамках единой истории, что обеспечивает многоканальную интеракцию с разнонаправленной аудиторией. Так, в цепочке «книга (серия книг) – фильм (сериал, серия фильмов) – *буктрейлер* – блог – ТВ проект – социальные сети – приложение – компьютерная игра» буктрейлер становится одним из каналов трансмедийного повествования, вносит свой уникальный вклад в развитие общей истории и является одной из «точек входа» для определенной аудитории. Трансмедийные проекты по Дженкинсу подразделяются на ретроактивные и проактивные [8] в зависимости от первоначального продукта, формирующего идею. Так, проект является ретроактивным, если в его создании первоначально отталкиваются от книги или фильма и впоследствии история транслируется через другие каналы и обрастает расширениями. Проактивные проекты, напротив, изначально создаются в трансмедийном поле. В ретроактивном проекте, где книга как источник истории занимает ключевое место, буктрейлер может стать неотъемлемым элементом трансмедийной истории.

Важной характеристикой природы буктрейлера как мультимедийного продукта является его маркетинговый потенциал. С точки зрения маркетинговых технологий, буктрейлер по своей природе является инструментом рекламы и PR-технологий, в том числе брендинга. Если рассматривать рекламу как способ донесения, интерпретации и визуализации ин-

формации с целью стимулирования продукта продаж, в данном случае книги, буктрейлер, несомненно, имеет многие технические ресурсы для удовлетворения данной потребности. Формат буктрейлера позволяет организовать контент таким образом, чтобы направить фокус целевой аудитории на соответствующий компонент в зависимости от цели и задач проекта. Например, целью такого маркетингового проекта может быть продвижение литературного произведения или серии изданий, автора, издательства, библиотеки или собственно чтения.

Наконец, отметим образовательный потенциал буктрейлера, заложенный в его гибридной природе, отметим использование буктрейлера библиотеками для повышения читательского интереса и привлечения внимания не только к книге и чтению, но и к книгохранилищу как к современному информационному центру.

Таким образом, можно заключить, что основным свойством буктрейлера является *гибридность*. Это продукт гибридного по сути мультимедийного аудиовизуального искусства, базирующегося на стыке технологий, маркетинга и искусства. Будучи гибридным мультимедийным продуктом по своей природе, буктрейлер вместе с тем может представлять собой элемент сложной гибридной медиаструктуры. С этим связана его полифункциональность и эффективность использования в разных областях, в том числе в области продвижения автора, книжной продукции и воздействия на читателя.

Литература

1. Тоффлер Э. Третья волна. – М.: АСТ, 2004. – С. 119.
2. Prensky M. Digital natives, digital immigrants [Электронный ресурс] // On the Horizon. – 2001. – Vol. 9(5). – URL: www.marcprensky.com/writing/Prensky%20-%20Digital%20Natives,%20Digital%20Immigrants%20-%20Part1.pdf (дата обращения: 20.11.18).
3. Strauss W., Howe N. Generations: The history of America's future, 1584 to 2069 [Электронный ресурс]. – New York: William Morrow & Company, 1991 – 540 p. – URL: <https://archive.org/details/GenerationsTheHistoryOfAmericasFuture1584To2069ByWilliamStraussNeilHowe/page/n11> (дата обращения: 20.11.18).
4. Rosen L.D. Me, MySpace, and I: Parenting the net generation. – New York: Palgrave Macmillan, 2007. – 258 с.
5. Grøn, R. Literary experience and the book trailer as intermedial paratext [Электронный ресурс] // SoundEffects. – 2014. – Vol. 4(1). – P. 97. – URL: <https://doi.org/10.7146/se.v4i1.20330> (дата обращения: 11.12.18).
6. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. – М.: Кучково поле, 2011. – 464 с.
7. Jenkins H. Convergence culture: Where old and new media collide [Электронный ресурс]. – New York: New York University Press, 2011. – URL: <http://www.emerymartin.net/FE503/Week8/Jenkins-ConvergenceCulture-Intro.pdf> (дата обращения: 18.11.18).
8. Jenkins H. Transmedia Storytelling [Электронный ресурс] // MIT Technology Review. – 2003. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.technologyreview.com/s/401760/transmedia-storytelling/> (дата обращения: 21.11.18).

СОВРЕМЕННЫЕ ИЗДАНИЯ ЯНГ-ЭДАЛТ ЛИТЕРАТУРЫ: ОСОБЕННОСТИ ЦЕЛЕВОЙ АУДИТОРИИ

Костышина А.Е.

Томский государственный университет, студент

MODERN PUBLICATIONS OF THE YOUNG-ADULT LITERATURE: FEATURES OF THE TARGET AUDIENCE

Kostyshina A.E.

Tomsk State University, student

Объектом рассмотрения в статье являются издания янг-эдалт литературы как одного из популярных направлений современной книгоиздательской практики. На основании проведенного исследования вводится определение англоязычного термина «young-adult», выявляется характер информации, жанровое своеобразие указанных книг, раскрывается психовозрастная специфика их целевой аудитории, являющаяся основной типологической характеристикой данного типа изданий.

Ключевые слова: янг-эдалт, подростковая литература, психология читателя.

The object of consideration in the article is the publications of young-adult literature as one of the popular trends in modern book publishing practice. Based on the research, we introduce the definition of the English term “young-adult”, identify the nature of the information, the genre identity of these books, and reveal the psycho-age specificity of their target audience, which is the main typological characteristic of this type of publications.

Key words: young-adult, teen literature, psychology of reading.

*Научный руководитель:
Воробьева Татьяна Леонидовна,
канд. филол. наук, доцент.*

Незаинтересованность подростковой аудитории в чтении книг приводит к необходимости поиска того пласта литературы, который бы совпадал с интересами адресата [1]. Такой сферой является young-adult литература, выпуском изданий которой занимается множество специализированных западных издательств, а также некоторые российские издательства.

Дословно термин young-adult можно перевести как «молодые взрослые», но многие читатели используют именно англоязычную его версию. Поэтому в данном исследовании будет использован для обозначения подобного рода литературы транслитерированный вариант термина: «янг-эдалт».

Интернет-портал Goodreads определяет янг-эдалт литературу как художественную литературу для подростков и молодежи в возрасте 13–21 года [2]. Российское янг-эдалт издательство Like Book корректирует диапазон возраста читателей: 12–21 год [3]. Отечественный исследователь А.А. Зеличенко присваивает янг-эдалту возрастную категорию 13–19 лет [4]. Таким образом, возраст целевой аудитории данных изданий равен 12–21 году. Но янг-эдалт характеризуется не только направленностью на возраст читателя, существуют определенные отличия в содержательном плане.

Издания янг-эдалт литературы не имеют жанровых ограничений. Чаще их можно встретить в жанре фэнтези, фантастики, дистопий, романа и т.д. Нередко в произведениях встречается смешение нескольких жанров или несоблюдение привычного канона.

Характерная черта янг-эдалта – обязательное наличие главного героя-ровесника целевой аудитории, который сталкивается с трудностями и пытается их преодолеть [4]. Такой образ позволяет читателю идентифицировать себя с главным героем, воспринимать его опыт.

Еще одной особенностью характера информации данных изданий является демонстрация процесса взросления личности главного героя, по мере которого его ценности и мировоззрение меняются под влиянием происходящих событий [5]. Благодаря этому читатель взрослеет вместе с героями произведения, формируя личностные качества и в самом себе.

Для янг-эдалта также характерно наличие бунта со стороны главного героя [6]. Чаще всего он вызван тяжелыми взаимоотношениями со взрослыми или сверстниками, но может быть обусловлен и отношением главного героя к самому себе (непринятие себя).

Все чаще российские издательства стали выпускать издания янг-эдалт литературы, посвященные табуированным темам: нетрадиционные сексуальные отношения, суицид, наркозависимость. Отношение к таким изданиям неоднозначное. С одной стороны, настораживает популяризация запрещенных тем, особенно в тех случаях, когда существующие проблемы романтизируются, что может вызвать ряд негативных последствий. С другой стороны, появление подобных изданий может быть благоприятной почвой для настоящего и грамотного обсуждения острых проблем и поисков их решения.

На основе анализа изданий «13 причин почему» Джея Эшера и «Дети Шини» Иды Мартин мы выявили, что в произведениях на табуированную тематику действительно присутствует угроза героизации социально опасных явлений. Поэтому при работе с подобным янг-эдалтом возрастает профессиональная ответственность издателей и редакторов, необходимость участия эксперта-психолога для учета возможных социальных эффектов и рисков. Это связано и с правильной маркировкой книжной продукции.

Как было выявлено, издания янг-эдалт литературы рассчитаны на читателя в возрасте 12–21 года. В

нем можно выделить определенные подгруппы благодаря Федеральному закону от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»: 12+, 16+, 18+. Однако в законе отсутствует обоснование психологических особенностей данных групп, что определяет необходимость выявления их социально-психологической специфики.

Исследователь возрастной психологии Е.А. Сорокоумова в интересующем нас возрастном промежутке выделяет этапы: подростковый, юношеский, зрелый (ранняя зрелость). Подростковый этап (11–16 лет) характеризуется усвоением социальных ролей, приобретением самостоятельности, осознанием своих возможностей, становлением жизненной позиции, желанием проявить себя и почувствовать свою значимость. Юношеский этап (от 16–17 до 18–19 лет) характеризуется критическим взглядом на мир, мыслями о будущей профессии и цели в жизни. На этом этапе значимыми остаются признание со стороны социума, зависимость от некоторых взрослых. Ранняя зрелость (18–30 лет) характеризуется овладением ролью взрослого человека, нарастающим чувством ответственности, максимальной вовлеченностью в общественные отношения [7].

Таким образом, наиболее важным для целевой аудитории янг-эдалт изданий будет являться потребность в самореализации, чувство собственной значимости, возможность иметь право голоса. Во многом издания янг-эдалт литературы отвечают потребностям

и особенностям своего читателя благодаря характерным для этих книг сюжетам, которые способствуют его личностному становлению и социализации.

Литература

1. Читающих детей подсчитали [Электронный ресурс] // ГодЛитературы.РФ. – 2017. – URL: <https://godliteratury.ru/events-post/chitayushhikh-detey-podschitali> (дата обращения: 24.01.2019).
2. Young-adult [Электронный ресурс] // Goodreads. – URL: <https://www.goodreads.com/genres/young-adult> (дата обращения: 20.01.2019).
3. Что такое Young Adult и с чем его едят [Электронный ресурс] // ulikebook. – 2018. – URL: <https://ulikebook.ru/news/chto-takoe-young-adult-i-s-chem-ego-edyat> (дата обращения: 20.01.2019).
4. Зеличёнок А.А. Особенности творчества Джона Грина (на примере романа «Виноваты звезды») // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – Казань : Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2014. – № 2. – С. 187–197.
5. Игнатова И.В. Отличительные черты молодежной антиутопии как жанра художественной литературы (на примере трилогии С. Коллинз «The Hunger Games») // Российский гуманитарный журнал. – СПб. : Социально-гуманитарное знание, 2015. – № 6. – С. 440–451.
6. Лекаревич Е.В. Масскульт для подростков: жанр антиутопии // Детские чтения. – СПб. : Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 2016. – С. 135–151.
7. Сорокоумова Е.А. Возрастная психология : краткий курс – СПб. : Питер, 2007. – 208 с. – (Серия «Краткий курс»).

КАТАЛОГ ПРИЖИЗНЕННЫХ ИЗДАНИЙ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО ИЗ ФОНДОВ НАУЧНОЙ
БИБЛИОТЕКИ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА:
ОСОБЕННОСТИ ПЕЧАТНОГО И ЭЛЕКТРОННОГО ИЗДАНИЯ

Кравченко Е.А.

Томский государственный университет, магистрант

CATALOG OF F.M. DOSTOEVSKY'S LIFETIME EDITIONS FROM THE FUNDS OF THE RESEARCH
LIBRARY OF THE TOMSK STATE UNIVERSITY:
FEATURES OF THE PRINTED AND DIGITAL EDITION

Kravchenko E.A.

Tomsk State University, master student

Статья посвящена основным характеристикам каталога как специфического вида издания. На примере опыта создания печатного каталога прижизненных изданий Ф.М. Достоевского из фондов Научной библиотеки Томского государственного университета рассмотрены его основные характеристики и проведено сравнение с проектом будущего электронного издания.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, прижизненные издания, электронный каталог, печатный каталог.

Annotation: The article is devoted to the main characteristics of the catalog, as a specific type of publication. Based on the experience of creating a printed catalog of lifetime editions of F.M. Dostoevsky from the funds of the Research Library of Tomsk State University reviewed its main characteristics and compared it with the project of a future electronic publication.

Key words: F.M. Dostoevsky, lifetime editions, digital catalog, printed catalog.

*Научные руководители:
Айзикова Ирина Александровна,
докт. филол. наук, профессор;
Жеравина Ольга Александровна,
канд. ист. наук, доцент.*

На протяжении всей истории развития человеческой цивилизации необходимость фиксации сведений о тех или иных аспектах или объектах жизни людей неизмеримо возрастала. Это привело к созданию списков, описей, картотек, каталогов, таблиц и т.д. — справочных изданий с определенным набором сведений о предмете поиска. Они используются и сегодня в различных областях нашей деятельности.

В соответствии с ГОСТом 7.60-2003 СИБИД каталог по своему целевому назначению является справочно-информационным изданием, содержащим систематизированный перечень кратких сведений научного или прикладного характера о документах (опубликованных, неопубликованных, непубликуемых) либо обобщенных сведений из первоисточников. Он выпускается организацией, осуществляющей научно-информационную деятельность, предназначен для быстрого отыскания информации и не предполагает сплошное чтение*. Как правило, это непериодические текстовые издания, в которые часто включаются иллюстративные материалы, приложения, которые своей наглядностью могут заменить длинные описания объекта**. Примерами могут служить списки (описи)

книг в библиотеках, экспонатов в музеях и т.д.

Каталог может быть выпущен для массового читателя, для детей и юношества, для библиотеки и для служебного пользования. Это может быть и элитарное, и библиофильское издание. По характеру информации каталог чаще всего является научной или научно-популярной книгой (брошюрой) справочно-информационного характера. По способу аналитико-синтетической обработки информации ГОСТ выделяет несколько разновидностей каталога: каталог выставки, аукциона, библиотеки, музея, издательства, сближая их с библиографическими указателями.

Поскольку каталог отличается высокой степенью обобщения готовой к использованию информации, емкостью и одновременно лаконичностью ее изложения, он отличается особой структурой основного текста. Каталог составлен из кратких статей, однотипных по содержанию (представляет полный ответ на предполагаемый вопрос реципиента об объекте описания), стилю (лаконизм, схематичность, общепринятая лексика, простой синтаксис, использование таблиц, схем, применение сокращений слов и т.д.) и композиции. Для каталога очень важна композиция самого издания, которая должна быть направлена на обеспечение быстрого поиска читателем нужной ему информации. Чаще всего каталог строится по алфавитному или систематическому принципу (напр., тематическому, хронологическому). В любом случае для каталога необходима четкая рубрикация (особенно если речь идет о сложной иерархии разделов книги).

Справочный аппарат каталога должен быть разработан не менее тщательно, чем основной текст. В него

* Каталог может иметь признаки и рекламного издания, см. [1].

** Оформление каталогов выставок, подарочных или рекламных приравнивается к произведениям типографского искусства, особенно это видно на примерах каталогов международных технических и художественных выставок, ярмарок XIX — начала XX вв. На сегодняшний день в этот список попадают цифровые издания.

входят указатели, система ссылок, ссылочные статьи, всевозможные выделения текста.

Спецификой нашего исследования обусловлено обращение к конкретному виду каталожного издания – к каталогу библиотеки, который представляет собой перечень книг, находившихся в каком-либо книгохранилище [1]. Содержание понятия можно расширить: «Библиотечный каталог, каталог (БК) – совокупность расположенных по определенным правилам библиографических записей (БЗ) на документы, раскрывающая состав и содержание фонда библиотеки или информационного центра. Примечание – библиотечный каталог может функционировать в карточной или машиночитаемой форме, на микроносителях, а также в форме книжного издания» (см. [2]). В настоящее время к этому перечню добавляется электронная форма издания.

В рамках проведенной работы нами был создан каталог «Прижизненные издания Ф.М. Достоевского в фондах Научной библиотеки Томского государственного университета», предназначенный для издания в печатном формате [3]. Его структура включает в себя предисловие («От составителя»), каталог, четыре вспомогательных указателя («Алфавитный указатель заглавий произведений писателя», «Указатель издательств и типографий», «Указатель имен», «Указатель псевдонимов»), «Список статей и редактуры, приписываемых Ф.М. Достоевскому», словарь терминов, списки сокращений, использованной литературы, в качестве приложения выступают иллюстрации. Записи расположены в соответствии с хронологией публикаций; внутри года они выстроены по алфавиту заглавий. Библиографическая запись включает библиографическое описание, полную характеристику особенностей экземпляра (переплет, дарственные надписи, экслибрисы, цензурные разрешения, автографы и др.). Все сведения приведены в соответствии с ГОСТ Р 7.0.2018 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила» [4].

Проект продвижения каталога в электронной среде являлся продолжением нашей бакалаврской работы. Целью магистерской диссертации является создание веб-ресурса, основанного на печатном варианте каталога прижизненных изданий Ф.М. Достоевского из НБ ТГУ – электронного каталога.

Понятие «электронный каталог» пришло в Россию из США. Оно подразумевает «machine-readable catalog», использующий библиографические записи в машиночитаемой форме. Одной из разновидностей такого каталога является «Online catalog» (рус. «работающий в реальном режиме времени»), который

обеспечивает прямой доступ к постоянно пополняемому массиву библиографических записей. Наибольшее распространение получил ОПАС («Online Public Accesses Catalog»), определяемый как «an online catalog that is available for use by the general public»^{***}. В отечественной практике электронный каталог представлен как эквивалент американского ОПАС [5].

В нашем случае электронный каталог предназначен решать непосредственно задачи поиска информации и, соответственно, информирования пользователя. Его функциональные возможности расширяются в области доступности информации об историко-культурном наследии Федора Михайловича Достоевского, собранного в НБ ТГУ. Кроме того, перед нами стоит задача актуализации пространства традиционного бумажного каталога путем применения в процессе его издания в электронном формате цифровых технологий, прежде всего, системы гиперссылок, средств мультимедийности и интерактивности.

Исходной точкой для нас будет являться концепция новых медиа: стандартное наполнение каталога рассматривается через призму информационной среды и запросов пользователей сети Интернет, тем самым, кроме прочего, решаются образовательные и маркетинговые задачи. Функционал инструментов расширяется, глубина ресурса, пополняемость и обновляемость контента становятся открытыми.

Литература

1. ГОСТ 7.60-2003 СИБИД. Издания. Основные виды. Термины и определения : взамен ГОСТ 7.60 0 90. – Минск : Межгос. Совет по стандартизации, метрологии и сертификации ; М. : Изд-во стандартов, 2003. – С. 10.
2. ГОСТ 7.76–96 СИБИД. Комплектование фонда документов. Библиографирование. Каталогизация. Термины и определения. – Минск : Межгос. Совет по стандартизации, метрологии и сертификации ; М. : Изд-во стандартов, 1996. – С. 10.
3. Кравченко Е.А. Каталог «Прижизненные издания Ф.М. Достоевского в фондах Научной библиотеки Томского государственного университета»: проект создания и продвижения в электронной среде : выпускная бакалаврская работа по направлению подготовки 51.03.06 – Библиотечно-информационная деятельность [Электронный ресурс]. – Томск, 2018. – С. 62–64. – URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vital:6457> (дата обращения: 14.03.2019).
4. ГОСТ Р 7.0.2018. СИБИД. Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления. – М. : Стандартинформ, 2018. – 128 с.
5. Сукиасян Э.Р. Электронные каталоги // Библиотека. – 2003. – № 2. – С. 38–39.

^{***} Работающий в реальном режиме каталог, доступный для личного пользования

СВОЕОБРАЗИЕ ТЕКСТОВОГО И МУЛЬТИМЕДИЙНОГО КОНТЕНТА САЙТА
НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ
(НА ПРИМЕРЕ САЙТА НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ ТГУ)

Куркудюк А.А.

Томский государственный университет, магистрант

THE PECULIARITY OF TEXTUAL AND MULTIMEDIA CONTENT OF THE WEBSITE
OF THE SCIENTIFIC LIBRARY
(ON THE EXAMPLE OF THE WEBSITE OF TSU SCIENTIFIC LIBRARY)

Kurkudyuk A.A.

Tomsk State University, master student

В статье рассматривается роль сайта в работе научной библиотеки и специфика его контента. Эмпирическую базу исследования составляет анализ сайта Научной библиотеки ТГУ, исследование его контента и функций, а также возможность расширения и актуализация содержания сайта для повышения производительности библиотеки.

Ключевые слова: научная библиотека, библиотечный сайт, мультимедийный контент.

The role of the website in the work of the scientific library and the specificity of its content. The empirical basis of the study is the analysis of the website of the TSU Scientific Library, the study of its content and functions, as well as the possibility of expanding and updating the content of the website to improve the library's performance.

Key words: scientific library, library website, multimedia content.

Научный руководитель:
Макарова Елена Антониновна,
канд. филол. наук, доцент.

В условиях сформировавшейся современной электронной среды традиционная библиотека безусловно нуждается в интернет-представительстве. А с учетом того, какое многообразие ресурсов и средств возникло с развитием сети Интернет, сайты библиотек теперь играют новую, гораздо более значительную роль в их работе, а именно:

- канала коммуникации, если рассматривать их с точки зрения социологов как «виртуальные/электронные институты», которые являются новым перспективным типом организационно-производственной структуры;
- электронного ресурса, являющегося, с точки зрения специалистов в области библиотековедения, совокупностью электронных документов;
- программного продукта, с точки зрения программистов и специалистов области информатики;
- основной платформы или точки доступа к интернет-ресурсам, или главного интерфейса для представления информации и взаимодействия научно- и профессионального библиотечного сообщества [1, с. 5].

Проблема наполнения библиотечного сайта ранее была затронута в работах Ю.В. Потехиной и Е.М. Терентьевой [1–3].

Необходимо сразу развести понятия «научная» и «публичная» библиотека. Между ними есть существенное различие, основанное на цели читателя, приходящего в ту или иную библиотеку. Под посетителем *научной библиотеки* подразумевается исследователь (студент, научный сотрудник или профессор), его цель — получить некое специальное знание, усовершенствовать свои навыки или продвинуться в исследовании. Читатель *публичной библиотеки* преследует цель удовлетворить свои читательские потребности — за-

нять время, развлечь себя хорошей книгой и получить впечатления. Поэтому научная библиотека должна решать гораздо более обширный спектр задач для читателя, начиная от прояснения теоретических вопросов и заканчивая практическими методиками и советами в сложных научных дисциплинах. Возлагая на нее роль авторитетного и бесспорного источника информации, читатель-исследователь рассчитывает получить доступ не только к известным, признанным трудам по своей теме, но и к самым свежим и актуальным статьям и изданиям. Поэтому научные библиотеки стремятся непрерывно обновлять и актуализировать свои фонды, дополняя их новейшими изданиями, формируя удобные электронные каталоги, оцифровывая существующие в фонде материалы (прежде всего самые ценные и уникальные) и создавая новые формы продвижения своих коллекций, в чем непосредственно задействован сайт. Важной частью научной деятельности являются всевозможные научно-практические семинары, лекции, вебинары, конференции, площадками для проведения которых становятся библиотеки. В связи с вышеперечисленными особенностями научной библиотеки ее сайт выполняет широчайший объем функций, донося важную информацию до пользователя в самый короткий срок. Исходя из этих специфических целей, выявлены особенности структуры сайта библиотеки.

Библиотечному сайту необходима поисковая система, позволяющая пользователю ориентироваться в объемном фонде библиотеки. Эту функцию выполняет раздел «Поиск по электронному каталогу». Весомое значение имеет такой раздел, как «Читателю», где располагаются инструкции по пользованию библиотечными ресурсами, возможности, которые предоставлены владельцу читательского билета, а также правила, которые необходимо соблюдать в библиотеке.

Новостная лента сообщает посетителям сайта о поступлениях в фонд книг, проводимых в библиотеке мероприятиях и изменениях в режиме работы. Этот раздел не только своевременно информирует пользователей, но и повышает лояльность аудитории к библиотеке. На сайте Научной библиотеки ТГУ есть отдельные разделы «*Студентам*» и «*Исследователям и преподавателям*», чрезвычайно важные для пользователей сайта. За предоставление информации о библиотечном фонде на сайте НБ ТГУ отвечает раздел «*Книжные новинки*», сообщающий о поступлениях новой литературы в фонд, а также раздел «*Книжные памятники*», в котором указывается информация о содержащихся в коллекции Научной библиотеки ТГУ редких книгах.

Вышеперечисленная информация на сайте предоставляется в текстовом формате, который является преобладающей формой подачи информации. Мультимедийный контент (графический, анимационный и аудио-контент) выполняет вспомогательную роль, «разбавляя» текст. Иллюстрациями сопровождаются только постоянные разделы сайта и новостные статьи, что составляет около 5–10% всей предоставленной на сайте информации, тогда как видео- и аудио-формат вовсе являются на сайте большой редкостью и в основном используются в формате виртуальных выставок. **Текстовый контент** на сайте формирует информационный поток, а графический контент может успешно иллюстрировать его, облекая текст в образы. Графическая составляющая также должна присутствовать в шапке сайта в виде узнаваемого логотипа библиотеки, который будет дублироваться в разделах сайта, на читательских билетах и других атрибутах библиотеки.

Предоставленные в виде текста полезные сведения практичны, но не всегда наиболее функциональны и наглядны. Навигация по читальным залам, а также часы, календарь работы библиотеки и расписание санитарных дней наиболее функционально могут подаваться с помощью инфографики, а мероприятия, которые проводятся в библиотеке, могут анонсироваться или передаваться в новостной ленте в виде коротких или развернутых видеороликов, способных привлечь на сайт новых пользователей, а в библиотеку — потенциальных читателей. Таким образом, наиболее важной для рассмотрения следует обозначить **проблему** того, насколько актуален мультимедийный контент на сайте научной библиотеки и как повышение его количества и качества в соотношении с текстовым может сказаться на общем восприятии сайта и удовлетворенности пользователя.

Литература

1. Особенности формирования и ведения контента сайта библиотеки : методические рекомендации для муниципальных библиотек Алтайского края / Алт. краев. универс. науч. б-ка им. В.Я. Шишкова ; сост. Е.М. Терентьева. — Барнаул, 2014.
2. Потехина Ю.В. Интернет-представительство библиотеки вуза: желаемое и действительное // Научные и технические библиотеки. — 2005. — № 6. — С. 14–24.
3. Потехина Ю.В. Управление официальным сайтом библиотеки как предмет научных исследований: постановка проблемы [Электронный ресурс] // Библиосфера. — 2011. — № 4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-ofitsialnym-saytom-biblioteki-kak-predmet-nauchnyh-issledovaniy-postanovka-problemy> (дата обращения: 13.09.2018).

МОДЕЛЬ ВУЗОВСКОГО НАУЧНОГО ЖУРНАЛА НА ПРИМЕРЕ ИЗДАНИЯ «ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ФИЛОЛОГИЯ»

Лелююр А.И.

Томский государственный университет, магистрант

THE MODEL OF THE UNIVERSITY ACADEMIC JOURNAL ON THE EXAMPLE OF "TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY"

Lelour A.I.

Tomsk State University, master student

Анализируется научный журнал «Вестник Томского государственного университета. Филология» как пример современного вузовского научного журнала. Рассматриваются типологические признаки, функции, основные принципы работы редакционной коллегии журнала. Описываются пути продвижения научной информации в интернет-среде.

Ключевые слова: вузовский научный журнал, корпоративные масс-медиа, продвижение научной информации.

The scientific journal "Tomsk State University Journal of Philology" is analyzed as an example of a modern university scientific journal. Typological features, functions, basic principles of work of the Editorial Board of the journal are considered. The ways of scientific information promotion in the Internet environment are described.

Key words: University academic journal, corporate mass media, promotion of scientific information.

*Научный руководитель:
Гнюсова Ирина Федоровна,
канд. филол. наук.*

Всеобщая глобализация и переход к информационному обществу активно изменяют современную картину мира. Трансформация модели научной коммуникации выражается в том, что важным становится доступность результатов новых научных исследований международному сообществу и скорость их распространения. Этим обусловлен интерес к научным журналам – «периодическим изданиям, являющимся источником научной информации и средством научной коммуникации» [1].

По данным исследователей, более 40% новых научных журналов основаны в вузах [2]. В настоящее время высшие учебные заведения рассматриваются как «центры пространства создания инноваций» [3], интенсивно развивается вузовская наука, инициируя рост издательской активности. Вузовский научный журнал как представитель корпоративных масс-медиа имеет некоторые особенности помимо основных признаков научного издания, таких как заданная периодичность выхода, постоянная рубрикация материалов, обязательное рецензирование рукописей, научный характер публикуемых материалов, особый читательский адрес.

Отвечая корпоративным интересам университета, вузовский научный журнал должен обеспечивать деятельность диссертационных советов, предоставлять возможность публикации результатов исследований для аспирантов высшего учебного заведения. Для реализации этой задачи журнал должен входить в утвержденный Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» [4].

Еще одной важной функцией вузовского научного журнала как представителя корпоративных СМИ является имиджевая. Это становится особенно актуальным после выхода Указа Президента Российской Федерации № 599 от 7 мая 2012 г. «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки», в котором была поставлена задача обеспечения вхождения к 2020 году не менее пяти российских вузов в первую сотню ведущих мировых университетов согласно мировому рейтингу университетов. Для качественного прорыва по повышению конкурентоспособности ведущих российских университетов был запущен проект с рабочим названием «5-100», который включал план мероприятий по развитию ведущих университетов, предусматривающих повышение их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров [5]. Для сохранения высоких показателей университета в рейтингах вузовский научный журнал должен индексироваться международными базами данных, самые авторитетные и известные – Scopus, Web of Science. Журналы проходят процедуру тщательного отбора, в качестве экспертов и рецензентов выступают ведущие ученые, это задает очень высокую планку для развития международных научных и междисциплинарных исследований, неотъемлемой частью которого является публикация результатов.

В настоящее время Томский государственный университет является учредителем или соучредителем порядка 30 научных журналов. Университет занимает лидирующие позиции в России по количеству научных журналов, индексирующихся международными базами данных. Одним из самых известных из них является «Вестник Томского государственного университета. Филология». Он был выделен в самостоятельное периодическое издание из мультидисциплинар-

ного журнала «Вестник Томского государственного университета» в 2007 г. с целью «публикации статей и обзоров по актуальным вопросам современной филологической науки: лингвистики, литературоведения, коммуникативистики; содействия развитию теоретических и практических исследований в области социогуманитарного знания; установления и укрепления научных связей между учеными из различных регионов России и других стран» [6].

Журнал индексируется в БД Scopus, Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index, Russian Science Citation Index (RSCI) и Российский индекс научного цитирования (РИНЦ). «Вестник ТГУ. Филология» включен в ERIN PLUS (The European Reference Index for the Humanities and the Social Sciences) и в итоговый список изданий по направлению «Лингвистика» в проекте НИУ ВШЭ по экспертному ранжированию российской научной периодики.

«Вестник Томского государственного университета. Филология» имеет все основные признаки научного журнала: строгая периодичность выхода (6 раз в год), регистрация в качестве средства массовой информации «Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия», обязательное рецензирование статей, поступающих в редакцию, и т.д.

Требования международных баз данных оказали огромное влияние на становление формальной стороны научного журнала и во многом определили его современное состояние.

Огромное значение приобрел сайт журнала. Через него сегодня автоматически происходит прием научных статей. Зарегистрировавшийся на сайте и загрузивший все необходимые материалы автор может отслеживать статус своей статьи по гиперссылке, которую система формирует автономно.

Редакция журнала использует «двустороннее слепое» рецензирование: автору не сообщаются данные о рецензенте (рецензентах) и наоборот. Автор получает рецензию без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента. Это очень важно, так как исключает недоразумения, связанные с давлением на рецензентов, личностными взаимоотношениями и т.д. После рецензирования статья может быть сразу допущена к публикации, отправлена автору на доработку либо отклонена (с обязательным уведомлением автора о причинах такого решения). Очередность публикации статей определяется регистрационной датой их поступления в редакцию. Работы, посвященные особо актуальным проблемам науки, а также содержащие принципиально новую информацию, могут, по решению редакционной коллегии, быть опубликованы вне очереди.

Редакция журнала в строгом порядке придерживается принятых международным сообществом принципов публикационной этики. В соответствии с одним из руководящих признаков при выпуске статей – «Предотвращение нанесения ущерба интеллектуальным и этическим нормам при наличии коммерческих интересов» [7] публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе, а на сайте журнала в свободном доступе (open access) размещается полнотекстовый электронный вариант журнала в формате pdf.

Каждой статье журнала присваивается DOI (digital

object identifier – идентификатор цифрового объекта). DOI – это путь (ссылка) к постоянному местонахождению документа в Интернете для получения необходимой информации о нем [8]. При присвоении произведению DOI создается аннотация и ключевые слова из нее на английском языке отправляются в общедоступную базу данных www.doi.org, затем индексируются поисковыми машинами, в результате работа становится доступна для поиска по ключевым словам для ученых всего мира, что, конечно же, многократно повышает вероятность цитирования произведения.

Для российского научного пространства также очень важно размещение статей в Научной электронной библиотеке и Российском индексе научного цитирования. В Томском государственном университете все научные журналы в формате XML размещаются в E-library сотрудниками Научной библиотеки.

Согласно рейтингу Science Index, «дающему возможность проводить комплексные аналитические исследования публикационной активности ученых и научных организаций, а также рассчитывать пятилетнего импакт-фактора журнал «Вестник Томского государственного университета. Филология» занимает 6-е место (импакт-фактор 0,749) среди всех российских журналов по тематике «Литература. Литературоведение. Устное народное творчество». Однако, если выделить из этого списка вузовские научные журналы, то выше в рейтинге оказывается только «Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература» (импакт-фактор 0,845).

Редакцией журнала проделана огромная работа по повышению индекса цитирования, выходу в международное научное пространство, вполне достойному представлению издания в цифровой информационной среде. «Вестник Томского государственного университета. Филология» входит в первую десятку российских журналов, публикующих статьи по филологическим наукам, включенных в «Ядро РИНЦ», индексирующихся международными наукометрическими базами данных Scopus и Web of Science Core Collection, что позволяет говорить о нем не просто как о региональном вузовском журнале, а как о современном научном журнале международного уровня, отражающим основные тенденции развития научной периодики.

Как перспективу развития для научного журнала можно определить его функционирование в формате полноценного цифрового издания с использованием различных мультимедийных элементов, видео- и аудио фрагментов и т.д. «Вестник Томского государственного университета. Филология» имеет огромный потенциал для реализации подобной модели: высокое качество научных материалов, международная читательская аудитория, интерес научного сообщества к публикуемым материалам.

Литература

1. Научный журнал // Единый толковый словарь. – URL: <http://онлайн-словарь.рф/nauchnij-zhurnal.html> (дата обращения: 12.03.2019).
2. Лакизо И.Г. Современные научные журналы: характеристика отечественного документопотока // Научная периодика: проблемы и решения. – 2017. – Т. 7. – № 3. – С. 131–143. – doi: 10.18334/nppir.7.3.38359.
3. Приоритетный проект «Вузы как центры пространства создания инноваций». – URL: <http://centervuz.ru> (дата обращения: 12.03.2019).

4. Высшая аттестационная комиссия: официальный сайт. – URL: vak.ed.gov.ru (дата обращения: 17.03.2019).
5. Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. – URL: <https://base.garant.ru/70170946/> (дата обращения: 17.03.2019).
6. Вестник Томского государственного университета. Филология: официальный сайт. – URL: <http://journals.tsu.ru/philology/> (дата обращения: 17.03.2019).
7. Этика научных публикаций // Вестник Томского государственного университета. Филология: официальный сайт. – URL: http://journals.tsu.ru/philology/&journal_page=text&pageid=293 (дата обращения: 17.03.2019).
8. Что такое DOI и зачем он нужен? // Science-Community.org: социальная научная сеть. – URL: <https://www.science-community.org/ru> (дата обращения: 17.03.2019).
9. Science Index: что это такое? // Портал российской науки. – URL: <https://ru-science.com/ru/blog/publikaciya-nauchnyh-statej-vak/science-index-cto-e-to-takoe> (дата обращения: 19.03.2019).

РЕДАКТОРЫ ДЛЯ СОЗДАНИЯ ИНТЕРАКТИВНОЙ КНИГИ КАК ИНСТРУМЕНТ ДЛЯ САМОПУБЛИКАЦИИ

Макаров К.В.

Томский государственный университет, магистрант

EDITORS FOR THE PRODUCTION OF AN INTERACTIVE BOOK AS A TOOL FOR SELF-PUBLISHING

Makarov K.V.

Tomsk State University, master student

В статье рассматривается феномен цифровой самопубликации. Основной акцент смещен в сторону интерактивного контента электронных книг, рассматриваются и анализируются компьютерные программы (редакторы), при помощи которых создаются интерактивные книги. Кратко описан потенциал подобной продукции, преимущества и недостатки, а также ее отличия от стандартных электронных форматов.

Ключевые слова: интерактивная книга, самопубликация, онлайн-редакторы, платформы для самопубликации.

The article discusses the phenomenon of digital self-publishing. The main focus is shifted towards the interactive content of electronic books, computer programs (editors) are considered and analyzed with the help of which interactive books are created. Briefly described the potential of such products, the advantages and disadvantages, as well as her differences from standard electronic formats.

Key words: interactive book, self-publishing, online editors, self-publishing platforms

Научный руководитель:
Баль Вера Юрьевна, канд.
филол. наук.

В современном мире стремительно развивающихся цифровых технологий классический формат электронной книги перестал являть собой нечто уникальное, поэтому издатели данной продукции не упускают возможности внедрения более новых технологий в виде различных онлайн-платформ с использованием интерактивных элементов, доступных широкому кругу пользователей интернета. В связи с этим открылись широкие возможности и для издательств, и для частных авторов, и просто энтузиастов, желающих издаваться самостоятельно.

Понятие цифровой самопубликации в сети Интернет появилось сравнительно недавно, в начале XXI в., а точнее – в конце его первого десятилетия. Феномен самопубликации можно охарактеризовать как появление множества авторских и издательских платформ самопубликаций с дружественным интерфейсом, которые открывают широкие возможности по созданию и тиражированию любых видов издательской продукции с огромными интерактивными возможностями по оформлению и наполнению контентом, без участия издательств.

Основные отличия продукта, создающегося при помощи платформ для самопубликации интерактивных книг, заключаются:

- в отсутствии необходимости вложения значительного капитала в физическое изготовление и распространение (оборудование, печать, бытовые затраты);
- в отсутствии профессиональных требований к разработчику, т.к. все подобные сервисы обладают объектно-ориентированным и визуально понятным интерфейсом и инструментарием;
- в возможном низком качестве или нежелательном содержании из-за отсутствия формального рецензирования, как в крупных издательствах;

- не всегда возможна защита авторских прав по самопубликованным книгам – велики риски копирования, заимствования идей или незаконного распространения.

Что касается различных редакторов интерактивных книг, которые могут использоваться для самопубликации, то в настоящее время существует достаточно большой выбор подобных интернет-площадок, отдельные из которых, по сути, являются теми же крупными издательствами, только в современном цифровом мире.

В чем же заключается их уникальность?

Во-первых, часто это достаточно простые в работе, наглядные редакторы, для освоения которых достаточно базовых навыков работы с компьютером. Интуитивно понятный интерфейс, тем не менее, часто базируется на основе различных профессиональных программ для верстки или графических программ, чьи инструментарию адаптированы под среднего пользователя, способного постичь азы данного редактирования в достаточно сжатые сроки. В качестве примера можно упомянуть *Crater*TM от *JOOMAG* [1], своим внешним видом напоминающий Adobe InDesign, но с урезанным функционалом в пользу добавления ряда своих уникальных элементов. Встроенная в него система видео-уроков помогает быстро разобраться в принципах его работы.

Во-вторых, это возможность работать с различными источниками контента, такими как word-файл, картинки, аудио, видео, анимация различных форматов. Во многих редакторах, как, например, в *Mbook Editor* от издательства *Автограф* [2], существует поддержка фото, видео, аудио контента, в том числе с YouTube и Vimeo, возможность создания слайдшоу и трек-листов для музыки, создание фотоальбомов, внутренние и внешние интерактивные ссылки.

В-третьих, в процессе оформления цифровых книг на данных платформах пользователь может создавать уникальные обложки, фоны и макеты страниц с различной схемой верстки при допустимости огромного количества как готовых шаблонов, так и своих – уникальных. Часто присутствует собственное облачное хранилище, большой выбор готовых интернет-плагинов (шеринг, подписки, рейтинги, чат и т.д.), возможность использовать собственные шрифты, внутренние и внешние интерактивные ссылки, встроенные средства защиты от несанкционированного доступа (не у всех), а также полный набор традиционных инструментов для верстки и оформления. Здесь можно упомянуть *Gamebook.io* [3] и *My Book Tools* [4], которые представляют собой симбиоз книги, мультфильма, игры, а во втором случае – 3D книги-панорамы.

В-четвертых, это коммерческая составляющая ресурсов. Данные платформы предоставляют возможность авторам не только демонстрировать свою продукцию, но и заниматься продажей своих, подтвержденных авторским правом, литературных трудов в виде цифровых интерактивных изданий. Подобный функционал, как правило, осуществляется через систему платных подписок. Таким образом, долю с продаж имеет не только автор, но и само издание.

Данная область, начавшая развиваться в начале этого десятилетия, еще не прошла свою экспериментальную фазу. Издатели прощупывают почву, пробуют предложить читателю нечто принципиально новое, с использованием самых современных технологий, и пытаются заинтересовать своей оригинальностью и нетипичностью. Пока сложно говорить, насколько сильно это отразится на будущем цифровой публицистики, но выход многих интерактивных платформ на серьезный профессиональный уровень свидетельствует о том, что многие видят в этом реальный потенциал.

Литература

1. Crater Joomag [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.joomag.com/ru> (дата обращения: 19.04.2019).
2. Официальный сайт издательства «Автограф» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.i-autograph.com> (дата обращения: 19.04.2019).
3. Gamebook представила веб-платформу для создания интерактивных историй [Электронный ресурс]. – URL: https://app2top.ru/game_development/gamebook-predstavila-veb-platformu-dlya-sozdaniya-interaktivnyh-istorij-118107.html (дата обращения: 19.04.2019).
4. My Book Tools [Электронный ресурс]. – URL: <http://mybooktools.ru/> (дата обращения: 19.04.2019).

СПЕЦИФИКА ТОМСКОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ЦЕНЗУРЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИЗДАНИЙ «СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ» И «СИБИРСКИЕ ОТГОЛОСКИ»)

Могилатова М.В.

Томский государственный университет, аспирант

THE SPECIFICS OF TOMSK PRE-REVOLUTIONARY CENSORSHIP (BASED ON THE MATERIALS OF THE PUBLICATIONS "SIBIRSKIE OTGOLOSKI" AND "SIBIRSKAYA ZHIZN")

Mogilatova M.V.

Tomsk State University, post-graduate student

Пути развития и становления дореволюционной публицистики в европейской России и регионах, за Уральскими горами, заметно отличались. Особенного внимания заслуживает цензурная история сибирской периодической печати в силу своей малоисследованности. Автор рассматривает неизученные ранее документы о наложении взысканий за нарушение обязательных постановлений на редакции томских изданий «Сибирская жизнь» и «Сибирские отголоски» и выявляет специфические черты.

Ключевые слова: Сибирь, журналистика, цензура.

Ways of development and formation of pre-revolutionary journalism in European Russia and the regions beyond the Ural Mountains, differed markedly. The censorship history of the Siberian periodical press deserves special attention due to its research. The author examines previously unexplored documents on the imposition of penalties for violation of binding regulations on the editorial offices of Tomsk editions of "Siberian Life" and "Siberian Echoes" and reveals specific features.

Key words: Siberia, journalism, censorship.

Научный руководитель:
Жилиякова Наталья Вениаминовна, докт. филол. наук, доцент.

Порядок осуществления цензурного надзора на рубеже XIX–XX вв. определялся Главным управлением по делам печати, которое выпускало циркуляры, обязательные для исполнения на местах. Первоначально, в силу дефицита государственного бюджета, обязанности по инспекторскому надзору в Томске были возложены на местного инспектора по делам печати, причем в безвозмездном порядке.

Томский губернатор отмечал неэффективность такой цензурской деятельности: чиновники «давно потеряли способность читать что другое, кроме казенных бумаг», а такой труд был вреден для здоровья из-за вечернего просмотра изданий при плохом освещении [1]. Исследователь А.А. Головачев акцентирует внимание на том, что проявление мысли в целой губернии нередко зависит от человека, который не имеет никакого научного образования и никогда не читал ничего, кроме деловых бумаг [2].

К 200-летию русской печати Главное управление цензуры в 1903 г. законом от 8 мая в семи крупных городах, в том числе и в Томске, назначило особых чиновников для исполнения цензурских обязанностей. Они подчинялись Главному управлению по делам печати и имели права штатных отдельных цензоров (получали вознаграждение, равное штатным окладам, — по 2000 руб. в год каждому). В обязанности цензора входил надзор за выпускавшимися на подведомственной территории книгами и периодическими изданиями, контроль за фондами библиотек и книжных магазинов, постановками в театре. Таким образом, произвол губернатора и его чиновников был заменен цензурой профессионалов [3].

Рассмотрим томские периодические издания, обратившие на себя внимание цензоров: «Сибирская

жизнь» и «Сибирские отголоски».

Ежедневная политическая, литературная и экономическая газета «Сибирская жизнь» (1894–1919 гг.) была основана и издавалась до 1905 г. известным томским деятелем народного просвещения Петром Ивановичем Макушиным. С 8 ноября 1905 г. она издавалась Сибирским товариществом печатного дела. В газете публиковались статьи по вопросам российской и зарубежной жизни, научные публикации, исторические, этнографические, географические материалы, беллетристика, корреспонденция из разных городов и сел Сибири, хроника текущей жизни Томска. Исследователи отмечают, что «Сибирская жизнь» придерживалась либерального направления, с ней сотрудничали многие политические ссыльные — Ф.Я. Кон, Ф.В. Ленгник, П.Н. Лепешинский и др., а в 1905 г. она превратилась в неофициальный орган кадетской организации в Томске. В годы Русско-японской войны тираж «Сибирской жизни» достиг максимума по всей Сибири — 15 тыс. экземпляров [4].

Еженедельная иллюстрированная, политическая, общественная и литературная газета «Сибирские отголоски» издавалась с 1899 по 1910 гг. Редактором был князь Всеволод Алексеевич Долгоруков, юрист по образованию, открывший в себе поэтический талант. В газете публиковались информационные сообщения Томской губернии, материалы по истории, этнографии, географии Сибири. Политическое направление газеты характеризуют как умеренное, близкое к кадетскому: В.А. Долгоруков не входил в круг людей, настроенных резко оппозиционно по отношению к правительству, хотя в увеличении числа сатирических материалов выразился повышенный интерес издателя к политике [5].

Были исследованы материалы Государственного архива Томской области – документы о наложении взысканий за нарушение обязательных постановлений губернатора на редакции газет с 1910 по 1912 гг. [6, 7].

Как правило, наложение ареста происходит следующим образом: в издании публиковался материал, обличающий несовершенство работы органов государственной власти, правопорядка, социальных структур. Об этом ярко говорили заголовки: «Произвол местного пристава» («СЖ», № 46, 1911 г.), «По Сибири. От наших корреспондентов из Новониколаевска (забастовка)» («СЖ», № 172, 1911 г.), «Мировой суд. Паразиты» («СЖ», № 135). Затем на имя ответственного за происшествие органа направлялся запрос с требованием разъяснить ситуацию, на что приходил рапорт, чаще всего содержащий следующее: изложенное в корреспонденции не соответствует действительности. Зачастую между периодическим изданием и органами власти прямо на страницах газеты завязывается полемическая переписка.

Так, в 1910 г. жители города Мариинска Томской губернии были взволнованы и возмущены бездействием полиции в связи с нападениями шайки разбойников на жителей, о чем был опубликован материал в «Сибирской жизни». Исправник Мариинской полиции рапортом ответил, что все нападения являются «плодом вымысла досужего автора», опроверг все убийства и разбой. Редакция газеты незамедлительно опубликовала статью, в которой обвинила исправника, который «молчит и о том, что нижние полицейские чины отвлекаются от своих прямых обязанностей посторонними делами», и добавила новые обличительные аргументы: казначей Рожевский попал под суд за взяточничество и попустительство темным личностям, а беспатентная торговля казенной водкой приняла в Мариинске грандиозные размеры. Уездный исправник вновь отправляет опровержение в газету «Сибирская жизнь» и заключает: «Жизнь в Мариинске идет обычным ходом» [7]. Эта полемика стала причиной проявления интереса к сибирской жизни со стороны Санкт-Петербургской печати: в издании «Новое время» был опубликован материал о дерзких грабежах в окрестностях Мариинска и бездействии власти.

Следует особенно отметить стиль изложения информационных сообщений, который близок к беллетристическому. В материале «Произвол местного пристава» (№ 46 «Сибирская жизнь», 1911 г.) автор рассказывает, как приставы в нетрезвом виде пришли к железнодорожному фельдшеру за помощью, на отказ ответили оскорблениями в его адрес и его жены. Произошедшее описано эмоционально и экспрессивно: «врывается», «протесты с его стороны только подольют масла в огонь», «бросились на несчастную жен-

щину, схватили за руки, начали трясти и ругать», «фельдшера оскорбили, чуть ли не избili, увели силой».

Аресты были наложены на номера изданий, в которых описывались случаи произвола: нетрезвый урядник грубо разогнал собравшихся на торговлю крестьян, (№ 96 газеты «Сибирские отголоски» и № 153 «Сибирская жизнь»); во время стоянки на станции Тайга служебного поезда его Высокопревосходительства Господина Министра путей сообщения все пассажирские поезда задерживались на разъездах на время от 3 до 6 часов («Сибирские отголоски», № 167).

Таким образом, с одной стороны, деятельность издателей Томской губернии строго регламентировалась, цензоры не оставляли без внимания и подвергали аресту чаще всего публикации на общественно-политические темы. С другой стороны, дореволюционные издатели словно пользовались удаленностью от Главного управления по делам печати, активно привлекали местный материал для пристального наблюдения за органами государственной власти и правопорядка. Редакционная политика предполагала субъективное и одностороннее освещение событий.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 19-012-00352А «“Секретно. Конфиденциально”»: цензурная история провинциальной журналистики (на материалах периодической печати дореволюционной томской губернии)».

Литература

1. Ермолинский Л.Л. Сибирская печать и царская цензура (1875–1886 гг.) // Журналистика в Сибири. – Иркутск, 1967. – С. 41. – (Тр. Иркут. ун-та; т. 52: Серия «Журналистика», вып. 1).
2. Головачев А.А. Десять лет реформ, 1861–1871 гг. – СПб., 1872. – С. 265.
3. Патрушева Н.Г. Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX – начале XX века : дисс. ...докт. ист. наук. – СПб., 2014. – С. 14.
4. Жиякова Н.В. «Томск газетный». Становление и формирование системы газетной периодики дореволюционного Томска // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – №323. – С. 23–30.
5. Косых Е.Н. Сибирская Жизнь // Томск от А до Я: краткая энцикл. города / под ред. Н.М. Дмитриенко. – Томск, 2004. – С. 311.
6. Документы о наложении взысканий за нарушение обязательных постановлений губернатора на редакцию газеты «Сибирские отголоски» П.А. Фролову, И.И. Яншину в 1908 г. (постановления, протокол, рапорты справка, переписка) // ГАТО. – Томск. – Ф. 3. – Оп. 12. – Ед. хр. 1140.
7. Документы о проведении расследований по фактам, опубликованным в периодической печати в 1910–1912 гг. (Рапорты, протокол, справки, переписка, статьи, прошения) // ГАТО. – Томск. – Ф. 3. – Оп. 12. – Ед. хр. 1347.

ОЦИФРОВКА КОНВОЛЮТОВ КАК ОДИН ИЗ АСПЕКТОВ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ АРХИВНЫХ ФОНДОВ НБ ТГУ)

Писарева Н.В.

Томский государственный университет, студент

DIGITIZATION OF CONVOLUTIONS AS ONE OF THE ASPECTS OF THE PRESERVATION OF CULTURAL HERITAGE (ON THE MATERIAL OF THE ARCHIVAL FUNDS OF THE NB TSU)

Pisareva N.V.

Tomsk State University, student

В статье рассматриваются актуальные проблемы оцифровки конволютов как вида антикварных книг. Указывается важность открытого доступа к цифровым ресурсам для расширения географии исследований региональной книжной продукции. Акцентируется внимание на историко-культурном и коллекционном аспектах оцифрованных архивных фондов НБ ТГУ.

Ключевые слова: оцифровка, конволюты, сибирские издания, книжное дело.

The article discusses the current problems of digitizing consignments as a type of antique books. It points out the importance of open access to digital resources for expanding the geography of regional book production research. Attention is focused on the historical, cultural and collection aspects of the digitized archival funds of the NB TSU.

Key words: digitization, konvoluty, Siberian editions, book business.

*Научный руководитель:
Воробьева Татьяна Леонидовна,
канд. филол. наук, доцент.*

Значение книжного наследия, являющегося памятью нации, для развития общества трудно переоценить. Создание электронных коллекций на основе фондов библиотек в последние годы стало традиционным направлением библиотечной деятельности в Российской Федерации и за рубежом. Многие библиотеки сосредоточивают свои усилия на переводе в электронную форму изданий, имеющих общекультурную и научную значимость, редких и особо ценных книг. В этой связи представляется актуальным обращение к таким видам антикварной книги, как конволюты, которые являются ценными в историко-культурном и коллекционном отношениях.

Конволютами называют сборники, состоящие из любого количества различных, вышедших в разное время изданий (рукописных и/или печатных – книг, брошюр, оттисков статей из периодики, рекламных материалов и т.п.), переплетенных в единый том. Принципы составления конволютов часто не поддаются объяснению, части конволютов (аллигаты) не всегда объединяются общностью тематики или другим каким-либо определенным признаком. В XIX в. старые книги часто продавались на пуды, поэтому рыночные букинисты дореволюционной России составляли конволюты, объединяя совершенно разные по духу произведения, для того, чтобы придать книге солидность и увеличить ее вес. Поэтому каждый конволют уникален и неповторим, что представляет значительный интерес для исследователей. Уникальность определяется также тем фактом, что в конволютах могут содержаться по-настоящему редкие и ценные издания.

Создание электронной копии подобного рода изданий позволяет проводить исследования широкому кругу ученых удаленно, не обращаясь к физическим экземплярам. В настоящее время можно говорить о накопленном опыте оцифровки редких изданий, обобщая его, анализируя достигнутые результаты, определяя дальнейшие тенденции развития. Размышле-

ния о том, какие коллекции оцифровывать, какие положительные и отрицательные стороны имеют эти технологии, какие новые связи можно установить между пользователями и уникальными ресурсами с помощью цифровых технологий, появились у исследователей с начала 2010-х годов.

Учеными и специалистами формулируются следующие задачи при оцифровке редкого библиотечного фонда:

- совершенствование системы поиска и обеспечение свободного доступа к полным текстам документов;
- размещение оцифрованных изданий на различных ресурсах, помимо специализированного сайта, при снабжении материалов ссылками для дальнейшего поиска;
- скоординированность действий библиотек, направленная на межбиблиотечный обмен, исключая дублирование имеющихся электронных ресурсов.

Доступность сети, простота поиска, удобство использования, снижение зависимости от персонала библиотеки при поиске электронных ресурсов по сравнению с ресурсами в печатной форме побуждают пользователей обращаться к цифровым копиям. Статистика показывает, что число обращений к цифровым коллекциямкратно выше, чем к бумажным оригиналам.

В России большинство крупных библиотек занимаются оцифровкой как литературы, так и каталогов. Выявление и оцифровка редких и ценных документов позволяет библиотекам определять новые направления деятельности по сохранению культурного наследия. При этом возможность использования электронных источников научной информации рассматривается с учетом не только научной ценности ресурса, но и способов их распространения, и стоимости [1]. Сотрудники Научной библиотеки Томского государственного университета считают оптимальным с точ-

ки зрения организации технологии и целесообразности предоставления информации пользователю формирование электронного фонда по принципу коллекций – тематических или авторских.

Фонд Научной библиотеки ТГУ начинал формироваться из многочисленных частных книжных собраний. Состав частных книжных коллекций дает возможность познакомиться с важными сведениями по истории культуры России, с интересными явлениями культурной жизни страны, региона и даже отдельного города. Среди частных собраний сибиряков особый интерес вызывает библиотека бывшего директора Томского реального училища, метеоролога и краеведа Г.К. Тюменцева (1842–1931). Уникальной особенностью его коллекции является наличие в ней 335 томов владельческих конволютов, которые Г.К. Тюменцев назвал «Сборники статей о Сибири и прилежащих к ней странах». В этих конволютах содержится более 6 тыс. различных документов, часть из которых была издана в Томске в конце XIX – начале XX вв. Основная часть публикаций была издана небольшими тиражами в различных сибирских городах и не известна широкому кругу исследователей. К настоящему времени специалисты Научной библиотеки ТГУ поставили своей целью оцифровку библиотеки Г.К. Тюменцева и представление ее в электронном каталоге и электронной библиотеке. Ведется работа по воссозданию репертуара томской книги, по изучению коллекции томских изданий [2]. Практически все фазы библиотечной работы с книжным материалом – описание, обработка, оцифровка – проводятся в рамках научной деятельности. На сегодняшний день в элект-

ронной библиотеке в коллекции «Сборник статей о Сибири и о прилежащих к ней странах» размещено несколько конволютов, в электронном каталоге имеются записи о нескольких десятках сборников, позволяющие получить сведения и характеристики книжного материала.

Электронные копии «Сборников статей о Сибири» из библиотеки Г.К. Тюменцева могут быть использованы в учебно-педагогической работе в вузах и школах (в курсах «История книги Сибири», «История культуры Сибири»), а также в просветительской деятельности Научной библиотеки ТГУ, других библиотек и музеев города. В этом отношении г. Томск, безусловно, заслуживает повышенного внимания как признанный не только в России, но и за рубежом историко-культурный центр регионального и общенационального масштаба.

Литература

1. Евстигнеева Г.А. О критериях комплектования традиционного библиотечного фонда и фонда электронных публикаций в единой системе формирования библиотечно-информационного фонда библиотеки на примере ГПНТБ России [Электронный ресурс] // Фонды библиотек: проблемы и решения. – URL: http://www.gpntb.ru/ntb/ntb/2010/10-2010/ntb_10_2_2010-%D0%B5%D0%B2%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%B3%D0%BD%D0%B5%D0%B5%D0%B2%D0%B0.pdf.
2. Карташова Т.П. Издания П.И. Макушина в библиотеке Томского краеведа Г.К. Тюменцева // Шестые Макушинские чтения : тезисы докладов научной конференции, 22–23 мая 2003 года, г. Новосибирск. – Новосибирск, 2003. – С. 99–101.

МЕТОДИКА СОЗДАНИЯ СРЕДНЕСРОЧНОГО ПРОГНОЗА В ОБЛАСТИ ДЕТСКОГО НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОГО КНИГОИЗДАНИЯ: ПРОБЛЕМА ВЫБОРА МЕТОДА

Подлевская С.А.

Томский государственный университет, студент

METHODOLOGY FOR MEDIUM-TERM FORECASTING IN JUNIOR POPULAR-SCIENCE BOOK PUBLISHING: THE PROBLEM OF METHOD'S CHOICE

Podlevskaya S.A.

Tomsk State University, student

Статья посвящена проблеме выбора метода прогнозирования в области детского научно-популярного книгоиздания. Выявляются и систематизируются ее генезис и аспекты (общие и в рамках издательского дела), предлагается ее возможное решение, апробируемое в рамках ВКР.

Ключевые слова: прогнозирование, выбор метода, метод кейса.

The article is dedicated to the forecasting problem, which forecaster will face when a forecast is being creating. There are identified, systematized genesis and aspects of this problem – common reasons and reasons in a publishing industry, also there is its possible solution.

Key words: forecasting, method's choice, Case method.

Научный руководитель:
Айзикова Ирина Александровна,
докт. филол. наук, профессор.

Прогнозирование, как отмечают исследователи И.С. Светульников и С.Г. Светульников, есть «процесс разработки прогноза, состоящий из ряда взаимосвязанных этапов, на каждом из которых решаются оригинальные задачи с помощью присущей только этому этапу совокупности методов и подходов» [1, с. 31]. Соответственно, проблема выбора адекватного инструментария (т.е. метода) – это одна из основных трудностей для прогнозиста, работающего в любой отрасли. Сложность выбора объясняется несколькими причинами.

Во-первых, по словам исследователей, невозможно определить точное число прогностических методов – с развитием теории прогнозирования их количество постоянно возрастает (сейчас их свыше 200). Такое многообразие ученые объясняют тем, что «применительно к каждому оригинальному объекту прогнозирования... приходится адаптировать или модифицировать... методы, а иногда и создавать новые» [1, с. 33]. Именно поэтому, резюмируют авторы, целесообразно знать типичные методы прогнозирования, на основе которых и разрабатываются их различные модификации.

Исследователи разделяют все многообразие методов прогнозирования на 3 больших группы – фактографические, экспертные и комбинированные [1, с. 35; 2–4]. Не останавливаясь здесь на их характеристике, укажем их общие достоинства и недостатки, которые являются второй причиной сложности принятия решения о выборе того или иного метода.

Преимуществами фактографических методов выступают высокая формализованность процесса прогнозирования, что значительно упрощает само применение методов, а также наличие подробных описательных инструкций по их применению и определенного программного обеспечения. Однако есть и суще-

ственные недостатки: необходимо собрать значительный массив количественных данных; при большом периоде упреждения возможно получение недостоверных данных; при нестабильности и изменчивости условий нет возможности предсказать результат; использование объемных и сложных для понимания формул (например, интерполяционные формулы Ньютона, Лагранжа, Гаусса и др.) и т.п.

Плюсами экспертных методов являются возможность анализа и прогноза развития объекта, не имеющего предыстории, а также возможность прогнозирования качественных (скачкообразных) изменений; минусами – принципиальная невозможность исключить субъективность экспертов и обеспечить абсолютно объективную оценку их компетентности.

Во-вторых, при выборе метода прогнозирования необходимо учитывать его применимость к отрасли, в рамках которой будет составляться прогноз. Методы, используемые для прогнозирования издательского рынка, указывает Н.А. Панова. В группе экспертных методов автор выделяет репрезентативный опрос (и отмечает его как самый популярный), а также упоминает экспертный опрос (в форме интервью), приемы аналогий, метод круглого стола, «мозговой штурм», метод Дельфи [5, с. 42–43]. Вместе с тем исследователь отмечает, что из-за описательного характера эти методы «до сих пор не стали однозначными научными инструментами получения практически значимой информации» [5, с. 44].

В группе фактографических методов автор выделяет сценарный подход (который некоторые исследователи обособляют, например, М.М. Бутакова), методы исторических аналогий, экстраполяции тренда, регрессии и корреляционного анализа, статистической обработки исходного материала, факторного анализа и др. [5, с. 44–46]. Однако автор обращает вни-

мание на то, что «в практике до настоящего времени доминируют методы субъективного анализа экономической ситуации и прогнозирования» [5, с. 49], в основном из-за отсутствия «надежных, практически значимых, инженерно адаптированных методов объективного количественного прогнозирования» [5, с. 49].

В-третьих, выбор метода зависит от имеющейся у прогнозиста информации об объекте прогнозирования. Он может не иметь прошлого, потому что является новым, или же прошлое может быть скрыто из-за соблюдения коммерческой тайны. В таком случае стоит применить экспертные методы.

В-четвертых, при выборе метода необходимо учитывать, что для разных видов прогнозирования используется разный инструментарий. В ходе исследования нами было выявлено, что для среднесрочного прогнозирования в области детского научно-популярного книгоиздания характерно применение экспертных методов (прямая экспертная оценка, метод Дельфи, эвристический метод, метод «мозговой атаки» и др.), сценарного метода, регрессионного анализа и экономико-математического моделирования, может использоваться и метод экстраполяции, обычно применяемый в краткосрочном прогнозировании.

Наконец, немаловажную роль в выборе метода играет и человеческий фактор – возможности и способности самого прогнозиста: его уровень компетенций и склад ума.

В ходе исследования мы подошли к решению выявленных проблем следующим образом: выработали стратегию создания прогноза с помощью использования метода кейса – общего практикоориентированного метода, позволяющего не только решить исследовательскую задачу, но и приобрести определенный практический навык. Проектно-исследовательская часть нашей ВКР, посвященная собственно составлению прогноза для петербургского издательства «Фордевинд», строится исходя из четырех блоков-состояний объекта: первоначального, конфликтного, текущего и будущего. Соответственно, в каждом из блоков необходимо применить свои методы сбора и анализа данных, а также обратиться, как того требует метод кейса, к анализу документов, опросу (анкетирование и интервью), анализу сайтов издательств. По-

требуется использование и метода сценариев как собственно прогностического метода. В качестве вспомогательных методов выбраны ранжирование факторов, методы социограмм и причинно-следственной диаграммы (рыба Исикава).

Таким образом, мы можем выделить комплекс взаимосвязанных аспектов одной весьма значительной проблемы прогнозирования – проблемы выбора его метода в ситуации постоянного пополнения прогностических методов и их довольно общей классификации по типам. Практически для каждой прогнозной ситуации необходимо разрабатывать уникальный набор инструментария, учитывая то, что не для всякой отрасли производства подойдет тот или иной метод (равно как и не для всякого вида прогнозирования). Сами методы имеют достоинства и недостатки, что тоже накладывает отпечаток на выбор прогнозиста. Также важно понимать то, какого рода информацией об объекте прогнозирования располагает исследователь. Немаловажным становится и фактор компетенций самого прогнозиста. Исходя из этих положений, мы предлагаем возможный комплекс методов прогнозирования для петербургского малого издательства «Фордевинд», специализирующегося на издании детской научно-популярной литературы и находящегося в данный момент на грани закрытия. Он пройдет апробацию непосредственно на составлении прогноза, который будет представлен в нашей ВКР.

Литература

1. Светульников И.С., Светульников С.Г. Методы и модели социально-экономического прогнозирования : учебник и практикум для академического бакалавриата : в 2 т. – М. : Юрайт, 2014. – Т. 1. Теория и методология прогнозирования.
2. Башмачникова Е.В., Морякова А.В. Прогнозирование деятельности предприятий : электронный учебный курс [Электронный ресурс]. – URL: http://eokd.tolgas.ru/euk/prognoz_de/lek4.htm (дата обращения: 27.11.2017).
3. Бутакова М.М. Экономическое прогнозирование: методы и приемы практических расчетов. – С. 41, 89.
4. Писарева О.М. Методы социально-экономического прогнозирования : учебник. – М. : ГУУ ; НФПК, 2003. – 395 с.
5. Панова Н.А. Прогнозный мониторинг издательского рынка : дис. ... канд. экон. наук. – М., 2003.

ПРИНЦИПЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОГРАФИКИ В ИЗДАНИЯХ ПО БИОГРАФИИ (НА МАТЕРИАЛЕ «БИОГРАФИЯ В ИНФОГРАФИКЕ. ВАН ГОГ»)

Пожидаева В.В.

Томский государственный университет, студент

PRINCIPLES OF USING INFOGRAPHICS IN PUBLICATIONS ON THE BIOGRAPHY (ON THE MATERIAL "BIOGRAPHY IN INFOGRAPHICS. VAN GOGH")

Pozhidaeva V.V.

Tomsk State University, student

В статье рассматривается понятие «сложной инфографики» как построения масштабных моделей визуализации данных, а также дается ее классификация. На основе выделенных критериев анализируется применение такого дизайнерского способа оформления при создании биографических изданий, влияние его на концепцию и композицию книги.

Ключевые слова: инфографика, биографические издания, дизайн книги, Ван Гог.

The article discusses the concept of "complex infographics" as the construction of large-scale models of data visualization, and also gives its classification. On the basis of the selected criteria, the use of such a design method for creating biographical publications, its influence on the concept and composition of the book is analyzed.

Key words: infographics, biographical publications, book design, Van Gogh.

Научный руководитель:
Баль Вера Юрьевна, канд.
филол. наук.

В современном мире мы довольно часто слышим термин «инфографика». Но вместе с тем не существует четкого определения этого понятия. В рамках нашего исследования под инфографикой мы будем понимать дизайнерский метод объединения текста и графики, направленный на передачу информации в понятных читателю образах.

Инфографика за последнее время стала активно использоваться во всех видах коммуникации. Совершенно особое место она занимает в современных издательских практиках. Данный способ визуализации стал актуален в биографических изданиях.

Перед непосредственным обращением к анализу этого уникального на данный момент на российском книжном рынке издания – «Биография в инфографике. Ван Гог» – обозначим теоретическую базу нашего редакторского анализа, а именно классификацию видов инфографики.

В настоящее время классификация инфографики имеет хаотичный и бессистемный характер. А.А. Жиленко и О.В. Климова в своей статье «Определение видов инфографики как редакторская проблема» [1] говорят о том, что каждый исследователь при классификации инфографики предлагает разные аспекты. Помимо научных исследований существует большое количество информационных порталов в интернете, на которых дизайнеры предлагают свои виды исходя из собственного практического опыта. Например, это классификации порталов «Полезно знать» [2] и «Инфографика» [3], либо авторские, как, например, классификация дизайн-директора Mail.Ru Юрия Ветрова [4].

Несмотря на дискуссионный характер вопроса, не вызывает возражения среди как теоретиков, так и практиков информационного дизайна возможность разграничения инфографики на *простую* – состоящую из одного элемента, и *сложную*, состоящую из нескольких элементов, разных по своей природе.

В современных медийно-информационных усло-

виях очевидно, что преобладает сложная инфографика. Ее активное и интенсивное использование порождает ее внутреннее разнообразие, которое обостряет проблему выявления видов. На данный момент предложено несколько «рабочих версий» определения видов сложной инфографики:

Аида Пачева, дизайнер блога, **предлагает такие модели инфографики, как:** сравнение, сценарий, рецепты, инструкции, тесты и игры, схема, коллаж, статья, карта [5].

Антон Липатов, менеджер и редактор блога «Практика интегрированного маркетинга», **дополнительно выделяет:** числа, фотоинфографику, таймлайн [6].

Обобщая наблюдения дизайнеров, мы, в свою очередь, предлагаем следующую классификацию сложной инфографики.

Во-первых, мы разделяем ее по *способу передачи информации:* статичную (статья, карта, коллаж, сравнение, числа, схема) и динамичную (сценарий, игра, инструкция, тест, таймлайн).

Во-вторых, мы разделяем по критерию *систематизации типов данных:* количественную (сравнение, числа) и качественную (статья, карта, коллаж, сценарий, игра, тест, таймлайн, инструкция, схема).

В-третьих, по *типу знаковой информации:* текстовую (статья, таймлайн, сценарий, числа, игра, тест, инструкция) и иллюстративную (схема, карта, коллаж, сравнение).

В целом говорить об изолированном использовании данных видов инфографики не приходится. Любая сложная инфографика гибридна и гетерогенна по своей сути.

Обратимся непосредственно к нашему изданию [7]. Биографический жанр представляет собой описание истории конкретной личности, ее индивидуальной судьбы.

Для первой части «Жизнь» характерно использование таких видов сложной инфографики, как карта, таймлайн, сравнение, статья и коллаж. Большая часть

информации представлена статично, это объясняется тем, что главной задачей данного раздела является предоставление базовых сведений о художнике: место, время рождения, семья, личная жизнь, смерть. По характеру визуализации преобладает качественная, почти в каждой модели сложной инфографики используются разные виды данных. По природе входящих элементов что текстовая, что иллюстративная занимают равные позиции.

Вторая часть «Мир» представлена инфографикой-сравнением, картой, статьей, коллажем, числами. Раздел рассказывает о том, чем жил художник: про его дружеские связи, письма брату, предпочтения в еде и напитках, студию-мечту. Из описания видно, что информация не предполагает никакой динамики в повествовании. Использование количественной и качественной инфографики одинаково. Текстовая уступает иллюстративной, потому что данный материал содержит больше образную составляющую, акцент делается на показе читателю вещественного мира, окружающего художника, который нагляднее отразить именно через иллюстрацию.

В третьей части «Работа» используются сравнение, статья, числа. Представлены сведения о материалах для написания и количестве картин, «анатомия» произведений. Характер инфографики статичный, количественный и качественный. Текстовой информации значительно больше, чем иллюстративной. Несмотря на приведение картин Ван Гога и их составных элементов для анализа, имеется много подробных описаний о времени создания картин, технике, используемых красках, их составе — такого рода информацию сложно представить в иллюстративном виде, она должна четко восприниматься читателем.

В четвертой части «Наследие» впервые появляется инфографика-схема, а также используется таймлайн, статья, числа, коллаж и сравнение. В данном разделе подводится итог и сообщается о стиле Ван Гога, признании, стоимости картин. Основная часть информации по-прежнему остается статичной, но появляется

немного динамики в повествовании. Количественная, качественная и текстовая, иллюстративная инфографика занимают равные позиции в соответствии со своими классификационными критериями.

Подводя итог, можно отметить, что использование инфографики при оформлении изданий по биографии является новым и нестандартным методом. Она предоставляет большой спектр средств для визуализации в зависимости от характера изложенного материала. Инфографика является довольно открытой и подвижной областью оформления, т.к. позволяет комбинировать и совмещать различные виды как простой, так и сложной инфографики.

Литература

1. Определение видов инфографики как редакторская проблема [Электронный ресурс] // Материалы VI Международной научно-практической интернет-конференции «Книжное дело: достижения, проблемы, перспективы». — М. : Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2017. — URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/56361/1/kd_2017_08.pdf (дата обращения: 06.02.2019).
2. Виды инфографики [Электронный ресурс] // Полезно знать. — 2014. — URL: <http://comagency.ru/vidy-infografiki> (дата обращения: 23.12.2018).
3. Виды инфографики [Электронный ресурс] // Инфографика. — URL: <https://infogra.ru/infographics/vidy-infografiki> (дата обращения: 23.12.2018).
4. Ветров Ю. Визуализация данных: классификация [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — 2009. — URL: <http://experiment.ru/technologies/data-visualization-1> (дата обращения: 23.12.2018).
5. Пачева А. 8 типов инфографики [Электронный ресурс]. — 2016. — URL: <https://infogra.ru/infographics/vidy-infografiki> (дата обращения: 13.01.2019).
6. Липатов А. Инфографика: пособие по созданию и использованию в маркетинге [Электронный ресурс]. — 2016. — URL: <https://blog.techart.ru/infographics/> (дата обращения: 17.01.2019).
7. Ван Гог. Биография в инфографике. — М. : Э, 2017. — 96 с.

МУЛЬТИМЕДИЙНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА КАК КОНТЕНТ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПЛАТФОРМЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Полещук М.С.

Томский государственный университет, магистрант

MULTIMEDIA E-BOOK AS CONTENT OF AN ONLINE LEARNING PLATFORM FOR CHILDREN

Poleshchuk M.S.

Tomsk State University, master student

Статья посвящена возможностям интерактивной мультимедийной электронной книги, размещенной на онлайн-платформе, в повышении читательских компетенций детей младшего школьного возраста. Данный вид контента рассмотрен на примере одной из образовательных платформ, широко используемых в начальном школьном образовании США.

Ключевые слова: мультимедийное издание, веб-книга, обучающий контент, онлайн-обучение.

The article describes the functions of an e-book published at an online learning platform and its potential in teaching reading to elementary school students. This type of content is analyzed using the example of an online learning platform widely used in elementary school of the United States of America.

Key words: multimedia e-book, web book, learning content, e-learning.

*Научный руководитель:
Айзикова Ирина Александровна,
докт. филол. наук, профессор.*

В последние десятилетия многие исследователи (М. Пренски, Д. Тэпскотт, Л. Розен) обсуждают появление принципиально нового поколения «цифровых аборигенов», которых характеризует глубокая вовлеченность в информационные, цифровые технологии, активно и легко ими осваиваемые. Поколение Z («центениалы»), рожденное с начала 2000-х гг., ориентировано на приоритет сетевого общения, отличается клиповостью сознания и стремлением к максимально быстрому получению информации [1]. Поколение Альфа, рожденное после 2010 г., по прогнозу ученых, будет «самым формально образованным, самым технологически оснащенным поколением» [2]. Они «рано получают полноценное образование за счет использования обучающих онлайн-платформ <...> будут находиться в системе образования более долгое время, <...> сформируют собственный способ обучения» [2].

Реальность современного общества, как видим, требует трансформации педагогики, ее перехода от «бумажной педагогики» к «цифровой». В современной педагогической науке обсуждаются такие явления, как e-learning (дистанционное образование) и blended learning (смешанное обучение), flipped class (перевернутый класс), который предполагает знакомство учащихся с новым материалом дома в режиме онлайн и разбор в классе сложной теоретической части, а также вопросов, возникших в процессе выполнения домашней работы.

Все эти явления обуславливают необходимость комплексного подхода к созданию учебных материалов нового формата, которые удовлетворяли бы потребностям и особенностям нового поколения учеников. Показателями качества мультимедийного образовательного электронного ресурса (интерактивного образовательного модуля – ИОМ) считаются содержательные характеристики – свойства, определяющие качество, достаточность и методическую проработанность представленного учебного материала; интерак-

тивность – свойство, определяющее характер и степень взаимодействия пользователя с элементами ИОМ; мультимедийность – свойство, определяющее количество и качество форм представления информации, используемых в ИОМ; модифицируемость – свойство, определяющее возможность и сложность внесения изменений в содержание и программные решения ИОМ [3]. Мультимедийный обучающий контент, таким образом, обеспечивает активность учащегося в процессе обучения (он вовлекается в обучение, а не отвлекается от него); достижение максимального эффекта от обучения в процессе социального взаимодействия между учащимися; трансформацию образовательного процесса в движение к достижению учебной цели [4].

Говоря об учебных ресурсах для детей, можно выделить принципиально новый тип сервисов, который предусматривает возможность системного педагогического подхода к процессу онлайн-обучения. На американском рынке подобные образовательные платформы распространены давно; они различаются по функционалу, охватываемым предметам, режиму доступа, назначению. Далее мы рассмотрим функции и свойства одной из американских платформ для обучения чтению и повышения читательских компетенций www.raz-kids.com.

Интерактивные электронные издания можно поделить на книги-программы и книги-сайты (веб-книги) [5]. Веб-книги – это веб-сайты с книжным контентом, т.е. каждая книга выполнена в виде отдельной интернет-страницы, которая открывается в любом браузере. Рассматриваемый нами контент платформы raz-kids.com относится к категории веб-книг, выполненных при помощи языка программирования JavaScript.

Данный ресурс представляет собой библиотеку качественно выполненных интерактивных книг на 29 уровнях сложности с платным доступом по ежемесячной подписке. Ученики получают доступ к электрон-

ным книгам через интерактивное пространство, адаптированное для детского восприятия (реализуются принципы педагогического дизайна и геймификации). Пользователи могут прослушать текст книги, при этом произносимые слова подсвечиваются. Ученик может прочитать книгу в своем темпе, пользуясь рядом интерактивных инструментов и функций. В конце текста появляются задания и вопросы на понимание, в процессе чтения и решения которых ученик постепенно переходит на следующий уровень чтения с более длинными и сложными текстами. Онлайн-портал для учителя облегчает работу по проверке и оценке сформированности у ребенка компетенции чтения. Инструменты и функции электронных книг, в итоге, помогают читателю взаимодействовать с текстом. Они укрепляют рост ученика в ключевых навыках чтения и обеспечивают глубокое чтение каждого текста, помогают сконцентрироваться на понимании ключевой информации и вооружают инструментами для освоения навыков критического мышления. В результате происходит становление активного и самостоятельного читателя.

Функции электронной книги сводятся в данном случае к следующему: *запись* – возможность записать свою речь, чтобы проверить себя или выслать задание учителю; *рисование, выделение, печать* – возможность обводить, подчеркивать, выделять маркером слова или ставить символы в тексте; *примечания* – возможность написать резюме по прочитанному отрывку, передать его смысл своими словами; *электронный дневник* – возможность создать словарь из незнакомых слов или записать рассуждения на тему прочитанного; *слово* – возможность вызвать произношение слова, добавить его в словарь, узнать значение. Освоив все эти инструменты, ученики лучше понимают ключевые идеи в прочитанных текстах благодаря внимательному погружению в материал и его критическому осмыслению.

Таким образом, ключевыми партнерами книгоиз-

дателей в разработке электронных книг, которые будут не только интересны юным читателям, но и повысят их читательские компетенции, выступают педагоги и ученые. Вместе они добиваются того, чтобы усовершенствование интерактивного функционала было направлено не на игровые функции и отвлечение ученика от урока, а на повышение понимания и усвоения текста и побуждение читателя к активному и самостоятельному чтению. Интерактивные электронные книги, разработанные в качестве обучающего контента, должны рассматриваться как новый эффективный элемент учебной программы для начальной школы и могут использоваться в сочетании с традиционными книгами для развития устойчивых навыков самостоятельного чтения.

Литература

1. Шалыгина Н.В. Игреки и центениалы: новая ментальность российской молодежи // Власть 2017. – № 1. – С. 165.
2. Dan Schawbel. 5 Predictions for generation Alpha [Электронный ресурс]. – URL: <https://danschawbel.com/blog/5-predictions-for-generation-alpha/> (дата обращения: 01.12.2018)
3. Единые требования к электронным образовательным ресурсам [Электронный ресурс]. – М., 2011. – С. 6. – URL: <https://kpfu.ru/docs/F939875832/et.pdf> (дата обращения: 01.02.2019).
4. Hirsh-Pasek K., Zosh J.M., Michnick R. et al. Putting Education in “Educational” Apps: lessons from the science of learning [Электронный ресурс] // Psychological Science in the Public Interest. – May 2015, May. – URL: https://www.researchgate.net/publication/275410459_Putting_Education_in_Educational_Apps_Lessons_From_the_Science_of_Learning (дата обращения: 01.02.2019).
5. Новикова А., Архангельский А., Миклашевская А. и др. Цифровое книгоиздание. Как создать и продвигать электронную книгу : учебное пособие [Электронный ресурс]. – URL: https://books.google.ru/books?id=me_XCwAAQBAJ&printsec=frontcover#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 01.03.2019).

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В АСПЕКТЕ СОВРЕМЕННЫХ ИЗДАТЕЛЬСКИХ СТРАТЕГИЙ: ФЕНОМЕН СЕРИЙНОСТИ

Радионова А.В.

Томский государственный университет, студент

THE COMPLETE WORKS IN THE ASPECT OF MODERN PUBLISHING STRATEGIES: THE PHENOMENON OF SERIALITY

Radionova A.V.

Tomsk State University, student

В статье рассматривается модификация вида Полного собрания сочинений в контексте феномена серийности. Проводится анализ особенностей организации современной издательской серии, принципов отбора материала и создания справочного аппарата издания. Выдвигаются предположения о закономерностях развития и модификации вида издания в условиях современного книгоиздательского процесса.

Ключевые слова: Полное собрание сочинений, серийные издания, издательские тенденции.

The article examines the modification of the complete works in the context of the phenomenon of seriality. The analysis of the features of the organization of a modern publishing series, the principles for the selection of material and the creation of an explanatory notes of the publication is conducted. Hypotheses are made about the tendencies of development and modification of the mode of publication in the modern publishing process.

Key words: complete works, publishing series, publishing trends.

Научный руководитель:
Макарова Елена Антониновна,
канд. филол. наук, доцент.

Полные собрания сочинений (ПСС), как и издательские серии, впервые появились в XV в. Оба явления связаны с именем итальянского книгопечатника Альда Мануция. В России к первым собраниям сочинений относят изданные в середине XVIII в. сочинения Ломоносова и Тредиаковского. Знаковой фигурой периода является Н. Новиков, издававший «Полное собрание всех сочинений в стихах и в прозе 1781–1782 гг.» А.П. Сумарокова. Эти издательские проекты явились первой попыткой публикации изданий подобного вида. До определенного момента ПСС и издательские серии существовали практически независимо друг от друга, но, начиная с XIX в., начали активно взаимодействовать. Так, с 1846 г. начинается выпуск издательской серии А.Ф. Смирдина «Полное собрание сочинений русских авторов» [1]. Также выпуском серий ПСС занимались М.О. Вольф, А.Ф. Маркс, А.С. Суворин, А.Ф. Базунов. Оба явления приобрели привычную форму к середине XIX в. и достигли расцвета в XX в., когда получили активное развитие *академические* ПСС, отличавшиеся профессиональным подходом к составлению и комментированию материала и выпускавшиеся на базе научных институтов.

В настоящее время происходит совершенствование ПСС как вида издания под влиянием новых издательских практик. Остро стоит вопрос, связанный со сложностью редакторской подготовки материалов с учетом современных тенденций в издательском деле. Одной из ключевых проблем являются различия в теоретическом осмыслении степени «полноты» издаваемых материалов. Исследователь книги А.Э. Мильчин определяет ПСС как «полииздание, в котором представлено с той или иной полнотой творчество автора или соавторов за весь период творчества или за определенный этап <...> деятельности» [2]. Ряд исследователей, в частности, Г.В. Кожевников, критикуя текстологический подход, утверждают, что «степень пол-

ноты состава издания» сама по себе является вторичным признаком» [3]. При рассмотрении данной проблемы необходимо учитывать не только полноту, но и качество научной и редакционной подготовки текста. Следовательно, в рамках этого аспекта следует говорить об *академическом* ПСС и о *неакадемическом*, предусмотренном для более широкого круга читателей со специальным интересом к литературе.

Одним из явлений массовизации литературы становится феномен *серийности*, являющийся определяющим для большей части современной книжной продукции. В качестве примеров изданий Полных и Избранных собраний сочинений можно назвать издательские серии «Полное собрание сочинений в одном томе» (Альфа-Книга), «Иностранная литература. Большие книги» (Иностранка), «Полное собрание сочинений» (Эксмо) и другие. Особенностью серий становится то, что все представленные в них ПСС являются *однотомными*. Ранее существовала практика выпуска однотомных изданий, например, ПСС М.В. Авдеева в 3 частях, вышедшее в 1907 г. в издательстве И.П. Перевозникова, однако для XX в. подобные издания считались уникальными. Другой особенностью является то, что *название серии не в полной мере определяет принцип отбора изданий, входящих в нее*. Так, в серию «Полное собрание сочинений» издательства «Эксмо» входят, помимо Полных собраний сочинений, «Большое собрание стихотворений и поэм в одном томе» В. Маяковского, «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына, «Большая книга одесского юмора», «Лучшие мысли и изречения древних в одном томе» и «Шедевры персидской лирики в одном томе». Таким образом, при отборе текстов издатели опираются на формальный принцип *объема*, а не на типологические особенности изданий. Ввиду ограниченного объема редким является издание иллюстрированных ПСС. Примером служит «Полное иллюстрированное собрание сочинений в одном томе» Л. Кэрролла, вышед-

шее в серии «Полное иллюстрированное издание» издательства «Альфа-книга». Такие издания являются примером отхода издателей от формального принципа подбора материала, позволяющего создать *издательский проект, ориентированный на широкого читателя*.

Главным признаком для собрания сочинений является наличие справочного аппарата, позволяющего читателю получить дополнительную информацию об авторе и публикуемых текстах. В данном случае в представленных изданиях справочный аппарат ограничен. В редких случаях в издании размещается предисловие, послесловие, развернутый текстологический комментарий. Например, в «Полном собрании сочинений в одном томе» Е. Шварца (серия «Полное собрание сочинений в одном томе». М. : Альфа-книга, 2011), присутствует послесловие литературного критика Николая Чуковского.

В данном вопросе также принципиальна позиция не только издателя, но и читателя. Стоит отметить, что при всех формальных недостатках однотомные ПСС пользуются популярностью у потребителя. Исходя из комментариев пользователей на сайте интернет-магазина «Лабиринт», можно сделать следующие выводы: 1) для читателей важна полнота представленных в издании текстов, но редко отмечается отсутствие ряда материалов (дневников, отрывков, фрагментов, незавершенных текстов); 2) одной из основных причин покупки называют компактные размеры книги и полноту представленного материала; 3) отсутствует негативная оценка качества и полноты научно-справочного аппарата издания; 4) нередко читатели высказывают негативную оценку полиграфическому исполне-

нию издания, отмечают нечеткость печати, мелкий кегль и недостаточно плотную бумагу.

В заключение можно сказать, что происходит «размывание» традиционного вида издания, изначально рассчитанного на читателя-специалиста. ПСС приобретает черты массового издания: материал сокращается за счет упрощения справочного аппарата, объем ограничивается одним томом. Подобный вариант оформления Полного собрания сочинений удобен *экономически*, сокращая затраты издательства на печать тиража, с точки зрения снижения *времени и усилий* на подготовку издания за счет отсутствия усложненного справочного аппарата. Также это является своего рода рекламным ходом, дающим возможность читателю приобрести тексты «оптом» в компактном формате по более низкой цене. Полнота научно-справочного аппарата не является для читателя определяющим критерием для выбора издания, вероятно, из-за осознания того, что необходимые данные научного и справочного характера он может получить при помощи сети Интернет, следовательно, для него снижается необходимость в их притекстовом размещении в печатном издании.

Литература

1. Холиков А.А. Прижизненное полное собрание сочинений Дмитрия Мережковского: Текстология, история литературы, поэтика. — М. ; СПб. : Нестор-История, 2014. — 344 с.
2. Мильчин А.Э. Издательский словарь-справочник. — Изд. 3-е, испр. и доп. — М. : Олма-Пресс, 2003. — С. 347.
3. Кожевников Г.В. Типология литературно-художественной книги : конспект лекции. — М. : Моск. полигр. ин-т, 1985. — 40 с.

«ЭТА КНИГА БУДЕТ ИНТЕРЕСНА ТОМУ ЧИТАТЕЛЮ, КОТОРЫЙ...»: ТИПЫ ЧИТАТЕЛЕЙ В РЕЦЕНЗИЯХ Г.Л. ЮЗЕФОВИЧ

Русскина А.Д.

Tomsk State University, студент

"THIS BOOK WILL BE INTERESTING FOR THE READER WHO...": TYPES OF READERS G.L. YUZEFOVICH'S BOOK REVIEWS

Russkina A.D.

Tomsk State University, student

В статье рассматривается один из ярких коммуникативно-манипулятивных приемов, часто встречающихся в современных книжных рецензиях, который связан с попыткой соотнесения книг с предпочтениями разных групп читателей. Материалом для исследования выступают книжные рецензии Г.Л. Юзефович, публикуемые в сетевом интернет-издании «Meduza». Делается вывод об освоении популярным литературным критиком принципов кастомизации, позволяющих как более эффективно популяризировать книжные новинки, так и способствовать повышению покупательского спроса на них.

Ключевые слова: Г.Л. Юзефович, литературная критика, рецензия на книгу, читатель.

The article deals with one of the bright communicative and manipulative techniques often found in modern book reviews, which is associated with an attempt to correlate books with the preferences of different groups of readers. The material for the study are the book reviews of G. L. Yuzefovich, published in the online publication "Meduza". It is concluded that popular literary critic has mastered of the principles of customization, allowing both more effectively promote book novelties, and contribute to the increase in consumer demand.

Key words: G.L. Yuzefovich, literary criticism, book review, reader.

*Научный руководитель:
Баль Вера Юрьевна, канд.
филол. наук.*

В современной социокультурной ситуации, отмеченной кризисом литературоцентризма, который выражается в падении авторитета книги, исключением чтения художественной литературы из ежедневного досуга, приобретают необычайную популярность способы повышения читательской культуры. Одним из таких инструментов является рецензия на книжные новинки, которая сегодня получила широкое распространение в интернет-изданиях. Но, в то же самое время, современная книжная рецензия как жанр подвергается существенным изменениям в силу ее использования не столько в культурно-навигационных целях, сколько в коммерческих. В современных рыночных условиях существования книжной индустрии рецензии именно заказываются критику, цель которого – создать предпосылки, способствующие продаже книги. В контексте этих предъявляемых требований обнаруживается очевидная читателеориентированная установка рецензий на книжные новинки. В самом текстовом воплощении рецензии активно используются речевые приемы апелляции к читателю, которые усиливают эффект эмоционального воздействия на него.

Одним из приемов рекламной риторики является попытка типологизации читательских вкусов и предпочтений, которую можно обозначить формулой «эта книга будет интересна тому читателю, который...». По своей сути этот подход оказывается близок принципам кастомизации, которые ориентированы на индивидуализацию продукции под заказы конкретных потребителей. Подобная технология является необычайно востребованной в современных экономических условиях в силу своей эффективности. Данная концепция, имеющая также название «сервисная фабрика», связана с выстраиванием такого типа отношений

между производителем и потребителем, при котором у потребителя создается ощущение, что «товар» делается лично для него и удовлетворяет его личные потребности.

Активное привлечение данной рекламной технологии в издательскую индустрию можно наглядно проиллюстрировать на материале книжных рецензий в сетевом издании «Meduza», автором которых является Галина Юзефович. Сетевое издание «Meduza» – это яркий пример популярной площадки, которая выполняет роль навигатора в различных новостных потоках: политических, экономических, социальных и культурных. Галина Юзефович – это постоянный автор сетевого издания. Вполне очевидно, что читатель «Meduz'ы» – это потенциальный читатель книг, рецензии на которые пишет Галина Юзефович. Г.Л. Юзефович нам интересна не только как автор рецензий, но и как литературный критик, у которого есть ряд метакритических статей. В них она озвучивает свою версию о целях и задачах литературной критики в современной ситуации потери символического капитала у литературных критиков в непрофессиональной читательской среде. Стержнем ее концепции является читателецентричность. В этом смысле стоит обратить внимание, что имплицитно присутствующий читатель в книжных рецензиях Юзефович – это не просто *homo legens*, а именно человек, читающий ради получения удовольствия. Но это не значит, что это читатель легкого и низкопробного чтения, а человек, процесс чтения для которого – особое наслаждение. С совершенно особой настойчивостью Юзефович в своих статьях делает упор на этой ценностной составляющей чтения. Удовольствие в логике Галины Юзефович очень тесно связано с категорией «интересного». Категорией, которая необычайно сложна сейчас

для осмысления [1], но, в то же самое время, важна в контексте современных книжных рецензий. Удачным авторским решением Галины Юзефович является рассмотрение феномена интересного в отношении к читательским вкусам и предпочтениям не как чего-то канонического и универсального, а, наоборот, индивидуального.

Наглядную манифестацию эта задача Галины Юзефович как критика получает в попытках выстраивания своеобразной классификации читателей, исходя из их литературных вкусов и предпочтений. Проанализировав рецензии, вышедшие на «Meduz'e» за 2017–2018 гг. и I квартал 2019 г., мы выявили 5 наиболее выделяющихся признаков классификации читателей в рецензиях Юзефович:

Во-первых, достаточно устойчивым является апеллирование к национальной идентичности читателя: «Роман журналистки и редактора телеканала “Дождь” Анны Немзер “Раунд” – как глоток свежего воздуха *для отечественного читателя*, утомленного бесконечным вскапыванием и перекапыванием каменной советской делянки» [2]. Часто эта логика используется при освещении книжных новинок зарубежной литературы, которые неоднократно привлекают внимание Юзефович: «Отдельную проблему “Вот я” представляет *для русского читателя* – сфокусированный на еврейско-американской проблематике, он содержит бездну реалий и смыслов, нам не то чтобы совсем непонятных, но вызывающих примерно такое же чувство, как грядущая бар-мицва у Сэма Блоха» [3]. В этом случае происходит подчеркивание интересности этой книги в том числе и для русского читателя.

Во-вторых, встречается обращение к предшествующему опыту читателя, уже имеющего представление об авторе рецензируемой книги: «Читателю, *знакомому с творчеством* В.Г. Зебальда, многие приемы Токарчук покажутся знакомыми» [4].

В-третьих, делается акцент на различных «не книжных» интересах читателя, которые могут иметь положительное значение для понимания книги: «Однако всерьез увлечься предложенной автором игрой *удастся, пожалуй, только самым заядлым спортсменам или пылким фанатам ребусов и головоломок*» [5]; «*Если же читателю хочется большего академизма и информативности* (а заодно и меньшего перекоса в сторону литературных источников), то на каждой странице имеются пространные, куда более строгие по стилю сноски <...>» [6].

В-четвертых, акцентируется внимание на «анти-предпочтениях» читателя. Рецензент использует метод «от обратного»: «Роман Роберта Джексона Беннета относится к тому сорту фэнтези, который можно *смело рекомендовать даже читателям, фэнтези на дух не выносящим*» [7].

В-пятых, присутствует и обращение к возрастной дифференциации читателей: «Формально книга писателя Александры Литвиной и художника Ани Десницкой *рассчитана на детей и подростков, но на самом деле читать ее можно в любом возрасте*» [8]. «В пересказе “Бабушка велела кланяться” выглядит одной из тех душешипательно-трогательных книг, которые *нравятся наивным читательницам младше 18 и старше 55*, привыкшим измерять силу эмоционального воздействия в исплаканых носовых платочках» [9].

Исходя из анализа примеров из книжных рецен-

зий Галины Юзефович в сетевом издании «Meduza», можно сделать следующие выводы. Критик, выступая в качестве посредника между книгой и читателем, создает «иллюзию» ориентированности книги на определенную категорию читателей. В этом смысле книга из объекта чтения переходит в статус объекта продажи. Тем самым реализуются механизмы кастомизации, создающие ощущение, что книга делается лично для читателя. Именно эта коммуникативная особенность жанра современной книжной рецензии позволяет ее использовать в рекламных целях в издательской индустрии.

Литература

1. Феномен интересного [Электронный ресурс] // Техногуманитарный вестник М. Эпштейна и Алексомы «Вeer будущих». – URL: http://www.topos.ru/veer/15/v15_interesnoe.html (дата обращения: 15.03.2019).
2. Олимпиада, хип-хоп и кочегарка: три России в трех русских романах – Сальникова, Архангельского и Немзер [Электронный ресурс] // Meduza. – URL: <https://meduza.io/feature/2018/05/20/olimpiada-hip-hop-i-kochegarka-tri-rossii-v-treh-russkih-romanah-salnikova-arhangel'skogo-i-nemzer> (дата обращения: 15.03.2019).
3. Главные переводные бестселлеры этой осени: «Девочки», «Дым» (от порочных мыслей) и новый Фоер. Галина Юзефович – о трех романах, на которые стоит обратить внимание [Электронный ресурс] // Meduza. – URL: <https://meduza.io/feature/2017/11/18/glavnyye-perevodnye-bestsellery-etoj-oseni-devochki-dym-ot-porochnyh-mysley-i-novyy-foyer> (дата обращения: 15.03.2019).
4. Три новых переводных романа, где магия смешалась с реальностью – из Индонезии, Польши и Германии. Выбор Галины Юзефович [Электронный ресурс] // Meduza. – URL: <https://meduza.io/feature/2018/12/15/tri-novyh-perevodnyh-romana-gde-magiya-smeshalas-s-realnostyu-iz-indonezii-polshi-i-germanii> (дата обращения: 15.03.2019).
5. 40 лет назад в Японии придумали хонкаку-детективы, где читатель может раскрыть преступление раньше героя. Теперь их можно почитать и на русском [Электронный ресурс] // Meduza. – URL: <https://meduza.io/feature/2019/01/26/40-let-nazad-v-yaponii-privdumali-honkaku-detektivy-gde-chitatel-mozhet-raskryt-prestuplenie-ranshe-geroia-teper-ih-mozhno-pochitat-i-na-russkom> (дата обращения: 15.03.2019).
6. Почему нас пугают насекомые и как полюбить Кубу (спойлер: прочитать всего одну книгу). Галина Юзефович – о новинках нон-фикшн [Электронный ресурс] // Meduza. – URL: <https://meduza.io/feature/2018/12/22/pochemu-nas-pugayut-nasekomye-i-kak-polyubit-kubu-spyler-prochitat-vsego-odnu-knigu> (дата обращения: 15.03.2019).
7. Идеальная проза поэта, новый «Стоунер» и больше, чем фэнтези. Два новых романа и сборник блестящих рассказов, прославивших автора после смерти [Электронный ресурс] // Meduza. – URL: <https://meduza.io/feature/2017/09/16/idealnaya-proza-poeta-novyy-stouner-i-bolshe-chem-fentezi> (дата обращения: 15.03.2019).
8. Пять причин прочитать книгу Леонида Парфенова «Намедни. Наша эра. 1931–1940». Даже если вы не поклонник предыдущих томов этой серии [Электронный ресурс] // Meduza. – URL: <https://meduza.io/feature/2017/09/30/pyat-prichin-prochitat-knigu-leonida-parfenovana-namedni-nasha-era-1931-1940> (дата обращения: 15.03.2019).
9. Пять увлекательных романов на новогодние каникулы. О подростках-волшебниках, филологах-детективах и жизни в захудалом английском городке [Электронный ресурс] // Meduza. – URL: <https://meduza.io/feature/2018/01/02/pyat-uvlekatelnyh-romanov-na-novogodnie-kanikuly> (дата обращения: 15.03.2019).

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВИММЕЛЬБУХА КАК НОВОГО ТИПА РАЗВИВАЮЩЕГО ИЗДАНИЯ

Стаканова Т.К.

Томский государственный университет, студент

THE TYPOLOGICAL FEATURES OF WIMMELBOOK AS A NEW TYPE OF DEVELOPMENTAL EDITION

Stakanova T.K.

Tomsk State University, student

Статья посвящена изучению виммельбуха, который соединил в себе новейшие технологии и старые формы изобразительного искусства. Виммельбух рассматривается как тип развивающего издания. Выявлены типологические особенности издания с учетом психовозрастной специфики целевой аудитории – старших дошкольников и школьников младшего школьного возраста. Охарактеризованы его функции и значения для развития когнитивных способностей ребенка.

Ключевые слова: виммельбух, типологические особенности, развивающее издание для детей, когнитивные способности.

Report is devoted wimmelbook, which combines the latest technologies and an archaic ways of arts. wimmelbook is regarded as a type of developmental editions. We identified typological features of the publication, taking into account the psycho-age specificity of the target audience – older preschoolers and schoolchildren of primary school age. We characterized its functions and values for the development of the cognitive abilities of the child.

Key words: wimmelbook, typological features, developmental edition for children, cognitive abilities.

*Научный руководитель:
Воробьева Татьяна Леонидовна,
канд. филол. наук, доцент.*

Современная социокультурная ситуация обусловлена развивающимися информационными технологиями и визуализацией культуры в целом – это, несомненно, оказывает влияние на формат книги, на поиск новых форм представления информации не только в электронном, но и в книжном формате. Виммельбух соответствует новым течениям, соединяя в себе, с одной стороны, влияние новых технологий, традиции, идущие от фламандской живописи, и традиции коллективного обсуждения.

В последние несколько лет все большую популярность в России набирает виммельбух, пришедший к нам из Германии. Сейчас это слово стало нарицательным для бессловесных книжек [1]. Виммельбух – это книга без слов, состоящая из тематически подобранных сюжетных рисунков и предназначенная для детей. Такая книга предполагает большое количество визуального материала, героев и объектов [2].

Особенности изображения: на панораме изображены элементы как вблизи, так и вдали. С одной стороны, изображение имеет перспективу, с другой стороны, все сцены представляются одинаково важными. То есть изображение не имеет центра и указывает на отсутствие визуальной иерархии, что побуждает читателя решать сложную задачу – выбор начальной точки повествования, переход от одного элемента к другому. Такой обзор дает возможность читателю на всестороннее рассмотрение картины, понимание многообразия элементов, взаимодействующих друг с другом. Картинка в виммельбухе – это многоуровневое изображение, и на первый взгляд создается впечатлительное разрозненности, но на самом деле все развороты объединяет общая локация (место), сезон (время года), персонажи. Также можно выделить еще одну типологическую черту – серийность изданий. Их отличие еще и в том, что картинка находится в динами-

ке, а не в статике, то есть она – как движущаяся череда событий, что очень напоминает кинематографическую ленту.

Для данного исследования представляет особый интерес проблема восприятия детей дошкольного возраста и его особенности, так как это необходимо знать для определения читательского адреса виммельбуха как наглядно-образного развивающего издания.

Наглядно-образный вид мышления развивается у младшего дошкольника, в котором основной составляющей является образ. Ребенок учиться различать предметы по цвету, форме, адекватности предмета. Развивающие издания часто направлены на такой вид мышления, включая в себя книжки-картинки, раскраски, игры, панорамы. На смену ему приходят словесно-логический и абстрактно-логический виды, когда ребенок способен сформировать цель наблюдения, т.е. рассматривание объектов становится целенаправленным. К концу развития этих видов мышления ребенок видит соотношения между объектами, может их сравнивать, увеличивается сосредоточенность внимания. Это играет основную роль в «прочитывании» виммельбуха.

Следующим важным элементом в развитии ребенка является удержание внимания. Исследователи выявили, что у ребенка до 5 лет внимание на одном объекте держится 6–8 секунд, а у ребенка 6–7 лет – 12–20 секунд [3]. Переходя к возрасту 5 лет, ребенок задействует не только впечатления, но и мышление. Рассматривая изображение, «кишащее мелкими деталями», младший дошкольник воспринимает знакомые образы и объекты, описывает их с точки зрения полученного опыта, но возникают трудности с последовательным изложением происходящих событий. Старшие же дошкольники способны логически рассказать то, что видят, удерживать внимание на одном объекте

длительное время.

Следующая особенность дошкольников — развитие речи. Старшие дошкольники используют различные части речи, морфологические и синтаксические конструкции языка. Их словарный запас варьируется, но активно используются 2500–3000 слов.

Виммельбух направлен на читательскую аудиторию с возраста 3 лет, но наиболее эффективно он используется при подготовке к школе, так как он как развивающее издание направлен на развитие когнитивных способностей дошкольника, в частности, на развитие памяти, то есть в процесс работы с книгой можно включать игровой момент, чтобы ребенок постарался запомнить как можно больше персонажей, предметов, действий. Также он способствует развитию речи — пополнению словарного запаса и изучению иностранного языка. Виммельбух влияет на развитие воображения, придумывание рассказа. Кроме того, ребенок называет не только предметы, но и выстраивает связный, целостный рассказ совместно с родителями или другими членами семьи, что объединяет людей в сюжетном пространстве и возрождает архаичное семейное чтение.

Таким образом, рассматривая виммельбух с точки зрения его типологических особенностей, можно констатировать, что сочетание переизбытка визуального материала и отсутствия текста, то есть, по сути, инст-

рукций по «прочтению» виммельбуха, сталкивает юного читателя с непростой ситуацией работы с ним. Во-первых, на начальном этапе требуется помощь взрослого для введения в процесс «прочтения» визуального материала [4]; во-вторых, читатель учится разбирать сложный объект на части, выделяя в каждой маленькой единице свои особенности, обращая внимание на цветовое многообразие, различную деятельность субъектов картинки; и, в-третьих, изучение сюжета требует высокой степени чтения, то есть предельной внимательности, развитого воображения и хорошей памяти. Так, виммельбух — это не просто книжка-картинка, а средство развития когнитивных способностей ребенка, которое работает при соблюдении соответствующей методики его использования.

Литература

1. Щербинина Ю.В. Время библиоскопов: Современность в зеркале книжной культуры. — М. : Форум ; Неолит, 2016. — С. 21.
2. Никкарева Е.В. Виммельбух или книжка-гляделка: жанр издания в зеркале издательской политики // Человек в информационном пространстве. — 2016. — С. 270–275.
3. Ткачева М., Хилько М. Возрастная психология : конспект лекций. — М. : Юрайт, 2014. — С. 67.
4. Багдасарян О.Ю. Вербальный и визуальный компоненты в современных книгах для детей // Филологический класс. — 2017. — Вып. 4(50). — С. 51–52.

ПРОБЛЕМА ПРИМЕНЕНИЯ ГЕЙМИФИКАЦИИ В МЕДИАИЗДАНИЯХ

Стасюлевич В.А.

Томский государственный университет, студент

THE PROBLEM OF GAMIFICATION IN MEDIA PUBLISHING

Stasyulevich V.A.

Tomsk State University, student

В статье вводится понятие геймифицированного издания и перечисляются виды электронных медиа-изданий, в которых встречаются элементы геймификации. Также в статье приводятся факторы, влияющие на «успешность» внедрения геймификации в медиаиздание, и на их основании выводится перечень основных проблем, с которым может столкнуться редактор или менеджер проекта во время редакционно-издательского процесса такого вида изданий.

Ключевые слова: медиаиздание, геймификация, элементы геймификации, проблемы внедрения геймификации, электронное издание, геймифицированное издание.

The article introduces the concept of gamified edition and lists the types of electronic media publications in which there are elements of gamification. The article also contains factors affecting the “success” of introducing gamification into media production and, based on them, lists the main problems that an editor or project manager may encounter during this type of publication.

Key words: media publishing, gamification, gamification elements, problems of gamification introduction, electronic edition, gamified edition.

Научный руководитель:
Макарова Елена Антониновна,
канд. филол. наук, доцент.

В первой редакции нового ГОСТа Р 7.0 (60)-2019 «Издания. Основные виды. Термины и определения» введено переосмысленное специалистами в области издательского дела понятие «электронное издание» [1]. Это выпущенное в электронно-цифровой форме издание, распространяемое на материальном (съёмном) носителе и/или в электронно-цифровой (виртуальной) среде, в том числе в информационно-коммуникационных сетях и ресурсах, зарегистрированных в качестве средств массовой информации [1]. Следовательно, исходя из формулировки определения, в это понятие входят сайты и множество появившихся в последнее время медиаформатов, таких как книги-игры, книги-квесты, визуальные новеллы и геймифицированные медиаиздания.

Геймифицированные медиаиздания – это интерактивное электронное издание, содержащее различные игровые элементы и созданное для решения какой-либо реальной неигровой проблемы или задачи в разных сферах общественной жизни.

Сама по себе геймификация – инструмент не новый и часто используемый маркетологами, разработчиками различного ПО и специалистами в области HR за рубежом, однако только в 2013 г. ею заинтересовались в России. На сегодняшний день геймификацию считают одним из основных «трендов», а ее применение в управлении бизнесом и образовании вызвало всплеск научного интереса к этому процессу. Через некоторое время геймификацию стали применять в различных сферах жизни, в том числе в СМИ, новых медиа и в издательском деле, в таких видах изданий, как:

- деловых изданиях (различная бизнес-литература, селфхелп, книги мотивационного характера);
- учебных изданиях (любые образовательные медиа-платформы, образовательные сайты, электронные учебники);

- в СМИ (новостные сайты, спецпроекты, лонгриды);
- в рекламных медиаизданиях (чаще всего как отдельный проект или дополнение к рекламному материалу на сайте).

Стоит отметить, что геймификация **всегда применяется для решения какой-то конкретной задачи**. Например, в рекламных изданиях элементы геймификации нужны для увеличения продаж какого-либо товара или услуги, а в СМИ они могут служить для привлечения внимания к какой-либо острой проблеме. В различных видах деловой литературы геймификация применяется для изменения поведения сотрудников в компании, создания корпоративной культуры и т.д. Представляет интерес и применение геймификации в образовании, т.к. она способствует эффективности учебного процесса, улучшает вовлеченность, помогает лучше мотивировать обучающегося и, следовательно, повышать его активность на занятиях и общий результат.

Геймификация – это не универсальное решение, а инструмент, и ее наличие в электронном издании может помочь быстро и эффективно решить проблему или задачу, но может и не сработать. На это могут повлиять следующие факторы, которые отражены в представленной таблице.

На основе изучения этих факторов мы выделили следующие основные проблемы использования геймификации, которые чаще всего встречаются в медиаизданиях, и вопросы, помогающие их определить:

1. Проблема необходимости внедрения геймификации. *Стоит ли внедрять геймификацию и для какой конкретной цели? Как это сделать?*
2. Проблема изменения роли читателя-пользователя в изданиях такого рода. *Для кого? Какой их тип? В чем их проблема?*

Таблица. Факторы и возможные причины неэффективности геймификации

Факторы	Возможные причины
Поколенческий	Для одних поколений работает лучше, для других – хуже
Общественный	Стереотипы, типология читателя-пользователя, их коммуникация и т.д.
Игровой	Сложная механика, перегруз элементов, неоригинальность, однотипность
Технический	Разработка, специалисты, дизайн, необходимые компетенции
Финансовый	Стоимость разработки или внедрения, поиск специалистов

3. Проблема адекватного использования элементов геймификации. *Какие игровые механики лучше использовать? Какие элементы лучше применить для решения проблемы? Сколько?*

4. Проблема создания изданий такого рода: *Какие нужны специалисты? В чем роль редактора? Какими новыми компетенциями он должен обладать?*
5. Проблема стереотипов. *Воспринимается ли игра как детское или чисто досуговое времяпрепровождение или стереотипы в ее восприятии и терминологии изменились?*

Все эти проблемы являются барьером для внедрения геймификации в медиаиздание и, следовательно, должны быть устранены на первом, подготовительном, этапе создания продукта, однако некоторые из них могут возникать позднее, во время этапа разработки, тестирования или запуска. Поэтому менеджер продукта и редактор должны выделить основные факторы, благодаря которым геймификация может не сработать, затем выделить основные проблемы и продумать пути их решения заранее.

Литература

1. ГОСТ Р 7.0 (60)-2019 «Издания. Основные виды. Термины и определения» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.bookchamber.ru/n19.html> (дата обращения: 27.02.2019).

СВОЕОБРАЗИЕ РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ПОДГОТОВКИ ИЛЛЮСТРИРОВАННОГО КНИЖНОГО КАТАЛОГА НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОГО ТИПА (НА МАТЕРИАЛЕ БИБЛИОТЕКИ Ф.З. КАНУНОВОЙ)

Суслова Д.Ю.

Томский государственный университет, студент

THE PECULIARITY OF THE EDITORIAL AND PUBLISHING PREPARATION OF THE ILLUSTRATED POPULAR-SCIENCE BOOK CATALOG (ON THE MATERIAL OF THE F.Z. KANUNOVA'S PERSONAL LIBRARY)

Suslova D.Yu.

Tomsk State University, student

В статье рассматривается своеобразие редакционно-издательской подготовки иллюстрированного научно-популярного книжного каталога, целью которого является популяризация личной библиотеки ученого. Для выявления специфики его создания был проведен анализ особенностей различных типов каталогов. На основе собранных данных разработаны рекомендации для подготовки оригинал-макета будущего издания и намечены перспективы создания его электронной версии.

Ключевые слова: редакционно-издательская подготовка, научно-популярное издание, иллюстрированный книжный каталог, личная библиотека ученого.

The article discusses the peculiarity of the editorial and publishing preparation of an illustrated popular-science book catalog, which purpose is to popularize the scientist's personal library. To identify its specifics, we conducted an analysis of the features of various types of catalogs. Based on the collected data, we made recommendations for creating a layout for the future publication, and we outlined prospects for creating its electronic version.

Key words: editorial and publishing preparation, popular-science publication, illustrated book catalog, personal library of the scientist.

Научный руководитель:
Макарова Елена Антониновна,
канд. филол. наук, доцент.

В фондах НБ ТГУ хранится личная библиотека профессора филологического факультета Фаины Зиновьевны Кануновой. В прошлом году нам поступил заказ по описанию данного личного собрания, и на сегодняшний день нами изучено около 440 изданий. В книгах было обнаружено множество автографов, экслибрисов и владельческих помет, что привело к пониманию необходимости популяризации данного книжного собрания в виде иллюстрированного книжного каталога научно-популярного типа, рассчитанного на широкую читательскую аудиторию.

Каталог – это справочное издание, содержащее систематизированный перечень имеющихся в наличии предметов и услуг [1, с. 10]. Книжный каталог, в свою очередь, содержит описания книг с указанием их характеристик, например, имен авторов, жанров, автографов и др. Каталог такого типа можно сопоставить с библиографическим каталогом или пособием.

Создание такого каталога может помочь популяризировать состав личных собраний ученых в фондах научных библиотек для широкого читателя. Это означает изменение его целевого назначения на научно-популярное. Для этого требуется как содержательное, так и техническое обновление издания, т.е. актуализация самого типа каталога.

Таким образом, **проблема** нашего исследования – выявить своеобразие подготовки научно-популярного иллюстрированного просветительского книжного каталога и определить, в чем заключаются его возможности и риски. **Объект исследования** в нашем случае – книжный каталог как вид издания, а **предмет** – своеобразие редакционно-издательской подготовки иллю-

стрированного книжного каталога научно-популярного типа. В итоге, **цель работы** – выработать теоретические рекомендации по созданию такого типа каталога и представить пример оригинал-макета издания.

По ГОСТ 7.60–2003, научно-популярное издание – это «издание, содержащее сведения о теоретических и (или) экспериментальных исследованиях в области науки, культуры и техники, изложенные в форме, доступной читателю-неспециалисту» [1, с. 5]. При определении места нашего будущего издания в имеющихся классификациях мы увидели, что в них отсутствует понятие «научно-популярное библиографическое пособие». Поэтому мы решили рассмотреть наиболее близкие к нашему типу издания определения. Обратимся к методическому изданию «Библиографические пособия: виды и типы пособий, технология создания». Наиболее близки к нашему изданию понятия «научно-вспомогательное библиографическое пособие» (предназначено в помощь научно-исследовательской деятельности) [2] и «популярное библиографическое пособие» (предназначено для удовлетворения познавательных интересов широких кругов читателей) [2].

Научно-популярный каталог, на наш взгляд, включает в себя особенности обоих этих видов. Чтобы подтвердить это, мы рассмотрим примеры типов изданий и определим, в чем заключаются их особенности и как они отразятся на нашем предполагаемом каталоге. Для изучения научно-вспомогательного книжного каталога мы выбрали издание «Славяно-русские рукописи Научной библиотеки Томского государственного уни-

верситета» [3]. Примером условно названного нами научно-популярного каталога может послужить издание «Экслибрисы библиотек и частных коллекций в фонде Тверской ордена «Знак почета» областной универсальной научной библиотеки им. А.М. Горького» [4]. Примером популярного издания послужит иллюстрированный каталог «100 лучших новых книг для детей и подростков – 2018» [5].

Из анализа специфики представленных книжных каталогов можно сделать следующие выводы. Во-первых, оформление и содержание каталога напрямую зависит от его читательского адреса. В издании для специалистов преобладает текстовая информация, иллюстраций же – минимальное количество. В книжном каталоге для массового читателя закономерно, что текста меньше и больше иллюстраций. Научно-популярный же каталог несет в себе специальную информацию, но она представлена в информационно-просветительском ключе. Такой каталог содержит в себе большое количество иллюстраций.

Во-вторых, стоит заметить, что в каталоге очень сложно соединить большое количество текста и иллюстраций. В таких изданиях присутствует сложная верстка, т.к. необходимо расположить на страницах издания большое количество текстовых и иллюстративных данных. Это создает риски, заключающиеся в том, что из-за непродуктивного расположения элементов композиции издания оно будет нефункционально.

На основе проведенного исследования будет создан оригинал-макет научно-популярного иллюстрированного каталога. Он будет нацелен на популяризацию личной библиотеки Ф.З. Кануновой. Издание будет включать библиографические записи книг, описания содержащихся в них автографов и инскриптов, владельческих знаков (экслибрисов), помет, записей и подчеркиваний. Для наглядности и системности в

тексте будут использоваться различные шрифтовые выделения. Все конкретные особенности книг будут сопровождаться иллюстрациями. Это и будет отличать предполагаемый книжный каталог библиотеки от других подобных изданий, нацеленных на узкую аудиторию читателей-специалистов. Выведенная нами формула может быть использована для актуализации любого книжного собрания.

Желаемая форма задумываемого издания, прежде всего, печатная. Однако если учесть, что в печатном издании невозможно разместить много иллюстраций, увеличить и лучше рассмотреть их, создание концепции и формата электронного приложения к печатному каталогу нам видится закономерным продолжением работы. Мы будем использовать достоинства печатной версии каталога и интерактивные и мультимедийные возможности электронной для создания единого гибридного издания.

Литература

1. ГОСТ 7.60-2003. Издания. Основные виды. Термины и определения. – Минск, 2004.
2. Библиографические пособия: виды и типы пособий, технология создания : методическая консультация. – Выкса, 2017. – С. 5.
3. Славяно-русские рукописи Научной библиотеки Томского государственного университета : каталог / сост. В.А. Есипова. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2018. – Вып. 4, ч. 1. XIX в., вторая половина. – 634 с.
4. Экслибрисы библиотек и частных коллекций в фонде Тверской ордена «Знак почета» областной универсальной научной библиотеки им. А.М. Горького : иллюстрированный каталог / сост. Е.И. Архипова ; ред. Т.В. Гребенюк. – Тверь : ТОУНБ, 2010. – Вып. 1. – 72 с.
5. 100 лучших книг для детей и подростков. Альманах-каталог – 2018 / Центральная городская детская библиотека им. А.П. Гайдара г. Москвы ; сост. Т. Калашникова, И. Балахонова. – М. : Межрегиональный библиотечный коллектор, 2018. – 48 с.

ПРАКТИКА ОЦИФРОВКИ ГАЗЕТНОЙ ПЕРИОДИКИ В НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ ТГУ

Тарасова М.В.

Томский государственный университет, студент

THE PRACTICE OF DIGITIZING NEWSPAPER PERIODICALS IN THE RESEARCH LIBRARY

Tarasova M.V.

Tomsk State University, student

Статья посвящена процессу оцифровки как наиболее удобному механизму сохранения и использования информации в современных условиях. Рассмотрены основные моменты процесса сканирования газетного фонда Научной библиотеки ТГУ, включая анализ методов отбора документов для перевода в электронный вид, и форматы хранения электронных документов.

Ключевые слова: оцифровка, газетный фонд, процесс сканирования, электронная библиотека, сибирские газеты.

The article is devoted to the process of digitization, as the most convenient mechanism for the preservation and use of information in modern conditions. The main points of the scanning process of the newspaper collection of the Research Library are considered, including the analysis of document selection methods for conversion into electronic form and the storage formats of electronic documents.

Key words: digitization, newspaper fund, scanning process, e-library, Siberian newspapers.

*Научный руководитель:
Воробьева Татьяна Леонидовна,
канд. филол. наук, доцент.*

Современные цифровые технологии позволяют осуществлять самые глобальные идеи по созданию альтернативного поля хранения — хранения документов в виртуальной плоскости. Оцифровка документов на сегодняшний день является наиболее удобным инструментом для сохранения информации. Она дает возможность для безопасного и более экономичного хранения, удобного поиска и использования информации, а также для оперативного доступа к материалам. Основную нагрузку по оцифровке материалов в нашей стране несут библиотеки. Оцифровка библиотечных ресурсов оказывает большое влияние на библиотечное дело как на профессию. Это стало частью работы библиотечных работников. Именно библиотеки обладают наибольшим количеством исторических артефактов, документов и исследовательских проектов.

С 2000 г. Научная библиотека ТГУ начала вести работу по переводу библиотечных документов в цифровую форму, это были, прежде всего, книги, авторефераты, учебные издания, а с появлением первого широкоформатного сканера уже в 2007 г. специалистами отдела «Электронная библиотека» стали оцифровываться и газеты. Оцифровка газет занимает особое место в этой деятельности. Это объясняется многими причинами. В газетах собрана не просто информация, а новости, исторические события времени их издания. Кроме того, срок жизни газетной бумаги велик и ограничен примерно пятьюдесятью годами.

Параметры исполнения проектов по оцифровке газет выбираются такие, чтобы получался законченный продукт, удобный для автономного использования с платформы «Электронная библиотека» ТГУ, в том числе — удаленными пользователями. В первую очередь, необходим анализ фонда газетной периодики для того, чтобы определить, какие газеты необходимо оцифровать в первую очередь. На процесс отбора влияют несколько факторов:

1. Физическое состояние газеты. Собрания периодической печати активно используются в научных исследованиях. При неоднократном использовании часть документов разрушается. Помимо этого, сказывается естественное старение бумаги. Таким образом, существует реальная угроза потери части коллекции.
2. Сохранение печатного издания как исторического источника, как части культурного достояния. Политика первоочередности оцифровки определяется принадлежностью печатного издания к прессе сибирского региона.
3. Интенсивность пользования (частота использования того или иного издания пользователями библиотеки). Учет «популярности» (статистику «спрашиваемости») газет у пользователей ведут сотрудники основного фонда.

Полное копирование комплекта газеты любым известным способом неизбежно приводит к ухудшению его состояния, поэтому важным является принцип однократного копирования оригинала с исключением или ограничением доступа к нему в дальнейшем.

Сканирование — самый удобный метод электронного копирования документа. Прежде чем приступить к процессу сканирования, каждая газета проходит стадию обеспыливания и реставрации, если это необходимо, в основном это «мелкий ремонт», проводимый сотрудниками основного фонда или специалистами отдела реставрации документов, если требуется более квалифицированное восстановление документа. Все подготовленные комплекты расширяются для обеспечения более качественной копии. Выявленные лакуны восполняются при наличии дублетных экземпляров в фонде Научной библиотеки ТГУ. Сканирование проводится постранично (одна страница — один

файл), кроме случаев размещения иллюстраций или непрерывного текста на газетном развороте. Для этого используются широко распространенный формат графических файлов jpeg, стандартное разрешение сканирования 300 dpi. Затем газеты проходят необходимую «постцифровую» обработку в программах Adobe Fine Reader и Adobe Photoshop: каждая отдельная страница обрезается, затем все они «сшиваются» в единый PDF файл.

Важным и обязательным моментом при обработке оцифрованных газет является «внесение метаданных» [1] и проставление водяного знака на цифровые копии. При обработке цифровых копий газет в НБ используются описательные метаданные (название, место публикации, год издания, ключевые слова и др.), которые вносятся в свойства электронного документа. С их помощью осуществляется навигация в информационном пространстве электронной библиотеки ТГУ и происходит наиболее точный отклик на поисковый запрос.

«Цифровой водяной знак – это специальная метка, встраиваемая в цифровой контент с целью защиты авторских прав и подтверждения целостности самого документа» [2]. В нашем случае водяной знак

проставляется с целью указания, что данные цифровые копии сделаны в Научной библиотеке ТГУ на собственном сканирующем оборудовании и принадлежат Электронной библиотеке ТГУ.

К настоящему времени полностью оцифровано 772 названия газет, которые размещены в свободном доступе на сайте Научной библиотеки ТГУ в разделе «Электронная библиотека», в коллекции «Сибирь. Томск». За 2018 г. к коллекции сибирских газет обращались более 31483 раз, а за 1 квартал 2019 г. – 13600. Свободный доступ позволяет исследователям сэкономить массу времени, которое раньше уходило на поиск оригинала издания.

Литература

1. Старых М.Д., Шибяева Е.А., Баранчук Ю.Н. Сохраняя традиции – в глобальное информационное пространство: итоги заседания редакционного совета журнала «Библиотекосведение» // Библиотекосведение. – 2017. – Т. 66, № 2. – С. 235.
2. Демидова М.И. Цифровые водяные знаки, как способ защиты произведений мультимедиа [Электронный ресурс] // Вестник ВУиТ. – 2009. – № 70. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-vodyanye-znaki-kak-sposob-zaschity-proizvedeniy-multimedia> (дата обращения: 06.04.2019).

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА: ПРОБЛЕМА ТИПОЛОГИИ

Терпигорьева Е.С.

Томский государственный университет, студент

PROFESSIONAL LITERATURE: THE PROBLEM OF TYPOLOGY

Terpigoreva E.S.

Tomsk State University, student

В статье предпринимается попытка определить место специализированной литературы среди других типов изданий. На основе отличительных признаков формулируется термин «профессиональная литература».

Ключевые слова: профессиональная литература, типы изданий, книгоиздание.

The article attempts to determine the place of specialized literature among other types of publications. The term "professional literature" is formulated on the basis of distinctive features.

Key words: professional literature, types of publications, book publishing industry.

Научный руководитель:
Гнюсова Ирина Федоровна,
канд. филол. наук.

Когда мы слышим словосочетание «профессиональная литература», интуитивно понимаем, что речь идет об изданиях, назначение которых – помощь специалистам в их рабочей деятельности. Но если попытаться разобраться в сути этого вопроса, окажется, что он очень сложен: термин не закреплен стандартом, неясно, какую именно книгу можно считать профессиональной, какими признаками она обладает и где граница между изданием профессиональным, учебным, научным и другими типами.

Изучение таких изданий осложняется тем, что до сих пор исследователями не было выведено четкого определения термина «профессиональная литература». Попробуем исправить эту ситуацию.

ГОСТ 7.60-2003 «Издания. Основные виды. Термины и определения» в большинстве случаев строит определение по нескольким основаниям: характеру информации, читательскому адресу и функциональному назначению.

Определим основные особенности специализированного издания по данным критериям:

- 1) характер информации: сведения в какой-либо одной отрасли;
- 2) читательский адрес: узкий круг читателей;
- 3) функциональное назначение: овладение теоретическими знаниями и практическими навыками.

Кроме того, профессиональная литература имеет специфические черты:

1. Систематизация знаний в какой-либо отрасли.
2. Направленность на практическое применение: цель авторов – так передать свой опыт читателю, чтобы он смог применить полученные знания в своей профессиональной деятельности.
3. Объяснение материала на конкретных примерах. Именно они вносят в профессиональное издание наибольшую пользу: как указывает Л. Сарычева, «примеры – это самое ценное, самое важное и самое сложное в книге» [1].
4. Смешение стилей изложения (обычно – научного и эмоционально окрашенного разгово-

ворного), а также использование специальных терминов и профессионализмов. Элементы разговорной лексики не являются приемлемыми для этого типа издания, а, наоборот, оживляют текст, делают его более понятным и даже привлекательным для читателя-специалиста.

5. Относительная подготовленность читателя в той или иной области знания – в этом кроется отличие профессионального издания от учебного. Например, чтобы понять суть изданий А.Э. Мильчина, читатель должен иметь хотя бы базовые знания о редактировании. Отметим, что в отраслевой литературе могут встречаться издания разного уровня сложности.

В связи с найденными признаками можно вывести определение профессиональной литературы: профессиональное издание – это издание, содержащее сведения, направленные на овладение практически навыками в какой-либо одной отрасли, предназначенное для специалистов различной квалификации.

Перейдем к вопросу о типологии профессиональной литературы. Н.Ф. Измайлова, ведущий редактор издательства «Олимп-Бизнес», отмечает, что определение вида выпускаемой книги сегодня достаточно условно. Порой в выходных сведениях специалисты указывают тот или иной тип издания, не задумываясь, насколько обоснованным является их решение. В Советском Союзе, даже в авторитетных издательствах, это тоже не было делом первостепенной важности.

Тем не менее, с помощью метода кругов Эйлера попробуем разобраться, какие типы изданий можно отнести к профессиональной литературе и имеет ли отраслевое пособие принципиальные отличия от других видов (см. рис. 1).

С главным кругом «профессиональное издание» соприкасается круг «учебное издание». Эти типы имеют общие признаки, но у них есть и различия: учебное пособие всегда ограничено рамками учебной программы, оно часто направлено конкретно на студентов, то есть малоподготовленных читателей, которым требуется особая подача и систематизация материа-

Рис. 1. Схема «Профессиональная литература: типология»

ла. Читателю-специалисту, напротив, необходимы не базовые знания, а новая, еще не известная ему информация, имеющая практическое значение. В качестве примера одновременно и учебной, и профессиональной книги можно назвать пособие С.И. Стефанова «Полиграфия и технологии печати» (М. : Ленанд, 2017).

Справочный тип издания тоже пересекается с профессиональным. Главная отличительная черта справочной книги заключается в организации материала: это всегда краткие статьи, расположенные в таком порядке, при котором читатель сможет максимально удобно и быстро найти необходимые сведения. Отраслевые издания редко строятся по такой схеме — чаще в профессиональном пособии материал организован от низкого уровня сложности к более высокому либо расположен в зависимости от тематических разделов. Однако распространены и справочные профессиональные издания. Например, «Справочник издателя и автора» А.Э. Мильчина и Л.К. Чельцовой (М. : Издательство Студии Артемия Лебедева, 2017).

Научный тип, казалось бы, не может соприкасаться с профессиональной литературой на том основании, что научное издание содержит преимущественно теоретические знания. Но существуют исследования, по результатам которых специалисты внедряют новые технологии, методы, изобретения в свою профессиональную практику. Например, в монографии «Разработка критериев редакторской оценки произведений отраслевой литературы» (М. : МГУП, 2001) И.С. Соколова предлагает использование метода

фреймов в практике редактирования текстов сложной тематики.

Следующий тип издания — производственно-практический. Цель практического пособия — разъяснение сущности производственных процессов, описание принципов обслуживания и ремонта оборудования и т.д. С кругом «профессиональная литература» этот тип издания тоже лишь пересекается: в производственном пособии нет места субъективности, в то время как существенная часть отраслевой литературы (в особенности — литературы о бизнесе) строится именно на этом. Примером профессиональной производственно-практической книги можно считать «Современные технологии издательско-полиграфической отрасли» Фрэнка Романо (М. : Принт-медиа бизнес, 2006).

Присоединим к производственно-практическим изданиям и группу нормативно-производственных изданий. К ним относятся стандарты, инструкции, прейскуранты. Так как все это является лишь так называемым «инструментом» профессиональной деятельности, в них нет места рассуждениям, объяснениям авторской позиции и формированию профессионального мировоззрения читателя, мы не можем полностью отнести нормативно-производственные издания к профессиональной литературе.

При этом существуют издания, которые невозможно отнести к какому-либо другому типу, кроме профессионального. Например, книга М. Ильяхова и Л. Сарычевой «Пиши, сокращай» (М. : Альпина Паблишер, 2019) не имеет ничего общего с учебным изданием — в ней содержится достаточно сложная для неподготовленного читателя информация. Она не подходит и под определение производственно-практического пособия. Материал книги структурирован от простого к сложному — это отличает ее от справочного типа. И, разумеется, ее невозможно отнести к научному изданию — об этом говорит само содержание, подача материала и множество других факторов.

Таким образом, пока профессиональное издание не считается отдельным видом, но в связи с тем, что оно имеет специфические признаки и полностью не входит ни в один из регламентированных типов изданий, внесение термина в стандарт необходимо.

Литература

1. Сарычева Л. Зачем мы пишем книгу в Индизайне [Электронный ресурс] // Главред. — 2016. — URL: <https://book.glvrd.ru/indesign> (дата обращения: 22.11.2018).
2. Из личной беседы с Н.Ф. Измайловой, ведущим редактором издательства «Олимп-Бизнес».
3. Мильчин А.Э. Человек книги: Записки главного редактора. — М. : Новое литературное обозрение, 2016. — 752 с.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КРИТЕРИЕВ ОЦЕНКИ ИННОВАЦИЙ В СОВРЕМЕННОМ ИЗДАТЕЛЬСКОМ ДЕЛЕ

Щербинина А.А.

Томский государственный университет, студент

DEFINITION OF CRITERIA FOR EVALUATING INNOVATIONS IN PUBLISHING

Shcherbinina A.A.

Tomsk State University, student

Рассмотрены существующие подходы к анализу инновационной деятельности, выделены и подробно рассмотрены основные группы критериев ее оценки, позволяющие комплексно оценить инновационную деятельность современных российских издательств.

Ключевые слова: издательское дело, инновации, критерии оценки инноваций.

In this article existing approaches to the analysis of innovative activity are considered, the main groups of criteria of its assessment are allocated. The analysis of the considered criteria allows to estimate innovative activity of modern Russian publishing houses.

Key words: publishing, innovation, innovation evaluation criteria.

Научный руководитель:
Айзикова Ирина Александровна,
докт. филол. наук, профессор.

В настоящее время не существует универсальных методик оценки инновационной деятельности. Большая часть ученых разрабатывают частные методики, исходя из теории экономической эффективности или существующей методики оценки инвестиционного проекта. Это объясняется тем, что инновационная деятельность в разных отраслях экономики имеет свою специфику. Поэтому одним из важных этапов разработки методики оценки инновационной деятельности является определение критериев оценки, отвечающих специфике отрасли предприятия, в данном случае – издательской.

В нашем исследовании критерии оценки инновационности были выделены на основе анализа определения термина «инновации», принятого в экономической теории: «Инновация (инновационный продукт) – новый или значительно усовершенствованный продукт (услуга, технология, управленческое, организационное, маркетинговое или иное решение), созданный на основе результатов НИОКР, внедренный или потенциально пригодный для практического внедрения, способный при достаточно масштабной реализации обеспечить положительный коммерческий, социально-экономический, научно-технический эффект» [1].

Характеристика «новый или усовершенствованный продукт» выводит к критерию новизны инновационности, «уровень качественного изменения» – ее глубины, «получение определенного эффекта» – эффективности.

Фундаментальным признаком инновации является новизна, т.к. инновационная деятельность всегда связана с прогрессом. Новизна инновации, в свою очередь, определяется через такие понятия, как новшество, нововведение.

В.И. Аверченков предлагает следующие определения новшества: «Новшество – это оформленный результат фундаментальных прикладных исследований, разработок и экспериментальных работ в какой-либо сфере деятельности по повышению ее эффективнос-

ти» [2]. Нововведением называется внедрение новшества в процесс производства. Соответственно, инновацией является внедренное новшество или результат нововведения. Итак, новизна в инновационной деятельности обязательна, однако ответить на вопрос, что именно следует называть новизной, трудно, т.к. общепринятой терминологии в области инновационной деятельности не существует.

Экономист Ф. Валента, развивая понятие новизны инновационности, дополнил его разделением инноваций по глубине вносимых изменений. Такой подход позволяет проследить эволюцию процесса внедрения инноваций более детально. С упомянутым подходом пересекается и позиция С.Д. Ильенковой. Она выделяет следующие виды инноваций в зависимости от глубины внесенных изменений: радикальные (базовые), улучшающие, модификационные (частные) [3].

Радикальными, или базовыми, инновациями называется «такое нововведение, которое базируется на научном открытии или крупном изобретении и направлено на освоение принципиально новых продуктов и услуг, технологий новых поколений» [4]. Улучшающие (или приростные) инновации – это нововведение, направленное на улучшение параметров производимых продуктов и используемых технологий, совершенствование продукции и технологических процессов. При внедрении такого вида инноваций уделяется значительное внимание анализу рисков, т.к. поведение инноваций на рынке непредсказуемо. Под модификационными понимаются новшества, направленные на частичное улучшение устаревших поколений техники и технологий без заметного влияния на параметры, свойства, стоимость изделия и способы его производства. К этим инновациям относят расширение производства продукции или распространение технологии на ранее не задействованные рынки.

Эффективность инноваций – самая исследуемая область в теории инновационности, т.к. она напрямую связана с экономическим состоянием предприятия.

На практике при анализе и оценке инновационных проектов часто объединяют понятия инвестиционных и инновационных проектов. У инноваций и инвестиций много общего по сущности и структуре, поскольку в обоих случаях речь идет о проектной деятельности. И инновационный проект, и инвестиционный — оба направлены на повышение эффективности предприятия, получение прибыли и дохода, снижение издержек или получение любого другого полезного для предприятия эффекта посредством финансовых вложений.

Все же, несмотря на сходство, при оценке инновационных проектов (и инновационной деятельности) стоит учитывать и разницу между ними.

Р.Г. Абакумов выделяет несколько значимых факторов отличия инновационных проектов [5]. Во-первых, доходность многих инноваций имеет отсроченный стратегический характер. В издательской сфере это легко можно наблюдать на примере управленческих инноваций. Изменение организационной структуры компании, внедрение новых методов управления персоналом, переход на новые системы управления качеством дают результат с временным разрывом от периода вложения в них средств. Во-вторых, инновационная деятельность осуществляется в условиях неопределенности и повышенного риска, т.к. процесс разработки и реализации проекта является достаточно длительным, а внешняя среда меняется очень быстро.

Следовательно, определение степени эффективно-

сти инноваций требует комплексного подхода, т.к. нужно учитывать не только эффективность конечного результата, но и эффективность внедрений инновации на всех этапах процесса деятельности.

Таким образом, анализ и оценка инновационности продукта (услуги, технологии и т.д.) необходимы, поскольку инновационная деятельность должна приносить практическую пользу предприятию. Детальный анализ, по крайней мере, выделенных здесь критериев (новизны, глубины и эффективности) позволит дать оценку разнообразным видам инноваций в издательской отрасли.

Литература

1. Гашко Д.В. Понятие инноваций в современной экономической теории [Электронный ресурс] // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. — 2011. — № 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-innovatsiy-v-sovremennoy-ekonomicheskoy-teorii>.
2. Аверченков В.И. Инновационный менеджмент : учеб. пособие. — М. : Флинта ; МПСИ, 2008. — С. 14.
3. Инновационный менеджмент : учеб. для вузов / С.Д. Ильенкова, Л.М. Гохберг, С.Ю. Ягудин и др. ; под ред. проф. С.Д. Ильенковой. — 2-е изд. — М. : Юнити-Дана, 2007. — С. 19.
4. Инновационный менеджмент : учеб. для вузов / под ред. О.П. Молчановой. — М. : Вита-Пресс, 2001. — С. 20.
5. Абакумов Р.Г. Методы оценки эффективности инновационных проектов [Электронный ресурс] // Инновационная наука. — 2016. — № 1-1(13). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metody-otsenki-effektivnosti-innovatsionnyh-proektov-1>.

АВТОРСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абудуваили М.	278	Кузнецова П.Е.	297
Авраменко О.В.	14	Кун Линжу	210
Александрова Е.В.	190	Куркан Н.В.	48
Алиев Т.В.	124	Куркюдюк А.А.	348
Андрушкевич А.Г.	248	Кхемка Ананд Кумар	51
Афанасьева К.О.	280	Лам Нгок Шон	113
Бай Чуанцзюнь	148	Ле Ван Хоа	158
Бакайтис И.И.	126	Лелоюр А.И.	350
Баракина Е.А.	268	Леушкина А.А.	160
Барсукова В.О.	192	Ли Юе	162
Бауэр Е.С.	282	Лю Си	164
Беккерман А.И.	284	Лю Цзинцзин	166
Белоусова А.А.	150	Мадей Е.Д.	168
Березовская А.А.	334	Макаров К.В.	353
Бойцова А.В.	250	Малькова А.В.	258
Буглова А.В.	104	Маматов Г.М.	238
Бурцев Г.В.	286	Мао Ю., Рокита М.	171
Бут Д.А.	336	Масяйкина Е.В.	299
Бутусова Ю.А.	289	Медведев И.А.	272
Буханова Е.Д.	270	Мельник Д.С.	302
Былина А.С.	17, 94	Могилатова М.В.	355
Ван Хуа	106	Мордвинова П.А.	53
Ван Цзяян	152	Морозова И.В.	304
Васильева А.В.	80	Му Юйси	173
Вировец С.В.	194	Назаренко И.И.	240
Владимирова С.Б.	44	Наземцева М.А.	24
Волков И.О.	197	Нгуен Бик Нгок	139
Вострова Ю.А.	19	Новосёлова Е.А.	261
Галасюк М.А.	109	Ощепкова Л.А.	55
Галкина Н.Е.	46	Павленко А.Н.	87
Гендрин П.А.	252	Павлова Д.А.	212
Генералова Е.П.	291	Паньшева Д.А.	141
Гнетов Д.К.	83, 85	Пашина Л.Д.	58
Голикова К.С.	129	Пашенко М.М.	215
Гордиенко И.А.	154	Печенегова А.Л.	60
Гребенкина О.А.	338	Печкова М.М.	242
Гутова К.А.	254	Писарева Н.В.	357
Дай Цзинхао	156	Погодаева Е.Н.	98
Данилов И.А.	111	Подгорный И.А.	306
Довиденко Н.С.	340	Подлевская С.А.	359
Дулеба М.	293	Пожидаева В.В.	361
Дурицкая К.Н.	131	Полещук М.С.	363
Жилякова Э.М.	197	Пушкарева Ю.Е.	217
Завертяева М.О.	230	Радионова А.В.	365
Здоровец А.И.	96	Разина А.С.	115
Зырянов М.С.	133	Ромазанова У.В.	27
Зюзькова Н.А.	77	Рудикова Ю.Ю.	309
Калашникова Т.Г.	200	Рускина А.Д.	367
Киреева К.Г.	202	Рыжова О.В.	90
Кожевникова А.Г.	204	Рысалиева Б.А.	175
Козлова Т.Н.	342	Рябова Т.С.	29
Козлова Я.О.	207	Рябцева В.С.	274
Колмакова О.А.	232	Сафтенко Е.К.	220
Колосовская Л.В.	234	Сердюк А.М.	311
Корнеев А.В.	236	Серягина Ю.С.	313
Короткина Е.С.	22	Сизёмова М.А.	62
Костышина А.Е.	344	Синицина М.С.	316
Косырькова А.В.	295	Стаканова Т.К.	369
Кравченко Е.А.	346	Станиславчик А.О.	318
Краевская И.О.	136	Стародубцева А.В.	64
Красноухова Ю.С.	256	Стасенко О.П.	222

Стасюлевич В.А.	371	Хуай Нань	181
Сулова Д.Ю.	373	Цуканова Е.В.	34
Тарасова М.В.	375	Цянь Ту	145
Терентьева В.Е.	143	Черныш О.А.	70
Терпигорьева Е.С.	377	Черткова В.В.	326
Туманова Д.А.	177	Чжао Цзиньхун	183
Тюркина А.А.	32	Чжу Чжисюе	37
Уонг Минь Туан	118	Шевчук А.А.	100
Урядова М.П.	321	Шемякина М.	265
Фадеева Н.В.	66	Шервуд Е.Е.	40
Фан Д.Х.	179	Шестакова И.И.	73
Фараджаева Р.	68	Шербинина А.А.	379
Филиппова Д.К.	224	Эфендиева Н.Р.	329
Филиппова Е.А.	263	Юй Цинхэ	185
Филипчук С.В.	244	Юсупова Л.И.	226
Хило Е.С.	323	Яковлева Д.Д.	75
		Ялова К.	120

SUMMARY

The book of proceedings presents the results of research work performed by postgraduate students, young scientists and teachers. The reports reflect the variety of advanced problems in linguistics, literary criticism, translation theory, and publishing.

The book is of interest for university teachers, teachers of Russian language and literature, and students that specialized in different humanitarian issues.

Издательство “STT” является лидером научного книгоиздания в Сибирском регионе, консультирует по вопросам защиты авторских прав, организации выпуска научной периодики и распространению научных книг и журналов в России и за рубежом. С 2014 года является официальным представителем британского издательства *The Red Square Scientific*, специально ориентированного на российских авторов и российское научное содержание. Это облегчает российским ученым публикации за рубежом и делает их работы широко доступными для мирового научного сообщества.

Лучшие книги, выпущенные Издательством “STT”, находятся в крупнейших библиотеках мира – National Library of Medicine (USA), The British Library (UK), Library of Congress (USA) и в The US Patent Bureau (USA), что обеспечивает их размещение в мировых базах данных.

Россия, 634028, г. Томск, проспект Ленина, 15^Б-1
Тел.: (3822) 421-455
E-mail: stt@sttonline.com

МИР ЖДЕТ ВАШИ КНИГИ!

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ
И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ**

Сборник материалов VI (XX) Международной
конференции молодых ученых
(г. Томск, 18–19 апреля 2019 г.)

Выпуск 20

Под редакцией Е.О. Третьякова

Дизайн – В.А. Сергеев
Верстка, корректура – Ю.А. Алексеева

Издательство «STT»
(Scientific & Technical Translations)
634028, Россия, г. Томск, проспект Ленина, 15^Б-1
Тел.: (3822) 421-455
E-mail: stt@sttonline.com

Scientific & Technical Translations

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Формат 60x90/8. Усл. п.л. 49,6. Уч.-изд. л. 23,9.
Гарнитура Newton7C.
Заказ № 642.

Подписано в печать 17 января 2020 г.